

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

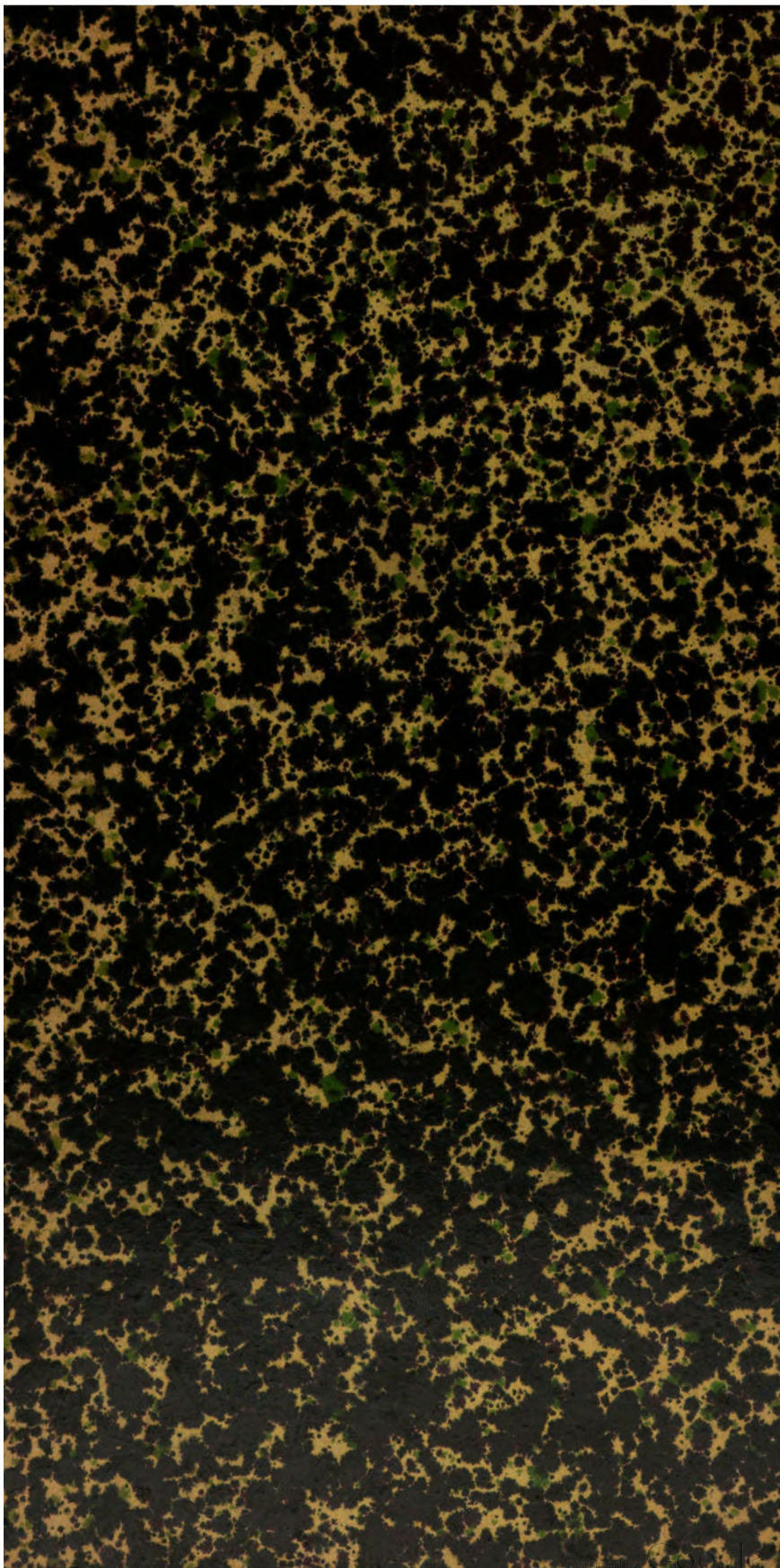
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 236.4 ($\frac{1869}{10}$)

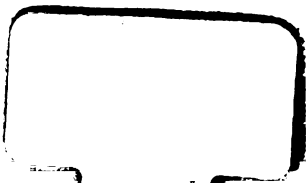
NOV 10
1940 r.

SEP 15
1935 r.

1947

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

ОКТАБРЬ.

3
1869
10

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.
(Статья вторая) С. С. ШАШКОВА.
- II. ИРЛАНДІЯ. (Стихотвореніе. Изъ Фрейлиг-
рата) А. МИХАЙЛОВА.
- III. О ДАРВИНИЗМѢ И НАУЧНЫХЪ МНѢНІЯХЪ,
НАХОДЯЩИХСЯ СЪ НИМЪ ВЪ СВЯЗИ.
(По Шлейдену. Окончаніе).
- IV. ВЪ РАЗВРОДѢ. Романъ въ двухъ частяхъ.
(Конецъ первой части) А. МИХАЙЛОВА.
- V. ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ (Очеркъ) А. И. ЛЕВИТОВА.
- VI. * (Стихотвореніе). Д. Д. МИНАЕВА.
- VII. ПЪШИЙ КОННОМУ—НЕ ТОВАРИЩЪ. Романъ
въ пяти частяхъ. (Час. пер. и вг. Гл. I—IV) Герм. ШМИДТА.
- VIII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СОСЛАВНАГО. (Кайе-
на) Н.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XI. ЛЮДИ Сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

(По поводу романа г. Инсезкаго, «Люди сороковыхъ годовъ». За-
ря» 1869 г.). Н. Ш.

X. НОВЫЯ КНИГИ.

«Дѣтское чтеніе». Журналъ для дѣтей, издаваемый подъ редакціей
А. Острогорскаго. 1869 г. Н. В. ШЕЛГУНОВА.

Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Спб. 1869 г.—
Сочиненія Людвигъ Берне, въ переводѣ Петра Вейнберга. Въ 2 то-
махъ. Со статью о жизни и литературной дѣятельности автора и его
портретомъ. Спб. 1869 года. Изд. Н. П. Полякова.—А. Михайловъ.
Пролетаріатъ во Франціи 1789—1852. (Историческіе очерки). Спб.
1869 г.

IX. ЖУРНАЛИСТИКА 1869 ГОДА ОК—РЦА.

(Статья вторая. Наши искорники-беллетристы).

XII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. ЖАКА ДЕФРЕНЯ.

Необычныя перемѣны, совершившіяся во Франціи.—Упадокъ второй
имперіи.—Свобода сама собой водворяется во Франціи.—Новыя партіи
и отношеніе ихъ къ старымъ.—Разложеніе парижскаго общества.—
Республиканская партія отрицаетъ необходимость возстанія 26 (14)
октября.—Романическіе планы возстанія.—Бездѣйствіе правительст-
ва.—Слухи о новомъ государственномъ переворотѣ.—Всеобщее раздра-
женіе.—Возмутительное убійство.—Свиданіе Прима съ Наполеономъ
III и что за снмъ воспослѣдовало.—Гражданская война въ Испаніи.—
Возстаніе на Кубѣ продолжается.—Свиданіе наслѣднаго принца прус-
скаго съ австрійскимъ императоромъ.—Жертва полицейской глупости.

XIII. АНГЛІЙСКІЕ РАДИКАЛЫ П. В.

XIV. ПРАКТИКА НАШЕЙ ЖИЗНИ Н. А.

(Путевыя замѣтки по Владимірской губ.)

Безпредѣльность провинціальныхъ благъ.—Первобытное состояніе пу-
тей сообщенія въ судогодскомъ уѣздѣ и сильныя надежды судогод-
скаго земства на Бога.—Многочисленныя борубки дѣса въ судогод-
скомъ уѣздѣ и его положительное отсутствіе около Коврова.—Важ-
ная вещь экономизмъ.—Невѣжественная обработка извести подъ Ко-
вровымъ.—«Частные случаи» того, какъ въ волостныхъ правленіяхъ
сѣкутъ крестьянъ.—Тантвенное число лозоновъ.—Какое могутъ
оказывать вліяніе мировые судьи въ пащихъ захолустьяхъ?—Недо-
статокъ земли у тамошнихъ крестьянъ.—Изъ какого источникъ кресть-
яне могутъ съ меньшею обременительностію для себя уплачивать по-
дати?—Великая важность сельско-хозяйственныхъ ассоціаций.—Миро-
вой судья въ Ковровѣ, его помѣщеніе и хроническое заболѣваніе су-
дей.—Ковровъ—городъ безъ печалей и вздыханій.—О томъ, какъ
во Владимірѣ считаютъ чтеніе книгъ и свѣтское письмо дѣломъ нечи-
статаго наводженія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О”

въ 1870 году.

Издание журнала «ДЪЛО» будетъ продолжаться въ 1870 году на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургѣ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р. 50 к.
съ пересылкой иногородн. . . . 8 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургѣ . . 8 р. 25 к.

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“—(адресъ ея извѣстенъ Почтамту). Въ книжный магазинъ М. О. Вольфа (въ Гостиномъ Дворѣ № 18, 19 и 20). Въ Москвѣ: въ книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева) и М. М. Черенина (на Рождественкѣ въ д. Торлецкаго.)

Примѣчаніе. По новому десяти-процентному почтовому тарифу, объявленному на 1870 годъ для ежемѣсячныхъ журналовъ, Редакція уплачиваетъ Почтамту за пересылку «Дѣла» 1 р. 40 к., а 10 коп. при подпискѣ на годъ и 25 к. на полгода считаетъ на расходы по упаковкѣ и доставкѣ книгъ въ Газетную Экспедицію.

Отъ главной конторы журнала

„ДЪЛО“.

(По Трошскому переулку, д. Гассе, № 13.)

СПИСОКЪ ЖАЛОБЪ НА НЕПОЛУЧЕНІЕ КНИЖЕКЪ „ДѢЛА“, за 1869 годъ:

1. Б-ка С.-Петербургскаго Гренадер. полка, изъ Варшавы, не получила 6 кн. «ДѢла». Выслана *вторично*.
2. Одесское Окружн. Интендант. Управление не получило 2 кн. «ДѢла».
3. Г. Дьячковъ, изъ Павлограда, не получилъ 7 кн. «ДѢла».
4. Б-ка 14 резервн. батал., изъ Ново-Екатеринославля, не получила 7 кн. «ДѢла».
5. Г. Ординъ, изъ Кромъ Орлов. губ., не получилъ 8 кн. «ДѢла».
6. Б-ка Ахтырскаго гусар. полка, изъ Умани, не получила 4 кн. «ДѢла».
7. Г. Полубояриновъ, изъ Ниж. Ломова, Пензен. губ., не получилъ 4 кн. «ДѢла». Выслана *вторично*.
8. Г. Петровъ, изъ Моршанска (въ с. Спасскомъ), не получилъ 6 кн. «ДѢла». Выслана *вторично*.
9. Г. Ризѣнко, изъ Томска, съ Сухунскаго завода, не получилъ 5 кн. «ДѢла». Выслана *вторично*.
10. Г. Заблоцкій, изъ Стрѣтенска, не получилъ кн. 1 и 2 «ДѢла», хотя они и были высланы редакціею *вторично*.
11. Г. Павлуцкій, со ст. Кувыркучи-Газимурской Забайкал. Обл. не получилъ 4 кн. «ДѢла», которая выслана ему *вторично*.
12. Г-жа Колобова, со ст. Любашевки, не получила 3, 4, 5, 6, 8 и 9 кн. «ДѢла».

Всѣ эти жалобы сообщены Газетной Экспедиціи и потребованы отъ нея объясненія, такъ какъ книжки, на неполученіе которыхъ здѣсь выписаны жалобы, были редакціею своевременно сданы на почту.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 10.

ИМБ.
№ 24444

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРЯГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЯ.

Δ
P. 236.4 ($\frac{1869}{10}$)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 октября 1869 года.

6342

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.

(Посвящается А. А. Антоновой.)

III.

Въ первобытной жизни семья служитъ единственною формою общественнаго союза. Она совершенно необходима человѣку не только для брачныхъ и семейныхъ радостей, но также для защиты отъ враговъ; для хозяйства, для экономической самостоятельности. Поэтому въ первичную эпоху неженатые люди чрезвычайно рѣдки и бракъ считается настоятельною необходимостью не только для земной жизни, но и для загробной, въ которой холостяки принуждены вести все такое же безпомощное, жалкое и безпріютное существованіе, какъ и на землѣ. На этомъ основаніи у дикихъ и патриархальныхъ народовъ возникаетъ бракъ живыхъ съ мертвыми: холостяка-покойника вѣнчаютъ съ живой женщиной, которая съ этого времени считается его вдовой, а послѣ своей смерти соединится съ своимъ мужемъ «въ мѣстѣ злачнѣ». Точно также съ умершей дѣвушкой вѣнчаютъ мужчину. Этотъ обычай былъ, напр., у древнихъ персовъ. Арабскій писатель Массуди говоритъ, что если у славянъ мужчина умиралъ холостымъ, то его женили послѣ смерти, и женщины охотно обрекали себя на сожженіе, чтобы войти въ рай съ душою мужчины. Малороссы до сихъ поръ вѣрятъ, что умирающимъ холостыми нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ, и поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи похороны паробковъ и особенно дѣвущекъ напоминаютъ свадьбу. По смерти дѣвушки, для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, который провожаетъ покойницу до могилы и считается затѣмъ въ ея семействѣ. Въ послѣднее время первобытный бракъ живыхъ съ покойниками былъ

возстановленъ мормонами, этими эклектиками нелѣпыхъ суетвѣрій всѣхъ странъ и народовъ.

Приобрѣтеніе жены первичный человѣкъ считаетъ первостепенною необходимостью, потому, во-первыхъ, что безъ нея онъ вовсе не можетъ вести своего хозяйства и достаточно удовлетворять самымъ обыкновеннымъ житейскимъ потребностямъ. Жена прежде всего работница и слуга своего мужа; на ея долю выпадаютъ самыя тяжелыя и въ тоже время самыя полезныя для развитія культуры занятія. Поэтому, при выборѣ невѣсты главнѣйшее вниманіе обращается на ея силу и способность къ работѣ. Бечуаны, желая узнать терпѣлива ли невѣста и годится ли для тяжелой работы, кладутъ ей въ руку до-бѣла раскаленное желѣзо и приказываютъ держать его до тѣхъ поръ, пока не разрѣшатъ отъ него освободиться. Если дѣвица выдержала эту пытку, то ее признаютъ годною для супружества. Индѣецъ воюетъ и охотится, а жена его обрабатываетъ поле, приготовляетъ пищу, носитъ дрова и убитую мужемъ дичь, строитъ лѣтнія и зимнія хижины, дублитъ кожи, дѣлаетъ изъ нихъ платье и обувь для всего семейства и т. д. У народовъ пастушескихъ на женщинъ падаетъ множество трудовъ по скотоводству, — пастба стадъ, доеніе и приготовленіе разныхъ видовъ молочной пищи, уходъ за новорожденными животными, стрижка овецъ и т. д. И чѣмъ сложнѣе промышленность народа, тѣмъ хуже положеніе женщины. Особенно тяжело отзывается на ней развитіе земледѣлія и тѣсно соединенной съ нимъ осѣдлой жизни. Земледѣліе считается долго занятіемъ недостойнымъ мужчины и поэтому взваливается исключительно на женщинъ, вмѣстѣ съ постройкой осѣдлыхъ жилищъ, приготовленіемъ посуды и другими хозяйственными работами. Такъ ведутся дѣла у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, напимѣръ, въ Африкѣ, и Америкѣ. Мужья охотятся, занимаются какою нибудь легкою дѣлою или просто только жрутъ да лежатъ, а женщины изнываютъ подъ тяжестью трудовъ земледѣлія, скотоводства и домашняго хозяйства. Иногда переходъ отъ кочевой и охотничьей жизни къ осѣдлой и земледѣльческой бываетъ для женщинъ столь убійственнымъ, что черезъ нихъ онъ губительно дѣйствуетъ и на жизнь всего народа. Д-ръ Тирселенъ говоритъ, что всѣ народы Полинезіи носятъ въ себѣ зародышъ будущаго разрушенія, которое зависить отъ жалкаго положенія у нихъ женщины. Когда мужчина былъ постоянно вооруженъ, постоянно готовъ къ нападенію или къ защитѣ, женщина должна была ухаживать за дѣтьми и приготовлять пищу, которую она отыскивала въ водѣ

или въ лѣсу. Теперь мужчины не воюють, а женщины трудятся болѣе, чѣмъ когда нибудь. Прежде онѣ собирали напоротникъ, теперь же таскають картофель, но сперва должны посадить его, обкопать и выполоть, потомъ выкопать и убрать въ амбары; каждый день носятъ онѣ его въ хижину и угощаютъ своихъ могущественныхъ господъ, которые ничего не дѣлають, кромѣ присмотра за скотомъ, да иногда ловли угрей и маленькихъ китовъ, попадающихъ въ заливъ.

Другая практическая цѣль брака есть дѣторожденіе; женщина берется въ семейство не только какъ рабочее животное, но и для приплода, для рожденія другихъ рабочихъ животныхъ. И женщина въ патриархальной жизни цѣнится главнымъ образомъ за свою физическую силу и за способность размноженія. Степень первой узнать легко, степень второй узнается посредствомъ пробныхъ и временныхъ браковъ или просто внѣбрачной связи, устроенной въ видѣ опыта. Если дѣвушка забеременѣетъ, то мужчина оставляетъ ее своею женою, если же она оказывается бесплодною или неподходящею къ его вкусу, то онъ расходится съ нею. Такія пробныя связи были, напримѣръ, у нѣкоторыхъ племенъ, входившихъ въ составъ древней Мексики, а въ настоящее время онѣ въ ходу у негровъ и многихъ другихъ народовъ. Случается даже нерѣдко, что мужчина тѣмъ болѣе цѣнитъ дѣвушку, чѣмъ больше у нея любовниковъ и чѣмъ чаще она родитъ дѣтей отъ нихъ. Бездѣтная женщина принуждена терпѣть горькую участь, мужъ прогоняетъ ее на всѣ четыре стороны, презираетъ ее, никто никогда не захочетъ взять ее замужъ и она принуждена бываетъ или умереть съ голоду или идти къ кому нибудь въ рабскую работу. Для дикаго охотника, для патриархальнаго скотовода или земледѣльца, для цивилизованнаго оріентала—для всѣхъ ихъ чадородіе служитъ знакомъ небеснаго благоволенія, а безплодіе—проклятіемъ. Кто будетъ работать на семейство, кто будетъ кормить и защищать родителей во время ихъ старости, кто будетъ приносить за нихъ искупительныя жертвы послѣ ихъ смерти, если у нихъ не будетъ дѣтей? Желаніе имѣть дѣтей, доходющее у этихъ народовъ до маниі, нельзя объяснять одною только потребностью въ потомствѣ, и одну изъ непоследнихъ причинъ его нужно искать въ слабой способности первобытной женщины къ дѣторожденію, вслѣдствіе изнуренности ея работами, дурной обстановки и т. д. У индѣйцевъ сѣверной Америки въ 1842 г. каждая женщина имѣла среднимъ числомъ одного ребенка. Въ Бразиліи индіанка рѣдко ро-

дѣть больше 4 ребятъ, а вообще въ южной Америкѣ, нелишенная способности чадородія женщина имѣетъ только 2 или 3 дѣтей. У лапландцевъ, тунгусовъ, арабовъ—трое, четверо, пятеро дѣтей считаются уже весьма многочисленнымъ потомствомъ. У многихъ африканскихъ племенъ— тоже самое. Правда, что и въ дикой жизни можно встрѣчать примѣры замѣчательнаго чадородія, но это исключеніе. Одно рожденіе ребенка еще не обезпечиваетъ семейства, — оно каждую минуту можетъ лишиться его. Дѣти во множествѣ погибаютъ отъ болѣзней, дикихъ звѣрей, воруется непріятелями, тонутъ, убиваются матерями и т. д. Однимъ изъ главныхъ средствъ для избѣжанія несчастія бездѣтности служитъ левиратный бракъ, о которомъ мы уже говорили, объясняя связь его съ полиандріей, и который существуетъ или существовалъ въ Индустанѣ, Палестинѣ, Египтѣ, у арабовъ, калмыковъ, негровъ, индѣйцевъ, амурскихъ и уссурійскихъ гольдовъ и т. д. На этомъ же основаніи возникаютъ и другія формы усыновленія чужихъ дѣтей.

Итакъ, въ патріархальной жизни, женщина цѣнится только какъ работница и чадородная самка; бракъ, поэтому, является не результатомъ любви, а дѣломъ простого хозяйственнаго разсчета. О любви, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Многіе изъ дикихъ народовъ отличаются слабостью половой страсти, какъ напримѣръ, старинные германцы. Холодность современныхъ дикарей въ дѣлахъ любви свидѣтельствуется многими путешественниками; Брюсъ былъ пораженъ ею у шангаласовъ, Левальенъ у готгентотовъ. Ирокезы говорятъ, что сношенія съ женщинами ослабляютъ ихъ силы и храбрость, а потому они должны пользоваться ими умѣренно. Но не это сознаніе въ сущности удерживаетъ дикаря отъ половыхъ излишествъ, а слабость возбужденія, происходящая отъ дѣятельной его жизни и отъ незначительности половыхъ различій. Другіе дикари, подъ вліяніемъ международныхъ сношеній и развратныхъ иностранцевъ, развращены до крайней степени, у нихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу развратные танцы и самый неудержимый цинизмъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, мужчина ничего не чувствуетъ къ женщинѣ, кромѣ физическаго вождельнія, неосложняемаго ничѣмъ въ родѣ увлеченій нѣжностью сердца, музыкой рѣчей, даже красотой лица. Подобныхъ увлеченій въ первобытной жизни нѣтъ и быть не можетъ, потому что, вслѣдствіе одинаковой жизненной обстановки, женщина мало чѣмъ отличается тогда отъ мужчины. Половые отличія развиваются только съ цивилизаціей, а въ первичныя эпохи народной жизни мужчины

и женщины не только занимаются однѣми и тѣми же работами, не только носятъ платье, почти одинаковое для обонхъ половъ, но и весьма мало отличаются другъ отъ друга своими тѣлесными и психическими свойствами. У дикарей, даже у простонародья цивилизованныхъ странъ, голова мужчины и женщины имѣетъ почти одну и ту же фizioномію; рѣзкихъ различій въ объемахъ и ростѣ тѣла, въ физической силѣ и смѣлости, въ тонѣ голоса, въ манерахъ и житейскихъ привычкахъ, также вовсе нѣтъ. Непривычный наблюдатель сразу ни за что не отличить какую нибудь самоѣдку или патагонку отъ самоѣда или патагонца; конечно, глазъ, привышій къ такимъ фizioноміямъ и формамъ тѣла, уловляетъ въ нихъ начатки половыхъ отличій, но послѣднія замѣтны только у людей нестарыхъ, старики же и старухи походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Женщина у совершенно дикихъ народовъ даже безобразнѣе мужчины, такъ какъ ея организмъ подвергается и разрушительному вліянію самыхъ тяжелыхъ работъ и болѣзней, которыя выпали на долю одному только женскому полу, и наконецъ варварскому обхожденію со стороны мужа. Романтической любви, которая, какъ увидимъ ниже, возникаетъ только съ полнымъ развитіемъ половыхъ противоположностей,—романтической любви при такихъ условіяхъ быть не можетъ и нѣтъ ея. Оба пола довольствуются удовлетвореніемъ одного только грубаго животнаго инстинкта и любовь ограничивается чувственнымъ опьяненіемъ. Но и это чувственное опьяненіе возникаетъ только на извѣстной степени развитія народа, чистый же дикарь цѣнить въ женщинѣ только силу, усердіе къ работѣ, плодовитость и приданое, не обращая никакого вниманія на ея красоту и нравственныя достоинства. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, мужчина или вовсе не ревнуетъ ее, а если и ревнуетъ, то меньше и иначе, чѣмъ это бываетъ въ цивилизованной жизни. Полиандрическая слабость ревности долго еще остается замѣтною и послѣ паденія полиандрій. Женщины вѣдь не убудетъ, если она въ связи съ чужимъ мужчиною; такая связь, напротивъ, можетъ принести пользу ея мужу или въ видѣ ребятъ, рожденныхъ его женою отъ любовника, или въ видѣ какихъ нибудь цѣнностей, полученныхъ ею отъ послѣдняго. И мужа сплошь и рядомъ не только сквозь пальцы смотрятъ на любовныя шашни своихъ супружницъ, но даже сами поощряютъ ихъ къ тому; у многихъ дикарей домашняя проституція развита очень сильно. И не мало есть племенъ, у которыхъ ни мужчины, ни женщины почти не ревнуютъ другъ

друга. Ревность возможна только тамъ, гдѣ мужчина имѣетъ законное чувство собственности относительно своей жены. Но въ началѣ патріархальнаго періода женщина еще не побѣждена окончательно, еще не снизошла на степень законной принадлежности мужчины. Она пользуется здѣсь значительною свободой и можетъ отстаивать ее посредствомъ силы, которой она еще не липилась вслѣдствіе изнѣженности, и посредствомъ оружія, которымъ она владѣетъ наравнѣ съ мужчиной. Мы уже указывали выше на воинственные образы Брунегильды, амазонокъ, нашихъ былинныхъ паленицъ; и исторія доказываетъ, что такая воинственность, сила и отвага принадлежала вѣкогда всѣмъ дикимъ женщинамъ. Религія германцевъ была религіей войны, богъ и изобрѣтатель которой, Вуотанъ, окруженъ дѣвами смерти, валькиріями, любящими запахъ труповъ и стоны раненныхъ; наканунѣ большихъ битвъ онѣ, съ воинственными пѣснями, дѣлаютъ тканъ изъ человѣческихъ кишечекъ, вмѣсто челнока имъ служатъ стрѣлы и кровь ручьями льется на ихъ станокъ. День битвы—праздникъ для нихъ; онѣ выбираютъ себѣ жертвы между воинами и переносятъ ихъ въ чертоги Вуотана. Когда послѣ разбитія тевтоновъ при Э., римляне проникли въ ихъ лагерь, то на встрѣчу имъ вышли тевтонскія женщины съ мечами и сѣкирами и при бѣшеныхъ крикахъ погнали назадъ бѣгущихъ тевтоновъ вмѣстѣ съ ихъ преслѣдователями, первыхъ, какъ пзмѣнниковъ, вторыхъ, какъ враговъ; нападая на римлянъ, онѣ вырывали ихъ щиты, хватались за острія мечей и дрались до тѣхъ поръ, пока не падали тяжело ранеными и изрубленными въ куски. Въ лагерьѣ кимбровъ были сѣдовласыя, одѣтыя въ бѣлое предсказательницы, которыя, подходя съ мечомъ въ рукѣ къ плѣнникамъ, вѣнчали ихъ и вели къ большому желѣзному котлу, перерѣзывали имъ горло и по крови, текшей въ котель, предсказывали будущее. Когда при Верцелле кимбры были на голову разбиты римлянами, то ихъ женщины предавали смерти своихъ бѣжавшихъ съ поля сраженія отцовъ, мужей, братьевъ и сыновей, а малютокъ онѣ давили, бросали подъ колеса телѣгъ или подъ копыта быковъ и лошадей. Наконецъ, не желая отдаваться живыми непріятелю, онѣ налагали руки на самихъ себя; одна изъ нихъ удавилась на дышлѣ фуры, повѣсивъ тутъ же и дѣтей своихъ. Въ войну римлянъ съ херусками, свевами и сигамбрами, женщины этихъ племенъ дрались до послѣдней возможности, и за неимѣніемъ оружія разбивали о-земь головы своихъ дѣтей, а трупами ихъ бросали въ лицо непріятелю. О воинственности жем-

щинъ другихъ народовъ древности говорить намъ и мифологія, и саги объ амазонкахъ, основанныя, какъ мы уже говорили выше, на исторической достовѣрности. Хотя амазонство относится преимущественно къ періоду полиандріи и гинейкратіи, но воинственность сохраняется женщиной еще долго послѣ паденія ея преобладанія надъ мужчиной, въ чемъ насъ убѣждаютъ и исторія и этнографическія извѣстія о современныхъ дикаряхъ. Во времена Геродота, напр., женщины савроматовъ ѣздили верхомъ, какъ мужчины, участвовали вмѣстѣ съ послѣдними въ охотахъ и выходили замужъ не прежде, какъ убивъ одного врага. Въ настоящее время подобныхъ женщинъ можно видѣть подъ всѣми широтами земного шара. Въ Дагомеѣ, гдѣ мужчины храбры въ высшей степени, отъ нихъ не отстаютъ въ этомъ отношеніи и женщины, изъ которыхъ состоитъ вся королевская гвардія, числомъ въ 5,000 человекъ. У курдовъ женщины храбры не менѣе мужчинъ, а воспитаніе въ сыновьяхъ воинственного духа и предприимчивости зависитъ главнымъ образомъ отъ матерей. Даже въ сонливомъ Китаѣ, при покореніи его манджурами, женщины не только участвовали съ такою же ревностью, какъ и мужчины, въ работахъ по сооруженію оборонительныхъ средствъ страны, но и оказывали примѣры замѣчательной храбрости. А у китайскихъ горцевъ мяотзе женщины ходятъ такъ же вооруженными, какъ и мужчины. Одна изъ нихъ съ отчаянною храбростью защищала крѣпость противъ китайскихъ войскъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ перебитъ почти весь гарнизонъ. Женщины этого племени пользуются большою свободой и полнымъ уваженіемъ мужчинъ. Не менѣе смѣлы и храбры женщины воинственныхъ племенъ Индіи, Аравіи и многихъ африканскихъ и американскихъ племенъ. У неразвитыхъ народовъ сила доставляетъ уваженіе, на силѣ основывается всякое право, и поэтому гдѣ женщина воинственна, тамъ она и болѣе уважается и имѣетъ болѣе правъ и свободы. Оружіе служило женщинамъ не только къ освобожденію отъ мужчинъ, но и къ покоренію ихъ. И въ патріархальной жизни мужчина тогда только успѣваетъ окончателно поработить женщину, когда или лишить ее возможности быть воинственной и владѣть оружіемъ, или же когда весь народъ, а съ нимъ и женщины, бросивъ войну, обратится къ болѣе мирнымъ занятіямъ. До тѣхъ же поръ, благодаря своему оружію, храбрости и силѣ мускуловъ, женщина умѣетъ поддерживать свою независимость отъ супруга. И не имѣемъ ли мы права предположить, что эта борьба

была упорна и повсемѣстна въ тѣ сѣдма времена, о которыхъ вовсе нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ, въ тѣ времена, когда только что начиналось порабощеніе женщинъ мужчинами? Въ періоды, доступные историческому наблюденію, сохраняются еще слѣды этой борьбы и первобытной женской свободы, даже преобладанія женщинъ надъ мужчинами, о чемъ мы привели уже много фактовъ какъ изъ древней, такъ и изъ современной жизни. Мы видѣли выше, что женщины, уже обращенныя въ рабство, пользовались обстоятельствами и силою свергала иго своихъ работорговцевъ, но, даже оставаясь покоренными, онѣ постоянно прибѣгали къ той же силѣ для ослабленія упомянутого ига. Еще Аристотель съ обычною своею проникательностью замѣтилъ, что у воинственныхъ народовъ женщины пользуются не только свободой, но и преобладаніемъ надъ мужчинами. Это зависитъ, какъ уже сказано, и отъ воинственности самихъ женщинъ и еще отъ того обстоятельства, что при частыхъ отлучкахъ въ походы и набѣги мужчинъ, всѣ заботы о хозяйствѣ и даже общественныхъ дѣлахъ племени остаются главнымъ образомъ на женщинахъ, развивая въ нихъ и чувство самостоятельности и содѣйствуя ихъ экономической независимости. Экономическая самостоятельность и нравственное преобладаніе женщины, знаменующія собою эпоху гинейкократіи, не только долго сохраняются въ патриархальной жизни, но, вмѣстѣ съ воинственностью женщины и уцѣлѣвшими отъ отцовскаго погрома остатками материнскаго права, долго еще поддерживаютъ важное значеніе женщины въ разныхъ сферахъ общественной жизни. Приведенные нами въ первой главѣ факты изъ жизни древнихъ и современныхъ дикарей и патриархаловъ вполне подтверждаютъ это. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщина у очень многихъ народовъ пользуется значительной половой свободой, какъ въ дѣвичествовѣ, такъ и въ замужествѣ, какъ въ выборѣ себѣ мужа, такъ и въ разводѣ съ нимъ. О гаремномъ заточеніи женщинъ, объ обращеніи ихъ въ монопольное владѣніе мужей здѣсь нѣтъ и рѣчи. Оба пола нерѣдко сходятся другъ съ другомъ на общественныхъ собраніяхъ и ихъ взаимное обращеніе по своей вольности не только не уступаетъ, но даже превосходитъ поведеніе европейцевъ на шпницбалахъ и въ непотребныхъ домахъ; танцы многихъ дикарей до крайности сладострастны и циничны. Брачныя обязанности женщины, вслѣдствіе слабаго развитія ревности и непрочности семейной власти, рѣдко охраняются ею во всей ихъ строгости. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у мальгашей, островитянъ Южнаго океана, индѣйцевъ Америки, женщины свободно

предаются своей половой страсти, мужа не ревнуютъ ихъ и смотрятъ на это сквозь пальцы. У другихъ народовъ легкое поведение жены заставляетъ мужа вооружаться противъ него не менѣе легкимъ образомъ. У виннебагцевъ въ Африкѣ мужъ беретъ только денежный штрафъ съ соблазнителя своей жены и отдаетъ ему послѣднюю въ супружество. Въ Гроссъ-Валамѣ невѣрный мужъ платитъ своей женѣ въ видѣ пени извѣстное количество золотого песку. Въ Мингрелии соблазнитель женщины платитъ ей мужу только двухъ свиней, которыхъ они тотчасъ же съѣдаютъ или пропиваютъ въ пріятельской пирушкѣ вдвоемъ. Узъ брака у многихъ дикихъ народовъ еще чрезвычайно слабы, а разводъ чрезвычайно легокъ, и это обстоятельство значительно поддерживаетъ свободу женщины. На Золотомъ Берегу, напр., если мужъ пренебрегаетъ женою или грубо обходится съ нею, то послѣдняя имѣетъ полное право оставить его навсегда; она можетъ бросить его даже и безъ этихъ побудительныхъ причинъ, но въ такомъ случаѣ обязана возвратить полученные ею отъ него подарки. Въ Сулманѣ жена всегда можетъ расторгнуть бракъ, уплативши мужу сумму даннаго имъ ея родителямъ калыма. У каффровъ и въ земляхъ конго она можетъ бросить мужа, если онъ плохо кормитъ и одѣваетъ или же бьетъ ее. У американскихъ индѣйцевъ супруги могутъ всегда развестись, если того желаетъ одинъ изъ нихъ и если нѣтъ дѣтей. У бедуиновъ жена можетъ убѣжать къ своимъ родителямъ и если она, несмотря ни на какія убѣжденія своего супруга, не хочетъ вернуться къ нему, то онъ обязанъ дать ей разводное письмо. У европейскихъ варваровъ расторженіе брака было также нетрудно. Понятно, что такая легкая расторгжимость брака много облегчаетъ положеніе женщины и въ большинствѣ случаевъ желательна для нея, какъ средство избавиться отъ противнаго или жестокаго мужа и перейти въ другую, болѣе хорошую обстановку. Но сколько, съ одной стороны, женщина выигрываетъ отъ легкой расторгжимости брака, столько же, съ другой, она и проигрываетъ. Если жена всегда имѣетъ возможность бросить мужа, то мужъ тѣмъ болѣе вправѣ вытолкать жену вонъ, когда ему вздумается. Такое изгнаніе женъ по самымъ незначительнымъ къ тому поводамъ совершается у дикарей сплошь и рядомъ, не сопровождаясь у однихъ никакими формальностями, у другихъ, имѣя опредѣленную форму, показывающую, что это самовластіе начинаетъ превращаться въ право. Друзы, напр., выгоняютъ своихъ женъ по самымъ незначительнымъ предлогамъ. Если жена проситъ у мужа

поволенія сходить куда нибудь и онъ отвѣчаетъ ей: «иди», не прибавляя: «но возвращайся назадъ», то она разведена. У гренландцевъ этотъ произволъ мужа оформенъ болѣе деликатнымъ образомъ; недовольный своею женою супругъ, не вступая съ ней ни въ какія объясненія, бросаетъ свой шалашъ и не возвращается въ него до тѣхъ поръ, пока его не оставитъ жена. Въ совершенно дикой жизни положеніе прогнанной такимъ образомъ женщины ужасно; ей предстоитъ или умереть съ голода или погибнуть отъ холода и дикихъ звѣрей, и она счастлива, если какая нибудь кочующая семья возьметъ ее въ рабство. Даже въ родовомъ бытѣ, когда люди начинаютъ уже жить не одиночными семействами, а болѣе или менѣе многочисленными родами, и когда прогнанной мужемъ женѣ не грозитъ гибель въ безлюдной пустынѣ, ея участь бываетъ часто не менѣе плачевною, чѣмъ и въ первомъ случаѣ. Даромъ кормить ее никто не будетъ и ей все-таки придется идти въ рабство; на второе замужество ей разсчитывать трудно, если въ странѣ много женщинъ, потому что она считается товаромъ забранованнымъ и женихи естественно смотрятъ на нее подозрительно; къ тому же, она не дѣвушка. Правда, что во многихъ полудикихъ странахъ, особенно въ странахъ, ведущихъ дѣятельныя сношенія съ другими землями, такія женщины вмѣстѣ со вдовами и сиротами находятъ себѣ занятіе,—дѣлаются торговками, проститутками, поступаютъ въ услуженіе къ путешественникамъ, уѣзжаютъ съ ними и т. д. Но въ большинствѣ случаевъ прогнанная мужемъ жена идетъ къ своимъ родителямъ, которые всегда будутъ тяготиться ея прокормленіемъ, если только не видятъ возможности выгодно продать ее въ бракъ во второй разъ. Родителямъ не пріятенъ разводъ ихъ дочери и естественно, что они болѣе всего претендуютъ на мужа ея, который мало того, что повергаетъ ихъ такимъ образомъ въ экономическое затрудненіе, но еще и оскорбляетъ ихъ чувство семейной чести. Поэтому изгнаніе жены мужемъ всегда ведетъ къ ссорамъ и нерѣдко къ войнамъ между родомъ прогнанной жены и родомъ ея мужа. Борьба эта въ результатѣ приводитъ къ тому, что власть мужа изгонять жену ограничивается извѣстными условіями и употребляется только въ случаѣ непокорности, невѣрности, бесплодія жены и т. д., хотя отсутствіе государственныхъ порядковъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ, даетъ возможность часто нарушать упомянутыя ограниченія, выработавшіяся въ борьбѣ мужскихъ и женскихъ интересовъ. Вмѣстѣ съ усиліями родителей желъ сдѣлать брачныя узы болѣе проч-

ними, тому же содѣйствуютъ и усплія мужей, желающихъ водвориться единодержавцами въ своихъ жилищахъ и привести въ безусловную покорность всѣхъ своихъ домочадцевъ. Утвержденіе мужа единовластія и признаніе его авторитета является только результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы между нимъ и женою. Женщина борется съ мужчиной за свободу своей личности, и эта борьба сопровождается ссорами, драками, рѣзней, убійствами, — казусами, которые въ дикой жизни случаются гораздо чаще, чѣмъ въ цивилизованной, гдѣ семейство пріобрѣтаетъ уже характеръ священной институціи и въ немъ съ покорностью ступиваются личности его членовъ. У нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, напр., у крусовъ и конго, супруги ведутъ такую враждебную жизнь между собой, что смерть одного изъ нихъ непременно заставляетъ оставшагося живымъ оправдываться и очищаться посредствомъ божьяго суда отъ подозрѣній въ умерщвленіи! Изъ 60 женъ одного умершаго королевича, 31 умерла отъ яда, выпитаго при такой очистительной присягѣ на ордаліи. Объ австраліянкахъ путешественники рассказываютъ, что онѣ сопротивляются произволу и распоряженіямъ своихъ мужей съ большимъ упорствомъ и дѣлаютъ имъ сцены болѣе шумныя и злостныя, чѣмъ женщины культурныхъ странъ. У бедуиновъ часто случается, что въ ссорѣ родителей принимаютъ участіе и дѣти, при чемъ сыновья въ большинствѣ случаевъ стоятъ на сторонѣ матери и нерѣдко вытуриваютъ своего батюшку изъ шатра. Эти раздоры бывають такъ часты, что входятъ въ какую-то странную привычку у дикарей. «Представьте себѣ кружокъ пьяныхъ остяковъ» — говоритъ очевидецъ — «сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стона и только по временамъ вскрикиваетъ: *«болжно, болжно!»* Уставъ, остякъ снова садится къ котлу; жена поднимается и садится тутъ же. Немного погодя вскакиваетъ жена и начинаетъ ту же операцію надъ мужемъ!» Но борьба, на которую указываетъ множество подобныхъ фактовъ, сообщаемыхъ наблюдателями дикарской жизни, все болѣе и болѣе склоняется въ пользу мужа, по мѣрѣ того, какъ развивается общество. Въ изолированной семьѣ женщина можетъ найти помощь въ своихъ дѣтяхъ, и ея противникъ нерѣдко бываетъ принужденъ въ такомъ случаѣ покориться превосходной силѣ. Но когда семьи соединяются въ роды, когда появляется общественная власть, то мужъ или отецъ

можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе, потому что онъ имѣетъ помощниковъ не только въ родоначальникахъ, но и во всѣхъ соединенныхъ въ одно съ нимъ общество мужьяхъ и отцахъ. Они заставляютъ его взять власть надъ женою, еслибы онъ даже и не хотѣлъ того; по мѣстамъ эти патріархи даже наказываютъ мужей за слабое управленіе ихъ супружницами. Здѣсь является на сцену такая же общность интересовъ, какую видимъ, напр., въ обществѣ рабовладѣльцевъ, которые враждебно относятся къ каждому своему собрату, челоѣколюбиво управляющему рабочими, позволяющему имъ своевольничать и подающему этимъ дурной примѣръ всѣмъ другимъ невольникамъ, на безусловной покорности и эксплуатаціи которыхъ основано все плантаторское общество. У древнихъ норманновъ мужчина, подчинившійся своей женѣ, подвергался общественному осмѣянію; у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ крестьянъ до XVI в. сохранялся слѣдующій древній обычай: если жена прибила своего мужа, то всѣ мужчины деревни приходили къ дому мужа, сбивали конекъ съ его кровли, а жену садили на осла и возили по улицамъ, «дабы мужья, помнили, что они, по заповѣди Господа Бога, должны быть владыками и господами. «У нѣкоторыхъ племенъ негровъ въ каждомъ мѣстечкѣ существуетъ особая полиція, которая тайно слѣдитъ за поведеніемъ женщинъ и наказываетъ ихъ за непокорность мужу, за невѣрность ему и т. п. проступки; эта полиція носятъ инквизиціонный характеръ, пуская въ ходъ противъ женщинъ и шпионовъ и пытки и ордалии и ужасныя наказанія. Подобно тому, какъ для обузданія дѣтей не только въ дикой, но даже въ цивилизованной жизни, взрослые пугаютъ ихъ чертами и другими чудищами, негры-мужчины образуютъ тайныя общества съ цѣлью держать женщинъ въ покорности не только страхомъ наказаній, но и суевѣрнымъ страхомъ правосудно-карающаго преступницъ бога, Мумбо-Юмбо, которымъ обыкновенно наряжается одинъ изъ мужчинъ! Мистеріи въ честь этого божества совершаются обыкновенно ночью; за нѣсколько дней до его появленія, въ сосѣднихъ лѣсахъ слышится сильный шумъ, признакъ что богъ шествуетъ въ селеніе. Всѣ мужчины идутъ ему на встрѣчу. Одѣтый въ фантастическое платье изъ древесной коры, сопровождаемый музыкантами, при звукахъ пѣсенъ входятъ онъ въ деревню и поетъ гимнъ, особо предназначенный для такихъ случаевъ. Здѣсь со страхомъ ждутъ его женщины, составляющія кружокъ. На нѣсколько времени воцаряется глубокая тишина; Мумбо-Юмбо указываетъ на тѣхъ женщинъ, которыя втеченіе года чѣмъ нибудь провинились противъ своихъ мужей;

ихъ немедленно схватываютъ и богъ собственноручно наказываетъ ихъ съ большею или меньшею жестокостью, смотря по степени ихъ виновности. Подобными-то общими усиліями мужчинъ и вводятся въ жизнь тѣ обычаи, которые лишаютъ женщину всѣхъ ея прежнихъ вольностей. У нея отнимается право имѣть оружіе, и это дѣлается не вслѣдствіе только перехода ея въ исключительно мирнымъ хозяйственнымъ занятіямъ, но и для безопасности мужчинъ. А такъ какъ въ первобытной жизни жена сплошь и рядомъ убѣгаетъ отъ своего мужа, то и противъ этого принимаются предупредительныя, ограничительныя мѣры. У нѣкоторыхъ индѣйцевъ, напр., жена не имѣетъ права не только ѣздить верхомъ на лошади, но даже надѣвать на нее узду,—ясно, что этотъ обычай ввелся въ видахъ предупрежденія женскихъ побѣговъ, равно какъ и обычай калмыковъ, въ сплу котораго жена въ первые два года послѣ замужества не имѣетъ права посѣщать своихъ родителей. Такимъ образомъ, съ постепеннымъ развитіемъ общественной жизни крѣпнеть власть мужа, его сила переходитъ въ право. Мало-по-малу жена дѣлается законною собственностью мужа, который можетъ продавать, дарить, убивать ее, а на острова Фиджи онъ имѣетъ право зарѣзать ее, какъ скотину и съѣсть. Бедуинъ часто обращается съ женой, какъ съ вьючнымъ животнымъ и колотитъ ее за каждую малость. Одинъ бедуинъ забилъ жену свою до смерти за то только, что она безъ позволенія взяла его ножикъ. И родовой судъ рѣшилъ, что мужъ всегда имѣетъ право убить свою непокорную жену. Калмыкъ на совершенно законномъ основаніи умерщвляетъ жену при малѣйшемъ подозрѣніи въ ея невѣрности, но у жены, убившей супруга, обрѣзываютъ носъ и уши и она продается, какъ рабыня. Индѣйцы пользуются также абсолютною властью надъ жизнью и смертью своихъ женъ. У австралійцевъ многія женщины постоянно ходятъ въ синякахъ и ранахъ отъ мужниныхъ побоевъ, а дѣвушки, изъ страха мужа, нерѣдко предпочитаютъ здѣсь самоубійство браку. При томъ же мужъ имѣетъ право отдавать свою жену въ кортомъ, продавать ее для разврата каждому встрѣчному, и случается, что дикій пьяница уступаетъ ее навсегда за стаканъ водки. У большинства дикихъ народовъ жена считается даже вѣчною рабынею мужа, обязанною служить ему, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. На этомъ основано встрѣчаемое у многихъ дикихъ племенъ погребеніе или сожженіе вдовъ съ трупами ихъ мужей, чтобы они вступили вмѣстѣ въ загробныя обители. Этотъ обычай мы видимъ у африканцевъ, американцевъ, древнихъ норманновъ, славянъ и т. д. Нуж-

но замѣтить, что такое обыкновеніе убивать овдовѣвшихъ женщинъ нерѣдко находило въ послѣднихъ полное сочувствіе. Положеніе вдовы у первичныхъ народовъ такъ невыносимо, что смерть кажется ей лучшимъ исходомъ, чѣмъ жизнь безъ защитника и кормильца мужа; и гдѣ вдовъ не сожигаютъ, тамъ онѣ нерѣдко сами убиваютъ себя, подкрѣпляясь вѣрою, что соединившись за гробомъ съ супругами, онѣ получаютъ награду за свое самопожертвованіе. Въмѣстѣ съ развитіемъ мужниныхъ правъ и половой противоположности, усиливается и чувство ревности,—одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ семейныхъ страданій женщины. У полудикихъ народовъ ревность нерѣдко бываетъ сильнѣе и неслѣпѣе, чѣмъ даже въ цивилизованныхъ странахъ Востока. Въ Кацембе, напр., жены, которыхъ выбираетъ себѣ государь, подъ пыткой допрашиваются, не любились ли онѣ до этого брака съ мужчинами, и съ какими именно; открытые такимъ образомъ любовники предаются смерти. Каждый мужчина, увидавшій жену своего государя, подлежитъ жестокому увѣчному наказанію. Сѣверные индѣйцы нерѣдко бываютъ также чрезвычайно ревнивы; сильно подозрѣваемую или уличенную въ прелюбодѣяніи жену индѣецъ наказываетъ палками, откусываетъ ей носъ и прогоняетъ. Соблазнъ замужней женщины у индѣйцевъ, какъ и другихъ дикарей, иногда порождаетъ ожесточенную племенную вражду и войны. У бечуановъ и конго, новозеландцевъ и многихъ другихъ народовъ прелюбодѣяніе наказывается смертю; черкесь имѣетъ полное право убить свою невѣрную жену, или, отрѣзавъ ей носъ и уши, обривъ голову, отослать ее къ ея родителямъ. Если арабъ убѣждаетъ отца или брата своей жены въ невѣрности ея, то послѣдніе, не задумываясь, перерѣзываютъ ей горло. Прелюбодѣи, соблазняющіе женъ, отдѣляются большею частью штрафомъ, а у нѣкоторыхъ кромѣ того обязываются жениться на соблазненной или перемѣниться съ оскорбленнымъ мужемъ женами. На алеутскихъ о-вахъ мужъ, поймавшій любовника у своей жены, принуждаетъ его къ поединку съ собой, и побѣдитель беретъ себѣ женщину, бывшую предметомъ раздора. При введеніи наказаній за супружескую невѣрность, жены у нѣкоторыхъ народовъ стараются удержать и за собой то же карательное право надъ мужьями, какое послѣдніе имѣютъ надъ ними. На ладронскихъ островахъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, царили нѣкогда полиандрія и гнѣйкократія, мужъ хотя и имѣетъ право убить любовника своей жены, но ей самой не долженъ причинять никакого зла. Если же мужчина соблудитъ, то узнавшая о томъ

жена собираетъ всѣхъ женщинъ сосѣдства, которыя съ яростью разоряютъ его садъ, разрушаютъ его хижину, и если находятъ самого виновника, то подвергаютъ его жестокимъ побоямъ. Такія права женщина сохраняетъ въ патриархальной жизни недолго, и почти у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ за прелюбодѣяніе отвѣчаютъ только жены и ихъ любовники, а отнюдь не мужья, имѣющіе право сколько угодно измѣнять своимъ брачнымъ обязанностямъ и подвергать своихъ супружницъ за такую измѣну какимъ угодно наказаніямъ. Но даже при такой строгости дикихъ законовъ ей подлежатъ сплошь и рядомъ однѣ только замужнія женщины, между тѣмъ какъ дѣвушки пользуются полной половой свободой. По мѣрѣ же того, какъ мужчины желаютъ имѣютъ женами непннихъ дѣвушекъ строгость ревнивыхъ обычаевъ распространяется и на дѣвушекъ, родители которыхъ принуждены бываютъ стеречь ихъ невинность, чтобы скорѣе и выгоднѣе найдти имъ жениховъ-покупателей. Эта бдительность о невинности женщинъ принимаетъ иногда чудовищный, варварскій характеръ. У горцевъ Кавказа на дѣвушкѣ надѣвается кожаный поясъ цѣломудрія, и его снимаетъ, разрѣзывая своимъ винжаломъ, только женихъ ея, въ первую брачную ночь. Въ восточной Африкѣ, задней Индіи и на малайскихъ островахъ дѣвушекъ подвергаютъ еще большимъ пыткамъ.

Чѣмъ болѣе мужчина утверждаетъ и расширяетъ свою власть надъ женщиною, тѣмъ болѣе послѣдняя падаетъ въ его мнѣніи и дѣлается существомъ отверженнымъ, какъ чужестранка и непослушная рабыня. При такомъ презрѣніи къ слабому полу, мужъ дѣлается прототипомъ восточнаго деспота, а жена — прототипомъ отверженной касты паріевъ. Въ Фесту, въ Африкѣ, каждое утро всѣ жены являются къ постели своего мужа, привѣтствуютъ, церемониально одѣваютъ и моютъ его, какъ какого нибудь короля, а затѣмъ расходятся. У нѣкоторыхъ народовъ при заключеніи брака мужъ, въ знакъ подчиненности жены, даетъ ей плюху, бьетъ ее плетью или заставляетъ, на колѣняхъ стоя, разувать его; послѣдній обычай въ ходу между финскими инородцами и вѣроятно отъ нихъ перенять русскими. У нѣкоторыхъ народовъ жена не смѣетъ даже сидѣть въ присутствіи мужа безъ его позволенія; а у дикихъ арабовъ женщина должна унижаться не только передъ своимъ мужемъ, но и передъ каждымъ чужимъ мужчиною, при встрѣчѣ съ которымъ, напр., она обязана сходить съ верблюда и кланяться. Въ Видагѣ негрятянки должны преклонять колѣна

и цѣловать прахъ—жены передъ мужьями, а дочери передъ отцами или старшими братьями. Низведенная такимъ образомъ на степень животного, принадлежащаго мужу, женщина можетъ быть не только убиваема, дарима, продаваема имъ, но подобно всякой собственности она дѣлается предметомъ наслѣдованія его родственниковъ. Левиратный бракъ, столь распространенный между нецивилизованными племенами и служащій остаткомъ древней полиандріи, служитъ одною изъ наименѣе возмутительныхъ формъ этого наслѣдованія, которое доходитъ до того, что у мпонго, напр., сынъ обязанъ жениться на вдовахъ своего отца. Но даже у тѣхъ народовъ, которые успѣли повидимому совершенно поработить женщинъ, послѣднія никогда не примиряются окончательно съ своимъ рабскимъ положеніемъ. Ихъ реакція проявляется главнымъ образомъ въ болѣзненной сварливости характера, въ семейныхъ сценахъ, руготнѣ и дракахъ съ мужьями; главнымъ же оружіемъ для защиты и нападенія ей служитъ языкъ. Клаппертонъ замѣчаетъ, что никакая власть въ мірѣ, даже африканскій деспотизмъ, не въ состояніи принудить къ молчанію дикарку, особенно разозленную. И не однимъ языкомъ дѣйствуетъ угнетенная женщина,—а нерѣдко также ядомъ и ножомъ. Бѣгство отъ мужа служитъ ей также однимъ изъ главныхъ средствъ къ освобожденію изъ семейной неволи. У негровъ, индѣйцевъ, калмыковъ, полинезійцевъ, финскихъ племенъ жена бѣжитъ большею частью къ родителямъ и почти всегда мужъ возвращаетъ ее или самъ посредствомъ силы, или ее выдаютъ ему родители во избѣжаніе раздоровъ. Иногда впрочемъ такіа бѣглянки успѣваютъ освободиться отъ своихъ супруговъ, отдаваясь подъ покровительство какихъ нибудь постороннихъ людей, напр., европейскихъ моряковъ. Случается даже, что женщины вооружаются противъ своихъ мужей и дѣйствуютъ за одно съ ихъ врагами. Наконецъ у многихъ народовъ женщина такъ живо чувствуетъ невыносимую тяжесть своего положенія, что прибѣгаетъ къ самоубійству гораздо чаще, чѣмъ мужчина, между тѣмъ какъ въ цивилизованной жизни—несравненно рѣже послѣдняго. Австралійскія дѣвушки нерѣдко убиваются изъ одного только страха замужней жизни. У индѣйцевъ мужчины очень рѣдко накладываютъ на себя руки, а дѣвушки, боясь брака, часто вѣшаются на деревьяхъ, убиваются, бросаясь со скалъ, топятся въ рѣкѣ или морѣ. Замужнія женщины индѣйцевъ убиваютъ себя такъ же гораздо чаще мужчины и истребляютъ во множествѣ своихъ малолѣтнихъ дочерей, желая, изъ любви къ нимъ, избавить ихъ отъ той ужасной судьбы,

которая выпадает на долю замужней женщины. Оправдывая сильную распространенность такого дѣтубійства, индіянка на Ориноко говорила одному миссіонеру: «ахъ, какъ я жалѣю, что моя мать не убила меня и тѣмъ не избавила отъ множества страданій, которымъ я подвергаюсь въ жизни. Посмотри, отецъ, на наше плачевное положеніе:—наши мужья уходятъ на охоту, и мы тащимся за ними, держа одного ребенка у груди, а другого въ корзинѣ. Вернувшись крайне истомленными, мы не можемъ уснуть въ теченіе цѣлой ночи, и приготовляемъ ужинъ для мужей; они напиваются, бьютъ насъ, таскаютъ за волосы, топчуть ногами... Проведи лѣтъ двадцать въ такомъ рабствѣ, что же мы получаемъ въ награду? Мужъ беретъ молодую жену, которая начинаетъ угнетать насъ и нашихъ дѣтей...»

Оскорбляемая и угнетаемая, жена находитъ только нѣкоторую поддержку въ своихъ кровныхъ родственникахъ; нерѣдко они упрашиваютъ мужа или, при своей авторитетности, строго внушаютъ ему относиться къ ихъ дочери чловѣколюбивѣе; неправильно прогнанная мужемъ жена можетъ найти у своихъ родителей и защиту, и мстителей за ея безчестіе, можетъ, при ихъ помощи, заставить мужа снова принять ее. У черкесовъ, если мужъ убьетъ или продастъ свою жену, то подвергается мщенію со стороны ея родственниковъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, если онъ прогонитъ ее отъ себя безъ основательной причины и дастъ ей разводъ. Обычай приданого также много облегчаетъ положеніе женщины; съ тѣмъ вмѣстѣ развивается у нѣкоторыхъ народовъ другой обычай, въ силу котораго прежняя плата за невѣсту переходитъ въ такъ называемый «утренній подарокъ» (*morgengabe*) и поступаетъ въ исключительную собственность новобрачной, а не ея родителей. При подобныхъ столкновеніяхъ деспотическихъ притязаній мужа съ одной стороны, а съ другой, стремленій жены къ самостоятельности при помощи ея рода, въ нѣкоторыхъ странахъ удерживается навсегда свободная форма брачнаго союза, которая существовала вездѣ въ періодъ материнскаго права и которая, упрочившись въ юриспруденціи Рима, служила здѣсь однимъ изъ главныхъ способовъ женской эманципаціи. У негровъ на ряду съ бракомъ, заключаемымъ посредствомъ купли-продажи невѣсты, есть другая форма брака, при которой жена вмѣстѣ съ своими дѣтьми принадлежитъ не мужу, а семейству своихъ родителей. Женихъ платитъ родителямъ невѣсты утренній даръ, возвращаемый ему въ случаѣ развода или смерти жены. Если же умираетъ напередъ мужъ, то жена перехо-

дять къ его наслѣдникамъ, а не къ своему семейству. Часто родители задалживаются у мужа своей дочери и она поэтому дѣлается такой же рабыней его, какъ и жена, приобретенная путемъ купли. У малайцевъ, даже при покупной формѣ брака, родители невѣсты вынуждаютъ жениха не доплачивать за нее извѣстной части условленной цѣны, чтобы онъ не могъ считать жены своею полною собственностью. Въ такъ называемомъ малайскомъ бракѣ *семандо* женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, а она устрояетъ на свой счетъ брачный пиръ; супруги вслѣдствіе этого совершенно равноправны, какъ относительно дѣтей своихъ, такъ и движимаго имущества; въ случаѣ развода домъ остается женѣ, а дѣти поступаютъ къ тому изъ родителей, къ которому пожелають сами.

Эти формы свободного брака развились конечно благодаря стремленіямъ жены къ самостоятельности, но, какъ показываетъ самое содержаніе ихъ, они могли возникнуть и утвердиться въ народной жизни только при дѣятельной помощи, оказанной въ этомъ дѣлѣ женѣ ея кровными родственникамп. Другая важная реформа семейнаго быта, развитіе моногаміи, должна быть приписана почти исключительно усиліямъ женщины. При всемъ томъ, что полигамія облегчаетъ тяжесть трудовъ, лежащихъ на женѣ, при всемъ отсутствіи у дикарокъ любви и ревности къ своему мужу, онѣ открыто высказываютъ свое недовольство многоженствомъ, или, взвѣсившая благоприятныя для женщины шавсы полигаміи и моногаміи, сильно сомнѣваются въ достоинствѣ первой, или же съ восторгомъ хвалятъ послѣднюю. Путешественники свидѣтельствуютъ, что въ глуши первобытныхъ лѣсовъ, въ шалашахъ самыхъ звѣрообразныхъ дикарей, ихъ жены волнуются этими вопросами, на которые онѣ наталкиваются своею несчастною жизнію. Нѣсколько женъ въ одномъ домѣ рѣдко уживаются мирно; каждая хочетъ командовать другими и быть *первою* женою. Во избѣжаніе этого, многіе полигамисты помѣщаютъ каждую жену въ отдѣльномъ зданіи, и эти хижины располагаются иногда какъ можно дальше одна отъ другой, во избѣжаніе женскихъ стычекъ. По мѣрѣ развитія въ народѣ половой любви и ревности, междуособіе женъ принимаетъ болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Въ концѣ концовъ эта борьба вездѣ кончается тѣмъ, что болѣе сильная, болѣе хитрая или больше любимая супругомъ жена беретъ перевѣсъ надъ другими, дѣлается главной женой, а остальные нерѣдко становятся къ ней въ отношеніе рабынь, и по мѣстамъ называются даже не *женами*, а только *наложницами*. Такой переходъ къ мо-

ногамин мы видимъ почти у всѣхъ многоженцевъ,—у негровъ, индѣйцевъ, татаръ и т. д. Разнообразны способы, которыми женщина постепенно возвышала мужчинъ до моногамии и тѣмъ производила одинъ изъ радикальнѣйшихъ и полезнѣйшихъ переворотовъ въ человѣческомъ обществѣ. Въ упомянутомъ нами переходѣ къ единоженству мы замѣчаемъ двѣ ступени: на первой, главная жена беретъ перевѣсъ надъ другими, какъ хозяйка, и мужъ облакаетъ ее правомъ главенства, ради водворенія въ домѣ хозяйственнаго порядка и мира. Но еще въ дикой жизни женщина начинаетъ развивать въ себѣ свои половыя отличія отъ мужчины, — обзаводится разными украшениями, заботится о красотѣ своего тѣла, и въ то же время особенности ея житейской обстановки вмѣстѣ съ особенностями ея организма порождаютъ въ ней большую чувствительность и большую способность къ сердечной привязанности, чѣмъ какими обладаетъ мужчина. Съ помощью этихъ средствъ женщина даже въ дикой жизни возбуждаетъ иногда въ мужчинѣ такую страстную, романтическую любовь къ себѣ, что онъ, обладая избранницей сердца, не хочетъ и думать о другихъ женахъ. Такая моногамія встрѣчается у дикарей, хотя и рѣдко.

Выше мы уже говорили объ услугахъ женщины, оказанныхъ ею развитію культуры въ эпоху гинейократіи. Послѣ своего порабощенія патриархальному семейству, въ качествѣ хозяйки и работницы, она продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, поддерживая и развивая разныя отрасли патриархальнаго хозяйства и первоначальныхъ искусствъ. Она создала или развила не только ремесла: гончарное, портняжное, кухонное, выдѣлку и окраску матерій, разныя нарядныя украшенія, приготовленіе кожъ и обуви и т. д., но также вынесла на своихъ многострадальныхъ плечахъ и воспитала искусства строить жилища и обрабатывать землю. Она была матерью и кормилицей всей матеріальной культуры человѣчества, и натурные народы, сознавая эти заслуги ея, чтили ее въ лицѣ своихъ великихъ богинь, дарующихъ плодородіе и счастье, изобрѣтшихъ земледѣліе, покровительствующихъ всѣмъ отраслямъ матеріальной цивилизаціи, изобрѣтательницами которой были онѣ сами. Впрочемъ, эти патриархальныя вѣрованія въ богинь устроительницъ человѣческаго счастья являются въ патриархальномъ бытѣ только остатками первичнаго религіознаго міросозерцанія, въ которомъ, какъ мы видѣли, женскій элементъ игралъ такую важную роль. И по мѣрѣ развитія патриархальнаго общества, значеніе упомянутыхъ богинь постепенно слабѣетъ, соразмѣрно тому, какъ и

женщина, облегчаясь отъ своего ига работы и передавая значительную часть ея рабамъ, теряетъ даже значеніе работающей машины, запирается въ гаремъ, обрекается на отупляющую, скучную праздность и содержится только для половой забавы своего владыки.

Мы уже говорили выше объ участіи женщины въ дѣлахъ войны. Мы видѣли и увидимъ еще не разъ, что женщины часто принимали въ войнахъ самое дѣятельное и вліятельное участіе. Но оттѣсненная мужчиной отъ общественной жизни, лишенная, какъ рабыня, правъ на употребленіе оружія, женщина начинаетъ служить дѣлу мира и противодѣйствовать насиліямъ войны. Посредствомъ мирныхъ браковъ она водворяетъ согласіе и даже дружбу между родами, до тѣхъ поръ постоянно воевавшими другъ съ другомъ. Ея вмѣшательство какъ въ частныя распри ея родичей, такъ и въ непріязненные столкновенія разныхъ племенъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ миротворно и благодѣтельно для людей, что древніе германцы съ уваженіемъ называли ее *«ткущею миръ»*. Эта дѣятельность женщины, какъ примирительницы, очень разнообразна. У дикихъ народовъ примиреніе разсорившихся и даже разодранныхъ мужчинъ совершается сплошь и рядомъ не иначе, какъ при помощи женщинъ. На пирушкахъ индѣйцевъ ихъ жены обыкновенно не пьютъ водки, для того, чтобы быть въ состояніи примирить мужчинъ, попойка которыхъ обыкновенно кончается дракою. У черкесовъ, если женщина бросается между двумя сражающимися врагами, то битва тотчасъ прекращается. Такую же роль часто играютъ женщины и при международныхъ столкновеніяхъ. У жителей Феццана дипломатія служитъ даже женскою спеціальностью, миръ между враждующими сторонами заключается здѣсь женами вождей, и женскій голосъ всегда можетъ остановить руку феццанца, готоваго поразить своего врага. Женщины примиряютъ даже побѣдителей и побѣжденныхъ, по возможности сливая ихъ въ одинъ народъ. «Мы видимъ»—говоритъ Клемисъ—«что женщина примиряетъ расу завоевателей съ расою побѣжденныхъ, въ западной Африкѣ, напр., на островахъ Южнаго океана, въ древнемъ Египтѣ и т. д. Наконецъ, у многихъ народовъ женщина милуетъ преступника и примиряетъ съ нимъ общество. У древнихъ славянъ присужденный къ смерти преступникъ избавлялся отъ него, если его прикрывала своимъ подоломъ женщина. Если виноватый въ чемъ нибудь черкесъ успѣваетъ пробраться въ жилище женщины и прикоснуться ея руки или груди, то онъ становится неприкосновеннымъ на все время

пробываніи у этой женщины. Въ присутствіи черкешенки не можетъ быть совершаемо никакое наказаніе и должно умолкать всякое чувство родовой мести. Вообще дикарки отличаются сострадательностью ко всѣмъ несчастнымъ, часто даже къ врагамъ своихъ мужей. «Во всѣхъ моихъ путешествіяхъ и несчастіяхъ» — говоритъ Мунго-Паризъ, «я находилъ въ женщинахъ нѣжность и сострадательность, какихъ нѣтъ въ мужчинахъ.» Такимъ образомъ, не однимъ только матеріальнымъ трудомъ своимъ, а также водвореніемъ мира, развитіемъ въ людяхъ чувствъ любви, дружбы, сострадательности женщина содѣйствовала возникновенію и развитію культуры.

Сострадательность женщины нашла себѣ хорошей исходъ въ медицинской помощи больнымъ. Отыскиванье растительной пищи, наблюденія надъ питаніемъ животныхъ и занятіе земледѣліемъ очень рано знакомятъ женщину со свойствами растеній, и она незамедлительно прилагаетъ свои ботаническія знанія къ дѣлу. У многихъ натуральныхъ народовъ медициной и хирургіей занимаются исключительно однѣ женщины, у другихъ — женщины вмѣстѣ съ мужчинами, пока послѣдніе, по своимъ корыстнымъ расчетамъ, не отгѣсняють первыхъ отъ этой почтенной профессіи. У древнихъ норманновъ богиней медицины была Эйръ и искусство леченія находилось въ рукахъ женщинъ, которыя, кромѣ средствъ знахарскихъ или волшебныхъ, употребляли также много лекарственныхъ растеній. Лучше всего излечивались этими женщинами раны; хирургія была возведена ими на довольно высокую степень совершенства; онѣ употребляли не мало инструментовъ, отлично зондировали, перевязывали, зашивали и заживляли раны, извлекали изъ нихъ инородныя тѣла и т. д. Въ родовспомогательномъ искусствѣ онѣ были также довольно опытны и употребляли цезарское сѣченіе. У туземцевъ Америки женщины также во множествѣ занимаются медициной и хирургіей, лечатъ весьма успѣшно раны, переломы костей, отравленія ядами, лихорадки, горячки, запоры, общее слабосиліе и т. д. Такія лекарки у индѣйцевъ, какъ и у гренландцевъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, получаютъ со своей практики гонорарій, достаточный для ихъ прожитія. Черкешенки знали искусство оспориванія раньше европейцевъ; онѣ не только хорошія лекарки и хирурги, но и превосходныя сидѣлки, понимающія огромное значеніе гигиены для человѣческаго здоровья. У эскимосовъ, негровъ, древнихъ египтянъ, мексиканцевъ — всюду видимъ мы медицину въ рукахъ женщины и подъ покровительствомъ богинь. Да покروются же позоромъ тѣ изъ современныхъ жрецовъ Эскулапа, которые

хотятъ всѣми возможными способами изгнать женщину изъ области медицинской профессіи, которая такъ много обязана ей своимъ развитіемъ, и право на которую насильно отнято у ней мужчиною, какъ увидимъ ниже!

Медицинское, какъ и всякое знаніе, въ первобытной жизни одѣто въ религиозную оболочку и тѣсно соединено съ волшебствомъ. Организациа женщины и особенности ея жизненной обстановки дѣлаютъ ея нервы болѣе впечатлительными, а ея фантазію болѣе дѣятельною, чѣмъ нервы и фантазія мужчины. Поэтому у многихъ народовъ волшебство и сношенія съ богами становится преимущественнымъ занятіемъ женщинъ. Древніе германцы, по словамъ Тацита, предполагали въ женщинѣ нѣчто священное и сверхъ-естественное, т. е. считали ее способиѣе мужчины къ сношенію съ духовнымъ міромъ. Волшебство, предсказанія, ворожба, жречество были у германцевъ занятіями женщинъ, доставляли имъ вообще уваженіе и огромное вліяніе на общество. У негровъ, поклоняющихся живымъ людямъ, признанныхъ за боговъ, въ числѣ послѣднихъ бывають и женщины. У негровъ, камчадаловъ, монголовъ, остяковъ, самоѣдовъ, нндѣйцевъ Южнаго океана—всюду женщины являются жрицами, посредницами между людьми и богами, ворожеями, толковательницами сновъ, хранительницами религиозныхъ вѣрованій, легендъ и обрядовъ. Такая профессія, вмѣстѣ съ занятіемъ медициною, не только заставляеть ихъ знакомиться съ явленіями природы, но иногда даже даетъ имъ возможность разбивать грубыя суевѣрія народа. На одномъ изъ о-вовъ Южнаго океана, наир., есть вулканъ; жители долго считали его мѣстопробиваніемъ бога огня, Пеле, котораго ублажали жертвами и боялись приближаться къ кратеру до тѣхъ поръ, пока одна женщина не рискнула спуститься въ кратеръ и, возвратившись оттуда, не показала найденной ею тамъ лавы, убѣдивъ такимъ образомъ своихъ родичей въ естественности вулкана и разрушивъ ихъ вѣру въ кровожаднаго Пеле. Но, съ другой стороны, вѣра въ особенную способность женщины къ волшебству и знахарству въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиняетъ ей много зла. У многихъ дикарей происхожденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій нерѣдко приписывается вѣдовству жрицъ и знахарокъ, и онѣ расплачиваются за это жизнью. Прѣцессы вѣдмъ, встрѣчаемые у дикарей, состоятъ въ божемъ судѣ, отъ котораго погибаетъ большинство подсудимыхъ.

Женщины всегда служатъ лучшими хранительницами народныхъ обычаевъ, вѣрованій, сказаній, пѣсенъ, костюмовъ и т. д. Они го-

раздо консервативнѣе мужчинѣ, — явленіе, причины котораго будутъ выяснены нами въ своемъ мѣстѣ. Мы не будемъ здѣсь распространяться о значеніи женщинѣ для развитія народной поэзіи и скажемъ только нѣсколько словъ объ ихъ вліяніи на исторію языка. У большинства первичныхъ народовъ жена—чужестранка, говорящая на чужомъ языкѣ; у караибовъ до сихъ поръ языкъ женщинѣ особый отъ нарѣчія мужчинѣ. Но въ семейной жизни языки мужа и жены должны непремѣнно сталкиваться и стремиться къ взаимному слитію, которое однакожъ не оканчивается абсолютнымъ воцареніемъ въ домѣ одного языка, и женщина продолжаетъ говорить на нарѣчій, хотя и понятномъ мужу и близкомъ къ его языку, но все-таки отличномъ отъ послѣдняго. Такимъ образомъ языкъ женщинѣ и дѣтей, по мнѣнію лучшихъ филологовъ, Боппа, В. Гумбольта, Макса Мюллера, развивается въ нарѣчіе болѣе звучное, мягкое и поэтическое, чѣмъ нарѣчіе мужчинѣ. Въ этомъ-то упомянутые филологи и видятъ причину распаденія всѣхъ главныхъ языковъ на два нарѣчія, напр., языка греческаго на нарѣчія іонійское и дорійское, нѣмецкаго — на нарѣчія верхне и нижне-нѣмецкое и т. д.

IV.

Первобытное семейство, какъ мы видѣли выше, основано на кровномъ родствѣ по матери. Мало-по-малу преобладаніе материнскаго принципа падало, женщина подчинялась мужчинѣ и основаніемъ семейства дѣлалась власть отца, а не кровное родство. Наступилъ періодъ патріархальный, въ началѣ котораго семейный союзъ еще весьма слабъ и семейство еще не въ силахъ обратитъ женщину на исключительное служеніе себѣ. Прочность семьи, какъ и прочность брака, является только въ послѣдствіи, а на первыхъ ступеняхъ развитія власть отца сплошь и рядомъ отвергается дѣтьми и члены семейства нерѣдко разрываютъ узы, прикрѣпляющія ихъ къ родному очагу. Выражаясь юридически, лицо физическое борется за свою свободу съ развивающеюся юридическою личностью семьи и разныя случайности борьбы долго не даютъ семейству поглотить всѣхъ индивидуумовъ, входящихъ въ его составъ. Случается, напримеръ, что въ патріархальной семьѣ дряхлый отецъ се-

мейства лишается своей власти и она переходитъ къ болѣе сильному и мудрому, чѣмъ онъ, сыну. У нѣкоторыхъ европейскихъ варваровъ человѣкъ могъ свободно свергать съ себя ярмо семейной власти; по салическому закону онъ долженъ былъ только, явившись въ національное собраніе, объявить, что «отказывается отъ своихъ родителей и что съ этихъ поръ не имѣетъ съ ними ничего общаго». У эскимосовъ до сихъ поръ взрослые дѣти безъ всякихъ затрудненій бросаютъ родительское семейство и начинаютъ совершенно самостоятельную жизнь. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ дѣти растутъ на полной своей волѣ и, какъ у большинства совершенно дикихъ народовъ, легко расторгаютъ стѣсняющія ихъ свободу семейныя узы. О воспитаніи дѣтей, объ ихъ почтеніи къ старшимъ, здѣсь нѣтъ и рѣчи: всѣми семейными отношеніями управляютъ случай и право силы; отецъ можетъ властвовать надъ сыномъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдній не сдѣлается способнымъ для сопротивленія. Въ одной превосходной повѣсти минусинскихъ татаръ ярко характеризуется эта анархія первично-патріархальной семьи въ слѣдующемъ разсказѣ. На берегу моря живетъ людоѣдъ Талай-Ханъ съ сыномъ своимъ Тазе-Мѣке. Пріѣзжаютъ къ нимъ три богатыря, ихъ встрѣчаетъ Тазе-Мѣке и говоритъ: «вотъ уже девять лѣтъ, какъ мой отецъ пытается сварить и съѣсть меня. Помогите мнѣ сварить и съѣсть его самого!» И съ помощью богатырей сынъ свизалъ батюшку, сварилъ его и сожралъ. При слабости семейнаго союза также непроченъ и составленный по его модели союзъ общественный. Эскимосы не знаютъ никакой іерархіи, никакого подчиненія. Власть индѣйскихъ вождей, говоритъ Скулькрафтъ, болѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, болѣе власть совѣта, чѣмъ власть принужденія. По мѣрѣ развитія общества, по мѣрѣ его выхода изъ первобытнаго состоянія изолированныхъ семей, семейная инстиція пріобрѣтаетъ больше и больше прочности. Союзъ семей образуетъ родъ, союзъ родовъ — племя, союзъ племенъ — государство. На всѣхъ ступеняхъ развитія древняго общества оно является ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ семействъ, или, выражаясь словами Мэна, «единицею древняго общества была семья, единицу же новѣйшаго общества составляетъ лицо». Каждое семейство имѣетъ характеръ небольшого государства, самодержецъ котораго отецъ совмѣщаетъ въ себѣ права и обязанности всѣхъ членовъ подвластнаго ему союза; гражданами общества, поэтому, служатъ только отцы и общественный союзъ семействъ имѣетъ близкое сходство съ международнымъ союзомъ

государствъ. Фундаментомъ семейства служитъ отеческая власть и безусловная покорность ей всѣхъ живущихъ у одного домашняго очага. Отцовство для своего утверждёнiя на мѣстѣ вѣтѣсеннаго имъ материнства необходимо должно было измѣнить и самый характеръ семейнаго родства. Еслибы, при водворенiи отеческой власти, люди продолжали считать роднею родственникомъ своей матери, то вышло бы, что одно лицо должно подчиняться двумъ отеческимъ властямъ, а за этимъ неизбежно слѣдовало бы столкновение на домашнемъ форумѣ двухъ семейныхъ законовъ, истекающихъ отъ отцовъ двухъ разныхъ семей. Поэтому въ патриархальномъ семействѣ родственниками считаются только лица, которыя состоятъ или состояли, или могли состоять подъ одною и тою же отеческою властью. Полное развитiе этого начала, какъ и всѣхъ вообще главныхъ принциповъ архаическаго права, совершенно, какъ мы увидимъ ниже, римской юриспруденціей. Но и кромѣ римлянъ, всѣ патриархальные народы держатся того же самаго агнатнаго начала, по которому отецъ—монархъ семьи, а всѣ его подданные—родственники между собой и съ нимъ. Частной собственности нѣтъ, а есть только общее семейное имущество, которымъ распоряжается отецъ. Онъ верховный жрецъ своего дома; слово его—законъ для всѣхъ домочадцевъ; его власть простирается на жизнь и на смерть ихъ; онъ женить сына, выдаетъ замужъ дочь, продаетъ, наказываетъ, убиваетъ дѣтей по своему произволу. Все заработанное дѣтьми отдается отцу; онъ распредѣляетъ труды между членами семейства; отдаетъ ихъ въ наемныя работы, какъ настоящихъ невольниковъ и т. д. Воспитанiе состоитъ въ формировкѣ изъ дѣтей рабовъ семейнаго главы; ихъ учать ремесламъ отца или матери и безусловной покорности, подвергая ихъ при этомъ жестокимъ истязанiямъ и запугивая чертями, которые похищаютъ и мучатъ непослушныхъ дѣтей. Словомъ, въ каждой такой семьѣ мы видимъ тотъ же деспотизмъ и то же рабство, какъ и въ любомъ восточномъ султанствѣ. Такія отношенiя, существующія сначала на фундаментѣ силы, съ развитiемъ государства получаютъ санкцію права и религіи. Раболопность дѣлается непремѣнною обязанностью домочадцевъ. У негровъ видага семья обязана преклонять колѣна передъ своимъ владыкой и лобзать прахъ его пяты. Въ Египтѣ, говоритъ Сэваря, каждое семейство есть маленькое государство, царемъ котораго служитъ отецъ. Домочадцы обязаны рабски слушаться его. Когда онъ объѣдаетъ, вся семья, стоя на ногахъ, прислуживаетъ ему и при всякомъ случаѣ занимаетъ передъ

нимъ свою самую раболѣпную покорность и уваженіе. Китай и Японія довели эти семейныя отношенія до *pes plus ultra*. Въ Китаѣ вся общественная жизнь основана на семейномъ началѣ, и полицейскіе чиновники, расхаживая по улицамъ, постоянно напминаютъ обывателямъ объ этомъ фундаментѣ китаизма, вскрикивая: «повинуйтесь вашимъ отцамъ и матерямъ, уважайте старшихъ и начальниковъ, живите мирно въ своихъ семействахъ, наставляйте своихъ дѣтей, не дѣлайте несправедливости!» Превосходно организованная система воспитанія имѣетъ главною своею цѣлью приучить всѣхъ къ безусловному послушанію старшимъ и утвердить раболѣпную покорность родительской власти, какъ фундаментальное правило морали. Отецъ—безусловный владыка души, тѣла и имущества своихъ дѣтей; онъ можетъ продавать и казнить ихъ смертью, женить, выдавать замужъ, разводить женатаго сына съ его женой, отдавать въ кабатъ, бить и сѣчь сколько ему угодно и т. д. Стоитъ ему только пожаловаться на сына въ судъ, и въ чемъ бы ни обвинилъ онъ сына, судъ безъ всякихъ околнчностей подвергаетъ его жестокимъ наказаніямъ, даже самой варварской смертной казни, не требуя никакихъ доказательствъ отъ обвинителя, не слушая никакихъ оправданій отъ обвиняемаго. За отцеубійство не только казнится виновный со своимъ семействомъ, но еще наказываются и всѣ чиновники той области, въ которой совершено убійство. Отъ крупныхъ оскорбленій со стороны сына отцы ограждаются смертною казнію оскорбителей, за малѣйшее невниманіе, за самое ничтожное непослушаніе дѣтей ожидаютъ сотни бамбуковыхъ ударовъ въ полиціи, которая неустанно вбиваетъ въ китайцевъ любовь и уваженіе къ родителямъ. Дѣтямъ вмѣняется даже въ преступленіе говорить въ присутствіи своихъ родителей о слабости старческаго возраста. И у всѣхъ скольконибудь культурныхъ народовъ, у индусовъ, турокъ, мексиканцевъ, древнихъ норманновъ и т. д.,—у всѣхъ у нихъ власть отца имѣетъ характеръ подобный китайскому. Для домочадцевъ нѣтъ никого выше ихъ главы, онъ ихъ первосвященникъ, законодатель, верховный судья, земной богъ. Эти понятія сыновняго долга и отеческихъ правъ прививаются съ дѣтства жителямъ патріархальныхъ странъ религіей, правомъ, воспитаніемъ, общественнымъ мнѣніемъ.

Хотя основою такого семейства и служитъ главнымъ образомъ родительская власть, а не родство крови, хотя рабъ является здѣсь такимъ же домочадцемъ, какъ и сынъ, хотя при немѣннн дѣтей отецъ можетъ купить ихъ у когонибудь, усыновить чужихъ, по-

ручить своему родственнику или пріятелю осѣменить жену его и, такимъ образомъ, дать ему желаннаго наслѣдника, но ко всему этому прибѣгаютъ только въ случаѣ неизбѣжной необходимости и рожденіе своихъ кровныхъ дѣтей всегда считается верхомъ благополучія и главною цѣлью брака. Бесплодный бракъ, по возрѣнію всѣхъ оріенталовъ, вовсе не бракъ, такъ какъ цѣль его не достигнута. вмѣстѣ съ такими идеями о бракѣ религіозныя системы и законы Востока развиваютъ теорію объ исключительномъ назначеніи женщины быть матерью; они смотрятъ на нее, какъ на пашню, предназначенную для произведенія плодовъ. Бездѣтную жену мужъ презираетъ, бьетъ, продаетъ, гонитъ отъ себя. Напротивъ, женщина чадородная пріобрѣтаетъ хорошую славу и уваженіе, которыя соразмѣряются съ количествомъ рожденныхъ ею дѣтей; она цѣнится также, какъ и всякая самка животнаго. По вѣрованію древнихъ меккианцевъ, герои, павшіе въ битвѣ и женщины, умершія въ мукахъ рожденія, получаютъ вѣчное блаженство въ райскихъ чертогахъ солнца. Такимъ образомъ право, религія и общественное мнѣніе, прѣдвинутыя исключительными началами, ограничиваютъ дѣятельность женщины материнскими обязанностями. Въ архангелскомъ обществѣ все существуетъ въ семействѣ и для семейства; каждый индивидуумъ есть не лицо, а членъ семейной корпораціи, съ которой связаны всѣ права его и обязанности; такъ и женщина: ходъ историческаго развитія принуждаетъ мужчину обратиться къ исключительному служенію семьѣ, которая нуждается въ ея трудѣ и въ ея половой производительной силѣ.

Но говоря о маніи патриархальныхъ народовъ къ чадородію, мы выражаемся не совсѣмъ точно; всѣ они, отъ нагого звѣрообразнаго дикаря до цивилизованнаго китаецца или индуса, желаютъ имѣть не дѣтей вообще, а *сыновей*. Дочери или избиваются вскорѣ послѣ рожденія или воспитываются въ полномъ пренебреженіи и то только какъ товаръ, на выгодную продажу котораго впослѣдствіи можно рассчитывать. У арабовъ дочь называется «дряннымъ ребенкомъ». Спрашивать китаецца, есть ли у него дочери, значитъ оскорблять его *). Сынъ же другое дѣло; его рожденіе всеобщій праздникъ для семейства, а особенно для отца, такъ какъ послѣдній возрождается въ сынѣ и еще при своей жизни выходитъ вторымъ изданіемъ, если можно такъ выразиться. Сынъ тотчасъ по рожденіи дѣлается совладѣльцемъ отца по семейному имуществу и всѣ при-

*) Болѣе подробно объ этомъ см. въ моей ст. о «Дѣтоубійствѣ».

знать въ немъ будущаго главу дома, у габунцевъ, въ Африкѣ, сынъ можетъ даже начать противъ своего отца судебный процессъ за растрату имъ семейнаго имѣнія и принудить его къ уплатѣ за промотанное. Какъ работникъ семьи, какъ защитникъ ея, какъ преемникъ отца—во всѣхъ отношеніяхъ сынъ долженъ цѣниться болѣе дочери. Въ дикой жизни семья часто вовсе погибаетъ послѣ смерти отца, неоставившаго ни одного сына; чужіе люди растаскиваютъ все имущество покойнаго, овладѣваютъ шалашомъ, изгоняютъ изъ него вдову и дочерей покойнаго. Сынъ нуженъ для семейства какъ *наслѣдникъ*, не въ современномъ, а въ арханчскомъ значеніи этого слова. Первобытная семья считается безсмертною; входящія въ составъ ея лица мѣняются, она же, корпорація, никогда не умираетъ и средствомъ для этого безсмертія служитъ институтъ наслѣдства. Наслѣдникъ принимаетъ на себя всѣ права и обязанности или, по римскому техническому выраженію, *universitas juris* умершаго главы семейства, и поэтому смерть дожовладыки не производитъ никакихъ существенныхъ измѣненій ни въ самомъ семействѣ, ни въ его отношеніяхъ къ обществу. Каждый членъ древняго общества желаетъ прежде всего имѣть наслѣдника, «да не погибнетъ имя его въ родномъ народѣ», какъ выражались евреи. Но первостепенная важность наслѣдства, какъ у диквхъ, такъ и у культурныхъ народовъ, заключается въ его значеніи не для семейства вообще, а для умершаго отца; главная обязанность наслѣдника состоитъ въ принесеніи жертвъ за умершаго, въ поддержаніи домашняго богослуженія. Мыслью объ этомъ проникнута вся семейная жизнь оріентала; онъ женится для того, чтобы имѣть сына, который могъ бы приносить жертвы послѣ его смерти; если у него нѣтъ дѣтей, то онъ долженъ усыновить чужихъ, «имѣя въ виду похоронные пироги, воду и торжественное жертвоприношеніе», какъ выражается одинъ индустанскій ученый. Мы остановимся нѣсколько времени на объясненіи этой чрезвычайно важной связи первобытнаго наслѣдства съ семейными жертвами.

Для дикаря смерть есть ничто иное, какъ продолженіе прежней жизни только при другой обстановкѣ; покойника также нуждаются въ пищѣ, одеждѣ, оружіи, какъ и живые, поэтому у всѣхъ первобытныхъ народовъ въ могилу кладутъ вмѣстѣ съ труномъ и всѣ необходимыя хозяйственныя принадлежности; у нѣкоторыхъ дикарей покойнику отдается даже все его имущество, а самое жилье, брошенное семействомъ, сожигается и, по всей вѣроятности, это самый первобытный обычай, предшествовавшій возникновенію на-

слѣдства, при которомъ семья даетъ покойнику только часть общаго семейнаго имущества. Сношенія между домочадцемъ и ихъ покойнымъ родственникомъ не прекращаются, тѣмъ болѣе, что въ первобытной жизни умершіе хоронятся болшею частью въ самомъ жилищѣ или по крайней мѣрѣ по близости его, какъ это дѣлается до сихъ поръ, напримѣръ, на Филиппинскихъ островахъ; обычай превращать труны въ удобосохраняемыя муміи, напр., у тѣхъ же филиппинцевъ и многихъ другихъ дикарей, еще болѣе придаетъ прочности упомянутымъ сношеніямъ, сообщая имъ характеръ осязательности. Это первобытное міросозерцаніе, смѣшанное съ вѣрованіемъ въ метемпсихозисъ особенно рельефно выразилось въ Египтѣ. Пирамида, это вѣчный домъ умершаго, котораго посѣщаютъ въ извѣстные дни его родственники. Онъ живетъ тутъ окруженный своимъ семействомъ, своими невольниками, птицами, собаками, обезьянами, изображенными въ настѣнныхъ барельефахъ. Въ Перу по смерти cadaго государя всѣ принадлежавшія ему сокровища оставались въ томъ же видѣ, какъ были при его жизни, и никто не смѣлъ прикоснуться къ нимъ. Многочисленные дворцы его замирались на вѣки. Труны умершихъ государей, балзамированные, выставлялись въ главномъ храмѣ солнца. Они сидѣли тамъ въ два ряда, мужчины по правую, а женщины по лѣвую сторону отъ золотого солнца, одѣтые въ царскія платья, съ навлоненными головами и съ скрещенными на груди руками. Покойниковъ всѣ дикари очень боятся; мучимые жаждою и голодомъ, они постоянно посѣщаютъ жилища своей семьи, отыскивая пищу и наказывая родственниковъ, нерадѣющихъ объ ихъ пропитаніи; въ разныхъ видахъ являются они живымъ, нагоняютъ на нихъ тревожные сны, беспокоятъ и мучатъ ихъ; нѣкоторые дикари приписываютъ своимъ умершимъ родственникамъ всякое приключившееся съ ними зло. Покойникъ имѣетъ прежнія притязанія на имущество и уваженіе къ себѣ семейства, поэтому, чтобы мирно жить съ нимъ, новый представитель семьи, наследникъ, долженъ кормить, поить и всячески ублажать умершаго. Въ Египтѣ феллахъ до сихъ поръ ходитъ на могилы своихъ умершихъ родственниковъ и угощаетъ ихъ; а завѣщатель, отказывая наследнику свое имѣніе, часть его предназначаетъ на свое продовольствіе въ будущей жизни. У чувашъ и черемисъ наследники до сихъ поръ устроятъ по временамъ обѣды, на которыхъ угощаютъ будто бы являющихся къ нимъ невидимыхъ родственниковъ и, кромѣ того, ходятъ кормить ихъ на ихъ могилы. У всѣхъ жителей Африки, индѣй-

цевъ, малайцевъ, инородцевъ Сибири, киргизовъ, китайцевъ, норманновъ, у русскихъ крестьянъ, въ старинной Силезіи, Польшѣ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ,—вездѣ мы видимъ это кормленіе покойниковъ ихъ наслѣдниками. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ въ родительскій день устрояется на могилахъ угощеніе мертвыхъ, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, и бѣлоруссы дѣлаютъ при этомъ такое воззваніе: «святые родители, пожалуйте хлѣба соли откупаться!» У нѣкоторыхъ народовъ въ честь каждаго умершаго дѣлается идолъ, которому суютъ въ ротъ пищу и поклоняются. Вообще же благополучіе семейства требуетъ не только кормить предковъ, но и уважать ихъ, какъ они уважались живыми. Домашнее богослуженіе имъ мы видимъ у многихъ народовъ, и оно совершается наслѣдникомъ. Въ Китаѣ, напримѣръ, каждое семейство имѣетъ особня «комнаты предковъ»; въ извѣстное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и поклоняются имъ. Забвеніе и пренебреженіе къ памяти умершихъ возбуждаетъ гнѣвъ и мстительность ихъ. Однажды калмыцкій князь Тогонъ съ пренебреженіемъ отозвался о покойномъ Чингисѣ, могилѣ котораго поклонялись всѣ его преемники,—и не хотѣлъ, по совѣту бывшихъ тутъ монголовъ, просить у тѣни Чингиса прощенія. Тотчасъ пошла у него горломя кровь и онъ палъ мертвымъ. Всѣ бывшіе при этомъ приписали такое несчастіе гнѣву оскорбленной тѣни Чингиса.

При дальнѣйшемъ развитіи мифологій эти вѣрованія измѣняются. На сцену является адъ съ своими злыми, кровожадными боже-ствами; покойникъ мучается уже не голодомъ и жаждою, а духами ада, чтобы освободить его отъ этихъ тирановъ, наслѣдникъ долженъ приносить искупительныя жертвы его мучителямъ. Безъ очистительныхъ жертвъ сына индусъ, напр., не можетъ войти въ *суръ* или рай, почему сынъ и называется по-санскритски *putra* (отъ *put*, очистительный огонь, и *traga*, освобождать), откуда происходятъ и равнозначущіе этому слову персидское *пузуръ* и *пуръ*, и латинское *puer*. По заповѣсти жертвы, приносимыя наслѣдникомъ, необходимы покойнику для того, чтобы онъ могъ перейти черезъ мостъ *чинегадъ*, ведущій въ рай. Прекрасно выражается это архангелское вѣрованіе въ древне-русской легендѣ о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. Онъ былъ ростовщикомъ и живымъ взятъ на дно адаво. Архіерей, въ поученіе православнымъ, велѣлъ изобразить на иконѣ адъ и горящаго въ немъ Щилу, всего объятаго пламенемъ; а наслѣднику его посовѣтовалъ служить по немъ сорокоустъ 40 дней у 40 церквей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на

упомянутой картинѣ очутилась вѣ огня; послѣ второго сорокоуста онъ поднялся изъ адскаго пламени до пояса, а послѣ третьяго—совсѣмъ освободился.

Естественно, что по смерти родителя его дѣти получаютъ все его имущество, совладѣльцами котораго они были еще при жизни отца. Но такъ какъ семейная жизнь остается на прежнихъ условіяхъ нераздѣльности, то управителемъ, защитникомъ, судьей и жрецомъ осиротѣвшаго семейства, долженъ быть только одинъ изъ наслѣдниковъ, болѣе способный къ этимъ обязанностямъ по своему возрасту и опытности. Естественно развивается право первородства, и старшій сынъ дѣлается отцомъ семейства или, такъ сказать, намѣстникомъ умершаго отца. Въ Бассерелѣ и Бенинѣ, Дагомеѣ, Видагѣ, на островахъ Гаити главой семьи, по смерти отца, дѣлается всегда его старшій сынъ, а если онъ умираетъ, то имущество и власть переходить къ его слѣдующему брату. Извѣстно, какое значеніе приписывается первенцу сыну въ мозанзмѣ. У китайцевъ старшій сынъ рѣзко выдается изъ ряда другихъ домочадцевъ, которые обязаны чтить его всего болѣе послѣ отца. То же и у другихъ азіатскихъ народовъ. Нужно замѣтить, что даже тамъ, гдѣ наслѣдованіе подчинено принципу первородства, послѣдній часто нарушается или наслѣдниками, или наслѣдодателями. Но даже и тамъ, гдѣ дѣйствуютъ другія начала, правило первородства часто исключительно регулируетъ наслѣдованіе царской и другой общественной власти. Въ Индіи, наиримѣръ, хотя семейное имущество дѣлится между всѣми наслѣдниками мужескаго пола, однакожь общественныя достоинства, обязанности и политическая власть—отъ власти короля до власти деревенскаго старшины—наслѣдуются почти всегда по правиламъ первородства. Какъ на замѣчательное отступленіе отъ этого принципа, укажемъ на встрѣчаемое у нѣкоторыхъ патріархальныхъ народовъ наслѣдованіе младшаго брата. Причина такого обычая, по мнѣнію Фольграфа и Монтескье, лежитъ въ томъ, что младшій сынъ при смерти отца живетъ еще съ нимъ, между тѣмъ какъ старшіе его братья обзавелись уже своимъ хозяйствомъ. Но мы уже видѣли, что предпочтеніе младшаго брата возникло въ эпоху материнства и основано на особенной любви матери къ своему послѣднему. Что же касается первородства, то нельзя не предположить, что, въ качествѣ исключительнаго принципа, оно является лишь относительно поздно въ народной исторіи и прежде, чѣмъ утвердился въ обычай, должно выдержать борьбу съ другими, враждебными ему принципами. Если

живой отецъ плохо сдерживаетъ въ семейномъ союзѣ своихъ домо-
чадцевъ, то послѣ его смерти они естественно стремятся разойтись
для самостоятельной жизни, раздѣливъ между собою все общее
семейное имущество. Только при необходимости держаться семьѣ
вмѣстѣ, наслѣдникамъ нуженъ предводитель, глава; въ концѣ кон-
цовъ имъ почти всегда дѣлается старшій сынъ, но не всегда без-
препятственно. Прежде всего ему приходится бороться съ долго
сохраняющимися въ народной жизни остатками материнскаго пра-
ва, и главнымъ соперникомъ его вездѣ являются дядя и тетка,
братъ и сестра покойника. У многихъ народовъ, у мавровъ, сера-
колетовъ, мандинго, конго, лоанго, ашантиевъ, въ Иддагѣ, Бонду
и во всей почти южной Африкѣ наслѣдуетъ или братъ или сынъ
сестры, а у гуруновъ, черокезовъ, въ сѣверной Каролинѣ и мно-
гихъ другихъ мѣстахъ Америки, Африки и Азіи наслѣдуетъ сынъ
сестры умершаго и иногда, при неизмѣни его, старшій сынъ покой-
наго. Мусульманское право хотя и придерживается, вѣроятно обычая
древнеарабскаго, дѣлить наслѣдство поровну между всѣми сы-
новьями, но и въ немъ видно вліяніе началъ братняго наслѣдова-
нія; если одинъ изъ наслѣдниковъ умираетъ, то имущество пере-
ходитъ не въ сыну его, а къ дядѣ или теткѣ. Престола Турціи
и Египта недавно еще наслѣдовались дядею предпочтительно пе-
редъ племянникомъ, хотя бы то и сыномъ старшаго брата, и по-
этому-то чадолюбивые султаны такъ ревностно избивали всѣхъ
своихъ братьевъ. Такою рѣзней обезпечивалось право сыновей, но
такъ какъ и между ними постоянно случаются распри за наслѣд-
ство, то во избѣжаніе этого, персидскіе падишахи большую часть
ихъ убиваютъ или лишаютъ глазъ. Султанша-мать сама управ-
ляетъ этой безчеловѣчной экзекуціей. Такими-то мѣрами утвер-
ждаются въ жизни народа семейные принципы; всѣ главныя отно-
шенія домочадцевъ, вслѣдствіе разнообразія ихъ личныхъ интере-
совъ и стремленій, прежде, чѣмъ подчиниться опредѣленнымъ и по-
видимому неподвижнымъ правиламъ, порождаютъ борьбу, возни,
хитрости; не одинъ дядя очищаетъ себѣ дорогу къ наслѣдству
отъ племянника, не одинъ Іаковъ завладѣваетъ первородствомъ
Исава посредствомъ хитрости или открытой силы. Въ современной
жизни нерѣдко встрѣчаются самыя возмутительныя сцены борьбы
юрыстолюбивыхъ наслѣдниковъ за имущество покойнаго; въ поли-
тической исторіи человѣчества мы сплошь и рядомъ видимъ ту же
борьбу за престолонаслѣдіе; точно также идетъ и вся исторія вооб-
ще. Понятно, что въ этой наслѣдственной, какъ и во всякой се-

жею борьбѣ, мужчина, лишивъ женщину ея привилегій, которыми она обладала прежде, долго имѣеть рѣшительный перевѣсъ надъ нею. Дочь—не наследница,—вотъ принципъ обычнаго патриархальнаго права. У бедуиновъ, большинства народовъ южной и западной Африки, у гренландцевъ дочери и жены не наследуютъ вовсе, и случается, что по смерти родителей братья выгоняютъ своихъ сестеръ изъ дома. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ семейства женщина добываетъ себѣ это право. У евреевъ, напримѣръ, до Моисея, дочери не могли наследовать, даже если у нихъ не было братьевъ; въ послѣднемъ случаѣ имущество переходило къ братьямъ покойнаго. Но вотъ умираетъ Целафедадъ, не оставивъ ни одного сына; дочери его, вопреки народному обычаю, начинаютъ требовать наследства. Законодатель соглашается и постановляетъ, что, при неизвѣстнѣ сыновей, наследство умирающихъ евреевъ должно переходить къ ихъ дочерямъ. Вообще наследованіе дочерей чрезвычайно рѣдкое явленіе. Дочь держится лишь для того, чтобы быть проданною въ чужое семейство, слѣдовательно ея наследованіе было бы переводомъ имущества изъ одной семьи въ другую. У большинства сколько нибудь развитыхъ народовъ субстрактномъ наследственной доли дочери служатъ приданое, которымъ она надѣляется при выходѣ замужъ; точно также иногда и по смерти отца братья надѣляютъ сестру, чѣмъ могутъ. Наследственные права жены нѣсколько обширнѣе. Хотя у многихъ народовъ, какъ мы уже говорили, жена умершаго сама служитъ предметомъ наследованія на ряду со скотомъ и домашнею утварью, но приданое, утренній даръ и заботливость родителей жены даютъ послѣдней возможность утвердить за собою извѣстную долю въ имуществѣ умершаго мужа. У нѣкоторыхъ народовъ женщина завоевала даже себѣ право общаго наследства послѣ смерти своего супруга. У черкесовъ вдова управляетъ осиротѣвшимъ семействомъ, не раздѣляя собственности между дѣтьми; точно тоже и у сіамцевъ. Но въ большинствѣ случаевъ вдова не имѣетъ никакой власти; дѣти должны только уважать ее, какъ мать, не наследникъ-сынъ въ тоже время является главою семейства и опекуномъ своей родительницы, напр., въ Индустанѣ. Иногда вдова возвращается подъ власть своихъ родителей. И въ исторической борьбѣ за наследство вдова добилась только, да и то не вездѣ, извѣстной доли въ имуществѣ. Пока законъ относительно размѣровъ этой доли еще не установился, величина ея зависитъ отъ случайностей, отъ величины приданнаго вдовы, отъ условій, заключенныхъ съ женихомъ ея родителя.

«Дѣло», № 10.

ми и т. д. У евреевъ жена имѣетъ право только жить въ домѣ умершаго мужа и кормиться изъ оставленнаго имъ имущества; но и это право долго оспаривалось разными комментаторами монсеевскихъ законовъ. По магометанскому праву жена и дочь всегда имѣютъ долю въ наслѣдствѣ; кромѣ того, при извѣстныхъ, весьма разнообразныхъ условіяхъ, покойному наслѣдуютъ его дочь, бабушка, дочь брата, сестра, госпожа (умершаго раба). Доли этихъ наслѣдницъ разнообразятся по обстоятельствамъ, на исчисленіе которыхъ потребовалось бы здѣсь не мало мѣста; онѣ наслѣдуютъ $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ имущества и т. д. У нѣкоторыхъ полудикихъ народовъ вдова также наслѣдуетъ извѣстную долю. Но у большинства народовъ, въ томъ числѣ даже у индусовъ, она имѣетъ право только на житіе въ домѣ покойника и на прокормленіе изъ его имущества.

Въ первобытной жизни особенно плачевно положеніе безсемейныхъ вдовъ и сиротъ; онѣ подвержены произволу каждаго сильнаго. Но расчетъ имѣтъ въ нихъ даровыхъ работниковъ, а иногда и челоуѣколюбіе заставляютъ людей принимать ихъ въ свои семейства. У индѣйцевъ заботятся о сиротахъ иногда родственники или друзья ихъ родителей. У черкесовъ вдова поступаетъ подъ покровительство друзей и родственниковъ своего мужа; они обязаны пропитывать дѣтей покойнаго и его вдову, если только по своему возрасту она способна еще выйти замужъ. Съ распространеніемъ какойнибудь культурной религіи положеніе безсемейныхъ людей начинаетъ болѣе обращать на себя вниманія, чѣмъ прежде. Буддизмъ, мозанзмъ, магометанство, разные виды христіанства — всѣ они особенно настойчиво проповѣдуютъ о состраданіи безпомощнымъ людямъ и особенно о призрѣніи вдовицъ и сиротъ. Возникаютъ кой-какія богоугодныя заведенія, но большинство вдовъ и сиротъ все-таки остается безъ пристанища; онѣ или просятъ милостыню, или идутъ къ комунибудь въ кабальную работу, или prostituteничаютъ за кусокъ хлѣба.

Мы сказали выше, что семья есть единица архаическаго общества и, что будучи корпораціей, она никогда не умираетъ. Эти положенія тѣсно связаны съ первобытной теоріей о корпоративномъ характерѣ челоуѣческихъ поступковъ. Личность здѣсь — ничто, семья и родъ — все. Если челоуѣкъ добродѣтеленъ, то въ заслугахъ его здѣсь участвуетъ вся семья, все его потомство. Преступленіе здѣсь также считается корпоративнымъ актомъ и виновность въ немъ падаетъ на гораздо большее число лицъ, чѣмъ сколько участвовало

въ его дѣйствительномъ совершеніи. За вину человѣка отвѣчаетъ не только онъ самъ, но и его дѣти, его родъ, его племя, его сограждане, и эта виновность переходитъ въ потомство. Неизмѣнная наслѣдственность во всемъ—въ порокахъ и добродѣтеляхъ семей, кастъ и народовъ, наслѣдственность въ занятіяхъ, вѣрованіяхъ, знаніяхъ и обычаяхъ, передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому—вотъ идеальныя основы древней жизни. Власть царей и жрецовъ основана на ихъ божественномъ происхожденіи, высшія касты владычествуютъ надъ низшими въ силу почющаго на нихъ благословенія, передаваемого по наслѣдству изъ рода въ родъ; низшія касты осуждены на вѣчное рабство также въ силу лежащихъ на нихъ отверженности и божественнаго проклятія; женскій полъ по тому же долженъ быть въ постоянной зависимости отъ мужского; какъ рыба не можетъ сдѣлаться лошадью, заяцъ—львомъ, такъ не могутъ измѣниться и взаимныя общественныя отношенія людей. Принципы наслѣдственности и кровности лежатъ въ основаніи всего государственнаго права и тѣхъ народныхъ теорій, на которыхъ оно построено. Всѣ древнія общества можно раздѣлить на два рода: одни представляются единою великою семьей, другія—союзомъ нѣсколькихъ такихъ семей, изъ которыхъ однѣ состоятъ въ рабскомъ подчиненіи у другихъ.

Типомъ первыхъ могутъ служить сельскія общины арабовъ, индусовъ, государство еврейское, этотъ «домъ Израиля», и Китай, эта громадная единокровная семья, имѣющая въ Богдыханѣ своего общаго отца. Всѣ эти общества основаны на принципѣ единокровности, иногда дѣйствительной, а въ большинствѣ случаевъ фиктивной, и въ ихъ конституціяхъ нѣтъ другихъ принциповъ, кромѣ семейныхъ. Почему индусъ или еврей должны жить вмѣстѣ?—Потому что они дѣти одной семьи. Почему должно повиноваться китайскому императору?—Потому что онъ отецъ своего народа.

Типомъ вторыхъ обществъ можетъ служить Индустанъ съ своими кастами. Каждая каста есть семья, вѣчно обладающая своими наслѣдственными свойствами, въ силу которыхъ одна изъ нихъ владычествуетъ надъ другою. Царь въ такомъ государствѣ не можетъ уже считаться кровнымъ отцомъ низшихъ кастъ, онъ только господинъ ихъ, а самое государство есть союзъ семей, подчиненныхъ одна другой и имѣющихъ одного общаго владыку, *отца государства*, но отца агнатнаго, а не когнатнаго.

Если мы взглянемъ на уголовное право, то и оно окажется основаннымъ на тѣхъ же семейныхъ принципахъ. Народныя юридиче-

скіе обычаи и древнѣйшіе законы считаютъ преступленіемъ только зло, причиняемое членамъ своей семьи, рода или націи. У черкесовъ, напримѣръ, въ преступленіямъ относятся только слѣдующіе поступки: взмѣна народу, отцеубійство, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе жены, поступки трусости, нарушеніе семейнаго гостепріимства, воровства у своей семьи или у ближнихъ сосѣдей, возстаніе, неповиновеніе или бѣгство раба.

Какъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи грѣхи отцовъ переходятъ на дѣтей и обратно, такъ и въ правѣ. Въ Китаѣ за крупныя преступленія противъ царскаго величества подвергаются казни не только виновные, но и вся семья ихъ. Въ Японіи за убійство, если виновный не отысканъ, предаются смерти жители улицы, въ которой совершилось оно. Уголовное право выполняетъ здѣсь ту же кровавую месть, которая замѣняетъ его у народовъ дикихъ. Мстятъ не лицу, а семейству, роду, даже цѣлой націи. Въ Конго и Лоанго вмѣсто родоначальника, виновнаго въ крупномъ преступленіи, казнятся его рабы. Такъ какъ весь народъ считается здѣсь однимъ семействомъ, то кредиторы, не получая съ должника, задерживаютъ и принуждаютъ къ уплатѣ его долга не только его родственниковъ, но и перваго встрѣчнаго земляка его. Каждая капля крови, каждая голова, потерянная семействомъ, каждая рана или обида, полученная однимъ изъ его членовъ, налагаетъ на послѣднихъ священную обязанность мстить виновному, и не только ему одному, но и всѣмъ ближнимъ его, даже всѣмъ животнымъ его. Местъ за кровь родственника есть священный долгъ дикаря; пока онъ не выполнитъ его, надъ нимъ смѣются всѣ посторонніе, иногда даже его бросаетъ жена, а если онъ не женатъ, то за него не пойдетъ никакая дѣвушка, мать постоянно плачетъ объ его несчастіи, а отецъ отворачивается въ нему съ презрѣніемъ. У индѣйцевъ мститъ жена убитаго мужа, хотя и не собственноручно, а передавая эту обязанность своему второму мужу. Родовая месть, какъ уголовная такъ и имущественная, порождаетъ вездѣ непрерывные анархическіе раздоры, которые впрочемъ у нѣкоторыхъ народовъ довольно рано начинаютъ оканчиваться примиреніемъ и возмездіемъ съ виновнаго виры.

Религія проникнута тѣми же семейными элементами; боги—отцы людей, и отцы не въ фигуральномъ, а въ букввальномъ значеніи этого слова; отъ нихъ происходятъ или цѣлыя народы, или, по крайней мѣрѣ, царствующія надъ ними династіи. Когда общество раздѣлено еще на самостоятельныя семьи, тогда существуютъ толь-

во божества семейныя, въ родовомъ бытѣ появляются божества родовыя, и только послѣ соединенія родовъ въ одинъ народъ—божества національныя. Внутреннія отношенія божественнаго міра составлены также по семейному образцу; сначала главные боги—отцы семей, потомъ родоначальники, наконецъ патриархальныя пары.

Такъ, семейныя принципы проникаютъ собою всю нравственную и социальную жизнь народа. Съ развитіемъ государства, права, религіозной системы и особенно жреческой касты архаическое семейство получаетъ норму, съ которой должны сообразоваться всѣ отношенія его членовъ; а положеніе женщины ухудшается во многихъ отношеніяхъ, особенно въ томъ, что за ней начинаютъ слѣдить и держать ее на крѣпкой уздѣ не только родители или мужъ, но и государство, и право, и религія, которыя проинвнуты началами архаическаго семейства и всецѣльно стараются поддерживать его, какъ главную основу общества.

V.

Есть историческія данныя, несомнѣнно утверждающія, что на зарѣ восточной цивилизаціи, положеніе женщинъ было несравненно лучше, чѣмъ впоследствии. Въ древнемъ Индустанѣ женщина пользовалась большимъ общественнымъ уваженіемъ; она не подлежала смертной казни, никто не имѣлъ права ударить ее даже цвѣткомъ, мужъ называлъ ее госпожею; она пользовалась полной общественной свободой, ходила безъ покрывала, посѣщала храмы, участвовала въ публичныхъ увеселеніяхъ; чужіе мужчины посѣщали женскіе покои, короли давали свои аудіенціи въ присутствіи королевъ и ихъ женскаго двора; знатныя барыни предпринимали путешествія, дочери участвовали въ разговорѣ родительскихъ гостей; женщины не только бывали въ театрѣ, но даже исполняли на сценѣ женскія роли. Онѣ допускались тогда и въ суды для свидѣтельства, и если обвинялась женщина, то женское свидѣтельство предпочиталось мужскому. Прошли столѣтія, и женщина очутилась полной рабыней мужчины. Этимъ превращеніемъ она обязана развитію восточныхъ государствъ и духовенства съ его доктринами.

Всѣ деспотіи Востока основаны на поголовномъ рабствѣ подданныхъ; страна считается частной собственностью правительства, всѣ

живутъ и работаютъ только для него. Богатство, роскошь и праздность высшаго класса порождаютъ полигамію, во многихъ мѣстахъ доходящую до ужасныхъ размѣровъ. Въ Индустанѣ у вліятельныхъ, богатыхъ, особенно у владѣтельныхъ лицъ часто по нѣскольку сотъ женъ. У персидскихъ шаховъ изъ династїи сассанидовъ бывало въ разныхъ резиденціяхъ по 3,000 женъ и 12,000 наложницъ. Ахмедъ I имѣлъ 3,000 женъ, а вельможи его имперїи по нѣскольку сотъ каждый. Забирая такую кучу женщинъ, высшій классъ ставитъ бѣднѣе въ необходимость жить въ моногамїи, къ которой принуждаетъ ихъ еще и недостаточность средствъ для содержанія многихъ женъ. Полигамія, поэтому, институція чисто аристократическая. Въ Китаѣ только $\frac{1}{10}$ всего населенія живетъ въ полигамїи, а $\frac{9}{10}$, по бѣдности, могутъ жить не иначе, какъ въ единоженствѣ. Въ Бомбей изъ 28,000 жителей въ полигамїи живутъ 100 и только 5 изъ нихъ имѣютъ не менѣе 3 женъ. Въ Турціи на 100 единоженцевъ приходится 5 двуженцевъ и только 1 многоженецъ. Въ Египтѣ и Аравїи 1 двоеженецъ приходится на 100 моногамистовъ, а изъ 500 многоженцевъ не найдется и одного мужа, имѣющаго болѣе двухъ женъ. О другихъ странахъ хотя и нѣтъ такихъ численныхъ данныхъ, но всѣ путешественники единогласно говорятъ объ этомъ, бросающемся каждому въ глаза, громадному численному перевѣсу моногамистовъ надъ многоженцами. Такой характеръ полигамїи, какъ привилегїи сильныхъ міра сего, такъ неизмѣненъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, что эта привилегїя часто превращается сначала въ юридическій обычай, а потомъ въ законъ, повелѣвающій подданнымъ держать только по одной женѣ, а властителямъ дозволяющій сколько угодно. Такъ, напримѣръ, у императоровъ Китая, у раджей Индустана, такъ было въ древнихъ Перу и Мексикѣ.

Полигамія ведетъ за собою спеціальное воспитаніе женщины для половыхъ наслажденій; праздность, роскошь стола, жилища, одежды, украшеній, множество слугъ—все это передѣлываетъ ея организмъ и сообщаетъ ему ту нѣжность и красоту, которая такъ плѣняетъ мужчину. Будучи рабыней, содержимой для удовольствія своего господина, женщина отрѣшается отъ всѣхъ другихъ стремленій жизни и поставляетъ себѣ единственною задачею понравиться мужу болѣе другихъ женъ. Соперничество порождаетъ среди гаремныхъ затворницъ ревность; та же страсть развивается и въ мужчинахъ, какъ результатъ правъ собственности на свою жену и какъ слѣдствіе другой страсти, любви, постепенно возрастающей

въ исторіи по мѣрѣ развитія половыхъ противоположностей. Женщину, поэтому, удаляютъ отъ общества, заключаютъ въ гаремы и приставляютъ къ ней особую стражу евнуховъ,—одно изъ самыхъ варварскихъ учрежденій, выдуманныхъ человѣческой развращенностью. Число этихъ несчастныхъ иногда равняется числу гаремныхъ затворницъ, даже превосходитъ его. Древне-персидскіе шахи ежегодно получали въ видѣ натуральной дани съ Ассиріи и Вавилона по 500 оскопленныхъ мальчиковъ. На аудіенціи, данной византійскимъ посланцу калифомъ Моктадиромъ, присутствовало 4,000 бѣлыхъ и 3,000 черныхъ евнуховъ. Въ гаремахъ современныхъ персидскихъ вельможъ находится ихъ обыкновенно по 6—8. Въ верхнемъ Египтѣ приготовленіе мальчиковъ къ этому гнусному состоянію монополизировано монахами. Ревность оріенталовъ доходитъ до того, что они не довѣряютъ даже евнухамъ. У персидскихъ шаховъ всѣ должности внутри гарема—услуги, чтеніе молитвъ, леченіе больныхъ, погребеніе умершихъ, содержаніе карауловъ—исполняются особо предназначенными для того женщинами, евнухи не входятъ въ гаремъ, а только сторожатъ его снаружп. Управитель гарема всегда выбирается изъ самыхъ безобразныхъ стариковъ. Гаремъ—темница женщины, и знатныя дамы никогда не покидаютъ его; снабженныя всѣмъ необходимымъ, онѣ проводятъ цѣлую жизнь въ гаремныхъ стѣнахъ, занимаясь болтовнею, вышиваньемъ, нарядами, иногда музыкой, а больше—ничегонедѣланьемъ. Всѣ онѣ крайне невѣжественны, безграмотны, тупы; онѣ лишены даже утѣшеній общественнаго культа, и ревнивый Магометъ освободилъ ихъ отъ обязанности, т. е. говоря проще, запретилъ имъ посѣщать храмы. Магометъ много виноватъ въ гаремной неволѣ женщинъ; онъ освятилъ ее религіей и посредствомъ своей вѣры водворилъ ее у такихъ народовъ, у которыхъ до него ея вовсе не было. Но не Магометъ основалъ гаремы; исключенность женщинъ изъ общественной жизни мы видимъ уже у многихъ патріархальныхъ народовъ, хотя окончательное водвореніе въ жизни и удастся мужчинамъ только тогда, когда въ народѣ разовьется богатая аристократія, могущая содержать гаремы и не нуждающаяся въ трудѣ своихъ женъ. Еще въ эпоху патріарховъ жены евреевъ съ своими дочерьми и рабынями жили отдѣльно отъ мужчинъ, въ особомъ отдѣленіи шатра, иногда даже въ отдѣльныхъ палаткахъ, какъ это и понинѣ дѣлается у многихъ африканцевъ. Когда евреи перешли къ городской жизни, положеніе женщинъ ухудшилось, потому что ихъ удаляли уже не за занавѣску только и не въ отдѣльный ша-

терь, а начали запирають въ гаремы съ каменными или деревянными стѣнами, съ крѣпкими дверьми, замкавшимися хорошими замками; у царей гаремы сторожили евнухи. Женщины въ этихъ темницахъ шили, вязали, страпали, болтали—и только. Въ Китаѣ еще задолго до Конфуція, женщины были сдѣланы затворницами; но онѣ вновь успѣли завоевать себѣ свою прежнюю свободу, которую снова отняли у нихъ въ эпоху Конфуція, много содѣйствовавшаго своимъ ученіемъ этой побѣдѣ своекорыстной ревности мужчинъ. «Никакой мужчина не долженъ входить въ покой чужой женщины», говорить философъ-законодатель. Съ тѣхъ поръ жилье женщинъ отдѣлено отъ покоевъ мужчинъ стѣною и охраняется карауломъ. Даже братья совершенно разобщаются съ сестрами съ девятилѣтняго возраста. Въ XVIII столѣтіи множество женщинъ пыталось разорвать наложенныя на нихъ оковы рабства, какъ увидимъ ниже, и возбудили противъ себя сильнѣйшую реакцію. До 1787 года женщины могли посѣщать храмы, но въ этомъ году, вслѣдствіе упомянутыхъ волненій, правительство своимъ указомъ запретило «всѣмъ женщинамъ бывать въ храмахъ и выходить изъ дома безъ самой крайней нужды. Отцамъ, братьямъ, мужьямъ, сыновьямъ и родственникамъ повелѣвается держать ихъ дома, подъ страхомъ наказанія за слабый надзоръ за ними. Послѣ этого указа, каждая женщина, вошедшая въ храмъ, должна быть арестована и заключена въ тюрьму, пока за нею не придетъ ктонибудь изъ родственникововъ, котораго тотчасъ же и наказать за слабость надзора». Чего же добраго можетъ ожидать женщина, если мужчину, и безъ того желающаго совершенно поработить ее, поощряеть правительство и даже палочными ударами заставляетъ его лишать женщину всякой возможности сдѣлать хоть одинъ свободный шагъ!.. И нельзя удивляться, что китаянку успѣли превратить въ совершенную рабыню. Затворничество ея доходитъ до того, что если мужу случится ѣхать куданибудь по необходимости съ женою, то онъ везетъ ее въ экипажѣ съ рѣшетками, имѣющемъ видъ клѣтки или арестантской повозки. Даже восточные христіане не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ язычниковъ и магометанъ. Затворничество женщинъ, эта одна изъ главнѣйшихъ язвъ древней Россіи, до сихъ поръ удерживается христіанами Турціи. Армяне, хотя и христіанскіе моногамисты, но держатъ своихъ женъ и дочерей въ такомъ же заточеніи, какъ и турки, и женихъ до самаго брака не видитъ лица своей невѣсты. Въмѣстѣ съ такимъ затворничествомъ окончательно утверждается обычаемъ закрыванье женскаго лица отъ

всѣхъ постороннихъ взоровъ. Мужчина, такимъ образомъ, приобретаетъ полное право исключительной собственности на свою жену. При полигаміи, гаремномъ затворничествѣ, специальномъ воспитаніи для половыхъ наслажденій, она дѣлается предметомъ роскоши и совершенною рабыней. Богачи покупаютъ себѣ красавицъ не только въ своей странѣ, но и за границей, дѣвушки Кавказа, на примѣръ, служатъ самымъ цѣннымъ и лучшимъ украшеніемъ гаремовъ Турціи. Хорошая плата, даваемая за дѣвушекъ, всегда губительно дѣйствуетъ на положеніе женщинъ, заставляя корыстолюбивыхъ родителей продавать своихъ дочерей богатымъ многоженцамъ. Вслѣдствіе этого, даже тамъ, гдѣ дѣвушка пользовалась до того свободой въ выборѣ жениха, она лишается ея и продается въ гаремъ, какъ невольница. Гаремы поглощаютъ громадныя суммы, бросаемыя своими обитательницами на наряды и роскошную обстановку; женщина дѣлается въ этой обстановкѣ «нѣжною душистою розой», которую такъ любятъ воспѣвать восточные поэты; страстная женственность и возможность такъ часто мѣнять своихъ любовницъ доводятъ мужчинъ до положительнаго истощенія. Турки и арабы уже въ 30-ть лѣтъ обыкновенно дѣлаются импотентными. При этомъ ослабѣваетъ способность чадородія, дѣти рождаются сплошь и рядомъ такими же слабыми, какъ и ихъ истаскавшіеся батюшки. Характеръ мужчинъ также мѣняется, они дѣлаются изнѣженными, слабыми, женственными. Это видимъ мы въ исторіи всѣхъ восточныхъ династій. Возьмите линію ассирійскихъ царей; въ началѣ ея стоитъ мощный образъ Семирамиды, этой героини, бывшей «великимъ мужемъ» Востока; мало въ ней женственности, но сколько ума и энергіи! Въ хвостѣ этой линіи стоитъ Сарданапалъ, — мужчина, превратившійся въ слабую, изнѣженную, распутную бабенку; у него женскій голосъ, женскія манеры, онъ даже наклоненъ къ женскимъ занятіямъ и, подобно гоголевскому вице-губернатору, вышивавшему по тюлю, занимается пряжей. Въ родѣ же его были въ Ассиріи и Вавилонѣ и всѣ высшихъ классовъ мужчины въ эпоху паденія этихъ государствъ. Таковы всегда результаты чрезмѣрно развѣвшейся женственности.

Въ полигаміи цивилизованнаго Востока, какъ у народовъ полудикихъ, жены не перестаютъ соперничать и бороться между собою за исключительное обладаніе мужемъ, не перестаютъ стремиться къ моногаміи. Главнымъ орудіемъ служить имъ кокетство, и желая сдѣлать свою дочь царицею гарема, мать съ дѣтства обучаетъ ее

всѣмъ тонкостямъ этого сладострастнаго искусства. Въ Турціи, при заключеніи брака, женихъ, по требованію невѣсты, даетъ часто торжественное обѣщаніе, что при жизни ея онъ не возьметъ себѣ другой жены; и такое требованіе заявляется большинствомъ невѣстъ. Вообще, на Востокѣ жены рѣдко уживаются въ одномъ домѣ и постоянно принуждаютъ мужа разбирать ихъ нескончаемыя ссоры; для водворенія мира онъ часто ставится въ необходимость отводить каждой пзъ нихъ отдѣльное жилище. И многіе оріенталы давно уже убѣдились, что съ нѣсколькими женами супругъ не можетъ быть такъ счастливъ, какъ съ одной. Въ арабскихъ пословицахъ часто выражается эта мысль, и въ среднемъ классѣ арабовъ полигамія почти вовсе нѣтъ, не вслѣдствіе бѣдности, а единственно вслѣдствіе того, что женщина заставляетъ предпочитать единоженство. Даже нѣкоторые богатые турки довольствуются одною женою, держать гаремъ единственно для шикю, для доказательства своей зажиточности. Подъ вліяніемъ описанныхъ обстоятельствъ всѣ почти древніе законодатели-мыслители выставляютъ моногамическій союзъ идеаломъ брака. Въ Меккѣ, хотя императоры и богачи имѣли гаремы, но изъ многихъ женъ закононою считалась только одна, и всѣ признавали ученіе мудрыхъ моралистовъ: «Богъ хочетъ, чтобы у женщины былъ одинъ мужъ, а у мужчины одна жена». Ману предсказываетъ особенное счастье тому дому, въ которомъ царствуетъ моногамія; въ Рамаданѣ единоженцамъ обѣщается вѣчное блаженство на небѣ; и въ Индустанѣ есть религіозныя секты, напримѣръ делійскіе садсы, съ особенною строгостью охраняющіе признанную ими святость единоженства. Законы Зороастра также предписываютъ моногамію, и только въ случаѣ безплодія жены, этого величайшаго несчастія для оріентала, дозволяютъ ему жениться на другой, и то не иначе, какъ черезъ девять лѣтъ послѣ заключенія брака съ согласія старой жены и съ сохраненіемъ за нею всѣхъ ея правъ. Въ Китаѣ моногамія также рекомендуется закономъ, который и при многоженствѣ ревниво охраняетъ права главной жены. Мужъ, низведшій ее на степень второй жены или наложницы, получаетъ 100 палокъ; за возвышеніе второстепенной жены на мѣсто главной—90 палокъ и т. д.; а главная жена съ тѣмъ вмѣстѣ восстанавливается въ своихъ правахъ и привилегіяхъ. Въ Японіи и Сіамѣ полигамія запрещена. Въ моисеевомъ законодательствѣ моногамія хотя и не предписана, но все-таки предпочитается многоженству; послѣднее начало падать у евреевъ послѣ возвращенія ихъ изъ

плѣна вавилонскаго, а въ XI вѣкѣ раввинъ Герсонъ съ другими духовными авторитетами окончательно уничтожилъ его, изрѣвши проклятіе противъ всякаго, кто рѣшится имѣть двухъ женъ.

Такимъ образомъ, женщины, бѣдные классы, проповѣдники нравственности составляли всегда оппозицію противъ полигаміи; но послѣдняя, созданная сладострастіемъ мужчинъ, властью и капиталомъ высшихъ классовъ, находитъ въ нихъ достаточно силы для своей поддержки. У однихъ народовъ сильные міра сего, повинувшись напору упомянутой оппозиціи, предписываютъ моногамію всѣмъ подданнымъ, а за собой оставляютъ привилегію многоженства; такъ было, на примѣръ, въ Меккѣ и Перу. Въ Китаѣ законъ предписываетъ моногамію, но императору дозволяется, кромѣ неопредѣленнаго числа наложницъ, имѣть одну главную жену, двѣ второстепенныхъ и шесть третъстепенныхъ. Въ Индустанѣ количество женъ соразмѣряется съ сословнымъ положеніемъ мужчины; браминъ можетъ имѣть четырехъ женъ, воинъ — трехъ, земледѣлецъ — двухъ, судра — только одну. При этомъ, изъ женъ мужчины, принадлежащаго къ первымъ тремъ классамъ, одна непременно должна быть главною. Въ большинствѣ же случаевъ, сторонники полигаміи стараются обойти направленные противъ нея законы посредствомъ фикціи наложничества или конкубината. Наложница — не жена, а рабыня, въ буквальномъ смыслѣ подчиненная женѣ и содержимая какъ самка для дѣторожденія или же для половыхъ услугъ мужчинъ. Конкубинатъ для мужчины еще выгодыѣ многоженства: законъ не налагаетъ на него такихъ обязанностей относительно рабыни-наложницы, какія онъ предписываетъ ему относительно жены. Въ Персіи, Египтѣ, Иудеѣ, Японіи — вездѣ, гдѣ полигамія не одобряется религіей или запрещается закономъ, она замѣнена конкубинатомъ. Но и съ наложничествомъ не совсѣмъ примиряется женщина, и не одна Сарра изгоняетъ Агарь изъ дома своего мужа. Въ Китаѣ конкубинатъ хотя и въ обычаѣ, но онъ не считается законнымъ бракомъ; если китаецъ, имѣя дѣтей отъ законной жены, беретъ еще наложницу, то это не одобряется общественнымъ мнѣніемъ; конкубинатъ считается извинительнымъ только при бездѣтности законной жены. Востоку не суждено было окончательно утвердить въ жизни моногамію, — это сдѣлали христіанство, римское право и, подъ его вліяніемъ, еврейское законодательство. Но въ религіи Магомета полигамическія тенденціи Востока снова одержали побѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что личные расчеты Магомета имѣли значительное вліяніе на характеръ

его ученія; это обстоятельство вмѣстѣ съ извѣстнымъ женолюбіемъ пророка и его наклоностью по возможности избѣгать враждебныхъ столкновеній съ народными обычаями и страстями, послужило основаніемъ мусульманской полигаміи. Въ XXXIII сурѣ корана Аллахъ дозволяетъ Магомету — «и только исключительно ему и кромѣ его никому изъ вѣрныхъ» — имѣть столько женъ, сколько онъ захочетъ, вступать съ ними въ законный бракъ, держать ихъ въ качествѣ наложницъ, прогонять, снова брать къ себѣ, — словомъ, поступать съ ними, какъ его душенькѣ угодно! Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Аллахъ противорѣчитъ приведенному дозволенію, запрещая Магомету, кромѣ имѣющихся у него женъ, брать другихъ, но не отказывая ему въ наложницахъ. Каждый магометанинъ можетъ имѣть только четыре законныхъ жены, а наложницъ — сколько угодно, хоть пѣлый табунъ. Всѣ жены равны между собою.

Купля-продажа невѣсты, столь распространенная въ патриархальномъ быту, сохраняется и послѣ перехода людей къ государственной жизни. Общество превращается въ громадную семью, управляемую деспотическимъ владыкой, который силится распространить свое право собственности на всю землю, обитаемую его подданными, на все ихъ имущество, даже на нихъ самихъ. На его лицо переносятся всѣ права и привилегіи отеческой власти. Первичнымъ типомъ такого царства служитъ Дагомея. Какъ отецъ своей семьи, дагомейскій король выдаетъ замужъ всѣхъ женщинъ и женитъ всѣхъ мужчинъ своей страны. Женныхъ приноситъ ему установленную плату и получаетъ себѣ въ жены дагомейку или плѣнную чужестранку. Всѣ дѣти принадлежатъ королю, равно какъ и всѣ взрослые, которыхъ онъ часто продаетъ иностранцамъ. По свидѣтельству Спика также устраиваются браки и у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ. Въ древнемъ Вавилонѣ существовалъ подобный же обычай. Въ каждомъ округѣ избирались три уважаемыхъ мужчины, которые собирали всѣхъ достигшихъ брачнаго возраста дѣвушекъ и продавали ихъ съ аукціона желающимъ. Прежде всего продавались самыя красивыя, и изъ вырученной за нихъ платы составлялось приданое для самой неприглядной дѣвушки. Въ Китаѣ до сихъ поръ правительство раздаетъ бѣднякамъ въ жены воспитанницъ домовъ для найденышей. И въ дѣтскихъ деспотическихъ государствахъ можно найти не мало примѣровъ того, какъ общественная власть замѣняетъ собою въ брачныхъ дѣлахъ власть родительскую. Но такое вторженіе правительства въ семейную сферу рѣдко, только въ видѣ исключенія, превращается въ

такой законный обычай, какъ въ Дагомеѣ и Вавилонѣ, въ большинствѣ же случаевъ оно является простымъ выраженіемъ произвола деспота. Семья или ея владыка сохраняютъ по прежнему свои права на дочь, и бракъ по прежнему остается торговою сдѣлкой между двумя семействами. Такой характеръ брака лучше всего выражается въ самой церемоніальной странѣ міра, въ Японіи. Самыя ничтожныя мелочи брачной церемоніи здѣсь регулированы, и описаніе ихъ, которое въ видѣ руководства раздается всѣмъ участвующимъ на свадьбѣ, составляетъ довольно объемистую книжку. Договаривающіяся стороны дѣлаютъ между прочимъ точныя списки обоюдныхъ подарковъ; послѣдніе принимаются съ большою торжественностью и въ полученіи ихъ выдаются формальныя квитанціи. Въ индѣйскомъ покупномъ бракѣ женихъ дѣлаетъ визитъ отцу невесты и уплачиваетъ ему калымъ; отецъ отдаетъ визитъ съ большою торжественностью и даритъ жениха; послѣ этихъ формальностей дѣвушка считается проданною, но такой договоръ можетъ быть уничтоженъ по волѣ касты или же общаго собранія всѣхъ родственниковъ невесты, если они признаютъ, что отецъ заключилъ его неправильно. У большинства оріенталовъ бракъ заключается въ формѣ настоящаго торговаго договора; оба семейства обозначаютъ въ контрактѣ цѣну невесты, количество приданаго и т. д. Въ Китаѣ и другихъ странахъ для устройства брачныхъ дѣлъ существуютъ многочисленныя классы свахъ, которыя нанимаются у родителей жениха отыскивать для него приличный и выгодный *матраръ*, т. е. невесту, разузнавать объ ея качествахъ, цѣнѣ и т. д. При заключеніи покупнаго брака рѣдко спрашиваютъ согласія невесты, да въ большинствѣ случаевъ это и невозможно, такъ какъ множество дѣвушекъ обручается трехъ-четырехъ лѣтъ отъ рода, часто даже при самомъ рожденіи ихъ, а нарушить обручальнаго договора нельзя, и въ Китаѣ за это полагается отцу семейства 50 палочныхъ ударовъ. Замужъ выдаютъ тоже рано; — лѣтъ 10, 12, 15. Большею частію такія раннія обрученія и браки зависятъ отъ корыстныхъ разчетовъ невестинныхъ родителей и отъ развращеннаго вкуса мужчинъ, падкихъ на молоденькую невинность, — но иногда они вынуждаются и другими обстоятельствами. Талмудическое законодательство, напримѣръ, уже давно запретило обручать дѣвушку ранѣе 12 лѣтъ, а выдавать замужъ ранѣе 17; но общественныя бѣдствія евреевъ заставляли ихъ уклоняться отъ этого правила; «гонимые съ одного мѣста на другое, говорятъ раввины, нигдѣ не находя пристанища, живя въ мучительной

неизвѣстности, что принесетъ намъ завтрашній день, — мы должны обезпечивать нашихъ дочерей при первой возможности и заблаговременно приискивать имъ защиту». Цѣна дѣвушекъ разнообразится по обстоятельствамъ, регулирующимъ и колеблющимъ цѣну всякаго товара вообще; но законодательства стараются опредѣлить ея нормальный минимумъ, размѣры котораго вполне гармонируютъ съ невыгоднымъ воззрѣніемъ ориенталовъ на женщину. По корану, женихъ долженъ платить за дѣвушку не менѣе 10 дирхъ (около 1 р. 50 к. с.). Въ индустанскомъ правѣ покупной бракъ имѣетъ двѣ степени, во-первыхъ, бракъ *арса*, если женихъ платитъ отцу невѣсты двухъ коровъ, и бракъ *асура*, при которомъ женихъ даетъ за невѣсту столько цѣнностей, сколько позволяютъ ему собрать его обстоятельства. Но оба эти брака не одобряются ни общественнымъ мнѣніемъ, ни даже законодательствомъ, какъ это видимъ и у другихъ цивилизованныхъ народовъ Востока. Постыдность этой продажи невѣсты заключается, по воззрѣнію ориенталовъ, не въ униженіи ея человѣческой личности, а въ томъ, что такая продажа компрометируетъ честь родителей; «порядочный человѣкъ» Востока, какъ и всѣхъ малоразвитыхъ странъ, считаетъ позорнымъ заниматься какою бы то ни было торговлею, какимъ бы то ни было промышленнымъ трудомъ, — единственно почетными занятіями для него служатъ воинскій грабежъ, эксплуатація народа поборами и работами и т. п. Поэтому даже тамъ, гдѣ продажа дочерей не одобряется, какъ напр. въ Индустанѣ, тамъ родители могутъ дарить ихъ нѣсколько, не пятая часть своей репутаціи порядочныхъ людей. Въ той же Индіи, гдѣ продажа невѣсты считается дѣломъ позорнымъ, особенно священными формами брака считаются такъ называемыя *церемоніи Брамъ*, когда отецъ, по собственному побужденію, даритъ брамину свою дочь, одѣтую только въ одно простое платье, и *церемонія Давстасъ*, при которой даримая дѣвушка является къ жениху разодѣтою въ пухъ и прахъ. Такимъ образомъ, ложное чувство приличія выводитъ изъ употребленія продажу невѣсты, и хотя это нисколько не ослабляетъ родительскаго произвола, но все-таки приноситъ пользу женщинѣ. Заботы невѣсты о своей будущности, заботы о томъ же ея семейства, самолюбіе жениха, недозволяющее ему брать *товаръ даромъ*, — все это содѣйствуетъ переходу калыма въ утренній даръ. Этотъ переходъ совершается не вдругъ и имѣетъ нѣсколько ступеней. Въ мусульманскомъ правѣ и въ узаконенныхъ имъ народныхъ обычаяхъ часть утренняго дара, и часть самая большая,

берется родителями невесты, какъ плата за нее, а другую часть женихъ отдаетъ невестѣ, какъ бы покупая у ней самой ея дѣвственность; эта послѣдняя сумма, дѣлаясь собственностью жены, обезпечиваетъ ея положеніе въ томъ случаѣ, если она овдовѣетъ или разведется съ мужемъ, безъ нарушенія съ ея стороны обязанностей брака. При дальнѣйшемъ развитіи права, уплата калыма становится пустою обрядовою формальностью, а утренній даръ и возмѣщается въ своей цѣнности, и передается невестѣ въ ея исключительную собственность. По талмудическому законодательству нормою упомянутаго обряднаго калыма служить ничтожный динарій, $\frac{1}{8}$ итальянскаго голаса; минимумъ же суммы, долженствующей обезпечить жену въ случаѣ ея вдовства или развода, опредѣляется въ 200 гульденовъ для дѣвушки и во 100 для вдовы; со II вѣка до Р. X. этотъ даръ обезпечивается всѣмъ имуществомъ мужа.

Исчезновеніе калыма и развитіе обычая давать невестѣ утренній даръ или обязательство обезпечить ее на случай вдовства или развода конечно улучшаютъ положеніе женщины, и улучшаютъ не только этимъ обезпеченіемъ, но и тѣмъ, что тутъ мужу внушается чувство извѣстнаго долга, извѣстной обязанности относительно своей жены. А эта обязанность необходимо содѣйствуетъ прочности брачнаго союза, затрудняя разводъ по капризу одного мужа. Обычай приданаго, окончательно входящій въ силу при развитіи права и государства, также не мало содѣйствуетъ прочности брака и не только улучшаетъ отношенія жены къ мужу, но въ извѣстныхъ случаяхъ ставитъ первую главою дома. На мусульманскомъ Востокаѣ богатые отцы часто выдаютъ своихъ дочерей за бѣдняковъ, и такіе мужья необходимо становятся въ полную зависимость отъ своихъ богатыхъ женъ.

На всемъ Востокаѣ сплошь и рядомъ дѣвушки обручаются, даже выдаются замужъ несовершеннолѣтними; родители, конечно, не спрашиваютъ ихъ согласія и, въ случаѣ ихъ сопротивленія, могутъ принудить ихъ къ замужеству силой. Вдовы же совершенно свободно располагаютъ своею рукою. Но и власть родителей женить сына и выдавать дочь, воплиѣ признаваемая юридическими обычаями и законами первичныхъ государствъ, впоследствии значительно ограничивается законодательствомъ въ интересахъ женщины. Безъ согласія невесты бракъ дѣлается невозможнымъ, и у мусульманъ взрослая дочь сама выбираетъ себѣ мужа; но въ дѣйствительности родители всегда могутъ вынудить у дочери упомянутое согласіе и тѣмъ отнять у закона всю его силу; и у насъ

de jure бракъ заключается по свободному согласію невѣсты и жениха, но свадьбы нашихъ купцовъ и крестьянъ свидѣтельствуютъ какъ призрачно въ грубомъ обществѣ согласіе невѣсты. Давши дѣвушкѣ такую льготу, законы Востока требуютъ также для заключенія брака и согласія родителей жениха и невѣсты, даже при неимѣнннн такого закона, его замѣняютъ обычай и общественное мнѣніе, карающія ослушниковъ. Безусловная покорность родительской волѣ предписывается здѣсь не только законодательствомъ, но и служить основнымъ правиломъ морали, нарушеніе котораго пятнаетъ репутацію человѣка. У евреевъ совершеннолѣтній сынъ по закону вполне самостоятеленъ, но обычная мораль требуетъ, чтобы онъ не вступалъ въ бракъ безъ согласія своихъ родителей. Если онъ отступалъ отъ этого правила, то встарину родители его выносили на публичное мѣсто бочку съ фруктами и разламывали ее, говоря: «нашъ родственникъ женился на недостойной женщинѣ; мы не хотимъ, чтобы его дѣти смѣшивались съ нашими, и да будетъ это знакомъ въ будущемъ» (т. е. какъ разъединились фрукты, такъ разъединяемся и мы съ нимъ).

Въ первобытной, государственной жизни, какъ мы уже видѣли, женщина стремилась къ свободному заключенію брака, къ превращенію его въ личный договоръ между нею и женихомъ. Это стремленіе перешло и въ государственную эпоху, проникло даже въ первобытные кодексы и народные обычаи. Въ Индустанѣ до сихъ поръ существуетъ «бракъ небесной гармоніи», заключаемый единственно по взаимной склонности влюбленныхъ жениха и невѣсты. Въ древне-индѣйскихъ стихотвореніяхъ часто упоминается еще объ обычаѣ, по которому родители невѣсты приглашали къ себѣ на пиръ юношей, намѣреющихся жениться, и невѣста сама выбирала изъ нихъ жениха себѣ, кладя на его голову цвѣточный вѣнокъ. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ въ Таньорѣ. Но да не увлекается читательница наружною прелестью восточнаго брака; привилегія, добытая себѣ женщиною, состоитъ здѣсь только въ свободномъ выборѣ своего господина; все отличие формы свободнаго брачнаго союза отъ брака, заключаемаго по волѣ родителей, состоитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ дѣвушку отдають, а въ другомъ—она сама поступаетъ въ рабство.

На Востокѣ право не отдѣлено отъ религіи и всѣ древніе кодексы ориенталовъ были въ тоже время сводами религіозныхъ заповѣдей. Эти кодексы не только узаконяли разившіеся въ народной жизни юридическіе обычаи, но съ тѣмъ вмѣстѣ предписывали новыя правила;

пытались реформировать общества. Всѣ они, кромѣ Зендавесты, вооружаются противъ браковъ между близкими родственниками; коранъ запрещаетъ передавать жену по наслѣдству; законы евреевъ, японцевъ строго воспрещаютъ женитьбу на иностранкахъ, а коранъ—на иновибрахъ; въ Китаѣ нельзя жениться на всѣхъ женщинахъ, носящихъ съ женихомъ одну фамилію, что чрезвычайно затруднительно для брачныхъ дѣлъ, такъ какъ у 400,000,000 китайцевъ число фамилій крайне незначительно, менѣе 500. Въ странахъ, въ которыхъ браки съ иностранками вошли уже въ употребленіе, запрещеніе ихъ часто долго еще тяготѣетъ на членахъ царскихъ фамилій, какъ на примѣръ въ Китаѣ, гдѣ женихъ-богдыханъ собираетъ всѣхъ красивѣйшихъ дѣвушекъ имперіи и выбираетъ себѣ изъ нихъ женъ. Такимъ же способомъ женились цари древней Руси, ханы Джунгаріи и до сегодня — владѣтели разныхъ среднеазиатскихъ и африканскихъ государствъ. Затѣмъ освящая существованіе кастъ и ихъ полную изолированность другъ отъ друга, восточныя законодательства всѣми мѣрами стараются основать бракъ на принципѣ *разнородности* обоихъ супруговъ; касты и сословія не должны смѣшиваться между собою и аристократъ не долженъ портить своего потомства примѣсю къ его благородной крови плебейки-матери. Болѣе всего старается объ этомъ индѣйское законодательство, которое члену нижней касты запрещаетъ даже глядѣть на женщину высшей. Въ сущности эти запрещенія кастовыхъ браковъ есть тоже, что и запрещеніе браковъ международныхъ,—каждая каста состоитъ, по теоріи по крайней мѣрѣ, изъ людей особой породы, и членъ высшей касты относится къ нимъ съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и къ иностранцамъ.

Религіозныя системы и проповѣди моралистовъ Востока рисуютъ намъ идеаль брачной жизни и счастливый бракъ считаютъ однимъ изъ величайшихъ благъ земной жизни. Для достиженія этого блага, они считаютъ необходимымъ миръ въ семейной жизни и любовь супруга къ женѣ. Не мало авторитетныхъ голосовъ убѣждало деспотическихъ оріенталовъ къ гуманному обхожденію съ такими добродѣтельными женами. Законы Ману говорятъ, что женъ должны уважать и украшать нарядами не только мужа ихъ, но и всѣ другіе ихъ родственники; супругамъ совѣтуется жить въ полной любви и мирѣ; но все это необходимо не ради самой женщины, а ради благоденствія семьи; напр., упомянутое украшеніе нарядами жены нужно только для того, чтобы она любила мужа, ибо безъ любви не будетъ дѣтей. Даже варварское законодательство Китая

даетъ женщинѣ нѣкоторыя привилегіи, изъ уваженія къ ея материяству. Китайку нельзя посадить въ общественную тюрьму, если она не виновата въ прелюбодѣяніи или уголовномъ преступленіи; чиновникъ, нарушившій этотъ законъ, получаетъ 40 палокъ; беременная женщина, присужденная къ тѣлесному наказанію, наказывается не раньше, какъ черезъ сто дней послѣ родовъ. Магометъ увѣщаетъ вѣрныхъ быть справедливыми и милосердными къ женамъ, за что Богъ наградитъ мужей на небѣ. И вслѣдствіе вліянія магометанства, положеніе женщинъ у дикарей, принявшихъ коранъ, дѣлается лучше, чѣмъ до ихъ обращенія къ исламу. Въмѣстѣ съ обязанностью любить и уважать жену, религіозныя системы и кодексы Востока предписываютъ мужу прилично одѣвать и пропитывать ее, а также имѣть съ нею половое совокупленіе въ опредѣленные сроки; у евреевъ, кромѣ того, онъ обязанъ лѣчить жену (но только отъ непродолжительной болѣзни, ибо за постоянную хворость онъ можетъ дать ей разводъ), выкупать изъ плѣна (на этомъ основаніи онъ пользуется доходами съ имущества жены), прилично хоронить умершую жену, за что онъ наследуетъ ея приданое. Къ исполненію этихъ обязанностей жена можетъ принуждать мужа посредствомъ суда. Конечно, подобныя ограниченія мужняго произвола улучшаютъ семейный бытъ женщины, по возможности гарантируя ее отъ самодурческихъ капризовъ супруга; но всѣ упомянутыя заботы законодательствъ относятся не къ женщинѣ, даже не къ женѣ вообще, а только къ женѣ, какъ къ матери семейства и ревностной помощницѣ своего мужа. Убѣждая владыкъ быть человѣколюбивѣе съ своими рабынями, законодательства имѣютъ въ виду интересы семейства и самихъ мужей, такъ какъ опытъ всегда показываетъ, что человѣка гораздо успѣшнѣе можно превратить въ раба посредствомъ кроткаго управленія имъ, чѣмъ посредствомъ жестокостей и самодурскаго произвола. «Счастливъ человѣкъ, имѣющій добродѣтельную жену, потому что долгота дней его удвоится черезъ то», говорятъ сынъ Сираховъ, высказывая общее желаніе всѣхъ ориенталовъ имѣть добродѣтельную жену. Идеаль ея состоитъ въ томъ, чтобы она поступила къ мужу невинною, была вѣрна ему и чадородна, хорошо вела бы хозяйство, была бы покорною и всегда готовою слугою своего супруга. Всѣ заботы восточныхъ законодательствъ и моралистовъ устремлены на выработку этого идеала и средствъ къ его осуществленію въ жизни. Власть мужа получаетъ религіозную санкцію; жена обязана покоряться ему въ силу лежащаго на ней небеснаго проклятія за грѣхопаденіе; права

мужа, основанныя на чисто гражданскомъ договорѣ его съ невѣстою и родителями ея, освящаются обрядомъ вѣнчанія и утверждаются государственною властью. Все стремится къ тому, чтобы сдѣлать изъ женщины добродѣтельную рабыню. Женщина, по законамъ Ману, никогда не должна стремиться къ независимости, она не должна даже мечтать о жизни отдѣльно отъ своего отца, своего мужа или своихъ сыновей; если она разоидется съ мужчиной, то оба подвергаются общественному презрѣнію. Единственное средство угодить богамъ и достигъ небеснаго блаженства жена имѣеть только въ непрекословной покорности и вѣрности своему супругу; въ рай она можетъ войти только вмѣстѣ съ нимъ и съ помощью искупительныхъ жертвъ своего сына. Отцы, братья, мужа, сыновья, ради благоденствія своего семейства и собственныхъ интересовъ, должны держать женщинъ въ постоянной отъ себя зависимости и слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. Съ опытностью развитаго рабовладѣльца, Ману не рекомендуетъ дѣйствовать на женщинъ мѣрами жестокости, а чтобы предохранить ихъ отъ заразы свободолюбія, совѣтуетъ непрерывно занимать ихъ хозяйственными работами. Во избѣжаніе домашнихъ безурядицъ и возмущеній, женщинамъ запрещается употреблять крѣпкіе напитки,—какъ это запрещается и рабамъ, напримѣръ, въ южныхъ штатахъ сѣверной Америки, — имѣть сношенія съ дурными людьми, выходить безъ позволенія мужа изъ дома, спать не во время, говорить съ чужимъ мужчиной, смотрѣть изъ оконъ на улицу, чуждаться своего мужа — это шесть пороковъ, изъ коихъ каждый покрываетъ женщину позоромъ и безчестіемъ. Женщинѣ, какъ и рабу, какъ и судрѣ, запрещено чтеніе священныхъ книгъ, ее необходимо держать въ полномъ невѣжествѣ; и въ Индустанѣ, покорномъ заповѣдамъ своего божественнаго законодателя, до сихъ поръ не дозволяется женщинамъ ни читать, ни писать, такъ какъ подобныя занятія «отрываютъ ихъ отъ хозяйственныхъ работъ и навлекаютъ несчастіе на семью». Даже женщинамъ, пользующимся ихъ довѣренностью, браминны не сообщаютъ никакихъ важныхъ свѣденій о своемъ ученіи, «дабы они, по своей глупости, не разбалтывались передъ непосвященнымъ народомъ и не бросили бы своихъ мужей; ибо *«кто научается презирать сладострастіе и страданія, жизнь и смерть, тотъ не захочетъ быть рабомъ другого»*. Очень основательно и откровенно!.. Такъ какъ жена существуетъ только для мужа, то священная книга Шастеръ, въ его отсутствіе, запрещаетъ ей смотрѣть на танцы, слушать музыку, сидѣть у окна, красить брови,

смотрѣться въ зеркало. «Женщина, сынъ и рабъ ничѣмъ не владѣютъ самостоятельно, а пріобрѣтаютъ все для того, отъ кого они зависятъ». Жена обязана оказывать своему супругу такіе же знаки уваженія, какъ рабъ господину.

Вся китайская жизнь основана на семейномъ началѣ, и поэтому подчиненность жены мужу служитъ фундаментомъ китайскаго общества. Законодатель и философы, моралисты и полиціи, мужья, отцы, братья—все проповѣдуетъ впродолженіе тысячелѣтій о рабствѣ женщины и объ его спасительной необходимости для благоденствія народа. «Женщина—говоритъ китайское правило—существо втроемъ зависимое, какъ дочь — отъ отца, какъ жена — отъ мужа, какъ вдова — отъ сына». Отъ нея требуются четыре главныхъ достоинства — «добродѣтель въ сердцѣ, скромность на челѣ, кротость на устахъ и руки, постоянно занятая работой». Жена никогда не должна ѣсть съ мужемъ, никуда выходить безъ его позволенія. Только унижившись до состоянія безличной рабыни, женщина можетъ устроить себѣ немного спокойную жизнь въ китайскомъ семействѣ, иначе ее ждутъ—брань, побой, изгнаніе изъ дома. Вотъ почему знаменитая китайская писательница Панъ-Хон-Панъ въ своихъ «Семи книгахъ о женскихъ обязанностяхъ» увѣщеваетъ женщинъ «ради ихъ собственнаго счастья безгранично уважать мужей и постоянно наблюдать за собой, *не давая мужьямъ возможности замѣтить своихъ недостатковъ*... Мужъ—небо жены, говоритъ сентенція, противъ которой никогда не возражали. А есть ли на землѣ мѣсто, гдѣ бы не было неба? Поэтому жена навсегда остается на землѣ, т. е. всю жизнь находится подъ небомъ своего мужа. Жена, любящая мужа и имъ любимая—повинуется ему безъ труда. Но это только половина долга. Безусловное повиновеніе мужу, тещѣ и тестю только одно можетъ предохранить женщину отъ упрековъ, если она даже исполняетъ всѣ другія обязанности. Женщина — говоритъ Ню-Хинъ-Шу—должна быть въ домѣ настоящею тѣнью и простымъ эхомъ. А тѣнь не имѣетъ другой формы, кромѣ той, какую ей даетъ предметъ; эхо не говоритъ ничего другого, кромѣ того, что заставляютъ его сказать»... Далѣе Панъ-Хон-Панъ даетъ совѣтъ, какъ возбуждать любовь мужа; для этого женщина должна быть скромною, молчаливою, говорить лишь тогда, когда ее спрашиваютъ, и если она образована, то «не обнаруживать этого въ разговорѣ, потому что не любятъ, чтобы женщина цитировала безпрестанно исторію, священныя книги и поэтовъ»; наконецъ, она должна заботиться о

своей внѣшности. Руки женщины постоянно должны быть заняты работою, и относительно причинъ этого требованія Китай совершенно сходится какъ съ Индустаномъ, такъ и съ остальнымъ Востокомъ. «Работа—говоритъ одна китайская баллада—есть хранительница женской добродѣтели; не позволяйте женщинамъ быть праздными, пусть лучше онѣ круглый годъ наряжаются и раздѣваются. Имъ нужно доставлять наряды, чтобы, забавляясь ими, онѣ не думали о своеволии!» Ученіе Панъ-Хон-Панъ считается въ Китаѣ однимъ изъ лучшихъ изложеній правилъ закона и морали объ обязанностяхъ жены; оно съ такою послѣдовательностью выведено изъ доктрины Конфуція, что было чрезвычайно благосклонно принято дворомъ и всѣми мандаринами. Ученый Ма-Юнгъ, начальникъ ученыхъ и литераторовъ, приказалъ своей женѣ выучить его наизусть, чтобы *совершенствовать женщинъ*. Заключенныхъ въ четырехъ стѣнахъ, подавленныхъ домашнимъ деспотизмомъ, китайцы съ молодыхъ лѣтъ стараются пропитать такими доктринами, преподавая имъ исключительно только правила и уроки семейнаго чинопочитанія и чисто азіятскаго раболѣпія, а мужчинъ заставляютъ постороже присматривать за ними и за слабый надзоръ дуютъ бамбуковыми палками; женщина за свои отступленія отъ упомянутыхъ правилъ терпитъ столь же безчеловѣчное наказаніе. Напротивъ, женамъ, отличавшимся семейными добродѣтелями и покорностью, воздвигаются послѣ ихъ смерти публичные памятники.

Мусульманинъ, совершенно въ духѣ своего вѣроученія, третируетъ жену, какъ невольницу; она прислуживаетъ за столомъ мужа, на колѣняхъ подаетъ ему трубку. Коранъ уполномочиваетъ супруга не только подвергать ее тѣлеснымъ наказаніямъ, но и употреблять какія угодно средства для приведенія ее въ покорность. Въ Египтѣ мужъ часто ведетъ свою непокорную жену къ кади и, записавъ ее у него въ штрафную книгу, тѣмъ избавляется отъ обязанностей заботиться объ ея жилищѣ, одеждѣ и содержаніи. Даже крѣпостной, забитый феллахъ относится къ своей супружницѣ съ явнымъ пренебреженіемъ, заставляетъ ее ходить за собой, какъ рабыню, и носить его трость, трубку и всякую тяжесть.

Вмѣстѣ съ усліями изолировать женщину въ семействѣ и обратитъ ее въ домашнее рабство, тѣснымъ образомъ связаны ея религіозная отверженность и общественное безправіе. Мнѣніе о нечистотѣ женскаго организма, существующее, какъ мы уже говорили, у дикарей, переходитъ въ религіозныя системы культурной эпохи, развивается и комментируется здѣсь жрецами, которые поль-

зуются имъ для своихъ личныхъ цѣлей, для устраненія женщинъ отъ жреческой должности, для запрещенія имъ ходить въ храмы, читать священныя книги и т. д. Эта религіозная безправность имѣла еще своимъ послѣдствіемъ то, что женщина должна была сама сознавать необходимость для себя рабской зависимости отъ мужчины. Самостоятельно она не можетъ приносить жертвы; только жертвы сына или мужа могутъ открыть ей райскія двери, да и то, если она покорная жена! Развратъ и излишество половыхъ удовольствій, столь обыкновенныя на Востокѣ, достигая извѣстныхъ предѣловъ, производятъ аскетическую реакцію, отвергающую половую любовь и позорящую женщину, какъ источникъ всякаго зла. Таковы, напримѣръ, аскеты индѣйскіе, безбрачное буддѣйское духовенство, распространенное почти по всему Востоку, ессеяне и т. д. Разочаровавшись въ своихъ любовныхъ безобразіяхъ, истощенный, разоренный ими, пораженный любострастными болѣзнями, возненавидѣвшій всякое половое удовольствіе, міръ мужчинъ создаетъ свою аскетическую доктрину и практику и указываетъ на женщину, какъ на источникъ всѣхъ нравственныхъ золъ, какъ на орудіе и вмѣстилище злого духа. Законы Ману, напримѣръ, приписываютъ женской природѣ, въ видѣ отличительныхъ свойствъ ея, лѣность, похотливость, «дурныя наклонности», желаніе дѣлать зло и развращать мужчинъ. Борьба женщины противъ насилія, тѣ порочныя средства, къ которымъ она прибѣгаетъ, какъ къ орудіямъ защиты или нападенія, наконецъ, нравственные недостатки, развитые въ ней непосредственно ея рабскимъ положеніемъ и необходимостью прибѣгать къ коварству или хитрости, — все это служитъ главнымъ источникомъ тѣхъ ругательствъ, издѣвательствъ и нападокъ на женщину, которыми мужчины осыпаютъ ее въ продолженіи тысячелѣтій. Система обязанностей, составленная для женщины мужчиною Востока, никогда въ точности не исполнялась ею и женщина никогда не допускала сдѣлать себя безусловною рабыней мужа, — вотъ въ этомъ-то, а ни въ чемъ другомъ, по нашему мнѣнію, и заключается главная причина упомянутыхъ ругательствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить ихъ содержаніе. Всѣ оріенталы бранятъ женщинъ за ихъ сварливость, болтливость и склонность къ домашнимъ сценамъ, — и понятно, какъ смѣетъ говорить, а тѣмъ болѣе ругаться, баба, которая по закону должна быть безмолвною, покорною рабынею. А главное, пылкость чувства всегда даетъ женщинѣ перевѣсъ надъ мужчиною, если дѣло дошло до перебранки. Китайская мудрость говорить: «языкъ женщины —

мечъ ея, который никогда не ржавѣеть»; «не нѣмая женщина всегда можетъ отомстить за себя!..» «Кто вѣрить своей женѣ, тотъ обманываетъ самъ себя, кто не вѣрить ей, того обманываетъ она,» говоритъ восточная пословица; но чему же удивляться, если задавленная рабыня обманываетъ своего жестокаго владыку? Рабство всегда дѣлаетъ людей лжецами и лицебѣрами. Мотовство женщинъ, ихъ страсть къ нарядамъ и кокетство, развиваемыя въ нихъ, какъ мы видѣли, мужчинами, также ставятся совершенно несправедливо въ число обвинительныхъ пунктовъ. Несправедливость большей части нападокъ видна также и изъ того, что сплошь и рядомъ они выражаются въ самыхъ общихъ злостныхъ фразакъ и обо всѣхъ женщинахъ. Наконецъ, развитію теоретическаго пренебреженія къ женщинѣ много содѣйствовалъ и самый фактъ ея унижительнаго рабства. Какъ цивилизованный рабовладѣлецъ презираетъ даже своего любимаго раба, такъ и аристократъ мужчина свою невольницу-женщину. На основаніи этой отверженности и съ намѣреніемъ содѣйствовать закабаленію ея, законы и религіозныя системы налагаютъ на нее печать еще большей отверженности. Магометане сомнѣваются, есть ли у женщины душа и войдетъ ли она въ рай; болѣе благосклонные изъ нихъ допускаютъ ее въ рай, но въ особое отъ мужчинъ отдѣленіе. Ея недоступна мечеть, какъ и всѣмъ нечистымъ животнымъ; какъ всѣмъ сумасшедшимъ, пьянымъ и больнымъ, ей запрещено возвѣщать о молитвенномъ часѣ. Индусскіе не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ судѣ; бирманки хотя и могутъ свидѣтельствовать, но не впускаются въ судный домъ, дабы своимъ присутствіемъ не осквернить этого святилища; въ Персіи свидѣтельство одного мужчины равняется свидѣтельству двухъ женщинъ и т. д. Воспитаніе женщинъ въ такой отверженности убѣждаетъ часто даже ихъ самихъ въ своемъ естественномъ ничтожествѣ передъ мужчинами и въ необходимости быть рабынями послѣднихъ. «Мы, говоритъ китайка Панъ-Хои-Панъ, занимаемъ послѣднее мѣсто въ родѣ человѣческомъ, мы слабая часть его; это истина, которою мы должны быть проникнуты и которая должна вліять на все наше поведеніе.. Женщина должна со смиреніемъ держать себя на мѣстѣ указанномъ ей самою природою и знать, что она ничего не можетъ сдѣлать безъ посторонней помощи».

Прелюбодѣяніе—величайшее преступленіе женщины; будучи собственностью мужчины, она не имѣетъ никакого права отдаваться постороннему любовнику; мужъ всегда можетъ наказать ее за та-

кос нарушение своихъ правъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, прелюбодѣяніе служить дурнымъ примѣромъ для общества и вводитъ въ одно семейство кровь другого семейства, а такое смѣшеніе семей подрываетъ основы восточнаго общества и не можетъ быть терпимо государствомъ. Въ нѣкоторыхъ древне-американскихъ государствахъ мужъ, продолжавшій сожителство съ невѣрною женою, наказывался смертию. Въ Меккѣ прелюбодѣйная жена наказывалась смертию, даже если ей прощаль мужъ; въ Перу мужу самому дозволялось убить ее. Если согрѣшила съ мужчиною одна изъ дѣвъ посвященныхъ солнцу, виновныхъ казнили, а ихъ дома, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже цѣлыя села и города, въ которыхъ они родились, истребляли вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ. Брамннѣ имѣеть право собственноручно казнить свою невѣрную жену. Законы Ману предписываютъ прелюбодѣя изжарить на желѣзной плитѣ, а невѣрную жену разтерзать собаками. Въ настоящее время употребляются болѣе мягкія наказанія; преступная женщина жестоко истязуется палками и изгоняется изъ своей касты. Но за то ревнивые мужья нерѣдко расправляются съ женами собственноручно и убиваютъ ихъ при малѣйшемъ, часто совершенно неосновательномъ подозрѣніи въ невѣрности. Китаецъ имѣеть право убить и свою жену, и ея соблазнителя; если онъ продолжаетъ жить съ преступною женою, то подлежитъ наказанію. Онъ можетъ также продать ее въ рабство. У древнихъ египтянъ женщины отрѣзывали носъ, а ея соблазнитель получалъ 1000 палокъ. У евреевъ побивали камнями не только прелюбодѣя и его соучастницу, но и дѣвушку, вышедшую замужъ не виновною. У древнихъ персовъ прелюбодѣяніе также влекло за собою смертную казнь. Магометъ нѣсколько смягчилъ варварскую жестокость такихъ законовъ. По корану, обвинитель женщины долженъ доказать свой доносъ четырьмя свидѣтелями, въ противномъ случаѣ онъ получаетъ 80 плетей; если же обвиняетъ мужъ, то онъ долженъ пятикратно присягнуть въ вѣрности. Уличенная жена, по корану, подвергается вѣчному тюремному заключенію, незамужняя женщина наказывается сто ударами розогъ и подвергается годичному изгнанію. Но мягкіе, сравнительно, законы Магомета не вездѣ сохраняютъ свою силу; сунниты считаютъ необходимымъ побивать прелюбодѣйную жену камнями, а въ Египтѣ до сихъ поръ ее топятъ въ рѣкѣ. Часто мужья собственноручно расправляются, какъ съ подозрѣваемыми, такъ и уличенными въ невѣрности женщинами. Въ Константинополѣ, напри- мѣръ, часто женъ и ихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ

любовниковъ оскорбленные мужья топятъ въ морѣ или вѣшаютъ на вѣшной стѣнѣ гарема.

Мы не будемъ останавливаться на пресловутой ревности ориенталовъ и на тѣхъ злодѣйствахъ, которыя совершаются ими надъ женщинами въ припадкѣ этой отвратительной страсти. Замѣтимъ только, что въ прелюбодѣяніи можетъ быть виновна жена, но не мужъ-полигамистъ, и если мужчина наказывается за него, то единственно, какъ нарушитель чужого права собственности на соблазненную имъ женщину.

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ИРЛАНДІЯ.

(Изъ Фрейлихрата.)

Руль неподвиженъ, парусъ снятъ,
Привязанъ цѣпью челнъ негодный:
Въ сырой землѣ, должно быть, спятъ
Рыбакъ и сынъ его голодный.
Здѣсь рыба—собственность господъ;
Они жирѣютъ отъ улововъ,
Но у стола пустого ждетъ
Лишь смерть ирландскихъ рыболововъ.

Стада коровъ, овецъ и возъ
Въ ближайшій портъ плутъ въ тревогѣ,
А вслѣдъ за ними—нагъ и босъ—
Пастухъ плетется по дорогѣ.
Ирландскій скотъ—господскій скотъ—
Неподкрѣпить толпы голодной:
На заграничный рынокъ шлетъ
Его владѣлецъ благородный.

Ему сама судьба дала
Родникъ богатства—скотъ дородный,
Рогъ избылья—рогъ вола,
Источникъ лѣни—трудъ народный.
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ трещить
Отъ барскихъ денегъ столъ игорный,
Народъ же дома позабытъ
И мретъ, какъ стая мухъ, покорный.

Охоты день! Псара спуютъ,
Шумитъ охотниковъ ватага...
Все тщетно! за море ушлютъ

Охотой купленныя блага.
 Дичь у ирландцевъ—дичь господь—
 Идетъ въ карманъ миллионера,
 Слуга же блѣдный, сынъ невзгодъ,
 Слабъ и для роли браконьера.

На счетъ крестьянскій господа
 Готовятъ почву для дичины,
 Не осушая никогда
 Необозримыя трясины.
 На невоздѣланной землѣ,
 Среди густой травы болотной,
 Въ холодной сырости и мглѣ
 Житье лишь птицѣ перелетной.

На миллионы десятинъ
 Стоитъ проклятое болото
 И съ нимъ надутый властелинъ
 Сталь гнилъ и тупъ среди дремоты.
 Здѣсь вся земля въ рукахъ господъ:
 Здѣсь на дорогу мать больная
 Младенца мертваго несетъ
 Для похоронъ гроши собирая.

Подобный ропоть, какъ потокъ,
 По всей Ирландіи несется,
 Имъ полны Западъ и Востокъ,
 Онъ въ воѣ вѣтра раздается.
 Пугливъ, какъ раненый орелъ,
 По горнымъ высямъ въ часъ вечерній
 Летитъ тотъ крикъ нужды и золь,
 Предсмертный крикъ ирландской черни.

И предъ дѣтьми, какъ смерть блѣдна,
 Отчизна голову склоняетъ,
 Надъ ихъ могилами она
 Цвѣты увядшіе роняетъ;
 И близъ морей, озеръ и горъ
 Съ мольбой, чела поднять не смѣя,
 Въ слезахъ выносить свой позоръ
 Несчастныхъ націй Нюбея.

А. Михайловъ.

О ДАРВИНИЗМѢ

И НАУЧНЫХЪ МНѢНІЯХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ СЪ НИМЪ
ВЪ СВЯЗИ.

(Окончаніе.)

(По Шлейдену.)

«Всѣ мы только члены великаго цѣлаго:
«Природа насъ создала великой родней».

Сенека, Письма, 93, 52.

Изъ всѣхъ организмовъ на землѣ, одинъ человѣкъ представляетъ для естествоиспытателя ту сторону, которая въ другихъ животныхъ не имѣетъ даже отдаленнѣйшей аналогіи. Первоначально и непосредственно человѣкъ знакомится съ собою путемъ самопознанія, и свѣденія этого рода онъ можетъ сообщать другимъ посредствомъ извѣстныхъ тѣлесныхъ приѣмовъ (языкъ, рѣчь), хотя всегда съ нѣкоторой неполнотою. „Языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать отъ другихъ свои мысли“, сказалъ Вольтеръ, и еще чаще—могли бы мы прибавить—человѣкъ прибѣгаетъ къ рѣчи, чтобы скрыть отсутствіе или скудость мыслей. Подобно всему, вытекающему для человѣка изъ опыта, познаніе это образуетъ совершенно отдѣльную область, такъ рѣзко несходную съ другими сторонами жизни, что въ самомъ началѣ нѣтъ никакой возможности привести то и другое въ общую связь. Тѣмъ не менѣе указываетъ

мая область требуетъ возможно полной и основательной обработки, которую и находимъ въ истинной философіи, построенной на строго-опытномъ (психологическомъ) основаніи.

Съ другой стороны, человекъ, въ собирательномъ смыслѣ, видитъ себя явленіемъ внѣшняго, чувственнаго міра, членомъ въ цѣпи существующихъ на землѣ живыхъ тѣлъ. Въ этомъ отношеніи, онъ всецѣло подлежитъ естественно-научному изслѣдованію. Подобно всему, съ чѣмъ мы знакомимся путемъ внѣшняго опыта, онъ составляетъ часть природы, какъ цѣлаго, доступнаго чувственнымъ органамъ, міра. Смѣшеніе этихъ двухъ областей можетъ вести только къ безвыходной путаницѣ. Что случилось бы съ ученіемъ о теплотѣ и съ оптикою, если бы мы рассматривали свѣтъ и теплоту, только какъ побочные, подчиненные феномены въ астрономіи, при описаніи солнца и звѣздъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ предметами самостоятельнаго и строго-отдѣльнаго изслѣдованія, безъ всякой связи съ другими явленіями? Въ естествознаніи уже съ давнихъ временъ пріурочилось постоянное методическое правило — прежде всего рассматривать каждую группу однородныхъ явленій въ строго-изолированной замкнутости, и уже послѣ того, какъ онѣ развились до нѣкоторой полноты въ этой замкнутости — искать ихъ связь съ другими явленіями; при давности такой методы нельзя не удивляться, какимъ образомъ естествоиспытатели послѣдняго времени могли совершенно выпустить изъ вида указываемое нами разграниченіе однородныхъ силъ, вслѣдствіе чего цѣлая, быть можетъ, важнѣйшая половина явленій была или совершенно изолирована, или же обсуждаема ненаучнымъ путемъ, безъ малѣйшаго вниманія къ характеру явленій. Довольно любопытно, что въ наше время, при постановкѣ вопроса о человекѣ въ естественно-научномъ смыслѣ, дѣятели науки произвели сущее вавилонское столпотвореніе и именно потому, что они игнорировали цѣлую половину вопроса, тогда какъ неспеціалисты, инстинктивно угадывая великое значеніе этой второй половины, ложно понимали и спутывали естественно-научную сторону задачи, потому что также смѣшивали вмѣстѣ обѣ стороны вопроса, не приведя сначала каждую изъ нихъ отдѣльно въ полную и сознательную ясность. Односторонность взгляда

и смѣшеніе различныхъ точекъ зрѣнія имѣли здѣсь одинаково неблагоприятное дѣйствіе. Мы должны были развить это съ нѣкото-рой обстоятельностью для того, чтобы высказать наше убѣжде-ніе, что мы считаемъ правильными и необходимыми оба эти пути къ познанію человѣка, такъ какъ двоякое положеніе человѣка къ изученію своей собственной природы вытекаетъ изъ самаго опыта, а всякое опытное основаніе требуетъ научнаго развитія. Мы, разу-мѣется, вовсе не исключаемъ предварительно той мысли, что оба пути взаимно соприкасаются между собою, но теперь мы должны исключительно слѣдовать каждымъ путемъ отдѣльно, не обращая никакого вниманія на другой путь и, руководясь твердымъ убѣж-деніемъ, что истины, открытыя въ томъ и другомъ направленіи, никогда не могутъ находиться во взаимномъ противорѣчій, какъ только изслѣдованіе по тому и другому пути будетъ проведено такъ далеко, что можно приступить къ сравненію результатовъ. Въ нашихъ настоящихъ изысканіяхъ, мы будемъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, исключительно какъ съ членомъ въ ряду живыхъ су-ществъ на землѣ, какимъ онъ намъ представляется путемъ внѣш-няго опыта. Эту точку зрѣнія довольно наглядно характеризуетъ Гекель („Естественная исторія мірозданія“), требующій отъ чи-тателя, чтобы онъ вообразилъ себя жителемъ какой-нибудь другой планеты, напримѣръ Марса, предпринявшимъ ученое путешествіе на землѣ съ цѣлію изслѣдованія земныхъ организмовъ, предвари-тельно запасшись основательнымъ естественно-научнымъ образова-ніемъ. Въ глазахъ такого путешественника человѣкъ важенъ толь-ко, какъ предметъ научнаго изысканія,—до всего же прочаго ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ не понимаетъ никакого человѣческаго языка, который имѣетъ для него тоже значеніе, что пѣніе птицъ, блеяніе овцы, львиный ревъ,—и потому онъ ровно ничего не знаетъ изъ того, что выдумали или сочинили о себѣ сами люди. Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ на предметъ, очень многое покажется далеко не въ томъ свѣтѣ, чѣмъ какъ представляетъ себѣ большинство людей. „Если бы планъ вселенной могъ быть нарисованъ на солнцѣ художникомъ, а не всѣмъ чело-вѣчествомъ, то очевидно, что человѣкъ въ системѣ мірозданія

далеко не игралъ бы такой важной роли, какую онъ рисуетъ для себя своею прислужливой кистью“ (Грове, „Взаимодѣйствіе физическихъ силъ“).

Итакъ, становясь на указанную точку зрѣнія, мы видимъ человека, какъ одно изъ существующихъ на землѣ животныхъ. Не трудно замѣтить для насъ, что онъ принадлежитъ къ позвоночнымъ животнымъ и между ними ближе всего подходитъ къ обезьянамъ, и именно къ антроподамъ (человѣкообразнымъ об.). Задавшись вопросомъ о его происхожденіи, мы неизбѣжно должны заключить о его родствѣ съ человѣкообразными обезьянами; но этимъ еще далеко не рѣшается вопросъ, какими образомъ мы должны представлять себѣ указываемое родство. Когда дарвиновъ законъ сдѣлался извѣстнымъ въ массѣ публики, нашлось немало горячихъ послѣдователей, которые, опираясь на недостаточныя свѣденія, съ безцеремонной смѣлостью объявили, будто человекъ просто и непосредственно происходитъ отъ обезьянъ, будто онъ только болѣе развитый орангъ-утангъ, шимпанзе или горилла. Но этой бессодержательной болтовнѣ, разумѣется, не поддакнулъ ни одинъ здравомыслящій, основательно подготовленный специалистъ естествознанія. Напротивъ, всѣ серьезные дѣятели науки, прилагая къ человекъ результаты дарвиновыхъ доктринъ, объявили и доказали, что человекъ не можетъ происходить прямо ни отъ одной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ и сходныхъ съ нимъ породъ обезьянъ. Чтобы еще правильнѣе освѣтить условія задачи, мы должны нѣсколько болѣе углубиться въ этотъ предметъ и сдѣлать болѣе внимательный обзоръ всей группы обезьянъ. Начинаемъ съ такъ называемыхъ полуобезьянъ, представитель которыхъ—маки наиболѣе извѣстенъ въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ. При постепенномъ преобразованіи низшихъ млекопитающихъ животныхъ въ высшія, развилась вѣроятно очень обширная переходная группа, изъ которой до нашего времени сохранились только немногіе члены, составляющіе разрядъ полуобезьянъ. Всѣ они живутъ въ южной Азіи и на противуположащихъ островахъ. Эти животныя составляютъ переходы къ группамъ высшихъ млекопитающихъ. Такъ сюда принадлежатъ мадагаскарскій ай-ай (*Chiromys*), какъ родоначальникъ

грызуновъ (напр. бобра) и толстокожихъ (напр. слона), далѣе мы встрѣчаемъ здѣсь длинноногихъ обезьянъ (напр. ушастую об.), отъ которыхъ произошли насѣкомоядныя животныя (напр. ежъ и землеройка) и наконецъ коротконогихъ об. (напр. маки и лори), которыя преобразовались въ настоящихъ обезьянъ. У названныхъ животныхъ коготь постепенно переходитъ въ ногу, такъ что у маки только указательные пальцы заднихъ конечностей имѣютъ когти, тогда какъ прочіе пальцы покрыты плоскими, сверху приросшими когтями. Самую низшую группу обезьянъ, водящуюся только въ южной Америкѣ, составляютъ обезьяны съ когтями, а изъ нихъ намъ наиболѣе извѣстны маленькія красивыя породы игрунокъ или унстити. Они представляютъ болѣе отсталое развитіе въ томъ отношеніи, что у нихъ только большіе пальцы заднихъ конечностей имѣютъ настоящія когти. Къ этимъ обезьянамъ съ когтями примыкаютъ прочія породы, распадающіяся на два большіе отдѣла, характеризуемые строеніемъ носа. Низшій отдѣлъ — широконосыя — принадлежатъ исключительно Новому свѣту. У этихъ обезьянъ носовая перегородка спереди очень широка, и оттого ноздри направлены въ стороны; кромѣ того обезьяны эти имѣютъ такъ называемой цѣпкій хвостъ. Въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ группа эта представляется цѣпкохвостой обезьяной Новаго свѣта (Klammer или Kletteraffe). Высшій разрядъ этихъ животныхъ составляютъ узконосыя обезьяны, исключительно принадлежащія Старому свѣту. У нихъ носовая перегородка тоньше и потому ноздри обращены впередъ и даже внизъ. Въ нихъ мы также явственно замѣчаемъ высшее развитіе, по которому ихъ раздѣляютъ на павановъ (съ мордой, похожей на собачью) и на человекообразныхъ обезьянъ. Первые имѣютъ болѣе вытянутую, звѣриную голову, тогда какъ ихъ конечности короче и болѣе сходны, по своему образованію, съ ногами. Сюда принадлежатъ морскія кошки и павіаны. У человекообразныхъ обезьянъ, составляющихъ высшую группу, черепъ выпуклый, защечныхъ сумокъ никогда не бываетъ, хвоста также нѣтъ, длинныя переднія конечности служатъ руками. Къ нимъ принадлежатъ гибоннъ или длиннорукая обезьяна и орангъ-утангъ, водящіеся оба въ Азіи, далѣе шимпанзе и

горилла, живущія въ западной Африкѣ. Къ этимъ четыремъ породамъ примыкаетъ человекъ, какъ къ наиболѣе близкимъ къ нему родственнымъ животнымъ, такъ какъ по всѣмъ характеристическимъ признакамъ, они несравненно ближе подходятъ къ человеку, чѣмъ даже къ обезьянамъ низшихъ группъ. Кто видѣлъ въ антропологическомъ музеѣ Цеймера портреты новголландца и жителя Вандименовой земли, въ естественную величину, а также изображенія гориллы — самца и самки — и сравнивалъ съ этимъ животнымъ въ особенности туземца Вандименовой земли, — тотъ не могъ не замѣтить поразительнаго фізіогномическаго сходства между низшими человѣческими расами и наиболѣе развитою обезьяною. Сходство это, характеризующее преимущественно совершеннымъ отсутствіемъ носового гребня и горизонтальнымъ положеніемъ ноздрей, производитъ даже очень непріятное впечатлѣніе на наблюдателя, который уже не можетъ допустить ни малѣйшаго сомнѣнія въ родствѣ человека съ обезьяной, тогда какъ подобная идея представлялась ему чудовищно-смѣшною, когда онъ мысленно сопоставлялъ Гете, въ пору его блестящаго развитія, съ синешокимъ мандриломъ. Но затѣмъ онъ не можетъ не согласиться, что разстояніе между Гете и аборигеномъ Вандименовой земли несравненно значительнѣе, чѣмъ между этимъ дикаремъ и гориллою, или что между человекомъ и человекомъ проведено болѣе рѣзкое фізіогномическое различіе, чѣмъ между человекомъ и обезьяною. И однако, какъ замѣчено выше, человека все-таки недѣло прямо производить отъ обезьяны. Точныя анатомическія изслѣдованія показали, что обыкновенно принимаемое различіе, по которому обезьяны относятся къ четырехрукимъ животнымъ, а человекъ къ разряду двурукихъ, не имѣетъ достаточнаго основанія (Гексли), такъ какъ заднія плюсны обезьянъ, вслѣдствіе значительной подвижности большихъ пальцевъ, только по внѣшности представляются руками, и при томъ особенность эта встрѣчается у многихъ людей, даже у цѣлыхъ племенъ en masse, вслѣдствіе постояннаго навыка и наследственной передачи. Различіе между рукою и ногою обусловливается главнѣйшимъ образомъ чрезвычайно несходнымъ расположеніемъ костей въ запястьѣ руки и плюсьѣ ноги и, кромѣ того, нога снаб-

«Дѣло», № 10.

жена тремя особенными мускулами, которыхъ въ рукѣ нѣтъ вовсе. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ обезьяны—въ особенности высшихъ группъ, какъ горилла — представляютъ совершенно одинаковое съ человѣкомъ строеніе. Да и по всѣмъ другимъ признакамъ, напр. по строенію черепа и глаза, по относительной длинѣ членовъ и т. д., обезьяны высшихъ разрядовъ гораздо рѣзче отличаются отъ низшихъ обезьянъ, чѣмъ отъ человѣка. Здѣсь же не безъ интереса будетъ указать на два другія замѣчанія, повидимому, какъ нельзя лучше подтверждающія родство человѣка съ обезьяною. Ларте обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что одна изъ ископаемыхъ обезьянъ (*Dryopithecus Fontani*) по строенію зубовъ занимаетъ среднюю ступень между нынѣ живущими обезьянами и человѣкомъ; далѣе Прунеръ-Бей нашелъ, что въ двухъ женскихъ австралійскихъ черепахъ, первый большой коренной зубъ былъ менѣе второго, что устанавливаетъ рѣшительное сходство съ строеніемъ зубовъ у обезьянъ. И несмотря на все это, человѣка никакъ нельзя производить отъ обезьяны, такъ какъ сходственные черты, сближающія это животное съ человѣкомъ, распредѣлены между антропидными обезьянами очень неравномѣрно. Даже широконосая (напр. *Cynocephalus*), по строенію черепа, представляютъ большее сходство съ человѣкомъ, чѣмъ обезьяны высшихъ группъ. Но у орангъ-утанга человѣкоподобіе характеризуется расположеніемъ головного мозга, у шимпанзе—строеніемъ черепа, у гориллы—строеніемъ конечностей. Съ другой стороны, сходственные признаки, приближающіе человѣка къ обезьянѣ, надѣлены неодинаково между различными человѣческими расами. Напр., по относительнымъ размѣрамъ плечевой кости и предплечья наибольшее сходство съ обезьяною замѣчается въ негрѣ, тогда какъ, наоборотъ, европеецъ ближе подходит къ обезьянѣ по сравнительной длинѣ верхнихъ и нижнихъ конечностей, плечевой и бедренной костей (Вейсбахъ, Брока). Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому предположенію, что изъ члена полуобезьяны образовалась, быть можетъ, такая форма, которая, при дальнѣйшемъ развитіи въ потомкахъ, образовала съ одной стороны, типъ обезьяны, съ другой—возвысилась до человѣческой формы. Какова именно была та форма, которая слу-

жила общею точкой отправления для обезьяны и человека — мы, разумѣется, этого еще не знаемъ и должны выжидать болѣе благоприятныхъ моментовъ, которые могутъ расширить наши палеонтологическія свѣденія такими богатыми находками, какія были сдѣланы въ Греціи близъ Пикерми, или привести насъ къ вѣрнымъ заключеніямъ о первобытной формѣ другими физиологическими или анатомическими открытіями. Въ послѣднемъ направленіи довольно остроумную попытку къ расширенію нашихъ свѣденій употребилъ Карлъ Фогтъ, и мы считаемъ небезполезнымъ нѣсколько яснѣе представить, какъ отнесся этотъ ученый къ указываемому вопросу.

Между несчастными уродцами, которыхъ обыкновенно обозначаютъ названіями кретиновъ, сфексовъ и т. д., встрѣчается одна группа, до сихъ поръ еще необслѣдованная въ строго-научномъ смыслѣ, куда отнесены ненормально сформированныя человѣческія существа, въ отличіе отъ другихъ, называемыя малоголовыми (микроцефалами). Въ видѣ примѣра мы напомнимъ только о двухъ такъ называемыхъ „ацтекахъ“, которыхъ выставляли на показъ во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ мѣстахъ. На эту группу Карлъ Фогтъ обратилъ особенное вниманіе, собралъ весь матеріалъ, какой только могъ найтись, и подвергъ его возможно тщательному изслѣдованію. Результатъ его многолѣтнихъ трудовъ заключался въ слѣдующемъ *). Малоголовые составляютъ совершенно особую, самостоятельную форму, въ которой причины уродливаго образованія, особенно черепа и головного мозга, никакимъ образомъ не поддаются наблюденію и вовсе не заключаются въ предшествовавшихъ воспалительныхъ процессахъ и ихъ послѣдствіяхъ, какъ это бываетъ при другихъ явленіяхъ тѣлесной уродливости! Ненормальное образованіе здѣсь заключается въ томъ, что основаніе черепа представляетъ совершенно человѣческій типъ, тогда какъ верхнія части, по своему развитію, сходны съ соотвѣтствующими частями у животныхъ, въ особенности обезьянъ. Въ проявленіяхъ разумнаго сознанія, эти существа стоятъ гораздо выше упавшихъ до скот-

*) Archiv für Anthropologie, 1867, II 129—284, съ 26 таблицами.

скою безсмысленности кретиновъ, но все-таки неизмѣримо ниже настоящихъ людей,—такъ сказать на одномъ уровнѣ съ неживотной, способною къ дрессировкѣ обезьяною. Сходство малоголовыхъ съ животными, Фогтъ замѣтилъ преимущественно въ той особенности строенія, что у тѣхъ промежутокъ въ сторонѣ большого мозга, такъ называемая сильвиева борозда, наполняется не развитіемъ передней мозговой лопасти, какъ у человѣка, но чрезъ распространение средней лопасти мозга, какъ это замѣчается въ животномъ. Вслѣдствіе этого сильвиева борозда у человѣка принимаетъ форму латинской буквы У, тогда какъ у животного ея очертаніе сходно съ буквою V. Вдаваться въ дальнѣйшія частности мы считаемъ мало интереснымъ для большинства нашихъ читателей, не вооруженныхъ спеціальной анатомической подготовкой. Къ сожалѣнію, Фогтъ располагалъ крайне-недостаточнымъ матеріаломъ, и такъ какъ въ его распоряженіи не было никакихъ череповъ малоголовыхъ, то о строеніи мозга онъ долженъ былъ судить только по гипсовымъ оттискамъ черепной полости, при чемъ многое было неясно и допускало серьезныя сомнѣнія и возраженія. Вскорѣ затѣмъ д-ръ Зандеръ въ Берлинѣ опубликовалъ свои наблюденія надъ сохранившимися въ спиртѣ, втеченіи 25-ти лѣтъ, мозгомъ одного микроцефала—Фридриха Зона, о которомъ Фогтъ также не забылъ въ своихъ изысканіяхъ *). При этомъ мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ завѣреніемъ Зандера: „какъ мало можно полагаться на измѣренія, доставляемыя слѣпками черепа—это доказываетъ X-я фигура у Фогта (Фридрихъ Зонъ), гдѣ онъ обозначаетъ буквою Д часть мозжечка, какъ заднюю лопасть большого мозга“. Такое завѣреніе неизбежно должно было остановить наше вниманіе, но вмѣсто того, чтобы поддакивать ему съ безтолковой сговорчивостью, какъ это случается сплошь и рядомъ, мы захотѣли нѣсколько ближе вникнуть въ сущность дѣла. Если оттушеванные рисунки головного мозга, сдѣланные Зандеромъ, наложить на изображенія черепного слѣпка, произведеннаго Фогтомъ, то они взаимно совпадутъ другъ съ дру-

*) Въ «Архивѣ психіатріи» Гризингера, также и въ отдѣльномъ оттискѣ.

гомъ съ такою точностью, какой только можно ожидать отъ рисунковъ, сдѣланныхъ вольной рукою двухъ различныхъ авторовъ, въ особенности если принять въ соображеніе, что мозгъ, пролежавъ двадцать пять лѣтъ въ спиртѣ, долженъ былъ сильно сморщиться и осѣсть внизъ, почему задняя лопасть большого мозга совершенно покрываетъ то мѣсто, которое у Фогта означено буквою Д. Но внутри черепа, а также и на его слѣпкѣ, линія такъ называемаго мозгового шатра—сухожильной перегородки между большимъ и малымъ мозгомъ—такъ явственно разграничиваетъ эти двѣ области, что даже мало знакомый съ анатоміей едва ли можетъ здѣсь впасть въ ошибку. Если же рисунокъ, сдѣланнаго Фогтомъ слѣпка мозга, наложить на чертежъ черепа въ профилѣ, то сейчасъ же будетъ ясно, что граница между большимъ и малымъ мозгомъ проведена. Фогтомъ совершенно правильно, тогда какъ если часть Д, какъ этого хочетъ Зандеръ, отнести къ мозжечку, то искомая граница совершенно совпадала бы съ затылочнымъ швомъ, что представляется совершенной анатомической нелѣпостью. Однимъ словомъ, возраженіе Зандера такъ ребячески-наивно, что не только не можетъ повредить такому ученому дѣятелю, какъ Фогтъ, но скорѣе возбуждаетъ недовѣріе къ правильности и осмотрительности изысканій самого Зандера. Мы считали своей обязанностью нѣсколько обстоятельнѣе изложить это дѣло также для неспеціалистовъ, такъ какъ подобныя, дерзко брошенные на вѣтеръ возраженія, зачастую повторяются безъ всякой критики и охотно пускаются въ ходъ неспеціалистами и полуневѣждами, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ неудобнаго для нихъ авторитета Фогта.

Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что до сихъ поръ лучшее, даже классическое изслѣдованіе Фогта о микроцефалахъ еще далеко не имѣетъ той законченности, которая придавала бы ему значеніе положительной доктрины. Достиженіе этой цѣли въ наше время замедляется недостаткомъ совершенно удовлетворительнаго матеріала, невозможностью провести до конца многія изъ необходимыхъ при этомъ изысканій. Такимъ образомъ несомнѣнно, что различіе въ формѣ сильвиевой бороды, хотя и замѣчается у многихъ микроцефаловъ, но у другихъ не можетъ быть указано (группу эту слѣ-

дуетъ, быть можетъ, разсматривать въ еще болѣе тѣсныхъ границахъ), и далѣе, что признакъ этотъ, подобно всякимъ другимъ образованіямъ формъ, допускаетъ различныя степени и переходы. Но главная и постоянная характеристическая пригѣта заключается въ томъ, что нижнія части черепа и мозга устроены у микроцефаловъ также, какъ у другихъ людей, тогда какъ верхнія части развиты, какъ у обезьянъ, и вся порода рѣшительно приближается къ типу этихъ животныхъ, почему народъ довольно мѣтко и вѣрно прозвалъ такихъ уродцевъ — обезьянами-людьми.

Какимъ же образомъ Фогтъ прилагаетъ эти характеристическія явленія къ вопросу о происхожденіи человѣка? Прежде всего онъ занимается причинами, производящими на свѣтъ микроцефаловъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдованіе Фогта могло быть болѣе обстоятельнымъ, былъ подмѣченъ тотъ замѣчательный фактъ, что микроцефалы рождались отъ совершенно здоровыхъ родителей, часто рядомъ съ совершенно здоровыми братьями и сестрами, что въ ихъ вѣншихъ условіяхъ не было ничего такого, чтобы могло дѣйствовать вредно на ихъ развитіе, что здѣсь нельзя было открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ воспалительныхъ процессовъ, скопленія воды и т. д., какъ это бываетъ при другихъ уродливостяхъ черепа, — наконецъ, что такіе уродцы были совершенно здоровы во всѣхъ своихъ тѣлесныхъ отправленияхъ и способны ко всѣмъ нормальнымъ процессамъ жизни. Такъ какъ этимъ путемъ нельзя было открыть никакой другой причины указаннаго уродливаго образованія, то причину эту Фогтъ сталъ искать въ томъ явленіи, на которое въ послѣднее время было обращено особенное вниманіе и которое обѣщаетъ приобрести огромную важность для объясненія ненормальныхъ формъ и для изученія поразительныхъ сочетаній формъ втеченіи значительныхъ періодовъ развитія. Явленіе это называютъ атавизмомъ или воспроизведеніемъ предковъ. Многіе изъ нашихъ читателей неоднократно могли сдѣлать въ своей жизни то наблюденіе, что дитя не имѣетъ ни малѣйшаго сходства ни съ родителями, ни съ дѣдами, но что случайно сохранный портретъ прадѣда, изъ времени его дѣтства, представляетъ совершенно такіа черты, какъ если бы онъ недавно былъ срисованъ съ правнука.

Замѣчаніе это уже очень не ново и было сдѣлано даже еще Аристотелемъ, который, въ видѣ примѣра, указываетъ на замѣчательный случай, когда отъ брака негра и гречанки изъ Элиды дочь родилась бѣлою, тогда какъ сынъ ея опять былъ негръ *). Извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни, напр. сумасшествіе, склонность къ самоубійству, глухонѣмое состояніе, въ семействахъ передаются по наслѣдству, но очень часто минуютъ одно или два поколѣнія (Люи, „Des maladies héréditaires“ „Medical Times“, 1863). При наслѣдственности глухонѣмого состоянія указываютъ на одинъ случай, при которомъ болѣзнь обошла четыре поколѣнія, но затѣмъ сразу появилась въ семи дѣтяхъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей **). Сюда можно присоединить и тотъ фактъ, что дѣти-подкидыши готтентотовъ, найденныя европейцами и воспитанныя ими въ христіанской религіи, придя въ возрастъ, немедленно убѣгали къ своему дикому народу. Наслѣдственные болѣзни, напр. сумасшествіе, также наступаютъ уже послѣ періода совершеннаго здоровья, на какомъ нибудь строго-опредѣленномъ году жизни. Весь этотъ феноменъ можно объяснить только тѣмъ, что въ тѣлѣ присутствуютъ постоянныя условія для извѣстнаго развитія, но что въ дѣйствіе они вступаютъ не сразу, а только силою внѣшнихъ вліяній или вслѣдствіе постепенно-измѣнившихся препятствій. Сравненіе съ будильникомъ можетъ довольно наглядно представить указываемое явленіе: поднятый будильникъ удерживается пружиною на своемъ мѣстѣ и уже тогда соскакиваетъ, когда препятствіе снято внѣшнимъ усиліемъ или уничтожается вмѣстѣ съ ходомъ часовъ. Правда, въ настоящее время мы можемъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ указать на условія этого особеннаго развитія въ организмъ, путемъ анатоміи, физиологіи и химіи, и еще рѣже имѣемъ возможность подмѣтить внѣшнія вліянія и внутреннія препятствія, которыя выводятъ условія эти изъ спокойнаго состоянія и позволяютъ имъ вступить въ дѣйствіе; но самый фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Отдѣльные факты, въ которыхъ выражается указываемое

*) Аристотель, О размноженіи и развитіи живогныхъ, кн. I, гл. 18.

**) Medical Times, 1863.

явленіе, можно раздѣлить на двѣ группы — на правильный или естественный атавизмъ и неправильный или случайный. Послѣдній, само собою разумѣется, также вполне сообразуется съ законами природы, и мы должны назвать его случайнымъ только вслѣдствіе недостаточнаго наблюденія его періодическихъ или въ какомъ нибудь иномъ смыслѣ правильно организованныхъ проявленій. Сюда принадлежатъ всѣ, указанные выше въ видѣ примѣровъ, случаи. Но мы можемъ указать здѣсь и на нѣкоторые другія явленія, довольно важныя для нашей цѣли, такъ какъ здѣсь повтореніе прежнихъ формъ простирается далеко за періодъ современнаго образованія земли.

Случаи этого рода въ особенности замѣчаются въ лошадиной группѣ. Еще Дарвинъ замѣтилъ, что никому не удивительно, если дитя похоже не на родителей, а на дѣдовъ или прадѣдовъ, хотя это также замѣчательно, какъ если бы черты предка были повторены въ десятомъ или сотомъ поколѣніи. Одни изъ этихъ примѣтъ, быть можетъ, замѣчаются чаще, другія рѣже; но, въ сущности, нѣтъ никакихъ основаній считать однѣ изъ нихъ поразительнѣе и необычайнѣе другихъ. Такъ, изъ сѣмянъ давнымъ-давно разводимаго въ цвѣтникахъ троицына цвѣта (*pensée*) часто выходятъ формы, по цвѣту и листьямъ, сходныя съ дикорастущимъ видомъ того же названія. Такъ, въ безрогой породѣ скота изъ Галловей и Суффолька иногда рождаются рогатыя телята, хотя порода эта разводится уже втеченіи 150 лѣтъ. Отъ прирученныхъ ословъ нерѣдко происходятъ ослята, у которыхъ ноги совершенно также испещрены полосами, какъ у дикой первоначальной формы въ Абиссиніи. Но всего интереснѣе слѣдующій фактъ. Подобно большей части млекопитающихъ, лошадь, въ зачаточномъ состояніи, имѣетъ основныя формы къ образованію пяти пальцевъ; изъ нихъ въ развитіи остаются сначала крайніе, затѣмъ средніе, такъ что животное родится, наконецъ, только съ однимъ — самымъ среднимъ — пальцемъ на каждой ногѣ. Но у гиппариона — животнаго лошадиной породы изъ терціарнаго времени — не развивались только оба крайніе пальца, такъ что животное рождалось съ однимъ вполне образовавшимся и двумя менѣе развитыми копытами. Это же иногда бы-

ваетъ и между нашими лошадьми, въ видѣ исключенія (Гурльтъ), и такимъ образомъ здѣсь повторяется признакъ предка изъ глупо-древней эпохи въ образованіи земли. Наконецъ, сюда мы можемъ присоединить явленіе, замѣчаемое иногда у человѣка. Грудная кость иногда снабжена добавочными костями (*ossa supraster-nalia*), соответствующими тѣмъ особеннымъ частямъ млекопитающихъ животныхъ, которыхъ нѣтъ даже у обезьянъ, такъ что, слѣдовательно, человѣкъ чрезъ это показываетъ родственную связь съ животными, стоящими даже ниже группы обезьянъ (Гегенбауръ).

Правильный атавизмъ, къ которому мы теперь переходимъ, также распадается на два класса явленій. Къ первому принадлежатъ тѣ случаи, въ которыхъ потомки хотя и воспроизводятъ предшествующія формы, имѣвшія постоянный характеръ, но формы эти уже представляются намъ временными; такъ, современная наша лошадь имѣетъ свойственные ей постоянные зубы, но ея молочные зубы сходны съ постоянными зубами ископаемой лошади (*Equus fossilis*), а молочные зубы этого животного сходны, въ свою очередь, съ постоянными зубами еще болѣе древняго гиппаріона (Рютимейеръ). Подобное чередованіе происходитъ во многихъ зачаточныхъ формахъ. Второй классъ образуютъ тѣ явленія, которыя мы обыкновенно называемъ смѣною поколѣній; напримѣръ, изъ яичекъ извѣстныхъ медузъ выходятъ инфозоріи, которыя, прикрѣпляясь неподвижно къ мѣсту, превращаются въ полипы, изъ полиповъ образуются почки, выдѣляющіяся наружу и опять свободно плавающія, въ видѣ медузъ. Наконецъ, мы выставимъ еще одинъ примѣръ того, чрезъ какой длинный рядъ поколѣній можетъ сохраняться способность къ извѣстнымъ образованіямъ, не пропадая совершенно безслѣдно. Травяныя вши (тли) осенью, послѣ совокупленія съ крылатыми самцами, кладутъ яички, изъ которыхъ весною развиваются безкрылыя самки. Но эти самки уже не кладутъ яичекъ, но производятъ живыхъ насѣкомыхъ (и именно самокъ), размножающихся почти такимъ же образомъ (безъ самцовъ), и это продолжается до 15-го поколѣнія; тогда вмѣстѣ съ самками рождаются опять крылатые самцы, насѣкомыя того и другого пола взаимно совокупляются и кладутъ на зиму яички. Между

всѣми этими явленіями наибольшую важность для нашей настоящей задачи заключаютъ въ себѣ случаи правильнаго атавизма, такъ какъ сходные съ гиппариономъ трехпалые жеребята служатъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что атавизмъ заходитъ въ прежніе геологическіе періоды, тогда какъ приведенный нами примѣръ грудной кости у человѣка позволяетъ и для нашей расы ожидать такихъ же явленій, тѣмъ болѣе, что атавизмъ—какъ мы это видѣли—не есть какое нибудь одиночное, оторванное явленіе, но крайній процессъ въ образованіи формъ, проходящій чрезъ всю органическую природу.

Привода все затронутое нами здѣсь слегка къ одному итогу, Фогтъ видитъ въ микроцефалахъ случаи неправильнаго атавизма, возвращеніе къ тому типу, который въ предшествующій періодъ образованія земли, около конца секундарнаго времени, послужилъ точкой отправленія для двухъ послѣдующихъ формъ—человѣка (можетъ быть со многими промежуточными ступенями) и обезьяны. Правильно ли это воззрѣніе—покажутъ геогностическія открытія, которыя могутъ быть сдѣланы въ настоящемъ и будущемъ столѣтіи. Но нельзя не позабавиться тѣмъ нравственнымъ (по-истинѣ комическимъ) негодованіемъ, съ какимъ многіе убогіе умы отвергаютъ какъ это, такъ и всякое другое доказательство родства человѣка съ обезьяною. Но спрашивается, что же возвышеннѣе, согласнѣе съ достоинствомъ человѣка—то убѣжденіе, что онъ своею собственною силою умѣлъ подняться до той высоты, на которой мы видимъ цивилизованныя націи, — или, что онъ, по своей винѣ, спустился до дужиннаго человѣческаго большинства или даже до совершенно скотскаго состоянія, въ которомъ мы застаемъ туземца Вандименовой земли? Для всякаго, мало-мальски одареннаго здоровымъ человѣческимъ смысломъ и здоровымъ нравственнымъ чувствомъ, отвѣтъ не можетъ быть ни на одну минуту сомнителенъ.

Благодаря Дарвину, вопросъ о происхожденіи человѣческаго рода отъ одной или отъ нѣсколькихъ паръ утратилъ въ наше время всякое значеніе. Разумѣется, уклоненіе отъ прежнихъ формъ къ новому человѣческому типу, должно было проявиться въ од-

ной парѣ, само собою разумѣется также, что съ какою нибудь одной пары должно было начаться уклоненіе отъ общаго человѣческаго типа къ особеннымъ формамъ монголовъ, негровъ, бѣлыхъ и т. д. Были ли между этими конечными предѣлами среднія степени и сколько именно—это составляетъ пока совершенно безцѣльный вопросъ, которымъ могутъ заниматься только одни глупцы, такъ какъ у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ того фактическаго основанія, на которомъ можно было бы строить рѣшеніе этой задачи. Положительнымъ неопровержимымъ фактомъ остается только то, что человѣкъ всегда—насколько можетъ запомнить исторія—существовалъ въ различныхъ типическихъ формахъ, но всякая попытка возвести эти формы къ общему единому началу, непремѣнно гдѣ нибудь да имѣвшему мѣсто, по дарвиновой теоріи должна быть проведена индуктивнымъ путемъ, чтобы удостоиться серьезнаго вниманія науки.

Второй вопросъ, находящійся въ связи съ изслѣдованіями о происхожденіи человѣка, послѣ Дарвина, также перешелъ въ область празднаго любопытства, и можно только пожалѣть о той массѣ умственнаго труда и писчаго матеріала, какая была затрачена въ этомъ случаѣ, правда, по большей части, съ очень неблагоприятными, эгоистическими побужденіями. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: „образуетъ ли человѣчество одинъ или многіе виды (species)?“ Такъ какъ послѣ Дарвина мы должны дать отставку старому понятію о видахъ и уже объяснили его безсодержательность и непримѣнимость въ нашей первой статьѣ, то вопросъ этотъ теперь не заключаетъ для насъ ровно никакого смысла. Но онъ былъ поднятъ съ особенно яростнымъ шумомъ, и съ-вероамериканскіе консерваторы и рабовладѣльцы, поддерживаемые своимъ прислужливымъ духовенствомъ, трактовали о различіи человѣческихъ породъ въ томъ смыслѣ, что, по крайней мѣрѣ, негры должны образовать особый видъ, такъ какъ подобный взглядъ развязывалъ мудрствующимъ палачамъ руки на всякія самодурства и истязанія бѣднаго чернокожаго. Что и эта попытка защитить несостоятельную теорію оказалась безуспѣшною — я показалъ это уже много лѣтъ тому назадъ, потому что вѣдь негодяй всегда

остаётся негодяемъ передъ судомъ нравственности и разума — мучить ли онъ бѣлаго или негра, лошадь или собаку. Но если мы даже согласимся принять старый догматъ о видахъ и захотимъ обсуждать дѣло съ естественно-научной точки зрѣнія, которая исключительно имѣетъ здѣсь право на наше вниманіе, — то, на основаніи нашихъ настоящихъ свѣденій, должны будемъ причислить всѣхъ людей къ одному виду. Всѣ люди имѣютъ одинаковое образованіе тѣла, одни и тѣже тѣлесныя отправления, которыми они отличаются отъ близко-сродныхъ животныхъ, — всѣ обнаруживаютъ одинаковыя стороны высшей смысленности — даръ слова, приготовленіе пищи на огнѣ, представленіе невидимаго, несуществующаго передъ глазами (религія въ обширномъ смыслѣ). Все это соединяетъ человѣчество въ одинъ видъ. Съ другой стороны, всѣ признаки, по которымъ опредѣляются различія между людьми, имѣютъ чисто внѣшній, случайный характеръ. Ни одинъ характеристическій признакъ и никакая комбинація многихъ примѣтъ не даютъ намъ существенныхъ различій, по которымъ мы могли бы разграничить члена одного вида отъ индивидуума другого. Всѣ признаки устанавливаютъ только постепенные ряды измѣненій (какъ въ нашемъ примѣрѣ цвѣтныхъ бумажекъ, приведенномъ въ первой статьѣ). Правда, мы можемъ въ этихъ рядахъ подмѣтить рѣзко выдающіеся различныя между собою типы, но они постепенно переходятъ одинъ въ другой промежуточными формами.

Однако для установленія между людьми мнимыхъ видовыхъ различій была совершенно некстати призвана на помощь статистика, такъ какъ при этомъ очевидно оказалось, что все значеніе этой науки было рѣшительно не понято. Читатель позволитъ намъ объяснить это, по крайней мѣрѣ, однимъ примѣромъ. Съ особеннымъ усердіемъ американцы старались доказать многочисленными измѣреніями, что негры, въ среднемъ выводѣ, по вмѣстимости черепа, слѣд. также по величинѣ мозговой массы, значительно уступаютъ бѣлымъ. Мы допускаемъ даже, что число изслѣдованныхъ при этомъ случаевъ совершенно достаточно, чтобы привести къ такому заключенію. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь тутъ все-таки нѣтъ еще характеристическаго признака для разграниченія видовъ.

Видовой признакъ долженъ допускать совершенно точное опредѣленіе, принадлежитъ ли каждый индивидуумъ къ тому или другому виду. А между тѣмъ изъ рисунковъ Мортонъ, Натта, Глиддона и другихъ видно, что мозгъ наиболѣе даровитаго негра по величинѣ превосходитъ количество мозга у наименѣе смышленнаго бѣлаго. Итакъ, средняя величина мозговой массы рѣшительно не можетъ служить видовымъ признакомъ. Да и вообще среднія статистическія данныя пригодны только тамъ, гдѣ дѣло касается сравненія массъ, тогда какъ для отдѣльнаго случая онѣ не имѣютъ ровно никакого значенія. Если я сопоставляю 100,000 негровъ и 100,000 бѣлыхъ, то среднія числа, быть можетъ, покажутъ мнѣ, какой работы мозга я могу ожидать отъ той и другой группы, въ смыслѣ цѣлаго, но далѣе этого онѣ не находятъ никакого примѣненія. И тоже самое бываетъ со всѣми прочими признаками, отдѣльно взятыми, и со всякой ихъ комбинаціей; они не могутъ служить, по крайней мѣрѣ теперь, характеристическими чертами для проведенія видовыхъ различій между людьми. Но послѣ Дарвина вопросъ этотъ и подавно лишился всякаго смысла, такъ какъ всѣ эти различія гдѣнибудь да сходятся къ общему корню, и люди—даже въ тѣсномъ смыслѣ слова—образуютъ только одну расу (т. е. происходятъ отъ одной пары).

Въ мрачныхъ нѣдрахъ первобытной горной формации неутомимые рабочіе прокладываютъ путь черезъ гору Монъ-Сенисъ; имъ на встрѣчу другіе рабочіе просверливаютъ гору съ противоположной стороны. Тѣ и другіе хорошо знаютъ, что они непременно когданибудь встрѣтятся между собою, потому что инженеръ съ точностью провелъ оба направленія. Точно также и натуралисты, раздѣлившись на двѣ категоріи, пробиваются сквозь мракъ тысячелѣтій на встрѣчу одни другимъ. Они знаютъ, что непременно гдѣнибудь сойдутся, потому что наука съ обѣихъ сторонъ съ точностью указала надлежащее направленіе. Съ одной стороны, ученые—какъ мы это видѣли—отправляются отъ отдаленнѣйшей точки прошедшаго, отъ образованія на землѣ первыхъ организмовъ и постоянно слѣдуютъ за ихъ развитіемъ до первоначальнаго появленія на землѣ чловѣка. Съ другой стороны — и это составляетъ

последнюю часть нашихъ настоящихъ указаній—естествоиспытатели начинаютъ отъ современнаго состоянія человѣка на землѣ и преслѣдуютъ его исторію также до перваго его происхожденія—путемъ историческихъ документовъ, преданій, пощаженныхъ временемъ памятниковъ, наконецъ, по слѣдамъ, сохранившимся въ позднѣйшихъ геологическихъ наносахъ. Какъ и когда встрѣтятся между собою тѣ и другіе рабочіе на пути, прокладываемомъ сквозъ иракъ прошедшаго—мы предсказать этого еще не можемъ, но что они непременно встрѣтятся—за это ручается начертавшая планъ наука.

Въ нашихъ настоящихъ соображеніяхъ, мы слѣдовали первымъ изъ этихъ двухъ путей, теперь же должны посмотрѣть, какъ далеко и съ какими вспомогательными средствами современная наука можетъ идти по другому пути—отправляясь отъ настоящаго къ началамъ организаци. При этомъ мы ограничимся только исторіей первоначальнаго появленія человѣческаго рода, т. е. тѣми свѣденіями, которыя теперь составляютъ область такъ называемой археологіи человѣчества. Начало этой науки было положено собственно Ляйаллемъ въ его сочиненіи „Geological evidence of the Antiquity of man“ (Лондонъ, 1863), гдѣ авторъ собралъ свѣденія, бывшія до того разсѣянными въ различныхъ областяхъ знанія, какъ бы въ общій фокусъ—первобытную исторію человѣка.

Но въ началѣ нашего пути, мы должны еще окинуть взглядомъ различныя формы человѣчества, какими онѣ представляются на земномъ шарѣ въ наше время. Значительныя различія сами собой бросаются намъ въ глаза и уже давно обращали на себя большое вниманіе. Изображенія въ египетскихъ храмахъ уже по однимъ профильнымъ очертаніямъ позволяютъ намъ отчетливо различать негра, египтянина, семита и перса. Но уже въ сравнительно позднее время натуралисты стали изслѣдовать различія эти научнымъ путемъ и по нимъ раздѣлять всѣхъ людей на опредѣленныя расы. Блумбахъ первый раздѣлилъ людей на пять племенъ—кавказское, монгольское, малайское, афіонское и американское. Раздѣленіе это долгое время сохранялось во всей силѣ, причемъ численность расъ то увеличивалась, то уменьшалась. И здѣсь происходило тоже, что при опредѣленіи видовъ. Чѣмъ точнѣе и обширнѣе становилось

научное знакомство съ людьми, тѣмъ труднѣе было удерживать эту классификацію, тѣмъ болѣе выдѣлялось въ ней новыхъ самостоятельныхъ группъ, тѣмъ затруднительнѣе было придумывать положительные признаки, которыми бы одна группа характеристически отдѣлялась отъ другой. Только шагъ за шагомъ ученые стали предпочитать общимъ описаніямъ опредѣленные частности и подвергать ихъ ученой обработкѣ. Кромѣ цвѣта кожи, оттѣнка и еще болѣе строенія волосъ, до сихъ поръ должное вниманіе, въ научномъ смыслѣ, обращалось только на форму черепа. И дѣйствительно, мозговая масса, болѣе или менѣе распознаваемая по формѣ черепа, составляетъ важнѣйшую часть въ организаціи челоука, какъ центръ всей нервной системы, оказывающій вліаніе какъ на все развитіе тѣла, такъ въ особенности на степень духовно-развитаго сознанія. Первый ученый, старавшійся привести различныя формы черепа въ нѣкоторую систему, былъ Реціусъ *) и его критическій методъ еще до сихъ поръ принять ко всеобщему руководству. Смотра по большей или меньшей длинѣ продольной линіи отъ лба до затылка, сравнительно съ поперечникомъ отъ одного уха до другого, онъ раздѣлялъ людей на длинно-головыхъ (долихоцефалы) и короткоголовыхъ (брахицефалы). Каждый изъ этихъ двухъ классовъ распадался у него на два подраздѣленія, смотря по тому, выдавались ли челюсти только немного впередъ, причеъ зубы встрѣчались между собою въ отвисломъ положеніи (прямозубы или ортогнаты), — или же челюсти и зубы значительно выступали впередъ, отчего зубы взаимно встрѣчались подъ угломъ (косозубы или прогнаты). Между двумя главными классами, Реціусъ принимаетъ еще среднюю, переходную группу среднеголовыхъ (мезоцефалы). Другіе ученые предложили свои способы измѣреній черепа, какъ Гексли, измѣряющій внутреннюю плоскость вдоль распиленнаго черепа, хотя способъ этотъ еще не находить обширнаго употребленія, такъ какъ не у всѣхъ обладате-

*) Взглядъ на современное состояніе этнологіи по отношенію къ формѣ костяного черепа, проф. А. Реціуса (въ Стокгольмѣ). Переведено въ мюллеровскомъ «Архивѣ» (1858, стр. 186 и сл.).

лей анатомическихъ коллекцій является желаніе распиливать свои черепа и притомъ измѣреній этого рода невозможно произвести на живомъ человѣкѣ. Новѣйшій и—какъ кажется—наиболѣе раціональный способъ измѣреній черепа былъ предложенъ Эби (*, который примѣнилъ свой методъ уже къ довольно значительному числу череповъ. Противъ принятой Реціусомъ системы, Эби возражалъ въ особенности, что названіе длинныхъ череповъ нисколько не объясняетъ, идетъ ли рѣчь о большей величинѣ продольной линіи или о болѣе короткомъ поперечникѣ. Вслѣдствіе этого выраженія: длинный, короткий черепъ утрачиваютъ всякій смыслъ, и въ результатѣ является то, что, какъ двѣ капли воды, сходный съ обезьянами негръ долженъ быть отнесенъ къ одному классу съ высоко-развитымъ голландцемъ и шведомъ. Эби старался отыскать основаніе, находящееся въ связи съ внутреннимъ значеніемъ частей черепа, и нашелъ основаніе это въ слѣдующемъ: спинной хребетъ составляется изъ отдѣльныхъ позвонковъ. Каждый позвонокъ состоитъ изъ сплошного тѣла и костяного, обращеннаго къ задней сторонѣ кольца. Многія тѣла позвонковъ, своимъ положеніемъ одно на другое, образуютъ позвоночный столбъ, тогда какъ изъ колець составляется канатъ хребтового мозга или становой жилы. Позвоночный столбъ внезапно переходитъ въ черепъ, круто загибаясь впередъ почти подъ прямымъ угломъ, причѣмъ три позвонка образуютъ связку черепа. У основанія черепной полости лежатъ три позвонковыя тѣла; три широкія плоскія кольца, представляющія спереди и сзади почти форму раковинъ, составляютъ черепной сводъ. Основною мѣрою, Эби принялъ длину трехъ позвонковыхъ тѣлъ, лежащихъ у основанія черепа, и съ этой основною величиною, которую онъ выражаетъ числомъ 100, сообразуются всѣ его прочія измѣренія. Эти измѣренія могутъ быть произведены съ болшею точностью, и опытные анатомы могутъ сдѣлать это даже на головѣ живого человѣка. Само собою разумѣется, что и этотъ способъ не можетъ претендовать на непогрѣшимость, но онъ, по

*) «Формы черепа у человѣка и обезьянъ» (Лейпцигъ, 1867).

нашему мнѣнію, заслуживаетъ положительнаго предпочтенія предъ всѣми прочими, употреблявшимися до сихъ поръ измѣреніями. Такимъ образомъ, вмѣсто главныхъ группъ длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, люди раздѣляются у Эби на узкоголовыхъ, стеноцефаловъ (низшія расы и между ними послѣднюю степень занимаетъ негръ изъ Конго, у котораго ширина черепа соотвѣтствуетъ только 120 частямъ основной мѣры) и на широкоголовыхъ (вышія расы, между которыми наиболѣе развитый чуждъ въ ширинѣ черепа вмѣщаетъ 188 частей основной мѣры *). Оба класса образуютъ два постепенные ряда, границей между которыми Эби полагаетъ ширину черепа въ 152 части. Каждый классъ раздѣляется на дальнѣйшія группы длинныхъ и короткихъ череповъ, смотря по большому или меньшему развитію затылка. Границу между длинноголовыми и короткоголовыми составляетъ длина затылка въ 67,5 частей основной мѣры. Бъ длинноголовымъ, эврицефаламъ (съ широкими черепами) принадлежатъ благороднѣйшія человѣческія расы. Прямое или косое положеніе челюстей и зубовъ образуетъ дальнѣйшія подраздѣленія. Признакъ этотъ, по Эби, также имѣетъ двоякое происхожденіе и сообразно съ этимъ различное значеніе, смотря по тому, удлиняется ли сзади впередъ костяное небо или только немного высовывается вмѣстѣ съ краемъ зубовъ. Въ высшей степени интересно географическое раздѣленіе человѣческихъ расъ сообразно съ размѣрами черепа по системѣ Эби. Южное полушаріе вообще населено узкоголовыми, сѣверное — людьми съ широкими черепами. Между тѣми и другими помѣщается переходный этнологическій поясъ. Мѣсто высшаго развитія узкихъ череповъ находится въ Африкѣ, къ югу отъ тропика Рака, гдѣ живутъ негры, кафры, готтентоты и бушмены и откуда типъ этотъ можно прослѣдить въ Полинезіи у новоголландцевъ, туземцевъ острововъ Дружбы, новокаледонцевъ, въ Азіи — у никобарцевъ, индусовъ, жителей Малабарскаго берега, въ Америкѣ — у гренландцевъ и парагварановъ. Центръ широкихъ череповъ находится въ средней Азіи и восточной Европѣ, почти

* Ужѣ Блауенбахъ указывалъ на ширину черепа, какъ на важнѣйшій отличительный признакъ.

«Дѣло», № 10.

до сѣвернаго полярнаго круга, откуда одна вѣтвь простирается въ сѣверную Америку. Въ Азіи представителями этого типа служатъ татары, башкиры, буряты, тунгузы, калмыки, киргизы, турки, евреи, далѣе сюда принадлежатъ самоѣды и другіе, заселяющіе крайній сѣверъ Азіи, народы; затѣмъ лезгинны, грузинны и черкесы, въ Европѣ—всѣ славянскія племена, лапландцы, финляндцы, казаки (?), голландцы, швейцарцы, этруски, всѣ туземныя племена Скандинавіи, въ Америкѣ—сѣвероамериканцы, караобы, ботокуды, арауканы, туземныя жители Перу. Между этими двумя чистыми типами помѣщается переходная группа, проходящая широкимъ поясомъ съ востока на западъ, начинаясь въ Полинезій и Азіи и проходя чрезъ сѣверную Африку и югозападную Европу. Здѣсь мы находимъ тѣ формы черепа, которыя занимаютъ средину между двумя крайними типами, приближаясь болѣе то къ узкимъ, то къ широкимъ черепамъ. Сюда принадлежатъ въ Полинезій папуасы, туземцы Вандименовой земли и племя альфуру, въ Азіи—явайцы, макассарцы и т. д., китайцы, жители Сіама, магратты, цыгане, въ Африкѣ—египетскія муміи и, быть можетъ, варварійцы, наконецъ, въ Европѣ—жители Даніи въ каменный періодъ (см. ниже), греки, итальянцы, испанцы, португальцы, валахи и англичане. Такимъ образомъ, въ этой средней полосѣ, заключающей въ себѣ всѣ древніе культурные народы, надобно, по всей вѣроятности, искать первоначальное происхожденіе человѣческаго рода, тогда какъ къ сѣверному поясу принадлежатъ современные культурно-развитыя народы, къ южному—выродившіяся, едва доступныя культурѣ, племена. Отъ болѣе обширнаго изложенія этого предмета, мы должны здѣсь отказаться во избѣжаніе утомительныхъ для читателя подробностей, тѣмъ болѣе, что онѣ не освободятъ его отъ изученія оригинальныхъ сочиненій, еслибы онѣ захотѣлъ основательнѣе ознакомиться съ разсматриваемымъ вопросомъ. Но при всей важности черепа въ области этнологіи, одного этого признака все-таки очень недостаточно для того, чтобы дѣлить человѣчество на характеристическія группы и устанавливать ихъ взаимное родство между собою. Мы должны были бы для этой цѣли принять къ свѣденію языкъ, который находится въ такой же тѣсной связи съ духовно-разум-

ной жизни челоуѣка, какъ и строеніе мозга. Но тѣ группы, которыя слѣдовало бы принять на основаніи внутренняго родства языковъ, далеко не совпадутъ съ классами, построенными по тѣлеснымъ признакамъ, что легко можно видѣть, если мы обратимъ вниманіе на индогерманское семейство языковъ, изслѣдованное съ наибольшей научной точностью. *) Здѣсь мы находимъ уже исчезнувшій первобытный языкъ, отъ котораго прежде всего отдѣлились санскритъ и зендъ, переходящіе первый въ индѣйскіе, второй въ персидскіе языки. Сюда примыкаютъ далѣе, какъ вторая вѣтвь, кельтскій, литовскій, греческій, всѣ романскіе языки, далѣе славянскіе, скандинавскіе и германскіе языки. Мы сейчасъ же видимъ, что эта группа языковъ, построенная на тѣснѣйшемъ внутреннемъ родствѣ, совершенно не приходится къ классификаціи по черепамъ. Но и кромѣ того есть множество другихъ тѣлесныхъ условій, очень важныхъ для опредѣленія челоуѣческихъ формъ, до сихъ поръ еще очень мало изслѣдованныхъ научнымъ путемъ или даже остающихся совершенно неизвѣстными. Такъ, всѣ прочіе размѣры челоуѣческаго тѣла получили опредѣленную ясность только благодаря экспедиціи въ Навару, когда добытые этимъ путемъ результаты были собраны Вейсбахомъ и Броккомъ. Но если мы обратимъ вниманіе на образъ жизни, нравы и обычаи различныхъ племенъ, то увидимъ, что для научной обработки еще остается необозримая масса матеріала.

Какъ ни много было въ этомъ отношеніи собрано и приведено въ порядокъ путешественниками, какъ ни богатъ запасъ фактовъ, заимствованныхъ изъ хроникъ и всякаго рода историческихъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе все это еще ждетъ научной обработки въ серьезномъ смыслѣ. Мы должны еще въ будущемъ ждать руки опытнаго дѣятеля, который бы отдѣлилъ существенное отъ неважнаго, первоначальное отъ заимствованнаго, который съ строго-критическимъ разборомъ сумѣлъ бы различить свойственные всѣмъ народамъ—разумные или даже необходимые обычаи, также какъ об-

*) Штейнталь, Характеристика главнѣйшихъ типовъ въ строеніи рѣчи (1860); Шлейхеръ, Теорія Дарвина и языкознаніе (1863).

ція всѣмъ людямъ глупости, отъ того, что переходитъ отъ одного народа къ другому. Два изъ самыхъ странныхъ обычаевъ встрѣчаются между такими отдаленными другъ отъ друга народами, что было бы невѣроятно—чтобы не сказать невозможно—предполагать принятіе обычаевъ этихъ вслѣдствіе взаимныхъ сношеній. Первый изъ этихъ странныхъ обычаевъ заключается въ тугомъ перевязываніи головы новорожденнаго, для насильственного приданія черепу особенной, неестественной формы, при чемъ лобъ уходитъ назадъ непосредственно отъ краевъ глазъ, затылокъ дѣлается плоскимъ и весь черепъ протягивается въ длину по направленію спереди и снизу назадъ и вверхъ. Уже Гиппократъ упоминаетъ объ одномъ народѣ, у котораго подобное уродливое образование головы считалось атрибутомъ знатнаго происхожденія, и того же обычая держались древніе обитатели Перу. Мы находимъ его также у гунновъ (быть можетъ, они-то и были упоминаемый Гиппократомъ народъ). Древніе черепа, раскапываемые въ Крыму, также, по Бэру, носятъ слѣды этого обыкновенія, и Рафаэль, въ фрескѣ „Гунны въ Римѣ,“ изображаетъ съ подобной головой Аттилу. Второй, еще болѣе диковинный, обычай заключается въ родильной постели мужчинъ. Какъ только жена разрѣшается отъ бремени, мужъ ложится на нѣсколько недѣль въ постель, подвергаетъ себя строгой діетѣ или позволяетъ за собой ухаживать, какъ за больнымъ. Это обыкновеніе еще до сихъ поръ сохранилось внутри Сардиніи (Мальцанъ); въ Беарнѣ оно господствовало еще въ прошломъ столѣтіи. Между испанцами и жителями Корсики, въ древнія времена, обычай этотъ былъ распространенъ повсемѣстно. Далѣе, онъ и теперь въ большомъ ходу между монгольскими племенами, бразильцами, каранбами, въ Гвіанѣ и у сѣвероамериканскихъ туземцевъ. *)

Если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ современное состояніе человѣческихъ расъ на землѣ, то увидимъ еще всѣ степени культуры отъ самыхъ грубыхъ, почти первобытныхъ ея началъ, до высшаго развитія цивилизации, отъ людей, живущихъ въ пещерахъ или, подобно обезьянамъ, въ шалахахъ изъ древесныхъ вѣтвей и

*) Пауэръ, Sur les Américains Фишеръ въ «Beiträge» Путты.

употребляющихъ каменные и костяныя орудія, до народовъ, для которыхъ самая утонченная роскошь жизненныхъ условій сдѣлалась почти неизбѣжной потребностью. Все, что въ исторіи человѣчества, или въ различныхъ ея періодахъ, временно смѣняется одно другимъ, здѣсь уживается рядомъ, и такъ было въ древѣйшихъ временахъ, доступныхъ нашему изслѣдованію, откуда становится яснымъ, что для характеристическихъ особенностей, открываемыхъ намъ исторіей первобытнаго человѣка, мы можемъ найти аналогическія явленія въ современномъ мірѣ. Здѣсь также ведется борьба за существованіе! Рядомъ съ племенами, достигшими извѣстной степени прогресса въ приготовленіи орудій и въ своихъ учрежденіяхъ, менѣ развитыя племена могутъ существовать только до тѣхъ поръ, пока не будутъ вынуждены вступить въ конкуренцію съ болѣе просвѣщенными народами. Какъ только это имѣетъ мѣсто, менѣ развитыя и неспособныя къ высшему развитію племена обрекаются естественнымъ закономъ на неизбѣжную гибель, какъ мы видимъ это въ сѣверной Америкѣ, Австраліи, отчасти также въ Полинезій.

Условіе это не должно быть выпущено изъ вида, если мы не желаемъ впасть въ грубыя хронологическія ошибки при оцѣнкѣ прежняго жизненнаго порядка.

Отправляясь отъ этого современнаго состоянія, наше изслѣдованіе должно слѣдить за исторіей человѣчества обратнымъ путемъ въ минувшіе вѣка. При этомъ мы обходимъ мимо тотъ періодъ времени, который составляетъ область исторіи въ тѣсномъ смыслѣ. Мы предоставляемъ другимъ изслѣдователямъ также преданія, насколько они могутъ быть пригодны для исторіи. Но нельзя не обратить здѣсь вниманія на то, уже выше указанное нами обстоятельство, что исторія и преданіе для различныхъ странъ на землѣ начинаются въ совершенно различныя эпохи, такъ какъ начало это зависитъ отъ степени доступной народамъ культуры. Вѣдь еще есть и теперь страны, въ которыхъ нѣтъ ни исторіи, ни преданій, такъ какъ всѣ народныя воспоминанія ограничиваются только традиціями одного или двухъ послѣднихъ поколѣній. Въ Египтѣ мы имѣемъ положительную исторію для такого времени, до котораго

въ Германіи не доходятъ самыя ветхія, самыя темныя преданія. Наши изысканія начинаются на границѣ между эпохою первыхъ преданій и первобытнымъ временемъ и могутъ прежде всего слѣдовать по тѣмъ памятникамъ, которые представляются несомнѣнными остатками человѣческихъ поселеній, хотя бы никакое преданіе не сообщило намъ объ ихъ происхожденіи. Сюда мы должны въ особенности отнести остатки древнихъ жилищъ, насыпи, мѣста священныя отправление, кладбища. Сюда же принадлежать не менѣе важныя произведенія человѣческаго искусства, сохранившіяся отъ прежняго времени. Наконецъ, мы должны указать на несомнѣнные слѣды измѣненій, которыя свидѣтельствуютъ о насильственномъ дѣйствіи человѣка на окружающія его естественныя условія. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на самого человѣка и подвергнуть тщательному изслѣдованію его тѣлесныя остатки (скелеты и ихъ части). По всемъ этимъ предметамъ втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ было описано такъ много и ученые представили такой богатый запасъ открытій, что сообщеніе подробностей рѣшительно не допускается предѣлами нашей статьи. Для этого понадобилась бы не журнальная статья, даже не книга, но цѣлая небольшая бібліотека. Съ другой стороны, было бы не только трудно, но и нецѣлесообразно соединять всю эту добытую научнымъ путемъ массу въ одинъ бѣглый очеркъ. Уже въ самомъ сопоставленіи этихъ фактовъ заключается идея ихъ общей зависимости, и при этомъ легко придти къ такому поверхностному выводу, который завтра совершенно опровергнется новымъ открытіемъ. Многое здѣсь еще слишкомъ ново, слишкомъ разрознено, и матеріалъ, самъ по себѣ богатый частностями, еще такъ недостаточенъ для большей части вопросовъ, что систематическое изложеніе и объяснительныя теоріи представляются довольно опасной почвой. Но очень немногіе люди способны отказаться отъ удовольствія строить новые міры на той малости, которую они знаютъ, и значительная часть научной литературы состоитъ изъ такихъ хитроизмышленныхъ теорій, хотя безъ всего этого мы гораздо лучше могли бы совершенно обойтись, такъ какъ открытіе слѣдующаго дня безошибочно разметываетъ эти карточные домишки. Мы вовсе

не желаемъ увеличивать число этихъ фантастическихъ и туманныхъ картинъ, но сосредоточимъ наше вниманіе только на вышеперечисленныхъ памятникахъ, присоединивъ нѣсколько замѣчаній относительно важнѣйшихъ точекъ зрѣнія, которыя должны быть приняты для оцѣнки.

Начинаемъ съ приготовляемыхъ человѣкомъ орудій, въ которыхъ прежде всего выражается его прогрессъ и степень цивилизаціи. Дерево и твердыя кости животныхъ — вотъ первый матеріалъ, служившій ему для разнаго рода хозяйственныхъ издѣлій. Тамъ, гдѣ мѣстныя условія и почва, на которой онъ живетъ, представлялись для него благопріятными, человѣкъ скоро приходитъ къ заключенію, что твердость и тяжесть камней могутъ быть полезными для многихъ цѣлей. Разбивая камень для опредѣленнаго употребленія, человѣкъ старается образовать каменные осколки по извѣстному плану и этимъ способомъ приготовить нѣкоторыя каменные орудія. Объ изобрѣтеніи стекла древнее преданіе рассказываетъ, что финикіяне развели огонь на очагѣ, сложенномъ изъ камней, которые и сплавилась въ стеклянную массу. При подобномъ же употребленіи рудъ, человѣкъ прежде открылъ легкоплавимыя металлы — мѣдь и олово, и, по причинѣ большей легкости въ выдѣлкѣ, избралъ эти плавкіе металлы матеріаломъ для изготовленія своихъ орудій. Мѣдныя и оловячныя руды, въ общемъ сплавѣ, дали ему новый металлъ — бронзу (латунь), которая долгое время удовлетворяла всѣмъ его потребностямъ, пока счастливый случай или нарочно произведенный опытъ, при болѣе высокой культурѣ, не научилъ его добыванію желѣза, что дало ему, наконецъ, возможность употреблять этотъ дѣйствительно благородный (т. е. полезный, незамѣнимый въ работѣ) металлъ въ самомъ широкомъ масштабѣ. Такимъ образомъ, мы получаемъ рядъ культурныхъ степеней, которыя, по употребляемому для издѣлій матеріалу, можно означать названіями деревяннаго (или костяного), каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періода. Точное разграниченіе трехъ періодовъ — каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго — составляетъ ученую заслугу датчанина Воргсаэ (Vorgsae), который, опираясь на богатый матеріалъ, собранный въ копенгагенскомъ музеѣ, подвергъ тщательному изу-

ченію поверхностные слои земли, а также и разные искусственные предметы, находимые въ древнихъ развалинахъ и могилахъ, хотя на указываемое дѣленіе періодовъ намекалъ еще Гоге, де-Бомонъ и Томсонъ. Что между этими періодами были также переходы, что указанная степени цивилизаціи могли существовать одновременно въ различныхъ мѣстностяхъ—это очевидно само собою. Но гениальный планъ Ворсоа все-таки впервые ввелъ ясность и порядокъ въ непонятный до этихъ поръ хаосъ многочисленныхъ и безъ всякаго разбора сваленныхъ въ кучу подробностей. При тщательномъ вниманіи періоды можно подвергнуть дальнѣйшему дѣленію; такъ, въ каменномъ періодѣ можно различать время совершенно грубой работы или простого откалыванія каменныхъ кусковъ отъ той поры, когда издѣлія стали приготовляться тщательно и подвергались шлифовальной technikѣ; точно также и бронзовый періодъ, которому во многихъ мѣстахъ непосредственно предшествовалъ мѣдный, можетъ быть раздѣленъ на времена болѣе грубой и болѣе искусной отливки. Переходъ отъ одного періода къ другому въ особенности обозначается тѣмъ, что древнѣйшія бронзовые издѣлія, по формѣ, сходятся съ послѣдними каменными, и тоже имѣютъ мѣсто между бронзовымъ и желѣзнымъ періодами.

Здѣсь мы должны выставить нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ служить намъ къ историческимъ соображеніямъ. Само собою разумѣется, мы живемъ теперь еще въ желѣзномъ періодѣ, хотя и далеко перешли за черту его второй половины, которую можно начинать изобрѣтеніемъ стали или, по крайней мѣрѣ, сообщеніемъ желѣзу большей твердости посредствомъ накаливанія и охлажденія. Правда, галлы еще во время Цезаря употребляли желѣзные мечи, но это оружіе послѣ непродолжительнаго боя опять нужно было перековывать, потому что мягкое желѣзо очень сильно искривлялось. Бронзовый періодъ, своей значительной частью, входитъ въ историческое время и всю древнюю исторію кельтовъ можно отнести къ этому періоду. Каменное оружіе употреблялось въ Азіи еще на памяти древнихъ грековъ *), какъ доказываютъ острія персидскихъ

*) См. Геродотъ, VII, 69.

стрѣлъ изъ большого могильнаго намета на марокскомъ боевомъ полѣ. Кроме того, мы находимъ многія указанія, что и послѣ того, какъ каменные издѣлія вышли изъ общаго употребленія и были замѣнены металлическими, предметы изъ камня все-таки были удержаны для отправленій культа, на основаніи рано возникшаго догматическаго предразсудка, придававшего старому характеръ святости; такъ мы находимъ каменный ножъ для вскрытія труповъ при бальзамированіи (Геродотъ), жертвенный ножъ въ западной Африкѣ (при римлянахъ), каменный ножъ, употреблявшейся при богослужебныхъ обрядахъ у древнихъ евреевъ *). Тоже значеніе, быть можетъ, имѣли, находимыя во многихъ могилахъ, очень мелкія и красиво обдѣланныя острія стрѣлъ и топорики, которые, очевидно, не могли служить для дѣйствительнаго, практическаго употребленія и потому должны быть приняты за какіе нибудь священные предметы, какъ уже догадывались 150 лѣтъ тому назадъ д-ръ Шперлингъ въ Копенгагенѣ и другіе.

Но затѣмъ мы переходимъ къ важнѣйшему заключенію, находящемуся въ связи съ каменнымъ періодомъ. Постоянный прогрессивный ходъ цивилизаціи, духовно-разумное развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія въ собственномъ смыслѣ почти исключительно ограничиваются великимъ индогерманскимъ семействомъ народовъ, и мы должны, быть можетъ, причислить сюда еще только семитовъ, правда, очень различныхъ по языку, но по физическому строенію принадлежащихъ къ бѣлой расѣ. Древнѣйшая дошедшая до насъ вѣтвь индогерманскихъ языковъ есть санскритъ, который, по мнѣнію лингвистовъ, долженъ былъ употребить многія тысячелѣтія для своего образованія до той окончательной степени, въ какой онъ представляется намъ. Даже ортодоксальный Эвальдъ принимаетъ для развитія человѣческаго языка до такого совершенства періодъ времени въ 10,000 лѣтъ. Санскриту предшествовалъ лежащій въ основаніи всѣхъ индогерманскихъ нарѣчій первобытный языкъ, о которомъ мы можемъ составить довольно неясное понятіе по тѣмъ корнямъ и словамъ, которые сохранились во всѣхъ

*) Монс. 4, 25; Инс. Нав. 5, 2 и т. д.

или, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ индогерманскихъ языкахъ, какъ общее достояніе этого семейства. Изъ сказаннаго мы можемъ несомнѣнно видѣть, что первобытный народъ, говорившій этимъ языкомъ, стоялъ уже на высокой степени образованности и зналъ употребленіе металловъ, такъ какъ во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ руда обозначается словомъ, возникшимъ изъ одного и того же корня (Гриммъ, Шлейхеръ и т. д.). Это доказывается также языкомъ кельтовъ. Насколько намъ извѣстно, они были первой вѣтвью индогерманскаго семейства, переселившіеся въ Европу и указавшею путь другимъ переселеніямъ народовъ, занявшихъ все пространство Европы. Было бы совершенно невѣроятно, чтобы народъ, научившійся приготовленію металловъ, хотя и удержалъ придуманное для того слово, но отказался отъ самаго дѣла — отъ этого важнаго средства для облегченія житейскихъ нуждъ; поэтому мы съ совершенной смѣлостью можемъ утверждать, что всѣ принадлежащіе чистому каменному періоду памятники были до-кельтскаго происхожденія и не могутъ быть приписаны ни одному изъ нынѣ извѣстныхъ намъ индогерманскихъ народовъ, но скорѣе свидѣтельствуютъ о жизни болѣе древнихъ племенъ, занимавшихъ Европу до кельтовъ и ихъ послѣдующихъ родичей, которые частію вытѣснили, частію истребили своихъ предмѣстниковъ, неустоявшихъ въ борьбѣ за существованіе съ болѣе развитыми и вооруженными металлою народами. Если развитіе индогерманцевъ было названо нами исторіею въ тѣсномъ смыслѣ, то только переходя за черту чистаго каменнаго періода, мы вступаемъ на до-историческую почву.

Но здѣсь мы не можемъ обойти мимо еще одно замѣчаніе о каменныхъ орудіяхъ. Китайцы составляютъ, можетъ быть, единственный народъ, въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ котораго прямо упоминается объ оружіи, сдѣланномъ изъ камня. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ люди до такой степени утратили память объ этихъ предметахъ, что смотрѣли на нихъ съ суевѣрнымъ страхомъ или надеждою. Еще въ XVI столѣтіи ученые называли ихъ громовыми стрѣлами или керавніями, и точно также предметы эти и до сихъ поръ называются въ Греціи (*Astropolekia*, звѣздные

топоры), на островѣ Мадагаскарѣ, въ Арраканѣ и Японіи. Альбинусъ рассказываетъ въ своей „Сельской и горной хроникѣ Мейсена“, что громъ швыряетъ камни эти съ неба, а Гапшеліусъ („Краткое Землеописаніе“) описываетъ образованіе ихъ въ воздухѣ изъ паровъ съ такою увѣренностью и точностью, какъ будто онъ самъ былъ при этомъ очевидцемъ. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія (1734 г.) Мигудель былъ положительно осмѣянъ за то, что въ парижской академіи называлъ предметы эти издѣліями человѣка, такъ какъ онъ не доказалъ, что они не могли образоваться въ облакахъ. Простой народъ во Франціи, Испаніи, Италиі, Германіи, Бразиліи, на о-вѣ Явѣ и въ Ассомѣ до сихъ поръ благоговѣнно чествуютъ эти предметы, въ Перу они служатъ для любовнаго привороженья и во многихъ мѣстахъ почитаются, какъ талисманъ, противъ молніи, противъ различныхъ несчастій и болѣзней, въ особенности противъ каменной немочи, такъ что часто для научнаго наблюдателя достать эти предметы въ свои руки бываетъ очень трудно.

Въ древнѣйшія времена вся техника ограничивалась обдѣлываніемъ камней, раковинъ и костей. Уже гораздо позже мы видимъ въ приготовленіи грубой глиняной посуды первый шагъ развивающейся индустріи къ улучшенію домашняго быта. Въ этихъ чашкахъ, горшкахъ, урнахъ мы также находимъ постепенное совершенствованіе производства, причемъ древнѣйшая посуда, слѣпленная изъ неочищенной глины, съ примѣсью кремнистыхъ осколковъ, кое-какъ обжигается на открытомъ огнѣ. Уже впоследствии фабрикація доходитъ до лучшей обработки матеріала; формы также мало-по-малу разнообразятся, дѣлаются изящнѣе, тогда какъ украшенія въ видѣ нацарапанныхъ линій и фигуръ представляютъ начало художественнаго вкуса.

Мы заговорили здѣсь прежде всего объ издѣліяхъ и ихъ матеріалѣ потому, что они одни часто даютъ намъ средство, по крайней мѣрѣ, къ хронологической группировкѣ раскапываемыхъ изъ могилъ и развалинъ остатковъ минувшаго, и такъ какъ предметы эти нерѣдко служатъ единственными уцѣлѣвшими слѣдами существованія человѣка. Затѣмъ мы обращаемся къ остаткамъ

человѣческихъ поселеній, между которыми, такъ называемыя свайныя постройки, въ послѣднее время разсматривались со всѣхъ сторонъ съ такою обстоятельностью, что мы можемъ избавить читателя отъ скучнаго пережевыванья всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Уже Геродотъ описываетъ свайное поселеніе въ греческомъ озерѣ Прозіасѣ, гдѣ остатки построекъ существуютъ до сихъ поръ и были недавно опять открыты Альбертомъ Дюмономъ. На рельефахъ трояновой колонны въ Римѣ также представлено покореніе свайнаго поселенія. Дюмонъ-д'Юрвилль нашелъ еще и теперь обитаемыя людьми свайныя постройки на берегу Новой Гвинеи. Находимыя въ свайныхъ постройкахъ произведенія человѣческаго искусства опредѣляютъ время употребленія этихъ убѣжищъ отъ каменнаго періода далеко до начала римской исторіи. Нельзя не убѣдиться, что въ свайныхъ постройкахъ чередовались чрезвычайно различныя народности. Въ этомъ отношеніи было особенно замѣчательно сдѣланное въ Швейцаріи открытіе трехъ расположенныхъ одна поверхъ другой свайныхъ построекъ, взаимно раздѣленныхъ слоями торфа. Такъ какъ мы знаемъ приблизительно время образованія торфа, то по этому древность нижней постройки можно опредѣлять почти въ 7,000 лѣтъ. О найденномъ въ долинѣ Соны оружіи изъ шлифованнаго камня, А. Арсетиль, по лежащимъ сверху наносамъ, заключилъ, что оружіе это было сдѣлано, по крайней мѣрѣ, за 3—4,000 лѣтъ до нашего времени. Свайныя постройки были дѣйствительными надводными деревнями, устраиваемыми для безопасности отъ дикихъ звѣрей и отъ враговъ, хотя многія изъ такихъ мѣстъ могли служить только временными рыболовными притонами или запасными магазинами. Древнѣйшія, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ каменному періоду. Горячіе споры, возбужденные значеніемъ этихъ построекъ, почти всегда вызываются тѣмъ, что одинъ ученый съ слишкомъ опрометчивой поспѣшностью принимается строить общую теорію изъ результатовъ одного частнаго наблюденія. Но прежде чѣмъ даже думать о сколько нибудь удовлетворительной исторіи людей, жившихъ въ свайныхъ постройкахъ, необходимо не только ясно представлять себѣ весь до сихъ поръ добытый матеріалъ, но еще подождать многихъ дальнѣйшихъ

открытій и изысканій. Однако, произведенные до сихъ поръ въ остаткахъ свайныхъ жилищъ розыски достаточно показали, что древнѣйшіе жители этихъ построекъ стояли уже на высокой степени культуры, держали домашнихъ животныхъ, занимались земледѣліемъ и даже тѣ изъ этихъ людей, которые принадлежали чистому каменному періоду, употребляли уже красиво-отшлифованныя издѣлія. При всемъ томъ, по несомнѣннымъ находкамъ, сдѣланнымъ до сихъ поръ, мы не можемъ вполне защитить ихъ отъ упрека въ людодѣствѣ.

Къ свайнымъ постройкамъ, даже открытымъ въ Швейцаріи, непосредственно примыкаютъ искусственные острова, въ которыхъ постройки эти переходятъ рядомъ промежуточныхъ сооружений, причемъ пространства между погруженными сваями наполняются камнями, отчасти же самый фундаментъ поднимается выше уровня воды чрезъ запруженія ея большими и малыми камнями (Саппогесъ въ Ирландіи).

Насколько было открыто произведенными до сихъ поръ изысканіями, многочисленныя доказательства въ пользу до-историческаго существованія свайныхъ построекъ разсѣяны по всей Европѣ, въ южной и сѣверной Германіи, въ Шотландіи, Ирландіи, Франціи, Швейцаріи (гдѣ были открыты первыя сваи), Савойѣ, Италіи, Греціи и т. д.

Далѣе мы обратимся къ тѣмъ остаткамъ человѣческой жизни, которые можно назвать сорными кучами или кухонными объѣдками (датск. Kjøkken — Möddinger, остъ-фрисл. Tegrens, итал. Terramare), Это болѣе или менѣе значительныя бугры, образующіеся частію изъ выбрасываемыхъ дикими народами остатковъ ихъ пищи, отчасти также изъ полусгнившихъ удобрительныхъ матеріаловъ у болѣе цивилизованныхъ племенъ. Кто видѣлъ въ Гамбургѣ или другомъ приморскомъ городѣ кучи устричныхъ скорлупъ, сваленныхъ передъ большими бакалейными погребами и пережѣванныхъ съ раковинами омаровъ и обыкновенныхъ раковъ, тотъ можетъ составить себѣ понятіе о такъ называемыхъ „кухонныхъ объѣдкахъ“, которые встрѣчаются у восточныхъ береговъ датскихъ острововъ въ видѣ довольно высокихъ и широкихъ насыпей, тя-

нущихся иногда на протяженіи нѣсколькихъ сотъ футовъ. Подобныя бугры были находимы теперь почти повсемѣстно, какъ во Франціи, Италіи, Африкѣ, сѣверной Америкѣ и т. д. По своему содержанію насыпи эти большею частію разнообразіе насыпей сорныхъ кучъ, потому что новѣйшая культура выучила насъ извлекать пользу изъ такихъ предметовъ, которые прежде, какъ негодный соръ, выбрасывались въ эти кучи, напр., кости съѣденныхъ животныхъ, изломанныя принадлежности хозяйства и т. п.

По времени образованія эти сорныя кучи принадлежатъ періоду шлифованныхъ каменныхъ орудій, отчасти же, можетъ быть, совпадаютъ съ переходомъ отъ этого періода ко времени грубыхъ каменныхъ издѣлій. Пеллегрини Штробель наблюдалъ образованіе подобной сорной кучи (Teggamac) между хижинами негровъ близъ залива Сень-Винсента.

Остѣ-фрисландскіе поселяне хорошо поняли ту пользу, какую можно извлечь изъ этихъ отложеній, и употребляютъ ихъ, какъ удобрительный матеріалъ для своихъ полей.

Рядомъ съ свайными постройками для первобытной исторіи человѣка одинаковую важность представляютъ богослужебныя или надгробныя памятники, устроенныя по большей части изъ грубыхъ, рѣдко отесанныхъ камней и еще рѣже покрытыя вырѣзанными рисунками, фигурами или какими нибудь загадочными знаками. Памятники эти, какъ надо полагать, довольно различны между собою по значенію, формѣ и древности, извѣстны подъ общимъ названіемъ мегалитовъ (большихъ камней). Ихъ существуетъ цѣлый постепенный рядъ—отъ сложеннаго на подобіе храма изъ исполинскихъ каменныхъ глыбъ „Стонгенджа“ (Stonehenge) въ Уильтширѣ, чрезъ рядъ меньшихъ каменныхъ построекъ или кромлеховъ до отдѣльно поставленныхъ камней или менгировъ. Сюда принадлежатъ также дошны (каменные столы), часто снабженныя сложеннымъ изъ большихъ камней ходомъ (аллеей)—свободнымъ или покрытымъ землею. Они встрѣчаются большею частью на гробахъ, сложенныхъ изъ огромныхъ каменныхъ массъ. Наконецъ, къ этимъ памятникамъ слѣдуетъ отнести могильныя курганы съ каменными гробницами (каменными ящиками) или просто необдѣланными кам-

нями, въ которыхъ были заключены трупы и сверху которыхъ навалены большія каменные глыбы (такъ называемыя могилы гунновъ, Hünengräber). Stonehenge и сходныя съ нимъ памятники, найденныя Джиффордомъ Пальгрэвомъ близъ Айуна въ Аравіи, по всей вѣроятности, служили мѣстами богослужебныхъ отправленій для культа солнца или Мелькарта и были поставлены древнѣйшими финикіянами, какъ это съ большою убѣдительною изложилъ Нильсонъ. Между другими памятниками этого рода также могутъ находиться жертвенники или монументы, воздвигнутыя въ ознаменованіе какихъ нибудь событій, но по большей части это были мѣста погребенія, едва ли принадлежавшія одному и тому же народу, если судить по ихъ различной формѣ и величинѣ, по разнохарактерности находимыхъ въ нихъ предметовъ и по различнымъ способамъ предавать землѣ покойниковъ. Научныя изысканія по этому предмету также далеко еще не достигли полной законченности, въ чемъ мы можемъ убѣдиться изъ того, что Анри Мартенъ въ 1867 году объявилъ: „всѣ долмены своимъ происхожденіемъ обязаны кельтамъ“, тогда какъ Шуэрманъ въ 1868 году положительно утверждалъ: „во всякомъ случаѣ долмены не могутъ происходить отъ кельтовъ“. Странную судьбу испытали такъ называемыя могилы исполиновъ или гунновъ. Во время Карла Великаго онѣ были разрушаемы, какъ слѣды язычества, но впоследствии онѣ были приняты въ христіанскій культъ усопшихъ, и еще въ началѣ настоящаго столѣтія пасторъ одной приморской деревушки въ Ютландіи похоронилъ со всею торжественностью христіанскаго обряда мумію египетской принцессы, прибитуя къ берегу послѣ кораблекрушенія. Извѣстно также, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-нъ Аміель, ориньяскій префектъ, котораго Господь въ гнѣвѣ своемъ сдѣлалъ даже докторомъ медицины, приказалъ похоронить на приходскомъ кладбищѣ скелеты, раскопанныя изъ одного могильнаго кургана, принадлежавшаго древнѣйшему каменному періоду, хотя похороны эти были произведены такъ небрежно, что уже 10 лѣтъ спустя никто не зналъ, куда дѣвались схороненныя кости. Послѣ всего этого нечего удивляться, если еще въ 17—18 столѣтіяхъ раскапываніе древнихъ могилъ счи-

талось оскорбленіемъ святыни и если въ народѣ ходили суевѣрные разсказы о томъ, что страшная гроза не допустила ужаснувшихся людей до этого святотатства или что оно было наказано болѣзнями и другими несчастіями. Духовенство противодѣйствовало раскапыванію могильныхъ кургановъ съ церковныхъ кафедръ. Первый, разбиравшій могильныя находки съ нѣкоторою научною систематичностью, былъ пробстъ Христіанъ Детлефъ Роде („Замѣчанія о Бимбро-гольштинскихъ древностяхъ“, Гамбургъ 1720), но онъ считалъ еще нужнымъ защищать себя противъ нѣкоторыхъ упрековъ, возбужденныхъ изслѣдованіями могилъ, и еще въ 1737 году пасторъ Науръ закончилъ свой разсказъ о раскопкѣ одного кургана близъ Гриммица слѣдующими словами: „они опять завалили раскопанную яму, чтобъ не навлечь на себя мщеніе призраковъ. Quod optimum esse puto“. (Что, по моему, всего лучше). При всемъ томъ могилы эти часто раскапывались съ варварскою пѣлюю, и нужно быть очень осторожнымъ и положительно знать, что могила или курганъ до сихъ поръ были неприкосновенны, чтобы основывать опредѣленные выводы на отсутствіи нѣкоторыхъ предметовъ, особенно металла. Можно еще съ совершенной справедливостью сомнѣваться, чтобы всѣ эти могильныя насыпи принадлежали одному и тому же народу, такъ какъ границы ихъ географическаго распространенія расширяются съ каждымъ годомъ и теперь памятники эти встрѣчаются почти во всей Европѣ, сѣверной Африкѣ и южной Азіи (Вастіанъ). Еще и теперь одинъ народъ въ Хазіи—сѣверной части бенгальской области—ставитъ долмены и каменные гробницы (Гукеръ *).

По своему географическому распредѣленію, могилы представляютъ большія различія. Во Франціи долмены почти всегда покрыты землею, содержатъ несожженные трупы, издѣлія изъ камня и кости, рѣдко золото и бронзу, но желѣза въ нихъ нѣтъ никогда. Эти долмены встрѣчаются только въ западной половинѣ страны и по-

*) Замѣчательно, что на языкѣ хазійцевъ, какъ и у кельтовъ, камень называется «шоп» и слово это также часто употребляется тамъ для названій мѣстностей, какъ и въ Бретани.

чти неизвѣстны въ настоящихъ мѣстахъ жительства древнихъ кельтовъ. На западѣ курганы попадаются только порознь и содержатъ несожженные трупы, каменные издѣлія, но преимущественно бронзу и рѣдко желѣзо. Восточные курганы, напротивъ, собираются кучею отъ ста до нѣсколькихъ тысячъ насыпей. Въ этихъ курганахъ, неизмѣющихся правильно-расположенныхъ каморъ, находятъ несожженные трупы, много бронзы, довольно часто желѣзо, но каменнаго оружія въ нихъ нѣтъ. Памятники эти также не проникаютъ въ глубь кельтскихъ странъ (Бертранъ). Если принять въ расчетъ все пространство Европы, то сѣверовосточные должны, нивогда несодержащіе металла, построены изъ очень высокихъ, массивныхъ камней, служащихъ боковыми столбами, съ толстыми каменными плитами, и затѣмъ все это засыпано землею, тогда какъ сѣверо-западные долмены, по большей части, остаются обнаженными. Золото и бронза попадаютъ въ нихъ рѣдко; на югѣ Европы боковые каменные упоры очень плотно смыкаются и часто содержатъ бронзу. Во всѣхъ долменахъ были находимы кости домашнихъ животныхъ, но очень рѣдко—слѣды земледѣлія (Бонштетень). Такимъ образомъ, долмены и курганы—параллельныя съ свайными постройками явленія и во всякомъ случаѣ не заводятъ насъ въ болѣе дальнюю древность, чѣмъ названныя постройки. До сихъ поръ мы все еще имѣли дѣло съ достаточно цивилизованными человѣческими племенами. Всѣ они принадлежали тому же періоду въ исторіи земли, въ которомъ живемъ мы сами. Но теперь мы должны оставить эти слѣды человѣческихъ поселеній и пуститься въ тѣ глубоко-ищные періоды, гдѣ насъ встрѣтятъ только пещеры, служившія человѣку частію жильемъ, отчасти мѣстами погребенія, гдѣ застанемъ людей, которые не знали ни земледѣлія, ни домашнихъ животныхъ и о существованіи которыхъ мы можемъ догадываться часто только по искусственнымъ предметамъ, приготовленнымъ съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ. Здѣсь мы вступаемъ уже въ ту область, гдѣ относительная древность явленій можетъ быть открыта нами только при помощи геогнозіи и палеонтологіи. Непосредственно передъ современнымъ намъ состояніемъ Европы было время, когда эта часть свѣта была значительно хо-

лодиѣ, чѣмъ теперь, по крайней мѣрѣ, къ сѣверу отъ огромнаго горнаго кряжа, почти непрерывно тянущагося отъ западнаго конца Пиринеевъ до Чернаго моря. Согревающее атлантическое теченіе, по всей вѣроятности, слѣдовало тогда по другому маршруту, быть можетъ, направляясь чрезъ нынѣшнюю долину Миссисипи къ сѣверу и не достигая западныхъ береговъ Европы, вслѣдствіе чего средневропейская горная цѣпь, проходящая съ запада на востокъ, была покрыта обширными ледниками и служила границею между сѣверными и южными формами жизни. На сѣверѣ, до подножія Пиринеевъ, паслись сѣверный олень и сѣверный слонъ (мамонтъ), преслѣдуемые пещернымъ медвѣдемъ, пещернымъ львомъ и пещерною росомахою; остатки этихъ звѣрей, напр. кости, были объѣдаемы пещерною гѣзою. Въ болотахъ копошился, теперь ископаемый, сѣверный носорогъ. По несуществующимъ теперь перешейкамъ изъ Африки сюда перебирались южные слоны и носороги, занявъ страну до южнаго склона Альпъ. Каковъ же былъ человѣкъ? Еще незнакомый съ скотоводствомъ и земледѣліемъ, онъ съ большимъ трудомъ отстаивалъ свое существованіе между всеми этими звѣрями; его оружіемъ были стрѣлы и копье, съ грубо обдѣланными изъ кремня и кости остріями или высѣченныи изъ камня топоры, которымъ рукоятью служили толстые древесные сучья или части оленьихъ роговъ. Жилищемъ своимъ человѣкъ выбиралъ иногда пещеры, но еще чаще, какъ надо полагать, хижины изъ древесныхъ вѣтвей или шатры, накрытые звѣринными шкурами. Какъ ни низко стоялъ вообще человѣкъ по своему умственному развитію, тѣмъ не менѣе, онъ былъ не чуждъ известной степени культуры. Это можно заключить уже по довольно искусному приготовленію кремневыхъ орудій, при совершенно недостаточныхъ средствахъ. Костяныя издѣлія, какъ рукоятки, эфесы и т. д. достигаютъ нерѣдко замѣчательнаго для той степени культуры изящества. Фабрикація эта въ особенности должна была процвѣтать въ Перигорѣ, гдѣ преимущественно были находимы этого рода предметы. Многіе изъ нихъ покрыты искусной рѣзбою, иногда даже скульптурными фигурами, разнообразными украшеніями, изображеніями животныхъ, часто съ поразительной вѣрностью

и тщательностью отдѣлки. Здѣсь легко можно узнать изображеніе сѣвернаго оленя *), одного вида антилопы, мамонта и зубра; это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что люди, приготавливавшіе такія издѣлія, должны были хорошо знать тѣхъ звѣрей и видѣть ихъ живьемъ. Здѣсь же мы находимъ красильныя дощечки для разрисованія тѣла (или для татуировки), разныя вещи, служившія для украшенія, ожерелья изъ зубовъ или осколковъ раковинъ. Люди эти должны были даже вести между собою мѣнновую торговлю, какъ можно съ достовѣрностью заключить изъ того, что многіе предметы, и даже матеріалъ для каменнаго оружія, доставлялись издалека. Съ другой стороны, мы не можемъ умолчать о несомнѣнныхъ слѣдахъ, уличающихъ тѣхъ людей въ канибальствѣ, по крайней мѣрѣ, проявлявшемся по временамъ или въ извѣстныхъ мѣстахъ. Относительно пищи замѣтимъ еще, что эти первобытные люди, подобно многимъ дикимъ племенамъ нашего времени, любили полакомиться мозгомъ убитыхъ животныхъ (свѣжикъ)—изъ головы и костей. Поэтому на мѣстахъ древнѣйшихъ человѣческихъ жилищъ рѣдко можно найти цѣлый черепъ или трубчатую кость, которая не была бы расщеплена съ опредѣленнымъ и легко замѣтнымъ умысломъ. Уже эти кости, разбитыя характеристическимъ образомъ, за отсутствіемъ другихъ слѣдовъ, наводятъ насъ на существованіе человѣка, такъ какъ точное наблюденіе и нарочно произведенные опыты открыли намъ, какимъ образомъ хищныя животныя поступаютъ съ костями своей добычи въ отличіе отъ тѣхъ приемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ человѣкъ въ томъ же случаѣ. Наконецъ, мы еще упомянемъ, что всѣ эти племена (нерѣдко также и люди, жившіе вначалѣ слѣдующаго періода) имѣли обычай сжигать своихъ покойниковъ, что несомнѣнно подтверждается открытыми до сихъ поръ древнѣйшими кладбищами. „Что оставилъ костеръ—принимаетъ урна“ (Овид.). Къ этому важному факту мы еще будемъ имѣть случай возвратиться.

*) Въ изображеніяхъ сѣвернаго оленя, часто сдѣланныхъ съ большаю искусствомъ, Шаафгаузенъ подозрѣваетъ вліаніе финикійскихъ художниковъ.

Не станемъ входить въ разбирательство безконечныхъ споровъ по поводу раскапываемыхъ изъ земли предметовъ, только замѣтимъ, что споры эти главнѣйшимъ образомъ возбуждаются тѣмъ, что ученые, подстрекаемые педантизмомъ, предрасудками и тщеславіемъ, утверждаютъ или отвергаютъ достовѣрность этихъ находокъ по совершенно недостаточнымъ причинамъ, вмѣсто того, чтобы самимъ наблюдать и изслѣдовать дѣло *). Мы пройдемъ также молчаніемъ часто повторяющіяся при этомъ мистификаціи, предпринимаемыя изъ корыстныхъ видовъ, и даже недобросовѣстность такъ называемыхъ ученыхъ людей въ фабрикаціи фальшивыхъ древностей **). То и другое не мало не можетъ поколебать достовѣрность того главнаго результата, что въ четверичное или такъ называемое дилювіальное время человѣкъ жилъ въ Европѣ, какъ современникъ животныхъ, отчасти перекочевавшихъ изъ занимаемыхъ ими странъ на дальній сѣверъ, частію же вымершихъ поголовно. Мы съ намѣреніемъ избѣгаемъ вдаваться въ болѣе точныя подробности, такъ какъ только очень немногіе изъ найденныхъ предметовъ были изслѣдованы критически и притомъ въ рѣдкихъ случаяхъ изслѣдователи съ достаточной опредѣленностью различаютъ мѣстныя особенности отъ общихъ фактовъ и явленій. Сверхъ того, многіе, занимающіеся этого рода изысканіями, не обладаютъ достаточнымъ запасомъ необходимыхъ свѣдѣній для того, чтобы всякое, дѣлаемое на этомъ полѣ, открытіе немедленно приводить въ связь съ успѣхами другихъ областей знанія. Кто при находкахъ изъ самаго отдаленнаго каменнаго періода толкуетъ о кельтахъ—какъ это и теперь еще случается довольно нерѣдко—тому не слѣдовало бы пускаться ни въ какія разсужденія, кромѣ простого описанія сдѣланной имъ находки. Дартъ дѣлилъ время грубыхъ кремневыхъ издѣлій на четыре періода: 1) періодъ пещернаго медвѣдя, самый отдаленный по древности, 2) время сѣвернаго слона и носорога, 3) время сѣвернаго оленя и 4) относительно новѣйшій періодъ зубра. Дѣленіе

*) Въ этомъ отношеніи нѣкто Эженъ Робертъ выставилъ себя съ невообразимо комической стороны.

***) Во Франціи особенно г. Мелье самъ признавался въ этомъ открыто.

это можетъ имѣть нѣкоторую важность для какой нибудь одной мѣстности, но едва ли окажется вѣрнымъ въ общемъ прижѣненіи. По Шафгаузену, время мамонта древнѣе времени пещернаго медвѣдя, и это совершенно согласуется съ тѣмъ, что по Брандту, пещерный медвѣдь почти не отличался отъ современнаго намъ бураго медвѣдя и, безъ всякаго сомнѣнія, былъ его родоначальникомъ. Но сѣверный олень и зубръ даже во время Цезаря и Саллюстія уже водились въ Германіи.

Грубые издѣлія изъ высѣченнаго кремня, при мало-мальски внимательномъ изслѣдованіи, очень легко отличаются отъ всякой неправильной природной формы и несомнѣнно обличаютъ искусственную работу человѣка. Эти предметы выводятъ насъ даже за предѣлы четверичнаго времени въ исторіи землестроенія—въ третичный (терціарный) періодъ. До сихъ поръ сдѣланныя находки очень немногочисленны, да и онѣ возбуждаютъ еще сомнѣніе, можно ли твердо положиться на геогностическое опредѣленіе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ производились изысканія. При всемъ томъ, открытія эти заслуживаютъ полнаго вниманія изслѣдователей, такъ какъ здѣсь открывается совершенно новая эпоха въ археологіи человѣка. Подобные кремни, очевидно обдѣланные человѣческою рукою, или кости, украшенныя нарѣзками, были находимы Денуайо, аббатомъ Буржуа близъ Сень-Пре, въ департаментѣ Эйры, при чемъ мѣста находокъ эти изслѣдователи относятъ къ верхнимъ третичнымъ наносамъ. Подобные же предметы были раскапываемы Иссе-лемъ въ болѣе глубокомъ пластѣ близъ Колле-дель-Венто въ Лигуріи, аббатомъ Делонэ близъ Пуансе, въ департаментѣ Мэны и Луары, въ среднихъ третичныхъ формаціяхъ, аббатомъ Буржуа въ окрестностяхъ Тенэ, въ департаментѣ Луары и Шера, наконецъ, маркизомъ де-Вибрэ близъ Селя на Шерѣ (департ. Луары и Шера) въ нижнихъ слояхъ средняго третичнаго періода. Допуская правильность этихъ наблюденій, древность человѣческаго рода слѣдовало бы отнести далеко за 100,000 лѣтъ. Въ этомъ опредѣленіи мы вовсе не должны видѣть противорѣчія съ древнѣйше-еврейскими сказаніями, такъ какъ послѣ „Хронологіи“ Иделера, всякому свѣдущему человѣку известно, что до эпохи царей, евреи не имѣли

никакого времясчисленія, а послѣ того, вплоть до вавилонскаго плѣненія оно производилось такъ неудовлетворительно, что даже ихъ собственную исторію нѣтъ никакой возможности привести въ хронологическій порядокъ безъ синхронистическихъ указаній.

Въ заключеніе мы постараемся отвѣтить еще на одинъ, довольно интересный вопросъ. Если слѣды человѣческой дѣятельности встрѣчаются намъ почти вездѣ и притомъ въ такомъ изумительномъ множествѣ, то не можемъ ли мы найти самого человѣка тѣхъ первобытныхъ временъ? Мы встрѣчаемся, конечно, и съ нимъ, но въ такихъ скудныхъ остаткахъ, что по нимъ едва ли можно дѣлать какія бы то ни было заключенія. Здѣсь успѣху нашихъ дальнѣйшихъ изысканій могутъ способствовать только счастливые случаи. Весь добытый до сихъ поръ матеріалъ ограничивается нѣсколькими черепами и ихъ обломками, двумя-тремя челюстями и немногими остатками костей. Г. Пурталесъ нашелъ во Флоридѣ нижнюю челюсть съ зубами и часть ступни въ морской извести (коралловые скалы); древность этихъ предметовъ Агассизъ опредѣляетъ геогностически въ 10,000 лѣтъ. Въ луговой мѣстности близъ Новаго Орлеана, при копаніи колодца, были открыты черепъ и нѣсколько изломанныхъ костей, которыхъ древность д-ръ Беннетъ Даулеръ, по сверху лежащимъ наносамъ, полагаетъ въ 57,000 лѣтъ. Болѣе обстоятельныя изслѣдованія о той и другой находкѣ намъ неизвѣстны. Буше-де-Пертъ въ получившихъ чрезъ него извѣстность дилювіальныхъ наносахъ близъ Амьена нашелъ половину нижней челюсти и различныя другіе обломки костей. Эти, и многія другія подобныя имъ находки, вслѣдствіе неполноты раскопанныхъ предметовъ, не дали никакого особенно важнаго результата. Гораздо большую важность заключаютъ въ себѣ верхняя часть черепа, найденная д-ромъ Шмерлингомъ близъ Энгиса, и полный скелетъ, открытый д-ромъ Фюльротомъ въ пещерѣ близъ Дюссельдорфа. То и другое, по образованію черепа, показываетъ низшую человѣческую форму, приближающуюся къ строенію животнаго. Найденный профессоромъ Йейтелесомъ близъ Ольмюца черепъ представляетъ большее сходство съ головою австралійскаго негра, тогда какъ строеніе перваго коренного зуба и зубныхъ корней

сильно напоминаетъ orangъ-утанга и шимпанзе. Наконецъ, въ Бельгiи, близъ Ла-Нолеть, была найдена Дюпономъ нижняя человѣческая челюсть, положительно сходная съ тою же частью скелета у обезьянъ. Приведенныхъ примѣровъ съ насъ будетъ совершенно достаточно, и мы считаемъ излишнимъ упоминать о другихъ важныхъ находкахъ, такъ какъ это завело бы насъ въ дальнѣйшія и мало интересныя для нашихъ читателей подробности. Но многихъ довольно часто изумляетъ то обстоятельство, что при значительномъ запасѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ животныхъ изъ первобытнаго времени, мы до сихъ поръ могли открыть такъ мало остатковъ человѣка, да и то въ такомъ неполномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ отвѣтъ нетруденъ и уже не разъ былъ заявленъ учеными. Образъ жизни людей рѣдко позволяетъ имъ попадать въ формаціи такимъ образомъ, чтобы человѣческія тѣла могли окаменѣть и перейти въ ископаемое состояніе. За исключеніемъ бальзамированія всѣ способы хоронить трупы, даже у древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ людей, были какъ бы инстинктивно примѣнены къ тому, чтобы тѣло какъ можно скорѣе подверглось разложенію. При этомъ надобно принять въ соображеніе, что человѣческія кости сами по себѣ сгниваютъ легче, чѣмъ кости животныхъ. Сверхъ того даже у древнѣйшихъ людей, оставившихъ слѣды своего существованія, обычай сжигать трупы игралъ такую важную роль, что мы еще должны удивляться, какимъ образомъ вообще отъ нихъ могли уцѣлѣть остатки, для сохраненія которыхъ нужно было сцѣпленіе совершенно исключительныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Итакъ, мы пришли къ концу нашихъ настоящихъ соображеній и надѣемся, что удовлетворили, по возможности, тѣмъ требованіямъ, какія всякій вправѣ заявить автору подобнаго труда. Еще выше мы замѣтили, какъ необработана и юна та отрасль естествознанія, которою мы здѣсь занимались. Матеріалу накопилось много, даже черезъ чуръ много, но въ глазахъ неспеціалиста онъ лежитъ еще въ видѣ только что добытаго сырья, въ хаотическомъ безпорядкѣ. Систематическое распредѣленіе и оцѣнка, благодаря нѣкоторымъ предварительнымъ попыткамъ, возможны только въ немногихъ частныхъ случаяхъ. Нигдѣ люди, занятые работою непосредственно, не

должны съ такою строгою осмотрительностью высказывать свои заключенія. Замячанія эти въ особенности касаются второй половины нашей послѣдней статьи, — того предмета, для вѣрной оцѣнки котораго нужны самыя испытанныя и многостороннія умственные силы. Тутъ приходится раскапывать тысячи могилъ и пещеръ съ костями, разсматривать всякій отдѣльный предметъ съ самымъ кропотливымъ вниманіемъ, замѣчать каждое, повидимому, самое незначущее обстоятельство, тщательно собирать, сохранять добытые остатки минувшаго. Здѣсь нужно изучать цѣлыя сотни тысячъ костей, употреблять въ дѣло всё вспомогательныя средства сравнительной анатоміи. Далѣе необходимо описывать, приводить въ систематическій порядокъ, изслѣдовать безчисленное множество произведеній человѣческаго искусства, сравнивая ихъ со всѣми свѣденіями, предлагаемыми намъ исторіей, техникой, археологіей и этнологіей. Наконецъ, для остатковъ самаго человѣческаго тѣла нужно прибѣгнуть къ этнологіи и анатоміи — въ особенности къ очень важнымъ, хотя все еще недостаточнымъ началамъ краниологіи (черепословія) и сравнительной анатоміи человѣка. Всякій, желающій говорить въ кругу образованныхъ неспеціалистовъ, можетъ въ этомъ случаѣ ограничиться приведеніемъ немногихъ главныхъ результатовъ, нѣкоторыхъ примѣровъ и указаніемъ путей изслѣдованія, сопровождая ихъ нѣсколькими замѣчаніями, имѣющими цѣлью показать, что кромѣ смѣшного, бессмысленнаго легковѣрія, есть еще не менѣе смѣшной и безтолковый скептицизмъ. Судить объ этихъ предметахъ неспеціалистъ тогда только можетъ, когда самъ сдѣлается знатокомъ дѣла путемъ своего собственнаго, серьезнаго труда. Мы же считаемъ нашу цѣль вполне достигнутою, если при нашей сильной помощи читателя будутъ впредь понимать рѣчи людей разумныхъ...

ВЪ РАЗБРОДЪ.

Х.

Продолженіе предъидущей главы.

Рано на зарѣ намъ приходилось ѣхать по льду. Около постоялаго двора было только три извозчика и тѣ собирались, повидимому, въ свои деревни. Дядя сталъ подговаривать ихъ перевезти насъ въ Кронштадтъ. Ни одинъ не соглашался, говоря, что теперь опасно ѣхать. Послѣ долгихъ переговоровъ одинъ изъ нихъ взялся перевезти насъ за двѣ красненькихъ. Это была баснословная по тому времени цѣна, но дядя не стоялъ за цѣной и готовъ былъ дать даже вдвое. Мы усѣлись въ повозку и поѣхали. Утро было довольно свѣжее и ясное, хотя на небѣ и бродили бѣлыя тучки. Нельзя было сказать, каковъ будетъ день: рѣзкій вѣтеръ могъ и разогнать эти одинокія тучи и могъ сплотить ихъ въ одну густую массу. Какъ только лошади ступили на ледъ, такъ тотчасъ же съ закрытыми глазами можно было сказать, что поверхность льда превратилась въ снѣгъ, «иссахла», какъ выражался извозчикъ. Подъ санями не слышалось того глухого, похожаго на стукъ по пустой бочкѣ, звука, который слышится во время морозовъ на ухабахъ при ѣздѣ по льду. Теперь, напротивъ того, полозья саней, какъ-то шурша, врѣзались въ иссахнувшій ледъ, поминутно вызывая звуки расилескивавшейся подъ ними воды. Ухабовъ

почти не было; они всё сгладились въ одну синеватосѣрую поверхность, блестящую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яркими пятнами скопившейся на ней воды. Полозья саней не оставляли на снѣгу плотнаго блестящаго слѣда и прорѣзанныя ими колеси тотчасъ же заливались водой. Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ вѣтеръ началъ крѣпчать; онъ былъ рѣзокъ и провизгеленъ и дулъ съ моря.

— Подморозить хочетъ, что ли? пробормоталъ дядя.

— Снѣгъ пойдетъ, замѣтилъ извозчикъ. — Ишь тучи какія.

Дѣйствительно минутъ черезъ пять повалилъ сухой снѣгъ. Съ каждой минутой дорога, и безъ того едва замѣтная, замѣталась снѣгомъ, за которымъ уже не стало видно почти ничего. Мы кутались въ шинели отъ холоду. Извозчикъ ѣхалъ все тише и тише.

— Что же ты спишь!.. Ключеву, что ли, мы продавать ѣдемъ? сердито крикнулъ дядя.

— Нельзя скоро ѣхать, дороги не видно! — Ишь, значки-то поснимали, черти. Палокъ жаль, рассуждалъ извозчикъ.

Въ это время впереди что-то треснуло и насъ разомъ осадило назадъ. Извозчикъ, прежде чѣмъ мы опомнились, соскочилъ съ облучка, гдѣ онъ сидѣлъ, приткнувшись на всякій случай къ краю. Дядя схватилъ меня и торопливо потащилъ изъ повозки. Одна изъ лошадей, пристяжная, стояла въ бокъ, почти подъ прямымъ угломъ къ санямъ, боязливо сторонясь отъ трещины; другая лошадь, коренная, стояла какъ будто на колѣняхъ, растянувшись брюхомъ и задними ногами по льду. Оказалось, что она провалилась передними ногами въ трещину. Извозчикъ хлопоталъ около нея. Увидавъ, что мы сами находимся внѣ опасности, дядя сталъ помогать извозчику. Кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, при помощи подложенной подъ брюхо лошади оглобли, намъ удалось вытащить ея переднія ноги и оттащить ее отъ трещины. Она тяжело дышала и совсѣмъ присмирѣла.

— Тутъ не проѣдешь, замѣтилъ извозчикъ,—видно съ дороги сбились, надо пойти поискать пути.

Онъ отправился искать, нѣтъ ли гдѣ настилки черезъ трещину. Я съ дядей остался у повозки. Удалившись на нѣсколько шаговъ, извозчикъ вдругъ скрылся изъ виду. Я впервые уви-

далъ такую странную картину. Казалось, мы окружены сплошною бѣлою массою. Снѣжинки были видны только на нашей одеждѣ, на повозкѣ и лошадяхъ; далѣе же онѣ превращались въ тяжелую бѣлую пелену, охватывавшую насъ и снизу, и сверху, и съ боковъ. Если бы передъ нами не было трещины, если бы повозка не оставалась въ прежнемъ положеніи, то черезъ минуту мы могли бы сбиться, съ которой стороны мы ѣдемъ и по какому направленію нужно продолжать путь. Все было бѣло; ни въ которой сторонѣ воздухъ не казался ни свѣтлѣе, ни темнѣе; терялась всякая возможность опредѣлить, гдѣ свѣтитъ солнце. Дядя крикнулъ извозчику:

— Держись трещины, не то заплутаешься!

Но на его крикъ не послышалось отвѣта. Вѣроятно извозчикъ не слышалъ этого крика. И не мудрено: кругомъ насъ однообразно и ровно гудѣлъ вѣтеръ; это не были порывистые звуки, они не усиливались и не утихали, но однообразно и непрерывно гудѣли въ воздухѣ, какъ шумить въ ухѣ, если приложить къ нему раковину или что нибудь подобное. Только тутъ шумъ былъ сильнѣе и самое страшное въ немъ было то, что онъ былъ до одурѣнія однообразенъ, не нарушался никакими другими звуками и не прерывался ни на минуту. Вообще однообразіе—будетъ ли это однообразіе звуковъ, картинъ или всего строя жизни—явленіе страшное: оно сначала раздражаетъ нервы, доводитъ до злобы, до одуренія, потомъ навѣваетъ болѣзненную тоскливость и наконецъ приводитъ къ апатіи, къ идиотской покорности. При немъ минуты кажутся часами, часы — днями. Нетерпѣливо слушалъ я шумъ вѣтра и раздражительно ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ утихнетъ или разразится какимъ нибудь бѣшенымъ порывомъ. Но вѣтеръ не утихалъ и не усиливался. Я началъ дрогнуть. Дядя посоветовалъ мнѣ бить ногой объ ногу и похлопывать руками. Черезъ четверть часа, показавшуюся мнѣ часа за два, извозчикъ вернулся къ намъ.

— Обратнo нужно ѣхать, рѣшилъ онъ.—Досокъ нигдѣ не осталось.

— Да ты нашелъ ли дорогу? спросилъ дядя.

— Отчего не найти, тамъ вовъ и теперь лошадь замерзла.

— Какъ лошадь замерзла?

— Да извѣстно какъ, попала въ трещину и застряла. Тамъ трещина не широка.

— Такъ надо туда ѣхать, авось переберемся.

— Что я ворогъ себѣ что ли, что переѣзжать стану. Подика мнѣ лошади-то не чужія. Не я ихъ кормлю, а онѣ меня кормятъ.

— Да я тебѣ заплачу за все...

— Богъ съ вами и съ вашими деньгами. Дуракъ былъ, что и ѣхать-то согласился въ такую мятель. Сказано, надо назадъ ворочаться.

Дядя нахмурился.

— Ты поѣзжай въ Ораніенбаумъ, обратился онъ ко мнѣ. — Я пойду...

— Я пойду съ тобой, отвѣтилъ я.

— Вотъ глупости! Поѣзжай назадъ, если тебѣ приказываютъ! съ необычайной строгостью сказалъ онъ.

— Сказалъ, что не поѣду безъ тебя, такъ и не поѣду!

— Утонуть, что ли, захотѣлось?

— Да ты тяжелѣе меня, ты скорѣе можешь утонуть, а если ты пройдешь, пройду и я.

— Глупый, я одинъ кое-какъ добреду, а вдвоемъ провалимся.

— Ну такъ я подальше пойду, а не вмѣстѣ съ тобой...

Дядя топнулъ ногой, забывъ, что подъ нимъ былъ растаявшій снѣгъ, а не полъ, и обрызгалъ меня водою.

— Что ты сердисься-то! замѣтилъ я.

— Ну что-жь, твоя воля, тони, если охота пришла, проборимоталъ сердито старикъ, но его голосъ уже дрожалъ.

Мнѣ было совершенно непонятно, почему дядя вдругъ началъ бояться за мою жизнь, когда намъ приходилось идти на легкѣ пѣшкомъ, тогда какъ онъ и не думалъ, повидимому, объ опасности, когда мы ѣхали въ тяжелой повозкѣ. Было ли это слѣдствіемъ увѣренности, что опытный извозчикъ не поѣдетъ, если опасность серьезна, и съумѣетъ спасти и насъ и себя? Напомнило ли ему объ опасности первое предостереженіе? Или просто ему казалась на людяхъ и смерть красна? Не знаю. Но было ясно, что теперь онъ трусилъ, конечно за меня, а не за себя.

— Упрямя, упрямя ты! проговорилъ онъ мнѣ и велѣлъ извозчику довести насъ до того мѣста, гдѣ замерзла лошадь. Мы дошли до этого мѣста, придерживаясь трещины.

— Ну попробуемъ перейти, сказалъ дядя и сталъ щупать ногою дохлую лошадь.

Обледѣвшая, она плотно засѣла въ трещину на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще за день была настилка въ видѣ моста. По всей вѣроятности, лошадь провалилась, такъ же какъ и наша коренная, только передними ногами, и уже послѣ соскользнула въ воду и ея третья нога. Четвертая нога лошади была страшно выгнута, словно выломана, и врѣзалась въ рыхлую поверхность льда. Замерзшая вода покрыла тонкой корой животное, снѣгъ запылилъ его, такъ что нельзя было даже отличить цвѣта шерсти. Нога, врѣзавшаяся въ чахлый ледъ, была едва прижѣтна. Все животное представляло какую-то неуклюжую и неровную глыбу, похожую на тѣ гранитные камни, которые выдаются изъ-подъ воды около Ораніенбаума и Петергофа и только напряженно вытянутая шея, да морда, приподнятая и покоившаяся на льду противоположной стороны трещины хранили еще прежній видъ и ярко свидѣтельствовали о послѣднихъ страшно мучительныхъ успіяхъ животнаго спастись и не захлебнуться. Этотъ трупъ представлялъ довольно твердую опору для ногъ, а, главное, избавлялъ насъ отъ необходимости скакать черезъ трещину, что было бы особенно неудобно при неизвѣстности, не соскользнутъ ли наши ноги съ ломающейся поверхности льда и не подломится ли его края подъ напоромъ быстро ударившагося объ него груза. Расплатившись съ извозчикомъ, мы осторожно и съ замираніемъ въ сердцѣ перешли черезъ трещину и пошли пѣшкомъ, не зная, далеко ли до Кронштадта и возможно ли до него добраться. Дядя хмуро молчалъ и тыкалъ въ ледъ палкою, пробуя его твердость, и смотрѣлъ внизъ, чтобы не сбиться съ дороги и не попасть въ полынью. Только слабые и разѣзженные слѣды навоза, еще не совсѣмъ занесеннаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгомъ, указывали намъ путь. Вода брызгала изъ-подъ ногъ во всѣ стороны и, несмотря на высокія калоши, я чувствовалъ, что ноги у меня сыры. На встрѣчу намъ не попадалось ни души и некого было спро-

смы, далеко ли было идти до цѣли нашего путешествія. Мы шли уже около часу, когда я началъ замѣчать вдали, въ самомъ низу, какую-то длинную сѣроватую полосу, выдѣлявшуюся изъ-подъ сплошной бѣлой пелены, окружавшей насъ. Мое сердце начало биться сильнѣе и я уже шагаль бодрѣе. Въ сторонѣ отъ насъ мелькнули три фигуры мужиковъ; они гуськомъ пробирались изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ; шедшій впереди былъ вооруженъ палкою и ощупывалъ ею ледъ. До насъ долетали звуки ихъ веселыхъ и безпечныхъ голосовъ. Съ каждой минутой бѣлая пелена стала дѣлаться прозрачнѣе, сѣроватая полоса впереди все темнѣла и расширялась. Наконецъ передъ нашими глазами показались довольно смутныя, черныя очертанія зданій и надъ ними клочекъ синевато-сѣраго неба. Мы не говорили другъ другу ни слова, хотя каждый изъ насъ видѣлъ, что было впереди, и уже надѣялся благополучно дойти до берега. Но какой-то невольный, почти суевѣрный страхъ заставлялъ насъ не высказывать этой надежды, точно она непременно должна была обмануть насъ при первомъ нашемъ словѣ о ней. Мы боялись взглянуть счастливымъ концемъ путешествія. Дядя съ каждымъ шагомъ все тщательнѣе и тщательнѣе ощупывалъ ледъ, обходилъ каждое подозрительное мѣсто и все осторожнѣе ступалъ усталыми ногами. Все такъ же безмолвно мы поднимались на небольшую крутизну: передъ нами были Петербургскія ворота.

— Ну, слава Богу! перекрестился дядя на образъ и обнялъ меня.—Озябъ?

— Ничего, благо живы! отвѣтилъ я.

— Да, да, живы! Жива ли она?

Дядя во всю дорогу отъ Ораніенбаума до Кронштадта впервые упомянулъ о моей матери. Можетъ быть, во все это время его мысль была занята однимъ мною. Мы оставили въ первой попавшейся гостиницѣ свой мѣшокъ, наняли извозчика — въ Кронштадтѣ уже ѣздили на дрожкахъ, такъ какъ снѣгъ давно превратился къ грязи,—и поѣхали къ дому Бубнова. Подъѣзжаемъ: двери подъезда открыты. Мы входимъ на лѣстницу, въ переднюю. Нигдѣ нѣтъ ни души. Снявъ съ себя шивели и калоши, мы направились въ залъ. Тамъ было какъ-то особенно

могильно пусто; по срединѣ комнаты стояло ведро съ грязною водою; на полу лежали мочалка и нѣсколько тряпокъ; изъ одного угла были отодвинуты стулья и полъ смоченъ водою. Мы съ дядей торопливо пошли дальше и встрѣтились въ дверяхъ зала съ незнакомой женщиной. У нея были босыя ноги и подернутая подъ лифъ грязнаго платья юбка. Она возвращалась къ мытью половъ.

— Что барыня? спросилъ дядя.

— Вывезли-съ! отвѣтила она.

— Какъ? Что? Умерла? глухо прошепталъ дядя.

— Какъ же-съ! Вотъ за полчаса ихъ въ церковь отпѣвать повозли. Четвертаго дня...

Дядя схватилъ меня за руку и потащилъ въ переднюю. Мы одѣлись снова и пошли. Намъ было тяжело идти. Мы были похожи на странниковъ, пришедшихъ изъ-за десятковъ верстъ въ родной уголъ и ненашедшихъ въ этомъ углу никого родного: ихъ встрѣчаютъ, не узнаютъ, холодно говорятъ, что ихъ родные свезены на погостъ, и они должны снова идти дальше. Куда? зачѣмъ?—неизвѣстно. Усталые, пораженные горемъ, мы шли молча, шли медленно. Наконецъ передъ нами была церковь; близъ паперти стояли собственные экипажи и наемныя дрожки; на паперти толпились нищіе, слѣпые, хромые, старики и дѣти. Мы вошли въ храмъ. Мутный свѣтъ сѣраго дня, тяжелыя волны разстилавшагося дыма, одуряющій запахъ ладона и удушливый воздухъ отъ стѣнившагося, парящагося въ теплой одеждѣ народа, гнусливое, нестройное пѣніе на клиросѣ, заунывное и монотонное бормотанье стараго священника и по срединѣ храма на возвышеніи гробъ,—бѣлый гробъ, украшенный пальмовыми листьями и плющемъ, говорящій объ угасшей жизни, объ угасшей молодости. Мы съ трудомъ пробирались сквозь толпу, дошли до катафалка и стали всходить по его обитымъ сукномъ ступенямъ. Дядя припалъ своею сѣдою головою къ холодной груди этого какъ бы сдѣланнаго изъ воска трупа, одѣтаго въ бѣлое подвѣчное платье. Я стоялъ, склонивъ голову, и глядѣлъ на мертвую мать. Она была худа, желта, что-то страдальческое, боязливое выражалось въ ея лицѣ и какъ-то странно было видѣть на ней этотъ подвѣчный нарядъ. За

чѣмъ это такъ часто вѣнчаютъ и хоронятъ женщинъ въ одномъ и томъ же платьѣ? Неужели бракъ и смерть такъ близко стоятъ другъ отъ друга, такъ походятъ другъ на друга? Мнѣ было жаль, до нестерпимой боли жаль мою мать, но слезы не лились изъ моихъ глазъ; сердце и грудь какъ-то сдавило, точно кто-то сжалъ меня въ удушающихъ объятіяхъ. Чѣмъ дольше глядѣлъ я на этотъ трупъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе начала примѣшиваться къ моей тоскѣ злоба на моихъ враговъ. Эта черта была одною изъ господствующихъ въ моемъ характерѣ при каждомъ горѣ, при каждомъ несчастіи я не столько отдавался имъ самимъ, сколько неудержимой злобѣ на тѣхъ, кто вызвалъ эти несчастія и это горе. Нерѣдко мнѣ приходилось въ этихъ случаяхъ обрушивать весь гнѣвъ на самого себя и казнить себя за тотъ или другой поступокъ. Подъ вліяніемъ злобы я оторвалъ глаза отъ трупа матери и сталъ искать своихъ и ея враговъ. Внизу, почти наравнѣ съ нашими ногами, въ изголовьи у гроба стояли, какъ окаменѣлые, Бубновъ, его мать, Миша съ нянькой, Гейги. Они почти съ ужасомъ, дикими глазами смотрѣли на меня и на дядю, какъ на выходцевъ съ того свѣта. Кругомъ ихъ шепталась толпа, ясно было, что идутъ толки о нашемъ внезапномъ появленіи, о нашемъ странномъ положеніи на катафалкѣ. Можетъ быть, кто нибудь говорилъ о необходимости свести насъ оттуда, о томъ, что, можетъ быть, дядя лишился чувствъ и можетъ уронить гробъ, о томъ, что я неприлично стою спиною къ алтарю. А я какъ-то злобно думалъ въ эту минуту, что никто не смѣетъ подойти къ намъ, что всѣ они чужіе моей матери, чужіе по своимъ чувствамъ, и только мы одни имѣемъ право теперь стоять около этого гроба. Мнѣ казалось, что Бубновъ и его мать боятся и должны бояться насъ. Наконецъ дядя слегка пошевелился и медленно поднялся отъ гроба.

— Простись съ ней, тихо сказалъ онъ мнѣ.

Я поцѣловалъ лицо и руки матери. Ея руки отогрѣлись подъ губами дяди и были влажны отъ его слезъ. Только теперь и изъ моихъ глазъ хлынули неудержимыя слезы. Злоба, гордость передъ Бубновыми, размышленія о моихъ правахъ стоятъ на

этомъ мѣстѣ, все разомъ исчезло и уступило мѣсто простому и искреннему горю осиротѣвшаго юноши.

— Ну полно!.. Она теперь покойна... Теперь только мы будемъ мучиться!.. Мы мужчины, намъ легче бороться...

Дядя взялъ меня подъ руку и повелъ со ступеней катафалка; я продолжалъ плакать. Меня уже не интересовала любопытная толпа и помнилъ я только одно, что я простился, навсегда простился съ своею матерью. Дядя отвелъ меня въ передній уголь церкви и тамъ у окна сталъ со мною. Проходя къ окну, мы уже не продирались бокомъ сквозь толпу — она разступилась передъ нами. Несмотря на то, что мы встали въ сторонѣ, на насъ были обращены всѣ взгляды; мы были новымъ развлеченіемъ для скучающаго люда. Когда кончилось отпѣванье, мы подошли послѣдніе къ гробу и простились еще разъ съ матерью. Кое-какъ доплелись мы до кладбища и потомъ, когда стали засыпать могилу, сѣли на дрожки и уѣхали, прежде чѣмъ кто нибудь изъ Бубновыхъ успѣлъ подойти къ намъ.

Мы проѣхали прямо въ гостиницу, взяли тамъ номеръ и, наскоро переодѣвшись, сѣли вдвоемъ за обѣдъ. Ъда не шла въ горло, мы оба устали, измучились и тотчасъ же послѣ обѣда улеглись спать. Я чувствовалъ ознобъ; дядя натеръ меня водкой съ уксуомъ и укуталъ. Къ вечеру я чувствовалъ себя лучше, но дядя не велѣлъ мнѣ вставать и сѣлъ на мою постель, приказавъ подать чаю и рому. Ему тоже нездоровилось. Но ни онъ, ни я не раскаивались за свое путешествіе. Мы смутно сознавали, что, отказавшись отъ этого путешествія, мы долго упрекали бы себя за излишнюю трусость и мучились бы мыслью, что, можетъ быть, еще была возможность застать матушку въ живыхъ. Подливъ мнѣ и себѣ рому въ чай, дядя сидѣлъ у меня на постелѣ и дѣлался все разговорчивѣе и разговорчивѣе. Въ его голосѣ появился оттѣнокъ тихой грусти.

— Господи, Господи, сколько лѣтъ прошло, какъ все измѣнилось съ той поры, когда она въ первый разъ бросилась мнѣ на шею въ институтѣ при первомъ моемъ посѣщеніи! вспоминалъ онъ о быломъ.—И тогда я былъ не молодъ, и горе всякое вынесъ, и тонулъ, и подъ пулями становалъ, а все живу, все живу! А вотъ она, молодая, взлелеянная мною, любимая,

умерла! И на что я, старый песь, нуженъ? Выброшенъ на берегъ, забытъ старыми пріятелями по службѣ, выкинутъ изъ родного гнѣзда, былъ почти позабытъ даже ею, голубкою, и все живу, все живу!.. Что я теперь? Ты думаешь, мнѣ весело между моими новыми пріятелями? Ты думаешь, они меня любятъ, заботятся обо мнѣ!

Старикъ печально покачалъ головою.

— Нѣтъ, Володя, нѣтъ, птица, не любятъ они меня и другъ друга они не любятъ, съ горечью проговорилъ онъ. — Это стадо барановъ, сбѣжавшихся въ кучу подъ бурей! Если бы я потовуль сегодня съ тобою, никто и не спросилъ бы: гдѣ капитанъ? Въ другой трактиръ должно быть ходить сталъ, въ другой городъ, можетъ быть, переѣхалъ... Въ другой трактиръ, въ другой городъ!.. Что-жь имъ и въ самомъ дѣлѣ тужить обо мнѣ? Развѣ мало старыхъ, холостыхъ капитановъ на свѣтѣ? Развѣ не найдется другой такой же выброшенный инвалидъ на мое мѣсто? Найдется! Такъ же не будетъ у него съ ними ничего братскаго и также забудутъ его на другой день послѣ его смерти. Да, Володя, долго я жилъ на свѣтѣ и могу тебѣ сказать, что люди забываютъ своихъ друзей-покойниковъ тотчасъ послѣ похороннаго обѣда, а своихъ друзей-путешественниковъ черезъ три дня послѣ ихъ отъѣзда и то если у путешествующихъ остались молодые жены или любовницы: первые два дня друзья утѣшаютъ ихъ, потомъ утѣшать и ужъ тогда ни они, ни жены не говорятъ объ уѣхавшихъ. Бываютъ случаи, что мы долго помнимъ друзей, но это бываетъ тогда, когда друзья остались намъ должны... Враговъ только помнить люди... Да, Володя, я ни въ кого не вѣрю; не люблю я людей; у всѣхъ у нихъ изъ глазъ вонь и изъ ума вонь... И отчего это все такъ идетъ на свѣтѣ? Одинъ другого обманываетъ и всѣ несчастливы!..

Дядя смолкъ, налилъ себѣ еще чаю и подлил рому въ стаканъ. Мнѣ стало очень тяжело отъ этихъ рѣчей растосковавшагося старика.

— Дядя, неужели ты думаешь, что и я тебя когданибудь позабуду? печально спросилъ я у него.

— Позабудешь, позабудешь, Володя, или просто разлюбишь, горько отвѣтилъ онъ. — Твоя мать больше меня любила, чѣмъ

ты... А и она позабыла... Да и что я тебѣ? Дядя, да еще и не дядя, а двоюродный дѣдъ, съ боку припека, седьмая вода на киселѣ.. Ну, женишься ты, жена, дѣти будутъ, тогда я лишняя спица въ колесницѣ буду... Я болтунъ, я баловникъ, ну вотъ надоѣмъ и тебѣ и твоей женѣ, да еще бояться станете, что дѣгей вашихъ испорчу.

— Дядя, да я, можетъ быть, никогда не женюсь.

Дядя отставилъ стаканъ и серьезнымъ лицомъ обратился ко мнѣ.

— Что? Нѣтъ, братъ! Старымъ бобылемъ не думаешь ли вѣкъ доживать? Развѣ мало насмотрѣлся на мою жизнь? Плоха жена, плохи дѣти, а все же лучше чужихъ... Хоть ктонибудь у гроба поплачетъ... А то пса не найдется, который бы своимъ воемъ далъ знать людямъ, что между ними не стало одного человѣка. Женись, Володька, будь счастливъ, а если я доживу до той поры, такъ ты обо мнѣ не заботься... Что обо мнѣ думать!.. Дотяну кое-какъ вѣкъ до могилы... Старикамъ туда и дорога... Въ Китаѣ вонъ ихъ живьемъ въ лѣсъ молодежь выбрасываетъ!.. И по дѣломъ, не копти даромъ неба!.. Чего съ ними церемониться...

Еще долго говорилъ старикъ въ этомъ тонѣ. Потрясеніе, усталость, ромъ—все это вызвало въ немъ лихорадочное состояніе и раздражило его желчь. Подъ его рѣчи я незамѣтно задремалъ. Прошло довольно много времени въ полнѣйшей тишинѣ. Дядя смотрѣлъ на меня любовными глазами, наконецъ я почувствовалъ, что онъ поднялся съ постели и черезъ нѣсколько минутъ къ моей рукѣ прикоснулись его усы. Я въ дремотѣ открылъ глаза: дядя стоялъ на колѣняхъ передъ моей постелью и цѣловалъ мою руку. Я молча обвиняя рукою шею старика.

— Нѣтъ, вѣтъ, птица, не забывай меня, старика!.. Не забывай!.. Это не все равно для меня! бормоталъ онъ въ волненіи и его крупныя слезы катились мнѣ на лицо.

XI.

Планы дяди разрушаются снова на основаніи законовъ.

Прошелъ день, другой, — дядя и я не шли къ Бубнову. Я ненавидѣлъ его и не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться. Дядя тоже думалъ по свойственному ему практическому смыслу, что всѣ наши сношенія окончились съ смертью моей матери. Онъ строилъ теперь планы нашей будущей жизни и рѣшился нанять отдѣльную квартиру уже не отъ жильцовъ, а завестись небольшимъ хозяйствомъ и пригласить учителей для приготовленія меня въ одинъ изъ высшихъ классовъ гимназій или, если возможно, прямо въ университетъ.

— Скучно тебѣ не будетъ. Будемъ жить потихоньку. Макаровъ будетъ ходить въ гости по воскресеньямъ, мечталъ дядя. — Въ будни трудъ, въ праздникъ отдыхъ и веселье. Меньше будемъ принимать гостей, рѣже сами станемъ по чужимъ домамъ рыскать. Въ театръ станемъ ѣздить. Глядишь—годы-то и пролетятъ, подростешь, поступишь въ университетъ,—ну тогда и меня не нужно, самъ на ноги встанешь, будешь знать, куда идти.

Въ разсужденіяхъ объ этомъ свѣтломъ и мирномъ будущемъ, я еще тѣснѣе, если это было возможно, сошелся съ дядей и относился къ нему съ невыразимой теплотой. Потеря матери заставила меня подумать о возможности потерять и это послѣднее дорогое мнѣ существо и я почти съ болѣзненной любовью жался къ старыку. Мы ждали только начала навигаціи, чтобы уѣхать въ Петербургъ. На четвертый или на пятый день ледъ взломало окончательно и мы уже стали надѣяться на скорый отъѣздъ изъ Кронштадта. Нетерпѣливо ожидая этой счастливой минуты и сидя со мною въ трактирномъ номерѣ, дядя дѣлалъ различныя выкладки по части нашего будущаго бюджета и поминутно оставялъ карандашъ для совѣщанія со мной на счетъ той или другой статьи расходовъ. Одного или нѣсколькихъ учителей взять? Держать ли лакея или одну кухарку нанять? Довольно ли трехъ комнатъ или нужны четыре? Все это нужно было серьезно обдумать. Среди этихъ разсужденій насъ за-

сталъ «половой,» пришедшій доложить, что дядю спрашиваетъ какой-то «офицеръ.»

— Кто бы это былъ? изумился дядя, но не успѣлъ онъ встать и застегнуть сюртукъ, какъ къ намъ уже вошелъ безъ всякихъ церемоній Бубновъ.

Дядя отступилъ на шагъ отъ него, какъ отъ неприятнаго и неожиданнаго посѣтителя. Непрошенный гость сухо поздоровался съ дядею и почти не взглянулъ на меня.

— Я едва нашелъ васъ, всѣ трактиры объѣздивъ, проговорилъ Григорій Даниловичъ.

Дядя угловато поправилъ хохолъ, видимо посылая гостя въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

— Какъ это вы его отъ экзаменовъ оторвали, замѣтилъ съ упрекомъ Бубновъ.—Онъ и безъ того второй годъ сидитъ въ классѣ, а тутъ еще засядетъ и на третій. Откуда вы узнали, что Мари умерла?

— Марковъ былъ такъ добръ, сообщилъ, что она больна, отвѣтилъ дядя.—Я ему такъ благодаренъ.

— Дуракъ! проворчалъ Бубновъ.—Зналъ, что она умерла и пустилъ васъ ѣхать. Я нарочно не давалъ вамъ знать о ея болѣзни, чтобы не растривать мальчика и не мѣшать ему приготовляться къ экзаменамъ.

— Экзамены десять разъ еще могутъ быть въ жизни, а мать теряютъ только одинъ разъ, неохотно и угрюмо проговорилъ дядя, не имѣя силъ побѣдить и скрыть свое неудовольствіе.

— Да, но вѣдь потеря эта должна была совершиться такъ или иначе, и его счастье нисколько не зависѣло отъ того, простился ли онъ лично или мысленно съ нею, тогда какъ отъ экзаменовъ зависитъ его будущность, отвѣтилъ поучительнымъ тономъ Григорій Даниловичъ.—Впрочемъ, теперь нечего говорить объ этомъ, ошибки не поправишь... Ты говорилъ директору, зачѣмъ ты ѣдешь? обратился онъ ко мнѣ, садясь на стулъ.

До этой минуты онъ говорилъ обо мнѣ, какъ объ отсутствующемъ и, казалось, дѣйствительно не замѣчалъ меня, какъ какое нибудь ничтожное насѣкомое, какъ пылинку, валяющуюся

ся подъ его ногами. Услышавъ его вопросъ, я затруднился отвѣтомъ.

— Я тебя спрашиваю, говорилъ ли ты директору, позволилъ ли онъ отложить экзамены? строго спросилъ Григорій Даниловичъ, не дождавшись моего отвѣта.

Дядя видѣлъ мое замѣшательство и вмѣшался въ разговоръ.

— Я долженъ вамъ сказать, что Володя выходитъ изъ гимназій. Я хочу...

— Что? перебилъ его Бубновъ.—Кто ему позволитъ выйти изъ гимназій?

— Я хочу взять къ нему учителей...

— Позвольте-съ, я не знаю, чего вы хотите, можетъ быть, вы хотите его прямо сдѣлать сенаторомъ, — это до меня не касается! Но я-съ, я хочу, чтобы онъ учился въ гимназій, дерзко и грубо сказалъ Бубновъ.

Дядя взбилъ хохоль, и торопливо пригладилъ виски.

— Не забудьте, что я ему дѣдомъ прихожусь, началъ онъ.

— Мнѣ совершенно все равно, если бы вы были ему хоть племянникомъ, насмѣшливо отвѣтилъ Григорій Даниловичъ, заботливо обрѣзая кончикъ вынутой изъ кармана сигары. — Но я его опекунъ и имѣю полное право, даже обязанъ заботиться о немъ. Вы сдѣлаете очень благоразумное дѣло, если не станете мѣшаться въ наши отношенія.

— Я имѣю столько же правъ на опеку, сколько и вы, загорячился дядя.

— По духовной моей жены опека переходитъ ко мнѣ, отвѣтилъ Григорій Даниловичъ.

— А, и духовную умѣли подсувать умирающей женѣ! съ горечью покачалъ головою дядя.

— Капитанъ! крикнулъ угрожающимъ тономъ Бубновъ.

— Что прикажете, Григорій Даниловичъ? спокойно спросилъ дядя.

Бубновъ отвернулся отъ него и снова обратился ко мнѣ.

— Надѣюсь, что ты еще не вышелъ изъ гимназій?

— Нѣтъ, но... началъ я несмѣло.

— Что за но? Ужь не исключилъ ли тебя?

— Не исключили .. Исключать, если не выйду... Я не могу перейти въ другой классъ.

— Ну такъ что же. Опять въ этомъ будешь сидѣть.

— Нельзя...

Я совсѣмъ не могъ говорить, хотя Бубновъ велъ себя въ этотъ день особенно сдержанно и не кричалъ, не бѣсновался, какъ въ другое время. Дядя понялъ, какъ тяжело мнѣ объясняться съ отчимою и, переспливъ, переломивъ себя, снова вмѣшался въ разговоръ.

— У нихъ законы, правила... Комплектъ назначенъ, произнесъ онъ.

— Какіе тамъ законы! Что вы мнѣ толкуете! сердито сказалъ Бубновъ.

— Если его не взять, то его исключать. Трехъ лѣтъ нельзя сидѣть въ одномъ классѣ. Это ужъ такое правило.

— Э, капитанъ, вы точно малый ребенокъ. Взятку дать нужно или протекцію имѣть, небрежно и презрительно произнесъ Григорій Даниловичъ.

— Помилуйте, я самъ говорилъ съ директоромъ. Добрѣйшій человекъ и...

— Предлагали денегъ?

— Нѣтъ.

— Ну такъ не зачѣмъ и говорить было, цинично рѣшилъ Бубновъ.—Что вы ему такое, чтобы онъ сталъ для васъ снисхожденіе дѣлать и, можетъ быть, выговоры получать за ослабленіе? Родня вы ему, что ли? А ты теперь у меня перестанешь лѣниться. Я не намѣренъ потакать тебѣ. Запрутъ тебя пансіонеромъ и живи тамъ. Никуда отпустить не велю, шагу съ мѣста не сдѣлаешь. Теперь поѣзжай со мною...

Дядя тревожно заерзалъ рукою по усамъ и подошелъ къ Бубнову.

— Зачѣмъ же? Ему и здѣсь хорошо, въ смущеніи заговорилъ онъ.—Онъ мнѣ не...

— Я очень вѣрю, что ему хорошо здѣсь, и совсѣмъ не для того беру его, что ему у меня будетъ лучше, сухо перебилъ Бубновъ, покуривая сигару. — Но я думаю, всѣмъ покажется страннымъ, что онъ живетъ въ трактирѣ, имѣя здѣсь семью.

Впрочемъ я мало обращаю внимая на толки. Но онъ долженъ жить у меня, какъ у своего законнаго опекуна. Я желалъ бы, чтобы онъ отнынѣ и навсегда развивался безъ посторонняго вмѣшательства.

— Что же это вы отнимаете у меня единственное мое утѣшеніе? взволновался дядя и добавилъ трогательнымъ, задумчивымъ тономъ: — Послушайте, Григорій Даниловичъ, оставьте его мнѣ. Вамъ онъ не нуженъ, вы будете и спокойнѣе, и счастливѣе безъ него. Ручаюсь вамъ, что я не потребую ни копѣйки на его воспитаніе. Ручаюсь за него, что онъ не спроситъ у васъ отчета въ дѣлахъ, когда будетъ совершеннолѣтнимъ.

— Ну, капитанъ, за другихъ ручаться трудно, особенно тогда, когда эти другіе — дѣти, сухо отвѣтилъ Бубновъ. — Вы угадали, мнѣ не особенно легко брать его къ себѣ, не особенно пріятно отнимать его у васъ. Я знаю, что онъ испорченъ и не любитъ меня. Но, какъ опекунъ, я хочу взять его куда къ себѣ, а потомъ буду воспитывать по своему усмотрѣнію. Можетъ быть, мнѣ удастся показать ему, что изъ всѣхъ окружающихъ его людей только я желалъ ему добра. Ни мой домъ, ни гимназія не будутъ закрыты для васъ. Но отдать его вамъ исполнѣ я не могу. Вы непрактичны, вы провели большую часть жизни, скитаясь по морямъ, по чужимъ краямъ, вы привыкли къ праздной и праздничной жизни, а потому и не знаете нашей трудовой, будничной жизни и ея условій. Вашъ поступокъ съ директоромъ ясно показываетъ, что вы невольно можете погубить мальчика, оставивъ его безъ образованія. Я же, какъ вы знаете, не гонялся за путешествіями, за приключеніями и вмѣсто авантюристской карьеры избралъ болѣе дѣйствительный и прочный путь. Какъ практическій человекъ, я могу ручаться, что если мальчикъ даже и останется такимъ же лѣнтяемъ и негодяемъ, какимъ былъ до сихъ поръ, то я все-таки съумѣю вытянуть его, что называется, за уши и добуду ему необходимые для службы дипломы. Какъ онъ пойдетъ дальше, — это будетъ его дѣло.

— Такъ значитъ вы окончательно рѣшились, началъ дядя.

— У меня нѣтъ неокончательныхъ рѣшеній.

Бубновъ всталъ.

— Позвольте мнѣ привезти его къ вамъ завтра, промолвилъ дядя съ грустью. — Вѣроятно, я не слишкомъ испорчу его въ эти сутки, добавилъ онъ съ горечью.

Бубновъ пожалъ плечами.

— Я думаю, что о такой бездѣлицѣ не стоитъ и толковать...

Онъ сухо откланялся и вышелъ.

— Ну вотъ, птица ты моя, птица, насъ и на разные берега выбрасываютъ! проговорилъ дядя, ходя по комнатѣ и обнявъ меня одною рукою. — Ни ты, ни я, не будемъ теперь ниѣтъ гнѣзда. Я кое-какъ буду слоняться изъ одного угла въ другой, не торопясь домой, гдѣ никто не будетъ ждать моего прихода. Ты будешь дико озираться среди новыхъ товарищей, будешь искать друзей, не найдешь ихъ, можетъ быть, и тоскливо станешь сознавать, что некуда тебѣ бѣжать отъ этой чуждой тебѣ толпы...

Дядя замолчалъ и шагаль все скорѣе и скорѣе.

— И отчего это онъ вдругъ сталъ заботиться о тебѣ? Въдь это, можетъ быть, раскаянье?... Онъ говоритъ, что я не умѣю дѣла вести, что я не съумѣю тебя на дорогу поставить. Онъ хочетъ вывести тебя въ люди... Въдь это его, можетъ быть, совѣсть мучаетъ... Тоже человѣкъ онъ, сердце у него не камень... Ну что же, если онъ будетъ хлопотать о тебѣ, то и слава Богу. Тяжело намъ будетъ, рѣдко будемъ видѣться... Ну да авось стерпится—слюбится.

Дядя впадалъ все болѣе и болѣе въ успокоительный тонъ. Кажется, старикъ, еще такъ недавно толковавшій о своей ненависти и недовѣрїи къ людямъ, отчасти вѣрилъ, что и у Бубнова могутъ быть добрыя порывы. Кромѣ того онъ старался говорить въ примирительномъ духѣ и для ободренія меня. Онъ видѣлъ, что я хмуро молчалъ, что я, повидному, упалъ духомъ, и потому старался разсѣять мои черныя думы. Но я не отвѣчалъ на его утѣшенія. Меня занимали сотни смутныхъ мыслей и душила злоба на отчима. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ я сробѣлъ передъ давно несталаквивавшимся со мной врагомъ, но онъ снова задѣлъ и разбередилъ мои старыя раны и воскресилъ во мнѣ готовность къ борьбѣ, въ сопротивленію. Я чувствовалъ, что я теперь отвыкъ отъ гнета, что я не отступлю ни на шагъ въ борьбѣ съ этимъ врагомъ. У меня яви-

лось желаніе убить его, растоптать ногами. Меня даже разсердило, что дядя говоритъ о совѣсти Бубнова. Я въ эту минуту никакъ не могъ представить себѣ, что у подобныхъ Бубнову людей могутъ быть остатки совѣсти и чувства.

Грустно провели мы вечеръ въ тоскливыхъ воспоминаніяхъ о прошломъ и въ скорбныхъ размышленіяхъ о будущемъ. И юноша, выдающій до того скверное настоящее, что онъ уже въ этомъ возрастѣ долженъ жить по старчески воспоминаніями, и старикъ, невмѣющій возможности ободрить и завлечь мальчика свѣтлою картиною великаго будущаго, были равно жалки. Чѣмъ-то тихимъ и покорнымъ вѣяло отъ рѣчей дяди; что-то затаенно злобное звучало въ моихъ замѣчаніяхъ. Я по прежнему, даже сильнѣе прежняго ненавиждѣлъ Бубнова и тщетно искалъ въ своемъ юномъ умѣ объясненій тому образу дѣйствій, который выказалъ мой отчимъ, рѣшившись взять меня къ себѣ. Зачѣмъ онъ бралъ меня въ свой домъ? Зачѣмъ хотѣлъ хлопотать о моей участи, когда была, по моему мнѣнію, возможность бросить и забыть меня, какъ бросили и забыли всѣ Наташу? Отвѣта на эти вопросы не являлось въ неопытномъ умѣ, еще непонимавшемъ никакихъ денежныхъ отношеній, связывавшихъ меня съ отчимомъ; но все-таки съ заключеніями дяди о проснувшейся въ Бубновѣ совѣсти я не соглашался и мнѣ казалось, что мой отчимъ хочетъ взять меня для того, чтобы тиранить меня и мстить мнѣ. Я не понималъ, что и это заключеніе было такимъ же идеализмомъ, какъ заключеніе дяди; я не понималъ, что Бубновъ не станетъ тратить своего спокойствія для такихъ отвлеченностей и бесполезныхъ глупостей, какъ ищеніе. Ищеніе безопасному врагу для Бубнова было бы такъ же нелѣпо, какъ и раскаянье, и только такихъ людей, какимъ былъ я въ ту пору, да какимъ былъ дядя, могли занимать подобныя чувства.

На слѣдующій день я отправился съ дядей къ Бубнову. Онъ встрѣтилъ насъ спокойно, холодно, но вѣжливо. Въ гостиной на полу игралъ мой братъ. Онъ не обратилъ на насъ никакого вниманія. Я не подошелъ къ нему. Я видѣлъ въ немъ въ эту минуту не брата, не сына моей матери, а любимца и божество Бубнова.

— А у меня сегодня будетъ адмиралъ Гейгъ, замѣтилъ Буб-

новъ, указывая дядѣ на кресло. — Я хочу съ нимъ поговорить о мальчикѣ.

Дядя промолчалъ.

— Сегодня, кажется, опять вѣтеръ съ моря? произнесъ Бубновъ, глядя въ окно.

— Да холодно, отвѣтилъ дядя, тоже взглянувъ въ сторону. Разговоръ оборвался.

— Не хотите ли, капитанъ, сигару?

— Благодарю... Контрабанда? спросилъ дядя, взявъ сигару и вертя ее въ рукѣ.

— Да, весной еще купилъ. Отлежаться далъ, отвѣтилъ Бубновъ, подавая дядѣ спичку.

— Хорошія сигары, потянулъ дядя первый дымокъ, повертѣвъ зажженную сигару около носу.

Опять разговоръ прекратился.

— Не думаете ли вы ѣхать въ деревню? спросилъ дядя, не зная, что начать говорить.

— Нѣтъ. Я былъ тамъ за мѣсяць до смерти Мари... Смирилъ старосту и все теперь пойдетъ хорошо. Часть лѣса за рѣкой я продалъ еще при женѣ довольно выгодно...

— Какъ, неужели это вы и нашу липовую рощу продали? воскликнулъ дядя съ грустью. — Боже мой, Боже мой, если бы это знала моя покойная сестра! Вѣдь вы представьте себѣ, тамъ все почти сплошная липа. Что это былъ за ароматъ лѣтомъ. Мы съ сестрой тутъ цѣлые дни проводили въ дѣтствѣ.

— А вы, капитанъ, хорошо знаете имѣніе моей покойной жены?

— Еще бы! со вздохомъ произнесъ дядя. — Каждый кустикъ, каждое деревцо знакомо. Я росъ тамъ... Въ моемъ имѣніи...

— Нѣтъ, я говорю про имѣніе вашей покойной сестры, доставшееся моей женѣ.

— То есть про мое имѣніе, твердо перебилъ дядя. — Я подарилъ его сестрѣ, когда родилась Маруся... голосъ дяди дрогнулъ; старикъ закашлялъ и замолчалъ.

— Странно, жена мнѣ никогда не говорила объ этомъ, съ удивленіемъ промолвилъ Бубновъ.

— Да и я не говорилъ ей объ этомъ... Не считалъ нужнымъ, сухо замѣтилъ дядя.

Опять нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Бубновъ вѣроятно думалъ въ это время: «А вѣдь я думалъ, что ты все-таки немного умнѣе. Такія нѣвнія дарить просто идиотство.» У дяди вертѣлось въ головѣ: «Подлецъ, подлецъ, я думаю всѣхъ крестьянъ пустилъ по міру. Душегубецъ!»

— У васъ, кажется, сигара погасла? раздался вопросъ.

— А! да, послышался отвѣтъ.

Зажгли снова сигару и замолчали.

— Какъ долго замѣшкался Гейгъ. Пора бы завтракать, глухо заувчало въ комнатѣ замѣчаніе хозяина.

— Вѣрно, дѣла! еще глуше пронеслось соображеніе гостя.

Опять тишина. Миша уже давно ушелъ къ нянѣкѣ. Я уже давно позѣвывалъ, прикрывая ротъ рукою, а приступаю къ разговору все еще не видѣлось конца. Эти два человѣка, невидѣвшіе или презправщіе другъ друга въ душѣ, несмотря на все свое желаніе быть любезными, не могли найти ни одного предмета для бесѣды и сознавали, что убить время въ обмѣнѣ пустыми фразами невозможно. Если бы это положеніе продолжилось еще часъ или два, то свиданіе вѣроятно кончилось бы очень печально и собесѣдники послали бы другъ друга къ чорту. Конечно такой конецъ дружескаго свиданія былъ бы крайне неприличенъ, но за то онъ былъ бы искреннѣе всѣхъ фразъ, произнесенныхъ въ это утро. Затруднительное положеніе дяди и Бубнова окончилось съ приходомъ Гейга. Бубновъ даже повеселѣлъ, пожимая руку адмирала. Гейгъ сухо и церемонно раскланялся съ дядей. Дядя тоже не особенно любезно справился о его здоровьѣ.

— Прошу въ столовую! произнесъ Григорій Даниловичъ.

Въ столовой уже сидѣли Миша и какая-то краснощекая и полная пернавская нѣмка съ церемонно потупленными глазами. Ей было лѣтъ тридцать, она жила у Бубнова втеченіе послѣдняго года въ качествѣ экономки и няньки для практическихъ занятій нѣмецкимъ языкомъ съ Мишею. Гейгъ поцѣловалъ Мишу и освѣдомился о здоровьѣ рекомендованной имъ на

мѣсто пернавской нѣмки; она застѣнчиво и кротко поблагодарила seine Exzellenz за высокое и благосклонное вниманіе.

Мы усѣлись за столъ.

— А я къ вамъ забѣжалъ вчера съ маленькой просьбой, адмиралъ, обратился Бубновъ къ Гейгу, наливая ему красное вино въ стаканъ.—Или вамъ бѣлаго угодно?

— Нѣтъ, я покуда краснаго выпью, отвѣтилъ Гейгъ, какъ бы подавая надежду, что онъ выпьетъ потомъ и бѣлаго. — А что такое случилось?

— Вы, кажется, знаете кого-то по министерству народнаго просвѣщенія...

— По министерству народнаго просвѣщенія? глубокомысленно повторилъ Гейгъ, какъ бы припоминая что-то.—Да, попечителя учебнаго округа знаю.

— Вы бы очень обяжали меня, если бы замолвили ему словечко въ пользу вотъ этого недостойнаго джентльмена.

Бубновъ указалъ на меня, и я уподобился пернавской нѣмкѣ, опустивъ застѣнчиво глаза внизъ и чувствуя, что мои щеки начинаютъ горѣть.

— Мы, знаете, съ лѣнцой, продолжалъ мой отчимъ въ прѣнпическомъ тонѣ и въ то же время передалъ блюдо съ котлетами Гейгу, а потомъ дядѣ.—Не могъ-съ два года сряду выдержать экзамена и теперь имѣеть несчастіе быть изгнаннымъ изъ гимназій.

Я сидѣлъ какъ на иголкахъ, потупивъ голову и кусая губы.

— Похвальнаго немного, вставилъ Гейгъ.

— Кажется, что такъ. Но теперь надо попробовать отдать его въ пансіонеры, чтобы тамъ употребили нѣкоторыя лекарственныя мѣры для истребленія лѣни. Лѣнь, вѣдь, знаете, какъ моль, если ее почаще выколачивать, пропадаетъ.

— Хи, хи, хи! робко и стыдливо захихикала пернавская нѣмка, пораженная и восхищенная хозяйскимъ остроуміемъ.

Бубновъ холодно взглянулъ на нее и она быстро умолкла, потупивъ стыдливые глаза.

— Да, это иногда не мѣшаетъ, вставилъ глубокомысленно Гейгъ.

— Такъ вотъ я хотѣлъ просить васъ, адмиралъ, продолжалъ

Бубновъ, — написать кому нибудь изъ вліятельныхъ лицъ въ министерствѣ, чтобы сказали директору гимназіи о невыключеніи виновнаго и объ оставленіи его на третій годъ въ классѣ.

— О, это пустяки, сказалъ Гейгъ — Я кромѣ того вспомнилъ, что мой братъ знакомъ съ графомъ Сиверскимъ. Они напишутъ тамъ...

— О, да этакъ мы, пожалуй, сдѣлаемъ нашего джентльмена важнѣе самихъ учителей, презрительно усмѣхнулся Бубновъ.

— Пожалуй, что и такъ, важно улыбнулся Гейгъ.

На столъ подали кофе. Пернавская нѣмка занялась разливаніемъ и въ тоже время уговаривала раскричавшагося Мишу.

— Будь благодаренъ адмиралу за хлопоты, сухо обратился ко мнѣ Бубновъ, — и помни, что твоя лѣнь отзовется непріятно не только на тебѣ, но и на тѣхъ лицахъ, которые примутъ на себя хлопоты и заботы о тебѣ. Адмиралу будетъ совсѣмъ не лестно, если его protégé останется негодеемъ...

— Я надѣюсь, что молодой человекъ будетъ стараться, обратился ко мнѣ адмиралъ, избѣгая мѣстоимѣній второго лица.

Дядя слегка кивнулъ мнѣ головою. Я понялъ этотъ знакъ и поспѣшилъ пробормотать:

— Я буду стараться.

— Это необходимо. Наука это... это... свѣтъ, изрекъ адмиралъ и развелъ рукой передъ своимъ лицомъ. — Наука ѣ послушаніе. У меня тоже дѣти, надо брать съ нихъ примѣръ. Учатся и всегда тихи.

— А что вашъ ревматизмъ, адмиралъ? спросилъ Бубновъ у Гейга, замѣчая, что адмиралъ такъ же мало годился въ проповѣдники, какъ и въ остряки.

— Въ колѣнкахъ теперь, отвѣтилъ Гейгъ. — Самыя, знаете, чашки болятъ и особенно, когда пройдуся подальше, ну тогда просто шагу съ лѣстницы не могу сдѣлать. Все больше одной ногой ступаю, а другую волочу, одной ступаю, а другую волочу. Хоть съ костылемъ ходи, а то палка даже не помогаетъ.

Такимъ образомъ, наполнивъ свой желудокъ котлетами, салатомъ и сыромъ, осушивъ приличное количество стакановъ вина и кофе, поговоривъ обо мнѣ, о ревматизмѣ и о погодѣ, Гейгъ уѣхалъ.

— Ну теперь это дѣло сдѣлано, сказалъ Бубновъ, обращаясь къ дядѣ.

— Но оставлять ли? сомнѣвался дядя.

— Еще бы!

Бубновъ съ озабоченнымъ видомъ посмотрѣлъ на часы. Дядя понялъ, что пора было убираться вонъ, и простился со мною и съ хозяиномъ. Я стоялъ, какъ приросшій къ полу, и даже не шелъ провожать дядю въ переднюю. Еще наканунѣ я считалъ себя способнымъ на борьбу съ врагомъ; теперь я снова присмирѣлъ, стоя лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, опять въ мою юную душу закралась подлая, рабская трусость. Я походилъ на собаченку, поджавшую хвостъ передъ грознымъ взглядомъ своего господина и забывшую, что природа дала ей зубы.

— Федотовъ! крикнулъ Бубновъ тотчасъ по уходѣ дяди.

Въ комнату вошелъ деньщикъ, старикъ съ краснымъ отъ спиртныхъ напитковъ носомъ, одѣтый въ заплатанный и сальный скуртукъ съ слишкомъ короткими, очевидно обрѣзанными рукавами.

— Проводи Владимира Михайловича въ его комнату на верхъ, обратился Бубновъ къ деньщику.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ Федотовъ, держа руки по швамъ и плотно прислонившись къ стѣнѣ.

— Опять винищемъ отъ тебя несетъ, подлецъ!

— Никакъ вѣтъ-съ!

— Свиныя! Стунай!

— Маковой росинки во рту не было...

— Тебѣ говорятъ: убирайся!

— Это какъ вамъ угодно, только я, ваше высоко...

— Пошелъ вонъ! топнулъ ногою Бубновъ.

Федотовъ крякнулъ, презрительно пожалъ плечами, повернулъ на право кругомъ около самой стѣны и, пропустивъ меня впередъ, пошелъ со мною по лѣстницѣ, крѣпко придерживаясь за перила.

— Ишь, носъ-то собачій, бормоталъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.—Чутье!

Онъ отомкнулъ мнѣ дверь, впустилъ меня въ комнату, когда-то бывшую спальню дяди, и вышелъ вонъ.

Я остался одинъ...

XII.

Работа мысли и переломъ въ мою характеръ.

Стоить мнѣ на нѣсколько минутъ отдаться своимъ воспоминаніямъ, и въ моей памяти, среди другихъ картинъ прошлаго, воскресаетъ угрюмая картина заброшенныхъ комнатъ мезонина въ старомъ деревянномъ домѣ. Въ углахъ виситъ паутина, на мебели покоятся толстыми слоями пыль, сама мебель, старая, потемнѣвшая, съ кожаной черной обивкой, неуклюжа, тяжела и неудобна. Въ комнатахъ нѣтъ ни души, кромѣ шестнадцатилѣтняго юноши, стройнаго, высокаго, съ довольно красивымъ, нѣжнымъ лицомъ, съ большими задумчивыми глазами. Его щеки такъ часто блѣднѣютъ, такъ часто вспыхиваютъ румянцемъ, — видно, что въ его душѣ всѣ впечатлѣнія отражаются и сильно, и быстро. Его большіе глаза такъ грустны, такъ часто блестятъ на мгновенно проступающими на длинныя рѣсницы слезами, — видно, что ему тяжело жить, что въ его умѣ идетъ какая-то тревожная работа мысли. Вокругъ него все тихо, не слышно ни дѣтскаго смѣха, ни юношескихъ споровъ, ни старческихъ добродушныхъ наставленій. Мѣрно и глухо звучать его шаги въ комнатахъ. Подходить онъ иногда къ окну и смотритъ сквозь грязныя стекла двойныхъ рамъ въ садъ. Тамъ начинается весеннее оживленіе природы, и съ грустью думаетъ онъ: «Даже зимнихъ рамъ не позаботились выставить, чтобы я могъ подышать чистымъ воздухомъ. И за что это они ненавидятъ меня? Почему не хотятъ понять, что я не желаю и даже не могу сдѣлать имъ зла?» Онъ отходитъ отъ окна и снова бродитъ тревожными шагами по комнатѣ, то волнуясь, то тоскуя, то предаваясь роковымъ, неотступнымъ и непосильнымъ вопросамъ о строѣ людской жизни. «Почему всѣ идутъ въ разбродъ?» спрашиваетъ онъ у себя. Этотъ вопросъ не надуманъ имъ отъ скуки, не навѣянъ ему чтеніемъ книгъ; этотъ вопросъ вытекъ изъ склада всей его жизни, изъ всѣхъ событій его прошлаго. Юноша помнитъ свою семью, единодушно и дружно жившую въ родномъ гнѣздѣ; помнитъ онъ, какъ вдругъ

распалась эта семья, и начался въ ней раздоры, мученія, гибель ея членовъ. Вспоминается ему другой уголокъ, такой же мирный, какъ старое родное гнѣздо; здѣсь жилъ онъ счастливо, пригрѣвшись подъ крыломъ стараго родственника, и вдругъ вырвали его и изъ этого тихаго пристанища, вырвали, чтобы бросить въ какую-то тюрьму, оберегаемую ненавистными тюремщиками.

«Почему, думалось ему, люди не связаны одною общою любовью, почему они не составляютъ одну большую семью, дружескую и мирную, какъ наша старая семья до второго замужества моей матери? Почему моя мать разлюбила меня и дядю, и почему дядя оставилъ ее, а не меня въ это время, почему я отдался отъ матери, а не отъ дяди? Что насъ поссорило? То, что она полюбила моего отчима, нелюбимаго нами. Если бы она не любила, а ненавидѣла этого человѣка, подобно намъ, то мы не разошлись бы. Но почему же дядя былъ нуженъ мнѣ и всѣмъ стоявшимъ на моей сторонѣ людямъ, а не моей матери? Не потому ли, что мы видѣли въ дядѣ такого же защитника, какого видѣла моя мать въ своемъ мужѣ? Но еслибы всѣ люди ненавидѣли моего отчима, то не сдѣлались ли бы они друзьями, не стали ли бы помогать другъ другу для того, чтобы побѣдить своего общаго врага? И что такое друзья? Это люди, у которыхъ есть общій врагъ, рѣшалъ юноша. Но кто же можетъ быть общимъ врагомъ людей? Но гдѣ же такое существо? Мой отчимъ притѣснялъ и могъ притѣснять только немногихъ близкихъ къ нему людей. »Дьяволъ врагъ человѣка», вспомнились юношѣ слова старой ключницы. Дьяволъ... Но что такое дьяволъ? Гдѣ онъ? Какъ бороться противъ него? Его можетъ быть и нѣтъ? Но если противъ него нельзя бороться, если онъ, можетъ быть, и не существуетъ, то кто же можетъ быть общимъ врагомъ людей?» Юноша тревожно ходитъ по комнатѣ, не имѣя силъ рѣшить этотъ мучительный вопросъ, и ему кажется, что у людей не можетъ быть общаго врага и что потому они вѣчно будутъ идти въ разбродъ. Его юный умъ покуда видитъ только возможность вражды къ лицу. Прийдя къ такимъ заключеніямъ, юноша рѣшается искать людей, которые ненавидѣли бы однихъ и тѣхъ же лицъ,

ненавидимыхъ и имъ. «Это будутъ мои друзья, думалось ему. Ну а если мы побѣдимъ врага, тогда мы и разойдемся?» Опять начинается цѣлый рядъ вопросовъ: «Почему же мы всѣ дружно жили въ старомъ родномъ гнѣздѣ? Потому, что не ссорились, явился не хитрый, но вполне разумный отвѣтъ. А почему люди ссорятся? Не потому ли, что однимъ одно, а другимъ другое нравится? Да, изъ-за этого люди спорять, а потомъ ссорятся. Значитъ надо, чтобы мои друзья ненавидѣли однихъ и тѣхъ же людей и полюбили однѣ и тѣ же вещи. Но почему же дядя не считаетъ друзьями своихъ трактирныхъ и другихъ знакомыхъ, которые любятъ, какъ и онъ, однѣ и тѣ же вещи, — охоту, уженье рыбы, рассказы, анекдоты, дрессировку собакъ и тому подобное?» На этотъ вопросъ опять не можетъ отвѣтить юноша; но ему уже смутно чувствуется, что и дядя, и его знакомые не любятъ въ сущности ни охоты, ни уженья рыбы, ни рассказовъ, а занимаются этимъ отъ нечего дѣлать. Но что же они любятъ? Къ чему они стремятся?

Юноша ходитъ одиноко по комнатѣ, какъ узникъ по тюрьмѣ; онъ не можетъ уйти изъ этого дома на чистый воздухъ, не вызвавъ брани своего тюремщика. А на улицѣ и въ саду такъ ярко, такъ свѣтло, такъ привольно! «Боже мой, Боже мой, если бы я былъ такъ же свободенъ, какъ прежде! восклицаетъ юноша. Свобода и друзья, что можетъ быть лучше васъ на свѣтѣ! О мои дѣтскіе годы, незабвенные, зачѣмъ вы прошли, прошли навсегда? Вотъ въ зелени пріютилась веселая дача, вблизи синѣетъ заливъ, съ берега смотреть няня, какъ я несусь на лодкѣ со старымъ матросомъ, возвращаясь съ катанья домой, я бѣгу въ гостиную, убранную цвѣтами; дядя цѣлуетъ меня, слушаетъ мои торопливые рассказы, а матушка вся въ бѣломъ, кроткая, задумчивая, сидитъ у фортепьяно и тихо, тихо поетъ грустную пѣсню. Гдѣ же вы всѣ, милые, дорогіе, откликнитесь, придите ко мнѣ на помощь!» Юноша вдругъ умолкаетъ и блѣднѣетъ: передъ нимъ проносятся тѣни измученныхъ — няньки, ея жениха, матери, и ему слышится чей-то горькій плачь. «Это мой братъ, убитый мною, плачетъ,» шепчетъ онъ и пугливо озирается въ комнатѣ; ему кажется, что изъ каждаго угла смотрятъ на него красные отъ слезъ глаза

матери, брата, няньки, ея жениха, и чудится юношѣ, что отчасти онъ послужилъ причиною гибели всѣхъ этихъ дорогихъ ему людей. Онъ дрожитъ и рыдаетъ. Нервное раздраженіе доходитъ до послѣдней степени, любовь и ненависть дѣлаются безпредѣльными, охватываютъ все его существо, требуютъ исхода, подталкиваютъ къ борьбѣ, — къ борьбѣ на жизнь и смерть. Несчастный юноша долженъ или погибнуть или побѣдить враговъ, завоевать себѣ независимое положеніе, опредѣлить передъ врагами свой характеръ, свою нравственную силу. Со всею смѣлостью неопытности онъ рѣшается поставить на карту свою жизнь и выиграть битву теперь или пасть навсегда. Станетъ ли у него силы? Никто и онъ самъ не замѣчалъ до сихъ поръ, насколько развитъ его умъ, насколько опредѣлился его характеръ. Его считали его друзья и его враги слабымъ ребенкомъ, и онъ ни разу ничѣмъ не заявилъ, что онъ ужь далеко не дитя, и, тѣмъ болѣе, не слабое дитя. Теперь нужно было выступить на сцену.

Этотъ мальчикъ былъ я. Я томился въ пустомъ мезонинѣ Бубновскаго дома и былъ счастливъ только въ тѣ минуты, когда ко мнѣ прїѣзжалъ дядя. Но онъ прїѣзжалъ все рѣже и рѣже; ему было тяжело встрѣчаться съ моимъ отчимомъ. Не легки были эти встрѣчи и для меня: меня раздражало, если Бубновъ дѣлалъ мнѣ выговоры, какъ лакею; меня оскорбляло, если онъ не замѣчалъ меня, какъ ничтожную былинку; я вспыхивалъ румянцемъ стыда, когда онъ считалъ нужнымъ вступаться за меня, если пятое колесо, Марфа Трофимовна впутывалась въ наши отношенія и нападала на меня. Моя ненависть къ отчиму была такъ велика, такъ глубоко запала въ мою душу, что я даже не замѣчалъ переменъ въ его обращеніи со мной. Мнѣ все казалось, что онъ готовъ выдрать меня за уши, посадить на чердакъ, назвать мерзавцемъ, а между тѣмъ Григорій Даниловичъ обходился со мною уже далеко не такъ грубо, какъ прежде. Нензвѣстные мнѣ въ ту пору планы и дальновидные расчеты отчима заставляли его побѣдить ненависть ко мнѣ и понемногу стараться привлечь меня на свою сторону. Я сразу могъ бы замѣтить эту переменъ, если бы меня не ослѣпляла злоба и если бы самъ Бубновъ могъ быстро и исполнѣ ос-

вотъся со своею новою ролью заботливаго родственника. Но это было такъ трудно для него! Онъ часто произвольно и ловко мѣнялъ тѣ или другія маски въ частныхъ сношеніяхъ съ посторонними людьми; онъ былъ опытный и ловкій актеръ, выдрессированный въ школѣ всеобщей лжи и повальнаго лицемерія, гдѣ каждый старается выслужиться и утопить своего собрата; но ему было тяжело и непривычно прикрывать маской терпимости и добродушія искажавшееся отъ порывовъ злости лицо при столкновеніяхъ со мной, со своимъ старымъ врагомъ. Иногда онъ начиналъ кричать на меня и вдругъ умолкалъ на полусловѣ, быстро шагалъ по комнатѣ, выпивалъ стаканъ воды и впадалъ въ отечески добродушный, наставительный тонъ. Къ несчастію этотъ тонъ несколько не смягчалъ мою душу, взволнованную за минуту грубою бранью, и я, давъ слово не уступать врагу, давалъ ему отпоръ рѣзкими отвѣтами. Эти отвѣты снова вызывали бурю, которая опять кончалась потокомъ короткихъ увѣщаній. Если бы кто нибудь со стороны подглядѣлъ наши отношенія, то онъ вѣроятно нашелъ бы въ нихъ много комизма. Волкъ въ лисей шкурѣ казался бы менѣе смѣшнымъ, чѣмъ Бубновъ въ роли моего нѣжнаго родственника.

Однажды между нами было довольно странное объясненіе, давшее мнѣ понять, что мой отчймъ менѣе страшенъ для меня, чѣмъ я думалъ, и послужившее причиною большой перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ. У меня совсѣмъ износились сапоги, такъ что изъ нихъ выглядывали пальцы. Мои чулки были не въ лучшемъ положеніи. Объ этомъ мнѣ замѣтилъ раза два Федотовъ. Я замѣчалъ это и самъ и съ горечью думалъ, что меня держать, какъ нищаго.

— Вы бы барину сказали, чтобы купилъ обувь, говорилъ мнѣ Федотовъ.

— Я не хочу съ нимъ говорить, отвѣтилъ я.

— Ну такъ босымъ напляетесь! Эти скареды ни о чемъ сами не вспомнить.

Федотовъ ненавидѣлъ и ругалъ Бубнова, какъ и вся остальная прислуга.

— Креста-то на вороту вѣтъ, мальчика-то какъ притѣс-

идутъ! Черти, право, черти! ворчалъ дещицкѣ, выходя отъ меня изъ комнаты.

Это негодованье на моего отчима начало примирять меня съ постоянно пьянымъ и грязнымъ дещицкомъ: я увидалъ въ немъ своего сторонника. На слѣдующій день я получилъ новое доказательство сочувствія ко мнѣ со стороны Федотова. Во время утренняго чаю Григорій Даниловичъ обратился ко мнѣ.

— Что же ты молчишь, началъ онъ, — у тебя сапоги съ ногъ сваливаются. Федотовъ мнѣ показывалъ ихъ. Босымъ, что ли, станешь ходить? Я не святой духъ, чтобы знать, что тебѣ нужно.

Я поблѣднѣлъ отъ злости, услышавъ рѣзкій тонъ выговора.

— А вы думаете, что я святой духъ и могу знать, что вы мнѣ купите, если мнѣ чтонибудь нужно, проговорилъ я изволнованнымъ голосомъ.

Бубновъ грозно нахмурилъ брови и смѣрялъ меня глазами. Я въ упоръ смотрѣлъ на него съ лихорадочнымъ замираніемъ въ сердцѣ передъ ожидаемой бурей. Трусость забитаго раба и отвада раздраженнаго юноши мѣшались въ моей душѣ. Но отчимъ, противъ моего ожиданія, промолчалъ и сталъ пить чай, отвернувшись отъ меня. Мнѣ было особенно досадно, что пернавская вѣмка глядѣла въ эту минуту на меня съ тѣмъ негодованіемъ, на какое способны только вѣмки, родившіяся ключницами, компаньонками и няньками и изображающія на своихъ лицахъ отбѣнки всѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ ихъ господъ. Пернавская вѣмка была изъ этого сорта женщинъ. Она смѣялась, когда Бубновъ желалъ быть веселымъ или остроумнымъ, она дѣлала грозный видъ, когда Бубновъ когонибудь бранилъ; она теряла аппетитъ, когда Бубнову не нравилось какоенибудь кушанье. Теперь она видимо негодовала на меня, и это раздражило еще болѣе мою душу, мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало высказаться.

— Обо мнѣ заботится дядя, и я ждалъ его, началъ я снова, вызывая Бубнова на бой.

— Зачѣмъ тебѣ дядя? спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ попросить его о покупкѣ сапогъ.

— Его не для чего просить. Христарадничать привыкъ у

чужихъ людей! Ты долженъ мнѣ говорить, что тебѣ нужно, сердито произнесъ мой отчимъ и сейчасъ же измѣнилъ тонъ — Я забочусь о тебѣ, я хлопочу за тебя, я хочу, чтобы у тебя все было, а ты этого попятъ не хочешь...

Нѣмка изобразила на своемъ лицѣ умиленье, вѣроятно передъ добродушіемъ господина Бубнова.

— Но у меня даже и окна не выставлены въ комнатѣ, возразилъ я, желая обличить отчима и доказать ему, что онъ все не хлопочетъ обо мнѣ.

Бубнова передернуло. Онъ понялъ, какъ плохо освоился онъ со своею новою ролью, какъ многое упустилъ изъ виду.

— У меня даже пыли не смѣтають и половъ не моють, продолжалъ я высчитывать доказательства невнимательности ко мнѣ.

Бубновъ не выдержалъ и вспыхнулъ.

— Ты это что же грубить вздумалъ? Не хочешь ли ты, чтобы я самъ у тебя полы мылъ? крикнулъ онъ, багровѣя отъ гнѣва.

Я молча всталъ съ мѣста.

— Куда ты? Отвѣчай, если съ тобой говорятъ! крикнулъ Григорій Даниловичъ, яростно ударивъ по столу рукой.

— Вы не говорите со мной, а ругаете меня за то, что я по вашему желанію сказалъ, что мнѣ нужно, отвѣтилъ я сдерживая свое волненіе и говоря ровнымъ и холоднымъ тономъ.

Я былъ блѣденъ, какъ полотно.

Бубновъ нахмурилъ брови, негодуя, кажется, уже не на меня, а на себя, и прошелся по комнатѣ. Онъ ясно понималъ, что онъ все хуже и хуже играетъ принятую имъ роль. Я не трогался съ мѣста и слѣдилъ за нимъ. Наконецъ онъ заговорилъ мягкимъ тономъ.

— Ты самъ виноватъ, что я постоянно сержусь на тебя, произнесъ онъ.—Ты точно упрекать меня вздумалъ за то, что людишки забыли выставить рамы и вымыть полы у тебя въ комнатѣ. Ты вообще прѣнимаешь въ разговорахъ со мной такой тонъ, который одинъ стоитъ наказанія. Наглостью ничего не возьмешь. Помни лучше пословицу, что ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ...

— А вы сами бранили меня, когда я ласкался къ матери, проговорилъ я, не спуская глазъ съ Бубнова.

— Что-о? гнѣвно спросилъ Бубновъ и, встрѣтившись со мною взглядомъ, внезапно замолчалъ.

Мнѣ было пріятно слѣдить за этими быстрыми вспышками гнѣва и стремленіями къ сдержанности. Я не понималъ, какія причины заставляютъ Бубнова смиряться, я не зналъ, насколько хватить у него силы воздерживаться отъ бури, и смѣло игралъ въ опасную игру, раздражая дикаго звѣря. Впервые мнѣ показалось, что я теперь справлюсь съ этимъ человѣкомъ. Походивъ по столовой, Бубновъ крикнулъ:

— Федотовъ!

Деньщикъ явился на зовъ и остановился у стѣны.

— Ты это что, мерзавецъ,—худыми сапогами Владиміра Михайловича мнѣ въ глаза тычешь, а пыли смести въ его комнатахъ и не подумаешь? Тамъ полы не мыты, паутина не сметена. Что же ужъ не я ли самъ долженъ за всѣмъ смотрѣть? Зачѣмъ же я васъ подлецовъ держу?

Въ комнатѣ раздался звукъ оглушительной пощечины. Федотовъ только пошатнулся въ сторону да глазами моргнулъ.

— Я васъ научу дѣлать дѣло! кричалъ Бубновъ.—Вы думаете, что Владиміръ Михайловичъ ребенокъ, что онъ не станетъ жаловаться мнѣ, что ему можно спустя рукава служить?.. Чтобы сегодня же все было прибрано у него! Не то я тебя...

Бубновъ снова ударилъ Федотова по щекѣ.

— Убирайся скотъ!

Федотовъ крикнулъ и, повернувшись по солдатски, исчезъ изъ комнаты.

— Совѣтую и вамъ смотрѣть за прислугой, обратился Григорій Даниловичъ къ ключницѣ. — Я не люблю даромъ деньги платить! У меня судъ коротокъ: паспортъ въ зубы и вонъ изъ дому.

Онъ походилъ еще по комнатѣ и вышелъ въ свой кабинетъ. Я чувствовалъ, что мой отчимъ выместилъ свою злобу на прислугѣ, не имѣя возможности прибить меня. Прошло нѣсколько минутъ въ полнѣйшей тишинѣ. Только восвратившійся въ комнату Федотовъ громко возиhsа около буфета.

— Ви толшень благодарить папа, што онъ таки добри, обратилась ко мнѣ съ наставленіемъ пернавская нѣмка, успѣвшая всплакнуть.

— Добрый изъ чужого кармана, пробормоталъ вѣчно ворчавшій что нибудь и дѣлавшій замѣчанія Федотовъ, устанавливая посуду въ буфетномъ шкафу.

— Што ти кафаринь? строго спросила нѣмка. — Ти лакей, ти мушникъ, ти не толшень...

— Чай-то скоро отопьете? грубо перебилъ ее Федотовъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Гробеянь! Ступай, я пазаветь, отвѣтила пернавская нѣмка съ гордостью.

Деньщикъ вышелъ, ворча себѣ подъ носъ: «Ишь нѣмкой родилась, такъ и важничаетъ, что въ ключницахъ состоитъ.» Онъ по обыкновенію успѣлъ пропустить въ горло «шкаликъ» послѣ побоевъ и выглядѣлъ по прежнему бойко и безопасно. Съ него все сходило, какъ съ гуся вода: выпьетъ водки и усноковтса. Я торопливо допилъ чай и пошелъ изъ комнаты.

— Вольдемаръ, Вольдемаръ! крикнула нѣмка. — Ви не поблагодарилъ меня за шай.

Я на ходу шаркнулъ ногой и пробормоталъ:

— Благодарю!

— Фуй, какі невѣща! покачала она презрительно головой.

Я между тѣмъ бѣжалъ въ переднюю къ деньщику. Его мелькомъ сказанная фраза запала мнѣ въ умъ и требовала объясненій.

— Федотовъ, скажи мнѣ пожалуйста, на чьѣ это деньги Бубовъ будетъ мнѣ сапоги покупать? спросилъ я.

— Извѣстно, на ваши! отвѣтилъ Федотовъ.

— У меня мало денегъ.

— Въ карманѣ нѣтъ, а у Григорія Даниловича онѣ лежатъ, отвѣтилъ деньщикъ. — Имѣніе-то маменькино вамъ и Михайлу Григорьевичу принадлежитъ. Баринъ то только укуномъ приравленъ...

— И много у меня денегъ?

— На вашъ вѣкъ хватить. Люди говорятъ, что лѣсъ продали, такъ одной липы было тамъ на двадцать десятиць...

— Аа! изумился я, не сознавая вполне ясно, что такое десятина, и сколько можетъ стоить эта липовая роща.

Я далъ Федотову на водку за эту новость. Я торжествовалъ, мое сердце било тревогу. Я началъ рыться въ бѣльѣ, выбросилъ все плохое, написалъ цѣлый списокъ того, что мнѣ нужно, и за завтракомъ явился въ столовую прямо къ Бубнову. У него былъ въ гостяхъ Гейгъ, приходившій къ намъ почти ежедневно завтракать или ужинать. Бубновъ, кажется, изумился, что я иду не на свое мѣсто, а обхожу столъ, чтобы подойти къ нему.

— Вотъ я написалъ, что мнѣ нужно, сказалъ я, положивъ на столъ списокъ.

— Хорошо, небрежно отвѣтилъ отчимъ, отодвинувъ въ сторону бумажку.

— Мнѣ еще надо нѣмецкаго учителя, бойко проговорилъ я.

— Что? взглянулъ на меня съ удивленіемъ Бубновъ.

— Я по нѣмецки началъ забывать въ гимназiи, такъ мнѣ приготовиться хочется, объяснялъ я все тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

— Приготовишься и въ гимназiи. Не къ спѣху, отвѣтилъ мой отчимъ и обратился лицомъ къ Гейгу.

Но я не смутился.

— Вѣдь Миша учится же говорить по нѣмецки, а ему еще менѣе къ спѣху ученью, сказалъ я.

— Ну и ты практикуйся у мадамъ Шварцъ, попроси, чтобъ она говорила съ тобой по нѣмецки, посоветовалъ Григорій Даниловичъ, не обращая ко мнѣ лица.

— Зачѣмъ мнѣ просить ее. Я хочу у учителя учиться, отвѣтилъ я.

— Страсть къ ученью пробудилась, замѣтилъ Гейгъ.

— Впрочемъ, совершенно непонятная и, кажется, вызванная настойчивостью, процѣдилъ сквозь зубы мой отчимъ.

— Это иногда хорошо. Соревнованіе, знаете. Хочетъ переиграть другого, глубокомысленно разсуждалъ Гейгъ.—Видитъ, что братъ начинаетъ лепетать по нѣмецки, ну и самому хочется.

— Да, хочется, покуда это кажется легко. Я увѣренъ, что на второй же урокъ это рвеніе охладѣетъ.

— Но вы попробуете?

— Конечно, отчего же не попробовать, проговорилъ Бубновъ, побрякивая вилкой по тарелкѣ. Брячанье вилкой и покусыванье усовъ ясно говорили, что мой отчимъ не въ духѣ.

— Возьмите нашего учителя. Онъ нѣмецъ добрый, посоветовалъ Гейгъ, котораго домъ представлялъ какой-то разсадникъ нѣмцевъ и нѣмокъ, ищущихъ мѣстъ. — Это, знаете, дѣло великое—соревнованіе. Вотъ и я взялъ для математики дворникова сынишку, а то мои все учатъ, а какъ до математики дойдетъ дѣло—ну и пась! Теперь стало лучше, какъ Ванька при нихъ учится; стыдятся, что мужикъ можетъ перегнать ихъ.

Бубновъ перемѣнилъ разговоръ, прибѣгнувъ къ вопросу о ревматизмѣ Гейга. Когда онъ вышелъ съ Гейгомъ послѣ завтрака изъ столовой, я всталъ изъ-за стола, чтобы идти въ свой мезонинъ. Я нарочно пошелъ около госпожи Шварцъ и, поровнявшись съ нею, гордо взглянулъ на нее: она ждала моей благодарности, но я улыбнулся и направился къ дверямъ.

— Вольдемаръ, крикнула она строгимъ тономъ.—Ви опять забилъ?

— Что? спросилъ я.

— Поблагодарить менѣ.

— За что?

— За фрюштикъ.

— Да развѣ онъ вашъ?

— Но я распоряжайся...

— За это вамъ деньги платять.

— О, это не ви платиль!

— Нѣтъ я, деньги мои и Мишины. Я еще могу выругать васъ, что вы худо смотрите за всѣмъ, какъ вонъ Бубновъ Федотова ругаетъ.

Я очень нагло смотрѣлъ на пернавскую нѣмку. Она покраснѣла еще болѣе отъ злобы.

— О, я бутеть жаловаться, заговорила она чуть не со слезами.

— Ну да вѣдь и у меня языкъ есть!

Повернувшись на каблучкахъ, я ушелъ изъ комнаты. Миѣ было весело, во миѣ вдругъ проснулась та смѣлость, которой

я такъ долго искалъ въ своей душѣ. Не знаю, жаловалась ли пернавская нѣмка на меня или нѣтъ, но Бубновъ не сдѣлалъ мнѣ никакого замѣчанія.

На третій день послѣ моего смѣлаго объясненія съ отчимомъ, ко мнѣ явился незнакомый господинъ, объявившій, что онъ Феодоръ Феодоровичъ Дилицъ, учитель нѣмецкаго языка. Я очень обрадовался ему. Мнѣ хотѣлось не усовершенствовать свои познанія, но просто имѣть подъ рукой хоть какое нибудь живое существо. По виду учитель былъ не изъ храбрыхъ: бл-локурый, голубоглазый, плохо одѣтый, неловкій, онъ былъ серьезень, но не суровъ. Это былъ какой-то буршъ, можетъ быть не всегда кроткій въ классѣ, часто выходившій изъ терпѣнія, по просту дравшій за уши лѣнивыхъ учениковъ, но дѣлавшій все это потому, что онъ слишкомъ любилъ в свою Германію, и свой языкъ. Онъ пламенно желалъ сдѣлать изъ мзленькихъ варваровъ цивилизованныхъ людей. Ко мнѣ онъ почувствовалъ симпатію съ перваго же урока. Вѣроятно причиной этой симпатіи было мое желаніе усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ. Дилицъ не могъ знать, изъ какого мутнаго источника вытекло это желаніе. Если прибавить, что вообще на дому учителя становятся мягче въ обращеніи съ учениками вслѣдствіи нѣкоторой боязни употреблять крутыя мѣры и отчасти вслѣдствіе меньшаго числа причинъ къ раздраженію, то каждый пойметъ, что мнѣ было очень легко учиться у Дилица. Кромѣ грамматики, диктовки и переводовъ, онъ занимался со мною чтеніемъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и «Донъ Карлоса», переводя и объясняя мнѣ темныя для меня мѣста. Какъ увлекли меня рѣчи Карла Мора, какъ страстно полюбилъ я маркиза Позу! Опять мнѣ вспоминается юноша, повторяющій въ пустой комнатѣ монологи этихъ людей, примѣняя ихъ рѣчи къ своему положенію. Иногда ему кажется, что онъ стоитъ въ положеніи Карла Мора, окруженный интригами, лишенный любви матери, можетъ быть ограбленный отчимомъ. Отчимъ кажется ему мстительнымъ и коварнымъ Францемъ Моромъ. Порой юноша твердитъ взволнованнымъ голосомъ вслѣдъ за донъ Карлосомъ:

Sprich mir von allen Schrecken des Gewissens,
Von meinem Vater sprich mir nicht

.
 Ich hasse meinen Vater nicht—Doch Schauer
 Und Missethätters-Bangigkeit ergreifen
 Bei diesem fürchterlichen Namen mich.
 Kann ich dafür, wenn eine knechtische
 Erziehung schon in meinem jungen Herzen
 Der Liebe zarten Keim zertrat...

Онъ видитъ, что у него въ домѣ смотрѣли на наказаніе любимаго имъ деньщика, на страданія его няни такъ же, какъ смотрѣли въ Испаніи какія нибудь маркизы Мондекаръ на сожженіе людей. Ему кажется, что семья его отчима, если бы ее спросили, какъ можетъ она холодно смотрѣть на эти муки, также отвѣтила бы:

Es sind ja Ketzler, die man brennen sieht!

Страстная, полная горечи исповѣдь донъ Карлоса передъ маркизомъ Позой; полные мужественной твердости и мужественной смѣлости разговоры маркиза съ королемъ; глубокая любовь къ угнетенному народу, все это воспламеняло и облагораживало душу юноши. Если теперь я благодарю кого нибудь, то именно Дилла за то, что онъ во время далъ мнѣ въ руки эти великія, пламенные произведенія. Попадись мнѣ въ то время Гейне, и моя мысль приняла бы, можетъ быть, другое направленіе, можетъ быть, я не понялъ бы глубины этого поэта, увидалъ бы только его шутливую сторону, уловилъ бы, подобно многимъ недальновиднымъ юношамъ, его кажущееся легкимъ отношеніе къ жизни и не остановился бы передъ разными тяжелыми вопросами человечества съ тою серьезностью и страстностью, къ которой приучили меня произведенія Шиллера, сдѣлавшіяся надолго моими любимыми друзьями.

Незамѣтно для самого себя я дѣлался мягче и вѣжливѣе подъ вліяніемъ чистыхъ и благородныхъ произведеній великаго поэта. Мало-по-малу я пересталъ такъ равнодушно относиться къ своему маленькому брату, какъ относился къ нему въ началѣ лѣта; мнѣ снова вспомнились мои дѣтскія клятвы любить этого ребенка и быть его защитникомъ. Я нерѣдко проводилъ цѣлые часы въ играхъ съ этимъ мальчикомъ, и онъ, обыкновенно капризный въ сношеніяхъ съ пернавскою вѣжкой и остальной прислугой, дѣлался

и послушнымъ, и милымъ малюткой, играя со мною. Недалеко ушедшій отъ дѣтскаго возраста, я конечно умѣлъ занять его лучше всѣхъ этихъ наемныхъ, утомленныхъ и озлобленныхъ людей. Но, почувствовавъ снова любовь къ Мишѣ, я все-таки не могъ полюбить его отца или даже просто перестать ненавидѣть его. Явленіе Бубнова въ комнату сразу пробуждало во мнѣ гадкое и мелочное чувство затаенной ненависти; я спѣшилъ уйти отъ брата, несмотря на его слезы и просьбы поиграть съ нимъ еще. Это не ускользнуло отъ вниманія Григорія Даниловича и, можетъ быть, его испугала мысль, что я возненавижу ради него его сына. Однажды ему удалось застать насъ въ полномъ разгарѣ игры: мы съ братомъ въ потѣ лица возводили на полу большую крѣпость изъ картъ. Завидѣвъ отчима, я направился къ дворянъ.

— Играйте, играйте, я не мѣшаю, промолвилъ Бубновъ. — Куда же ты бѣжишь? обратился онъ ко мнѣ.

— Въ свою комнату, отвѣтилъ я.

— Ты очень странно ведешь себя, Владиміръ, замѣтилъ отчимъ. — Ты бѣгаешь при мнѣ отъ Миши, какъ отъ пугала. Развѣ я тебѣ запрещаю играть съ нимъ?

Я остановился и обернулся поблѣднѣвшимъ лицомъ къ Бубнову.

— Да, вы запрещали, отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ.

Бубновъ нахмурилъ брови.

— Ты не дитя и долженъ понять, что если прежде я боялся довѣрить тебѣ Мишу, какъ ребенку, то теперь я могу не бояться, что ты ушибешь его или раздразишь, сказалъ онъ сдержаннымъ тономъ.

Я молча смотрѣлъ на него.

— Вы должны быть дружны, продолжалъ онъ. — Ты, — какъ старшій братъ, можетъ быть, когда нибудь даже будешь въ состояніи помочь Мишѣ и потому мнѣ пріятно, если ты будешь его любить.

Бубновъ подошелъ ко мнѣ, чтобы потрепать меня по плечу; но я такъ привыкъ къ побоямъ со стороны отчима, его первая ласка была такъ необычайна, что я невольно быстро отступилъ на шагъ отъ него, и его рука проскользнула въ воз-

духъ, не коснувшись моего плеча. Бубновъ стиснулъ зубы отъ досады на неудачную попытку впервые приласкать меня и, повернувшись, шумно вышелъ изъ комнаты. Мой отчимъ ясно увидалъ, что моя ненависть къ нему гораздо сильнѣе, гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и это обезпокоило его не на шутку. Онъ никакъ не думалъ, что юноша могъ помнить вѣщеніе многихъ лѣтъ, что его ругали и сѣкли въ дѣтствѣ. «Мало ли кого ругаютъ и сѣкутъ въ дѣтствѣ, а кто вспоминаетъ объ этомъ со злобой? Это такое обыденное и ничтожное явленіе!» могъ разсуждать мой отчимъ, и вдругъ ему встрѣтился человѣкъ, смотрѣвшій иначе на это дѣло. Какъ же было не удивляться, не волноваться? Въ послѣднее время Бубновъ былъ болѣе оживленъ, чѣмъ когда нибудь, надеждами достигнуть своей цѣли—значительнаго состоянія. Отчасти онъ уже успѣлъ присвоить при жизни моей матери часть моего имѣнія; теперь онъ могъ многое украсть у меня, играя роль опекуна; но всего этого было еще недостаточно, и Бубновъ строилъ планы сдѣлать меня ручнымъ и воспользоваться при моей помощи расположеніемъ и пуществомъ одной личности, о которой я не имѣлъ никакого понятія. Чѣмъ яснѣе становились для самого Бубнова его расчеты, тѣмъ настойчивѣе онъ старался превратиться въ моего добродушнаго родственника. Первая неудавшаяся попытка приласкать меня убѣдила его, что нужно прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ для примиренія.

Въ этотъ же день вечеромъ я лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ и читалъ книгу, когда моя дверь отворилась, и въ нее неожиданно вошелъ Григорій Даниловичъ. Это былъ его первый визитъ ко мнѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкъ, что наши свиданія на единѣ всегда ознаменовывались драньемъ за уши, бранью, щелчками, и потому немудрено, что я совершенно инстинктивно вскочилъ съ дивана и хотѣлъ отбѣжать къ окну, чтобы стать въ оборонительное положеніе.

Во мнѣ была полная готовность бороться съ отчимою, во что бы то ни стало, бороться всѣми способами, хотя бы при помощи физической силы.

Мое движеніе не ускользнуло отъ вниманія моего отчима.

— Лежи, лежи, Володя! довольно ласково и мягко проговорилъ онъ, назвавъ меня впервые этимъ именемъ.—Читаль?

— Да, отвѣтилъ я, не трогаясь съ мѣста

— Я зашелъ къ тебѣ сказать, что ты на дняхъ поѣдешь въ Петербургъ.

— На дняхъ! съ невольной радостью воскликнулъ я, и въ моей юной головѣ даже мелькнула мысль, что Бубновъ понялъ, какъ тяжело мнѣ жить у него, и потому ускоряетъ мой отъѣздъ.

Бубновъ кивнулъ въ отвѣтъ головою и придвинулъ ногой стулъ къ дивану. Онъ сѣлъ. Я продолжалъ стоять и слѣдить за нимъ пристальнымъ взглядомъ. Мой отчимъ былъ какъ-то особенно сдержанъ.

— Мнѣ странно, Володя, твое поведеніе, началъ онъ настоятельнымъ тономъ,—ты сторонись отъ меня, какъ отъ чужого, какъ отъ врага, и не хочешь понять, что я забочусь о тебѣ. Мы связаны и родственными связями, и общими интересами и должны быть друзьями, должны любить другъ друга. Тебя страшно вооружили противъ меня. Твой дядя, людишки, всё наговаривали тебѣ на меня, какъ на какого-то тирана. Правда, я горячъ, я строгъ, но я не желалъ никогда тебѣ зла, не желалъ быть несправедливымъ съ тобою. Если со мной люди не умѣютъ жить, такъ въ этомъ не моя вина. Вѣдь вонъ и съ капитаномъ не всякій можетъ ужиться. Со мной пужно умѣть ладить, промолчать во время, подождать, когда я успокоюсь. Ты самъ былъ виноватъ, выводя меня изъ терпѣнія. Ты былъ избалованъ, на мнѣ лежала обязанность исправить тебя. Я зналъ по опыту, что плетью обуха не перешибешь, что для жизни нужна извѣстная выдержка, которой не было у тебя. Неужели ты думаешь, что мнѣ самому не приходится покоряться и людямъ, и обстоятельствамъ? Я уже немолодъ и это мнѣ тяжело, — однако же стараюсь переломить себя, стараюсь достигнуть своей цѣли. Я тебя всегда любилъ, какъ сына...

Во все время этой вкрадчивой рѣчи, напоминавшей тѣ рѣчи, которыхъ заслушивалась когда-то моя мать, я молчалъ. Въ моей душѣ была страшная тревога, мнѣ хотѣлось крикнуть отчиму, этому Францу Морю, прикинувшемуся моимъ другомъ, что онъ лжетъ. Услышавъ его послѣднюю фразу, я не выдержалъ.

— Значитъ вы не любите Мишу, перебилъ я его, взглянувъ прямо ему въ глаза.

Онъ не сразу понялъ меня.

— Какъ не люблю? спросилъ онъ.—Я его люблю.

— Что же вы его не бьете?

Бубновъ хотѣлъ что-то сказать, но я не далъ ему времени опомниться.

— Что же вы его не выталкиваете изъ дому? Что же вы его не засаживаете на чердакъ? Что же вы его не называете негодеємъ? страстнымъ голосомъ продолжалъ я обличать отчима.

Я былъ взволнованъ и блѣденъ, на моихъ глазахъ сверкали слезы. Григорій Даниловичъ смотрѣлъ на меня изумленными глазами. Я, вытянувшись во весь ростъ, положивъ руку на спинку стула, стоялъ передъ нимъ со всею отвагою рѣшившейся на бой и оскорбленной до глубины души юности.

— Ну, Володя, это все старое, давно прошедшее, проговорилъ онъ, дѣлая страшное усиліе надъ собой, чтобы не раскричаться. Его голосъ былъ ровенъ, лицо спокойно, и только предательскія жилы натянулись и бились на лбу. — Ты самъ былъ виноватъ...

— Нѣтъ, Григорій Даниловичъ, это было недавно, и не я былъ виноватъ, страстно заговорилъ я, рѣшившись излить все, что накопилось въ душѣ.—Вы притѣсняли меня, вы ненавидѣли меня, вы обѣщались убить меня и ужь вѣрно не исправили бы меня этимъ. Изъ-за васъ меня разлюбила мать, изъ-за васъ она выбросила меня изъ родного дома. А если бы вы знали, какъ я любилъ ее! Еслибъ Мишѣ пришлось испытать хоть долю того, что вынесъ я, то онъ былъ бы очень, очень несчастливъ и проклиналъ бы тѣхъ, кто былъ виною этихъ несчастій! Я не могъ вамъ сдѣлать зла, но вы считали меня врагомъ, а я былъ маленькимъ, слабымъ ребенкомъ!

Я, тихо, неутѣшно рыдая, закрылъ руками глаза. Григорій Даниловичъ давно уже всталъ и шагаль по комнатѣ. Его шаги рѣзко нарушали наступившую тишину. Богъ знаетъ, что происходило въ его душѣ, но онъ не кричалъ, не топалъ на меня ногами, не протягивалъ руки для нанесенія мнѣ побоевъ. Прошло минутъ десять. Шаги отчима зазвучали тише.

— Ну, полно, не плачь! проговорилъ Бубновъ, останавливаясь передо мной.—Мы оба виноваты. Старого нечего вспоминать!

Бубновъ еще прошелся по комнатѣ. Теперь вполне понимаю я, какъ тяжело было ему съ непривычки щеголять передо мною въ новой роли заботливаго и нѣжнаго родственника. Его лицо было зелено, глаза налились кровью, а голосъ звучалъ кроткими и мягкими нотами. Да, у этого человѣка была громадная сила воли. И какъ подумаешь, на что она ушла, то невольно становится и горько, и смѣшно, что люди попусту тратятъ подобные силы, не принося добра ни себѣ, ни другимъ и дѣлая только безцѣльное зло.

— Дядя, дядя тебя приучилъ видѣть всюду драмы да злодѣевъ! У тебя его характеръ. Воображеніе твое испортили, продолжалъ онъ.—Я впрочемъ радъ, что мы дошли до объясненій. Ты видишь, что я отнесся къ тебѣ, какъ къ взрослому, хотя я имѣлъ возможность и полное право, если бы захотѣлъ, обращаться съ тобой иначе. Я непривыкъ выслушивать подобныхъ выходокъ, я привыкъ расплачиваться за нихъ, какъ слѣдуетъ...

— Отчего же вы не попробуете? смѣло перебилъ я его, снова поднимая голову и рискуя вызвать бурю.

Онъ пропустилъ мимо ушей эту фразу, только его шаги опять зазвучали громче. Черезъ минуту онъ шагаль снова такъ же тихо, какъ и прежде.

— Совѣтую тебѣ отбросить всѣ дядюшкины поученія и стоять поближе ко мнѣ, продолжалъ онъ ласково.—Я тебѣ пригожусь. Можетъ быть, горячо любить меня ты не будешь, а благодарность ко мнѣ современемъ почувствуешь даже за то, что я былъ строгъ съ тобою.

— Не будете притѣснять, не будемъ и ссориться, отвѣтилъ я, не вполне понимая, что сдѣлалось съ Бубновымъ.

Довольно дружно пробесѣдовали мы еще съ часъ и потомъ сѣшли внизъ и усѣлись всѣ за чай. Пернавская нѣмка удивлялась, что Бубновъ такъ ласковъ со мною. Не ускользнула эта переѣтна даже отъ недалековиднаго Гейга и Марфы Трофимовны, ужинавшихъ у насъ на слѣдующій день. Среди разговоровъ

пернавская нѣмка замѣтила мнѣ что-то по русски. Она всегда говорила со мной на этомъ языкѣ.

— Вы бы по нѣмецки говорили, такъ васъ хоть за благородную считали бы, замѣтилъ я,—а то когда вы говорите по русски, такъ васъ за сапожницу принять могутъ.

— Ви невѣша, ви невѣша! раскраснѣлась она отъ негодованія и приложила платокъ къ глазамъ.

— Ого, молодой человекъ острить начинаетъ! засмѣялся генеральскимъ смѣхомъ Гейгъ.

— Да, онъ находчивъ, отвѣтилъ Бубновъ,—я это замѣтилъ въ послѣднее время.

— *Il est impertinent!* вставило свою замѣтку пятое колесо.

Они, можетъ быть, всё были правы: я былъ дѣйствительно и остеръ, и находчивъ, даже иногда наглъ въ обращеніи съ подобными личностями, какъ пернавская нѣмка. Притѣсненія, испытанныя въ дѣтствѣ, жизнь среди взрослыхъ, постоянное чтеніе книгъ развили меня не по дѣтамъ, и я уже принадлежалъ къ числу тѣхъ юношей, отъ которыхъ ожидаютъ чудесъ въ будущемъ. Какъ рѣдко оправдываются эти надежды, на какія мелочи уходятъ эти юныя силы! Прощаясь съ бубновскимъ домомъ, я чувствовалъ, что я выхожу изъ него уже не тѣмъ мальчикомъ, какимъ четыре мѣсяца тому назадъ я боязливо вошелъ въ него. До этого времени я игралъ скорѣе пассивную, чѣмъ активную роль. Теперь у меня была уже и цѣль въ жизни—пріобрѣтеніе друзей, готовыхъ воевать съ общими врагами и любящихъ одни и тѣ-же предметы; у меня было и новое стремленіе—стремленіе къ свободѣ и независимости, родившееся подъ гнетомъ впервые сознанный обидной зависимости и постыднаго рабства. Я испыталъ свою способность бороться и увидалъ, что я не смущаюсь передъ врагомъ, что, напротивъ того, я дѣлаюсь крѣпче, находчивѣе, умнѣе въ минуты борьбы; въ моей душѣ, дремавшей до сихъ поръ, пробудилась страстность, способность къ глубокому чувству. Еще одна особенность моего характера проявилась въ это время,—это недѣтская сдержанность, виѣшняя холодность въ минуты страстнаго гнѣва и раздраженія. Этой особенности моего характера, зародившейся, можетъ быть, въ тѣ минуты, когда я и Бубновъ шепотомъ, ис-

подтишка угрожали другъ другу при жизни матери, было суждено развиться до поразительныхъ размѣровъ. Я помню надменную, непокорную женщину, которая не боялась никакихъ бурныхъ сценъ, никакой борьбы, и которая падала духомъ, дрожала и блѣднѣла, когда ей слышался этотъ холодный, ледяной тонъ...

Наканунѣ выѣзда изъ бубновскаго жилища я долго ходилъ по своей комнатѣ, вспоминая прошлое. Мнѣ грезилась моя мать, замученная, охладѣвшая ко мнѣ и къ дядѣ, какъ охладѣла она ко всему на свѣтѣ и прежде всего къ своей собственной жизни, молящаяся во искупленіе какого-то грѣха, лежащаго на ея сердцѣ. Съ недѣтской скорбью плакалъ я объ этой погибшей мученицѣ и просилъ прощенья у ея тѣни, если я когда нибудь невольюно влилъ и свою долю яда въ ту чашу, которую ей пришлось испить каплю по каплѣ до самаго дна. Ни одного упрека, ни одной жалобы на нее не шевельнулось теперь въ моей душѣ и только безпредѣльная, святая любовь сына наполняла мое сердце. Мало-по-малу изъ-за этого призрака выступили передо мною другіе образы пэмученныхъ людей; мнѣ вспомнилась Настя, поруганная, убитая горемъ, вытолкнутая куда-то съ разбитымъ сердцемъ. За ней выдвинулась тѣнь блѣднаго, забитаго деньщика... Инстинктивно, со свѣчей въ рукѣ я поднялся на чердакъ, на мѣсто своихъ дѣтскихъ страданій. Тамъ все хранило прежній видъ, только бычечки оборвались подъ потолкомъ, только пыли было больше на хламѣ въ углу, только вѣтеръ сильнѣе свисталъ въ окончательно разбитыя стекла полукруглаго окна. А вотъ и надпись, нестертая временемъ и людьми, на стѣнѣ чудана: «мая навекъ!» Какъ сладко мечталъ Василій у себя въ каморкѣ объ этихъ словахъ, какъ заботливо выводилъ онъ ихъ на стѣнѣ! Это тѣ золотыя буквы, которыми записывались великія истинны. Гдѣ онъ? Засѣкли ли его или сохранили его жизнь для каторги, довели до пьянства, до новыхъ преступленій? Слава Богу, если засѣкли! Хорошо, что не сталъ онъ, подобно Федотову, тѣмъ грязнымъ, сонливымъ, вѣчно полупьянымъ ворешкой-деньщикомъ, которому ежедневно расколачиваютъ зубъ за зубомъ, пока не выбьютъ послѣдняго, за воровство, за лѣнь, за пьянство, а онъ и воруетъ,

и лѣнится, и пѣть и нагло оправдывается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Нечесанный, въ оборванномъ сюртучишкѣ, съ неумытымъ лицомъ, съ краснымъ носомъ, съ своимъ собственнымъ запахомъ, вызывающій отвращеніе господъ, сталъ бы и Василій развратничать съ каждой судомойкой, съ каждою падшей женщиной, сидящей въ кабакѣ, съ каждою молоденькою дѣвочкою-нищей. И все-таки въ концѣ концовъ умеръ бы онъ гдѣ нибудь подъ заборомъ или прошелъ бы сквозь строй и угодилъ бы въ арестантскія роты. Добромъ онъ не кончилъ бы.

Въ тяжелыхъ думахъ, вспоминая о прошломъ и стараясь приподнять завѣсу будущаго, стараясь угадать, будетъ ли оно такъ же темно и безрадостно, какъ мое бывшее, стоялъ я у окна. Кругомъ все было тихо и неподвижно, только вѣтеръ шумѣлъ въ саду и, врываясь въ разбитое окно, шевелилъ мои волосы и освѣжалъ мое лицо. Но вотъ одинъ изъ его порывовъ загасилъ поставленный на полъ огарокъ свѣчи, и я очутился снова въ томъ же мракѣ, который окружалъ меня во время моего заключенія въ чуланѣ. Мнѣ стало не по себѣ, я вспомнилъ, что въ этой тьмѣ, въ этомъ мѣстѣ мнѣ слышался плачь убитаго мною брата. Я не шевелился съ мѣста, по мнѣ пробѣгала дрожь, и вдругъ, среди этой тишины, за стѣною раздался знакомый мнѣ крикъ, похожій на дѣтскій вопль; я стремительно, въ ужасѣ выбѣжалъ изъ чулана: по земляному полу чердака послышались давно слышанные мною легкіе шаги. Я, какъ окаменѣлый, остановился на порогѣ и смотрѣлъ во мракъ испуганными глазами: въ углу чердака сверкали во тьмѣ четыре яркіе огненные глаза и раздавалось чье-то шипѣнье. Я сталъ всматриваться: въ углу сидѣли двѣ кошки... Такъ вотъ чьи крики, чья бѣготня стояли мнѣ столькихъ мукъ! Такъ вотъ какое ничтожное созданье было причиной моего суевѣрнаго дѣтскаго страха. Въ эту минуту я отдѣлался отъ послѣдняго кошмара дѣтства, отдѣлался навсегда и отъ самаго дѣтства: оно прошло безвозвратно.

XIII.

Старчество и юность.

Мы пріѣхали въ Петербургъ, остановились въ гостиницѣ и потомъ отправились въ гимназію. Бубновъ вмѣстѣ со мною прошелъ къ директору. Здѣсь въ залѣ насъ встрѣтили самъ Германъ и инспекторъ Соловьевъ. Бубновъ довольно развязно и немного свысока поздоровался съ ними. Меня удивило, что директоръ держалъ себя съ Бубновымъ особенно любезно и не съ тою оффиціальною важностью, какъ съ прочими посѣтителями. Я не зналъ, что онъ уже получилъ письма отъ тѣхъ лицъ, которыя хлопотали за меня.

— Я попрошу васъ, господинъ директоръ, обратить на моего сына особенное вниманіе, сказалъ Бубновъ, дружески положивъ руку на мое плечо.—Это юноша съ способностями и быстрымъ соображеніемъ.

— Вы знаете именно, что мы на всѣхъ вниманіе обращаемъ, а тѣмъ болѣе именно, началъ директоръ.

Но Бубновъ безцеремонно перебилъ его.

— Ну, мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ, но на счетъ его я долженъ откровенно высказать вамъ, что онъ засидѣлся въ классѣ по невнимательности учителей. Я прямо утверждаю, что лѣность учениковъ—это небрежность учителей.

— Не наши учителя именно...

— Я вѣрю, что они прекрасные люди, сухо продолжалъ Бубновъ,—но я все-таки знаю, что они не всегда принимаютъ должныя мѣры для исправленія учениковъ. Поставятъ ученику дурной баллъ—и конецъ весь; тогда какъ тутъ нужна внимательность, нужно поставить худой баллъ, да приказать ученику завтра же отвѣтить невыученный сегодня урокъ; завтра не знаетъ—пусть послѣ завтра спросятъ. А то вѣдь учителя иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не спрашиваютъ много ученика и не знаютъ не только того, приготовилъ ли онъ уроки, но даже понимаетъ ли онъ ихъ. Я и учился-съ не очень давно и присматривался потомъ къ дѣлу обученія, а потому знаю-съ и что,

и какъ, и почему дѣлается такъ или иначе въ этомъ мѣрѣ. Я не желаю платить частныхъ суммъ учителямъ...

Инспекторъ, маленький, юркій человѣчекъ, заправлявшій всѣми дѣлами гимназій, не выдержавъ этого намека и быстро выдвинулся впередъ.

— Позвольте, горячо и отчасти грозно вступился онъ за учителей, — я не могу допустить оскорбленія учителямъ. Они...

Бубновъ холодно и пристально взглянулъ сверху внизъ на Соловьева и, не отвѣчая ему, обратился къ директору.

— Они, началъ Бубновъ, — даютъ *частные* уроки. — Бубновъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ: частные и началъ отчеканивать свои фразы. — Я это знаю *наизусть*. Вы, конечно, тоже не станете этого отрицать и не будете спорить со мною. Но такъ какъ мнѣ сдѣлали выговоръ, иронически продолжалъ мой отчимъ, — то я долженъ оправдаться и замѣтить, что, вромѣ *частныхъ* уроковъ, дающихъ возможность плохимъ ученикамъ переходить изъ класса въ классъ, есть еще множество другихъ льготъ, не знаю, чѣмъ вызванныхъ. Какъ фамилія того ученика, который остался у васъ на третій годъ въ классѣ? обратился мой отчимъ ко мнѣ.

— Сивкова откупщика сынъ остался, да баронъ Розенъ, отвѣтилъ я.

— Да, да, Сивковъ и Розенъ, повторилъ Бубновъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ слышалъ прежде объ этихъ ученикахъ отъ меня. — Они на третій годъ остались.

— Они-съ представили свидѣтельства о болѣзни, снова высунулся впередъ инспекторъ.

— А! свидѣтельства о болѣзни! протяжно повторилъ Бубновъ. — Это дѣло было бы интересно изслѣдовать. Я поговорю объ нихъ у попечителя.

Бубновъ сухо поклонился директору и едва кивнулъ головою инспектору.

— Пиши, пожалуйста, мнѣ обо всемъ откровенно, какъ пойдутъ теперь твои дѣла, очень громко говорилъ мнѣ мой отчимъ, проходя со мною по залу. — И ты напрасно скрывалъ свои неудачи.

— Позвольте васъ попросить остаться на минуту, послы-

шался сзади насъ вкрадчивый и любезный голосъ инспектора.

Бубновъ обернулся.

— Вы именно немного погорячились, подошелъ Германъ къ Григорію Даниловичу.

— Вы это совершенно напрасно, мягко вставилъ свое замѣчаніе Соловьевъ. — Тѣ письма, которыя мы получили насчетъ вашего сына отъ попечителя и князя Сиверскаго, такъ рекомендуютъ мальчика, что не обратить на него вниманія было бы невозможно.

— Да, но вѣдь вы сами говорили, что особеннаго вниманія здѣсь ни на кого не обращаютъ, и потому я могу предположить, что мой сынъ снова засядетъ на три года въ классъ, сухо произнесъ Бубновъ.

Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ невозмутимомъ величіи.

Инспектора всего передернуло, и его лицо какъ-то тупо осклабилось улыбкой. Директоръ потерялъ послѣдніе слѣды своей официальной важности и вполнѣ походилъ на того добраго и слабого старичишку, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Снявъ очки, онъ протиралъ ихъ стекла и видимо не зналъ, что дѣлать и что говорить. Въ этихъ случаяхъ онъ обыкновенно предоставлялъ все на волю Божію или, лучше сказать, на волю юркаго и опытнаго въ практическихъ дѣлахъ инспектора.

— Вы меня извините, я долженъ торопиться, продолжалъ Бубновъ, взглянувъ на часы. — Мы условились съ Сиверскимъ и попечителемъ встрѣтиться ровно въ часъ.

Началось пожатіе рукъ.

— Я надѣюсь, что вы не сердитесь? промолвилъ инспекторъ.

— Нисколько, хотя я и не люблю обходами и намеками договариваться до того, что можно высказать коротко и ясно въ двухъ словахъ. Я самъ-съ служу и знаю, какъ и что дѣлается у насъ, многозначительно замѣтилъ Бубновъ.

Онъ взялъ меня подъ руку и вышелъ со мною, провожаемый директоромъ и инспекторомъ до лѣстницы. Меня изумляли и надменный, развязный тонъ Григорія Даниловича въ обращеніи съ моими начальниками, и небрежное напоминаніе о назначенномъ свиданіи съ важными особами, и его дружеское обращеніе со мною. Онъ хотѣлъ показать моимъ начальникамъ, что

онъ насквозь видитъ ихъ поведеніе, что онъ имѣеть возможность по пріятельски шепнуть кому слѣдуетъ объ ихъ грѣшкахъ, что наконецъ я стою съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и могу при случаѣ сообщать все, что дѣлается въ закулисномъ мірѣ училища. Съ собственнымъ ему умѣньемъ онъ высказалъ все это такъ, что не оставалось никакихъ недоразумѣній ни о его значеніи, ни о моей будущей роли гимназическаго шпиона, самой выгодной изъ всѣхъ ролей въ мірѣ. Черезъ полчаса мы были у генерала Гейга, брата знакомаго читателю адмирала. Генераль Гейгъ выдалъ меня нѣсколько разъ прежде и принялъ, какъ знакомаго. У него сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей, собравшихся къ нему по случаю дня рожденія его жены. Между гостями были и адмиралъ Гейгъ, и попечитель и князь Сиверскій. Ради свиданія съ послѣдними Бубновъ и ускорилъ нашу поѣздку въ Петербургъ. А я, въ дѣтской наивности, сначала думалъ, что онъ сдѣлалъ это изъ сожалѣнія къ моему одинокому положенію въ его домѣ! О, вѣчные обманы дѣтской наивности!

Попечитель и князь Сиверскій спросили Григорія Даниловича о результатахъ его хлопотъ. Григорій Даниловичъ щеголялъ теперь уже не своею холодной важностью, а любезной и живой предупредительностью. Поговоривъ съ нимъ, особы удостоили меня своего высокаго вниманія. Старый князь Сиверскій добродушно похлопалъ меня по щекѣ; а попечитель, нахмутивъ брови, сказалъ:

— Учись хорошенько, справляться буду. Березовой каши на васъ жалѣють!

Эти фразы произнеслись какъ-то отрывисто, по-солдатки. Послѣ этого привѣтствія меня отравили на половину юныхъ сыновей хозяина, гдѣ я встрѣтилъ и моихъ старыхъ знакомыхъ херувимовъ, воровавшихъ въ былые годы и мои конфеты, и мои картинки. Теперь имъ было уже около семнадцати и восемнадцати лѣтъ, и они со смѣхомъ рассказывали о своихъ продѣлкахъ съ какими-то «Машками» и «Дашками».

Мнѣ было скучно между ними, я еще ничего не понималъ относительно прелестей «Дашекъ» и «Машекъ».

Послѣ завтрака Бубновъ пришелъ на половину молодыхъ

Гейговъ. Тутъ еще шли шумные разговоры юношей о грязныхъ походахъ.

— Что, господа, пируете? развязно улыбулся Григорій Даниловичъ, потрепавъ по плечу одного изъ сыновей адмирала.— Рады, что старички заболтались, да что гувернеровъ нѣтъ. Знаемъ-съ, и мы такъ поспали!

Онъ взялъ меня подъ руку и, пожавъ руку молодежи, вышелъ изъ комнаты. Мы сѣли въ коляску и поѣхали. Бубновъ былъ очень веселъ, онъ, кажется, выпилъ болѣе обыкновеннаго.

— Ну, что скажете, Владимиръ Михайловичъ, насмѣшливымъ тономъ обратился онъ ко мнѣ, разваливъ въ коляскѣ.—Такъ ли обдѣлываетъ свои дѣла вашъ любезный дядюшка, Петръ Акимовичъ Хлопко? Поступили ли бы вы снова въ гимназію при его содѣйствіи? Не будете ли вы теперь играть въ гимназіи важной роли? Не пріятно ли вамъ будетъ и хорошо учиться и видѣть, что на васъ обращаютъ особенное вниманіе? А кому вы этимъ обязаны, не своему ли врагу и злодѣю Григорію Даниловичу Бубнову?

— Благодарю васъ! сконфуженно проговорилъ я, не зная, что отвѣчать.

Бубновъ переѣнилъ тонъ и заговорилъ ласково.

— Теперь твоя будущность отъ тебя зависитъ, сказалъ онъ.— Я сдѣлалъ все, что возможно сдѣлать. Но помни, что въ жизни нельзя пробавляться одними сантиментами, какъ это дѣлаетъ капитанъ. Въ свѣтѣ нужно или кричать и приказывать, или слушать крики и приказанія. Все, чего бы ты ни вздумалъ достигнуть, достается съ бою, и кто раньше всталъ да палку взялъ, тотъ и капралъ, а остальные—пѣшки. У тебя есть характеръ, но тебя обабили, нервы тебѣ раздражили, въ обмороки падаешь. Это скверно. Тебѣ бороться придется, а ты въ обморокъ шлепнешься, ну враги и обдѣлаютъ дѣло, пока ты лежать будешь.

Я невольно улыбулся этому удачному примѣру.

— Ты вотъ меня врагомъ считаешь, а первый твой врагъ это дядя, продолжалъ Бубновъ.—Онъ обабилъ тебя; онъ укралъ у тебя два года изъ жизни, не обращая вниманія на твое ученье; онъ попусту становился между мной и тобой и мѣшалъ

тебѣ увидѣть мои хорошія стороны. Ты безъ него давно бы слушалъ моихъ совѣтовъ и моихъ наставленій, и какъ бы я ни горячился, ты сумѣлъ бы привязаться ко мнѣ. Ужиться со всѣми можно. Только нужно съ волками жить, такъ по волчьи и быть.

Я снова улыбнулся.

— А вы меня все браните, что я волченкомъ смотрю, отвѣтилъ я не безъ бойкости.

— Да вѣдь ты остроуміемъ отличаешься! засмѣялся Бубновъ. — Удачно, удачно остришь! Это пригодится. Ты, братъ, далеко пойдешь. Не забудь насъ, когда генераломъ будешь...

— Вы тогда ужъ министромъ будете, совсѣмъ весело отвѣтилъ я.

Бубновъ взглянулъ на меня немного изумленными глазами и задумался.

— Какъ время-то идетъ, пробормоталъ онъ какъ бы про себя. — Семнадцатый годъ пошелъ. Давно ли былъ ребенкомъ...

Онъ такъ удивлялся моему развитію и моей находчивости, какъ будто мы встрѣтились съ нимъ впервые послѣ долгой разлуки. Ему показалось даже, что я не совсѣмъ обыкновенный юноша, что я слишкомъ уменъ для своихъ лѣтъ, что можно надѣяться на мою блестящую будущность.

— Развивайся, развивайся, проговорилъ онъ. — Пройдетъ еще годика два, и тебѣ придется показать свои способности. Ты узнаешь, что у тебя есть средства сдѣлаться богачемъ и очастливить и себя, и Мишу. Только нужно будетъ осторожно и терпѣливо дѣйствовать, нужно сначала пріучиться съ людьми ладить. Дююшка, дяюшка убивалъ въ тебѣ эту необходимую способность!

Я совершенно не понималъ, о чемъ говорить мой отчимъ. Онъ же не считалъ нужнымъ и умѣстнымъ объяснить мнѣ заранѣе, какимъ путемъ и какія богатства придется пріобрѣсти мнѣ въ будущемъ. Ему хотѣлось сначала сдѣлать изъ меня практическаго человѣка и уже потомъ объяснить мнѣ, какія интриги, какія хитрости могутъ увеличить наше благосостояніе.

Возвратившись въ гостиницу мы пообедали и потомъ Бубновъ повезъ меня къ дядѣ. У крыльца квартиры дяди онъ про-

ствился со мною очень дружески и сказалъ мнѣ, чтобы я писалъ къ нему, если мнѣ что нибудь понадобится. Я не могъ надивиться полной переменѣ въ нашихъ отношеніяхъ, и еще долгое время она была загадкою для меня. Но время разрѣшаетъ всевозможныя загадки, разрѣшило оно и эту. Теперь я видѣлъ только одно, что Бубновъ даже пересталъ тяготиться своею новою ролью и вполнѣ освоился съ ней, не дѣлалъ даже попытокъ крикнуть на меня или отнестись ко мнѣ съ прежнею грубостью. Взглянувъ на наши отношенія въ это время, каждый посторонній зритель сказалъ бы, что Бубновъ и я представляемъ, достойный подражанія, трогательный образецъ дружеской связи между отчимомъ и пасынкомъ.

— Здравствуй птица моя, здравствуй, говорилъ дядя, обнимая меня въ своей новой квартирѣ.

Я отъ души поцѣловалъ его.

— А у тебя, дядя, хорошенькія комнаты, замѣтилъ я черезъ нѣсколько минутъ, осматривая его жилище.—Прошелъ ли у Христины Карловны флюсъ?

— Не знаю, птица, не знаю, я давно ее не видалъ.

Я удивился.

— Да развѣ ты не у нея живешь?

— Нѣтъ, братъ, тамъ цѣлая исторія случилась, послѣ расскажу. Сперва напьемся чайку, засуетился онъ.

— Да у кого же ты нанимаешь квартиру? спросилъ я.

— У тетки нашего кавказца, шепотомъ отвѣтилъ дядя и завозился около буфетнаго шкафа.

Я въ изумленіи вытаращилъ глаза на дядю, и мнѣ пришлось еще болѣе изумиться: у дяди не было ни единого сѣдого волоска. Его почти бѣлые виски, его сѣрый хохоль, его пѣгіе усы, все было черно, какъ смоль. Я только теперь замѣтилъ эту перемену и глядѣлъ съ разинутымъ ротомъ на милое моему сердцу существо.

— Это, братъ, все цѣлая исторія, просто, братъ, понять ничего не могу, ворчалъ онъ, устанавливая на столъ чашки.

Я понималъ еще менѣе, какія событія могли помолодить голову дяди на двадцать лѣтъ. Я сказалъ: голову, а не лицо, потому что его лицо страшно постарѣло и осунулось. Горе про-

вело на его лбу еще нѣсколько глубокихъ, неизгладимыхъ морщинъ и отражалось въ его глазахъ въ тѣ минуты, когда онъ умокалъ и задумчиво смотрѣлъ куда-то въ даль, — можетъ быть въ то свѣтлое прошлое, которое сверкало тѣмъ ярче, тѣмъ ослабительнѣе, чѣмъ мрачнѣе и безцвѣтнѣе становилось настоящее стараго холостяка. Но для чего явилось это подкрашиванье сѣдины? Это было что-то въ родѣ лака, наведеннаго жалкимъ маляромъ на мрачную картину Рембрандта, что-то въ родѣ новаго дешеваго флага, мизерно треплющагося надъ грандіозными развалинами стараго замка. Покуда я молчаливо смотрѣлъ на дядю, стараясь угадать, что произошло съ нимъ, служанка принесла самоваръ.

— Ну, Володька, тяжелое время мы съ тобой пережили! вздохнулъ дядя, усаживаясь со мною пить чай.

— Да, дядя, отвѣтилъ я. — Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ тяжело жилось.

— А мнѣ .. Не говорилъ я тебѣ, когда видѣлся, не хотѣлъ къ твоему горю своего горя прибавлять, съ горечью заговорилъ дядя. — А жилось мнѣ такъ, что хоть въ могилу ложись... Маруська, Маруська! Мало я плакалъ, стоя надъ ея могилой, а послѣ и вспомнилось все, горько вспомнилось... И ея не стало, и ты далеко... И что за годъ выдался, кого ни встрѣтишь, всѣ въ горѣ, у всѣхъ утраты, точно моръ какой на людей напалъ. Вѣдь вотъ у Христины Карловны мужъ умеръ...

— Неужели? удивился я. — Что же она, бѣдная, дѣлаетъ?

— На мѣсто пошла, отвѣтилъ дядя. — И жильцовъ у нея убавалось, какъ женился Дормидонъ Дормидоновичъ .. Новыхъ впускать не захотѣла, ну и пошла на мѣсто... И вѣдь, кажется, что она мнѣ была, не родная, не близкая, а тяжело было разставаться съ нею. Да что про нее говорить! Даже скучно стало, какъ переѣхали Дормидонъ Дормидоновичъ и Фуфайкина, точно вотъ друзей лишился... Войдешь въ корридоръ, — никто тамъ и не ахаетъ, все пусто... Пробовалъ и на охоту съ Фридрихомъ ѣздить, да нѣтъ, безъ тебя мнѣ и тамъ было какъ-то пусто, безлюдно. Радъ былъ, что у Матрены Марковны квартира очистилась...

Дядя тяжело вздохнулъ и умолкъ. У него было что-то тяжелое на душѣ.

— Хорошо тебѣ здѣсь жить? спросилъ я.

— Какъ тебѣ сказать? немного нахмурился дядя, — Матрена Марковна ухаживаетъ за мной, какъ за ребенкомъ, благодѣлемъ своимъ считаетъ... Она добрая, сердце у нея мягкое. Я ей очень, очень благодаренъ, что она въ такое время пригрѣла меня... Вѣдь сама пришла ко мнѣ, говоритъ: вамъ, капитанъ покой, вамъ попеченія женщины нужны... Поняла она знаешь, какое время я переживалъ и сжалилась...

— Ну, дядя, ты хорошихъ хозяевъ и безъ нея нашелъ бы, замѣтилъ я.

— Конечно, конечно, согласился дядя и какъ-то замаялся. — Только, знаешь, чужіе, незнакомые, все это не то...

— Да вѣдь и она тебѣ не родная, сказалъ я.

Дядя тревожно взбилъ хохоль и, растерявшись, пробормоталъ:

— Разумѣется, разумѣется, чужая!

Я съ удивленіемъ глядѣлъ на него. Старикъ совсѣмъ опустился, совсѣмъ присмирѣлъ.

— Ну, а что же кавказецъ ходитъ къ вамъ? спросилъ я.

— Ходитъ, махнулъ рукой дядя. — Сначала я было хотѣлъ запретить ему посѣщать нашу квартиру. Но Матрена Марковна женщина добрая, мягкая, къ тому же она ему тетка, любитъ его, какъ сына своей любимой умершей сестры, — ну она и сжалилась надъ нимъ, упросила меня, чтобы я не выгонялъ, не позорилъ его... И то сказать, мнѣ до него мало дѣла, я и отказать ему отъ дома хотѣлъ только потому, что сначала она просила объ этомъ. Впрочемъ онъ и самъ теперь присмирѣлъ, меньше буйствуетъ... Пьетъ, знаешь, но не буйствуетъ.

Дядя умолкъ и задумался, устремивъ свои глаза въ ту даль прошлаго, куда не заходили никакія Матрены Марковны, гдѣ не безобразничали никакіе кавказцы, гдѣ людскіе образы были такъ же чисты и свѣтлы, какъ ихъ любовь.

— Эхъ, птица, сердце-то у меня такое, что кто меня обласкаетъ, тотъ мнѣ и родня, проговорилъ онъ съ грустью черезъ нѣсколько минутъ. — И устарѣлъ я, очень устарѣлъ. Какъ

ребенка, меня на помочахъ водить можно, осѣдлатъ, какъ объѣзженную клячу, можно..

— Дядя, что же ты волнуешься? спросилъ я.—Тебя горе измучило Отдохнешь и станешь бодрѣй.

Дядя только рукой махнулъ.

— Ну, бросимъ этотъ разговоръ, бросимъ! промолвилъ онъ.— Выростешь, все узнаешь, все поймешь.

— А ты погляди на меня, засмѣялся я, стараясь казаться веселымъ,—миѣ ужъ и рости не для чего больше.

— Да, да, высокъ сталъ, улыбнулся онъ, хотя его лицо и не просвѣтлѣло.—А и худъ же ты сталъ, красивъ, но худъ, очень худъ.

— Потолстѣю!.. А что Макарова видѣлъ ты?

— Нѣтъ, братъ, у него тоже горе, тоже мать умерла, вздохнулъ дядя.—Да кромя того онъ изъ гимназiи вышелъ.

— Какъ такъ? изумился я этому неожиданному извѣстiю.

— Повздорилъ съ учителемъ. Тотъ сказалъ, что не позволить ему перейти въ послѣднiй классъ, а Макаровъ и ляпни ему: я и самъ не желаю переходить, говорить, потому что выхожу изъ гимназiи.

— И его не удержали?

— Кому удержать-то было? Матери уже не было на свѣтѣ, опекуны мало заботятся о своихъ обязанностяхъ, ну и вышелъ...

— Гдѣ же онъ теперь?

— На лѣто куда-то уѣхалъ... Лечиться вздумалъ... Это всегда такъ, какъ наслѣдственные деньги въ карманѣ заведутся, такъ и наслѣдственные недуги откроются...

— Что-то онъ будетъ дѣлать? задумался я.

— Что? въ раздумьи повторилъ дядя.—Сперва мостовую гранить, да наслѣдственное имѣние проѣдать станетъ, потомъ соскучится отъ бездѣлья, пулю въ лобъ пустить, либо какойнибудь бабѣ въ лапы попадетъ, да такъ подъ ея башмакомъ и кончитъ свой вѣкъ. Эта, братъ, участь ждетъ всѣхъ насъ, холостяковъ въ отставкѣ. Если деньги есть, да дѣла нѣтъ, такъ только и есть два пути: въ воду или подъ бабiн башмакъ...

Дядя опять нахмурился и заерзалъ рукой по хохлу.

— Ну, дядя, неужели нельзя найти дѣла, возразилъ я.

— Какъ не найти дѣла, отвѣтилъ дядя и заходилъ по комнатѣ.—Только для дѣла, птица, нужна подготовка, нужна привычка къ труду, выработка характера. А какъ и чему насъ учили? Когда мы успѣли привыкнуть къ труду? Гдѣ у насъ характеръ? Много ли знаетъ Макаровъ? Не приучился ли онъ только ненавидѣть трудъ въ гимназiи? Можетъ ли у него, у молодого барченка, быть характеръ? Да что онъ! Ты меня возьми въ примѣръ. Ну, учился я, нахватался вершковъ наукъ, служилъ во флотѣ, остался добрымъ и честнымъ человѣкомъ,— а за какое дѣло я могу взяться, что я умѣю дѣлать, что я знаю? Ничего. И какой у меня характеръ? Мы люди безъ характеровъ. Сердцемъ мы живемъ, волноваться, разчувствоваться можемъ, а съ этимъ далеко не уйдешь, развѣ только попадешь подъ вліяніе какой нибудь...

Въ это время дверь открылась и въ комнату появилась сіяющая улыбкой Мартена Марковна съ желтыми бантами на шеѣ и на головѣ и въ яркомъ ситцевомъ капотѣ. За ея подолъ держалась цѣлая стая ребятишекъ, выглядывавшихъ любопытными глазами изъ-за платья матери.

— Ахъ, капитанъ, пришла домой, слышу, что къ вамъ Володенька приѣхалъ, воскликнула она сентиментальнымъ голосомъ. — Думаю: нѣтъ, нѣтъ, во что бы то ни стало, пойду, взгляну на него, на наше милое дитя.

Я поднялся съ мѣста, она быстро окинула меня глазами и, кажется, пзумилась, встрѣтивъ во мнѣ совсѣмъ не ребенка, а вполне развитаго юношу.

— Я такъ полюбила васъ заочно, заговорила она, нѣжно пожимая мнѣ руку.—Мы такъ часто бесѣдовали съ добрѣйшимъ капитаномъ о васъ. Ахъ, эти долгіе лѣтніе вечера, проведенные въ воспоминанiяхъ о васъ, никогда не исчезнутъ изъ моей памяти! Капитанъ становится такъ молодъ, такъ горячъ, говоря о васъ, о вашей покойной матушкѣ, о вашей прошлой жизни. Я завидую, я завидую вамъ...

Я молча смотрѣлъ на нее и ждалъ, чѣмъ кончится этотъ монологъ. Дядя, какъ-то принизившись, опять сѣдѣлъ на диванѣ и разводилъ ложкою узоры изъ пролитой на поднось воды.

— Капитанъ полюбилъ нашу семью, мы какъ родные, продолжала Матрена Марковна, еще разъ протянувъ мнѣ руку.— Будьте и вы въ нашемъ домѣ, какъ у себя. Полюбите моихъ малютокъ...

Въ эту минуту малютки, какъ по данному сигналу, выбѣжали изъ-за матери и бросились къ дядѣ, несмотря на то, что она приказывала имъ поздороваться со мною.

— Дядя Петя, дай сахарцу! залепетали они.—Мозно взять сухаликовъ?

Дядя молчаливо сталъ надѣлать ихъ и сахаромъ и сухарями. Они шумѣли и возились около него, споря между собою изъ-за подачекъ.

— Капитанъ, глядя на нихъ, вспоминаетъ ваше дѣтство, дѣтство вашей матушки, поясняла Матрена Марковна, потупляя глаза.—Малютки такъ любятъ его, такъ ласкаются къ нему. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на эту картину... Я женщина съ сердцемъ, я молода, несчастна...

Я не говорилъ ни слова, глядя, какъ дѣти продолжали карабкаться на диванъ къ дядѣ и выгребать въ ротъ сахаръ и сухари, осматривая жадными глазами столъ. Смущенный дядя не препятствовалъ опустошенію сахарницы и сухарницы и старался не глядѣть на меня.

— Они, мои бѣдныя сиротки, и васъ обожаютъ, продолжала Матрена Марковна, нѣжно бросая на меня свои слишкомъ пламенные взгляды.—Они уже молятся, какъ за капитана, такъ и за васъ.

-- За меня, за что же? изумился я.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ! воскликнула въ экстазѣ Матрена Марковна, сжимая мою руку.—Я знаю, какъ дороги вы нашему ангелу-капитану, я знаю, что онъ все дѣлаетъ ради васъ... Это ангелъ, ангелъ!... О полюбите ихъ и вы, полюбите меня, бѣдную, несчастную вдову!

Матрена Марковна быстро прослезилась и прижала мою руку къ своему сердцу, то есть къ своей полной, по мѣщанки распущенной груди. Я невольно покраснѣлъ отъ этого прикосновения. Матрена Марковна быстро потупила стыдливые взоры.

— Дѣти, дѣти, пойдите, милыя. Мы не должны нарушать

семейнаго мира, проговорила она.—Извините, я не стану васъ беспокоить. Уйду, уйду, говорите, наслаждайтесь свиданьемъ. Ахъ, я знаю, что значить*родственная любовь. Это... это... чувство!

Матрена Марковна исчезла, сопровождаемая ухватившимися за ея подолю и уже перебранннвшимися дѣтьми. Я молча смотрѣлъ на дядю, онъ продолжалъ чертить узоры на подносѣ и повидимому глубоко размышлялъ о чемъ-то. Я не прерывалъ его думъ. Я инстинктивно понималъ, что дядю что-то мучаетъ, что въ его жизни случилось нѣчто необыкновенное.

— Такъ-то, птица, вздохнулъ онъ тяжелымъ вздохомъ, точно заканчивая какой-то тяжелый разговоръ со мною.—Ничего не бойся въ жизни, бойся только перваго шага. Первый шагъ во всякомъ дѣлѣ—это гибель или удача. Помни это и будь остороженъ. Перваго шага никогда не дѣлай. Я часто платился за первые шаги, твоя мать платилась за нихъ, всѣ за нихъ плачнваются.

Онъ всталъ, не обращая вниманія на мой недоумѣвающій взглядъ.

— Эхъ, если бы десятка два лѣтъ съ костей, постучалъ онъ кулакомъ по столу.—Все бы передѣлалъ. Тогда боекъ я былъ. Ошибусь и сейчасъ же все поверну по своему. А теперь обабился, ослабѣлъ...

Онъ потеръ рукою свой лобъ и замолчалъ. Я уже давно замѣтилъ, что дядя дѣйствительно страшно постарѣлъ, несмотря на подчерненные волосы. Онъ даже какъ будто путался иногда въ разговорахъ, онъ не оживлялся по прежнему, не произносилъ хватающихъ за сердце рѣчей. Теперь его рѣчь текла вяло, точно онъ говорилъ не то, что хотѣлъ бы сказать, точно въ его душѣ было какое то тяжелое и невысказанное чувство, подавляющее въ немъ всѣ другія заботы и интересы. Контрастъ между нами былъ теперь тѣмъ поразительнѣе, что я въ эту пору кипѣлъ, болѣе чѣмъ когда-либо, жизнью и надеждами. Мнѣ хотѣлось идти впередъ и впередъ съ объятіями, открытыми для всѣхъ, мнѣ хотѣлось работать, совершить нѣчто великое, завербовать и счастье, и славу; его не манило ничто въ будущемъ и мучила только какая-то, можетъ быть, ничтож-

ная ошибка, совершенная имъ. Я, казалось, руками готовъ былъ порвать желѣзныя цѣпи, сдвинуть со своей дороги цѣлыя зданія; онъ не чувствовалъ въ себѣ силы оборвать какую нибудь ничтожную нитку, опутавшую его, устранить со своего пути какую нибудь гнилую щепку. Я радъ бы былъ сдѣлать тысячи новыхъ смѣлыхъ шаговъ въ различныхъ направленіяхъ, чтобы достигнуть своей цѣли; онъ скорбѣлъ, что сдѣлалъ какой-то одинъ невѣрный шагъ, можетъ быть вполнѣ нестоющій никакого серьезнаго вниманія. До сихъ поръ дядя заботился обо мнѣ, указывалъ мнѣ дорогу, защищалъ меня отъ невзгодъ; теперь роли, повидимому, должны были скоро переимѣниться и можетъ быть мнѣ нужно было сдѣлаться нянькою, защитникомъ, опекуномъ дряхлѣющаго старика.

— Ну что же, думалъ я, не ложась спать и ходя по гостиной, когда дядя уже давно спалъ въ своемъ кабинетѣ.— Буду нянчиться съ нимъ, буду заботиться о его спокойствіи, какъ онъ нявчился прежде со мной и заботился обо мнѣ. Когда-то онъ говорилъ мнѣ: не тужи, Володя, я буду жить съ тобою,— и я успокоивался. Теперь приходитъ пора мнѣ сказать ему: не тужи, дядя, я стою около тебя! Онъ рассказывалъ мнѣ, что во время кораблекрушеній не разъ выбрасывали за бортъ лишнихъ людей. Но онъ не былъ лишнимъ для меня, онъ не даромъ берегъ мое дѣтство, развилъ во мнѣ честныя мысли, вселилъ въ мое сердце теплую любовь. Если всѣ бросятъ его, если всѣ будутъ считать его лишнимъ, то я громко крикну, что это честный и добрый старикъ, достойный уваженія со всѣми своими ошибками и заблужденіями. Я заставлю уважать его, заставлю Мишу, всѣхъ своихъ друзей съ благоговѣніемъ смотреть на его сѣдую голову. Но не только ихъ заставлю я уважать его, я добьюсь того, что даже Бубновъ придетъ къ нему и станетъ, какъ нищій—нищій честностью — ждать ласковаго слова, снисходительнаго прощенія отъ капитана Хлопко. А простить ли его капитанъ? Боже мой, развѣ въ состояніи не простить кого нибудь капитанъ Хлопко!

Я осмотрѣлся въ комнатѣ — кругомъ лежалъ на предметахъ яркій бѣловатый свѣтъ начинающагося дня. Небо было безоблачно и ясно. О если бы такъ ясна и безоблачна была моя

послѣдующая жизнь! Но если и не будетъ она такъ свѣтла, что за дѣло? Развѣ грозы и бури не приносятъ своей доли пользы, развѣ не дѣлается воздухъ чище послѣ нихъ, развѣ не становится человекъ бодрѣе, переживъ ихъ, развѣ не старается онъ искать средствъ для борьбы съ ними, увидавъ ихъ разрушительное вліяніе? И что за жизнь безъ борьбы и безъ торжества побѣды? Праздная и всѣмъ довольная, ни къ чему нестремляющаяся и ничѣмъ невозмущаемая, навѣвающая скуку, истому и сонъ, ненавистна она молодой силѣ. Эта сила кипитъ и бушуетъ въ каждой жилкѣ молодого существа; она хочетъ помѣряться съ другими силами, она хочетъ сама завоевать свое счастье, она съ презрѣніемъ смотритъ на брошенные ей, какъ нищей, дары случая. Я былъ полонъ такихъ юныхъ силъ, надеждъ и стремленій и такъ же страстно привѣтствовалъ предстоящую жизнь, полную борьбы и тревогъ, какъ привѣтствовалъ этотъ наступавшій свѣтлый день.

А. Михайловъ.

(Конецъ первой части).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ.

(Очеркъ).

/I.

Зимой еще можно кое-какъ жить въ Петербургѣ, потому что безобразный гомонъ многотысячныхъ столичныхъ жизней отлично разбивается объ эти тяжелыя, двойныя оконныя рамы, завѣшенныя толстыми сторами, заставленныя массивными цвѣточными горшками извнутри и запушенныя лнеемъ снаружи.

Доносится только въ комнаты, по петербургскимъ зимамъ, какой-то злобно-шипящій, неразборчивый гулъ, напоминающій собою тотъ яростный сапъ, который издають два врага, когда они, послѣ ожесточенной свадки, валяются по землѣ и употребляютъ послѣднія усилія, чтобы хорошенько попридушить другъ друга...

За исключеніемъ этого шума, внутренніе апартаменты Петербурга совершенно тихи и если въ нихъ временами и разыгрываются какія-либо драмы, то содержаніемъ этихъ драмъ бываетъ непремѣнно мерзость, таящаяся внутри комнатъ, а никакъ не летающая въ нихъ снаружи.

Не то бываетъ лѣтомъ.

Самымъ равнымъ утромъ, когда, какъ говорится, черти на кулачки не бились, жизнь большого города уже въ полномъ разгарѣ.

Валять цѣлыя орды разнозчиковъ, криками которыхъ такъ и давятся эти маленькіе, тѣсные, напоминающіе собою гроба, дворики, свойственные одному Петербургу.

— Сиги морскіе! Сиги! глухимъ и унылымъ басомъ голосить рыбникъ. — Сиг-ги мор-рекія!

— Слат-ткая лужкъ молодой! скорыми дискантовыми нотками вторить ему молодая бабенка, изгибааясь подъ тяжестью большой плетеной корзинки, нагруженной пучками лука.

— Та-ач-читъ внажи, ножницы! рѣзко поетъ мальчишка-точильщикъ, опираясь на свой станокъ съ граціей, рѣшительно превосходящей ту грацію, съ которою въ извѣстной пѣснѣ опирался на свою саблю гусарь, глубоко-огорченный предстоявшей ему разлукой съ милой особой.

— Сиги... снова затянулъ было рыбникъ; но его возгласъ окончательно заглушенъ былъ другимъ возгласомъ, звонко хлестнувшимъ по маленькому, колодезеобразному дворику.

— Э-э! Сиги! Я тебѣ дамъ этихъ самыхъ сиговъ, — кричало одно окно въ пятомъ этажѣ, показывая въ тоже время людямъ, способнымъ быть разбуженными этими криками, какъ въ немъ свѣтится толстое, разозленное лицо кухарки, стоящей за хозяйскіе интересы. — Поди-ка, поди-ка сюда! Вздымись къ намъ на лѣстницу. Ты какую намъ рыбу третьеводня продашь? Вотъ онъ тебя, баринъ-то! Вздымись! Вздымись!

Рыбникъ, видимо, не предполагалъ такого приглашенія. Несмотря на обременявшій его голову лотокъ съ морскими сигами, онъ стремительно повернулъ налѣво кругомъ — и желаніе его исчезнуть за воротами большого дома было болѣе, чѣмъ очевидно.

— Иванъ! Иванъ! Держи рыбника. Баринъ его безпримѣнно изнять велѣлъ, кричитъ окно пятаго этажа дворику, старавшемуся навалить на свою спину страшную охапку дровъ. — Онъ рыбой вонючей торгуетъ. Лови!

Иванъ живо и, очевидно, безъ малѣйшаго сожалѣнія, сбрасываетъ съ плечъ своего вѣковѣчнаго утренняго друга — дрова, и летитъ преслѣдовать бѣглеца, съ необыкновеннымъ азартомъ при-

глашая къ тому же всѣхъ встрѣчавшихся по дорогѣ любезныхъ согражданъ.

— Дер-ржи! Дер-ржи! Вотъ я тебя, расподлецъ! Вотъ мы тебя раз-зтакой! Раз-зуюжимъ! Раз-зужа-жжмъ!

Гулко раздалась эта погоня за бѣжавшимъ рыбникомъ. Къ голосу дворника-Ивана присоединились другіе яростные, но, видимо, непонимавшіе въ чемъ дѣло, голоса. Какъ буря, сплошно и неразборчиво ревѣли всѣ эти или, несмотря на раннее утро, совсѣмъ уже пьяныя рожи, или такія, на которыхъ недовѣрчиво поглядывали городовые, вооруженные револьверами:

— Гдѣ? Гдѣ? Н-нѣ-ѣтъ, братъ, у насъ такъ не водится... Гдѣ мазурикъ? Поймали? Сцапцарапали? Ох-хъ! Я, я-бы ему типериччи съ просонковъ-то... Ух-хъ! И клеванулъ бы его, дьявола, для правдника...

Изъ подваловъ выбѣгали заспаные мастеровые съ присущими извѣстнымъ специальностямъ орудіями, — съ верхнихъ этажей слетали какъ бы окрыленныя кухарки, лакеи и горничныя, обгоняемыя господскими собаками, обрадовавшимися случаю выбѣжать на дворъ и потолковать на своемъ собачьемъ языкѣ съ добрыми сосѣдскими благопріятелями. Всѣ эти субъекты, наталкиваясь другъ на друга, суетливо мѣнялись свѣденіями и соображеніями въ родѣ слѣдующихъ:

— Что? Какъ! Съ ножикомъ приходилъ? Къ кому?

— Н-нѣ-ѣтъ! Какое тамъ съ ножикомъ приходилъ? Это вонъ у табачника приказчикъ семь тысячъ сдулъ.

На дворикъ выходило множество заднихъ дверей, которыя вели въ различные магазины. Прислушиваясь къ разнообразнымъ разговорамъ, хозяева этихъ магазиновъ заботливо осматривали толстые дверные болты, потрогивали замки, между тѣмъ, какъ собаки, выбѣжавшія на дворъ, совсѣмъ ополоумѣли отъ страстнаго желанія уяснить себѣ исторію, взволновавшую людей, чего они старались достигнуть неразумнымъ скаканіемъ и тщательнымъ обнюхиваніемъ cadaго, сколько нибудь выдающагося, булыжника, cadaго, сколько нибудь потаеннаго, уголка.

Наступаетъ относительная тишь, разрываемая хохотомъ надъ азитированными собаками, выкриками молодой бабенки насчетъ сладкаго луку, протяжнымъ пѣніемъ граціознаго мальчишки-точильщика и унылымъ речитативомъ, сообщавшимъ столичному люду, что въ какомъ-то далекомъ захолустѣ „обвалимшися кумпаль въ придѣлѣ Николая чудотворца“.

По этому послѣднему случаю публика, какимъ-то необыкновенно-смирненнымъ *дядей-Власомъ*, приглашалась пожертвовать на возобновленіе разрушеннаго купола, отъ своихъ трудовъ праведныхъ «хоша бы лепту какую».

— Динь! Динь! Динь! серебристо позваниваетъ колокольчикомъ *дядя-Власъ*, грустно посматривая по верхамъ и сопровождая этотъ звонъ своимъ собственнымъ, козелковатымъ теноркомъ.—Р-радѣйте православные! Потому какъ маланья обжогши церкву наскрозь... И была же при эфтомъ, господа хрисьяне любезные, чуда большая...

И какъ будто снова уснулъ на зорькѣ большой столичный домъ, рѣдко когда, дѣйствительно, засыпающій. Многимъ, тревожно грезившимъ, уже снилось, какъ гдѣ-то, въ какой-то необыкновенной дали, надъ какимъ-то селомъ, разразилась гнѣвная, темносиняя туча. Съ неба бѣжитъ такой стремительный дождь, который никогда не падалъ на петербургскія мостовыя,—молніи такъ и блещутъ надъ этими приниженными непогодой избами, — надъ этими полями, какъ будто испуганными разразившеюся надъ ними грозой.

Между тѣмъ толпа, убѣжавшая было по слѣдамъ нечестиваго рыбника, снова прилетѣла на дворъ и загудѣла еще громче и смѣшаннѣе.

— Нѣтъ! Это штожь? уныло басилъ сцапанный наконецъ рыбникъ.—У тебя на это глаза есть, продолжалъ онъ голосомъ, очевидно, просившимъ о помилованіи.—Ты должна, примѣромъ, глядѣть, что покупаешь. Тебѣ за это господа жалованье платять. Къ праздникамъ опять тебѣ подарки идутъ отъ господъ-то. Намъ вѣдь объ этомъ довольно извѣстно...

— Да ты, каналья, о пустякахъ-то не разговаривай! отсвѣтывалъ рыбнику объясняться въ нравящемся ему тонѣ какой-то

баринъ въ халатѣ и туфляхъ. — Ты лучше вотъ что скажи: насколько у тебя этой тухлятины моя кухарка купила?

— Да штожь? Извѣстно, она у васъ, сударь, жадная. Я ее, можетъ, съ коихъ поръ знаю. Она всегда такая была... Ужь на что скупа старуха-маюрша, которая вонъ въ сусѣдскомъ дому живетъ, а и та кухарку-то вашу, сударь, прогнала отъ себя, потому она ее со всѣми торговцами перемутила. Съ ими, судырь, на Сѣнной никто изъ всѣхъ торговцевъ одного слова разговаривать не хотѣлъ, нетокма продавать...

— Не вѣрьте, баринъ, не вѣрьте! протестовала кухарка противъ этого обвиненія. — Эфто онъ къ вамъ съ подвохомъ... Штобы, т. е. какъ нибудь меня противъ васъ въ сумленіе ввестъ.

— А такъ, баринъ, весь мой совѣтъ вамъ, — вмѣшался кто-то изъ окружавшихъ лотокъ рыбника съ своимъ замѣчаніемъ, — отпустить его — этого самого бездѣльника. Насовать ему морду-то рыбой и отпустить, потому что съ имъ иначе ничево не подѣлаешь? Нетокма рыба у него дохла, а и самъ-то дохлый совѣзмъ... Вы сами видите, потому будь онъ ежели не дохлый-то, рази бы онъ попался?.. Право насуйте — и съ Господомъ, чѣмъ канитель-то тянуть...

Рыбы, выглядывавшія изъ лотка своими тусклыми глазами, очевидно, не раздѣляли подобнаго мнѣнія. Въ глубокомъ недоумѣніи онѣ посматривали на окружавшую ихъ публику и какъ будто говорили:

— Что же это такое? Развѣ насъ для того привезли сюда, чтобы нами по мордамъ тыкать? Н-пѣ-ѣтъ! Ты насъ, братъ, ѣшь! Вотъ что!

Баринъ въ халатѣ тоже не послушалъ совѣтчика, разрѣшавшаго сначала понатыкать рыбника въ морду, а потомъ отпустить его. Поигрывая кисточками халатнаго пояса, онъ распорядился послать за околodочнымъ, съ которымъ тутъ же, на дворѣ, и составили протоколъ о торговлѣ попорченной рыбой, производимой крестьяниномъ Фомой Веденѣвымъ въ ущербъ здоровья столичныхъ жителей, который Фома Веденѣвъ въ семь промыслѣ и былъ уличенъ титу-

лярнымъ совѣтникомъ Ангелемъ и кухаркой онаго Аграфеной Зотовой, жительствовавшими и т. д. и т. д...

Смотря на процессъ составленія протокола, торгующій попорченною рыбой, Веденѣевъ, глубоко конфузился, что онъ съ достаточнымъ успѣхомъ выражалъ неопредѣленнымъ пученіемъ глазъ на какіе-то, кромя его, никому невидимые предметы и такого роду непонятнымъ бормотаньемъ:

— Ну штожь! Эва! Ну и прописывай! Ннѣ-ѣтъ! Но-онѣ, братъ, обглядиь перва-на-перва прописывать-то. Такъ-то-сь!.. Ннѣ, братъ, не всяко лыко въ строку пиши...

Длинная фигура Фомы стояла на дворѣ такой одинокою, такою печальною, что еще незнакомые съ его исторіей люди останавливались и жалобно другъ у друга спрашивали:

— Это что же дѣтинка-то здѣсь стоитъ?

— Судють!.. Четырнадцать тысячъ у купца—у нѣмца укралъ. Артельщикомъ былъ у его—и укралъ. Сказываютъ: теперь пареньку-то капуть, потому онѣ въ азартности въ своей весь ротъ нѣмцу-то наполю разорвалъ. Ну теперь вотъ напишуть бумагу и къ мировому. По старому: его бы надо было прямо въ острогъ; но по нониншему: безъ мирового ничего подѣлать нельзя...

Глуше и глуше становилась домовая буря. Все дальше куда-то улетала она, сердито, но сдержанно ропща и негодуя на что-то. Наконецъ, двое городскихъ совсѣмъ усмирили ее тѣмъ, что сначала предложили кое-кому изъ особенно раззѣвавшихся очистить дворикъ, а потомъ уже и сами ушли вмѣстѣ съ длиннымъ рыбникомъ, поддерживая его подъ обѣ мышки, чѣмъ, вѣроятно, они хотѣли выразить ему свое глубокое сочувствіе къ постигшему его бѣдствію.

— Ну что хорошаго,—наставительно баяли городовые рыбнику.—Ну вотъ, что тутъ хорошаго: рыбой это онъ вонючей торгуетъ, господъ обижаетъ. Вотъ теперь на свидѣтельство... Ъкъ самому г. мировому судѣ... Ах-хъ! И строги же они насчетъ васъ, господа торговцы...

— Ну и штожь? Ну и штожь? съ полной и безсознательной

апатіей шепталъ рыбникъ.—Ну и веди! Веди! Ннѣ-ѣтъ, братъ, я знаю... Нич-чево!.. Мы, братъ, тоже сами... Насъ, братъ...

Кромѣ этого бурленья, ничто не тревожитъ спящихъ въ большомъ домѣ, за исключеніемъ развѣ попки, принадлежавшаго одной очень красивой дѣвицѣ, который, въ качествѣ птицы, проснувшись очень рано, то злобно кричалъ, что „попка-дур-ракъ, попка подлецъ,“ то съ какою-то болѣзненной нѣжностью жаловался кому-то, что „у попиньки головка болитъ, -бол-ленъ попка, -умр-реть поп-ка!..“

— М-маш-ша! отчеканивалъ попугай на весь дворъ.—М-маша! Умр-ру! Дай попинькѣ папир-ро-съ! Дай попинькѣ сахарпу!

Солнце, несогласно съ мыслями попиньки, относительно возможности такой скорой смерти восходило между тѣмъ все выше и выше. И восходомъ своимъ оно будило другихъ, иначе живущихъ, людей и вызывало другіе голоса и другіе жизненные процессы.

— Дѣтей бы ужъ теперь время гулять вести, — говорятъ сѣдые, сердитые бакенбарды, шаркая по паркету свистящими туфлями.

— Я сейчасъ сама пойду съ ними, — отвѣчаетъ виднѣющаяся въ окно русая головка, къ затылку которой былъ привѣшенъ громадный и неимоверно кокетливый шиньонъ.—Вотъ только выпью кофе, одѣнусь и пойду.

— Да можно бы и съ Агафьей послать, — гнѣвно шаркаютъ сердитые туфли.—Кажется, это было бы все равно.

— Для васъ все равно; а для меня нѣтъ! отвѣчаетъ русая головка, напряженно стараясь не выпустить изъ злобно и энергично-сжатыхъ губъ болѣе колкаго отвѣта.

Растворенныя окна другой квартиры позволяютъ знать, что въ настоящую минуту уже десять часовъ утра, потому что у фортепiano стоитъ какой-то молодой человекъ во фракѣ, необыкновенно гладко причесанный, въ перчаткахъ, подлѣ него дѣвушка, улыбающееся лицо которой ясно показываетъ, что она долго и страстно ждала кого-то... Оба они садятся за фортепiano и начинаются гаммы—эти столь мучительныя для сосѣдей гаммы, продолжающіяся цѣлый полуторарублевый часъ.

Всякій видитъ и слышитъ изъ своего окна, какъ фортепіано мѣрно звучитъ:

— Тра-ра-ра! Тра-ра-ра!

Всякій видитъ и слышитъ, какъ учитель говоритъ, касаясь тонкихъ и бѣленькихъ пальчиковъ:

— Не такъ! Не такъ! Это не вѣрно! Это нужно брать вотъ какъ... И затѣмъ учитель устанавливаетъ на клавишахъ тонкіе, бѣленькіе пальчики, ударяетъ ими по поющей слоновой кости и говоритъ: разъ, два, три; разъ, два, три; а потомъ онъ уже безъ всякаго счета принимается цѣловать неумѣлую ручку; а владѣтельница этой ручки смотритъ на него съ такой ласковой, съ такой нѣжной улыбкой...

И все это видно въ открытое окно, чего зимой, разумѣется, не увидишь.

А попка продолжаетъ кричать:

— Дур-ракъ-попка! У попиньки головка болитъ... Попинька сахару хочеть... М-ма-аша! Дай попинькѣ сахарку...

Всѣми разнообразно-жизненными тонами, которыми люди выражаютъ и горе и радости, кричитъ маленькій дворикъ большого столичнаго дома. Больше и больше разрастается свѣтлое сіяніе весенняго дня, вмѣстѣ съ которымъ все больше и больше разрастается жизненное движеніе, пригрѣтое имъ.

Оркестръ странствующихъ музыкантовъ, которые, не взирая на свои отрепанные сюртуки и избитые въ ближайшемъ погребкѣ лица, стараются изобразить изъ себя *артистовъ*, меланхолически закатываютъ: „ты умерла, ты умерла“.

Дурачки-визгливо растолковываютъ *артисты* про какую-то умершую, видимо, ничуть не умѣя своими, отчасти отъ голода, отчасти отъ пьянства, трясущими руками воспроизводить мысли тѣхъ людей, которые имѣютъ способность ловить своими руками неувовимо-зигзагическія рѣянія звуковъ, слышимыхъ въ природѣ, и составлять изъ нихъ стройные хоры, въ высокой степени улаждающіе людскія сердца, даже и тогда, когда хоры эти поютъ про безконечную жизненную горечь...

Глухо падаютъ на мостовую дворика пятаки, имѣющіе вознаградить трудъ музыкантовъ...

Страшный жаръ разлился по нашему дворнику — и солнечные лучи, отражаясь на его высокихъ, бѣлыхъ стѣнахъ, такъ и слѣпили глаза. Въ окнахъ постоянно вырисовывались красныя, пыхтяція фізіономіи, обмахивавшіяся бѣлыми платками.

— Ну жара! говорили эти фізіономіи. — И откуда только эта пыль лезетъ? Ахъ! Дождичка бы теперь Господь послалъ пыль бы эту прибить.

И дѣйствительно — съ чисто-на-чисто выметеннаго дворика, вмѣстѣ съ лучевыми столбами, вривалась въ комнаты какая-то сѣдая, ѣдкая пыль, которая толстыми слоями ложилась на оконные цвѣты, на мебель, залѣзала въ уши и рты и, наконецъ, тѣмъ досаднѣе и гуще распудривала лица, чѣмъ чаще и старательнѣе ее смывали съ нихъ.

Подъ вліяніемъ этого жара, приуныла, какъ будто даже неугомонная жизнь дома. Дѣвицынъ попугай уже не ругался и не жаловался, а только изрѣдка покряхтывалъ что-то неразборчивое, страдальчески раскрывая свой изогнутый клювъ, изъ котораго виднѣлся красный, дрожащій язычокъ.

Многое множество людей торопливо проходило по дворнику, стараясь поскорѣе укрыться отъ жара въ холодкѣ своихъ апартаментовъ. Ничуть не обращая на себя вниманія проходящихъ лицъ, на дворикѣ торчитъ только, совершенно одинокою, группа, состоящая изъ долговязаго, слѣпнаго человѣка въ синемъ мѣщанскомъ сюртукѣ, въ опоркахъ, показывавшихъ красныя ноги съ синими, напряженными жилами и маленькаго, босаго мальчика въ сѣрой свитенкѣ, который, видимо, былъ руководителемъ слѣпца въ его странствованіяхъ по извилистымъ и шумнымъ стогнамъ Петербурга.

— Дяденька! Играй пѣсню шибче! по временамъ шепталъ мальчишка, потрогивая слѣпнаго за сюртукъ и устремляя на него свое весноватое, тупое лицо. — Барыня вонъ на насъ изъ окошечка поглядываетъ. Забирай покрѣпше! Чево ты боисси? Вишь вонъ всѣ на тебя какъ грохочутъ... Страсть бакъ!..

При этомъ внушеніи, слѣпой молодцовато встряхивалъ своей нечесаной головою, — отъ чего рванный ваточный картузь его ухарски заваливался на бокъ. Взбрасывалъ тогда слѣпецъ къ небу свои тусклые, безжизненные глаза, обводилъ въ воздухъ широкую звенящую дугу увѣшаннымъ гремучими позвонками бубномъ и отчаянно-болѣзненнымъ голосомъ принимался выкрикивать развеселую:

«Вдоль да по рѣчкѣ,
Ахъ вдоль да по Казанкѣ,
Сѣрый селезень плыветь».

Мальчишка въ свою очередь всѣмъ своимъ гнусавымъ контральто старался показать публикѣ и рѣчку Казанку, и плывшаго по ней сѣраго селезня; но должно быть, что ни паренку, по его малолѣтству, ни патрону его, по случаю слѣпоты, ни разу не удавалось видѣть ни одного дѣйствующаго лица изъ распѣваемой ими исторіи, а потому пѣвчіе, въ качествѣ недостаточно-ясныхъ историковъ, всѣмъ дворикомъ единодушно были засыпаны, вмѣсто трешниковъ, самыми ядовитыми насмѣшками.

— Дядюшка! Побѣгемъ, золотой! посовѣтывалъ наконецъ слѣпоту его малолѣтній вожатый. — Вонъ какаля-то куфарка въ насъ съ тобой горшкомъ понацѣливаетъ.

— А, калеки убогіи, разнесчастные! въ дѣйствительности морализировала куфарка, сѣдая такаля, толсто-серьезная, въ бѣломъ чепцѣ. — Нѣтъ, чтобы, калеки, вамъ объ убожествѣ-то объ своемъ къ Господу-Богу припасть... Танцюю вздумали представлять... Подожди... Въ такія времена — и ты, слѣпень ты эдакой, раскуражился какъ? А? Скажите, люди добрые, што онъ въ умѣ ли? Да еще и малаго ребенка въ грѣхъ ввель...

Раздался звонъ разбитой посуды, черенки которой, словно осколки разорвавшейся бомбы, полетѣли въ пѣвцовъ.

Общественное мнѣніе дворика, въ виду обрушившагося надъ слѣпцомъ факта, раздѣлилось на двѣ категоріи: одинъ, гладко-выбритый, солидный господинъ, сидѣвшій въ окнѣ, осѣненнымъ бѣлоснѣжными драпри, внушительно вдалбливалъ кому-то:

— Я давно говорю, *mon cher*, всѣхъ бы *изъ* на отвѣтствен-

ность сельскихъ обществъ. Ка-акже? Подавалъ проэктъ. Говорю: освободите насъ отъ этихъ побродягъ. Примѣрно: взявъ *его* и сей-часть по этапу въ общество. Оно должно уже уплачивать пересылочные предметы за своего несостоятельнаго члена. Нормально? иначе: не пускай, или, отпустивши, ручайся всѣмъ міромъ... Нормально?..

— Безъ сомнѣнія, ваше — ство! отвѣтилъ извнутри комнаты какой-то заяскивающий, шипящій голосъ, весьма, должно быть, похожій на то шипѣнье змѣя-искусителя, съ которымъ онъ подка-тывался къ нашей общей прародительницѣ.

— Но поймите, продолжалъ прожекторъ. — Что за времена? Не приняли — и вотъ теперь сиди и слушай всякую чужь. Понимаете: я плачу — и хочу быть спокоенъ. Говорятъ: подати тамъ, заработки какіе-то? Я плачу больше *ихъ*. Съ меня, понимаете, косвенные налоги всякіе, — я оплачиваю ихъ, никуда не шатаюсь, не клянчу, нервы дурацкими пѣснями никому не разстраиваю...

— Безъ сомнѣнія ваше... снова раздалось змѣиное шипѣнье.

— Это что тутъ за моралистка такая появилась? забасилъ кто-то невидимый изъ какой-то неопредѣленной выси, словно бы съ облаковъ. — Эй ты, сволочь! кричалъ невидимый, очевидно впрочемъ адресуя свое воззваніе къ куфаркѣ, старавшейся обратить слѣпцовъ къ болѣе благой дѣятельности, посредствомъ разбитія объ ихъ головы ненужнаго въ хозяйствѣ горшка. — Ты какъ смѣешь, анафема, горшки на дворъ бросать? Да еще въ людей? Вотъ я тебя къ мировому стащу.

— Въ самоѣ дѣлѣ, отозвался на это кто-то другой. — Што ты, Афросинья, надъ всѣмъ домоѣ свою власть показываешь, — думаешь: при генеральшѣ служишь, такъ на тебя и управы нѣтъ никакой. Эка ухитрило ее: въ слѣпинькаго старичка — бацъ горш-комъ!..

— Васъ не спросилась, голь чиненая? отрѣзала властительная Афросинья. — Вотъ еще барынѣ доложу, чтобы онѣ приказали управляющему вонъ васъ отсюда турить. А то вы тутъ только черный народъ смущаете...

— Утерла носы-то ловко! слышалось изъ подваловъ.— Не посмотрѣла, что адвокаты. Она медни самого г. мирового такъ-то отчитывала. Они видятъ: баба-дура, сейчасъ же отъ ей штрафами отходить принялись. Она имъ слово, а они на ее штрафъ, она заплатитъ и опять въ свои глупости пустится, а они ее опять на штрафъ, словно бы какъ Лихого кобеля на цѣпъ. Смиху что было... Потому ужъ въ такой докладъ къ бабѣ вошли: ну теперь, сударыня, ежели вы въ случаѣ опять что насчетъ, т. е. вашихъ глупостей, такъ не угодно ли, къ примѣру, въ тюремное заключеніе... Ну, тутъ она заревѣла — и въ ноги... Больше потому въ ей этотъ форсъ, што генеральша ее очень любитъ: день и ночь съ ней все по божеству, все по божеству... Къ генеральшѣ-то такіе-то ли прѣзжаютъ... Всѣ изъ этихъ...

— Слышите вонъ, заговорилъ снова гладко-выбритый баринъ, — какъ *они* своихъ заступниковъ аттестуютъ? Хи, хи, хи! Нѣтъ тутъ заступничеству-то мѣста нѣтъ. А тутъ вы *его* рубликомъ, рубликомъ-то и проберите... И *его*, какъ *они* говорятъ, *общество*-то это самое рублишкомъ и принугните... Хи, хи, хи! Вотъ тогда у насъ пролетаріата-то этого и не будетъ. И толковать слѣдовательно будетъ не о чемъ. А то какимъ-то четвертымъ сословіемъ страхъ даже успѣли нагнуть. А тутъ ларчикъ-то просто открывается... Хи, хи, хи!

— Хи, хи, хи! подсмѣивалась змѣйка. — Рублевымъ ключикомъ, ваше—ство!.. Хи, хи, хи!

Порывомъ внезапно налетѣвшей бури сорвало съ уходившаго слѣнца его ухарскій картузь. Оторопѣлый, стоялъ старикъ посреди двора, между тѣмъ какъ мальчишка, вмѣстѣ съ вихремъ, крутился по дворику, стараясь поймать дяденькину фуражку. Его бѣдые волосенки трепались по вѣтру, словно бы тѣ молодыя пичуги, которыя, сидя на гнѣздѣ, бесплодно трепыхаютъ крыльями, совершенно еще неспособными къ тому, чтобы унести своихъ юныхъ обладателей вслѣдъ за ихъ высоко-взвившимися родителями.

Полилъ сильный дождь вмѣстѣ съ какою-то свѣжною слякотью,

отъ которой музыканты попробовали скорониться подъ крылечнымъ навѣсомъ.

— Нѣтъ ужъ это, братъ, наше вамъ почтенье! отнесся дворникъ къ слѣпцу.—Пошелъ, пошелъ отсюда, проваливай! Вы вотъ тутъ фатеры-то повысмотрите, а ночью съ пріятелемъ на чердачокъ. Нѣтъ ли, моля, на чердачкѣ-то бѣльца какогонибудь? Ха, ха, ха! Знаемъ мы васъ!

— Нѣтъ, братъ, онъ васъ слѣпыхъ разузналъ довольно хорошо, — кричала съ грохотомъ мастеровая братія, высовывая на холодокъ изъ подвальныхъ оконъ, залитыхъ пламенемъ горновъ, свои потныя лица.—Гони, другъ, ихъ! Слижутъ чтонибудь, скажутъ на нашего брата—мастерового человѣка.

— Резонно! пробурчалъ это-то, громыхая форткой.—Нѣтъ, тутъ и безъ нищихъ-то тѣсно пришлось, возьми хоть да живой въ землю и закапывайся...

— Скоты! Подлецы! слышалось изъ недовѣдомой выси.

— Боже! Боже ты мой! съ естественнымъ во всѣхъ слѣпцахъ трагизмомъ проговорилъ старикъ.—Пойдемъ, сынокъ! Веди, голубы!

— Веди его, бѣлоголовый! заоралъ подвалъ.—Ему тутъ по близости... Ха! ха! ха!

— Ахъ, чортъ! Недалечко, говоришь, старику-то?

— Недалечко-съ! У ихней тутъ у полюбовницы въ нидальнихъ мѣстахъ усадьба стоитъ-съ. Лыкомъ шита, небомъ крыта, колышкомъ подперта. Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! Ахъ ты идоль эдакой! Завсѣгда какойнибудь стихъ отмолотить...

— А что это, братцы, вдругъ это, то ись, была все жара, жара, и тоже вдругъ снѣжку Царь небесный послалъ. Въ нашихъ сторонахъ этого не въ примѣту. Знаменье это, что ли какое? задумчиво освѣдомлялся кто-то у кого-то.

— Эхъ, голова! отвѣчали на задумчивый вопросъ.—Какое тамъ знаменье? Просто, братецъ, я тебѣ прямо скажу, это ладоцкимъ льдомъ по Невѣ тронуло.

— Ладопкій ледь! послышалась глубокая иронія надъ высказаннымъ объясненіемъ. — По нашему: эфто къ дубу.

— Къ дубу?

— Такъ точно! Взяли ль въ умъ?

— Задалъ задачу! Ха, ха, ха!

— Какъ же это, то ись, къ дубу-сь, — позвольте узнать-сь?

— Ну ужъ это сами раскусывайте.

— А такъ мы это раскусываемъ, што вы самый необразованный человекъ. Говорить съ вами не стоитъ вниманья.

— Вашъ отвѣтъ не въ текстъ.

— Напротивъ! Очень даже мы понимаемъ ваши глупости...

Произошла общая, громкоголосная галда, изъ которой только и было слышно:

— Нѣтъ, братъ, руки коротки!

— Духъ вонъ вышибу!

— Братцы! Войтесъ Бога... Усмиритесъ вы, ради создателя...

— Нѣ-ѣтъ! По нонішнимъ временамъ, ежели ты такъ-то съ своимъ умомъ-то будешь шириться... Умъ да умъ у меня... Подожди! Мы тебя посократимъ...

— Это ты все съ своимъ умомъ-то; а я къ тебѣ напротивъ съ политикой подошедчи; но ты же, свинья, что со мной сдѣлалъ? Вѣсто пріятнаго разговора, вона куда махануль...

— Встрахивай, встрахивай его! Нечего разглядывать-то, не узорчатый... Махай!..

— Эй вы, сволочь! Загорланили! Лишнихъ два часа промору на работѣ, — покрылъ всю эту свалку грозный, командный баритонъ, звучавшій нѣмецкимъ акцентомъ.

Баталія смолкла—и послѣ нея на петербургскомъ дворикѣ остался только клочокъ пасмурно-свинцоваго неба, которое безустанно обсѣвало его какою-то полумерзлой, полуталой слякотью, да дворники, сопровождавшіе свои старанія смести эту слякоть энергическими поллевываніями на свои руки и ругательствами въ родѣ слѣдующихъ:

— Нѣтъ! Надо полагать, ее отсюда—слякоть-то эту гнилую—

«Дѣло», № 10.

одинъ чортъ вымететь!.. Откуда только берется? Шабашъ, братцы! Гайда въ портерную... Чортъ ее возьми и съ чистотой-то совѣмъ... Кажется бы, на эфдакую мразь и глазамъ-то обидно глядѣть...

II.

Ни одинъ изъ этихъ петербургскихъ жизненныхъ воплей не могъ пробраться въ квартиру Івана Николаевича Померанцева, служившаго въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ столицы. Черная клеенка, которой съ наружной стороны была обита дверь померанцевской квартиры, смотрѣла на посѣтителей какимъ-то мрачнымъ и безпривѣтнымъ взглядомъ, какъ будто говорившимъ: напрасно ты, братъ, къ намъ притащился! Намъ и безъ тебя хорошо! Колокольчикъ звякалъ сердито и хрипло, что весьма походило на ворчанье стараго лакея — барскаго любимца, который, въ видахъ охраненія господскихъ интересовъ, огрызается на всякое, даже на самое ласковое, слово, сказанное ему посторонними лицами. Оконныя рамы никогда не выставлялись — и самыя окна, вплотную завѣшанныя бѣлыми сторами, если на нихъ смотрѣли со двора, представляли собою удивительное сходство съ тою не то сердитою, не то страдальческой безжизненностью, которая обыкновенно бываетъ разлита по лицамъ слѣпорожденныхъ.

Впечатлѣніе, которое производятъ на людей Иванъ Николаевичъ собственной особой, было не лучше впечатлѣнія, производимаго его квартирой. Вообще онъ имѣлъ угловатая, такъ называемая, медвѣжья манеры, сутулую спину, угрюмое, обросшее страшной растительностью лицо и черные глаза, съ постояннымъ и крайнимъ недовольствомъ устремленные въ землю.

Разговаривать съ добрыми пріятелями Иванъ Николаевичъ былъ тоже не особенный охотникъ. Разсматривая, по своему обыкновению, персть земную, онъ на всѣ вопросы отсыпалъ лаконически: да! нѣтъ отвajитесь!

— Душечка! Померанчикъ! подтрунивали надъ нимъ его департаментскіе сослуживцы.— Подари словечкомъ,— я тебя за это въ сахарныя уста поцѣлую. Улыбнись, дитятко, — покажи зубки. Ну же показывай—не упрямясь! Агу, голубчикъ, агунюшки!

— Полно вамъ потѣшать вашу дурасть, — отрѣзывалъ Иванъ Николаевичъ.— Совѣтую вамъ скрыть ее поскорѣе вотъ въ эти бумаги, а то она слишкомъ глаза мозолитъ порядочнымъ людямъ. Право такъ-то выгоднѣе будетъ для вашей небытной юности.

— Припомните ваши слова, г. Померанцевъ, — стусевывался насмѣшникъ.— Съ вами по-товарищески пошутить хотѣли, а вы...

— Отвяжитесь! Я вамъ вовсе не товарищъ, — не повышая и не понижая своего сердитаго, тягучаго голоса заканчивалъ Померанцевъ, — и почему-то всегда выходило такъ, что, послѣ этого голоса, во всемъ столѣ надолго воцарялись тѣ минуты безмолвія и даже какъ будто какой-то конфузливости, про которыя люди говорятъ, что во время ихъ пролетаютъ тихіе ангелы.

Только послѣ долгаго времени въ какойнибудь курительной комнатѣ, или въ уединенномъ архивѣ возобновлялись прерванные подобными минутами разговоры:

— Что это ты, брагепъ, спустилъ этому скоту—Померанцеву? Какъ онъ тебя за простую шутку отдѣлалъ? Струсилъ... Да я бы его на твоёмъ мѣстѣ...

— Да ну его ко всемъ чертямъ! Стану я со всякимъ дикаремъ связываться. Это дикарь какой-то, а не товарищъ. Ни самъ никуда не ходитъ, ни къ себѣ не зоветъ. Слова по году не дожدهмся. Подсолить вотъ ему слѣдуетъ, чтобы онъ къ медвѣдямъ служить-то изъ департамента убирался...

Многоразличный пролетаріатъ, присущій каждому петербургскому дому, въ видѣ дворниковъ и поддворниковъ, привазчиковъ въ мелочныхъ лавочкахъ и ихъ подручныхъ, часовыхъ, стоящихъ около дома, и ихъ подчастковъ, старыхъ прачекъ, отбирающихъ у дачальцевъ бѣлье, и ихъ молодыхъ помощницъ, зараженныхъ неизлѣчимой страстью часто шататься по одинокимъ людямъ съ многообъщающими улыбками и съ вопросами относительно того, „какъ

сударю угодно будетъ, чтобы груди пущены были—плойкой, али въ аглицкій трахмаль,“ — весь этотъ людъ, говорю, злился на Ивана Николаевича гораздо болѣе, чѣмъ злились на него его департаментскіе друзья.

Къ Ивану Николаевичу является разсыльный изъ квартала и, переминаясь у притолки, докладываетъ:

— Къ вашему вашескобродію! 11-го сего мѣсяца пожалуйста къ г. надзирателю,—приказали просить.

— Зачѣмъ? спрашиваетъ Иванъ Николаевичъ, не глядя на докладчика.

— А по дѣлу, ваше вашескобродіе, живущей съ вами по сусѣдству солдатской вдовы—дѣвки Христины Петровой съ г. корнетомъ Сѣноваловымъ.

— Я ничего не знаю.

— Па-амилуйте, ваше васкобродіе! воодушевлялся солдатикъ. — Аны, т. е. г. корнетъ, пришедчи, наприимѣрь, ночнымъ временемъ въ Христинину спальню, изволили избить тамъ палашомъ какого-то француза. Ахъ! фамилію-то я забылъ евойную,—дай Богъ памяти! Но только этотъ французъ самъ титулярный совѣтникъ. Господину корнету такъ поступать не подобало, потому отъ эфтого отъ самого шумъ вышелъ—это что же въ самъ дѣлѣ будетъ такое? Вѣдь эфто, хоть до кого...

— Ну мнѣ, другъ, до этого дѣла нѣтъ.

— Но какъ намъ, ваше вашескобродіе, приказъ отданъ, штобы, т. е. весь домъ поголовно... Какже-съ! Дознаніе будетъ-съ... Безъ эфтого тоже вѣдь и гг. начальникамъ невозможно-съ...

— Некогда мнѣ, братецъ! Отправляйся-ка съ Богомъ; а надзирателю я напишу.

— Счастливо оставаться! откланивался солдатъ и, вышедши на лѣстницу, бормоталъ:

— Вотъ сволочь-то, а еще баринъ! Хошь пятачокъ бы когда, хошь бы рюмку какую для смѣху... Прямой пymarанецъ?

Рои дворниковъ, жужжащіе по высокаторжественнымъ днямъ свои „продравленія съ праздничкомъ, свои желанія добрымъ гос-

подамъ добраго здоровья и всякаго благополучія,“ — рои, сладко заливающіеся на тѣму *на чашкѣ бы съ вашей милости-съ*, безъ малѣйшаго вниманія къ ихъ сладкогласности, были распугиваемы сердитой фізіономіей Ивана Николаевича и его басистою, отрывистою рѣчью.

— Сколько разъ я просилъ васъ, г. старшій дворникъ, — говорилъ Померанцевъ, — чтобы вы ко мнѣ ходили не иначе, какъ перваго числа за полученіемъ квартирныхъ денегъ. Вотъ я переѣду изъ вашего дома и скажу хозяину, что мнѣ отъ васъ покою никакого не было. Вѣдь вамъ за это не хорошо будетъ.

— Ахъ, ваше высокоблагородіе! защищался дворникъ съ такой умилной улыбкой, которая совершенно обнажала его бѣлые зубы съ застрявшей въ нихъ вчерашней говядиной. — Вѣдь какіе нонѣ дни-то-съ, — сами изволите знать-съ. Другіе жильцы насупротивъ того, сударь... Возьмемъ теперича изъ купечества какіе, такъ даже въ большую амбіцію входятъ, ежели, такъ будемъ говорить, отъ нашего брата проздравленія не получаютъ.

— Ну я не обижусь. Я обижаюсь на то, когда меня безъ толку беспокоятъ.

— Просимъ прощенья, сударь! Не посятуйте, что, къ примѣру...

— До свиданья! До свиданья!

— Ахъ, бѣсъ! Ахъ, лѣшій! допѣваль хоръ свою пѣсню уже на лѣстницѣ. — И для такого праздника... А? Ахъ! И искушенье намъ только съ этимъ дьяволомъ, — сичасъ умереть! Весь домъ отъ его въ смуту вошоль...

Пятнадцатилѣтняя прачка — Дуняша, надъ щеками которой, горѣвшими здоровьемъ и юностью, такъ любовно грохотала вся мастеровая и немастеровая молодежь цѣлаго дома, была поставлена въ крайній тупикъ тою штукой, которую, по ея словамъ, *удралъ съ нею этотъ приказный, — повѣтчикъ-то...*

— Визу я, милыя мои, — картава, какъ ребенокъ и мило хлопывая пухлыми губками, рассказывала однажды Дуняша про эту штуку многочисленной публикѣ, собравшейся подъ воротами, —

визу я, сто онъ ходитъ скусный такой, одинъ завсегда, и думаю: сто, моль, у всѣхъ у господъ я бываю, со всѣми знакома,—дай, моль, и къ нему схожу, посмотрю, сто за человѣкъ такой—и посла сдулу-то. Схватила платки его, какіе у насей хозяйки въ мытьѣ были—и плисла. Плисла и спласываю: почемъ вы, судаль, эти платки покупали?

— А онъ—лицемѣль эдакой—и говолить мнѣ,—продолжала Дуняша, мѣняя въ этомъ мѣстѣ разсказа свой шепелявый, щебе-щущій голосокъ на грозный басъ,—а вамъ какое дѣло до этого,—закличалъ онъ на меня. Какъ вамъ, говолить, не стыдно такой молоденькой дѣвочкѣ хвосты по всему дому тлепать? Ко мнѣ не тлепите, а то къ хозяйкѣ сведу... Ха, ха, ха! Вотъ билюкъ-то!

— Истинно, бирюкъ, — подхохатывала Дуняшѣ приворотная компанія.—Замѣсто того, чтобы съ молодой барышней *обойдтицца учливо*, штобы, примѣромъ, въ эфтавихъ-то статьяхъ, какъ кавалеру поступать подобаетъ? Нѣтъ у тебя кофію, угощай чаемъ, али другимъ какимъ ни наестъ гостинцемъ...

— Ну это, братъ, по человѣку глядя,—перебилъ кто-то, вѣроятно, болѣе знакомый съ условіями, по которымъ, какъ и кого принимать должно, — это, другъ, тоже въ эфтихъ разакъ и на года смотрѣтъ надоть...

— А я къ чему? Къ ему—къ подлецу—не какаля-нибудь пришла, а дѣвица въ соку... Нѣтъ, братъ, мы знаемъ... Тутъ не полштофъ... Напротивъ тово долженъ тутъ гостинець стоять, можетъ, на всѣхъ столахъ. Такъ-то-ся! А онъ—подлецъ—пымаранецъ эдакой,—право пымаранецъ,—эва куда морду-то загнулъ!..

Дуняша съ громкимъ хохотомъ лебезила уже предъ другою грушой:

— Ха, ха, ха! заливалась она своимъ ребячьимъ смѣхомъ,—я такъ-то смотлю на него и визу, сто онъ совсѣмъ полоумный... Какъ есть бѣсеный... Ха, ха, ха!

— Да изъ какихъ онъ у васъ, чортъ проклятыи?..

— Барышня! Орѣшковъ-съ?..

— Слышно, быдто, онъ окаянный... по чернокнижію што-ли какому...

— Поволно благдаю-сь... Каленые? Смотлю, смотлю — визу: какъ есть полѣсымись ума... Ха, ха, ха!

— Эва загнулъ! По чернокнижію...

— Сказывали... Намъ што?..

— Нѣтъ! Ежели по настоящему-то скажемъ, — вѣшался въ бесѣду какой-то лохматый старикъ, съ огромною, сѣдой бородою, нижняя половина которой была обрызгана зеленою краской, — выдетъ онъ тогда, ежели дѣло будемъ говорить, вонъ изъ какихъ...

Сказавши это, старикъ кивнулъ своей измятой шляпенкой по направленію къ варшавскому вокзалу — и ушелъ, продолжая по-кивывать на этотъ подозрѣваемый въ чемъ-то пунктѣ уже затылкомъ своей шляпенки.

— Эге! ге! ге! раздались во слѣдъ за старикомъ многозначущія междометія. — Тэкъ! Тэкъ! Тэкъ!.. Надо про эфто дѣло... Такъ! Такъ! Такъ!.. Нужно про эту исторію-то... Нѣтъ! Эфто, братъ, надоть, куда слѣдовать...

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, стоже? Я плисла.. Глазу, глазу: какъ есть вѣдьма какая!.. Въ глазахъ полоумство... Ха, ха, ха!

— Барышня! Послшс...с...с... секретно шенталь кто-то изъ расходившагося компанства, стараясь сдѣлать такъ, чтобы шопоть тотъ кто нибудь не услышалъ.

Такимъ образомъ никто ни ногой въ квартиру Ивана Николаевича. Кухарка и парни, нанимаемые имъ для необходимой прислуги, обыкновенно приходили къ нему черезъ какую нибудь недѣлю и съ крайне обиженнымъ выраженіемъ въ нахмуренныхъ лицахъ говорили:

— Пожалуйте, судырь, намъ расчесть.

— Что? спрашиваетъ изумленный сударь. — Зачѣмъ же расчесть? Развѣ у меня работы много, или пища плоха?

— Нѣтъ, судырь! Про это что говорить? Ъды въ волю. А только не приходится намъ...

— Отъ чего не приходится?

— Да такъ! т. е. быдо, судырѣ, тятенька намъ изъ деревни отписамши, што, дескать, быть тебѣ—сыну моему—на старости лѣтъ при мнѣ... Для прокорму, надо полагать, ихнаго занадобился.

— Съ Богомъ, ежели такъ...

Въ скорости послѣ такого разговора какой нибудь Иванъ стоялъ уже съ своимъ скуднымъ скарбомъ подъ воротами и оживленно рассказывалъ компанству, что такого идола, какъ оставленный баринъ, пройди весь Божій свѣтъ, не найдешь.

— А-а, братъ! радовалось компанство.—Вѣдь мы сначала тебѣ еще говорили: не ходи! Что, другъ, напоролся? Ха, ха, ха! Вонъ онъ у насъ какой помаранчикъ-то! Пропекъ, не бойсь, на порядкахъ.

— Пр-признаюсь! соглашался Иванъ съ радостью чловѣка, ищищеннаго дружеской рукой изъ страшной бездны.—То есть такого изверга, такого Іуды-хриstopродавца... н-ну, братцы! Придетъ себѣ изъ присутствія изъ своего и, ровно ополумѣлый какой, такъ и сидитъ. Ни ты къ нему съ разговоромъ, ни ты што... И самъ тоже, глядя на него, сидишь въ кухнѣ безъ языка словно. А онъ, скорфіенище, механику тебѣ какую нибудь ввернетъ—и вѣдь все это у него съ лаской такою выходитъ: ты бы, говорить, Иванъ, погулять пошелъ. Небойсь, знакомые есть. Распалишься тогда на него еще пуще... Д-ды, ч-чортъ ты эдакой, думаешь про себя... Д-да, дьяваллъ!.. Ну, братцы, вотъ она морда-то гдѣ антихристова!..

— Вѣрно! Вѣрно, другъ! Говорили тебѣ съ перваго маху... Га-вар-рили!.. По дружбѣ услуживали...

— Н-ну, слава Богу! Теперича хошь, по крайности... Просимъ прощенья!

— Будьте здоровы! Всякаго благополучія! Въ случаѣ чего ежели, оставьте свой адриць, потому у насъ господа часто спрашиваютъ... Хор-рошіе господа спрашиваютъ, не такіе... Слава Богу, довольно даже извѣстны именитымъ господамъ...

У Ивана начиналась тогда выпивка съ чловѣкомъ, извѣстнымъ

именитымъ господамъ; а Иванъ Николаевичъ, по прежнему, оставался одинокимъ въ своей одинокой квартирѣ.

III.

И вотъ эта-то молчаливая квартира знала все тайны Ивана Николаевича, которыя исковеркали его жизнь и сдѣлали изъ него мрачнаго нелюдима. Не разъ ея безмолвныя стѣны были свидѣтелями того, какъ человѣкъ, приюченный ими, во время безсонныхъ ночей подолгу думалъ о чемъ-то и, всплескивая судорожно-сжатыми руками, вскрикивалъ:

— Боже мой! Боже мой! За что же мнѣ все это? Почему?

Никто не отзывался въ пустынной квартирѣ на эти полночные крики, за исключеніемъ часового маятника, чикавшего съ досаднымъ однообразіемъ, да какой-то птички, трепыхавшей сонными крылышками въ клѣткѣ, привѣшенной къ потолку.

Въ ночной темнотѣ, въ которой, какъ говорится, хоть глазъ выколи, Иванъ Николаевичъ, какъ на ладони, видѣлъ свою далекую родину, прѣтущую роскошными полями, лѣсами и рѣками — и людей, утонувшихъ въ безысходной и совершенно-невообразимой нищетѣ. Вонъ онѣ — эти хиля, вонючія избы, наполненныя орущими дѣтьми, которыхъ старшіе, вмѣсто хлѣба, кормятъ тукманками, вмѣсто ласкъ ругаютъ чертенятами, вмѣсто свойственныхъ всему живому стремленій — поддерживать и воспитывать молодую жизнь, желаютъ ей скорой смерти. Тутъ же и его собственное дѣтство, хилое, безхлѣбное, исполненное ругательства, побой, паршей и всякаго рода лихихъ болѣстей, при одномъ воспоминаніи о которыхъ переворачивается все нутро человѣка, пережившаго ихъ.

Шире и шире развертываются воспоминанія, ясность представленій картинъ прошедшаго доходить до осязательности: вотъ передъ нимъ маленькій, сутулый ребенокъ, робкій до содроганія, болѣзненный до неудержимаго желанія упасть всей головенкой въ колѣна

вонь той старушки, которая пріютилась въ углу комнаты, около алебастровой тумбы.

Видитъ Иванъ Николаевичъ, какъ морщинистыя руки старухи ласково гладятъ голову ребенка, примѣчаетъ даже, что ребенку сдѣлалось лучше отъ этого, потому что онъ успокоился и заснулъ; но руки все продолжаютъ гладить его — и руки тѣ, несмотря на непроницаемый комнатный мракъ, такъ и сверкали въ глазахъ Ивана Николаевича своею прозрачною бѣлизною. Онѣ были такія маленькія, высохшія, по ихъ бѣлому фону узорчато проходили синія, напряженные жилки...

Ребенокъ этотъ — онъ самъ, Иванъ Николаевичъ Померанцевъ. Ознавши это, онъ почему-то засмѣялся тихимъ такимъ смѣхомъ; но тѣмъ не менѣе смѣхъ этотъ довольно звучно прокатился по пустынѣ, одичалымъ комнаткамъ. Ему показалось, что комнатки въ это время покачали головами, какъ бы недоумѣвая чему это онъ смѣется.

— Какъ же мнѣ не смѣяться? старается Иванъ Николаевичъ объяснить своему жилью причину смѣха. — Вѣдь этотъ ребенокъ — я; а старуха — моя бабушка. Да! Она рассказывала мнѣ о томъ, какъ Пугачъ Пензу бралъ, какъ его шайки города Ломовъ, Наровчатъ и Чебаръ раззоряли.

Эта рекомендація и себя и своей бабки не вывела однакожъ квартиру изъ ея недоумѣнія. Она выслушала рассказъ съ сердито и печально-нахмуренными бровями. Иванъ Николаевичъ, какъ бы примѣтивши это, вдругъ вскочилъ съ дивана и скороговоркой проговорилъ:

— Нѣтъ, это однако уже Богъ знаетъ что! Съ стѣнами сталъ разговаривать. Довольно! Уснемъ!

Долго и пристально сквозь шторку всматривался въ померанцевскую спальню петербургскій мѣсяцъ своимъ холоднымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, и вотъ какая-то туча, вѣроятно, сжалившись надъ бессонными людьми, страдавшими отъ этого безучастнаго, неподвижнаго взгляда, закрыла собою мѣсяцъ — и бессонные люди уснули; но въ квартирѣ Ивана Николаевича, къ его ужасу, на

томъ мѣстѣ, гдѣ переливались мѣсячные лучи, теперь сталъ отецъ его, сверкая воспаленными глазами...

А вонъ за дверной драпировкой спряталась его заплаканная мать. Отецъ кричитъ что-то насчетъ какого-то щенка, котораго онъ долженъ кормить, и потомъ съ скрежетомъ зубовъ даетъ клятву убить и щенка, и тѣхъ, кто имъ надѣлилъ его...

Съ проклятіями отца смѣшивается старческой голосъ бабки. Она называетъ зятя злодѣемъ и кровопійцей и выражаетъ несомнѣнную увѣренность въ томъ, что громъ небесный, рано или поздно, непременно поразитъ его за такіа богопротивныя слова...

Истерическій плачь Ивана Николаевича прогналъ эту галлюцинацію—и онъ уснулъ.

Во снѣ очень долгое время передъ нимъ бѣсилось коростовое стадо разношерстныхъ ребятишекъ, голодныхъ, и потому воровавшихъ у всякаго все, что только попадало подъ руку; безпризорныхъ, и потому по-звѣрски изодравшихся; безъ хорошихъ, руководящихъ примѣровъ, и слѣдовательно въ самомъ дѣтствѣ уже обреченныхъ на гибель, какъ, почти безъ исключенія, погибаютъ всѣ люди, неприспособляемые съ раннихъ лѣтъ къ правильнымъ пониманіямъ и отношеніямъ къ жизненной дѣйствительности... Пронзительный звонъ колокольчика загонялъ это стадо въ какія-то смрадные стойла, гдѣ большею частью ему говорились какія-то, ни въ одномъ словѣ общественной жизни неупотребительныя, слова. Шипѣнье гибкихъ, двухъ-аршинныхъ розогъ, ревъ десятка дѣтей, которыхъ въ разныхъ стойлахъ полосовали ими, звонъ колокольчика и, наконецъ, ни отчего этого непрерывавшееся внушеніе тарбарской гибели, сливались въ одинъ общій, исполненный самаго варварскаго безобразія, гулъ и заставляли Ивана Николаевича, какъ одержимаго горячкой, метаться на постели и кричать:

— Боже мой! Боже мой! Что же это за несчастныя времена были? Сколько честнаго и даровитаго сгублено ими?..

Болѣзненное личико сутулаго ребенка опять выглянуло на него изъ этого ошута, въ которомъ, какъ бы въ кипящемъ котлѣ, безразлично варились плачущія дѣти, свистящія ирутья и какія-то

мифологическія образины, то протяжно пѣвшія: слѣдующій! Приступимъ:—*Marci Tullii Ciceronis orationum caput secundum*, то снисходившія до сладострастной скороговорки: такъ! такъ! такъ! Поджарь, поджарь кашку-то, *lictor!* Хе, хе, хе! Не жалѣй казенненькихъ-то!.. Ихъ цѣлый возъ въ прошлую пятницу на базарѣ куплено. Въ тактъ дѣйствуй, подлець! Чикъ, чикъ, чокъ, чокъ! Зайди съ другой стороны, чтобы ровнѣе шло... Я в-васть!..

Пуще всёхъ истязуютъ сутулаго мальчика, потому что онъ, по мѣткому выраженію одного изъ преподавателей татаромудрія, въ одно и то же время составлялъ и красу и безобразіе стойла. Красой онъ былъ потому, что лучше и легче другихъ умѣлъ усвоить себѣ неусвоиваемое, безобразіемъ потому, что, въ дѣйствительности, былъ некрасивъ, болѣзненъ и робокъ. Отсюда происходило то, что мальчишки на смерть заколачивали его изъ зависти къ его красѣ; а татарщина терпѣть его не могла потому, что была лишена всякой возможности представить вниманію гг. ревизоровъ стойла болѣе представительнаго и красиваго премьера.

Съ глубокимъ участіемъ слѣдитъ сонный Иванъ Николаевичъ за судьбой несчастнаго ребенка и, даже забывши, что это никто другой, какъ онъ самъ, говоритъ въ бреду:

— Вѣднѣй! Вѣднѣй! Съ нимъ поступаютъ точно также, какъ со мной! Ахъ, какъ это похоже одно на другое? Нѣтъ? Подождите: я не дамъ погибнуть ему. Я вырву его изъ вашихъ лапъ!

И вотъ видится ему, что стойло, всегда смирное, возможнымъ образомъ прибрано: его грязный полъ усыпанъ свѣжимъ сѣномъ, промзгляя стѣны выбѣлены, лохматые ребятишки выстрижены наголо и прорѣхи на ихъ рваньѣ кое-какъ стянуты толстыми, суровыми нитками. Въ притихшемъ стойлѣ уныло звучитъ болѣзненный голосокъ сутулаго мальчика, не безъ нѣкотораго самодовольствія рассказывавшій, какъ когда-то какой-то *illustrissimus* духъ на голову расколотилъ цѣлую тьму какихъ-то *raganissimos*.

Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой и, кромѣ того, съ любовью къ изученному дѣлу, мальчуганъ передаетъ въ назиданіе своихъ сверстниковъ всё тѣ симпатіи, которыя доблестный дѣвони-

сатель выражаетъ къ illustrissimus'у и равномѣрно все глубокое отвращеніе къ этой расколоченной имъ въ пухъ и прахъ сволочи — paganissimus'амъ.

— И насъ, и насъ также и тому же учили,—воскликаетъ во снѣ Иванъ Николаевичъ, словно бы обрадовавшись тождеству образованія въ разныя времена.—Мальчикъ! Мальчикъ! громко кричитъ онъ, какъ бы окликаая кого-то, находящагося отъ него на большомъ разстояніи.—Брось эту глупую книжонку, мальчикъ! Изорви ее. Не слушай ихъ. Не учись восторгаться грабежемъ и убійствомъ побѣдителей, учись любить и помогать побѣжденнымъ. Ахъ, злодѣи! Испортать они у меня ребенка. Не слышитъ меня бѣдное дитя...

И въ дѣйствительности, ребенокъ не могъ слышать звавшаго голоса, потому что все его вниманіе было окончательно задавлено послѣдними наставленіями, имѣвшими цѣлью еще болѣе усилить его познанія въ татаромудріи. Это былъ послѣдній муштръ, которымъ муштровали мальчика въ стойлѣ и, когда онъ окончился, Иванъ Николаевичъ видѣлъ, какъ сутулый мальчикъ изъ ушата, стоявшаго на дворѣ стойла, умывалъ лицо, раскровавленное нетерпѣливой руководительскою дланію, какъ онъ заботливо пряталъ за пазуху какую-то книжку, какъ переходилъ отвратительный мостишко, перекинутый черезъ великолѣпную рѣку. Потомъ мальчикъ потянулъ въ гору по безконечно-длинной дорогѣ, обсаженной двойнымъ рядомъ густыхъ ветель, залитой дивнымъ сіяніемъ солнца. Иногда онъ останавливался, вынималъ изъ-за пазухи книгу и съ видимою радостью принимался читать ея заглавный листъ, на которомъ было написано слѣдующее: за благонравіе и отличные успѣхи въ наукахъ ученику такого-то стойла и проч.

Вотъ уже видѣется одинъ только картузишка ребенка, съ разорваннымъ пополамъ козыркомъ. Ивану Николаевичу кажется, что картузишка этотъ плаваетъ на поверхности хлѣбнаго моря, какъ на настоящей рѣкѣ остается и долго плаваетъ шапка человѣка, который спрятался на тинистомъ рѣчномъ днѣ вѣстѣ съ своимъ смертельнымъ горемъ...

Нѣтъ болѣе сутулаго ребенка! Всего его схоронила эта пустыня, ласковая и величавая.

— Это онъ домой пошелъ на вакацію! шепчетъ Иванъ Николаевичъ. — Ахъ! Какъ тамъ хорошо теперь!..

IV.

А между тѣмъ къ двери, обитой черной клеенкой, нѣтъ—нѣтъ да и толкнется какое нибудь лицо. Приходила вѣчно-сердитая прачка съ тяжелой корзиной на головѣ и съ длинной рыжеватой эспаньолькой, властительно разсѣвшейся на лѣвой щекѣ. Позволивши нѣсколько разъ нетерпѣливой рукой мастерового человѣка, дорожащаго временемъ, она находчиво посмотрѣла въ замочную скважину и когда увидала, что въ ней нѣтъ ключа, тотчасъ же принялась спускаться съ лѣстницы, пыхтя подъ тяжестью своей ноши и борюча себѣ подъ носъ, что „ишь, де, съ конхъ поръ шуты со двора уносятъ! Придется уже изъ дѣвушекъ кого нибудь спосылать къ нему. Къ этому не опасно,— не дозволить заболтаться, медвѣдемъ лѣснымъ глядить...“

Приходилъ почтальонъ въ разбитыхъ сапогахъ и въ отрепанномъ сюртучишкѣ, весь пропитанный первѣйшимъ полугарнымъ запахомъ. Онъ очень долго звонилъ съ такою энергіей, съ какою звонять у своихъ собственныхъ квартиръ только самые нетерпѣливые хозяева. Ни до чего не дозвонившись, онъ стремительно сбѣжалъ подъ ворота и спросилъ у рыжеватаго дворника, мирно созерцавшаго, подъ вліяніемъ только-что огорошенной на даровщину косушки, бурное теченіе петербургской жизни:

— Што у васъ № 37 поколѣлъ што ли?

— А што?

— Звонилъ, звонилъ...

Дворникъ отвернулся отъ почтальона, не удостоивъ его ни малѣйшимъ отвѣтомъ.

— Што же ты, лѣпшій, ничего не говоришь? Дома нѣтъ, што ли?

— Мы объ эфтишъ неизвѣстны. Малоль у насъ всякаго народу живеть? Углядишь за ними—какъ же?

— Такъ вотъ возьми письмо.

— Ну это дѣло не наше — за всякаго по три копѣйки платить.

— Мы тебя пропекежъ, пымаранецъ, думаетъ дворникъ, послѣ ухода почтальона, по мышачьи, проворно юркнувшаго вмѣстѣ съ письмами въ ближайшій погребокъ. — Мы тебѣ дадимъ письма!

— Эй, другъ! Послушай-ка! спрашиваетъ дворника какой-то господинъ, не сходя съ извозничьихъ дрожекъ. — Что Иванъ Николаевичъ Померанцевъ дома?

— Толички сичасъ вышедчи, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ дворникъ, держа на отлетѣ снятую шапку. — Вотъ толички, что передъ вашимъ пріѣздомъ взяли извозчика и въ эфту-то вотъ самую сторону и натрафили.

— Мы тебѣ удружимъ! повторялъ дворникъ тихомолкомъ, самолично взбираясь къ Ивану Николаевичу съ огромной вязанкой дровъ. — Мы тебѣ покажемъ коку съ сокомъ.

И на его звонки не отперлась непривѣтливая дверь, ревниво охранявшая своего хозяина съ его думами и видѣніями.

— И когда его черти унесли только? недоумѣвалъ дворникъ, сбрасывая дрова у дверей. — Кажись, все время у воротъ сидѣлъ, а не видѣлъ. Ну да ничево! Подбирай покажѣсть дрова-то, пымаранецъ! Паг-гади! Мы тебѣ удружимъ...

— Вамъ кого угодно? спрашивалъ онъ уже на дворѣ браваго, сѣдого шеврониста, видимо отыскивавшаго чью-то квартиру.

— Господина чиновника Померанцева, отвѣчаетъ ундеръ. — Отъ г. экзекутора изъ департамента присланъ, чтобы, т. е. изволили они явиться на мѣсто своей службы. Который ужъ день ни сами не являются, ни репортчики не шлютъ. Это што же будетъ тавое?

— Да ихъ ужъ кое мѣсто дома нѣтъ, — докладываетъ дворникъ. — Многіе спрашивали, — не вы одни. Да вѣдь гдѣ жъ ихъ найдешъ? Онамедни еще въ двухъ коляскахъ укатили куда-то, надо

такъ полагать, што за городъ... Барышни, этта, при ихъ... товарищи... Што вина съ собою понаклали, што всякой всячины, — страсть!..

— Что же это? Значить, тово?.. освѣдомляется ундеръ, знаменательно пощелкивая себя по тугому воротнику. — Бываетъ сюда-то?

— Быв-вайтъ? удивился дворникъ. — Да кажинный божій день... То есть такія гулянья, хоть бы графу какому!.. То просители, то мало ли кто... Основой снуютъ... И сколько намъ хлопотъ съ этимъ господиномъ, б-бѣда! То и дѣло въ фартакъ изъ-за нево... Она-медни, этта, двухъ дѣвиць р-рѣзь по шповамъ!.. Вла-ородныхъ — не какихъ нибудь... Такъ-тось! Бѣ-ѣд-довый, умереть на мѣстѣ!

— Гмъ! кашлянулъ ундеръ. — Такъ нѣтъ дома?

— Ни Б-боже мой...

— А гдѣ тутъ у васъ позабористѣе? Ходишь-ходишь за ними, собираешь, собираешь ихъ, совсѣмъ съ ногъ собьешься.

— Позабористѣе? Вотъ, насупротивъ! Дѣбѣгемъ на минутую. Я встати съ вами, г. кавалеръ, за компанію. У меня, признаться, нонѣ тоже поясница што-то... Поигрываетъ, быдто... А заведеньице у насъ, прямо сказать, хоть бы гыспадамъ афицерамъ гулять... Не замараются, — вѣрите слову...

— Намъ все единственно, сказалъ ундеръ, уже на шагъ къ рекомендованному заведеньицу. — Привыкши ко всякимъ... Въ тридцать-то восемь годовъ... Д-да! Привыкнешъ ко всякимъ, другъ!.. Нюхаешь? Самъ теръ... На березовой золь...

— Больше трубку... А впрочемъ потрибляемъ скуки для ради! Ч-ч-х-х! О, да какой лютой, волкъ его зарѣжь! Такъ въ слезы и вдарилъ!

— Хе, хе, хе! засмѣялся ундеръ. — Вдарить какъ есть! Привычныхъ-то вонъ какіе ежели, такъ и то... Страсть! Крестятся инне... Это, говорятъ, чортъ, а не табаекъ! Хе, хе, хе!

Ничего этого не видить и не слышитъ Иванъ Николаевичъ, потому что онъ снова увидалъ своего сутулаго мальчика, который уже теперь не мальчикъ, а взрослый юноша, съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ. Какъ большая часть юношей, онъ ве-

детъ свой дневникъ — и Иванъ Николаевичъ читаетъ этотъ дневникъ съ самымъ пожирающимъ любопытствомъ.

Дневникъ начинался описаніемъ значительнаго провинціального города, который своими дивами очень подѣйствовалъ на впечатлительное воображеніе ребенка, невидавшаго ничего грандіознѣе двухъ-этажнаго дома уѣзднаго головы. Тутъ было и ученые губернскаго батальона, съ серьезнымъ, но нѣсколько хриповатымъ подполковникомъ, то и дѣло встряхивавшія плечи котораго такъ и рассыпали отъ себя золотыя искры. Большая Московская улица занимала въ дневникѣ цѣлыя десять страницъ: золоченые государственныя орлы, распростертыя надъ дверями двухъ губернскихъ айтекъ, довели до лиризма младенческой слогъ сутулаго мальчика. Всесвѣтная слава русскаго орла была воспѣта едва-едва грамотнымъ постою съ чувствомъ, дѣлавшимъ отличную честь его патриотическимъ стремленіямъ. Быстро пролетавшія кареты помѣщиковъ и разныхъ губернскихъ властей заставляли мальчугана съ судорожной поспѣшностью сдергивать съ головы шапочку и почтительно раскланиваться съ возсѣдавшими въ нихъ, какъ говорится въ „Приключеніяхъ англійскаго милорда Георга“, знатными обоюга пола персонажами.

— „Но барыни, сказано было въ дневникѣ, смѣялись надо мной и въ слухъ съ громкимъ смѣхомъ говорили: ахъ, какой смѣшной мальчишка! А я перенялъ это у нашего священника и у тятеньки — и потому мнѣ было очень обидно, что надо мною смѣются. Священникъ и тятенька поклонятся, бывало, всякому тарантасу, какой по селу проѣдетъ. Случалось, что тарантасъ бывалъ задернутъ кожей, но они все-таки кланялись. Я однажды сказалъ тятенькѣ: вѣдь баринъ-то спитъ, зачѣмъ же ты кланяешься? Какъ зачѣмъ? удивлялся тятенька. А ежели въ случаѣ баринъ-то проснется да у кучера спроситъ: што, скажетъ, кланялись мнѣ въ такомъ-то селѣ?..

Глубоко, такъ сказать, трепетавшими штрихами, ребенокъ описываетъ тотъ экзаменъ, которому подвергли его въ губернскомъ городѣ.

„Мой тятенька, гѣтописалъ ребенокъ, все время крестился и плакалъ, стоя у растворенныхъ классныхъ дверей. Съ нимъ вмѣстѣ стояло много священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ. Всѣ они вытирали заплаканныя лица красными ситцевыми платками и тоже, какъ и отецъ мой, глубоко вздыхали и крестились. Я писалъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ: *serva ordinem et ordo servabite*, но не могъ хорошо писать, потому что отъ страха мнѣ хотѣлось спать... Отецъ въ это время потихоньку взглядывалъ на меня изъ-за дверной притолоки и грозился пальцемъ, чтобы, т. е. я старался... Я отъ этого еще пуще пугался...

Подлѣ меня сидѣлъ мальчикъ съ большими синими глазами. Онъ какъ будто ничего не боялся, а все засматривалъ въ мою тетрадь и все спрашивалъ у меня, какъ будетъ *perfectum* такого-то глагола, какъ *supinum*. Я ему подсказывалъ, что зналъ...

Потомъ мы съ нимъ разговорились шопотомъ, не глядя другъ на друга, чтобы насъ не замѣтили, и онъ сказалъ мнѣ: напиши мнѣ разсужденіе, *amice!* Я тебѣ арбузъ уютка куплю. Я ему сталъ писать, а меня вызвали на середину.

И какъ я на билеты былъ очень счастливъ, то меня спросили про Китай. Я очень хорошо зналъ про Китай и сталъ отвѣчать, а преосвященный сталъ смотрѣть въ меня (сѣдой весь!) и глаза у него въ это время то смыкались, то открывались, словно бы и ему спать хотѣлось. Я не могъ смотрѣть ему въ глаза, и самъ отъ страха зажмурился. Такъ и отвѣчалъ, а самъ все думалъ: какъ бы меня не спросили изъ физической географіи, или изъ Россійской имперіи. Изъ нихъ я не понималъ, какъ земля совершаетъ двойное движеніе — около себя и около своей оси; а изъ Россіи, кромѣ какъ наизусть выучилъ всѣ губернскіе и уѣздные города, ничего не зналъ, — особенно рѣки, кромѣ Волги, ни объ одной понятія не имѣлъ... Этого я очень опасался...

Однако Богъ спасъ. Спрашивали еще изъ Остъ-Индіи, и это отвѣтилъ отлично. Преосвященный изволилъ благословить меня и сказать: „Хорошо, дитя! Старайся!“

Не помню, какъ я выбѣжалъ къ отцу въ корридоръ. Онъ и

дядя стали цѣловать меня и говорить: „молодецъ! Вотъ такъ отрѣзалъ!“ Примѣтилъ я, что отъ нихъ отъ обонянь пахнетъ водкой. Какіе тутъ стояли другіе духовные, всѣ хвалили меня, гладили по головѣ, а одинъ какой-то благочинный съ наперстнымъ крестомъ и въ полинялой бархатной камилавкѣ, во все время ходившій поодаль отъ другихъ и важно гладившій бороду, подошелъ къ намъ, далъ мнѣ гривенникъ и, благословивши, сказалъ: „преуспѣвай, остроумецъ! Я на тебя надѣюсь!“ Отъ него и ото всѣхъ пахло водкой. Всѣ другъ надъ другомъ поэтому случаю тихомолкомъ подшучивали.

— Што, отецъ дьяконъ, спрашивалъ мой дядя у входившаго въ корридоръ дьякона въ зеленой рясѣ, который торопливо дожевывалъ крендель, — пропустилъ малую толику?

— Истинно для смѣлости, ваше благородіе! отвѣчалъ дьяконъ дядѣ (а дядя служилъ столоначальникомъ въ консисторіи), потому тутъ какъ разъ можно живота рѣшиться отъ страху. Скоро теперь моего сынишку вызовутъ, и вотъ не стерпѣлъ — выпилъ на шесть копѣекъ. Вѣда, ежели изъ арифметики спросятъ, шабанъ! Придется домой назадъ тащить, потому слабъ у меня сынъ изъ этой науки. Да что? И смотритель-то ихній самъ онамедни мнѣ сознавался: знаю, говорить, только одни именованныя числа. Напившись, этта, пьянъ, со слезами мнѣ толковать принялся: гдѣ мнѣ все, старику помнить, дьяконъ? Представъ, говорить, братъ: на трехъ женахъ женатъ былъ... Тутъ, братъ, дьяконъ, забудешь... Очень дурашливъ въ пьяномъ образѣ этотъ смотритель.

Дядя сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе дописывалъ задачу, а потомъ приходилъ бы къ нему обѣдать. Я пошелъ за парту, а тамъ уже не было ни моей задачи, почти уже конченной, ни сосѣда моего — мальчика съ большими синими глазами. Онъ спѣшно писалъ что-то на задней партѣ и самъ поглядывалъ на меня изъ подлобья. Не нашедши задачи, я принялся плакать, потому что старшій уже началъ собирать сочиненія, и мнѣ нельзя было успѣть написать другое. Примѣтивши, что я плачу, старшій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: о чемъ я плачу? Я сказалъ ему: переводъ мой

пропалъ, когда я экзаменовался.—Ничего, сказалъ старшій. Ты помнишь наизусть все, что тамъ написалъ? Прочти-ка мнѣ.—Я прочелъ. Тогда онъ вдругъ бросился къ мальчику съ синими глазами и напелъ у него мое сочиненіе въ греческомъ Завѣтѣ. Мальчикъ принялся божиться, что переводъ я самъ нарочно подложилъ къ нему въ книгу изъ ненависти; но старшій ему не повѣрилъ и доложилъ объ этомъ его пр—ву.

Они же только немножко взглянули въ нашу сторону и тутъ же тихимъ такимъ голосомъ изволили сказать: „исключить!“ Потомъ сейчасъ взяли перо и толстой чертой, облившей чернильными брызгами всю страницу, вычеркнули изъ списка имя и фамилію мальчика съ синими глазами.

Ужасъ тогда напалъ на всѣхъ страшнѣй! Въ классъ стремительно ворвался благочинный съ крестомъ и въ полинялой камилавкѣ. Бросившись на колѣни, онъ поднялъ руки къверху и кричалъ:

— Ваше пр—во! Пощадите! Простите!

— Сказано! еще тише сказали его пр—во, на минутку открывши глаза и легонько стукнувши по столу художавымъ пальцемъ.

Всѣ тогда, кто присутствовалъ на экзаменѣ, бросились къ благочинному и зашептали около него:

— Батюшка! Извольте идти! Батюшка! Не извольте беспокоить! Идите! Идите! И что это вамъ вздумалось такъ... вдругъ... безъ доклада.

— Да вѣдь дитя!.. рыдалъ благочинный.—Вѣдь онъ у меня единоутробный. Од-динь! Отцы! Помолите за меня... Умру...

И въ то время, какъ отецъ благочинный рыдалъ такимъ образомъ во весь голосъ, какъ сельскія бабы рыдаютъ на похоронахъ отца или мужа, какой-то усталый, больной голосъ протяжно говорилъ:

— Господинъ экзаменаторъ! Зовите слѣдующаго.

Никто не видѣлъ, кто сказалъ эти слова, потому что у всѣхъ были зажмурены глаза...

Обѣдалъ я въ этотъ день, съ отцомъ виѣстѣ, у дяди. Онъ

все смѣялся надъ отцомъ и надо мною, что мы не умѣемъ кушанья брать по-господски. Жена его тоже смѣялась надъ нами и сынъ. Сынъ-то все ко мнѣ по-французски приставалъ; а я ему все по-латыни. Онъ очень конфузился, что меня не понимаетъ, а я его не конфузился. *Fratrem, vel inimicum in te videndum sum?* спрашивалъ я у него. Онъ, наконецъ, заплакалъ и пошелъ жаловаться на меня матери. Я тоже пошелъ къ отцу и дядѣ, чтобы они не велѣли ему налетать на меня съ французскимъ языкомъ, — я этому французскому-то языку очень скоро самъ выучусь. Дядя и отецъ пили въ это время водку и все надо мною смѣялись и экзаменовали меня изъ разныхъ предметовъ и такъ какъ я отвѣчалъ имъ очень хорошо, то дядя подарилъ мнѣ свои старые сапоги и цѣлковый денегъ.

За обѣдомъ было такое угощенье, какого я на свѣтлый праздникъ у своихъ помѣщиковъ не вѣдалъ. Угощали сладкими винами въ высокихъ такихъ рюмкахъ, — кипятъ, какъ кипяткомъ въ чугунѣ, — одна бутылка, дядя-то сказывалъ, четыре цѣлковыхъ стоитъ. Тетка учила меня, какъ держать ножъ, вилку и ложку, а дядя говорилъ мнѣ: вотъ старайся — учись хорошенько, — и у тебя тоже будетъ...

Меня это очень удивляло, потому что дядя былъ исключенъ изъ училища за лѣность и неспособность и, слѣдственно, безъ ученья имѣлъ все. Я сказалъ объ этомъ отцу потихоньку. Отецъ тоже шепотомъ закричалъ на меня: молчи, срамецъ! Развѣ можно такъ про старшихъ думать?..

Къ концу обѣда дядя очень раскуражился и сталъ бранить отца, будто бы, за невѣжество. Говорилъ: произведъ бы я тебя въ дьякона, братъ, но ты, свинья, не стоишь этого. Отецъ сказалъ ему: ты самъ свинья! А я тебѣ старшій братъ. Чуть чуть не подрались, тетка ихъ усмирила и заставила поцѣловаться. Послѣ этого отецъ сталъ говорить многолѣтне дядѣ во весь развертъ, всѣ служители смотрѣли на него изъ другой комнаты и смѣялись; а дядя сидѣлъ въ креслѣ босой, въ красномъ халатѣ и во все горло, визгавшимъ такимъ дискантомъ, то пѣлъ многая лѣта, то кукурекалъ,

въ родѣ кочета... Я этому очень дивился и думалъ: баринъ, а блажить хуже мужика...

Когда всё изъ комнаты ушли спать, я началъ читать подаренныя мнѣ дядей записки, по которымъ долженъ былъ учиться. Онъ нарочно купилъ ихъ для меня цѣлый ворохъ. Мудрены ужасъ какъ! Въ Логикѣ не понялъ ни слова. Богъ знаетъ, что тамъ написано: буквы русскія, а слова латинскія, напр. отношенія идеальнаго къ реальному, послѣдніе абсурды позитивизма и т. д. А то встрѣтилъ фразу, вся она по-русски написана, но я не понялъ ее: „что должно разумѣть подъ словомъ —признаки предметовъ? Подъ словомъ — признаки предметовъ должно разумѣть признаки признаковъ предметовъ которые заключаются въ сихъ признакахъ...“ Какъ меня учила мать, сталъ я молиться святому Наумію, чтобы онъ меня надуумилъ понять; но все не понялъ... Съ сердцовъ сталъ плакать, а потомъ и совсѣмъ уснулъ... Очень меня напугали эти тетради, такъ что и во снѣ все думалъ: ну какъ я изъ нихъ ничего не пойму—и меня возьмутъ да исключать...

На другой день мы съ отцемъ встали еще до свѣту, и онъ сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, такъ что всего его въ это время лихорадка била, —чтобы я, какъ можно, старался учиться по-лучше. Богъ дастъ, говорилъ отецъ, окончишь курсъ, поступишь въ попы, такъ, по крайности, поможешь сестрамъ въ честное замужество выйдти. Не кончишь курса,—шабашъ! Сестры твои шинки откроютъ, мы съ матерью побираться пойдемъ, потому мы къ тому времени всё жили изъ себя на васъ повымотаемъ, —состаримся.

Слушая это, я тоже дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и думалъ, какъ это я такъ не окончу курса? Какъ это мои сестры шинки откроютъ, а отецъ съ матерью побираться пойдутъ? За одинъ разъ мнѣ и сердце щемили отцовы слова, и смѣяться хотѣлось отъ нихъ...

Страдательно нахмутивъ густыя черныя брови, сидитъ въ Петербургѣ за своимъ письменнымъ столомъ Иванъ Николаевичъ и, перелистывая какое-то за № 17,803 „Дѣло объ оштрафованіи

купца Самуила Самойловича за перекуръ трехъ сотъ восемнадцати съ семью сотыми ведеръ полугарнаго вина“, изрѣдеа своимъ густымъ басомъ комментируетъ лепетъ сутулаго ребенка.

— А вѣдь ребенокъ-то погибнетъ, болѣзненно хрипитъ Иванъ Николаевичъ.—Точка въ точку и со мной было такъ. Онъ идетъ по проторенной мною дорогѣ. Я ребенкомъ Бога видѣлъ въ лѣсу... А они тутъ... курсъ... курсъ... Шинки и сестры!.. Я, братъ, знаю, что такое шинки-то! Куманекъ, побывай у меня, да въ присядку! Или: не бѣлы-то снѣги, да въ горячія слезы... Знаемъ.

«Э-эх-хъ вне б-бѣлы...»

— Давно ужъ это было—и я забылъ теперь, какъ Онъ шелъ ко мнѣ изъ сосновой, благоухающей чащи, махая бѣлыми, какъ снѣгъ, крыльями... Я упалъ въ это время и надо мною пронеслись несказанно-сладкіе звуки сдержаннаго лѣснаго вѣтра... Проснулся, а около меня сѣрый, прохладный песокъ, подернутый зеленымъ, ласковымъ мхомъ... На такой почвѣ растутъ высокія сосны... Вечеромъ изъ такого мѣста не вышелъ бы... Я, братъ, знаю... Это, братъ, храмъ, а не декорациі...

— Сестры! сестры! продолжалъ Иванъ Николаевичъ свой монологъ.—Нѣтъ, этими сестрами-то да благонамѣреніями пуститься съ сумой, хоть кого напугаешь. Она, сестра-то, что такое въ нашемъ нищенскомъ быту? Ее вотъ ребенкомъ-то нянчишь-нянчишь, а и самъ-то въ это время съ клопа весь. Спишь-спишь съ ней на полу подъ лавкой вмѣстѣ съ котятами, все лицо-то тебѣ она разцарапаетъ, шкуръ двадцать съ рыла-то съ твоего сдерутъ ея когти, прежде чѣмъ она въ разумъ войдетъ, отъ полу мало-мальски поднимется. А поднимется, станешь ты ее на своихъ молодыхъ плечѣхъ изъ навозныхъ ямъ вывозить. И вѣдь вывозится будто... Понимаешь ли? спрашиваешь. — Понимаю, шепотомъ говорить, и видишь, что у ней слезинки на глазахъ навернулись, по бѣлому лбу ранней дорогой морщинки пошли...

— Думаешь тогда: а-а? Изъ дѣвочки-то человекъ выйдетъ, не коровка. И вдругъ пріѣдешь ты домой помогать отцу Христа славить, а она тебя, какъ обухомъ въ лобъ, ошарашиваетъ: милый,

говорить, братецъ! Не смѣши я, говорить, доложить родителямъ, что у насъ полковая рота стоитъ... Н-ну? спрашиваетъ братъ.— Такъ вотъ таперича я замужь выхожу за солдатика одного... Онъ почитай въ офицерствѣ... шинель со сборками носить, на дворянскій манеръ...

— Ополоумѣшь, какъ этакой-то рапортъ тебѣ подsunуть о выхожденіи въ замужество за солдатика, носящаго сборчатую шинель...

— Конечно, тутъ до шинка-то рукою подать. А тамъ:

«Опоздился купецъ
На дорогѣ большой...»

запѣлъ Иванъ Николаевичъ въ своей пустой квартирѣ и со смѣхомъ забормоталъ: а въ скорости въ сихъ мѣстахъ должна будетъ явиться молодая, беззаботная бабенка съ румянцемъ во всю щеку, съ громкимъ хохотомъ, съ забористой руганью, однимъ словомъ, та шибко распространенная по лицу земли русской безшабашная погань, которая до гла будетъ опивать остававливающихся въ ея шинкѣ мужиковъ и мѣщанъ и за это будетъ предсказывать имъ по засаленнымъ святцамъ дни праздниковъ и предпразднествъ, лечить ихъ одурѣлыхъ женъ водой, настоянной на присушиношъ и отсушиношъ корняхъ, и въ случаѣ, ежели какое нибудь *имущенское* начальство не будетъ брать взятокъ, такъ эта бабенка приметъ на себя порученіе *обчества* искусить жену безкорыстнаго *имущенскаго* начальника—и искусить ее, чѣмъ и оправдаетъ изрѣченіе мудрыхъ предковъ, гласящее, что гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ... Вотъ она какая сестра-то! Радуйся! А впрочемъ, чортъ съ ними совсѣмъ! неожиданно выругался Иванъ Николаевичъ, махнувши рукою.—Нѣтъ, братъ, мальчишъ! Ужасаться отцовымъ пророчествамъ ты можешь, а смѣяться надъ ними—нѣтъ; потому что все именно такъ и будетъ, какъ не хочеть сейчасъ твое молодое сердце: отецъ твой съ матерью побираться пойдуть, сестры шинки откроютъ, а самъ ты... ужъ и дьяволъ тебя знаетъ, что изъ тебя будетъ современемъ. Поживемъ, такъ увидимъ. Однако, что же это я сержусь? спросилъ себя Иванъ Николаевичъ.—

За что? На кого? Пора бы, кажется, перестать. Ну, мальчишкѣ, рассказывай, чему тебя еще поучалъ отецъ?

«Кромѣ того, рассказывалъ ребенокъ, — отецъ очень сердился на меня за то, что принѣтилъ во мнѣ непочтительность къ старшимъ. Все, говоритъ, онъ, — ты дѣлаешь ериву. Ни къ кому никакого ласкательства не оказываешь. Я чувствовалъ за собою этотъ порокъ, т. е. что ласкаться мнѣ къ людямъ стыдно, подумаютъ, что я у нихъ прошу чего нибудь, и потому сталъ плакать, а отецъ утѣшалъ меня и совѣтовалъ какъ можно скорѣе *исправиться*...

Потомъ я проводилъ его до заставы. Было холодно и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Около заставы стоялъ кабакъ, мы вошли въ него. Тамъ горѣла тусклая, салная свѣчка и сидѣли мужики съ красными, задумчивыми лицами. Отецъ вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ и всѣ деньги высыпалъ мнѣ. Въ кошелекѣ оказалось три серебряныхъ цѣлковыхъ и гривенъ шесть мѣдныхъ. Вотъ, — говоритъ, — тебѣ до Рождества, — кормись! А за квартиру самъ заплачу, когда за тобой прѣйду, брать тебя на Рождество. Я сталъ говорить ему, чтобы онъ взялъ у меня рубль; но онъ отказался отъ рубля, а отсчиталъ себѣ только три гривенника, изъ которыхъ одинъ тутъ же и пропилъ. Я спросилъ у него: какъ же ты съ двухгривеннымъ полтора ста верстъ пройдешь? Что ѣсть будешь?

— Ничего! Какъ нибудь пройду... Притворюсь дежурнымъ изъ консисторіи, — попадѣи, надо полагать, кормить будутъ... Дай-на мнѣ еще гривенничекъ, я выпью.

Я далъ ему гривенникъ... и онъ выпилъ. Выпивши, обнялъ меня, заплакалъ и, рыдаючи, сказалъ:

— Несчастные мы! Несчастны! Несчастіе насъ, кажется, во всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого... всю жизнь, всю-то жизнь жизненскую майся безъ отдыху... Отсюду, за твой голодъ и холодъ, насмѣшки паскудныя, брань мерзкая — и ничего не подѣлаешь!... т. е. никакими средствами не выльзеешь... Какъ бы не вы, ребята, засѣлъ бы я въ любой кабакъ и поволялъ бы въ немъ... Блаже мнѣ было бы!.. Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри же, другъ, учись, старайся!.. Выручай!..

Онъ пошелъ; а я долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ, — до тѣхъ поръ смотрѣлъ, пока совсѣмъ не закрыли его отъ меня туманныя стѣны проливного дождя.

У меня такъ и разрывалось сердце отъ жалости къ отцу — и я едва-едва не убѣждалъ вслѣдъ за нимъ...“

V.

Все больше и больше вчитывался Иванъ Николаевичъ въ дневникъ сутулаго мальчика — и именно какъ будто отъ этого обстоятельства и самъ онъ, и квартира его дѣлались все страннѣе и страннѣе.

Дешевыя гравюры съ дорогихъ оригиналовъ, висѣвшія по стѣнамъ померанцевской квартиры, алебастровыя снимки съ увѣковѣчившихъ человѣческую красоту статуй, разставленные по стѣнамъ маленькаго залка, приняли какое-то странное выраженіе, напоминавшее тусклый и унылый взглядъ человѣка, который долго былъ боленъ, долго страдалъ и скоро долженъ умереть.

Купы цвѣтвъ, въ срединѣ которыхъ бѣлѣли алебастровыя статуэтки, плющъ, такъ красиво обнижавшія картинныя рамки, все это покрылось сѣдою пылью и сѣтчатой паутиной, въ которой жалобно жужжали терзаемыя пауками мухи; между тѣмъ какъ по головкамъ статуэтокъ, между извилистыми линіями кудрей прошла зеленая, скользкая плесень...

Отъ птички, клѣтка которой висѣла у потолка, давно уже не слышно было никакого голоса. Рѣдкимъ только трепыханьемъ крыльевъ она напоминала о себѣ Ивану Николаевичу и тогда онъ подходилъ къ ней и ласково говорилъ:

— Ну что? Ну что? Одни мы съ тобой? А? У тебя водицы нѣтъ? Сѣмечка нѣтъ? Ну дѣло! Я тебѣ подсыплю, подсыплю — и водицы подою. Спи! Ты у меня умница! Вотъ мы съ мальчикомъ такъ дураки, несчастные дураки... Послушай-ка, что онъ тутъ прописываетъ.

И Иванъ Николаевичъ читалъ скороговоркой, по временамъ переи́жая эту скороговорку то сдержаннымъ смѣхомъ, то тѣмъ глухимъ всхлипываніемъ, каковымъ обыкновенно плачутъ мужчины, когда не хотять, чтобы люди видѣли ихъ слезы.

«3 Сентября. Какъ только я, проводивши отца, пришелъ въ классъ, ученики прозвали меня франтомъ, потому что я былъ въ ватной сибиркѣ изъ желтой нанки и въ замшевыхъ перчаткахъ, такъ какъ руки у меня дома отъ работы и отъ нечистоты закоростевѣли и отецъ намазалъ мнѣ ихъ сѣрой съ коровьимъ масломъ. Всѣ меня со смѣхомъ принялись бить, плевать въ лицо, а за мальчика съ большими глазами, который наканунѣ укралъ у меня задачу, стали звать выслужкой, т. е. ябедникомъ. Пришелъ профессоръ въ короткомъ сюртукѣ и въ пестрыхъ штанахъ, которые были на манеръ ситцевыхъ. Онъ сталъ говорить со мной и тогда весь классъ почему-то вдругъ громко захохоталъ, а я сталъ плакать. Профессоръ, вмѣсто того, чтобы заступиться за меня, подмиоргнулъ ученикамъ и сказалъ имъ: не тревожьте его, братцы! Это прекрасный молодой человѣкъ, — сочиненіе Поль-де-Кока, — романъ въ двухъ частяхъ.

Цѣлыхъ полтора часа издѣвался надо мною профессоръ, а классъ грохоталъ и, наконецъ, когда пробили звонокъ, онъ сказалъ мнѣ: ну прощай, дамскій портной! ха, ха, ха!

Такъ съ тѣмъ я и остался, и ни отъ кого мнѣ не было прохода и имени мнѣ отъ товарищей другого не было, какъ только дамскій портной и прекрасный молодой человѣкъ. Всѣми силами старался я подружиться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, но всѣ они, обругавши меня и насмѣявшись надо мной, уходили отъ меня.

Декабря 1-е. Дали сочиненіе: весна пріятна. Нужно было написать три періода: причинный, уступительный и относительный; но я не понималъ, какъ профессоръ училъ сдѣлать это, а просто взялъ и сталъ говорить, какъ приходитъ весна, какъ солнце сушить грязь и вмѣсто нея, встанешь иной разъ по утру, увидишь тропинку мягкую такую, бѣлую... Кто протопталъ ее за ночь, не знаешь; а потомъ побѣжишь по ней... Она криво бѣжитъ къ лав-

кѣ, къ попу, въ кабакъ, потомъ въ лѣсъ, гдѣ и прячется въ прошлогодней, уснѣвшей уже обтаять, травѣ. Въ травѣ вода чистая и холодная, какъ ледъ. Руки и ноги, бывало, ужасно какъ зазнобишь, бродя въ этой водѣ. Онѣ сдѣлаются, бывало, красныя, какъ огонь, а потомъ посинѣютъ. У кого посинѣютъ руки и ноги, мы тому скажемъ: у тебя руки и ноги помертвѣли, потомъ всѣ бросимся на этого мальчишку, или дѣвчонку и станемъ оттирать, а сами хохочемъ на весь лѣсъ... Около насъ шумѣла глубокая и широкая рѣка, а по ней скоро неслись большія льдины съ густыми камышомъ. По нимъ бѣгали и жалобно кричали зайцы, а самыя льдины сіяли на солнцѣ такъ, что мы жмурились глаза... Мы смотрѣли на это по цѣлымъ днямъ и цѣлые дни смѣялись...

— А скверный мальчишка! бормоталъ Иванъ Николаевичъ, покусывая свои бакенбарды.—Изъ него пестъ формируется. Ничего съ нимъ не подѣлаешь. Колѣютъ нынѣ такіе люди хуже паршивыхъ собакъ... Посмотримъ, что дальше будетъ?

— Все это я такъ и написалъ. И много другого еще про бабочекъ, про птицъ,—потомъ какъ у насъ однажды въ полноводье лодка плыла съ мельницы, которую чуть-чуть не затопила вдругъ прорвавшаяся плотина. Въ лодкѣ была мельничиха, сама она правила, отталкивала льдины и кричала, чтобы ей помогли и дѣти у ней въ лодкѣ ползали и кричали, а кто былъ на берегу, всѣ молили Бога, чтобы Онъ помогъ ей. Когда же она подѣхала къ берегу, тогда всѣ бросились цѣловать ее, а ребятки, какіе тутъ были, смѣялись и плясали...

На другой день пришелъ въ классъ профессоръ и спросилъ меня: кто это тебѣ, чучело, написалъ сочиненіе? Я ему сказалъ: никто! Это я самъ написалъ, и въ это время у меня лицо сдѣлалось красное, потому что я на него осерчалъ, зачѣмъ онъ мнѣ не вѣритъ, и мнѣ хотѣлось плакать. Тогда онъ схватилъ меня за уши и закричалъ: врешь, подлецъ! Сейчасъ сознавайся, кто тебѣ это написалъ? Я громко зарыдалъ, а ученики захохотали.

Профессоръ сгналъ меня въ это время съ перваго мѣста на послѣднее; а я написалъ письмо матери, чтобы она ирѣхала ко

мнѣ и *исключила* меня, потому что я не могу понять ученыхъ, т. е. какъ писать.

Мать привезла мнѣ сухой малины и орѣховъ, долго плакала, прыскала мнѣ голову святою водою, потому что голова у меня горѣла, какъ въ огнѣ, а потомъ уѣхала домой съ обратными мужи-ками и я осталася одинъ...

Передъ Святой какъ-то сидѣли мы въ классѣ и профессоръ сказалъ намъ: ну, братцы! теперь скоро публичный экзаменъ будетъ и намъ нужно наострится стихи сочинять. Вотъ они какіе бывають стихи-то,—и онъ развернулъ книгу и началъ намъ читать стихотворенія разныхъ размѣровъ, объясняя при этомъ, что такое ямбъ, хорей, дактиль, ананестъ и др.

И какъ я у дѣдушки, у протопопа, такихъ стиховъ прежде много читалъ, то и подумалъ, что писать ихъ не мудрено... Еще подумалъ, что какъ только я напишу стихи, сейчасъ меня всѣ полюбятъ и профессоръ посадитъ меня на первое мѣсто... Ну кто же напишетъ, братцы! еще разъ спросилъ онъ, и тогда я всталъ съ мѣста и сказалъ, что я могу написать. Онъ задалъ мнѣ—
Осень—и къ концу класса я приготовилъ вотъ какіе стихи:

Осень.

Перезрѣли въ просахъ зерна,
Перезрѣли.
Звонкимъ летомъ надъ рѣками
Птицы пролетѣли.
Въ слѣдъ пмъ пущенъ громкій выстрѣлъ
Отъ сѣннаго стога.
До весны прощайте, птицы,
Путь вамъ и дорога!
Имъ стрѣлокъ сказалъ, ступая
Топкой колею:
Былъ онъ съ потными усами,
Съ мерзлой бородою...»

— Эдакая скверность! недовольнымъ тономъ пробормоталъ Иванъ Николаевичъ, послѣ того какъ продекламировалъ эти стихи. — Поэтишка и есть, какъ и я. Теперь новалечать и постиранать.

Тутъ не помогутъ никакія человѣческія силы! Въ другомъ бы мѣстѣ... конечно... Э! да ну къ чорту все это! Пойду-ка я въ департаментъ. А? Скажите, пожалуйста... Вѣдь ухитрится же бѣсъ...

«Быль онъ съ потными усами,
Съ мерзлой бороδοю...»

„Отъ этихъ стиховъ мнѣ стало еще хуже. Профессоръ избилъ меня за то, что онъ думалъ, что я ихъ списалъ изъ какой нибудь книги и все спрашивалъ меня, какого они развѣра, но я не зналъ этого. Пуще прежняго всѣ возненавидѣли меня; ученики изъ другихъ классовъ останавливали меня на улицахъ, въ корридорахъ и требовали, чтобы я прочиталъ имъ что нибудь *вдругъ изъ своего ума* и когда я не могъ этого сдѣлать, они били меня и говорили: эхъ ты, сочинитель кислыхъ щей!

Однажды я попался на глаза инспектору. Онъ спросилъ у профессора словесности: этотъ что ли у тебя парнишка стихи-то сочиняетъ? Профессоръ отвѣтилъ: такъ точно-съ! Дрянъ самая безнравственная... Извольте обратить вниманіе на морду, ваше—іе! всегда внизъ... А это, доложу вамъ, вѣрнѣйшій признакъ злоудожной души-съ...

Инспекторъ долго и свирѣпо смотрѣлъ на меня, потомъ принялся ощупывать мою голову, стучать по ней въ разныхъ мѣстахъ концами пальцевъ и кулакомъ,—(всѣ говорили, что онъ отлично умѣетъ узнавать человѣческія способности, и потому многіе господа привозили къ нему для этого своихъ дѣтей) и потомъ, обратившись къ профессору, сказалъ:

— У него, дѣйствительно очень развита шишка сочинительства. Только ты гляди у меня, сочинитель: не пей!.. Знаю я вашего брата. Всѣ вы таковы. Запорю, коли что узнаю... А вы смотрите за нимъ построже,—за каждый шагъ пробирайте... Не бойсь, остынетъ; а то вѣдь это искушеніе очень сильно... Не всякій съ нимъ совладѣетъ... О-охо-хо!.. Пошелъ прочь!“

Прошло цѣлыхъ два года еще такого же безсмысленнаго горя, оскорбленій, слезъ и видно было, что ребенокъ формируется. Онъ уже не плакалъ, а злился и негодовалъ—и эта злость и негодо-

ваніе были выражены уже не ребячьимъ лепетомъ, а жаркимъ слогомъ юноши, въ которомъ закипѣло страстное и сильно чувствующее сердце.

„Все бы это опротивѣло мнѣ до безумія, — писалъ мальчикъ, — еслибы я не подружился съ Васильемъ Западovýmъ, который однажды заступился за меня, а потомъ совѣтывалъ мнѣ, чтобы я самъ старался всякому носъ сорвать...“

— Какого ты чорта смотришь на этихъ подлецовъ? говорилъ Западový. — Колони въ морду какого нибудь мерзавца, сейчасъ же тебѣ отъ этого веселѣе сдѣлается... Это, братъ, вѣрно! Ей Богу! Я это пробовалъ — и вотъ, самъ видишь, кто теперь на меня налетаетъ? А то вѣдь и меня, какъ и тебя, чуть-чуть не заклевали...

Я очень его полюбилъ — и вчера мы выпили съ нимъ потихоньку отъ нашихъ квартирныхъ полуштофъ сантуринскаго и потомъ за полночь читали книгу — *Мертвыя Души*. Я много плакалъ, смѣялся, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ дѣлалось до того странно чего-то, что зубы мои стучали, какъ въ лихорадкѣ... Въ мозгу пробѣгала какая-то смутная мысль о томъ, что „вотъ еслибы и мнѣ такъ-то...“ Потомъ мысль эта вдругъ смѣнялась стыдомъ и злостью на себя за то, что она шевелится во мнѣ. Въ груди и головѣ моей неотступно сидѣлъ кто-то и сердито говорилъ: развѣ ты смѣешь желать *этого*, — и этотъ говоръ былъ настолько слышенъ мнѣ, что я терялъ всякую надежду на что-то; а между тѣмъ впервые услышанный мною *громъ другихъ речей*, которыми поэтъ живописалъ людей и природу, лился на меня неизъяснимо-увлекавшей музыкой, отъ которой вздрагивало тѣло и расширялась грудь, вся переполненная чѣмъ-то кипучимъ и необыкновенно сильнымъ...

— Не помню, дочитали ли мы съ Западovýmъ всю книгу до конца, выпили ли весь полуштофъ, помню только тусклое мерцаніе оплившей сальной свѣчи, большую грязную кухню съ уродливыми, пугающими тѣнями по темнымъ угламъ, — хозяйку нашу — Агафью, толстую и добрую женщину, которая изрѣдка вставала съ сундука, подходила къ намъ и осуждающимъ шепотомъ говорила:

— Что это вы разчитались, полуночники? Опять же и винища это, ишь какъ полосуете, ровно бы взрослые!.. Накося! Полуштофъ на двѣ персоны... Ну тебѣ, Васинька, ничего, ты силенъ, Богъ съ тобой! А этоть куда тянется? Ты, сова, что глазищи-то на меня палишь? Вѣдь ты дьяволеншъ, больной... Нѣжный... Ну ты забодѣешь, али Боже избави, оподоужѣешь отъ винища-то? Что я съ тобой буду дѣлать? Мало ли еще надъ тобой грохочуть жеребцы-то ваши?

— Уйди, Семениха! сердито заговорилъ Вася.— Не твое дѣло. А кто надъ нимъ будетъ зубы скалить, все скулы тому сворочу на сторону. Читай, читай, Ваня...

И я снова начиналъ не читать, а какъ будто идти вслѣдъ за чичиковской тройкой, по пыльной столбовой дорогѣ. Вотъ по бокамъ ея бѣлыя церкви, деревни, пріютившіяся у опушки дальняго лѣса, тамъ дальше дымится сизо-серебряная, дугообразная лента рѣки, мы догнали казенный обозъ, изъ гремящихъ безчисленными винтами и цѣпями, зеленыхъ фуръ, пьяный солдатикъ, разгоня молчанье пустыни, валяется на жидковато, но бойко-пеликавшей скрипѣ, звонко хохочетъ, свиститъ и пляшетъ... Одѣтая непроицаемыми облаками дорожной пыли, въ предшествіи, какъ военные крики, буйныхъ и пугавшихъ все встрѣчное, ругательства, мимо насъ промчалась курьерская тройка — и моментально скрылась...

— Вставай, Ваня! говорилъ мнѣ ласково Чичиковъ. — Мы пріѣхали къ Пѣтуху. Петръ Петровичъ! Вотъ рекомендую вамъ Ваню Померанцева. Онъ пріѣхалъ къ вамъ рыбу ловить.

На меня повѣяло той освѣжительной влагой пруда, когда его золотитъ и нѣжитъ закатывающееся солнце. Я бросился въ него — и поплылъ, и поплылъ...

— Да что ты чортовъ сынъ, когда перестанешь барахтаться-то? загремѣлъ надо мною голосъ человѣка, старавшагося связать мои руки. — Ишь, дьяволенокъ, ишь здоровый какой! повторишь этоть голосъ. Я открылъ глаза и увидѣлъ выбѣлennыя стѣны семинарской больницы, мать, умолявшую фельдiera не бить и не

вязать меня и обѣщавшую за это сейчасъ же пойдти въ лавку и отрѣзать ему сукна на штаны, и Васю Западова.

— Ну, мать, молись Богу! заговорилъ фельдшеръ матери. — Очнулся, значить, сто лѣтъ проживетъ. Бѣжи теперь, тащи мнѣ сукна, да прихвати атласцу на галстукъ аршинчикъ. Очень я галстуками-то пообносился... Ухвати кетати, маменька, четверточку табачку — жукетцу, мы тутъ воскуримъ съ твоимъ птенцомъ. Теперича ему это очень въ пользу пойдетъ...

Странное дѣло! Вышелъ я изъ больницы съ совершенно-облѣзлой головою. Посмотрю на себя въ зеркало, толкачъ толкачомъ, какъ есть уродъ; а между тѣмъ никто надо мной не смѣялся. Я сталъ думать, отъ чего это меня обижать перестали, хотя, по прежнему, смотрѣли недоброжелательно, изъ подлобыя, сумрачно — и дѣло объяснилось очень просто: мы всегда и въ классѣ сидѣли, и по улицамъ ходили вдвоемъ съ Западovýmъ и, если на насъ налеталъ кто нибудь съ дракой, мы его колотили до того, что начинали, противъ воли, истерически хохотать надъ его болями и бросали тогда уже, когда намъ самимъ дѣлалось нестерпимо больно отъ нашего смѣха...

Потомъ мы съ Западovýmъ стали брать деньги за то, что писали за другихъ учениковъ сочиненія — и на эти деньги покупали красное вино, которое въ банѣ и выпивали. Это еще болѣе увеличило почетъ, которымъ мы начинали пользоваться. У насъ оказалось много преданныхъ ребятъ, которымъ мы писали даромъ и они рассказывали всѣмъ, что мы необыкновенно умные и добрые, такъ что къ намъ стали ластиться изъ старшихъ классовъ.

Разсуждая обо всемъ этомъ, мы съ Васильемъ очень смѣялись надъ товарищами и говорили другъ другу: вотъ скоты! Когда мы имъ хотѣли душу отдать, они издѣвались надъ нами, какъ надъ собаками, а теперь... вонъ какая штука пошла!..

Долго мы съ своими неопытными умами вертѣлись около этой штуки — и наконецъ рѣшились поступать всегда такимъ образомъ: пробирать всѣхъ и вся, а то самого убьютъ...

Ужъ и доставалось же отъ насъ нашимъ пріятелямъ! Мы состроили себѣ изъ двухъ нашихъ маленькихъ физическихъ силъ

одну, о которую разбивались всё остальные; а нравственные силы къ намъ обоимъ сами пришли... Понявши этотъ фактъ, мы смѣялись и колушматили, колушматили и смѣялись...

— Вотъ теперь въ насъ съ тобой сидятъ подлинно злохудожныя души! часто съ громкимъ хохотомъ говариваль Василій, раздавая на право и на лѣво забористые тумакы.»

— Вотъ такъ подкладка! говоритъ Иванъ Николаевичъ въ своей опустѣлой квартирѣ. — Нарочно такой не придумаешь! Ребячью теплоту подбили чертовой кожей... Дѣльно! Полюбуюсь!

«Впрочемъ, когда мы оставались съ Западнымъ одни, мы долго совѣтывались, какъ бы намъ безъ драки помириться со всѣми—и не находили никакого другого средства. Я до слезъ унываль отъ этого, а Васютка надвинетъ бывало брови, по лицу у него забѣгаютъ въ это время угрюмыя и вмѣстѣ печальныя тѣни—и скажетъ:

— Э! не плачь! Чортъ съ ними! Давай-ка читать...»

— Этотъ хоть, по крайнѣй мѣрѣ, послѣдователенъ,—бормotalъ Иванъ Николаевичъ.—У него душить, такъ душить... Ну давайте, давайте читать... Ахъ Боже мой! Вѣдь все это я знаю. Всѣмъ этимъ сладкимъ чадошъ и моя голова горѣла... Вотъ вамъ „Клятва при гробѣ Господнемъ,“ вотъ „Послѣдній Новикъ,“ —ну „Бусурманъ,“ —ну, „Рославлевъ“ наконецъ,—и какіе тамъ есть еще черти и дьяволы?

— Отечественная литература! Классическія собранія! протяжно и злобно толковаль Иванъ Николаевичъ, тусклыми, безцѣльно-блуждавшими глазами осматривая свою мрачную квартиру, видимо, непонимающую, на что онъ сердится.—Вотъ тебѣ и классики! Гибель!

«Разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей!»

— Какая такая литература? Нравовъ нѣтъ! Есть чортъ знаетъ что, которое всегда прощать должно, за которое всегда страдать должно, а тѣмъ для литературы нѣтъ... Слѣдовательно? Ну и ее нѣтъ... Смѣяться даже лѣнь надъ этимъ безъисходнымъ нивкуда-негодяйствомъ...

— Ну что тамъ еще? Что у тебя еще есть? спрашивалъ у безответно молчавшей стѣны Иванъ Николаевичъ. — Пушкинъ-то? Приятно слышать! Ха, ха, ха! Руслана и Людмилы я никогда не видалъ и видѣть нужды не имѣю, — знаю, что кавказскихъ плѣнниковъ, хоть бы они были распріятелями со всѣми князьями въ мірѣ, черкесы отправляли безъ дальнихъ разговоровъ козъ степей, — знаю, что лѣса наши не въ состояніи пріютить у себя Дубровскаго съ шайкой разбойниковъ и съ пушками, а если и пріютили бы, то къ славѣ нашего добраго отечества, въ немъ такихъ горячихъ субъектовъ быть не могло. Ибо, какъ говорить одинъ нѣмецъ — содержатель звѣринца, рекомендуя вниманію публики бѣлаго медвѣдя, „по холодному его климату, мы часто обливаемъ его холодной водой“... Да что въ самомъ дѣлѣ? Досадно! Геній унизился до какихъ-то засадъ, до пальбы, какъ есть провинціальная театральная афишка, — или пошлые романы Дюма. Вотъ и Сильвіо тоже: они состояли въ военной службѣ храбрыми гусарами, честными ремонтерами, — были нѣкоторые изъ Сильвіо — шуллерами, бреттерами, при всякой удобной оказіи прятавшими подъ любой кусть свою храбрость, — были они нахалами, развратниками, нелѣпными мотами и всякаго рода подлецами и дураками; но Сильвіо великодушныхъ быть не могло.

— Какъ объ исторіяхъ, другъ Ваня, я о Пушкинѣ уже и говорить тебѣ не буду. Онъ насъ обманулъ своей исторіей пугачевского бунта.

Въ этомъ мѣстѣ своей литературной критики, Иванъ Николаевичъ оперся о край стола и съ необыкновенной лаской началъ говорить стулу, на которомъ однако никто не сидѣлъ:

— А впрочемъ, Ваня, я люблю Пушкина, какъ личность. Я злюсь тогда, когда читаю, что онъ произвелъ — и вотъ видишь почему (тутъ Иванъ Николаевичъ понизилъ до шепота свой голосъ): потому что оно могло быть лучше сдѣлано. Понимаешь, лучше!.. Но вѣдь, другъ мой! Нужно отсѣкать людей отъ временъ, въ которыя они дѣйствовали... Отъ обстоятельствъ... Ваня! Въ этомъ въ одномъ только, по моему убѣжденію, заключается разумный интересъ жизни: смотрѣть на дѣло умершаго человѣка, знать,

чего оно стоит и потомъ знать, что ты самъ сдѣлаешь, сдѣлаешь и что твое будетъ стоять со временемъ... Конечно ты еще молодъ... Ну да еще мы поговоримъ... Успѣемъ... улыбался Иванъ Николаевичъ.—Я, ей богу, глубоко радъ, что ты ко мнѣ пріѣхалъ; а то, понимаешь? еще дружелюбнѣе сѣлся Померанцевъ, — становимся мы стары—и помнишь, какъ у насъ растолковывали по селамъ про мужиковъ, какіе долго не умирали? Говорили про нихъ, что они колдуны и что имъ некому передать своего колдовства. Вотъ я тебѣ теперь и передамъ мое колдовство...

Разговаривая такимъ образомъ, онъ жалъ кому-то руки и спрашивалъ:

— Ты чаю хочешь или кофе? А то, можетъ, по семинарскому обычаю, водочки прежде, а? Ха, ха, ха!

Часовой маятникъ отвѣчалъ ему металлическимъ: та, та, та, та!

— Дѣло, другъ! Мы всего сейчасъ изготовимъ, — удовлетворился Иванъ Николаевичъ и этимъ отвѣтомъ—и потомъ, суетясь по комнатамъ, снова обратился къ исторіи отечественной литературы:

— А что, голубчикъ, Ваня, Лермонтовъ тамъ у васъ въ ходу былъ, такъ у него, ха, ха, ха! есть одинъ, какъ говорили наши губернскаія барышни, стиховъ, дѣйствительно, хорошенькій. Это —

И скучно и грустно и некого въ карты надуть

Въ минуты карманной невзгоды.

Жена? Да что пользы жену обмануть?

Вѣдь ей же отдашь на расходы. —

— Это, другъ, очень хорошій стиховъ! Остальное все вздоръ, потому что, дорогой мой, мы и безъ него постоянно спрашиваемъ:

На проклятые вопросы

Дай отвѣты намъ прямые:

Отчего подъ ношей крестной,

Весь въ крови влачится правый?

Отъ чего вездѣ безчестный,

Встрѣченъ почестью и славой?

— Впрочемъ, Ваня, я и его жалѣю. Возмемъ то одно, сколько ранъ нанесли ему всѣ эти княжны Мэри и т. д. Сердце-то у него, Ваня, стало словно бы камень какой: ни само не билось, ни того, что другія бьются, не понимало... Это, братъ, была са-

мая, какъ говорили у насъ въ семинаріи, злохудожная душа... Ну-ка выпьемъ сначала, закусимъ, да вотъ кофейку...

Въ молчаливомъ задлѣѣ стоялъ накрытый, круглый столъ. На немъ были графинъ съ водкой, бутылка съ виномъ, кофейникъ шипѣль — и около всего этого ходилъ Иванъ Николаевичъ какою-то торопливой походкой, смѣялся, потиралъ руки и, видимо, чему-то глубоко радовался.

— А то у васъ, Ваня, говорилъ онъ, — Гоголь былъ, такъ вѣдь это тоже опять бѣда! Нашему брату, который самъ до всего долженъ додумываться, его и читать-то, по настоящему, не слѣдуетъ. Околѣть можно отъ этого горькаго смѣха, отъ этого смертнаго унынія. Смѣхомъ моимъ горькимъ посмѣюся!.. Славный девизъ! Вотъ гербъ! Какъ это, Ваня? Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего прекраснаго далека! Забылъ подлинныя слова, коверкать не хочу. Подскажи, Ваня! Онъ далъ намъ нравы! Или не то, что далъ, а научилъ насъ подмѣчать въ людяхъ настоящіе нравы. Это основатель русской литературы. Безъ него мы не поняли бы ни Диккенса, ни Тэккерея и все пробавлялись бы дурацкими эпиграммами о корнетахъ Z и о княжнахъ X.

— А при немъ, Ваня, и мы въ нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее. Вотъ Пашенька Домби, — ребенокъ, неизвестно почему потухающій при тайномъ говорѣ брайтонскихъ волнъ, вотъ Флорансъ, портреты которой ты видѣлъ въ изумрудныхъ незабудкахъ, растущихъ на нашихъ лугахъ, — Вальтеръ, — добрая, всѣмъ помогающая сила, которой не растетъ на нашихъ лугахъ... Вотъ капитанъ Куттль на деревянной ногѣ, — лицо у него все поросло какими-то, какъ бы, печально-смѣющимися, сѣдоватымъ мхомъ; но онъ все-таки бодро кричитъ: держись крѣпче, капитанъ Куттль! Старикъ Куттль! Распускай всѣ паруса — и полнымъ ходомъ! Стыдно тебѣ будетъ, старичище Куттль, если ты упадешь лицомъ въ грязь!

— А вотъ и миссъ Ребекка Шарпъ, — великая дѣвушка, сначала плюнувшая на лексиконъ; если не великаго, за то, по крайней мѣрѣ, толстаго доктора Джонсона, а потомъ оплеванная все... Скажу тебѣ по секрету, Ваня: Ребекка Шарпъ была моею первой

и послѣдней любовью. Я очень жалѣю, что я не встрѣтился съ нею въ дѣйствительной жизни. Я бы вырвалъ изъ нея то, что называется женскимъ тщеславіемъ (ты, другъ, конечно, молодъ и еще не знаешь, что подъ этимъ словомъ разумѣются тысячи разнообразныхъ и губительныхъ гнусностей), а она бы изъ меня вырвала... Ваня! Чтобы она изъ меня вырвала? Ха, ха, ха! Ничего бы она изъ меня не вырвала...

— Хорошо! Хорошо! перебивалъ Иванъ Николаевичъ чье-то весьма будто бы торопливое и жаркое возраженіе. — Поговоримъ еще... Успѣемъ... Я тебѣ и объ этомъ скажу. О чемъ? Да, да, да! Объ женщинахъ? Ну, братъ, я никого не хочу оскорблять. Съ этою вещью ты долженъ какъ нибудь самъ познакомиться. Для начала прочти Гейне,—вотъ онъ на подлѣ лежитъ.

Иванъ Николаевичъ вдругъ запѣлъ на мотивъ: „чтобы мы были безъ вина?“

«Наша милая жена

На восходѣ солнца шла»...

— А вотъ тебѣ, голубчикъ, Ваня, Уэллеры — отецъ съ сыномъ. Они, въ качествѣ извозчиковъ, пахнутъ лошадинымъ навозомъ, да вѣдь лошадиный-то навозъ чахотку вылечиваетъ. Что за прелесть эти люди? Я съ совершеннымъ счастіемъ вижу, что тамъ рабочая жизнь имѣетъ въ своей средѣ высокіе идеалы сознаваемого труда и сознаваемыхъ обязанностей.

— А мистеръ Пикквиль, Ваня! Желалъ бы нашему обществу побольше такихъ людей. Конечно, они стерли бы съ насъ ту печать безразличія и апатія, которая одинаково лежитъ на нашихъ дѣлахъ—дурныхъ и хорошихъ... Ну да успѣемъ еще... Поговоримъ... Снова Иванъ Николаевичъ счелъ за нужное успокоить кого-то дружелюбными улыбками и рукопожатіями.

— Вотъ это, Ваня, нравы! И конечно, дорогой мой, и за это нужно быть благодарнымъ, что не весь свой курсъ специально провалялся ты въ грязи и бѣдности, а познакомился и съ другой стороной человѣческой жизни; но вѣдь, милый, вѣдь все это изъ *ненашинской земли*,—и потомъ нужно было вамъ главнымъ образомъ не это, а вотъ что.

— Вотъ, братъ, что *вамъ* нужно было, — указываетъ Иванъ Николаевичъ на шкафы съ книгами. — Это, братъ, не чета вашимъ запискамъ. Какъ тамъ физику-то начиналъ читать одинъ остроумный и вѣчно пьяный человекъ? Не подумайте, — говаривалъ онъ, разбойники, что физика научить васъ заѣзжать другъ къ другу въ физики болѣе того, чѣмъ вы сами понимаете это искусство. Какое каламбурь! Нѣтъ, Ваня, тутъ безъ каламбуровъ, — прямо къ дѣлу. Есть у меня, Ваня, штукъ пять знакомыхъ молодцевъ, — я тебя сведу съ ними. Посовѣтуйся-ка съ молодежью-то, опредѣли себя, да съ Богомъ и присаживайся! Я съ тобой кстати на старости лѣтъ... Эхъ жаль, говоришь ты, что Васютка-то Западоевъ умеръ! хорошо бы и его сюда затащить, А вѣдь у меня тоже былъ пріятель — и звали его, какъ и твоего, Западоевымъ. Такъ тотъ упрямъ былъ, какъ не знаю что: взялъ однажды грудью и животомъ легъ въ весенній, растаявшій ледъ — и сталъ въ этой лужѣ валяться. Спрашиваемъ: что ты дѣлаешь? А онъ говоритъ: не хочу въ Академію ѣхать, лучше умереть. Въ два дня, дѣйствительно, свернулся... Очень упрямъ быть покойникъ; только я уже сталъ забывать его. Вотъ ты напомнилъ...

— Ну, братъ — Ваня! Хорошо ты сдѣлалъ, что пріѣхалъ ко мнѣ. Теперь я тебя не выпущу. Я былъ, Ваня, очень несчастливъ: у меня, Ваня, кромѣ, ха, ха, ха! миссъ Ребекки Шарпъ, другой любви не было, — дружбы тоже не было; а было гнусное, нищенское безхлѣбье, а отъ того всякаго рода униженія и скверности, — была тоска по годамъ, съ которой сладить не было никакихъ возможностей, — раздумье какое-то проклятое, которое какъ бы какими облакомъ закрывало отъ меня настоящее жизненное теченіе; а теперь вотъ который ужъ годъ я заперся отъ всѣхъ, чтобы не получать отъ жизни новыхъ пинковъ... Усталъ!.. Обробѣлъ!..

— Динь! Динь! Динь! порывисто зазвенѣлъ въ это время колокольчикъ у черной клеенчатой двери.

— Звони! Звони! насмѣшливо отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ этому звону. — Теперь, братъ, я не особенно васъ боюсь. Я теперь отопрусь и перевѣдаюсь съ вами! Весь мой опытъ тебѣ, Ваня! Не

дамъ я тебѣ, сударику, обманутымъ быть ни людьми, ни самимъ дьяволомъ...

— Динь! Динь! Динь! еще тревожнѣе залился колокольчикъ, а Иванъ Николаевичъ, по прежнему тихонько посмѣиваясь и поглаживая банкенбарды, говоритъ:

— Ужь это, какъ дважды, вѣрно, спасу. Хоть бы вы треснули тамъ, звонивши. Ежели онъ вдастся въ умственные зигзаги, какіе насъ въ старину заѣдали, мы его развлечемъ. Всей своей желчью оплую я эти зигзаги. Съ женщиной ежели сойдется, — мы приставимъ ей голову, — рѣдкія онѣ у насъ, бѣдныя, съ головами-то... Ахъ, несчастье! Ахъ, какое губительное несчастье! Пуще разазы пожираетъ оно нашъ молодой народъ!.. Но ничего, Ваня! Все Богъ! Можетъ какънибудь и отъ этого оттолкнемся.

За дверью между тѣмъ слышалось:

— Надо налегнуть!..

— Извѣстно налегнуть, — не отпираетъ кое мѣсто. Кто его знаетъ, што онъ тамъ?

— Штожь? Налегемъ, коли ежели...

Вслѣдствіе этого рѣшенія, дверь заскрипѣла и потомъ обѣ половинки ея грянулись на полъ передней.

— Мальчикъ, прячься! Ребенокъ, хоронись скорѣе! кричалъ Иванъ Николаевичъ, пуская въ рыжеусаго дворника массивнымъ, парящимъ въ небо ангеломъ.

— Не извольте буянить, ваше высокоблагородіе! резонно и тихо говорилъ бравый городской, усаживая Ивана Николаевича въ карету. — Не хорошо! Чинъ вашъ этого не дозволяетъ...

— Вали! Вали! кричалъ съ подѣзда дворникъ. — Онъ, братъ, тутъ у насъ весь дворъ поѣлъ... Что съ нимъ еще разговаривать-то?..

— Ваня! Ваня! Берегись! продолжалъ кричать Иванъ Николаевичъ, выглядывая въ каретную дверцу. — Смотри, чтобы они и тебя не съѣли, какъ меня... Берегись, другъ!..

Кучеръ, намѣреваясь ударить по лошадамъ, хлопнулъ его по лицу ремненнымъ кнутомъ — и Иванъ Николаевичъ пугливо скрылся въ глубину кареты и зашепталъ:

— Ишь, подлецы, ишь! За что онъ меня? За что?

— Потихе тамъ, съ кнутомъ-то..!

Карета тронулась, а Иванъ Николаевичъ все шепталъ что-то, улыбался кому-то, дѣлалъ самыя дружественныя и успокоивающіе знаки, — и по временамъ, съ совершенно-дѣтскою увѣренностью, недопускающей никакихъ невозможностей, спрашивалъ у сидѣвшаго съ нимъ рядомъ городского:

— Какъ думаете: придетъ ко мнѣ Ваня? А? Нужно бы мнѣ ему еще словечекъ пару сказать... Такъ неможно... Не успѣлъ я ему давеча шепнуть... Придетъ вѣдь?

— Безпремѣнно, ваше высокоблагородіе! успокоивалъ его городской. — Потому имъ грѣхъ будетъ, ежели они не придутъ... Они люди молодые!..

— Да! Да! Они люди молодые, — самымъ радостнымъ образомъ засмѣлся Иванъ Николаевичъ. — Придетъ, — это вѣрно!.. Ха, ха, ха!..

Спустя нѣсколько недѣль въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ говорилось:

„Отыскиваются родственники и наслѣдники умершаго въ домѣ умалишенныхъ титулярнаго совѣтника Ивана Николаевича Померанцева, подверженнаго съ давнихъ поръ, какъ оказалось по справкамъ, чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ. Приглашаются равномѣрно кредиторы означеннаго Померанцева къ оцѣнкѣ оставшагося послѣ него имущества, состоящаго изъ двухъ паръ ветхихъ сапогъ, разбитой алебастровой статуи, изображающей нарящаго ангела, и большой книги, которая впрочемъ къ употребленію едва ли окажется годною, потому что вся она исписана одними только этими словами:

— Мальчикъ, берегись!.

А. Левитовъ.

* * *

Столица шумная въ волненьи,
Есть пища новая умамъ:
О предстоящемъ наводненьи
Слухъ темный ходитъ по домамъ.
Счастливыцы жизни, сна не зная,
Не могутъ страха превозмочь,
Лишь только пушка крѣпостная
Встревожить ихъ въ глухую ночь,
Столицу грозно извѣщая,
Что выше колець поднялась
Вода на пристани въ тотъ часъ.

Но бѣдняки—иное дѣло,
Они испуга далеки...
Еще недавно чье-то тѣло
Пристало къ берегу рѣки.
Сошлась толпа надъ мирно-сиящей,
Усопшей женщиной... Вдали
Какъ будто выросъ изъ земли
Хожалый, съ бляхою блестящей,
И вотъ въ участокъ близъ лежащій
Трупъ мертвой женщины свези.
Кто жъ эта мертвая?—Къ чему же
Вопросъ тотъ: жизни не вернешь!
Еще, пожалуй, будетъ хуже,
Когда распрашивать начнешь...
Бѣдняжкѣ видно улыбалась
Въ грядущемъ—бѣдность иль тюрьма,
Она потопа не дождалась
И въ воду кинулась сама.

Дн. Минаевъ.

ПЪШІЙ КОННОМУ—НЕ ТОВАРИЦЪ.

РОМАНЪ

въ пяти частяхъ.

ГЕРМАНА ШМИДТА.

I.

Тихій дождь.

Въ концѣ столицы, по некрасивому переулку, въ которомъ, казалось, жилъ все бѣдный классъ населенія, ѣхала дорожная карета. Въ окно кареты выглядывало личико замѣчательно красивой дѣвушки. Темные вьющіеся волосы еще болѣе отгвняли бѣлизну ея овальнаго лица, а голубые глаза свѣтились изъ-подъ крутого лба какъ будто какимъ-то внутреннимъ, скрытымъ огнемъ.

Карета въѣхала въ довольно просторный дворъ, въ концѣ переулка, гдѣ высокая, статная дѣвушка была встрѣчена пожилой дамой, матерью ея жениха, профессора Фюрера.

— Добро пожаловать, вскричала мать съ неподдѣльной радостью;—я не спрашиваю, что точно ли вы та, кого мы ждемъ въ нашемъ тихомъ домѣ. Ну идемте же на верхъ, милая... Улырика. Вѣдь васъ такъ зовутъ?

Профессоръ былъ на лекціи, и не встрѣтилъ свою невѣсту. Войдя въ переднюю, совѣтница обмакнула руку въ чашку съ святой водой, висѣвшей на стѣнѣ, и окропила дѣвушку.

— Не смѣйтесь надо мною, сказала она, — я человѣкъ стараго вѣка и старой вѣры. Вамъ я отъ души рада, милая моя дочь, и благословляю вашъ прїездъ.

Сначала Ульрика хотѣла улыбнуться, но простые слова старухи такъ задѣли ее за живое, что она бросилась ей на шею.

— Да, будьте мнѣ матерью, я никогда не наслаждалась счастьемъ имѣть мать! вскричала она, и слезы потекли по ея щекамъ.

— Я буду вамъ матерью, ласково отвѣчала совѣтница, — я знаю на что вы намекаете, мнѣ сынъ все рассказалъ, но плавать не надо, а то Фридрихъ придетъ и увидитъ заплаканные глаза.

Домъ, гдѣ все это происходило, былъ старинный, но удобный и прїютный. Онъ стоялъ въ узкомъ, северномъ переулкѣ, но войдя во дворъ, обсаженный деревьями и кустами, и въ комнаты съ старинной мебелью и деревянными рѣзными украшеніями, — узкій переулокъ забывался.

Вскорѣ пришелъ профессоръ, очень разстроенный, и сказалъ встрѣтившей его матери, что нелѣпыя мѣры правительства вызвали сильное раздраженіе города.

— Господи! вскричала испуганная мать, — неужели опять начнутся волненія въ нашемъ мирномъ уголкѣ?

— Судя по мрачнымъ лицамъ и рѣшительнымъ рѣчамъ, кажется, дѣло приметъ серьезный характеръ.

— Несчастные! Да охранить Господь каждого добраго христіанина отъ чегонибудь подобнаго! И въ особенности же того, у кого свой собственный очагъ, и которому нечего заботиться о томъ, что происходитъ внѣ его дома. Хорошо, если бы и ты сдѣлался семьяниномъ.

— Собственный очагъ! вскричалъ Фридрихъ, вскочивъ съ кресла, на которое онъ присѣлъ, и торопливо зашагавъ по комнатѣ. — Да, великое дѣло, въ сущности самое важное дѣло принадлежать семьѣ, основать семью! Но конечно не для того, чтобы тогда запереться эгоистично въ четырехъ стѣнахъ! Я радъ, дорогая матушка, что кругъ моихъ обязанностей увеличится семейными обязанностями, но радъ потому, что тогда я еще ближе буду стоять къ великому цѣлому. Для мыслящаго человѣка его собственное счастье есть

вѣрное мѣрило чужого несчастія. Но, продолжалъ онъ, останавливаясь передъ матерью, — вѣдь я знаю, что вы, милая и дорогая матушка, не сочувствуете моимъ взглядамъ.

— Нѣтъ, право нѣтъ, отвѣчала совѣтница. — Мнѣ только кажется, что было бы лучше, чтобы каждый дѣлалъ то, что назначено ему провидѣніемъ. Но если всякій будетъ виѣшиваться въ общее цѣлое и стремиться руководить имъ, то безпорядки неизбежны. Это былъ взглядъ твоего отца, и онъ честно прожилъ съ нимъ всю жизнь, и повѣрь мнѣ, что ты съ такимъ взглядомъ прожилъ бы лучше, чѣмъ съ твоимъ настоящимъ.

— Оставимъ это, матушка, улыбаясь сказалъ Фридрихъ. — Покойный отецъ былъ отличный человекъ, но въ немъ чиновникъ шелъ прежде человека, и такъ какъ онъ былъ слишкомъ занятъ своей службой, то и смотрѣлъ на весь свѣтъ въ канцелярское окно. Матушка, нѣтъ ли писемъ отъ Ульрики?

Дверь открылась и на порогъ показалась прелестная Ульрика.

Вскорѣ послѣ ея появленія раздался звонокъ, и Фридрихъ заявилъ, что онъ пригласилъ къ обѣду одного пріятеля.

— Кого же? съ удивленіемъ спросила мать.

— Вашего политическаго врага.

Маленькое общество встрѣтило пріятеля Фридриха въ саду. При видѣ Ридля можно было объяснить отвращеніе къ нему совѣтницы, такъ какъ онъ былъ поразительно безобразенъ. Худое, блѣдное, осыпанное веснушками лицо совершенно скрывалось въ густыхъ рыжихъ волосахъ, закрывавшихъ голову, подбородокъ и щеки. Изъ-подъ густыхъ, тоже рыжихъ, бровей сверкали свѣтло-голубые лукавые, разбѣгающіеся глаза, а узкія, небольшія блѣдныя губы придавали всѣмъ чертамъ непріятное, насмѣшливое выраженіе. Только при болѣе внимательномъ наблюденіи по высокому лбу можно было судить о здоровомъ смыслѣ, а по блеску глазъ о замѣчательномъ умѣ.

День былъ ясный, лѣтній, и обѣденный столъ накрытъ въ саду. Разговоръ не прерывался и наконецъ Ридль навелъ его на воспоминанія о студенческой жизни и о знакомствѣ Фридриха съ принцемъ.

— Слушайте, какъ было все дѣло, продолжалъ Ридль. — Когда мы учились въ геттингенскомъ университетѣ, тогда съ нами учился нашъ теперешній наслѣдный принцъ Феликсъ. Это былъ живой молодой человѣкъ, ласковое обращеніе котораго удивительно пріятно дѣйствовало. Можете себѣ представить, какое впечатлѣніе производило на молодыхъ людей, что молодой принцъ съ такой будущностью обращался съ своими товарищами, какъ съ равными себѣ. Мнѣ конечно и тогда все это не нравилось! Другіе же были въ совершенномъ отъ него восторгѣ, и Фридрихъ былъ изъ числа восторженныхъ. Онъ былъ одной изъ выдающихся личностей и обратилъ на себя вниманіе принца, которое еще болѣе усилилось, когда онъ узналъ, что Фридрихъ ему землякъ и будущій его подданный. Конечно Фридрихъ былъ очень польщенъ этимъ вниманіемъ; пріятные идеалы Шиллера казались ему тогда дѣйствительностью — и понятно, что онъ сталъ мечтать о романической связи между собою и принцемъ и воображать себя чѣмъ-то въ родѣ Поэзы, только съ лучшими результатами.

— Ты преувеличиваешь, перебилъ его Фюреръ, — что нерѣдко случается съ тобою въ дѣлахъ, въ которыя ты не вѣришь! Принцъ былъ — а и до сихъ поръ въ этомъ убѣжденъ — дѣйствительно расположенъ ко мнѣ. Онъ слушалъ мои мнѣнія съ интересомъ и съ жаромъ, и я убѣжденъ, что многія изъ словъ моихъ не забудутся имъ и принесутъ въ свое время плоды.

— Можетъ ли это быть? вскричалъ Ридль. — Неужели время, прошедшее съ тѣхъ поръ, не излечило тебя отъ твоихъ мечтаній? Повѣрь мнѣ, что ты съешь на камнѣ.

Совѣтница слушала до сихъ поръ молча и со вниманіемъ. Последнее же замѣчаніе Ридля взорвало ее.

— Ахъ, не говорите такъ, господинъ Ридль! вскричала она. — Я не могу слушать, когда говорятъ неуважительно о властяхъ, поставленныхъ надъ нами Богомъ.

— Мнѣ право жаль, что я разсердилъ васъ, отвѣчалъ Ридль, — и если тамъ эта вамъ не нравится, то мы можемъ отбросить ее въ сторону. Ну впрочемъ оставимъ это. Скажи-ка мнѣ лучше Фридрихъ, когда твоя свадьба?

— Она зависить отъ матушки, какъ отъ главы дома, отвѣчалъ Фридрихъ.

Рѣшено было вѣнчаться черезъ двѣ недѣли въ день рожденія профессора. Всѣ подняли полные бокалы и стали чокаться другъ съ другомъ, — но тутъ раздался глухой сильный грохотъ, гдѣ-то вдали, какъ будто ударъ молота по колоколу. Всѣ поблѣднѣли; раздался второй ударъ, еще болѣе сильный — всѣ въ страхѣ поставили стаканы, не выпивъ ихъ; не успѣлъ еще никто произнести ни слова, какъ послышался третій ударъ, еще болѣе грозный, чѣмъ два первыхъ, и велѣдъ за этимъ удары посыпались быстро и безпорядочно.

— Господи, вскричалъ Фридрихъ, вскочивъ, — вѣдь это набатъ!

— Вѣроятно, хладнокровно сказалъ Ридль, — похоже на то! Неужели дѣло дошло уже до этого? Послушаемъ-ка.

Въ ту же секунду раздался вдали выстрѣлъ, покрывшій гулъ голосовъ.

— Это ужъ не шутки, сказалъ Ридль; — это звуки, изъ которыхъ можетъ выйдти боевая симфонія.

Въ то время, какъ Ульрика успокаивала совѣтницу, чуть неунававшую въ обморокъ, въ комнату, запыхавшись, вбѣжалъ Бенно, старый слуга, итальянецъ.

— Что тамъ такое? спросилъ его Фридрихъ.

— Ахъ, синьоръ, отвѣчалъ онъ ему, задыхаясь, — страшное несчастье! Вы знаете, сколько народа толпилось на улицахъ и площадяхъ, но все было тихо, потому что они послали герцогу депутацію, чтобы просить его отмѣнить новые налоги. Вдругъ какому-то офицеру пришло въ голову гнать народъ, а такъ какъ народъ не шель, то онъ велѣлъ стрѣлять. Говорятъ, убито восемь или десять человекъ. Народъ въ ярости, потому что, говорятъ, депутація арестована. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!

— Значить терять нельзя ни минуты, вскричалъ Ридль.

Онъ хотѣлъ проститься, но Фюреръ просилъ его подождать, такъ какъ и онъ пойдетъ съ нимъ. Это рѣшеніе вызвало протестъ. Ульрика съ трудомъ скрывала свое безпокойство за дружескими словами. Совѣтница же, напротивъ того, пыталась употре-

бить всё зависящія отъ нея средства, чтобы удержать сына отъ безразсуднаго поступка и ѣхать не въ свое дѣло.

— Сынъ мой, говорила она, — оставь, это до тебя не касается, ты, мирный человѣкъ науки, будешь между возмутившимся народомъ? Оставайся съ нами — мѣсто твое съ нами.

— Матушка, спокойно, но твердо отвѣчалъ Фридрихъ, — прошло то время, когда наука считала своимъ мѣстомъ только комнаты и домъ. Теперь ей надо входить въ жизнь, и она будетъ только тогда имѣть значеніе и цѣну, когда будетъ неразрывна съ жизнью. Не беспокойтесь обо мнѣ — и ты тоже, дорогая Ульрика! Я скоро вернусь, и дай Богъ вернуться съ вѣстью о спокойствіи.

II.

Въ замкѣ приица.

Въ одной изъ громаднхъ галлерей герцогскаго замка бесѣдовали два сановника. Одинъ изъ нихъ, толстый высокій мужчина въ генеральскомъ мундирѣ, а другой, маленький, худенькій человѣчекъ съ впалыми глазами и въ золотыхъ очкахъ. Они говорили о томъ, какъ бы не допустить до герцога депутацію народа, громко просившую свиданія съ нимъ и вошедшую уже на галлерей. Но шумъ былъ такъ великъ, что герцогъ вдругъ очутился въ дверяхъ и вскричалъ сильнымъ и недовольнымъ голосомъ: „Что тамъ такое?“

При этихъ словахъ всё приняли почтительное положеніе.

Генераль Бауэръ хотѣлъ отвѣчать, но былъ прерванъ вопросомъ герцога: „Что надо этимъ людямъ? Кто они?“

Купецъ изъ депутаціи выступилъ впередъ.

— Ваше высочество, началъ онъ, — горожане послали насъ...

— Послали? вскричалъ герцогъ и густая краска на его довольно полномъ лицѣ, окаймленномъ сѣдыми курчавыми волосами, еще болѣе побагровѣла. — Это смѣло, клянусь честью! До сихъ

поръ въ странѣ я былъ единственнымъ лицомъ, могущимъ послать посланниковъ, и власть, пославшую васъ, я не признаю! Кто же вы? Чего хотите?

— Простите, ваше высочество, отвѣчалъ купецъ съ замѣтною сдержанностью; — если неужѣнье мое выразаться заставило меня сказать что нибудь непріятное. Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, не смотрите на насъ, какъ на посланныхъ, а какъ на людей своевольно дерзнувшихъ сообщить вамъ просьбу вашего народа... Толпа въ возбужденномъ состояніи. Намъ съ трудомъ удалось успокоить ее только до тѣхъ поръ, пока не будетъ передано ея желаніе вамъ. Если мы вернемся теперь ни съ чѣмъ, то Богъ знаетъ, до чего дойдетъ ея ожесточеніе...

— Ожесточеніе? Еще лучше! вскричалъ герцогъ, также быстро вскочивъ съ кресла, какъ быстро онъ передъ тѣмъ бросился въ него. — Какія же причины быть ему ожесточеннымъ?

— Ваше высочество, сказалъ купецъ спокойно, но серьезно, — на площади св. Іакова лежатъ четверо убитыхъ.

— Что же случилось съ ними? быстро спросилъ герцогъ.

— Войска стрѣляли въ народъ, четверо остались на мѣстѣ, не говоря уже о раненыхъ. Трое изъ убитыхъ были молодые люди, полные силъ, а послѣ четвертаго осталась вдова и пятеро сиротъ.

При этихъ словахъ лицо герцога посинѣло и на вискахъ замѣтно забились жилы.

— Что, я глава въ странѣ, вскричалъ онъ голосомъ, заставившимъ задрожать придворныхъ, — или нѣтъ? Зачѣмъ мнѣ не дозволено объ этомъ?

— Я думалъ... пробормоталъ генералъ, которому казалось крайне непріятнымъ направленіе разговора.

— Вы должны думать только о своихъ обязанностяхъ, продолжалъ герцогъ. — Кто приказалъ стрѣлять? Отвѣчайте! Вы приказали, генералъ...

Генералъ не нашелся, что отвѣтить, и сдѣлалъ что-то въ родѣ отрицательнаго жеста.

— Подъ военный судъ того, кто далъ подобное приказаніе. Я сейчасъ разберу все. Идите!

Въ то время, какъ генераль уходилъ съ низкими поклономъ, герцогъ продолжалъ, обращаясь къ гражданамъ:

— Вы видите, что я не желалъ этого. Я хочу дѣйствовать строго, но не жестоко. Ну такъ идите и расскажите, что виновный будетъ наказанъ.

— Мы были увѣрены въ справедливости вашего высочества, отвѣчалъ купецъ, и, пользуясь хорошимъ расположеніемъ герцога, поспѣшно продолжалъ: — но мы просимъ не только наказанія виновныхъ, но и защиты невинныхъ! Новый налогъ на самые необходимые жизненные припасы такъ обременителенъ, что чувствуется даже среднимъ классомъ народа, для рабочихъ же онъ просто невыносимъ!

— Это неправда! возразилъ герцогъ.—Я самъ просматривалъ проэктъ.—Народъ жить можетъ.

Но депутатъ продолжалъ умолять герцога обратить вниманіе на налогъ и вся депутация встала передъ нимъ на колѣни.

Минута была торжественная и молчаніе, водворившееся послѣ колѣнопреклоненія, доказывало, что всѣ находились подъ впечатлѣніемъ этой минуты. Глаза герцога тоже съ большей кротостью устремились на колѣнопреклоненныхъ и слово согласія, казалось, готово было сорваться съ его устъ.

Но тутъ вдругъ отворилась боковая дверь и вошелъ камердинеръ Кюндихъ, держа въ рукахъ серебряный подносикъ съ письмомъ, которое онъ подалъ герцогу.

— Отъ ея высочества герцогини-матери, прошепталъ онъ.

Герцогъ распечаталъ записку и сталъ читать. Во время чтенія кроткое выраженіе глазъ исчезло и приняло обычное суровое.

Онъ обратился къ гражданамъ и сказалъ имъ съ ледяною холодностью:

— Вотъ мое рѣшеніе. Скажите мятежникамъ, что я не отступлю ни передъ чѣмъ.

И съ этими словами онъ исчезъ въ боковую дверь. Присутствующіе стали расходиться.

Маленькій человекъ въ золотыхъ очкахъ, графъ Шроффенштейнъ,

вышелъ съ однимъ изъ адъютантовъ, своимъ сыномъ, въ другія комнаты.

— Сегодня генераль обѣщалъ мнѣ произвести тебя въ капитаны, сынъ мой, началъ отецъ.

— А! сказалъ сынъ, совершенно равнодушно.

— Мнѣ кажется, тебѣ слѣдовало бы радоваться, продолжалъ отецъ. — Этимъ уничтожается послѣднее препятствіе. Теперь ты можешь посвататься на баронессѣ. Состояніе ея тебѣ не будетъ лишнее.

Въ эту минуту одна изъ дверей отворилась и на порогѣ показалась дама. Господинъ въ очкахъ, министръ графъ Шроффенштейнъ, тотчасъ же обратился къ ней.

— Ахъ! какъ мы счастливы, сказалъ онъ, подойдя къ рукѣ дамы, — прелестная баронесса фонъ-Фалькенгофъ, какъ всегда, очаровательна и добра.

— Я слышала вашъ голосъ, отвѣчала дѣвушка съ холодною вѣжливостью и холодно раскланиваясь съ адъютантомъ, — и потому пришла сюда. Ея высочество герцогиня-мать постоянно спрашиваетъ васъ.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ человѣчекъ, скользя въ другую комнату, гдѣ остановился на порогѣ, чтобы раскланяться. — Позвольте, баронесса, сказалъ онъ, — чтобы сынъ мой подождалъ меня тутъ, пока я не вернусь отъ герцогини. Онъ можетъ сообщить вамъ интересныя новости.

— Если это угодно графу, отвѣчала дѣвушка, знакомъ приглашая его сѣсть на табуретъ. Сама же она подошла къ окошку и стала пристально смотрѣть въ него, потомъ обернулась въ графу и небрежно опустила на мягкія подушки дивана.

Лицо дѣвушки было совершенно правильное, но красивымъ назвать его было нельзя. На небольшомъ лбу и густыхъ высокихъ бровяхъ виднѣлась необыкновенная энергія, темносиніе глаза горѣли жизнью и умомъ, на прелестныхъ губкахъ играла такая гордая, такая побѣдоносная улыбка, что дѣвушка эта, статная, какъ Юнона, одѣтая въ темное платье съ алой лентой на шеѣ, казалось, была создана чтобы повелѣвать.

Сидѣвшій противъ нее графъ точно будто чувствовалъ это и молчалъ до тѣхъ поръ, пока баронесса не заговорила первая.

— Ну, графъ, сказала она голосомъ, въ которомъ слышались и нетерпѣнiе, и насмѣшка, — куда это вы мысленно унеслись. Развѣ вы не хотите удовлетворить моему любопытству и сообщить мнѣ интересныя новости?

— Батюшка шутить, баронесса, отвѣчалъ все еще смущенный адъютантъ. — Въ сущности я хотѣлъ сказать вамъ то, что вы давно уже знаете: какииъ страстными чувствомъ и нѣжными уваженiемъ горю я къ вамъ, и...

— Ахъ, какая пошлость, графъ, я не считала васъ способнымъ на нее. Какъ низко надо упасть, чтобы говорить такія вещи!

— Вы пользуетесь всякимъ случаемъ, чтобы унижить меня, баронесса, и не перестаете избирать меня мишенью своихъ насмѣшекъ.

— Но кто же въ этомъ виновать? Зачѣмъ вы даете мнѣ такъ много матерьяловъ.

— Вы находите ихъ безъ моего вѣдома. Что же мнѣ дѣлать въ этой вѣчной войнѣ: серьезно увѣрять васъ въ своей любви, и серьезно начать штурмовать ваше непокорное сердце?

— Новая пошлость, и еще пошлѣе прежней. Вы сегодня несчастливы, графъ, поэтому оставьте въ покоѣ войну и штурмы.

При этихъ словахъ на лицѣ дѣвушки выразилась такая насмѣшка, что графъ, встрѣтивъ ея взглядъ, не нашелся, что отвѣтить и, пожавъ плечами, сталъ перебирать перья своей шляпы.

— Лучше успокойте меня, сказала баронесса послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанiя. — Разскажите мнѣ, что дѣлается въ городѣ и какой успѣхъ имѣла депутація народа у герцога.

— Никакого, отвѣчалъ графъ, видимо довольный, что разговоръ перенесенъ на другую почву. — Посланники черни съ отказомъ обратились вспять. А что случилось и рѣшилось съ тѣхъ поръ — я не знаю. Вѣроятно, народъ разбѣжался.

— Дай Богъ, чтобы ихъ удовлетворили! вскричала баронесса, быстро вставъ и безпокойно подойдя къ окну. — Отсюда площади

не видно. Я боюсь, чтобы раздраженіе не перешло въ инсуррекцію и простое недоразумѣніе не сдѣлалось источникомъ великихъ бѣдъ.

Потомъ она вдругъ замолчала, остановилась и стала пристально смотрѣть на графа.

— Вы ничего не слышали? Правда ли это, что его высочество наследникъ здѣсь въ городѣ.

— Пустяки! чистыя сплетни! отвѣчалъ графъ, — принцъ Феликсъ весело поживаетъ въ своемъ охотничьемъ замкѣ въ Сентъ-Венделинѣ, я знаю это отъ егеря, котораго онъ прислалъ вчера сюда съ порученіемъ; онъ и не думаетъ ѣхать сюда.

Баронесса замолчала, какъ человѣкъ, услыхавшій подтвержденіе того, что она давно знала, и что она спросила только для того, чтобы имѣть предлогъ сдѣлать слѣдующій вопросъ:

— А прежнее порученіе мое, графъ, равнодушно сказала она, — вы не забыли?

— Вы говорите о молодомъ юристѣ, другѣ вашего покойнаго брата? Я счастливъ, что могу служить вамъ въ этомъ случаѣ. Этотъ господинъ вернулся годъ тому назадъ изъ далекаго путешествія, и теперь здѣсь.

— Здѣсь?

— Да, профессоромъ въ университетѣ.

— И хорошо поживаетъ.

— Кажется, что хорошо. Господинъ профессоръ Фюреръ живетъ у своей матери вдовы, живетъ обезпечено, и, если не ошибаюсь, собирается жениться.

Какъ баронесса не умѣла владѣть собою, но тѣмъ не менѣе не могла въ эту минуту пересилить себя и краска выступила на ея лицѣ.

— Жениться! вскричала она какъ-то нерѣшительно, но волненіе ея такъ же быстро исчезло, какъ и появилось. И она совершенно спокойно продолжала:— Отлично! Тѣмъ лучше! Ну а узнали ли вы, не принадлежитъ ли молодой человѣкъ къ какойнибудь политической партіи и къ какой именно?

— Боюсь ошибиться, и потому не могу сказать вамъ этого невѣрное, отвѣчалъ графъ, пристально глядя въ глаза баронессы,

волненіе которой отъ него не укрылось.—А пока полиція изъ предосторожности помѣстила его въ разрядъ либераловъ.

— Хорошо, хорошо. А знаете вы, кто главный предводитель народа?

— Главнымъ въ депутаціи былъ купецъ Рундъ изъ Вальштрассе. Но къ чему вы все это спрашиваете? Мнѣ даже приходитъ въ голову, что вы занимаетесь политикой, и что выбрали своимъ орудіемъ профессора. Кромѣ того ваша краска, когда я говорилъ о его женитьбѣ, привела бы другого къ глупому заключенію, что вы интересуетесь имъ такъ горячо, потому что...

Графъ не могъ кончить. Гордо выпрямившись во весь ростъ, какъ королева, и сверкая глазами, стояла передъ нимъ баронесса.

— Вы безсовѣстный! не смѣйте болѣе показываться мнѣ на глаза, пока не выучитесь, какъ слѣдуетъ говорить съ дамами!

Съ этими словами разгнѣванная дѣвушка вышла въ сосѣдную комнату и оставила сконфуженного адъютанта съ его догадками и сомнѣніями.

Въ тотъ же вечеръ Фридрихъ отправился въ харчевню Красной Звѣзды, гдѣ хотѣлъ его встрѣтить Ридль. Онъ прошелъ черезъ темныя сѣни въ садикъ харчевни или пивной. Громадныя густыя деревья такъ затемняли садъ, что висѣвшія тутъ лампы едва только освѣщали фигуры присутствовавшихъ и всѣ остальные предметы.

Вблизи одной изъ лампъ сидѣли двѣ какія-то подозрительныя личности въ оборванной одеждѣ, играли въ карты и, казалось, не обращали ни малѣйшаго вниманія на входящихъ.

Неподалеку отъ нихъ дремала дочь хозяина, блѣдная дѣвушка, съ изнуреннымъ и соннымъ лицомъ и стекловидными глазами. Она поставила передъ Фридрихомъ бутылку вина и снова сѣла дремать въ уголь.

Фридрихъ сидѣлъ въ такой задумчивости, что не замѣтилъ, какъ

вслѣдъ за нимъ въ садъ вошелъ еще посѣтитель. Посѣтитель этотъ стоялъ въ тѣни и теперь положилъ руку на плечо Фридриха.

— Фридрихъ! произнесъ чей-то нѣжный, пріятный голосъ изъ-подъ сильно нахлобученной шляпы.

Фридрихъ хотѣлъ вскочить, но почувствовалъ, что его тихо удерживаютъ за плечо, а голосъ проговорилъ: „Не возбуждайте вниманія, Фридрихъ! Развѣ вы не узнаете меня?“

При этихъ словахъ фигура плотно закутанная въ плащъ приподняла шляпу, такъ что показала черты своего лица.

— Я не вѣрю ни глазамъ своимъ, ни ушамъ? прошептала Фридрихъ.—Только голосъ этотъ я слышала когда-то въ своей жизни. Примитива... фрейленъ... неужели это вы?

— Это я, отвѣчала она.—Сидите спокойно. Я сяду съ вами, и присутствіе мое будетъ менѣ замѣчено. Мнѣ надо многое сказать вамъ, а мнѣ некогда.

— Ничего не понимаю! Вы здѣсь, со мною, въ такой одеждѣ и въ такое время.

— Все тотчасъ же станетъ вамъ ясно. Я искала васъ, и теперь воспользовалась всеобщимъ безпокойствомъ, чтобы остаться незамѣченною и неузнанною.

— Вы страшно возбуждаете мое любопытство. Что могу я сдѣлать, и что надо мнѣ дѣлать?

— Я рассчитывала на васъ, Фридрихъ, рассчитывала ради воспоминавія о нашихъ счастливыхъ дняхъ.

— Для меня они останутся лучшими во всей моей жизни!

— Право? прошептала Примитива, и въ тонѣ ея голоса послышалось волненіе, котораго она не могла преодолѣть.—Въ такомъ случаѣ просьба моя будетъ не напрасна.

— Говорите!

— Вы знаете, что дѣлается въ городѣ, и знаете меня настолько, что поймете, какъ отъ этого сердце мое обливается кровью. Но вы вѣроятно не знаете, что при дворѣ есть партія, готовая идти на всѣ мѣры.

— Можетъ ли быть! Какже такой справедливый герцогъ...

— Находится подъ вліяніемъ герцогини, своей матери, которой

онъ подчиняется по чувству сыновняго уваженія, и которая, въ свою очередь, находится подъ самымъ опаснымъ влияніемъ. Вы можете вѣрить мнѣ, потому что я нахожусь постоянно при ней. Она женщина прошлаго вѣка и старыхъ взглядовъ, и у ней нѣтъ другого желанія и мысли, какъ возстановить въ прежней силѣ и величіи достоинство своего рода. Каждая уступка кажется ей ущербомъ этого величія, кромѣ того вмѣстѣ съ потерей зрѣнія религіозность ея дошла до изувѣрства, нетерпящаго возраженій.

— Къ несчастію, все это мы знаемъ. Но что же дѣлать?

— Слушайте дальше. Герцогъ отказалъ въ просьбѣ депутаціи.

— Господи! Что изъ этого будетъ?

— Герцогъ, казалось, готовъ былъ уже согласиться съ желаніемъ народа, какъ вдругъ записка герцогини измѣнила его намѣреніе. Я писала подъ ея диктовку эту записку, она можетъ обезпечить хоть кого. Долго искала я средствъ къ спасенію, какъ вдругъ мнѣ представилось ясно это средство! Надо найти вліяніе, которое могло бы уравновѣшивать вліяніе герцогини, или, въ крайнемъ случаѣ, уничтожать его. Такое вліяніе можетъ имѣть только наслѣдникъ.

— Такъ точно! И я думаю, что онъ способенъ на это, и я живо сожалѣлъ о его отсутствіи.

— Вотъ почему мнѣ пришло въ голову вызвать его сюда. Его надо увѣдомить о томъ, что здѣсь происходитъ, но главная трудность въ томъ, какъ увѣдомить его объ этомъ! При дворѣ я не знаю никого, кому бы я могла довѣриться. Искать я не могла, не выдавъ себя. А надѣяться на то, чтобы наслѣдникъ узналъ о происшествіяхъ официально я никакъ не могла. Тутъ мнѣ представилась ваша личность. Я знала, что вы не злоупотребите моимъ довѣріемъ, хотя мы не видались съ вами столько лѣтъ; и я рѣшилась тотчасъ же искать васъ, и слава Богу нашла!

— Вы не ошиблись во мнѣ, фрейленъ. Укажите мнѣ мѣсто-пробываніе принца, и я послѣшу исполнить ваше приказаніе.

— Я была увѣрена, что встрѣчу въ васъ такую готовность. Принцъ живетъ по ту сторону нашей границы въ охотничьемъ замкѣ въ Венделинѣ. Послѣдите къ нему! Хотя онъ ведетъ со-

вершенно уединенную жизнь, но вамъ удастся увидаться съ нимъ. Вѣдь, говорятъ, вы прежде знали его. Расскажите ему все, убѣдите его пріѣхать сюда немедленно, и тогда примите мою искреннюю благодарность—впрочемъ что она значитъ въ подобныхъ вещахъ!—тогда благодарить васъ будутъ милліоны.

— Мнѣ, мнѣ надо благодарить васъ, Примитива! вскричалъ Фридрихъ, съ жаромъ схвативъ руку дѣвушки, щеки которой пылали отъ волненія. — Вы доставляете мнѣ возможность достигнуть того, что должно быть самымъ смѣлымъ и отважнымъ желаніемъ каждаго человѣка. Я ѣду тотчасъ же, и будьте увѣрены, что если только возможно, то я исполню ваше желаніе. И можно ли мнѣ будетъ, сказалъ онъ еще тише, и нѣжно, и почтительно цѣлуя ея руку,—сообщить вамъ объ успѣхѣхъ моей поѣздки, или вы снова скроетесь отъ меня?

— Вы видите, отвѣчала Примитива, и въ ея голосѣ снова послышалось прежнее волненіе, — что никто не долженъ знать о нашемъ свиданіи. Слѣдовательно, между нами не можетъ быть никакихъ сношеній. Поэтому, въ настоящую минуту, мы простимся съ вами на вѣкъ, если только сила обстоятельствъ снова не столкнетъ насъ также неожиданно, какъ сегодня.

— Я на это надѣюсь.

— Надѣйтесь, если это вамъ пріятно. Да и къ чему намъ свидѣться? Гдѣ бы и когда бы мы не встрѣтились, мы будемъ все тѣми же, будь обстоятельства въ десять разъ менѣе похожи на сегодняшнія, какъ сегодняшнія не похожи на тѣ, при которыхъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ. Помните? Это было въ замкѣ моего отца, вы пріѣхали туда осенью съ моимъ братомъ, съ тѣмъ, чтобы уѣхать съ нимъ же въ городъ учиться. Ежедневныя свиданія соединили насъ троицхъ. Я была третія въ вашемъ союзѣ, товарищемъ вашихъ занятій, вашихъ плановъ, повѣренной вашихъ молодыхъ надеждъ и мечтаній.

— О, Примитива! вскричалъ Фридрихъ въ страшномъ волненіи и закрывъ лицо руками, — какія картины напоминаете вы мнѣ!

— Добрыхъ духовъ вызываю я, другъ мой! отвѣчала она, и голосъ ея задрожалъ еще сильнѣе. — Хотя все случилось не такъ,

какъ мы предполагали! Карлъ, цвѣтушій юноша, десять лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу, я, тогда такая слабая и хилая, пережила его, а вы...

Примитива остановилась, потому что волненіе Фридриха дошло до такой степени, что жилы его бились и грудь отъ недостатка воздуха чуть не разрывалась.

— А я, вскричалъ онъ вдругъ, давая волю своему чувству,— несчаствѣйшій изъ людей! О Примитива, это воспоминаніе... ахъ, зачѣмъ я не встрѣтился съ вами раньше!

— Что вы говорите! вскричала Примитива, и щеки ея вспыхнули.— Нѣтъ, Фридрихъ! Вы ошибаетесь сами! Развѣ тотъ, кто вѣрно исполняетъ свой долгъ, можетъ быть несчастливъ? И чело-вѣкъ вашего ума? Исполняйте вѣрно долгъ вашъ и идите по избранному вами поприщу. Помните, сказала она вставая и смотря на него съ чарующимъ выраженіемъ въ глазахъ, — что у разума нѣтъ границъ, что сознаніе лучшее сокровище, какимъ только можно обладать! Помните, что святыня перестаетъ быть святыней, когда она высказана—и не забывайте меня!

Фридрихъ почувствовалъ горячій мимолетный поцѣлуй на своей щекѣ, но прежде чѣмъ онъ собрался отвѣчать, дѣвушка исчезла, и деревья, качаемыя вихремъ, шумѣли надъ его одинокой головой.

Ридль засталъ его въ страшномъ волненіи въ ту самую минуту, какъ Примитива удалялась.

— Это что такое? сказалъ онъ.— Я держу пари, что это перодѣтая женщина.

— Что это ты! возразилъ Фюреръ съ видимымъ смущеніемъ.

— Да и ты совсѣмъ внѣ себя! Право ничего не понимаю! Ты образецъ нравственности, и такое приключеніе передъ свадьбой.

— Говорю тебѣ, что ты ошибаешься! повторилъ Фридрихъ.— Какъ это случилось? Вотъ какъ...

— Ну довольно, снѣясь сказалъ Ридль.— Хорошо, что не невѣста застала тебя, а то бы ты плохо отвѣчалъ ей.

— Но увѣряю тебя...

— Не трудись.

— Ну въ такомъ случаѣ я признаюсь тебѣ, что со мною случилось нѣчто необыкновенное, но объ этомъ мнѣ надо молчать.

— Право?

— И мнѣ надо тотчасъ же ѣхать.

— Какъ, такъ внезапно? И нельзя знать куда?

— Это не моя тайна, и потому извини...

Ридль съ минуту пристально смотрѣлъ на стоявшаго противъ него Фюрера.

— Ты знаешь, сказалъ онъ потомъ, — что я не терплю эти тайны, въ особенности между друзьями. Поэтому я прямо говорю тебѣ, что въ этой таинственной особѣ я узналъ придворную даму.

— Никогда. Съ чего ты взялъ? отвѣчалъ сконфуженный Фридрихъ.

— Отнѣкиваніе твое убѣждаетъ меня въ томъ, что я угадалъ вѣрно. Но будь покоенъ, я умѣю молчать — а что мнѣ думать о тебѣ. Неужели ты вдался въ интриги, которыя могутъ унижить тебя... въ такомъ случаѣ, какъ ни привязанъ я къ тебѣ, но мы разойдемся.

— Будь покоенъ, вскричалъ Фюреръ. — Я скоро вернусь, и ты будешь доволенъ мною.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ, избавь меня отъ несчастія быть принужденнымъ причислить и тебя къ погибшимъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но на городской башнѣ часы стали бить девять. Оба невольно притаили дыханіе и стали считать роковые удары. Съ послѣднимъ ударомъ послышался вдали барабанный бой и смѣшался съ безчисленными криками.

— Дерутся! сказалъ Ридль послѣ нѣкотораго молчанія и съ силою пожимая руку своему другу. — До девяти часовъ условлено было ждать возвращенія депутаціи — срокъ прошелъ. Ну пусть каждый идетъ своей дорогой, и посмотримъ кто куда придетъ!

Съ этими словами оба они пошли къ толпѣ. При выходѣ изъ сада взоры Фридриха упали на какой-то предметъ яркаго цвѣта, лежавшій на полу. Подойдя къ нему, онъ увидѣлъ, что это алая лента, которую вѣроятно потеряла Примитива. Онъ задумчиво по-

смотрѣлъ на ленту, потомъ механически спряталъ ее на груди и пошелъ за Ридлемъ.

Черезъ нѣсколько секундъ игроки тоже бросили карты и встали.

— Слышалъ, сказалъ одинъ съ сильнымъ смѣхомъ, проходя въ сѣняхъ;— время наступило. Мы тоже пойдемъ своей дорогою, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, куда она ведетъ.

III.

Въ то время, какъ на улицахъ города разыгрывались печальныя сцены народнаго возмущенія, въ герцогскомъ замкѣ въ покояхъ старой герцогини царствовала мертвая тишина. Въ комнатѣ, обитой зеленой матеріей, за зеленымъ альковымъ, покоилась слѣпая герцогиня. Въ другомъ углу у лампы съ абажуромъ сидѣла Примитива.

Она сидѣла такъ неподвижно, что ее скорѣе можно было принять за статую, чѣмъ за живое существо, и только тяжелое дыханіе и яркая красва на щекахъ противорѣчили этому вѣшнему спокойствію. Вдругъ тишина была прервана тремя тихими ударами въ стѣну.

Осторожно подошла Примитива къ стѣнѣ, гдѣ слышались удары и гдѣ была потайная дверь, такъ искусно сдѣланная, что неопытный глазъ не могъ ее замѣтить. „Кто тамъ?“ спросила она, прикладываясь ухомъ къ двери. „Говорите пароль“.

— Роза и крестъ, отвѣчалъ глухой мужской голосъ.

Примитива пожала плечу, и въ маленькую дверцу, тотчасъ же опять затворившуюся, нагнувшись, вошелъ высокій, стройный мужчина. Когда онъ выпрямился во весь ростъ, статная фигура его еще болѣе выказалась, а совершенно сѣдые волосы показывали, что это былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ.

Одѣтъ онъ былъ хотя и изящно, но съ замѣтной склонностью

къ темнымъ цвѣтамъ, и во всѣхъ движеніяхъ его видно было достоинство.

— Ея высочество легли отдыхать, начала Примитива, — и я не знаю, можно ли беспокоить ее.

— Разбудите герцогиню, фрейленъ, отвѣчалъ старикъ, — я беру это на свою отвѣтственность, мнѣ надо непремѣнно говорить...

Легкій звонокъ въ альковѣ обратилъ вниманіе Примитивы.

— Будить не зачѣмъ, сказала она, — она проснулась. Я доложу о васъ.

Старикъ, увидя, что въ комнатѣ никого не было, казалось, остался этимъ очень доволенъ. Занавѣсъ въ альковѣ заколыхался, и оттуда вышла подъ руку съ Примитивой старая герцогиня.

Это была высокая, величественная фигура съ рѣзкими, но не некрасивыми чертами лица, дѣйствующими однако чрезвычайно неприятно вслѣдствіе упорнаго взгляда слѣпыхъ глазъ. Сѣдые густые волосы были прикрыты темнымъ чепцомъ, похожимъ на монашескую султану, и сѣрое длинное платье тоже напоминало монастырь.

— Гдѣ вы, милый мой Овербергенъ? спросила слѣпая, — я чувствую потребность говорить съ вами.

Герцогиня и Овербергенъ сѣли за столъ, а Примитива пріютилась въ амбразурѣ окна. Слепая начала полупешпотомъ.

— Ну, какъ идутъ дѣла? Какія новости принесли вы?

Овербергенъ колебался. — Не знаю; могу ли я говорить, прошепталъ онъ, — мы не одни.

— Ничего, ничего! Говорите, не бойтесь. Тамъ у окна ничего не слышно, что тутъ говорятъ. Да хоть бы и слышно было, Фалькенгофъ предана мнѣ, и я могу на нее положиться. Ну говорите скорѣе, что устроили?

Долго шептались они; взглядъ Овербергена, казалось, хотѣлъ заглянуть въ самую душу слѣпой герцогинѣ, а на устахъ его явилась полунасмѣшливая, полуторжествующая улыбка.

— Мнѣ кажется, что мнѣ все еще не удалось уничтожить сомнѣнія вашего высочества, продолжалъ онъ. — А между тѣмъ въ сущности я не вижу причинъ этихъ сомнѣній, развѣ только пред-

положить, что взглядъ вашего высочества о правахъ вашего рода колеблется.

Лицо герцогини покрылось яркой краской; она выпрямилась и ея слѣпые глаза, казалось, съ гнѣвомъ искали того, кто осмѣлился ей сказать нѣчто подобное.

— Чтобы я впередъ этого не слышала, господинъ фонъ-Овербергенъ, или разговоръ этотъ съ вами будетъ послѣднимъ, чего бы мнѣ это ни стоило! Что вы обо мнѣ думаете! Я посѣдѣла въ борьбѣ съ противниками моихъ убѣждений, и никакой мятежный крикъ въ нашей странѣ не заставитъ меня поступиться ни однимъ изъ моихъ прежнихъ мнѣній.

— Но кто хочетъ достигнуть цѣли, тотъ долженъ идти на всякія средства! сказалъ Овербергенъ.

— И на такія средства? Развѣ вы не слышите пальбу?..

— Точно такъ же не слѣдуетъ, чтобы теперь былъ здѣсь насѣданный принцъ. Онъ слишкомъ молодъ и любитъ все новое для того, чтобы дать теперь хорошей совѣтъ. А будь онъ теперь тутъ, совѣтъ его былъ бы неизбѣженъ.

— Такъ онъ не пріѣдетъ?

— Кажется, можно положительно сказать, что нѣтъ.

— Что же вы сдѣлали для этого? Право, я не знаю...

— Все вышло такъ, какъ я ожидалъ. Лишь только герцогъ удалился, какъ оберъ-камердинеръ Кюндихъ, — онъ, какъ извѣстно вашему высочеству, преданъ вамъ и кромя того истинный сторонникъ добраго стараго времени, — получилъ приказаніе позвать секретаря Винтера. Черезъ часъ секретарь вышелъ отъ герцога, чтобы отправиться курьеромъ съ собственноручнымъ письмомъ его высочества. Кюндихъ сообщилъ мнѣ, что письмо было къ принцу, съ приказаніемъ ему тотчасъ же ѣхать сюда.

— Ну, а вы?

— Въ Венделинъ идутъ двѣ дороги. Понятно, что курьеръ поѣдетъ по кратчайшей, черезъ рѣку. Я убѣждалъ Кюндиха уговорить курьера подождать дальнѣйшихъ приказаній. Кюндихъ это устроилъ. Я же воспользовался этимъ временемъ и послалъ народъ съять вѣсть. Самъ же я переодѣлся, вѣшался въ народъ и раз-

сказывалъ, что мостъ снимается для того, чтобы оттуда не могло пройти войско. Курьеръ поэтому долженъ будетъ вернуться и ѣхать по другой дорогѣ, на нѣсколько часовъ дальше, такъ что онъ не можетъ быть у принца ранѣе завтрашняго утра, а принцъ если и выѣдетъ сейчасъ, то здѣсь не будетъ ранѣе послѣзавтрашней ночи.

Шумъ упавшей на полъ книги прервалъ Овербергена, который, забывшись, заговорилъ такъ громко, что Примитива могла все слышать. Когда она вспомнила о Фридрихѣ, то волненіе ея было такъ сильно, что она не могла удержать книгу и уронила ее.

— Что случилось? спросила герцогиня. — Что съ вами, фрейленъ Фалькенгофъ?

— Извините, ваше высочество, что я помѣшала вамъ, отвѣчала Примитива, оставаясь вдали изъ страха, чтобы волненія ея не замѣтили. — Сонъ одолѣлъ меня!

— Бѣдное дитя, ласково отвѣчала герцогиня, — я вѣрю, что вы утомлены. Спите же, вы теперь мнѣ не нужны.

Примитива сѣла опять, какъ будто бы для того, чтобы уснуть.

— Будемте говорить тише, снова начала герцогиня, обращаясь къ Овербергену. — Я восхищаюсь вашей ловкостью и жалѣю, что такія гениальныя способности не нашли себѣ достойной оцѣнки.

— Ваше высочество слишкомъ милостивы къ своему поворному слугѣ. Но не все еще сдѣлано. Принцъ все-таки пріѣдетъ и потому къ его пріѣзду надо устроить такъ, чтобы все было рѣшено безвозвратно. Восстаніе должно быть не только подавлено, но уничтожено навсегда. Герцогу необходимо дѣйствовать энергично, и вы однѣ можете имѣть на него рѣшительное вліяніе.

Герцогиня вздохнула: — Вы безпощадны! Вы кладете все новыя тяжести на несчастное сердце! А между тѣмъ — нѣтъ другого выбора.

— Тогда дѣло удастся! вскричалъ Овербергенъ. — И вмѣстѣ съ славою вашего дома возстанетъ и слава нашей святой католической церкви.

— Я сдѣлаю все, что могу, чтобы доказать свою признательность и покорность церкви, снова принявшей меня въ свое лоно, отвѣчала герцогиня. — Но вы знаете, что я не правительница, а сынъ мой...

— Его высочество герцогъ — вашъ покорный сынъ, отвѣчалъ Овербергенъ, — и вліяніе его матери надъ нимъ велико. Вы можете сдѣлать все, что хотите. И внуку своему оставите престолъ уже совершенно непоколебимый.

— Великое дѣло! Тяжелая ноша! вскричала герцогиня, глубоко взволнованная; — но я подниму ее, а вы благословите меня на этотъ подвигъ.

Герцогиня привстала съ этими словами со стула и опустилась на колѣни передъ чернымъ распятіемъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Овербергенъ положилъ руки на ея сѣдую голову, и уста его стали шептать что-то въ родѣ молитвы.

Торопливый шумъ шаговъ послышался по сосѣдному корридолу.

— Его высочество идутъ по корридолу, проговорилъ лавей въ полуотворенную дверь.

— Онъ идетъ ко мнѣ, сказала герцогиня. — Фрейленъ фонъ Фалькенгофъ уведите господина фонъ Овербергена. Еще не время, продолжала она, обращаясь къ послѣднему, — чтобы онъ засталъ васъ у меня. До свиданья!

Примитива поспѣшно взяла свѣчу, зажгла ее и исчезла съ Овербергеномъ въ потайную дверь. Дверь эта выходила черезъ узенькій проходъ на черную лѣстницу замка, откуда выходъ Овербергена не былъ бы ужъ замѣченъ.

Послѣ легкаго поклона Овербергену, она хотѣла удалиться, но онъ, желая вѣроятно удостовѣриться, слышала ли она ихъ разговоръ, остановилъ ее словами:

— Ну теперь вамъ можно будетъ отдохнуть, фрейленъ. Трудная у васъ служба.

— Можетъ ли быть труднымъ то, что дѣлаешь съ удовольствіемъ, отвѣчала Примитива холодно и гордо. — Недостатокъ сна нельзя считать лишеніемъ, въ особенности въ такіе дни, какъ нынче.

Съ этими словами она поклонилась и исчезла. Фонъ-Овербергенъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и прошепталъ: „Она слышала, надо остерегаться“.

Едва только Примитива успѣла войти въ потайную дверь и

затворить ее за собою, какъ въ комнату послѣдно вошелъ герцогъ въ сопровожденіи графа Шроффенштейна и генерала Бауэра.

Герцогиня сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Ты пришелъ такъ поздно, сынъ мой. Что случилось?

— Я пришелъ посоветоваться съ вами, матушка, отвѣчалъ герцогъ, взявъ ее руку и нѣжно цѣлуя ее. — Я страшно взбѣшенъ. Представьте себѣ, мнѣ доносятъ со всѣхъ сторонъ, что войска наши отступили.

— А что совѣтуютъ тебѣ, твои совѣтники, сынъ мой? спросила герцогиня.

— Чтобы я отдалъ приказъ дѣйствовать артилеріей, но мнѣ не хочется поступать такъ съ бѣднымъ народомъ.

Герцогъ на минуту задумался. Шроффенштейнъ, пользуясь этимъ молчаніемъ подошелъ къ нему.

— Не народъ бунтуетъ, сказалъ онъ; — и сопротивляется не онъ. Есть партія безпорядка, которая къ несчастію и у насъ завелась, и отъ которой я часто остерегалъ ваше высочество. Они руководятъ народомъ.

— Тѣмъ хуже! проговорилъ герцогъ. — Гдѣ же та партія, о которой вы говорите? Гдѣ предводители ее? Зачѣмъ давно они не обезоружены, если ихъ знаютъ, а если ихъ не знаютъ, то откуда же извѣстно о существованіи ихъ?

— Полиція постоянно слѣдила за ними, и вела подробный списокъ ихъ, отвѣтилъ нѣсколько смущенный Шроффенштейнъ. — А для дѣйствія противъ нихъ не достаесть доказательствъ.

— Слѣдила! вела списки! ворчалъ герцогъ. — Вотъ какова ваша помощь? Впредь я не буду полагаться на такое маранье бумага! Но теперъ дѣлу не можешь, дайте мнѣ совѣтъ, но о дальнѣйшемъ кровопролитіи я и слышать не хочу. Да, кстати, генераль, исполнили вы мой приказъ, и узнали кто этотъ неосторожный, давшій первый выстрѣлъ.

— Я узналъ, ваше высочество, униженно отвѣчалъ Бауэръ, — но преслѣдованіе его бесполезно: полчаса тому назадъ онъ былъ убитъ у площади св. Якова. Это былъ лейтенантъ фонъ-Бергдофъ.

— Такъ убить? прошепталъ герцогъ.— Ну такъ онъ тамъ отвѣтитъ за это.

— А на что же ты рѣшился, сынъ мой? спросила герцогиня.— Время не терпѣть!

— Почему я знаю, что мнѣ дѣлать! вскричалъ герцогъ, вставая въ сердцахъ.— Ахъ если бы сынъ мой былъ здѣсь!

— Его высочество наслѣдный принцъ, замѣтилъ Бауэръ,— вѣрно были бы одного мнѣнія съ нами.

— Вы думаете, рѣзко спросилъ герцогъ.— Я сомнѣваюсь въ этомъ, и потому желалъ бы, чтобы онъ былъ тутъ для того, чтобы слышать хоть одинъ совѣтъ кротости.

— Мнѣніе Феликса, сынъ мой, серьезно начала герцогиня,— было бы мнѣніемъ юноши, неопытнаго въ государственныхъ дѣлахъ. Можно ли было бы предпочесть его совѣтъ совѣту опытныхъ людей. Слѣдуй совѣту строгости, это и мой совѣтъ тоже.

Герцогъ по своему обыкновенію заходилъ крупными шагами назадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ вдругъ остановился.

— Какъ, и вы, матушка, совѣтуете мнѣ это? вскричалъ онъ.— Ахъ, если бы я могъ теперь бросить хоть одинъ взглядъ на будущее!

— Къ чему? Господствуй надъ настоящими, и будущее твое, отвѣчала герцогиня.

— Дайте, ваше высочество, приказъ дѣйствовать, просилъ Бауэръ,— и я головой отвѣчаю, что уже къ восходу солнца спокойствіе будетъ восстановлено.

— Дайте, ваше высочество, приказъ! прибавилъ Шроффенштейнъ.

— Дѣлай, что они говорятъ, настаивала герцогиня.— Дай приказъ!

Герцогъ стоялъ, сложивъ на груди руки, и смотрѣлъ въ нерѣшимости.

Когда онъ пошевелился и поднялъ глаза, взоръ его упалъ на Примитиву, стоявшую незамѣченной въ глубинѣ комнаты. Она ждала рѣшенія, затаявъ дыханіе. Сложивъ съ мольбою руки какъ бы невольно, она стояла величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ покор-

но, какъ умоляющій ангелъ. Она не смѣла вмѣшаться въ разговоръ, но въ ту минуту, какъ взоръ герцога устремился на нее, она тихо покачала головой въ знакъ отрицанія.

Взоры герцога съ удивленіемъ и напряженіемъ стали разсматривать это явленіе. Но тутъ отворилась дверь, и въ комнату вбѣжалъ адъютантъ Штроффенштейнъ.

— Простите, ваше высочество, [сказалъ онъ, — что я вхожу такимъ образомъ. Возстаніе достигло крайнихъ предѣловъ.

— Что же случилось? вскричали всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ.

— Слышите крики? Весь городъ въ волненіи. Говорятъ, что наслѣднй принцъ здѣсь, всталъ во главѣ возстанія, и его провозгласили герцогомъ.

Всѣ присутствующіе молчали, только герцогъ воскликнулъ: „Сынъ мой!“ и на лбу у него налились жилы и все лицо покрылось багровымъ румянцемъ. „Правду ли вы говорите?“ закричалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Къ несчастію, отвѣчалъ адъютантъ. — Принцъ, переодѣтый, былъ въ народѣ. Профессоръ Фюреръ, рьяный приверженецъ его, подговаривалъ народъ провозгласить его.

— Дайте приказъ, ваше высочество, злобно вскричалъ Бауэръ. — Не медлите болѣе.

Герцогъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ. Гнѣвъ все болѣе и болѣе усиливалъ приливъ крови къ головѣ, онъ затемнилъ ему глаза и связалъ языкъ. Онъ зашатался и упалъ на руки подоспѣвшаго Штроффенштейна.

— Ради Бога, ваше высочество, вскричалъ Бауэръ; — не волнуйтесь такъ. Скорѣе за докторомъ.

— Что такое съ моимъ сыномъ? кричала между тѣмъ слѣпая герцогиня. — Отвѣтъ мнѣ, что съ тобой?

— Его высочеству дурно, успокоивалъ ее Бауэръ, — но это вѣроятно пройдетъ. Уведите же ея высочество, фрейленъ, сказалъ онъ Примитивѣ.

Примитива, сама едва держась на ногахъ, увела герцогиню въ альковъ, гдѣ та почти безъ чувствъ упала на постель.

Между тѣмъ явился докторъ и все суетилось около герцога, лежавшаго безъ чувствъ. Тщетно сняли съ него все стѣснявшее его платье, тщетно давали нюхать спирты, а когда докторъ разрѣзалъ жилу, то крови показалось только нѣсколько капель.

— Ударъ! прошепталъ пожимая плечами докторъ и обращаясь къ присутствующимъ, стоявшимъ въ какомъ-то оцѣпененіи. — Нѣтъ надежды привести въ чувство его высочество.

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошелъ принцъ.

— Батюшка, гдѣ вы? вскричалъ онъ. — Мнѣ надо видѣть васъ, сказать вамъ...

Тутъ онъ увидѣлъ умирающаго и съ крикомъ бросился передъ нимъ на колѣни и покрылъ руку его поцѣлуями.

— Ахъ, батюшка! вскричалъ онъ, — не разставайтесь со мною, не взглянувъ на меня!

Казалось, будто голосъ сына на минуту пробудилъ угасавшую жизни. Глаза герцога открылись и устремились на колѣнопреклоненнаго принца. Видимо онъ узналъ его. Улыбка озарила безжизненное лицо его, потомъ онъ вытянулся и тѣнь смерти покрыла черты его.

Черезъ минуту принцъ уже успокоился.

— Велите перенести его высочество въ его покой, сказалъ онъ. — А вы, господа, можете явиться ко мнѣ черезъ часъ съ отчетомъ и донесеніемъ обо всемъ тутъ случившемся. Велите надѣть трауръ и дайте знать въ городѣ, чтобы тамъ было покойно, пока мнѣ будетъ возможно принять на себя обязанности. Теперь же я принадлежу только дорогому покойнику.

Тѣло было тихо и торжественно перенесено сановниками.

Принцъ, дойдя до комнатъ герцога, выслалъ всѣхъ присутствующихъ.

Всѣ молча удалились. Принцъ со слезами опустился передъ тѣломъ того, у кого въ рукахъ часъ тому назадъ была судьба цѣлаго народа.

ГЛАВА IV.

Маркизь Поза.

Вѣсть о внезапной кончинѣ герцога разлетѣлась по всему городу, но еще не достигла отдаленной части его, гдѣ жилъ профессоръ Фюреръ. Тамъ и мать, и невѣста ждали съ замираніемъ сердца возвращенія дорогого имъ человѣка. Наконецъ дверь съ улицы отворилась и черезъ дворъ прошелъ Фридрихъ.

— Это онъ, онъ идетъ! вскричала Ульрика и бросилась на встрѣчу къ жениху, чтобы обнять его, но при видѣ его въ страхѣ отступила.

— Господи! Что съ тобой, Фридрихъ? Ты блѣденъ и самъ не свой!

— Что съ тобой, сынъ мой? тоже спросила совѣтница. — Вѣдь ты здоровъ и невредишь?

— Успокойтесь, матушка, успокойтесь, вскричалъ Фридрихъ. — Я, благодаря Бога, здоровъ и невредишь, но совершенно вѣрю вашимъ словамъ, что я блѣденъ. Вѣдь я видѣлъ вещи, отъ которыхъ всякій способенъ поблѣднѣть, вещи... о, Богъ мой, теперь здѣсь въ тишинѣ мнѣ кажется, что все это я видѣлъ во снѣ!

— Но что же случилось? спросила Ульрика. — Скажи же...

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила ее совѣтница. — Ничего не рассказывай, я не хочу слышать о подобныхъ вещахъ, пусть такіе призраки будутъ всегда далеко отъ моего тихаго, мирнаго дома.

— Да еслибы я и хотѣлъ, то не могъ бы рассказать, отвѣчалъ Фридрихъ. — Впечатлѣніе пережитаго слишкомъ ново, слишкомъ сильно для того, чтобы можно было проанализировать и передать его. Да и кромѣ того мнѣ надо сейчасъ же ѣхать.

— Какъ, ты хочешь опять уйти? поспѣшно вскричала совѣтница. — Но вѣдь ты вѣрно сначала отдохнешь да поѣшь чегонибудь. Вѣдь тебѣ должно быть вредно ходить такъ по ночамъ.

— Ты отправишься опять въ городъ? Развѣ еще спокойствіе не восстановлено? спросила Ульрика.

— Не спрашивай, милая, отвѣчалъ онъ, — я не могу и не долженъ всего говорить вамъ. Скажу вамъ только, что мнѣ тотчасъ же надо ѣхать.

— Ѣхать? но куда же? спросили обѣ женщины.

— И это не могу вамъ сказать. Черезъ нѣсколько дней скажу. Я уже послалъ за лошадьми. Завтра къ вечеру я буду назадъ.

— Но... снова начала совѣтница.

— Пожалуйста, матушка, безъ во, сказалъ Фридрихъ. — Ничего не бойтесь. Поѣздка небольшая и совершенно безопасная. Но главное надо спѣшить. Дѣло идетъ о благѣ тысячей...

— Въ такомъ случаѣ нехорошо было бы тебя удерживать. Я пойду приготовить тебѣ вещи, сказала совѣтница.

— Пожалуйста, только поскорѣе, поскорѣе!

— Безъ стакана горячаго вина, я не отпущу тебя, сказала мать.

— Все, что угодно, матушка, отвѣчалъ Фридрихъ; — только поскорѣе.

— Значить, мнѣ нечего о тебѣ беспокоиться? спросила, нѣжно ласкаясь къ жениху, Ульрика, когда они остались вдвоемъ. — Поѣздка безопасна и завтра ты дома?

— Да, дорогая моя. Сегодня я пережилъ многое, что касается и тебя...

— Какъ меня?

— Да, потому я все объясню тебѣ. Знай, что сегодня я одолѣлъ врага, который могъ быть опасенъ для нашего счастья.

— Ты говоришь загадками.

— Теперь онъ не будетъ болѣе беспокоить насъ, сказалъ Фридрихъ, обнимая Ульрику.

Но при этомъ движеніи ленты, спрятанная имъ, упала на полъ.

— Какъ это, сказала Ульрика, поднимая ленту; — ученый и женихъ носить на груди такую вещь.

Она произнесла эти слова какъ будто въ шутку, но только блѣдность лица доказывала, какъ сильно она была взволнована.

Фридрихъ былъ смущенъ не менѣе ея. Не имѣя права сказать

всю правду, онъ пробормоталъ какія-то пустыя оправданія, послѣ чего Ульрика, рыдая, сѣла на диванъ.

— Лошади сейчасъ будутъ готовы, сказалъ вошедшій Бешпо, — и внизу какой-то господинъ желаетъ говорить съ вами.

— Теперь? Мнѣ не когда—невозможно. Что ему надо?

— Не знаю, отвѣчалъ Бешпо. — Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что посланъ его высочествомъ, наследнымъ принцемъ...

— Такъ ли это? вскричалъ удивленный Фридрихъ. — Въ такомъ случаѣ скорѣе проси этого господина сюда. Ульрика прими его, а я пока одѣнусь въ дорогу.

Когда Бешпо вышелъ, Фридрихъ подошелъ къ Ульрикѣ и взялъ ее за руку.

— Успокойся, искренно сказалъ онъ, — успокойся, милая, скоро ты узнаешь, что подозрѣнія твои напрасны.

Онъ ушелъ. Ульрика же, огорченная, все сидѣла на диванѣ и неясно сознавала, что между нею и Фридрихомъ есть что-то необъясненное.

Мысли ея были прерваны Бешпо, отворившимъ дверь незнакомцу. При видѣ вошедшаго Ульрика точно будто окаменѣла.

Незнакомецъ тоже не могъ скрыть своего удивленія. Съ минуту оба стояли въ неприятномъ смущеніи.

— Какъ, милостивый государь, гнѣвно начала Ульрика, — вы осмѣливаетесь являться даже сюда?

— Увѣряю васъ, фрейленъ... отвѣчалъ незнакомецъ, но появленіе Фридриха прекратило дальнѣйшее объясненіе.

При видѣ знакомого и Фридрихъ казался пораженнымъ.

— Возможно ли! вскричалъ онъ, почтительно подходя;—ваше высочество здѣсь?

— Да, любезный Фюреръ, отвѣчалъ принцъ. — Обстоятельства могутъ извинить меня, что я прихожу къ вамъ такимъ образомъ и въ такую пору.

Ульрика стояла, точно громомъ пораженная, то краснѣя, то блѣднѣя и едва могла пошевелиться. Взглядъ Фридриха только привелъ ее въ себя, и она удалилась, низко кланяясь, послѣ вѣжливаго поклона принца.

— Я не могу прійти въ себя отъ удивленія, началъ Фюреръ.

— А мнѣ надо серьезно поговорить съ вами. Хотя мнѣ сказали, что вы уѣзжаете сегодня ночью, но если поѣздка эта не крайне необходима, то отложите ее для меня.

— Присутствіе вашего высочества избавляетъ меня отъ этой поѣздки.

— Какъ такъ? Вы удивляете меня.

— Поѣздка моя касается вашего высочества. Такъ какъ вы здѣсь, то слѣдовательно знаете о несчастныхъ происшествіяхъ сегодняшняго дня и ночи. Когда я узналъ, что герцога намѣренъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, то мнѣ пришло въ голову, что посредничество ваше, какъ наслѣдника престола, помѣшаетъ свершиться несчастію. Поэтому я, думая, что прежній взглядъ вашъ на вещи не измѣнился, рѣшился ѣхать въ Сеявъ-Венделинъ разсказать вамъ все и убѣдить пріѣхать сюда.

— Благодарю васъ, что вы это думали! вскричалъ принцъ;— я никогда этого не забуду. Поэтому-то вы и могли такъ утвердительно сказать, что завтра утромъ я буду...

— А вашему высочеству известно?..

— Все. Я былъ самъ свидѣтель. Благодарю васъ еще разъ, хотя пріѣхалъ я и самъ, лишь только услышалъ о происшествіяхъ. Къ несчастію, разобраннй мостъ задержалъ меня, и я пріѣхалъ позже, чѣмъ хотѣлъ. Въ городѣ меня тоже задержала давка, и такимъ образомъ я не могъ остановить несчастія. Но за то впередъ я буду стараться объ этомъ и потому-то я здѣсь.

Фридрихъ въ ожиданіи молча поклонился.

— Отвѣтите мнѣ на нѣкоторые вопросы, продолжалъ принцъ, подумавъ немного. — Скажите мнѣ, помните ли вы наши прежніе разговоры въ Геттингенѣ о политическихъ предметахъ?

— Какже не помнить? Это лучшія воспоминанія моей жизни.

— Хорошо. А остались ли вы вѣрны тѣмъ взглядамъ? Считаете ли вы возможнымъ осуществить всѣ хорошіе планы, составленные вами тогда.

— Тѣ взгляды и планы сдѣлались убѣжденіями моей жизни,

и я такъ искренно убѣжденъ въ нихъ, что готовъ ихъ сдѣлать задачей всей своей жизни.

— Я этого ожидалъ. Еще одинъ вопросъ: что думаете вы обо мнѣ? — Считаете ли вы меня способнымъ осуществить всѣ эти планы?

Фридрихъ задумался на минуту.

— Положеніе на престолѣ трудное, сказалъ онъ наконецъ. — Тѣ нововведенія, о которыхъ мы говоримъ, невозможно сдѣлать сразу въ одну ночь, цѣлой жизни человѣка недостаточно для этого. Я поэтому не ошибаюсь, говоря, что человѣку, рѣшившемуся осуществить такіе планы, не предстоитъ блестящей участи. Слишкомъ много людей и партій, которымъ выгодно удержать старый порядокъ вещей. Поэтому они не оставятъ въ покоѣ разрушителя ихъ спокойствія. Такой человѣкъ будетъ походить на сѣятеля лѣса. Всѣ труды и заботы посѣва достанутся на его долю, а въ награду только мысль, что внуки его будутъ пользоваться тѣнью и прохладою лѣса. Поэтому ему необходимо искреннее одушевленіе, которое бы заставило его преодолѣть всѣ пренятствія, всѣ неприятели. Я нарочно, ваше высочество, говорю такъ обстоятельно, боясь быть непонятымъ въ такомъ серьезномъ вопросѣ.

— Кончайте.

— Послѣ того, что я сказалъ, отвѣтитъ остается вамъ самимъ. Чувствуете ли вы въ себѣ это высокое призваніе? Если же вы въ себѣ его не чувствуете, то, по крайней мѣрѣ, вы все-таки можете ослабить цѣпи для своихъ соотечественниковъ.

Фридрихъ замолчалъ.

— Благодарю васъ за вашу откровенность, началъ потомъ принцъ. — Вы доказали мнѣ, что я въ васъ не ошибся. Но мнѣ кажется, что вы не знаете, что для меня наступила рѣшительная минута.

— Какъ мнѣ понять это?

— Человѣкъ, который часъ тому назадъ повелѣвалъ надъ милліонами, теперь лежитъ бездыханнымъ. Престолъ принадлежитъ мнѣ. Надъ тѣломъ покойнаго отца обдумалъ я, какая страшная задача предстоитъ мнѣ. Но при этомъ я ясно созналъ, что одинъ

ничего не сдѣлаю. Поэтому я мысленно сталъ искать себѣ помощника и друга, который могъ бы поддержать меня. Выборъ мой палъ на васъ.

— На меня? поспѣшно вскричалъ Фюреръ.

— На васъ, Фюреръ, отвѣчалъ герцогъ.—Васъ я знаю и до-вѣряю вамъ. Поэтому позвольте возобновить наши прежнія отношенія. Будьте моимъ другомъ и моимъ первымъ совѣтникомъ; соединенными силами мы дѣйствительно сдѣлаемъ то, что считаемъ правымъ, соединенными силами мы начнемъ заботиться о счастіи нашей бѣдной страны.

— Ваше высочество, это предположеніе такъ неожиданно для меня, отвѣчалъ Фюреръ, помолчавъ немного,—что я не могу дать тотчасъ же отвѣтъ. Дайте мнѣ время...

— Къ чему? вскричалъ герцогъ.—Развѣ мнѣ дали время одуматься? Ну такъ раздѣлите со мною тяжесть и не отказывайтесь.

— Я боюсь, что во мнѣ нѣтъ необходимыхъ способностей для такого положенія. До сихъ поръ я жилъ только для науки и не знаю жизни.

— А развѣ я знаю больше васъ? Потому-то именно я и нуждаюсь въ васъ, что не хочу употреблять старое орудіе, которому не вѣрю. Рѣшайтесь! Вѣдь говоря серьезно, вы не можете отказываться. Вѣдь то, что я предлагаю вамъ, было всегда, сознательно или безсознательно, желаніемъ, хранившимся въ глубинѣ вашей души. Дѣло идетъ объ осуществленіи вашего идеала — можете ли вы тутъ колебаться?

— Ну, а если я соглашусь, будете ли вы, ваше высочество, всегда такимъ, какъ теперь, и съ тѣми же взглядами? Не станете ли вы глухи, когда я буду напоминать вамъ о настоящихъ вашихъ намѣреніяхъ?

— Никогда, обѣщаю вамъ это, вскричалъ герцогъ и снялъ съ пальца дорогое кольцо, которое надѣлъ на руку Фюрера.—Носите кольцо это въ воспоминаніе этого обѣщанія, продолжалъ онъ.—Если я когданибудь начну колебаться и буду невѣренъ себѣ, то покажите мнѣ это кольцо, и будьте увѣрены, что я стану опять такимъ же, какъ сегодня.

— Хорошо, сказалъ Фюреръ, не безъ волненія; — въ такомъ случаѣ берите и меня, и жизнь мою. Я готовъ.

— Ну такъ обнимите меня, вскричалъ герцогъ, — и пусть союзъ нашъ будетъ заключенъ на вѣки!

Они обнялись.

— Ну скорѣе за дѣло, вскричалъ герцогъ. — Сегодня же утромъ я жду васъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ вы примете свою должность. А до тѣхъ поръ вы принадлежите еще себѣ. Итакъ прощайте!

Герцогъ поспѣшно вышелъ, оставивъ Фридриха еще въ сильномъ смущеніи, въ которомъ застала его и мать. За матерью вошли Ридль и Ульрика.

Между тѣмъ стало уже почти свѣтло.

— Можетъ ли быть, поспѣшно спросила совѣтница, которой Ульрика сказала о посѣщеніи принца; — точно ли у тебя былъ его высочество, наслѣдный принцъ? И правда ли говорить Бенно, будто старый герцогъ умеръ отъ удара?

— Все правда, матушка, отвѣчалъ Фридрихъ.

— Господи какая честь, что его высочество посѣтилъ мой домъ! Если бы я это знала, я...

Ридль между тѣмъ, поздоровавшись съ Фридрихомъ, спросилъ его:

— А можно знать, зачѣмъ былъ у тебя новый герцогъ?

— Да, это не тайна, отвѣчалъ Фридрихъ. — Онъ былъ у меня, потому что знаетъ взглядъ мой на государственное управленіе и раздѣляетъ его, и потому, что онъ рѣшился примѣнить его къ дѣлу. Онъ предложилъ мнѣ министерство.

— Тебѣ? сынъ мой? Да это неслыхано! вскричала совѣтница, всплеснувъ съ удивленіемъ руками. Глаза Ульрики блеснули. А Ридль быстро восеклинулъ:

— Ты конечно отказался?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фридрихъ. — Я готовъ отдать жизнь за осуществленіе своихъ принциповъ.

Ридль замолчалъ и смотрѣлъ внизъ въ какомъ-то смущеніи. Потомъ онъ взялъ Фридриха за руку, искренно пожалъ ее и сказалъ грустно, но серьезно:

— Въ такомъ случаѣ прощай, дороги наши расходятся.

Фридрихъ былъ чрезвычайно удивленъ поведеніемъ Ридля, потому что въ словахъ его не слышалось обычной ему ироніи, а напротивъ звучала грустная торжественность, столь ему несвойственная.

— Не дурачься! вскричалъ онъ.—Зачѣмъ хочешь ты разстаться со мною? Развѣ при новомъ моемъ положеніи мы не можемъ остаться друзьями?

— Пока я живъ, я останусь твоимъ другомъ, отвѣчалъ Ридль,—но дальнѣйшія наши отношенія поведутъ за собой только ожесточеніе и отчужденіе. Я не въ состояннн буду не высказывать своихъ принциповъ, поэтому намъ лучше разойтись. Я поѣду куда нибудь далеко.

— Какое упрямство! возразилъ ему Фридрихъ.—Вѣдь ты знаешь меня, и увѣренъ, что я желаю хорошаго! Неужели ты не можешь сродниться съ мыслью, что хорошее это будетъ дѣлаться не такъ, какъ ты себѣ представлялъ?

— Я не заслуживаю упрека въ упрямствѣ, отвѣчалъ Ридль,—именно потому, что я тебя знаю и увѣренъ въ твоихъ хорошихъ намѣреніяхъ, я и недоволенъ этимъ, такъ какъ предвижу, что сила твоя тратится ложно въ этомъ предпріятіи.

— Но отчего же не можетъ удасться то, что я предполагаю? спросилъ Фридрихъ.

— Потому, что ты затѣялъ невозможное, холодно отвѣчалъ Ридль.—Ты давно знаешь мои воззрѣнія. Мы не сходимся съ тобою во взглядахъ на призваніе народовъ. Я признаю только двѣ формы государственнаго правленія: полное неограниченное или совершенно свободное. Средняго быть не можетъ, и каждая попытка устроить середину есть самообольщеніе или просто обманъ.

— Я знаю страсть твою къ крайностямъ, отвѣчалъ Фридрихъ,—но опасности такой тутъ не предвидится. Герцогъ полонъ хорошихъ намѣреній.

— Да, теперь, на время! Я съ этимъ согласенъ,—вскричалъ Ридль.— Но долго ли это будетъ продолжаться, въ особенности при такомъ слабомъ характерѣ, какъ у молодого герцога. Повѣрь

мнѣ, что рано или поздно онъ сознаетъ свою силу, и не будетъ пренебрегать ею. Просмотри исторію, и ты увидишь, что я правъ. Герцогъ еще молодъ, и ты тоже, и мечты тебѣ не чужды, вотъ почему вы и заключили союзъ. Вамъ непремѣнно хочется быть дономъ-Карлосомъ и маркизомъ Поза...

— Не смѣйся!.. перебилъ его Фридрихъ. — Я вижу, что мы скоро разошлись бы съ тобою. Повѣжай, и будь увѣренъ, что найдешь меня всегда такимъ же, какъ и прежде.

— Другъ! вскричала Ридль, взявъ его за обѣ руки;— послушай меня. Еще не поздно, все можно измѣнить. Возьми свое слово назадъ.

— Нѣтъ, вскричалъ Фридрихъ, — я рѣшился. Я не могу и не хочу отступать.

— Одумайся, умолялъ его Ридль; — право ты будешь несчастливъ, если не послушаешься меня. Повѣрь мнѣ, конный пѣшему— не товарищъ?

— Нѣтъ, я рѣшился.

— Ну, такъ прощай. Надѣюсь еще увидаться съ тобой. Если когда нибудь понадобится тебѣ другъ — вспомни обо мнѣ.

Ридль торопливо поклонился и вышелъ. Фридрихъ долго, задумчиво смотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ обратился къ матери и сказалъ:

— Развѣ я не правъ, матушка? Скажите мнѣ.

— Иди, и старайся осчастливить человѣчество, вскричала совѣтница, нѣжно обнимая сына, — и да будетъ надъ тобою благословеніе матери.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Темный путь.

Столица шумно и весело праздновала вступленіе на престолъ новаго герцога и отиѣну ненавистнаго и роковаго налога. Во мпогихъ харчевняхъ давалось, по распоряженію правительства, даровое

пиво и закуски. Харчевня „Красной Звѣзды“, гдѣ отпускалось тоже даровое пиво, была полна посѣтителями, преимущественно изъ рабочаго класса. За однимъ изъ столиковъ сидѣлъ чернѣйшій слесарь Губеръ и товарищъ его Ганъ, а за сосѣднимъ столомъ, повернувшись къ нимъ спиною, сидѣлъ какой-то старикъ въ очень поношенномъ платьѣ.

— Правда ли это, говорилъ Ганъ Губеру, — что не будутъ преслѣдовать тѣхъ, кто бунтовалъ въ послѣднемъ дѣлѣ.

— Не будутъ, если только онъ не украсть и не сдѣлалъ чегонибудь такого.

— Ну, конечно. Ну, а если это такъ, то почему же старикъ Виндрейтеръ, вотъ уже нѣсколько дней какъ исчезъ?

— А кто его знаетъ. Вѣдь самъ знаешь, какой онъ чудакъ. Вотъ и господинъ Ридль, говорятъ, куда-то уѣхалъ. Отчего это, хозяинъ, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, подошедшему къ столу, чтобы наполнить кружки, — сегодня никого кромѣ васъ не видно? Гдѣ же это Марія?

Хозяинъ, худой, блѣдный мужчина, съ непріятными кошачьими глазами, скорчилъ жалобное лицо и отвѣчалъ:

— Вѣдная дѣвушка! Опять въ такомъ состояніи, что нельзя показаться въ люди.

Хотя слова эти были произнесены кроткимъ голосомъ, но замѣтно было, что хозяинъ такой человѣкъ, который мягко стелеть, да жестко спать.

Губеръ, казалось, зналъ это, и потому замолчалъ и задумался. Но скоро вниманіе его было привлечено высокимъ старикомъ въ поношенномъ платьѣ, который до сихъ поръ сидѣлъ къ нимъ спиною. Теперь, при приближеніи хозяина, онъ полуобернулся къ нему, такъ что часть лица его была видна. Слесарь пристально посмотрѣлъ на него, какъ будто припоминая что-то, и потому отъ вниманія его не укрылось, что хозяинъ подмигнулъ старикъ, и тотъ отвѣтилъ ему тоже знакомъ и наклонился къ кружкѣ. Черезъ нѣсколько секундъ старикъ допилъ свою кружку и пошелъ къ выходной двери. Губеръ продолжалъ слѣдить за каждымъ его движеніемъ.

— Послушай, прошепталъ онъ, обращаясь къ Гану; — сдѣлай мнѣ одолженіе, пойди за этимъ чернымъ старикомъ, и не выпускай его изъ вида.

— На что тебѣ? Кто онъ такой? спросилъ Ганъ, но Губеръ заторопилъ его.

— Не спрашивай, мнѣ надо знать, куда онъ идетъ. Потомъ скажу тебѣ все.

Ганъ всталъ и вышелъ вслѣдъ за старикомъ. Когда онъ воротился и сѣлъ на старое мѣсто, Губеръ тихо спросилъ его:

— Ну?

— Странно, отвѣчалъ также тихо Ганъ. — Человѣкъ этотъ не вышелъ изъ дому.

— Я такъ и думалъ. Куда же онъ пошелъ?

— Сначала онъ прямо вышелъ на улицу, но только-что я хотѣлъ пойти за нимъ, какъ онъ воротился. Я едва успѣлъ спрятаться за уголъ. Онъ не замѣтилъ меня и проскользнулъ мимо меня внизъ въ сѣни и въ дверь...

— А, въ кухню, пробормоталъ Губеръ. — Другой двери нѣтъ, я знаю домъ.

— Но скажи же мнѣ, что все это значитъ? съ любопытствомъ спросилъ Ганъ — Ты знаешь этого человѣка?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Губеръ; — а между тѣмъ онъ мнѣ не неизвѣстенъ. Я рассказывалъ тебѣ, какъ недавно приходилъ ко мнѣ человѣкъ, нѣчто въ родѣ отставного военнаго, и спрашивалъ меня, не сдѣлаю ли я ему ключей. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, потому что онъ предложилъ мнѣ цѣну, какую не платятъ за честный трудъ. Вѣроятно онъ замѣтилъ, что попалъ не къ тому, къ кому слѣдовало, и потому я не успѣлъ опомниться, а его и слѣдъ простылъ. Ну, такъ этотъ господинъ похожъ на него, вотъ какъ двѣ капли воды...

— Но зачѣмъ же онъ здѣсь? проговорилъ Ганъ. — Если это человѣкъ, работающій съ фальшивыми ключами, то не здѣсь ему мѣсто; кого онъ найдетъ по себѣ въ Красной Звѣздѣ.

— Ну этого ты не понимаешь, отвѣчалъ Губеръ. — Но мнѣ надо знать, что тутъ въ домѣ дѣлается. Я тотчасъ же замѣтилъ,

что мошенникъ хозяинъ съ нимъ за одно. Да вотъ и онъ. Спроси-ка у него, такъ незамѣтно, кто этотъ человекъ.

Хозяинъ подошелъ съ новыми кружками пива, приторно улыбаясь работникамъ.

— Ну это послѣднiя, сказалъ онъ;—даровое пиво на исходѣ.

— Ну да и довольно, сказалъ Ганъ;—а скажите-ка мнѣ, хозяинъ, кто этотъ старикъ, который сидѣлъ тутъ, заслоняя намъ спиною всю комнату?

Хозяинъ быстро, внимательно посмотрѣлъ на спрашивавшаго, и заговорилъ съ своей обычной усмѣшкой:

— Вы говорите о старикѣ съ лысиной и въ поношенномъ платьѣ? это какой-то бѣдняга, но очень ученый и благочестивый человекъ. Я не знаю, какъ его зовутъ. Онъ хотѣлъ быть проповѣдникомъ, да пришлось отправиться на войну, и теперь на старости лѣтъ долженъ заниматься преподаванiемъ. Онъ иногда ѣдетъ у насъ, а сегодня пришелъ выпить дарового пивца.

Тутъ хозяина отозвали.

— Ахъ ты лгунишка, плуть! злобно проворчалъ вслѣдъ за нимъ Губеръ.—Вотъ погоди, скоро я узнаю, что ты затѣвашь.

Губеръ и Ганъ пошептались еще немного и потомъ оба вышли изъ комнаты.

Между тѣмъ въ кухнѣ Красной Звѣзды собралось общество совершенно другого рода. Какъ въ общей залѣ было свѣтло и шумно, такъ тутъ царствовали полнѣйшiй мракъ и мертвая тишина. Кухня была такъ отдалена, что шумъ изъ залы доходилъ до нея только, когда отворялась дверь. Огонь на широкомъ очагѣ потухъ, и едва тлѣвшiе угли едва освѣщали громадный окорокъ, висѣвшiй надъ очагомъ. Въ самомъ темномъ углу кухни сидѣла Марiя, дочь хозяина; она казалась спящей; утомленныя блѣдныя черты лица ея, освѣщенные красноватымъ свѣтомъ, придавали ей видъ покойницы. Въ противоположномъ углу стояли три человека и съ жаромъ тихо шептались между собою. Двое изъ нихъ были какiе-то оборванцы и говорили съ третьимъ, чернымъ старикомъ изъ общей залы, съ какииъ-то боязливымъ почтенiемъ, несмотря на короткость.

— Такъ вы сдѣлали все, что я приказалъ? спросилъ тихо незнакомецъ.

— Все въ точности, прошепталъ ему въ отвѣтъ одинъ изъ оборванцевъ.— Все было такъ, какъ вы описали намъ. Направо дверь, оклеенная обоями, на лѣво письменный столъ, въ серединѣ потаенная ниша съ шкатулкой.

— Ну и вы достали бумаги? Гдѣ онѣ?

— Я зашилъ ихъ сюда въ пальто, въ подкладку, снова отвѣчалъ оборванецъ;—но сначала отдайте намъ плату за труды.

— Вы получите ее тотчасъ же всю сполна. Но чтобы это было похоже на обыкновенное воровство, какія взяли вы еще цѣнные вещи?

— Разныя. Тамъ висѣли золотые часы, такъ заманчиво щелкавшіе, что я никакъ не могъ не прихватить ихъ.

— Подавайте сюда. Вы знаете условіе.

— Но...

— Безъ возраженій! Всѣ эти вещи должны быть у меня въ рукахъ. Вамъ онѣ бесполезны и наведутъ только на вашъ слѣдъ слѣдователей. Я заплачу вамъ за вещи. Что стоятъ часы?

— Меньше пяти золотыхъ отдать ихъ нельзя.

— Вы ихъ получите. Ну а что у васъ еще?

— Немногое. Вотъ перстень! Чистое золото, сударь! Для васъ, сударь, я отдамъ въ ту же цѣну, а вотъ еще медальонъ. Онъ какъ-то нечаянно попалъ мнѣ къ руки.

— Хорошо. Положите все на окно, а я отсчитаю деньги. Но сначала покажите мнѣ бумаги, тѣ ли вы взяли.

Незнакомецъ получилъ цѣлую связку бумагъ, съ которыми онъ подошелъ къ очагу, и сталъ ихъ разсматривать.

— Все въ порядкѣ, сказалъ онъ довольнымъ голосомъ.— Вотъ ваша плата. Тутъ будетъ лишнее. Будьте благоразумны. Если попадетесь, такъ пеняйте на себя.

Послѣ этого онъ дернулъ за шнурокъ, висѣвшій у очага прямо съ потолка. Колокольчика не раздалось, хотя дверь тотчасъ же отворилась, и въ нее вошелъ хозяинъ, проводившій по знаку незнакомца обоихъ оборванцевъ вонъ изъ дома. Шаговъ слышно не

было, какъ будто во мракѣ двигались тѣни. Хозяинъ вскорѣ воротился.

— Вы хорошо обдѣлали дѣло, Мозеръ, сказалъ ему незнакомецъ.—Я доволенъ вами, рассчитывайте на мою благодарность.

— Это дѣлаетъ меня совершенно счастливымъ, отвѣчалъ хозяинъ, съ благочестивымъ смиреніемъ сложивъ на груди руки.—Я слабое орудіе—и какое счастье, если я могу служить къ распространенію славы нашего Господа.

— Вы и служите. Если бы я смѣлъ все сказать вамъ, вы увидѣли бы, что все находится въ связи съ нашимъ великимъ предпріятіемъ, и что для такой цѣли можно употребить и такія средства.

— Я не сомнѣваюсь, и горно отвѣчалъ хозяинъ,—и не требую видѣть. Блаженны вѣрующіе.

— Ну, а что дѣлаетъ тотъ молодой человѣкъ, о которомъ вы мнѣ говорили? Годится ли онъ и приготовили ли вы его?

— Кажется. Позвать его? Онъ тутъ.

По знаку незнакомца, хозяинъ исчезъ и вернулся съ писаремъ Биллингеромъ. Этотъ Биллигеръ во время народнаго волненія едва не заплатилъ жизнію. Въ немъ узнали шпиона, разъяренная толпа хотѣла разорвать его на части, но онъ спасся отъ смерти, только благодаря профессору Фюреру, который уговорилъ народъ отпустить этого негодая.

— Мнѣ указали на васъ, какъ на способнаго человѣка, сказалъ незнакомецъ вошедшему, пристально посмотрѣвъ на него.—Хотите поступить на службу, которую я вамъ предложу.

— Не знаю, что отъ меня будетъ требоваться, отвѣчалъ Биллигеръ, пожимая плечами.

— Объ этомъ беспокоиться нечего. У насъ только два условія, исполненіе которыхъ обязательно. Вы должны исполнять каждое порученіе слѣпо, не спрашивая и не вывѣдывая, кѣмъ оно дается. Хотите? Жалованья болѣе, чѣмъ вы думаете.

— Я готовъ, отвѣчалъ Биллигеръ.

— Ну, такъ мы сдѣлаемъ пробу. Вотъ ваши деньги, сказалъ незнакомецъ, подавая Биллигеру туго набитый кошелекъ.—Знаете

вы бывшаго профессора Фюрера, новаго министра нынѣшняго герцога.

Цесарь отвѣтилъ утвердительно-поспѣшно и сверкая глазами.

— Есть лица, которыя чрезвычайно важно знать, продолжалъ незнакомецъ, — гдѣ были министры въ ночь городскихъ беспорядковъ, и кто говорилъ съ ними. Черезъ недѣлю я жду отъ васъ отчета.

Биллинггеръ поклонился и вышелъ съ хозяйномъ. Незнакомецъ тоже хотѣлъ уйти, но въ трубѣ что-то упало въ родѣ камня и онъ сталъ прислушиваться.

— Что это такое? спросилъ онъ.

— О, ничего, отвѣчалъ хозяинъ; — можетъ быть, летучая мышь. А вотъ посмотримъ.

Когда незнакомецъ ушелъ, хозяинъ зажегъ свѣчу и освѣтилъ боровъ.

Все было спокойно и ничего не было замѣтно. Но за то, при свѣтѣ свѣчки, онъ увидѣлъ въ углу комнаты дѣвушку. Онъ на минуту остановилъ свой взглядъ на ней, и трудно было рѣшить, что выражалъ этотъ взглядъ, ненависть или пріязнь. Потому онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, нѣсколько грубо дернулъ ее за плечи и вскричалъ: — Пошла къ себѣ въ комнату, пора! Или ты хочешь пребыть здѣсь всю ночь?

Марія, казалось, точно будто пробудилась отъ тяжелаго сна и не понимала, что съ нею дѣлается. Но вслѣдъ за этимъ она узнала хозяина и, съ дикимъ крикомъ, оттолкнула его отъ себя такъ сильно что этотъ, вовсе не слабый человѣкъ, зашатался и долженъ былъ придержаться за стѣну.

— Прочь отъ меня, хозяинъ звѣзды, крикнула она; — прочь, у тебя ядовитые глаза — прочь!

— Что ты дѣлаешь, каналья? вскричалъ Мозеръ, дрожа отъ бѣшенства. — Ты смѣешь драться и называть меня опять хозяиномъ звѣзды? Постой, я проучу тебя, я покажу тебѣ, что я твой вотчинъ.

Съ этими словами онъ выбралъ изъ хворосту толстый пруть, и хотѣлъ броситься на Марію, которая покорно опустила на ко-

лѣни, какъ будто ожидая терпѣливо наказанія. При этомъ она стала пристально смотрѣть въ уголь и что-то шептать.

— Ты тутъ, мать? Это хорошо, что ты тутъ, теперь хозяйнѣ звѣзды не будетъ бить твою дочь, ты не допустишь этого. Вотъ ты сидишь тамъ въ углу съ кровавой полосой на лбу. Погрози ему, мать. Матушка, милая, дорогая...

Остальное пропало въ какомъ-то шепотѣ.

Уже съ первыхъ ея словъ Мозеръ какъ будто замеръ, потомъ онъ отступилъ и уронилъ пруть; когда же дѣвушка стала указывать въ уголь, гдѣ ей чудилась мать, волосы поднялись у него дыбомъ, онъ скрежеща зубами, бросилъ свѣчку, и кинулся вонъ изъ кухни.

— Постой негодная, проворчалъ онъ въ дверяхъ;—придетъ время, когда я отдѣлаюсь отъ тебя.

Брошенная свѣча погасла, и въ кухнѣ стало опять совершенно темно, угли уже потухли, и слышалось только дыханіе Маріи.

Спустя нѣкоторое время послышался осторожный зовъ: „Марія!“

— Марія, послышалось снова,—не испугайся. Я здѣсь на верху въ трубѣ. Это я, Мартинъ.

Пока дѣвушка вставала и смотрѣла въ трубу, сверху спустился человекъ и сталъ передъ Маріей. Это былъ Губеръ, весь выпачканный въ сажѣ.

— Какъ это ты попалъ сюда? спросила его Марія.—И-что тебѣ тутъ надо? Что если хозяйнѣ увидитъ тебя!

— Онъ меня не увидитъ, отвѣчалъ Губеръ.— Ты цѣлый вечеръ не показывалась. И я не могъ утерпѣть, чтобы не посмотреть, гдѣ ты, и не обижаетъ ли онъ тебя!

По мертвенному лицу дѣвушки пробѣжала свѣтлая улыбка.

— Благодарю тебя, добрый ты мой, сказала она, взявъ руку Губера и сжимая ее.— Ты только одинъ и заботишься обо мнѣ. Но хозяйнѣ не обижалъ меня. Только въ кухнѣ было столько дѣла, что мнѣ пришлось остаться, и...

— Я вѣдь все слышалъ, сказалъ Губеръ.—Я сижу ужъ давно тамъ наверху. Скажи-ка мнѣ, кто этотъ господинъ, что былъ тутъ?

— Не знаю, да и знать не хочу, печально отвѣчала Марія.— Вѣдь измѣнить я ничего не могу...

— Нѣтъ, можешь, Марія, въ волненіи началъ Губеръ; — если бы ты согласилась, ты ушла бы изъ дому, гдѣ ничего хорошаго не дѣлается.

— Уйти изъ дому я не смѣю, пропентала Марія; — мать не пускаетъ. Да и куда мнѣ идти?

— Да развѣ меня нѣтъ? вскричалъ Губеръ, и все существо его озарилось такимъ глубокимъ и нѣжнымъ участіемъ, что трудно было узнать прежняго парня.— Неужели ты думаешь, что я брошу тебя? Идемъ со мною, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.— Я не богатъ, но то, что я зарабатываю, доставеть для насъ обоихъ, и еще для нѣсколькихъ, если ты согласишься быть моей женой.

Онъ замолчалъ и, казалось, ждалъ отвѣта. Марія стояла передъ нимъ съ своимъ обычнымъ безжизненнымъ лицомъ, но дрожь, пробѣгавшая по всему ея тѣлу, доказывала, что она не оставалась равнодушною къ его словамъ. Наконецъ она съ трудомъ заговорила.

— Благодарю тебя, Мартинъ, но этого быть не можетъ. Ты честный человекъ, зачѣмъ же хочешь ты бросить сердце свое въ лужу, и навалить себѣ такую обузу на шею, какъ я.

— Не говори такъ, чуть не рыдая отвѣчалъ Губеръ;— я не могу этого слышать. Ты честная и хорошая дѣвушка и невиновата въ своемъ несчастіи.

— Почему ты это знаешь, Мартинъ?

— Я знаю это и скажу передъ цѣлымъ міромъ! Вѣдь никто не знаетъ тебя такъ, какъ я, съ тѣхъ поръ, какъ умерла твоя мать. Развѣ я не росъ съ тобою? Развѣ дѣтьми мы не играли вмѣстѣ, и развѣ я не люблю тебя съ той поры, какъ только помню себя? Ну согласишься же, идемъ изъ этого несчастнаго дома.

Голосъ слесаря сталъ мягокъ и въ немъ слышалась мольба. Одною рукою онъ обнялъ Марію за талью, какъ будто желая увести ее. Она вздрогнула отъ этого прикосновенія, но не отстранялась, а пристально смотрѣла на что-то, и какъ будто прислу-

шивалась къ голосу, понятному только ей одной, и видѣла образъ, доступный только ей одной.

Потомъ она печально покачала головою и прошептала:

— Не должна... надо остаться въ домѣ... мать этого желаетъ. Вонъ она опять, съ кровавымъ рубцомъ на лбу... кровь такъ и течетъ... она не хочетъ, чтобы я уходила.

Она, слабо вскрикнувъ, снова опустилась на стулъ, и погрузилась въ прежнее безчувственное состояніе.

Тщетно расточалъ ей Губеръ ласки и нѣжныя слова, она ничего не слышала и не чувствовала. Машинально помѣшалъ онъ въ очагъ, и покрасѣвшіе угли немного освѣтили блѣдное лицо дѣвочки. Долго стоялъ онъ на колѣняхъ и смотрѣлъ на нее съ глубокой жалостью и любовью. Потомъ всталъ на очагъ и исчезъ въ трубѣ. Марія не замѣтила его ухода.

II.

Первый шагъ.

Черезъ нѣсколько недѣль въ передней комнатѣ, ведущей въ парадное зало герцогскаго замка, собралось многочисленное и блестящее общество. Богатые шитые мундиры савонниковъ перемежались съ пестрою военною формою. Между тѣми и другими видѣлись иногда черные фраки какихъ нибудь гражданъ и сюртуки духовныхъ лицъ. Видно было, что люди эти собрались для чего-то необыкновеннаго. Всѣ были въ какомъ-то волненіи, но говорили шепотомъ.

Около двери въ тронную залу, въ амбразурѣ окна стояла группа, состоявшая изъ генерала Бауэра, графа Шроффенштейна и его сына.

— Ну, почтеннѣйшій, что скажете вы на все это? началъ Шроффенштейнъ. — Чего ожидаете вы отъ этихъ приготовленій?

— Мнѣ кажется это не трудно угадать, отвѣчалъ холодно генералъ. — Правительство намѣрено дать реформу. Сегодня предпо-

лагается обнародовать или реформу или какойнибудь новый законъ.

— И для этого приглашены тоже граждане? отвѣчалъ Шроффенштейнъ. — Едва вѣрится! Ну что простонародью въ законахъ?

— Какъ что? смѣясь сказалъ Бауэръ. — Развѣ въ эти шѣсцпы, что вы въ отставкѣ, вы забыли политическія науки? Развѣ вы не знаете, что теперь въ модѣ, давая законъ подданнымъ, предварительно вѣжливо спросить ихъ, нравится ли имъ законъ, и угодно ли имъ будетъ подчиниться ему? Новая политика переворачиваетъ все верхъ дномъ, и потому граждане теперь лица самыя важныя, а мы, дворяне, чиновники, солдаты служимъ только для того, чтобы улучшать положеніе новоюднаго божка. Вотъ почему сегодня здѣсь граждане. Безъ нихъ дѣло обойтись не можетъ, а мы служимъ декорацией.

— Вы хорошо обрисовываете новую идею государства, сказалъ Шроффенштейнъ, принужденно улыбаясь; — но мнѣ кажется, что вы смотрите на эти вещи слишкомъ мрачно. Я не думаю, чтобы его высочество находился подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ нововведеній, чтобы придавать такое коренное значеніе народу. Онъ сдѣлаетъ какіянибудь распоряженія, о которыхъ будутъ много кричать, ну и только! Да и кромѣ того, какъ же обнародовать законъ, не обсудивъ его предварительно въ государственномъ совѣтѣ.

— Ахъ мой золотой эксминистръ, отвѣчалъ Бауэръ, — развѣ вы не замѣчаете, что и мы и весь государственный совѣтъ стали лишними? Герцогъ — повелитель неограниченный, что же можетъ заставить его держаться прежнихъ формъ? Развѣ новый министръ не замѣняетъ ему государственнаго совѣта.

— Къ несчастію, замѣтилъ молодой Шроффенштейнъ, — мнѣ кажется, что господинъ генералъ совершенно правъ. Но тѣмъ не менѣе есть что-то загадочное въ страшномъ вліяніи, какое приобрѣлъ въ такое короткое время такой выскочка, какъ Фюреръ. Неужели прежде о немъ ничего не было слышно!

— Батюшка вашъ долженъ знать его, замѣтилъ Бауэръ, съ ядовитой усмѣшкой; — молодой человекъ принадлежалъ прежде къ его вѣдомству.

— Хотя бы и такъ отвѣчалъ бывшій министръ. — Можно ли винить какого нибудь министра, что онъ не знаетъ цѣлой бездны молодыхъ людей, ищущихъ мѣстъ! Вѣроятно онъ написалъ нѣсколько порядочныхъ статей, его сочли поэтому годнымъ для кафедры, гдѣ онъ занимался дѣйствительно хорошо. Вотъ и все, что я о немъ знаю.

— Но говорятъ, онъ еще въ Геттингенѣ былъ очень близокъ съ его высочествомъ, напомнилъ сынъ.

— Вѣроятно не очень коротокъ, отвѣчалъ отецъ, — а иначе герцогъ не оставилъ бы его безъ вниманія такъ долго.

— Впрочемъ въ концѣ концовъ совершенно все равно, вскричалъ генераль, — какъ онъ добился до настоящей власти. Фактъ тотъ, что власть эта теперь при немъ, если только у него достанетъ охоты и силы удержать ее.

— Что же мы-то дѣлаемъ, генераль? быстро возразилъ Шроффенштейнъ отецъ. — Неужели мы такъ будемъ только смотреть.

— Да, это хотѣлъ и я спросить? прибавилъ сынъ.

— Что мы дѣлаемъ, господа? съ усмѣшкой спросилъ генераль. — Мы употребляемъ время нашего покоя на наблюденія суеты мірской, и при этомъ ждемъ, не наступитъ ли и на нашей улицѣ праздникъ.

— А и вы тутъ, господинъ судья Веберъ, обратился старый Шроффенштейнъ къ господину, почтительно раскланивавшемуся съ нимъ. — Ну какъ идутъ дѣла? Какой вопросъ! прибавилъ онъ, насмѣшливо искрививъ ротъ; — впрочемъ его можно извинить человеку, который такъ долго былъ вашимъ начальникомъ, и до сихъ поръ не привыкъ къ праздности.

— Ваше сіятельство, можете быть увѣрены, вскричалъ судья, — что мы не безъ глубокаго сожалѣнія вспоминаемъ объ вашей отставкѣ. — Служба наша идетъ по старому, но сколько слышно профессоръ, осчастливленный милостью его высочества, намѣренъ преобразовать многое и въ нашемъ вѣдомствѣ.

— Въ самоѣ дѣлѣ? Это для меня ново. Ну, а какого рода будутъ эти преобразованія?

— Да предполагается устроить все такъ, какъ устроено заграницей. То есть открытое судопроизводство и судъ присяжныхъ.

— Что вы такъ смущены, графъ? вскричалъ генераль.— Ну вы скоро согласитесь со мною, что ничто не останется на старомъ мѣстѣ? Мы можемъ похоронить себя!

— Это такъ! сказалъ смущенный графъ. — Это будетъ основательное преобразование! Съ судебнымъ дѣломъ связана вся жизнь народовъ.

— Да, съ этимъ надо согласиться, со вздохомъ сказалъ судья.— Министръ теоретикъ; а теоретикамъ часто приходитъ въ голову посягать на практиковъ. Въ практикѣ онъ несиленъ. Я знаю профессора, то есть я хочу сказать министра, потому что онъ работалъ у насъ въ судѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ его бумагахъ нѣтъ настоящаго юридическаго тона, а замѣтны литературныя наклонности, что не годится для истаго юриста.

Бывшій министръ улыбнулся.

— А, понимаю, сказалъ онъ;— это мнѣ знакомо.

Тутъ онъ былъ прерванъ сыномъ, который между тѣмъ говорилъ съ какимъ-то господиномъ среднихъ лѣтъ, одѣтымъ по модѣ, съ темными длинными волосами, отброшенными назадъ.

— Извините, что я прерываю васъ, батюшка, сказалъ капитанъ, представляя незнакомца.— Я полагаю, что вамъ пріятно будетъ сдѣлать новое знакомство: господинъ Риголлетъ, архитекторъ изъ Брюсселя, которому его высочество поручилъ постройку новаго дворца.

Новые знакомые раскланялись.

— Сегодня, кажется, мнѣ приходится узнавать все новое, сказалъ Шроффенштейнъ.— Его высочество строить новый дворецъ?

— Еще это не вполне рѣшено, отвѣчалъ Риголлетъ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.— Въ настоящее время идутъ только переговоры о планахъ для постройки. Случай устроилъ такъ, что я только-что окончилъ планъ подобнаго зданія, и этотъ планъ попалъ въ руки къ его высочеству.

— Рисунки, говорятъ, виѣшался капитанъ,— по великолѣпію и роскоши превосходятъ все, что строилось до сихъ поръ.

— А гдѣ будетъ строиться дворець, и какъ будетъ называться? спросилъ генералъ Вауэръ.

— Мѣстность выбрана очень удачно, часа за два отъ города. отвѣчалъ Риголетъ.—А названіе мнѣ неизвѣстно.

Тутъ открылась дверь и всѣ присутствующіе въ порядкѣ вошли въ тронную залу.

Въ это самое время новый герцогъ ходилъ у себя въ кабинетѣ взадъ и впередъ въ сильной задумчивости. Комната была богато убрана всевозможными предметами роскоши.

Посреди стоялъ круглый столъ, заваленный разными рисунками и планами.

Фигура самого герцога совершенно гармонировала съ окружавшею его роскошью. Великолѣпный военный мундиръ обрисовывалъ его статную фигуру. Лицо, чрезвычайно красивое, носило на себѣ отпечатокъ чего-то воинственнаго и сильнаго, напоминавшее покойнаго герцога. Но въ выраженіи рта и улыбка было нѣчто женственное, смягчавшее суровый характеръ всей фигуры. Знатокъ чловѣческаго сердца сказалъ бы, что такая улыбка есть признакъ мягкости или безхарактерности. Въ движеніяхъ молодого герцога замѣтна была беспокойная торопливость.

Наконецъ онъ остановился передъ планами, что лежали на столѣ, и лицо его все дѣлалось довольнѣе и довольнѣе.

Такъ засталъ его Фридрихъ, котораго Кюндихъ впустилъ безъ доклада.

— Здравствуйте, любезный Фюреръ, сказалъ ему герцогъ.—Вы, вѣроятно, удивляетесь, что застаю меня за такимъ занятіемъ. Я сегодня ужъ усталъ, занимаясь все серьезными да великими дѣлами.

Онъ указалъ при этомъ на множество конвертовъ, запечатанныхъ большими печатями и лежавшихъ на письменномъ столѣ.

— А вотъ, продолжалъ онъ,—и отдохновеніе. Какъ находите вы эти планы?

Фридрихъ посмотрѣлъ на нихъ съ минуту.

— Я не знатокъ, сказалъ онъ, и не могу съ перваго взгляда сказать свое мнѣніе. Но вообще, мнѣ кажется, что въ этихъ планахъ много оригинальности.

— Совершенно такъ, воскликнулъ герцогъ. — Это чрезвычайно удачные планы; тутъ красота деталей соединена съ прелестью цѣлаго!

— Это кажется планъ замка?

— Да. Мнѣ очень нравятся эти планы и я горю нетерпѣнїемъ употребить ихъ въ дѣло.

— Какъ вашему высочеству угодно...

— Я рѣшился построить замокъ и построить немедленно. Настоящее время года чрезвычайно удобно для начатїя работъ, архитекторъ тутъ, и если все пойдетъ какъ слѣдуетъ, то постройка можетъ кончиться въ два года.

Герцогъ снова заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ, казалось, ждалъ отвѣта; но не дождавшись его, онъ остановился и сталъ смотрѣть на Фридриха, задумчиво перебиравшего планы.

— Что вы думаете? вскричалъ герцогъ. — Отчего вы ничего не скажете?

— Я думаю, отвѣчалъ Фридрихъ, — что такое великолѣпное зданїе нельзя выстроить меньше, чѣмъ за два милліона.

— Можетъ быть. Но, кажется, вы слишкомъ высоко цѣните его. Во всякомъ случаѣ мнѣ очень прїятно, что мы попали на этотъ разговоръ. Я хотѣлъ говорить съ вами объ этомъ. Вы пока подумайте, откуда намъ взять эти деньги?

Фридрихъ промолчалъ еще съ минуту.

— Этого нельзя, ваше величество, сказалъ онъ потомъ. — Это невозможно.

Герцогъ остановился отъ удивленїя и пристально посмотрѣлъ на дерзкаго, и краска гнѣва вспыхнула на его лицѣ.

— Какъ это такъ?.. сказалъ онъ потомъ, — невозможно?

Фридрихъ спокойно выдержалъ взглядъ герцога.

— Я повторяю то, что сказалъ, не безъ волненїя отвѣчалъ онъ. Онъ чувствовалъ, что наступаетъ столкновенїе съ юнымъ повелителемъ. Но когда онъ сталъ говорить, голосъ его звучалъ обычной увѣренностїю.

— Вашему высочеству извѣстно, продолжалъ онъ, — что я при поступленїи въ должность счелъ нужнымъ и необходимымъ узнать

основательно положеніе финансовъ страны. О результатахъ моихъ открытій я сообщилъ вамъ прямо и безъ обиняковъ. Они неутѣшительны. Долгъ страшно великъ, а налоги такъ высоки, что не выдержать болѣе ни малѣйшаго напора. Ваше высочество сами пережили доказательство этой печальной истины.

Фридрихъ перевелъ духъ. Герцогъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ и молчалъ, закрывъ рукою лобъ.

— Въ настоящую минуту всего важнѣе, продолжалъ Фридрихъ, — нѣкотораго рода бережливость. Ваше высочество сами видѣли это и согласились съ этимъ, а какже соединить съ понятіемъ о бережливости такой страшный и, простите мою смѣлость, такой бесполезный расходъ. Я долженъ повторить, что изъ государственныхъ доходовъ невозможно взять требуемой суммы.

Онъ замолчалъ. Герцогъ тоже сидѣлъ молча.

— Право, вскричалъ онъ потомъ, сердито поворачиваясь, — я узнаю жизнь правителя съ очень непривлекательной стороны! Цѣлая куча работы для того, чтобы не вполнѣ быть оцѣненнымъ; куча заботъ, при исполненіи желаній всякаго, а первое желаніе, касающееся моей страсти, наталкивается на невозможность. Если я долженъ заботиться о народѣ, развѣ я не могу подумать и о себѣ? Развѣ не могу?

— Ваше высочество—неограниченный повелитель этой страны. Вы можете все, что хотите. Но вы этого не захотите. Страсти правителей къ чему нибудь нерѣдко бываютъ несчастіемъ для народа. Ваше высочество конечно не пожертвуете ради какой нибудь страсти, серьезной, великой цѣлью народнаго блага, а такъ непременно будетъ!

— Слѣдовательно я не повелитель моего народа, а рабъ его.

— Если бы я не зналъ принципы и взгляды вашего высочества, то отвѣтилъ бы на это, что каждый человѣкъ въ нѣкоторомъ родѣ рабъ своего положенія. Онъ ради самого себя долженъ желать сохранить его и потому долженъ переносить лишенія, если они необходимы для сохраненія положенія. Такъ сказалъ бы я, ваше высочество, если бы не зналъ, что вашъ взглядъ на призваніе госу-

дара основанъ на болѣе возвышенныхъ, а не на такихъ матеріальныхъ принципахъ!

Герцогъ всталъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, смягчаясь,—намъ нельзя любить искусство.

— Нѣтъ, возразилъ Фридрихъ,—я не отвергаю правъ искусства, но скажу только, что благоразумный семьянинъ никогда не станетъ покупать предметовъ роскоши, если ему нужны деньги на необходимое. У вашего высочества много прелестныхъ замковъ, прелестныхъ помѣстій, довольствуйтесь ими, пока не наступитъ время, когда можно будетъ удовлетворить вашей страсти къ искусству; тогда будетъ лежать на васъ обязанность давать пріютъ человѣческому гению. Тогда въ потребностяхъ къ изящному, вы такъ же будете стоять впереди вашего народа, какъ теперь въ перенесеніи лишеній.

Герцогъ задумчиво слушалъ слова Фридриха. Но тутъ онъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и вскричалъ:

— Вы правы, другъ мой! Благодарю васъ, говорите мнѣ всегда правду, какъ теперь. О постройкѣ мы больше не будемъ говорить.

— Рѣшеніе, вскричалъ тронутый Фридрихъ,—достойное государя, который намѣренъ возратить своему народу вмѣстѣ съ свободой и его человѣческое достоинство.

— Молчите, отвѣчалъ герцогъ,—ни слова объ этомъ! Намъ ужъ ждуть; ну, такъ идемте и начнемте наше дѣло! Берите бумаги.

Фридрихъ подошелъ къ письменному столу, чтобы взять лежанія на немъ бумаги.

Въ эту минуту Кюнтихъ отворилъ дверь. „Ея высочество герцогиня-бабка“, доложилъ онъ, и сѣдая герцогиня вошла въ комнату подъ руку съ Примитивой.

Удивленный герцогъ подошелъ встрѣтить ее.

— Дорогая бабушка у меня? спросилъ онъ.

— Мнѣ приходится придти къ тебѣ, дитя мое, сказала она;— такъ какъ ты, кажется, забылъ ко мнѣ дорогу. Мнѣ надо многое о чемъ поговорить съ тобой. Мы одя?

— Тутъ нѣмого нѣтъ, кромя моего министра, господина Фюрера, отвѣчалъ онъ.

Герцогиня зажмурила глаза и сказала обращаясь въ ту сторону, гдѣ ей послышалось движеніе:

— Вы будете такъ добры, г. министръ, что оставите насъ на нѣсколько минутъ съ моимъ внукомъ, герцогомъ. Фрейленъ Фалькелгофъ, подайте мнѣ стулъ и ждите меня въ прихожей.

Примитива исполнила приказаніе.

— Идите, Фюреръ, сказалъ герцогъ,—и позаботьтесь, чтобы это замедленіе не подѣйствовало непріятно.

— Присядь ко мнѣ, Феликсъ, сказала герцогиня, когда щелкнувшій замокъ возвѣстилъ ее, что они остались одни съ герцогомъ.—Вѣроятно дѣла твои не такъ спѣшны, чтобы ты не могъ мнѣ удѣлить минуты? Пѣнай самъ на себя, если я тебя беспокою и удерживаю. Если бы ты имѣлъ ко мнѣ довѣріе, то я вѣроятно узнала бы ранѣе то, что заставило меня прійти къ тебѣ въ послѣднюю минуту.

— Кажется, я всегда съ должнымъ почтеніемъ...

— Почтеніемъ? Нѣтъ, внукъ мой ни въ чемъ не виноватъ передо мною, но для герцога я просто слѣпая старуха, выжившая изъ ума!

— Право не знаю...

— Къ чему я веду рѣчь? Я хочу просто напомнить тебѣ то, чего тебѣ не слѣдовало бы забывать, что тебѣ не найти нигдѣ столько опытности, столько желанія дать совѣтъ, какъ у старухи, нѣкогда находившейся въ такомъ же высокомъ положеніи, въ какомъ находишься теперь ты! Или ты такъ уменъ, что не нуждаешься въ совѣтахъ? Нѣтъ, нуждаешься, но въ совѣтники ты выбралъ себѣ какого-то Фюрера!

— Но, дорогая бабушка...

— Молчи, и выслушай меня. Уважь мою сѣдину, если не хочешь уважить моихъ взглядовъ! Дитя мое, Феликсъ, герцогъ, что я слышу о тебѣ! Ты выбралъ совѣтника изъ гражданъ... развѣ благородные роды, окружающіе твой престолъ, вымерли, что ты не могъ найти между ними достойнаго твоего довѣрія? Что можетъ

повѣтовать сынъ народа, выросшій въ грязи? Но этого еще мало, ты хочешь наложить руку на вѣковое зданіе государства, хочешь отдать часть твоей власти въ руки народа...

— Нѣтъ, этого я не хочу. Права моего престола останутся совершенно неприкосновенными. Но у меня въ странѣ слово и мысль и совѣтъ будутъ свободны! Всѣ будутъ равны передъ закономъ! Прочный коренной законъ на вѣки установитъ отношенія между государемъ и народомъ.

— Довольно, довольно! избавь непривычный слухъ мой отъ всѣхъ этихъ глупостей, которыя мнѣ пришлось выслушать отъ тебя. Неужели ты такъ мало знакомъ съ исторіей народовъ, или такъ мало понялъ духъ этой исторіи, что не знаешь, что свобода мысли—это потокъ, который поднимается все выше и выше и смываетъ престолы съ земли? А ты хочешь самъ открыть шлюзы и прорвать плотину, устроенную тысячелѣтнею вѣрою людей?

Герцогиня замолчала и герцогъ тоже ничего не отвѣчалъ.

— Отчего ты молчишь? продолжала она;—отчего не побиваешь меня? Да и кромѣ того, уступить долю своей власти народу ты не имѣешь права!

— Почему? спросилъ герцогъ.

— Не имѣешь права! Корону ты получилъ не отъ людей, а по милости Бога. Смѣешь ли ты тратить то, что не самъ приобрѣлъ? Смѣешь ли ты отнимать отъ своихъ будущихъ дѣтей часть сокровища? Не смѣешь... ты отвѣтишь и Богу, и имъ!

— Ну, я не думаю, что отвѣчу за это.

— Развѣ ты такъ смѣлъ? А если ты отвѣтишь за это еще раньше? По прекращеніи нашего рода, ближайшія права на наследіе нашего престола имѣетъ царствующій домъ сосѣдней великой державы. Неужели ты думаешь, что такой могущественный родъ будетъ спокойно смотрѣть на такія перемѣны? Ты готовишь себѣ непріятности, которыя врядъ ли хорошо кончатся.

Герцогъ вскочилъ съ своего мѣста и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ты взволнованъ, дитя мое, продолжала герцогиня, прислушавшись съ минуту;—такъ слова мои не потеряли надъ тобой силы?

— Но, дорогая бабушка, слова ваши напрасны, все это давно уже обдумано, и теперь уже поздно.

— Нѣтъ еще не поздно, еще ты не сказалъ рѣшительнаго слова, торопливо отвѣчала герцогиня. — Прошу тебя, не высказывайся окончательно и все будетъ хорошо.

— Хорошо, сказалъ герцогъ; — сегодня я не обнародую коренной реформы, чтобы доказать вамъ, какъ я высоко цѣню васъ и уважаю ваши принципы! Довольны ли вы этимъ?

— Могу ли я быть недовольна, дитя мое. Я тобой довольна. Теперь позови мою даму, я не хочу больше удерживать тебя.

Герцогъ позвалъ Примитиву, которая и увела слѣпую герцогиню. Послѣ ихъ ухода вошелъ Фюреръ, а незамѣтно вслѣдъ за нимъ проскользнулъ и Кюндихъ и остановился въ полуотворенной двери.

— Разговоръ длился долѣе, чѣмъ я предполагалъ, началъ герцогъ. — Надо поспѣшить.

Съ этими словами онъ подошелъ къ своему письменному столу и, собравъ бумаги, подаль ихъ Фридриху. Фридрихъ пересмотрѣлъ ихъ и сказалъ:

— Тутъ только три акта. Ваше величество забыли коренной законъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ герцогъ обернувшись, чтобы взять свою шляпу. — Но мнѣ пришли въ голову нѣкоторыя сомнѣнія относительно редакціи его, и мнѣ хотѣлось бы еще переговорить съ вами. Сегодня намъ надо ограничиться только обнародованіемъ другихъ постановленій.

— Возможно ли это, ваше высочество? Теперь еще сомнѣнія? спросилъ Фридрихъ, смотря прямо на герцога.

Герцогъ немного смѣшался.

— Не думайте чего нибудь дурного, сказалъ онъ; — но теперь мнѣ некогда выяснять вамъ это дѣло.

— Политическіе взгляды ея высочества герцогини-бабки извѣстны, скромно продолжалъ Фридрихъ. — Вслѣдствіе этого, вашему высочеству будетъ понятно, какъ кажется мнѣ страннымъ, что сомнѣнія эти явились именно теперь, послѣ разговора съ герцогиней. Неужели ваше высочество...

— Все это пустяки, увѣряю васъ, другъ мой, началъ герцогъ; я...

Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ увидѣлъ въ дверяхъ подслушивавшаго оберъ-каммердинера, который насмѣшливо улыбался, глядя на министра.

— Что вы тутъ слушаете? спросилъ онъ у Кюндиха.

— Я... я хотѣлъ доложить вашему высочеству, прошепталъ онъ,—что въ залѣ ждутъ вашего высочества...

Герцогъ съ минуту пристально смотрѣлъ на него.

— Вы ужъ состарѣлись, Кюндихъ, сказалъ онъ потомъ. — Вы долго вѣрно служили моему отцу, и потому вамъ можно выйти съ сегодняшняго дня въ отставку.

Гордо прошелъ герцогъ мимо уничтоженнаго Кюндиха. Это обстоятельство прервало дальнѣйшій разговоръ съ Фридрихомъ, и министръ послѣдовалъ въ залу въ чрезвычайно смущенномъ состояніи.

Въ залѣ герцогъ вошелъ на тронъ и, съ гордостью осматрѣвшись кругомъ, началъ рѣчь:

— Вѣрные мои подданные! Въ лѣтописяхъ нашего отечества будетъ въ первый разъ записано такое собраніе, какъ настоящее. Я позвалъ сюда всѣхъ васъ, чтобы доказать вамъ, что всѣ вы одинаково близки моему сердцу, позвалъ для того, чтобы вы были свидѣтелями, какъ забочусь я о благѣ своей страны. Я вступилъ на престолъ въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда, прежде всего, мнѣ было необходимо довѣріе народа. Чтобы пріобрѣсти его, я намѣренъ высказать сегодня принципы, по которымъ надѣюсь съ Божьей помощью царствовать. Начну обнародованіемъ новыхъ законовъ, какъ плоды этихъ принциповъ. Съ настоящаго дня начнется открытое судопроизводство съ помощью присяжныхъ, и съ сегодняшняго дня у меня въ странѣ⁴пользуются свободой и совѣсть, и печать!

Герцогъ былъ прерванъ крикомъ искренней благодарности. Нѣкоторые кричали отъ истиннаго воодушевленія, а нѣкоторые, чтобы не отстать отъ другихъ и не броситься въ глаза, какъ партія оппозиціи.

— Эти перемены, продолжалъ герцогъ, — не единственные,

намѣренъ сдѣлать еще больше, а васъ прошу помогать мнѣ въ моихъ чистыхъ намѣреніяхъ.

Въ эту минуту раздался новый страшный возгласъ, въ городѣ загремѣла пальба, и на всѣхъ колокольняхъ загудѣли колокола, чтобы разнести всюду вѣсть о счастливомъ событіи.

III.

Скрытый огонь.

Къ новому году, въ первый годъ царствованія герцога, готовилось великое празднество какъ бы для того, чтобы показать народу, что для него начинается новая жизнь. Погода стояла великолепная, городъ горѣлъ отъ иллюминаціи, а въ залѣ ратуши назначенъ былъ большой балъ.

Герцогъ Феликсъ тоже ходилъ по улицамъ и вмѣшался въ толпу. Желаніе быть незамѣченнымъ и слышать мнѣніе народа о его намѣреніяхъ побудило его къ этому. Ему легко было привести въ исполненіе свое намѣреніе. Въ такой давкѣ обыкновенно мало обращается вниманія на сосѣда, и потому переодѣтый герцогъ благополучно прошелъ цѣлую часть города и пришелъ на площадь, гдѣ народъ толпился около какого-то казеннаго зданія, на которомъ красовался огромный Ф. Герцогъ остановился передъ зданіемъ, около кучи молодыхъ людей, весело болтавшихъ.

— Что означаетъ этотъ громадный Ф., спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Вѣроятно имя герцога, вѣдь его зовутъ Феликсъ, отвѣчалъ кто-то.

— Такъ, замѣтилъ первый;—но отчего же это имя герцога? Вѣдь, можетъ быть, это имя новаго министра Фюрера.

— Это правда, смѣясь отвѣчали другіе;—ужь если кто стоитъ почести, такъ, конечно, министръ болѣе, чѣмъ герцогъ. Что бы былъ герцогъ безъ него? Еще когда они были студентами, они порѣшили, какъ имъ управлять.

— Правду ли говорятъ, спросилъ кто-то, — будто онъ еще тогда далъ ему слово—сдѣлать его министромъ?

— Да, это ему и слѣдовало сдѣлать! вскричалъ еще кто-то;— онъ все время былъ въ тайныхъ съ нимъ сношеніяхъ и Фюреръ предписывалъ ему...

Тѣснота помѣшала слышать далѣе. Герцогъ слушалъ сначала съ улыбкой, потомъ въ душѣ у него явилось какое-то горькое чувство.

— Что же это такое? думалъ онъ.— Неужели все обо мнѣ такъ думаютъ, неужели подданные мои считаютъ меня только способнымъ быть хорошимъ орудіемъ въ рукахъ другого.

Онъ пошелъ въ противоположный уголъ площади, гдѣ стоялъ букинистъ и продавалъ какую-то брошюру, какъ первый плодъ свободы печати. Герцогъ вмѣстѣ съ другими купилъ эту брошюру и сталъ ее читать. Въ брошюрѣ выставлялись все выгоды новыхъ учрежденій и она заканчивалась торжественно похвалою человѣку, который все это сдѣлалъ, и отъ котораго можно было ожидать еще большаго. Человѣкъ этотъ былъ Фридрихъ Фюреръ. Онъ назывался сыномъ народа и потому возвращалъ народу то, что ему принадлежало. О герцогѣ хотя говорилось и съ уваженіемъ, но, какъ о лицѣ придаточномъ.

Непріятное чувство герцога усилилось и онъ невольно, измявъ брошюру, швырнулъ ее отъ себя. Онъ уже былъ нѣсколько утомленъ и хотѣлъ вернуться домой, какъ, проходя мимо какой-то харчевни, услышалъ тамъ возгласы.

Онъ быстро вошелъ туда и сѣлъ въ отдаленномъ углу залы. Комната была полна только около выхода, а далѣе нѣсколько столовъ были пусты. Не подалеку отъ герцога сидѣлъ сапожникъ Ремпельманъ съ женой и сыномъ. Утомясь прогулкой по городу, они стерательно занялись жаренымъ мясомъ и пивомъ.

Вдругъ въ толпѣ послышался голосъ: „Благородный другъ народа, да здравствуетъ народный министръ Фюреръ!“ Крики снова начались, стаканы зазвучали и трубы затрубили тостъ.

— Онъ, все онъ! прошепталъ Феликсъ и нахлобучилъ шляпу глубже на лицо.

— Странные люди, сказалъ въ тоже время Ремпельманъ, кладя

себѣ на тарелку кусочекъ жаркого. — Они только все и кричать о министрѣ и не думаютъ о герцогѣ! Вотъ, Грете, такъ-то все идетъ на свѣтъ. Вѣдь я давно знаю г. Фюрера, когда онъ былъ еще профессоромъ; онъ честный, отличный человекъ, но все-таки мнѣ кажется тутъ главное лицо герцога. Развѣ онъ не сдѣлалъ его своимъ министромъ? И если бы герцогъ не хотѣлъ, то посмотрѣлъ бы я, что бы онъ тогда сдѣлалъ! Но я всегда говорю, что свѣтъ не благодаренъ.

Феликсъ слышалъ слова сапожника и они возбудили въ немъ желаніе заговорить съ нимъ.

— Вы, кажется, любите герцога, сказалъ онъ ему черезъ столъ. — Знаете вы его?

— Никогда не видалъ, сударь, отвѣчалъ Ремпельманъ, вѣжливо приподнимая шляпу;—но слышалъ о немъ много хорошаго. Онъ должно быть отличный молодой человекъ, и я, какъ слѣдуетъ каждому доброму гражданину, уважаю его! За его здоровье! сказалъ онъ, залпомъ опорожнивъ стаканъ.

— Мнѣ пріятно это слышать, отвѣчалъ Феликсъ. — У меня тоже есть причины любить герцога и я съ удовольствіемъ присѣлъ бы къ вамъ, чтобы поболтать, если бы у васъ надъ столомъ не было газоваго рожка... у меня глаза слабы.

— Этому помочь можно, сказалъ Ремпельманъ и закрылъ газовой рожокъ.—Идите къ намъ, вѣдь вы тамъ одни, съ людьми все-таки веселѣе.

Феликсъ сѣлъ противъ сапожника.

— Мнѣ, кажется, вы сказали, что знаете герцогскаго министра?

— Да, я знаю его, отвѣчалъ Ремпельманъ, —не разъ работалъ на него. Онъ уже студентомъ не походилъ на другихъ молодыхъ людей, вѣтренныхъ и легкомысленныхъ. Онъ всегда былъ серьезнымъ и солиднымъ, такъ что и тогда видно было, что изъ него выйдетъ толкъ. Такъ и случилось, но все-таки меня сердятъ эти глупые возгласы. Они превозносятъ его выше герцога, а что, если тотъ вдругъ узнаетъ... ну, вы знаете, всѣ мы люди и высокомеріе сидитъ у насъ въ крови... легко могло бы случиться, что герцогъ почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ и тогда конецъ дружбѣ.

Феликсъ былъ пораженъ. Въ манерахъ сапожника и въ его простой рѣчи было что-то, пріятно на него дѣйствовавшее.

— Врядъ ли это можетъ случиться, замѣтилъ онъ.

— Да почему знать! все-таки, сударь, было бы жаль, если бы это случилось. Я знаю, какъ г. профессоръ или г. министръ, какъ слѣдуетъ его теперь называть, преданъ герцогу и какъ любить его!

— Право? А почему вы это знаете?

— Ну, теперь вамъ это можно сказать, отвѣчалъ Ремпельманъ. — Теперь вѣдь это неопасно, такъ какъ все забыто и прощено. Знайте, въ ту ночь, какъ умеръ старый герцогъ, когда въ городѣ была революція, я былъ тоже на улицѣ. Новый налогъ былъ тяжелъ, а вѣдь знаете какъ больно, когда видишь, что не можешь дать хлѣбушка своей семьѣ... тогда я идешь, куда идутъ всѣ... ну такъ въ ту ночь я тоже былъ на площади и слышалъ, какъ профессоръ уговаривалъ народъ, какъ перевозносилъ до небесъ наследнаго принца и обѣщалъ, что все пойдетъ хорошо, лишь только тотъ пріѣдетъ въ городъ.

Герцогъ былъ страшно взволнованъ. Простой рассказъ сапожника вдругъ напомнилъ ему происшествіе роковой ночи и въ особенности группу, которую онъ самъ видѣлъ. вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ исчезло въ немъ и непріятное чувство, появившееся противъ Фюрера.

— Я слышалъ объ этомъ, сказалъ онъ, — и вмѣстѣ съ вами желаю, чтобы отношенія герцога и министра не перемѣнились. Недурно было бы выпить бутылочку вина за ихъ здоровье.

— Ну это трудно, отвѣчалъ Ремпельманъ смѣясь;—я простой ремесленникъ, и вино не про насъ писано! Мы сегодня ужъ сдѣлали свое дѣло и угостились жаркимъ. Все въ честь герцога, министра и сегодняшняго дня.

— Ну такъ позвольте мнѣ угостить васъ виномъ. вскричалъ Феликсъ, приказавъ принести дорогого вина, къ немалому удивленію Ремпельмана и его семейства.

— За здоровье обоихъ, воскликнулъ сапожникъ;—и дай Богъ, чтобы они всегда оставались друзьями! Господи! что за вино! прибавилъ онъ;—такъ и чувствуешь, какъ оно разбѣгается по жи-

ламъ. Выпей-ка Грете, и замѣть себѣ этотъ день, почему знать, придется ли когда нибудь еще пить такой нектаръ!

Жена мастерового выпила немного и дала мальчику, прислонившемуся къ ней отъ желанія спать.

— Вы, кажется, счастливы и довольны жизнью? спросилъ Феликсъ, смотря на семейную картину.

— Довольны, сударь, сказалъ Ремпельманъ, съ удовольствіемъ попивая вино;—да, мы довольны и слѣдовательно счастливы. Въ такомъ положеніи, какъ наше, гдѣ все прекращается, если руки не дѣйствуютъ, конечно не всегда есть все, что нужно, и не всегда найдется двѣсти гульденовъ на покупку нужныхъ инструментовъ, но такъ какъ налогъ уничтоженъ, то работать опять пріятно! А теперь, при новыхъ порядкахъ, наши дѣла вѣроятно пойдутъ еще лучше!

— Такъ вы довольны ими? спросилъ Феликсъ;—и ждете, что впередъ будетъ еще лучше?

— Ужъ конечно! отвѣчалъ охмѣлѣвшій Ремпельманъ.

— Ну мнѣ однакожъ пора, сказалъ вставая Феликсъ. — Вы, кажется, говорили, мастеръ, прибавилъ онъ, — что нуждались въ двухъ стахъ гульденахъ?

Ремпельманъ съ удивленіемъ утвердительно кивнулъ головой.

— Ну такъ прощайте, сказалъ герцогъ.—Возьмите это въ воспоминаніе о человѣкѣ, которому вы оказали громадную услугу.

Съ этими словами онъ исчезъ. Сапожникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ и только по настоянію жены сталъ разсматривать бумажки, оставленныя незнакомцемъ на столѣ. Увидавъ, что это были двѣсти гульденовъ, онъ внѣ себя закричалъ:

— Жена, Грете, что я одурѣлъ отъ вина, или съ ума сошелъ? Посмотри-ка, деньги, настоящія бумажки!

Жена была удивлена не менѣе, но думая, что лучше объ этомъ не толковать въ народѣ, увела домой шатавшагося мужа.

Герцогъ былъ доволенъ тоже, и весело пробирался домой.

Въ залѣ ратуши, между тѣмъ, ждали съ нетерпѣніемъ его пріѣзда, чтобы начать танцы. Зала убрана была съ необыкновенною роскошью и вкусомъ, и кругомъ ея образовался точно пестрый

вѣнокъ изъ сидѣвшихъ дамъ. Рядомъ съ простой гражданкой сидѣла дочь офицера, и тутъ же помѣщалась жена сановника. Посреди залы образовалась группа мужчинъ, одѣтыхъ, по желанію герцога, въ черные фраки.

Съ лѣвой стороны зала сидѣла Ульрика въ великолѣпномъ розовомъ платьѣ и разговаривала съ нѣсколькими дамами. Красота ея была поразительна, но вся фигура ея бросалась въ глаза еще болѣе вслѣдствіе брилліантоваго украшенія, надѣтаго на черныхъ волосахъ и на шеѣ, и заставлявшаго бросать на нее удивленные и завистливые взгляды. Она, казалось, сознавала производимое ею впечатлѣніе, и потому часто въ разговорѣ она обидывала взоромъ залу, какъ будто желая убѣдиться, что ею восхищаются, или какъ будто отыскивая кого нибудь.

— Но моя милая, дорогая, говорила госпожа фонъ-Вердингъ, жена директора канцеляріи, — вы ужь черезъ чуръ домохозяйка. Молодой женщиной въ вашемъ положеніи и такой, какъ вы, не слѣдуетъ жить монахиней. Надо показываться въ свѣтъ, и въ большой свѣтъ! Понятно, что ваша свекровь, госпожа совѣтница, хочетъ сдѣлать изъ васъ такую же домохозяйку, какъ она сама, но вѣдь добрая старушка женщина прошлаго вѣка и старыхъ понятій. Или, можетъ быть, мужу вашему будетъ непріятно, что его женою восхищаются?

— Нѣтъ, вы несправедливы, отвѣчала покраснѣвъ Ульрика, — и ко мнѣ, и къ мужу. Относительно меня вы слишкомъ любезны, а его напрасно осуждаете. Фридрихъ былъ бы очень доволенъ, если бы я бывала въ обществѣ, но, къ сожалѣнію, множество занятій не позволяетъ ему...

— Ну, это еще не бѣда, отвѣчала директорша. — А я-то на что? Пріѣзжайте только ко мнѣ, вы знаете, что у меня собирается общество, и вы познакомитесь со всѣми. Надо измѣнить вашу одиообразную жизнь.

— Вы слишкомъ добры, улыбаясь отвѣчала Ульрика, — я право не знаю...

— Пожалуйста не церемоньтесь! Право, мнѣ будетъ истиннымъ удовольствіемъ всюду ѣздить съ вами. Вонъ, видите тамъ, полную

даму небольшого роста, въ темноѣ бархатномъ платьѣ, что идетъ къ намъ съ тѣмъ старымъ господиномъ? Это генеральша Гельмангъ, женщина, у которой собирается самый высшій кружокъ. Съ нею васъ надо тотчасъ же познакомить.

Онѣ подошли къ генеральшѣ, и знакомство устроилось.

Молодой графъ Шроффенштейнъ между тѣмъ съ лорнеткою въ глазу избралъ Ульрику предметомъ своихъ наблюденій и сообщилъ объ этомъ молодому человѣку, съ которымъ ходилъ подъ руку.

— Надо отдать справедливость нашему выскочкѣ, шепталъ онъ, —вкусъ у него не дуренъ! Жена его дѣйствительно очаровательна! Посмотри-ка, Адельговень, что за ростъ, что за бѣсть!

— Да, холодно, отвѣчалъ тотъ, —она недурна.

— Какъ недурна! Ахъ ты идиотъ! вскричалъ Клеменць. —Да это не женщина, а гурія... и недурна! Впрочемъ ты по этому пункту несилень. Если бы это была породистая лошадь или охотничья собака!

— Тогда я сьумѣлъ бы опѣнить, отвѣчалъ Адельговень, —относительно же женщинъ я не знатокъ, такъ что брилліанты ея кажутся мнѣ болѣе достойными удивленія, чѣмъ она сама!

— Еще лучше! смѣясь сказалъ Клеменць. — Ты неисправимъ.

— У насъ въ семействѣ очень развитъ практическій духъ, и потому я не могу отвязаться отъ мысли объ этихъ брилліантахъ. Что это продуктъ новой власти, или у гуріи было свое состояніе.

— Не знаю, но, кажется, ни то, ни другое.

— Такъ откуда же такія дорогія вещи? продолжалъ Адельговень.

— Не мучь себя догадками, отвѣчалъ Клеменць. — Это свадебный подарокъ герцога; я слышалъ это отъ камердинера, относившаго его.

На устахъ молодого Адельговена показалась насмѣшливая улыбка.

— Свадебный подарокъ? Мужу или женѣ? Или черезъ мужа женѣ? Развѣ герцогъ зналъ твою гурію?

— Нѣтъ, ее здѣсь никто не зналъ. Неужели ты считаешь меня такимъ болваномъ, что въ такомъ случаѣ я не сьумѣлъ бы многое объяснить?

— Ну, чего еще нѣтъ—то можетъ быть. На здоровье. У выскочки не только вкусъ, какъ ты говоришь, но и смѣлка. Что тамъ внизу?

Клеменцъ обернувшись увидѣлъ, что все устремлено въ выходной двери, гдѣ была страшная давка.

— Вѣроятно пріѣхалъ герцогъ, сказалъ онъ. — Слава Богу, что онъ наконецъ тутъ. Теперь мнѣ надо понаестся ему на глаза. Скверно, если онъ при настоящихъ обстоятельствахъ будетъ считать меня въ оппозиціи. А потомъ я отправлюсь изъ этой атмосферы, мѣщанской атмосферы... брр... тутъ такъ и пахнетъ чернью!

— Куда же ты отправишься? спросилъ Адельговень.

— Ѣдемъ со мною, сказалъ Клеменцъ;—ручаюсь тебѣ, что ты повеселишься. Мы вознаградимъ себя за здѣшнюю скуку. Черезъ четверть часа жди меня тамъ внизу у выхода.

— Пожалуй, отвѣчала Адельговень.—Надо отправиться съ тобою, чтобы знать, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ я уѣхалъ изъ своего помѣстья на время охоты.

Они разошлись. Между тѣмъ герцогъ былъ встрѣченъ внизу лѣстницы властями города, и вошелъ въ залу, гдѣ въ свою очередь былъ встрѣченъ оглушительными криками и музыкой. Фридриха, встрѣтившаго герцога вмѣстѣ съ другими, онъ нарочно привѣтствовалъ чрезвычайно ласково, и прошелъ рядомъ съ нимъ всю залу. У эстрады, приготовленной для него и его свиты, онъ вдругъ увидѣлъ Ульрику и на секундѣ остановился, но потомъ улыбаясь обратился къ Фридриху.

— Велите начать балъ, мой любезнѣйшій, сказалъ онъ.—Я не хочу еще долѣе задерживать всеобщаго удовольствія, да вотъ и моя дама!

Тутъ онъ подошелъ къ Ульрикѣ. Ульрика не могла говорить отъ смущенія и, вся вспыхнувъ, протянула ему руку. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и шла подъ звуки страстнаго польскаго подгѣ герцога, опустивъ глаза. Пары все составлялись, и шествіе по залу началось.

Клеменцъ и Адельговень видѣли, какъ герцогъ приглашалъ Ульрику. Оба они переглянулись.

— Ну что ты скажешь? спросилъ баронъ, сдерживая улыбку.

Клеменъ пожалъ плечами и оба отошли къ зрителямъ.

Между тѣмъ герцогъ началъ разговоръ съ Ульрикой, котораго желалъ со дня своей встрѣчи съ нею въ домъ Фюрера.

— Мнѣ надо благодарить свою счастливую звѣзду, сказалъ онъ, — которая украсила мнѣ эту формальность такой прелестной спутницей! Могу ли я надѣяться, что вамъ не непріятна моя смѣлость.

— Ваше высочество... прошептала Ульрика.

— Я говорю это не безъ намѣренія. Обстоятельства давно выяснили для васъ, что я, входя въ первый разъ въ домъ своего друга, никакъ не надѣялся встрѣтить васъ тамъ; но тѣмъ не менѣе вы вѣроятно точно также, какъ и я, чувствуете, что намъ необходимо объясниться. Можете ли вы, продолжалъ онъ, въ то время какъ Ульрика молча все смотрѣла внизъ, — можете ли вы простить меня?

Наконецъ Ульрика пришла въ себя и отвѣчала:

— Простить? сказала она. — Конечно...

— Вы шадите меня... благодарю васъ; но тѣмъ не менѣе я чувствую, что долженъ просить у васъ прощенія. Препре мое поведеніе должно было оскорблять васъ.

— Ваше высочество придаете слишкомъ большое значеніе давно забытой вещи, отвѣчала Ульрика, уже спокойнѣе. — Ваше высочество не знали меня, не знали...

— Да, это такъ. Вы не ошиблись, я не зналъ, какую напелъ жемчужину, и чего лишился. Если бы я зналъ васъ тогда, какъ теперь, то никакая сила земная не оторвала бы меня отъ васъ.

— Не говорите далѣе, ваше высочество, прошептала Ульрика снова въ страшномъ смущеніи. — Что можетъ отвѣчать вамъ на это жена вашего друга?

— Жена! жена! И пришлось мнѣ вновь найти васъ женою! Не отвѣчайте мнѣ ничего, я не требую этого; только позвольте мнѣ говорить, позвольте мнѣ сказать, какъ страшно завидую я этому другу!

Смущеніе Ульрики дошло до крайнихъ предѣловъ, но все-таки

она ясно видѣла, что теперь наступила пора отвергнуть ухаживаніе герцога, чтобы честь мужа ея не была задѣта. Она твердо на это рѣшилась, и въ то же время страсть герцога ей такъ льстила, что она остановилась въ раздумѣ. Она чувствовала, что теперь ей молчать не слѣдовало и все-таки молчала.

Герцогъ тоже болея между охватившей его страстью и чувствомъ долга относительно своего друга. Серьезное, рѣшительное слово Ульрики, можетъ быть, навсегда бы удержало его отъ дальнѣйшихъ признаній, а молчаніе ея онъ принялъ за поощреніе.

— Мнѣ не слѣдовало бы снова видѣться съ вами, страстно продолжалъ онъ;— близость ваша мнѣ опасна, она доказываетъ мнѣ, что то, что я нѣкогда почувствовалъ къ вамъ, не было мимолетной склонностію, а было любовью, которая горитъ во мнѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она безнадежнѣе.

Уста Ульрики шевелились, она, казалось, пыталась говорить, но не произнесла ни единого звука.

— Съ окончаніемъ танца оканчивается и мое счастье, снова началъ герцогъ. — Не сердитесь на меня, если новая просьба простить меня сопровождалась новой смѣлостью. Забудьте то, что я осмѣлился сказать, и то, что я никогда не раскаиваюсь, что сказалъ.

Съ этиимъ польскій кончился. Послѣднія слова герцогъ произнесъ съ такимъ улыбающимся лицомъ, какъ будто это былъ самый невинный комплиментъ; затѣмъ онъ вѣжливо раскланялся съ Ульрикой и повелъ ее на встрѣчу къ мужу, съ которымъ завелъ тотъ-часъ же какой-то веселый, пустой разговоръ.

Балъ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ. Подъ звуки вальса пары летали по залу. Въ числѣ ихъ была Ульрика. Ея красота, ея положеніе и предпочтеніе, оказанное ей предъ всѣми, сдѣлали изъ нея царицу бала. Герцогъ, поговоривъ съ городскими властями о прелестномъ убранствѣ зала, посмотрѣвъ съ эстрады на танцы, не возбудивъ вниманія, уѣхалъ домой. Пріѣхавъ въ замокъ, онъ долго не могъ заснуть отъ волненія и прелестный образъ Ульрики не покидалъ его.

Фридрихъ хотя и не танцевалъ, но долженъ былъ остаться ради Ульрики. Долго смотрѣлъ онъ на пронесившіяся мимо него тан-

цующія пары, какъ вдругъ вниманіе его было приковано одной фигурой, показавшейся ему знакомой. Онъ сталъ взглядами слѣдить за нею, какъ она неслась по залу, и ждалъ, когда увидитъ ея лицо.

Фридрихъ не ошибся, это была Прimitives.

Черное бархатное платье обрисовывало высокую, благородную фигуру. Густые бѣловырыя волосы живописно вились около нѣжнаго прозрачнаго лба и сходились сзади большимъ узломъ. Роза на груди и прелестная улыбка на устахъ были единственными ея украшеніями. При видѣ ея сердце Фюрера забилося сильнѣе, казалось, вся кровь его хлынула къ своему источнику, чтобы возвѣстить о близости дорогого существа. Фюреръ еще разъ взглянулъ на прелестное явленіе и потомъ съ сожалѣніемъ отвернулся, какъ будто желая отстранить его вліяніе: „Что за слабая вещь человѣческое сердце!“ подумалъ онъ. „Она для меня чужая и можетъ только быть для меня милымъ воспоминаніемъ, а между тѣмъ какъ я сильно волнуюсь при видѣ ея! Точно также было и тогда, когда она вошла въ комнату герцога. Неужели я такъ слабъ, что не могу отдѣлаться отъ этой глупости? Никогда, никогда не хочу ее болѣе видѣть!“

Встрѣча съ какимъ-то знакомымъ прервала его размышленія и отвлекла мысли.

Между тѣмъ въ толпѣ тоже встрѣтились старый графъ Шроффенштейнъ и генералъ Бауэръ. Разговоръ ихъ, какъ бывало обыкновенно при всякой ихъ встрѣчѣ, шолъ о новыхъ измѣненіяхъ въ государствѣ. Генералъ только-что собирался высказывать свое неудовольствіе, какъ самъ вдругъ прервалъ разговоръ вопросомъ:

— Скажите-ка мнѣ, графъ, кто это вонъ тотъ высокій мужчина съ лысиной и сѣдыми волосами? Онъ идетъ къ намъ, я часто его видѣлъ и встрѣчалъ, но никогда не могъ узнать...

— Это богатый голландскій купецъ, отвѣчалъ графъ. — Если я не ошибаюсь, онъ изъ Батавіи. Онъ не ведетъ больше дѣлъ и проживаетъ здѣсь свое богатство. Я знакомъ съ нимъ и представляю васъ другъ другу; это очень интересная личность, съ громадными связями и ярый католикъ; зовутъ его фонъ-Овербергенъ.

Голландецъ подошелъ къ разговаривающимъ, былъ представленъ генералу и потомъ началъ, обращаясь къ Шроффенштейну:

— Мнѣ очень жаль, графъ, что я до сихъ поръ не могъ исполнить своего обѣщанія. Я только сегодня говорилъ съ совѣтникомъ, которому поручено слѣдствіе. Ему тоже не удалось открыть ни малѣйшаго слѣда совершеннаго воровства.

— О чемъ это вы говорите? спросилъ генералъ въ то время, какъ Шроффенштейнъ раскланивался въ видѣ благодарности.— О воровствѣ, сдѣланномъ у васъ въ домѣ, не такъ-ли? я слышалъ объ этомъ. Мошенники ловко выбрали время. Они вѣроятно думали, что въ такой день, когда всѣ заняты, никто не обратитъ на нихъ вниманія. Вѣдь это было во время праздника, не такъ ли? И вы сильно пострадали отъ этого?

Шроффенштейнъ утвердительно кивнулъ головой.

— Потеря не была бы такъ ощутительна, такъ какъ вещей пропало немного, еслибы мошенники не взяли у меня бумагъ, немѣющихся для нихъ ни малѣйшей цѣнности, а для меня чрезвычайно важныхъ. Это чрезвычайно важныя семейныя бумаги, документы о старыхъ помѣстьяхъ. Никто, даже сынъ мой не зналъ о существованіи ихъ, а то, право, могло придти въ голову, что воры только и добивались, что до бумагъ.

— Ну этому трудно повѣрить, отвѣчалъ Овербергенъ, пристально устремивъ взглядъ свой на Шроффенштейна.— Вѣдь вы говорите, что кромѣ васъ никто не зналъ о существованіи ихъ.

— Ну въ такомъ случаѣ вы навѣрно отыщите бумаги, утѣшалъ генералъ.— Воры народъ глупый и вѣрно думали, что нашли Богъ знаетъ что. Но когда увидятъ, что онѣ имъ совершенно бесполезны, то конечно постараются отдѣлаться отъ опаснаго приобрѣтенія.

— Очень можетъ быть, замѣтилъ Овербергенъ и снова пристально взглянулъ на графа.— Надо только желать, чтобы бумаги, которыя, какъ вы говорите, имѣютъ цѣну только для васъ, не попали въ дурныя руки.

Графъ вздрогнулъ, какъ будто отъ электрическаго удара.

— Конечно, конечно! вскричалъ онъ, принужденно улыбаясь.— Я тоже убѣжденъ, что пропаша отыщется.

— Я тоже убѣжденъ, многозначительно отвѣчалъ Овербергенъ.— Вы знаете, что у меня много связей и я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не въ состояніи буду сказать вамъ: бумаги найдены.

— Вы слишкомъ добры, сударь, отвѣчалъ Шроффенштейнъ.— Право я не знаю, какъ благодарить васъ за такое вниманіе.

— Что говорить объ этомъ, вскричалъ любезно Овербергенъ;— мнѣ пріятно услужить вамъ. Не сдѣлаете ли вы мнѣ чести отобѣдать у меня послѣ завтра? Можетъ быть, до тѣхъ поръ я и успѣю узнать что нибудь. Можетъ быть, и вы, генераль, не откажетесь отъ моего приглашенія? продолжалъ онъ, обращаясь къ генералу;— чужихъ никого не будетъ. Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами. Въ такія времена, какъ теперь, есть много вещей, о которыхъ стоитъ потолковать.

Оба поклонились, и всѣ разошлись.

Между тѣмъ Фридрихъ, утомленный однообразіемъ, ушелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ. Во время танцевъ въ дальнихъ комнатахъ было пусто и тихо, поэтому онъ надѣялся, что отдохнетъ тамъ. Только-что онъ хотѣлъ сѣсть на диванъ около окна, какъ послышался шорохъ за занавѣсками, и Примитива стояла передъ нимъ.

— Вы тутъ, фрейленъ? вскричалъ онъ съ удивленіемъ.— Простите, что я помѣшалъ вамъ. Я не зналъ...

— Полноте, отвѣчала Примитива, и прелестные голубые глаза ея съ нѣжностью устремились на Фридриха. Сердце его затрепетало отъ этого взгляда и нѣжнаго голоса, такъ сильно на него дѣйствовавшего.

— Оба мы искали уединенія, и эта встрѣча мирить меня съ тѣмъ, что я согласилась отправиться на балъ съ своей кузиной, баронессой фонъ-Остенридь. Я уже замѣтила васъ, когда танцевала съ племянникомъ, а теперь еще болѣе рада, что могу выразить вамъ свою благодарность.

— Что вы говорите! отвѣчалъ Фридрихъ.— Вѣдь я ничего не могъ сдѣлать, все устроилось само собою.

— Я благодарю васъ за готовность, продолжала Прimitives.— Да, вы правы, все устроилось иначе и гораздо лучше, чѣмъ мы надѣялись. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами свидѣлись въ послѣдній разъ, я часто думала о клятвѣ, которую мы дали въ дни нашей юности. Вы блистательно начали исполненіе своего обѣщанія. Не отнимайте отъ меня мысли, что въ томъ, что вы дѣлаете, есть и моя доля, и что теперешнія ваши дѣйствія — плодъ тѣхъ юношескихъ рѣшеній.

Въ душѣ Фридриха происходило что-то невообразимое. Глаза его встрѣтились съ глазами Прimitives, и оба они смотрѣли другъ на друга, какъ будто желая слиться душами. Прimitives протянула ему руку.

— Продолжайте такъ, какъ вы начали, заговорила она.— Не уставайте! Вамъ предстоитъ большая, тяжелая борьба... но вотъ вальсъ кончился и намъ надо разстаться. Прощайте, Фридрихъ! Не бойтесь борьбы! Выдержите ее и оставайтесь вѣрнымъ себѣ.

Она исчезла.

Долго сидѣлъ Фридрихъ, погруженный въ тяжелыя думы, въ этой пустой комнатѣ и очнулся только, почувствовавъ у себя на плечѣ чью-то руку.

Передъ нимъ стоялъ лакей, одѣтый въ ливрею.

— Что вамъ надо? съ удивленіемъ спросилъ Фридрихъ.

— Развѣ ты меня не узнаешь? отвѣчалъ ему лакей.— Неужели я для тебя я сталъ неузнаваемъ, сбривъ себѣ бороду и выкрасивъ волосы?

Фридрихъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Ты, Ридль, здѣсь? вскричалъ онъ наконецъ.— Таеъ ты не уѣхалъ. И что значитъ это маскированье?

— Я уѣзжалъ, отвѣчалъ Ридль;—но нашелъ нужнымъ тихонько вернуться. Тутъ происходитъ нѣчто слишкомъ важное, и мнѣ трудно не быть тутъ. Но для того, чтобы присутствіе мое тутъ не было замѣчено, мнѣ надо было измѣнить свою внѣшность. Сегодня вечеромъ я купилъ эту ливрею у одного бѣдняка подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ хочется посмотреъть балъ.

— Это недостойный поступокъ! вскричалъ Фридрихъ. — Что ты предпринимаешь?

— Это ты узнаешь, но не теперь и не здѣсь. Еще ничего не готово. Скоро я явлюсь къ тебѣ, въ твой домъ, и поговорю съ тобой. Не выдавай тогда, что ты меня знаешь. А теперь мнѣ хотѣлось только поздороваться съ тобой, такъ какъ обстоятельства очень благоприятствовали этому.

Фридрихъ хотѣлъ продолжать разговоръ, но Ридль уже исчезъ. Когда Фридрихъ вѣхалъ уже подъ утро съ Ульрикой домой, они коснулись разговора ея съ герцогомъ. Фридрихъ равнодушно спросилъ ее о содержаніи разговора. Ульрика, ожидавшая этого вопроса, отвѣчала, что они говорили объ убранствѣ залы.

Молча, погруженные каждый въ свои мысли, доѣхали они домой.

IV.

Мать и дочь.

— Какъ и ты на старости лѣтъ съума спятилъ? говорила совѣтница старому слугѣ Беппо, стоявшему передъ нею съ газетой въ рукѣ.

— Я говорилъ уже вамъ, сударыня, отвѣчалъ Беппо, — что хочу вѣхать совсѣмъ не потому, что мнѣ дурно у васъ, но теперь, услыхавъ что дѣлается у меня, на родинѣ, я почувствовалъ, какъ люблю ее.

— Убирайся ты съ своей родиной! Удерживать тебя я не могу, ну и согласія моего на твой отъѣздъ тоже нѣтъ.

Совѣтница ушла. Беппо остался въ смущеніи и хотѣлъ тоже уйти, какъ въ комнату вошла Ульрика. Она была великолѣпно одѣта, какъ бы для выѣзда.

— Вы сказали кучеру, что я велѣла? спросила она.

— Да, сеньора. Ровно въ семь часовъ онъ будетъ здѣсь.

— Да что вы, Беппо, спросила Ульрика, пристально посмотрѣвъ на него; — что съ вами?

Беппо объяснилъ Ульрикѣ желаніе свое ѣхать въ Италію, на что Ульрика отвѣчала ему, что поговорить съ мужемъ, который вѣроятно не будетъ его удерживать.

Вошедшая совѣтница услышала послѣднія слова.

— Старый дуракъ, сказала она, — вѣроятно обратился къ вамъ, потому что я слушать его не хотѣла. Онъ вѣрно говорилъ вамъ, что хочетъ ѣхать въ Италію.

— Да, отвѣчала Ульрика, садясь на диванъ въ то время, какъ совѣтница сѣла на свое обычное мѣсто у окна и взялась за работу.

— Старикъ точно съума спятилъ. Вы конечно намылили ему голову?

— Нѣтъ, сказала Ульрика, перелистывая книгу. — Мнѣ кажется, тутъ нѣтъ ничего дурного, что ему хочется видѣть свою родину. Поэтому я обѣщала ему поговорить съ Фридрихомъ и замолвить за него словечко.

Совѣтница опустила свою работу.

— Такъ! сказала она. — Впрочемъ я могла этого ожидать, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ мы постоянно различныхъ съ вами мнѣній. Вы вѣроятно не посѣтуете на меня, что я останусь при своемъ. Я говорю, что старикъ впалъ въ дѣтство отъ старости, и вмѣсто того, чтобы пускать его по бѣлу свѣту, его лучше запретить.

Ульрика засмѣялась.

— Ну нѣтъ! сказала она. — Вы несправедливы къ доброму старику и смотрите на все это съ дурной стороны. Развѣ не извинительно, что человѣкъ желаетъ видѣть свою родину, въ особенности итальянецъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

— Конечно, конечно, отвѣчала совѣтница съ возростающимъ неудовольствіемъ. — Все можно извинить, когда этого желаешь. Я ужъ стара и глупа и многого не понимаю, не то, что вы, люди нынѣшняго времени. Вы все куда-то стремитесь, вамъ вездѣ тѣсно! Потому-то вы и защищаете такого старого дурака.

Ульрика вспыхнула отъ гнѣва, но совладѣла съ собой.

— Прошу васъ, сказала она потомъ, — не сердитесь на такіе

пустяки. Намеки, которое вы, кажется, желаете дѣлать, могутъ повести насъ слишкомъ далеко.

— Я не имѣю замашки говорить намеками, колко отвѣчала совѣтница.—Я настолько свободна, что могу говорить прямо все, что желаю сказать. Если же въ словахъ моихъ вамъ слышатся намеки, то это вѣроятно потому, что вы сознаете, что есть на что намекать.

Ульрика встала, и въ то же время на дворѣ послышался стукъ подѣхавшей кареты.

— Прекратимте этотъ разговоръ, сказала она; — это будетъ всего благоразумнѣе.

Совѣтница замѣтила карету, потомъ увидала, что Ульрика подошла къ зеркалу и стала надѣвать платокъ.

— А вы сегодня въ гости? спросила она. — Я только теперь вижу, что вы одѣты.

— Да, я ѣду къ генералу Гельмгангъ. У нихъ сегодня наша спѣвка, отвѣчала Ульрика, кончая одѣваться.

— Но, ради же Бога, начала совѣтница, не въ силахъ долѣе удерживать свое неудовольствіе; — къ чему все это приведетъ! Опять въ гости! Не понимаю, какое находите вы удовольствіе вѣчно быть въ гостяхъ. Можно повеселиться, но что много, то много! Вѣдь вы больше въ гостяхъ, чѣмъ дома. Васъ только и видишь что за обѣдомъ, а когда вы были дома вечеромъ ужъ я и не помню!

— Развѣ Фридрихъ высказывалъ свое неудовольствіе на это? спросила Ульрика, какъ-то странно улыбаясь.

— Станетъ ли онъ говорить! продолжала совѣтница. — Онъ—сама доброта и слишкомъ любить васъ; но вы сами можете себѣ представить, что онъ чувствуетъ и думаетъ! Нароботавшись до утомленія, онъ приходитъ домой и желаетъ найти отдохновеніе отъ своихъ трудовъ и находить мѣсто своей жены пустымъ. Та, которую онъ избралъ въ подруги жизни, только и думаетъ что о театрахъ, о концертахъ и объ обществѣ и забываетъ свои первыя обязанности.

— Я очень благодарна вамъ за ваши старанія напомнить мнѣ

о моихъ обязанностяхъ, отвѣчала Ульрика холодно и гордо. Но это совершенно напрасно. Я знаю сама...

— Нѣтъ, кажется, не знаете, гнѣвно перебила ее совѣтница,— и потому совершенно не напрасно надо напоминать вамъ о вашихъ обязанностяхъ, какъ хозяйки дома и жены! Главная ваша ошибка заключается въ праздности, праздность есть мать пороковъ. Побрянчтите немного на фортепiano, да почитаете романъ и думаете, что заняты! Напрасно смотрите вы такъ насмѣшливо... я имѣю право говорить вамъ такъ, я мать, и не хочу, чтобы сынъ мой былъ несчастливъ изъ-за васъ.

— Какъ я уважаю и какъ почитаю васъ, какъ мать моего мужа, начала Ульрика, когда совѣтница остановилась,— я доказала вамъ тѣмъ, что выслушала васъ молча. Теперь позвольте мнѣ сдѣлать замѣчаніе. Если мужъ мой замѣтитъ мнѣ чтонибудь насчетъ образа моихъ дѣйствій, то я подумаю, что мнѣ тогда дѣлать, но онъ не находитъ этого нужнымъ. Вмѣстательства же третьяго лица я не допущу.

Она церемонно поклонилась и вышла.

Совѣтница только очнулась отъ задумчивости, когда въ комнату вошелъ Беппо со свѣчей и за нимъ Фридрихъ. Фридрихъ держалъ въ рукѣ письмо, поданное ему Беппо.

— Матушка, сказалъ онъ, прочитавъ его, — велите протопить маленькую угловую комнату, рядомъ съ бібліотекой.

— Сегодня? спросила съ удивленіемъ совѣтница.

Фридрихъ подойдя къ ней поближе, чтобы Беппо, накрывавшій на столъ къ ужину, не слыхаль его, отвѣчалъ:

— Этой запиской увѣдомляютъ меня объ одномъ странномъ посѣщеніи на сегодняшній вечеръ. Тамъ мнѣ будетъ всего удобіе, потому что комната отдалена. Велите тоже приготовить пуншу.

Совѣтница кивнула головою.

— Гдѣ Ульрика? продолжалъ онъ, замѣтивъ, что Беппо ставить только два прибора.—Развѣ мы одни будемъ ужинать?

— Жена твоя въ гостяхъ, отвѣчала совѣтница;—у генеральши сегодня спѣвка.

Фридрихъ замолчалъ. Совѣтница тоже молчала, пока Беппо не подалъ ужина и по ея знаку не вышелъ изъ комнаты.

— Ты, можетъ быть, будешь мною недоволенъ, начала совѣтница, — если я скажу тебѣ, что мы съ женой твоей довольно крупно поговорили.

— Да, это мнѣ дѣйствительно крайне непріятно, съ удивленіемъ отвѣчалъ Фридрихъ.—Какъ же это случилось и за что?

— Ахъ, не вздумай и ты бѣсить меня, не представляйся, что будто ты не угадываешь! вскричала совѣтница. — Я высказала ей свое мнѣніе о ея образѣ жизни, я нахожу дурнымъ, что она почти каждый вечеръ въ гостяхъ и безъ своего мужа.

— Ахъ, матушка, этого вамъ не слѣдовало говорить. Вы не можете, вѣдь, сказать, чтобы я, мужъ ея, когда нибудь былъ этимъ недоволенъ, слѣдовательно...

— Такъ слѣдовательно и мнѣ нѣтъ до этого никакого дѣла? Не такъ ли? О, я очень хорошо поняла, хотя ты и позолотилъ мнѣ щекочку, которую супруга твоя приподнесла мнѣ безцеремонно. Для нее я непріятная, чужая особа, и она напрямикъ объявила мнѣ, что не потерпитъ вмѣшательства третьяго лица.

— Я этого не хотѣлъ сказать, матушка. Вѣдь вы знаете мое мнѣніе о такихъ вещахъ и какъ я люблю васъ, но я полагаю только, что было бы лучше, если бы вы подождали, чтобы я высказалъ что нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ было бы лучше, если бы объ этомъ поговорили сначала мы съ Ульрикой.

— Это все равно, отвѣчала совѣтница. — Вѣдь я могла бы и совсѣмъ не вмѣшиваться въ это дѣло, но всплыла! Я ужъ была раздосадована на Беппо и на желаніе его ѣхать... вѣрно онъ сказалъ тебѣ о своемъ намѣреніи.

— Да я знаю о немъ, отвѣчалъ Фридрихъ.

— Ну такъ, продолжала совѣтница; — я порядкомъ намылила старика голову. Супруга твоя, конечно, была другого мнѣнія, ну и такъ пошло слово за слово. Конечно, я могла бы подождать, пока ты самъ скажешь, но вѣдь ждать этого мнѣ пришлось бы очень долго. Ты слишкомъ добръ и слишкомъ влюбленъ въ свою хорошенькую жену, чтобы замѣтить ей что нибудь серьезно, и поэтому

все это вышло очень хорошо и я ничуть не раскаиваюсь, что старуха мать заговорила первая. Теперь хочешь не хочешь, а тебѣ надо будетъ поговорить!

— Это мнѣ до крайности неприятно, отвѣчалъ подумавъ Фридрихъ.— Ульрика живая и веселая женщина; новая жизнь, въ которую она вдругъ такъ бросилась, увлекла ее своей новизной. Она съ дѣтской радостью носится по блестящей поверхности...

— Пока челнокъ, перебила его совѣтница, — не налетитъ на утесъ и не погибнетъ съ играющимъ ребенкомъ!

— Ну до этого дѣло не дойдетъ, улыбаясь замѣтилъ Фридрихъ. — Ловкій кормчій въ случаѣ нужды можетъ еще поправить все дѣло; но я не боюсь этого, потому что знаю Ульрику и ее благородное сердце. Предоставимъ еще на нѣкоторое время пользоваться ей удовольствіемъ пустой жизни, она скоро сама убѣдится, что въ этой жизни чего-то недостаетъ. Возвратъ и будетъ приятнѣе и прочнѣе, потому что онъ будетъ добровольный.

— Дай Богъ, чтобы ты былъ правъ, серьезно сказала совѣтница. — Но я надѣюсь болѣе на кормчаго, чѣмъ на чтонибудь другое. Я не хочу обидѣть тебя, сынъ мой, но мнѣ кажется, что если можно ожидать такого возврата, то онъ долженъ бы былъ свершиться давно. Но дѣла идутъ все хуже и хуже, и съ того бала въ ратушѣ Ульрикѣ нѣтъ удержу.

— Ну, ну, мамаша, сказалъ Фридрихъ вставая и пожимая ей руку, — не сердитесь же. Что будетъ, то будетъ. Будьте снисходительны къ Ульрикѣ, а остальное предоставьте мнѣ. Неудовольствіе ваше доказываетъ вашу любовь ко мнѣ, и поэтому, ради этой любви, будьте къ ней снисходительны.

Такъ какъ совѣтница сидѣла молча, то онъ продолжалъ:

— Велите же приготовить то, что я просилъ. Гость мой будетъ въ девять часовъ. А я еще пройдуся, сегодня много сидѣлъ. Ну такъ спокойной ночи, вы вѣрно скоро ужь ляжете.

Онъ вышелъ. Совѣтница долго смотрѣла ему вслѣдъ съ искренней материнской любовью. Потомъ она встала, чтобы идти въ кухню приготовить пушшъ, какъ въ дверяхъ къ ней таинственно подошолъ Бенно.

— Тамъ на улицѣ, сказалъ онъ, — стоитъ какой-то господинъ, который непремѣнно желаетъ говорить съ вами.

— Со мной? Въ это время? съ удивленіемъ отвѣчала совѣтница. — Ты вѣрно ослышался, онъ вѣрно хочетъ говорить съ сыномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Беппо, — я слышалъ очень хорошо. Онъ хочетъ видѣть васъ, госпожу совѣтницу, говорить онъ; — ему надо сказать вамъ что-то очень важное, касающееся вашего сына.

— Моего сына? Ну такъ проси его.

— Но онъ не хочетъ, чтобы кто нибудь видѣлъ его; онъ говоритъ, что пришелъ теперь, потому что видѣлъ, что господинъ министръ вышли.

— Странно, качая головой сказала совѣтница? — Но почему знать, въ чемъ тутъ дѣло. Надо все-таки его выслушать. Ну такъ введи его такъ, чтобы горничная не видала его и проводи прямо въ зеленую угловую комнату. Но, во всякомъ случаѣ, стой гдѣ нибудь около.

Вскорѣ въ означенную комнату вошла совѣтница и застала тамъ высокаго старика, закутаннаго въ темный плащъ, въ то время какъ Беппо ходилъ взадъ и впередъ по корридору.

Незнакомецъ былъ Овербергенъ.

— Я прихожу ночью, какъ воръ, торжественно сказалъ онъ кланаясь совѣтницѣ; — но причина прихода моего извиняетъ меня, потому что дѣло идетъ о служеніи Господу.

Съ удивленіемъ смотрѣла совѣтница на говорившаго, какъ будто желая спросить, что означаетъ это странное предисловіе.

— Я объяснюсь коротко, продолжалъ тотъ; — такъ какъ времени у меня немного. Вы, сударыня, принадлежите къ немногимъ избраннымъ въ этой несчастной странѣ, совершенно обратившейся къ реформатской вѣрѣ, принадлежите къ тѣмъ, которые признаютъ истинную, великую церковь...

— Я католичка, отвѣчала совѣтница.

— Основываясь на этомъ, наши подавленные единовѣрцы посылаютъ меня къ вамъ.

— Ко мнѣ?

— Вашъ сынъ счастливо пользуется довѣріемъ герцога, отъ

васъ зависить, чтобы онъ сдѣлался избранникомъ Господа, и чтобы потомство благословляло его.

— Отъ меня зависить?

— Уговорите его, чтобы онъ употребилъ на то свою силу, чтобы возвратилъ церкви всѣ права, отнятыя отъ нея невѣріемъ и злобою, чтобы онъ...

— Извините, что я перебую васъ. За то, что сынъ мой дѣлаетъ по своей обязанности, отвѣтитъ онъ передъ Богомъ, и какъ можетъ мнѣ, старой, необразованной женщины прійти въ голову—говорить ему что нибудь объ этомъ!

— Тутъ дѣло идетъ не объ образованіи, а о тепломъ, горящемъ вѣроу сердцѣ! Оно должно говорить съ вашимъ сыномъ и заставить его говорить есть долгъ вашъ!

Совѣтница молчала.

— Развѣ вы не знаете, сказала она потомъ, — что сынъ мой, какъ и отецъ его, не нашей вѣры?

— Да, мы знаемъ это и знаемъ также, что вліяніе матери громадно на покорнаго сына.

— Я не хорошо понимаю, къ чему могу я примѣнить такое вліяніе. Мнѣ кажется, что герцогъ уже сдѣлалъ то, что вы желаете. Онъ далъ свободу совѣсти—развѣ въ такомъ случаѣ можно сказать, что какая нибудь религія угнетена?

— О, близорукость человѣческаго разума! съ сожалѣніемъ вскричалъ Овербергенъ?—Что значить эта кажущаяся свобода, она хуже всякаго рабства? Развѣ церковь свободна, если она не можетъ господствовать!

— Можетъ ли это быть?

— Господь тронулъ сердце одной высокопоставленной особы, такъ что она увидала свое заблужденіе и снова обратилась къ матери, чтобы найти спасеніе. И въ городѣ, и во всей странѣ богобоязливые люди разбудили много сердець, которыя теперь стремятся къ истинному свѣту и горятъ нетерпѣніемъ открыто высказывать свою вѣру. Если вы не хотите открыто дѣйствовать за насъ, то уговорите, по крайней мѣрѣ, вашего сына, не возставать противъ нашей дѣятельности. Когда онъ будетъ снисходителенъ къ

намъ, намъ легче будетъ утвердиться во всей странѣ, вернуть страну къ спасенію души и достигнуть того, чего мы жѣлаемъ.

— Я очень сожалѣю, отвѣчала совѣтница, подумавъ,— что вы обратились за этимъ ко мнѣ. Какъ бы я лично ни смотрѣла на эти вещи, я все-таки не могу дѣйствовать на сына моего въ этомъ направленіи.

— Какъ, вы отказываетесь содѣйствовать такому благочестивому дѣлу?

— Я съ любовью и искренностью предана своей религіи, въ ней нѣтъ ничего такого, почему бы она могла бояться свѣта; вотъ почему въ моихъ глазахъ такая таинственность, какою вы облекаетесь, не есть принадлежность религіи.

Овербергенъ на минуту призадумался.

— Сколько намъ извѣстно, продолжалъ онъ потомъ, — сынъ вашъ не богоотступникъ. Первые послѣдствія дарованной свободы совѣсти вѣроятно убѣдили его, что онъ посѣялъ ядовитое сѣмя. Свободныя общества выросли, какъ грибы. Вы не можете сочувствовать разнымъ проискамъ невѣрующихъ. Уговорите его, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ ограничилъ и не терпѣлъ...

— Главная причина, почему я должна была отклонить ваше первое желаніе, заключается въ томъ, что я не хочу вмѣшиваться не въ свое дѣло, отвѣчала совѣтница.

— Подумайте, что вы дѣлаете, съ пафосомъ вскричалъ Овербергенъ.— Виѣстѣ съ моимъ предложеніемъ вы отклоняете предостереженіе, чрезвычайно важное для вашего сына! Если онъ не будетъ дѣйствовать по нашему, онъ подготовитъ себѣ борьбу, которая кончится не въ его пользу.

Совѣтница подумала немного.

— Вы угрожаете, сказала она, смотря съ подозрѣніемъ на Овербергена,— несмотря на то, что вы только-что говорили объ угнетеніи? Но, впрочемъ, я передамъ сыну своему содержаніе нашего разговора, передамъ какъ предостереженіе; онъ можетъ дѣлать, что ему угодно. Но передамъ только подъ однимъ условіемъ.

— Подъ какимъ же? нетерпѣливо спросилъ Овербергенъ.

— Что я ему назову имя того, кто его предостерегаетъ, твердо сказала совѣтница.

— Къ чему это, сказалъ Овербергенъ. — Къ чему тутъ имя.

— А мнѣ кажется, имя тутъ много значить, отвѣчала совѣтница. — Впрочемъ, если у васъ есть причины хранить его въ тайнѣ, то разговоръ нашъ конченъ.

Съ этими словами она отворила дверь и раскланялась.

— Иозефъ! крикнула она, — проводи этого господина.

Мрачно закутавшись въ плащъ, Овербергенъ пошелъ за свѣтившимъ ему слугою.

Совѣтница ушла къ себѣ въ спальню. „Чего не бываетъ на свѣтѣ!“ думала она. — „Разсказать ли мнѣ сыну о странномъ разговорѣ или нѣтъ? Я выплещу, помолюсь, чтобы Господь научилъ меня, что дѣлать“.

Черезъ полчаса кто-то тихо постучалъ въ ворота. „Кто тамъ?“ спросилъ Беппо, стоявшій около нихъ на сторожѣ. „Девять часовъ“, отвѣчалъ съ улицы глухой голосъ. — „Пожалуйте“, сказалъ Беппо, отворяя калитку въ воротахъ. — „Все уже готово“.

Не взглянувъ на пришедшаго, Беппо пошелъ черезъ дворъ къ углу дома, гдѣ было что-то въ родѣ башни, въ нижнемъ этажѣ которой была маленькая хорошенькая комнатка. Комната эта выходила въ-садъ и лѣтомъ Фридрихъ работалъ въ ней. Она соединялась узкимъ корридормъ съ библіотекой, а изъ библіотеки шла винтовая лѣстница на верхъ въ зало. Вошедшаго пріятно охватила теплота, такъ какъ на улицѣ былъ сильный морозъ. Около печки стоялъ маленькій диванчикъ, а передъ диванчикомъ на кругломъ столѣ ярко горѣла лампа и по всей комнатѣ пріятно пахло пуншемъ.

Беппо молча удалился, а незнакомецъ, снявъ плащъ, удобно расположился на диванѣ.

Вскорѣ пришелъ домой и Фридрихъ и, узнавъ отъ Беппо, что его ждутъ, направился къ башнѣ. Подойдя къ двери, онъ ото-слалъ старика, а самъ вошелъ.

— Ну что, чудакъ, сказалъ онъ незнакомцу, встрѣтившему его, — угодила ли я тебѣ? По твоему ли вкусу всѣ эти приготовленія,

— Сверхъ всякаго ожиданія, смѣясь отвѣчалъ Ридль. — Твой старый Бенпо не взглянулъ на меня даже украдкой и принялъ меня страшно таинственно.

— Ну и хорошо, отвѣчалъ Фюреръ. — Ты видишь, что я не пренебрегаю странностями, которыя ты мнѣ приписываешь и на которыя я имѣлъ бы право не обращать вниманія, но за то и ты скажи мнѣ, что значить это новое маскированье и вся эта таинственность.

— Нѣтъ, еще потерпи, сказала Ридль, поставивъ пуншъ на столъ, наливъ стаканы и закуривъ сигару. — Сначала насладимся свиданіемъ, а потомъ ужъ займемся разговорами и разсужденіями о томъ, какимъ образомъ намъ пришлось свидѣться.

Опъ чокнулся съ улыбающимся другомъ.

— Какъ это согласить, вскричалъ онъ, — что могущественный министръ сидитъ съ демократомъ, чуть не эмигрантомъ, за стаканомъ пунша, *in bonissima caritate*, какъ будто мы еще добродушные студенты *alma Augusta!*

На дворѣ, между тѣмъ, холодный вѣтеръ заколыхалъ деревья въ саду и застоналъ между задерживавшими его стѣнами.

Этотъ вѣтеръ и выпавшій снѣгъ были причиной того, что ни Фридрихъ, ни Ридль не слышали, какъ во дворъ въѣхала карета. Это была Ульрика, пріѣхавшая домой необыкновенно рано ко всеобщему, худо скрытому удивленію прислуги.

Быстро оглядѣла она, выходя изъ кареты, присутствующихъ и, казалось, смутилась, увидавъ только Бенпо и свою горничную. Она такъ робко побѣжала на верхъ, что оба они едва могли поспѣть за нею.

На верху она пошла въ гостиную, но когда Бенпо замѣтилъ ей, что совѣтница уже отправилась спать, она поспѣшно повернулась и пошла къ себѣ въ комнату. Въ дверяхъ Бенпо, какъ будто ожидавшій какого-то вопроса, пожелалъ ей покойной ночи и удалился, покачивая головой.

Придя къ себѣ въ комнату, Ульрика, не говоря ни слова, бросилась на стулъ, гдѣ ее начала раздѣвать горничная, наконецъ осмѣлившаяся выразить ей удивленіе о ея раннемъ возвращеніи.

— У меня страшно голова болить, отвѣчала равнодушно Ульрика.—Я хочу отдохнуть.

— Господишь вѣрно будутъ жалѣть, что именно сегодня ихъ нѣтъ дома, замѣтила горничная.

— Развѣ мужа нѣтъ? спросила Ульрика, стараясь придать этому вопросу какъ можно больше равнодушный характеръ.

— Они ушли тотчасъ же послѣ ужина. —И съ тѣхъ поръ еще не бывали.

Ульрика, повторивъ, что у нея болить голова, отослала горничную, хотя та просила позволенія остаться при ней, чтобы помочь ей.

Когда наконецъ горничная удалилась, Ульрика заперла за нею дверь, и стала въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Хотя слова совѣтницы она приняла довольно равнодушно, но въ сущности они произвели на нее такое впечатлѣніе, что она не могла быть веселою. Она нашла, что общество скучно, что разговоръ не занималъ ее, и что ей лучше уѣхать домой. Ей вдругъ представился Фридрихъ, какъ онъ придетъ домой и, не найдя ее, будетъ огорченъ. Быстро рѣшилась она отправиться домой и, заявивъ о страшной головной боли, простилась съ обществомъ. Дома же между тѣмъ она узнала, что совѣтница уже легла спать, а мужа нѣтъ у себя. Это обстоятельство точно будто оскорбило ее, и она, чуть не плача, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

Она подошла къ окну и безсознательно стала смотрѣть на несившійся снѣгъ; вдругъ она замѣтила, что сквозь ставни комнаты въ башнѣ виднѣтся свѣтъ. Это ее поразило, такъ какъ она знала, что зимою комната эта необитаема. Неужели Фридрихъ работаетъ тамъ? Зачѣмъ же тогда горничная сказала, что его нѣтъ дома? Она вспомнила, что въ башню можно пройти черезъ залу, быстро накинула платокъ, и такъ же быстро дошла до зала, и спустилась по витой лѣстницѣ въ бібліотеку. Но на послѣдней ступени она остановилась. Фридрихъ былъ не одинъ. Она ясно слышала чей-то мужской голосъ, на который голосъ Фридриха отвѣчалъ что-то съ хохотомъ. Ульрика едва помнила себя отъ удивленія. Какъ! Она хотѣла броситься на шею этому человѣку и объ-

щать ему отказаться отъ всѣхъ удовольствій? А онъ такъ скоро утѣшился въ ея отсутствіи и могъ хохотать, запивая виномъ? Никогда, никогда! твердила она, идя обратно къ себѣ въ комнату.

Между тѣмъ, между Ридлемъ и Фридрихомъ шель живой разговоръ.

— Итакъ, говорилъ Ридль, — мнѣ надо наконецъ сказать тебѣ, что лежитъ у меня на сердцѣ. Во-первыхъ, сначала я твердо рѣшился уѣхать въ Америку, чтобы своими собственными глазами убѣдиться тамъ въ положеніи дѣлъ, но мысль о тебѣ, другъ мой, удержала меня.

— Обо мнѣ?

— Ну да, смѣйся надъ этимъ. Меня постоянно грызла мысль, что я бросилъ тебя, именно тогда, когда ты, можетъ быть, всего болѣе во мнѣ нуждаешься. Я все упрекалъ себя за это и колебался между рѣшеніемъ сѣсть на корабль или вернуться, какъ вдругъ слава твоя, какъ государственнаго человѣка, дала перевѣсъ послѣднему рѣшенію. Назначеніе твое встрѣчено было съ волненіемъ. Всѣ ждали, что ты создашь нѣчто цѣлое, а ты вдругъ выпускаешь какія-то два-три постановленія.

— Что же ты думалъ обо всемъ этомъ?

— То, что оказалось въ дѣйствительности. Что съ перваго своего шага ты встрѣтилъ препятствіе, что чужая рука обрывала съ твоего дерева лучшіе листья. И поэтому я явился, но чтобы мое присутствіе не повредило тебѣ и не помѣшало бы мнѣ продолжать свои наблюденія, я пріѣхалъ инкогнито, и надѣюсь, что это инкогнито до сихъ поръ сохранено. Первая причина моего прихода къ тебѣ—это просьба.

— Какая?

— Убѣдительноѣйшая, хотя, можетъ быть, очень странная, но совершенно серьезная и искренняя просьба: откажись отъ министерства.

Фридрихъ улыбнулся.

— Къ чему же это?

— Потому что ты имѣлъ время и случай убѣдиться, что привести въ исполненіе планы твои совершенно невозможно. Не гово-

ри мнѣ ничего, дай мнѣ высказаться, чтобы доказать тебѣ, какъ хорошо знаю я положеніе вещей. Ты стараешься, чтобы коренной закодъ, противъ котораго дѣйствуетъ герцогиня-бабка, былъ обнаругованъ. Ты рассчитываешь при этомъ на расположеніе герцога къ тебѣ и на его взгляды. Ты опираешься на то, что онъ отказался вслѣдствіе твоихъ уговоровъ отъ постройки замка, но не смотря на это, я говорю тебѣ, что тебѣ не привести въ исполненіе твоихъ намѣреній. Теперь ты еще съ честью можешь отступить, не трудно найти причины въ нерѣшимости герцога. Вотъ почему, я прошу—откажись отъ своего министерства, выйди добровольно и предупреди свое паденіе.

— Ты, во всякомъ случаѣ, хорошо знаешь, что дѣлается при дворѣ, сказалъ Фридрихъ, пристально взглянувъ на Ридля, — но только прежде, чѣмъ отвѣтить что нибудь, я спрошу у тебя о причинахъ, почему тебѣ кажется неизбѣжнымъ мое паденіе.

— О причинахъ я не умолчу, отвѣчалъ Ридль,—но онѣ собственно принадлежатъ ко второй половинѣ моего разговора, къ предостереженію.

— Къ предостереженію?

— Объ этомъ потомъ. Отвѣчай мнѣ сначала просто на мою просьбу. Согласенъ ты на нее.

— Какъ же ты могъ это думать?

— Я былъ увѣренъ, что ты откажешь, слѣдовательно мнѣ остается только предостереженіе. Пытайся идти впередъ, но знай, что почва подъ тобой подкопана и каждый рѣшительный шагъ твой произведетъ взрывъ.

— Говори яснѣе, на что ты намекаешь?

— Сосѣдняя великая держава рѣшилась во что бы то ни стало противодѣйствовать нововведеніямъ.

Фридрихъ съ удивленіемъ всталъ.

— Если ты это знаешь, отвѣчалъ онъ, — то ты конечно знаешь и отвѣтъ, полученный на это посланникомъ короля. Отвѣтъ этотъ отстраняетъ всякое вмѣшательство.

— Да, оффиціальное, но такъ какъ войны изъ-за этого не начнутъ, то гѣмъ дѣятельнѣе стануть работать тайными путями, интригой.

— Я не понимаю, что можетъ случиться, спросилъ Фридрихъ.

— Такъ слушай, продолжалъ Ридль, садясь ближе къ Фюреру и понижая голосъ;—сосѣдняя держава ведетъ противъ насъ тайныя козни. Ты вѣрно знаешь, что въ нашей странѣ образовалась секта изувѣровъ, очень недовольныхъ господствующей у насъ религіей. Секта эта держится принциповъ старой церкви и ведетъ дѣятельную пропаганду. Число ея приверженцевъ увеличивается съ каждымъ днемъ. На этихъ тайныхъ союзниковъ опирается политика сосѣдней державы, которая желаетъ дѣйствовать у насъ въ странѣ нашимъ же собственнымъ оружіемъ! Союзъ или, лучше сказать, заговоръ зрѣетъ въ тиши; но какъ далеко они пойдутъ—я не знаю. Какъ хорошо дѣйствуетъ эта секта, ты можешь судить изъ того, что ты министръ и ничего не знаешь объ ней.

— А самъ ты, спросилъ Фридрихъ,—откуда ты все это знаешь?

— И ты не угадываешь? смѣясь сказалъ Ридль, — я членъ этого тайнаго общества, куда вступилъ съ цѣлью получить развѣдать о немъ.

— Фи! вскричалъ Фридрихъ.

— Отчего? смѣло спросилъ Ридль,—развѣ безчестно для полководца изслѣдовать мины, которыя подъ него подкапываютъ, чтобы прокапывать контрмины?

— А доказательства твоего сообщенія? спросилъ подумавъ Фридрихъ.

— Ну, пока надо довольствоваться моими словами. Общество осторожно и мнѣ, какъ новичку, не довѣряютъ ничего важнаго. Но пока прими все это, какъ предостереженіе человѣка, искренно привязаннаго къ тебѣ. Мнѣ, конечно, нечего прибавлять, что ты считаешься главнымъ противникомъ, котораго надо уничтожить или устранить. Когда же ты будешь безвреденъ, то общество, по его мнѣнію, съумѣетъ управиться съ герцогомъ. Примѣромъ, какъ слѣдять за твоими поступками, можетъ тебѣ служить то, что общество употребило порядочную сумму, чтобы узнать, съ кѣмъ ты говорилъ въ ночь революціи, или, лучше сказать, кто былъ тайнымъ посѣтителемъ въ Красной Звѣздѣ. Помнишь?

Фридрихъ соскочилъ съ своего мѣста; ему было страшно не-

пріятно сознаніе, что его честныя побужденія и планы встрѣтили такихъ коварныхъ противниковъ и окружены такими низкими интригами. Ридль, коротко знавшій его, понялъ, что въ немъ происходило; онъ подошелъ къ нему и положилъ руку на плечо.

— Я знаю, что ты теперь чувствуешь, съ участіемъ сказалъ онъ.—Ты чувствуешь, что холодный наблюдатель одержалъ верхъ надъ пылкимъ мечтателемъ. Ты залегъ въ паутину и чувствуешь теперь какъ, тебя тянутъ холодныя, эгоистичныя нити и какъ онѣ опутываютъ тебѣ сердце. Улетай отъ нихъ, Фридрихъ, ты юноша съ прекрасной душой и чистымъ дыханіемъ. Знай, что то, что мы хотѣли оба—дѣло, оскорбляющее весь существующій порядокъ, и которое возможно только при уничтоженіи этого порядка! Ты не хочешь, продолжалъ онъ, видя, что Фридрихъ молчитъ,—а молчаніе твое меня въ этомъ убѣждаетъ. Ну, хорошо, мы не будемъ говорить объ этомъ. Теперь ты знаешь, что я хотѣлъ сообщить тебѣ, ну и довольно, выпьемъ нуншу и поговоримъ о чемънибудь другомъ. Садись, пей и рассказывай мнѣ о твоей жизни, о твоихъ домашнихъ. Что я все еще попрежнему пугало для твоей доброй матушки? Какъ поживаетъ твоя жена и хорошо ли вы съ ней живете?

Фридрихъ провелъ рукою по лбу, какъ бы желая прогнать непріятныя мысли, давившія его.

— Твоя правда, сказалъ онъ,—лучше поговоримъ о болѣе пріятныхъ вещахъ—*cras in gens derabimus æquor.*

Онъ сѣлъ подлѣ друга и вскорѣ разговоръ коснулся его домашнихъ обстоятельствъ.

— А ты еще до сихъ поръ не рассказалъ мнѣ, какъ познакомился съ своей женой? сказалъ Ридль, когда рѣчь зашла объ Ульрихъ.—Намъ еще осталось поболтать съ тобой съ часокъ, такъ расскажи-ка мнѣ этотъ періодъ твоей жизни.

Стаканы были снова налиты и Фридрихъ началъ свой рассказъ.

Ты конечно помнишь мой отъѣздъ изъ Геттингена. Ты остался тамъ, а я по желанію отца отправился домой, чтобы вступить на практическое поприще. Вслѣдствіе этого, я рѣшилъ употребить все остальное свободное время на болѣе продолжительную поѣзду по

сѣверной Германіи. Такимъ образомъ, пріѣхаль я въ Гамбургъ. Лишь только я осмотрѣлся въ нѣсколько дней въ шумной жизни торговаго міра, съ его утонченными наслажденіями и съ страшными бѣдствіями, какъ вдругъ мнѣ представился неожиданный случай ѣхать въ Берлинъ. Я рѣшилъ выѣхать изъ Гамбурга на слѣдующее утро и долго проходилъ за разными покупками. Дѣло было около полуночи. Въ это время въ Гамбургѣ уличная жизнь переселяется въ погребки и другіе дома, и кишитъ тамъ бурнымъ потокомъ. Я, полюбовавшись темнымъ моремъ, направился въ Германштрассъ къ себѣ въ отель, какъ около меня пробѣжала задыхаясь какая-то, плотно закутанная, женщина. Можетъ быть, я и не обратилъ бы на нее вниманіе, еслибы за ней не шла кучка мужчинъ, грубый видъ которыхъ невольно заставилъ меня предположить, что тутъ происходитъ что-то недоброе. Я смотрѣлъ вслѣдъ за этой толпой и участіе мое увеличилось, когда я замѣтилъ, что преслѣдуемая, утомленная бѣгствомъ, прислонилась къ стѣнѣ и преслѣдователи уже достигли до нея. Не обдумавъ хорошенько, что я дѣлаю, бросился я впередъ и подбѣжалъ къ дѣвушкѣ именно въ ту минуту, какъ одинъ изъ мужчинъ схватилъ уже несчастную и кричалъ, грубо захохотавъ. „Ну, вотъ и мамзель. Теперь она отъ насъ не ускользнетъ и на водку мы зарабатываемъ“. Другіе—все это были матросы, хотѣли тоже схватить ее, какъ вдругъ увидали меня и присутствіе чужого человѣка такъ сконфузило ихъ, что они отступили. Это не укрылось отъ меня и потому я энергически спросилъ ихъ, что имъ нужно отъ дѣвушки и какое право имѣютъ они ее преслѣдовать. Но одинъ изъ нихъ скоро опомнился и, снова схвативъ дѣвушку, сказалъ: „Что вы вмѣшиваетесь, сударь, не въ свое дѣло, мамзель эта убѣжала отъ своихъ родителей, и мы ведемъ ее назадъ“. Несмотря на грубость, съ какой слова эти были произнесены, все-таки сквозь нее просвѣчивало что-то въ родѣ нерѣшимости и нечистой совѣсти, что и утверждало меня въ моемъ подозрѣніи. Этого замѣшательства было достаточно, чтобы привести въ себя главное дѣйствующее лицо. Съ быстротой молніи вырвалась она отъ матроса и бросилась ко мнѣ. „Спасите меня, спасите! вскричала она. — Это неправда, что они

хотятъ вести меня къ родителямъ, я не убѣжала отъ матери!“ Я обратился къ матросамъ, остановившимся въ смущеніи. „Вы слышите сами, ну такъ пойдите, чтобъ полиція разобрала дѣло“. Въ это время въ концѣ улицы показались дозорные, что и заставило матросовъ обратиться въ бѣгство. Послѣ этого я предложилъ руку дѣвушкѣ и спросилъ ее, куда мнѣ ее проводить. „Къ матери, сударь, быстро отвѣчала она.—Господи, какъ она безпокоится обо мнѣ!“ Дорогой она горячо благодарила меня и рассказала, что живетъ съ больной матерью, которую содержитъ своими трудами, что занимается шитьемъ бѣлья у одного богатаго кушца, откуда приходитъ домой уже поздно вечеромъ. Что однажды вечеромъ она обратила на себя вниманіе какого-то молодого человѣка, который преслѣдуетъ ее съ тѣхъ поръ, и что сегодняшнее нападеніе происходило, какъ она думаетъ, по его наущенію. Она рассказала мнѣ, что вышла изъ магазина и пошла по одной изъ пустыхъ улицъ, гдѣ вдругъ ее схватили матросы, завязали ротъ и понесли къ недалеко стоявшему экипажу. Но что, къ счастью, лошади зашалили, такъ что ихъ пришлось держать, чѣмъ она воспользовалась и убѣжала. „О, снова вскричала она,—какъ я вамъ благодарна, сударь; что было бы со мной и съ моей бѣдной матерью. Идите къ намъ, пусть она сама благодаритъ васъ. Благодарность матери, можетъ быть, въ нѣкоторомъ родѣ вознаградитъ васъ за вашъ благородный поступокъ!“ Хотя я увѣрялъ ее, что сдѣлалъ только то, что сдѣлалъ бы всякій на моемъ мѣстѣ, но она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока я не согласился идти съ ней къ ея матери. Къ этому рѣшенію меня понудило участие къ дѣвушкѣ и частью удивленіе къ ея красотѣ. Описывать ея красоту бесполезно, ты вѣрно уже угадалъ, что то была Ульрика. Тогда ей было едва семнадцать лѣтъ.

Войдя съ Ульрикой въ ихъ квартиру, я увидѣлъ, что они живутъ въ двухъ бѣдныхъ, но весьма чистенькихъ комнаткахъ, гдѣ попадались вещи, напоминавшія о былой роскоши. Впечатлѣніе, произведенное на меня матерью Ульрики, было крайне непріятно. Это была старая больная женщина, глаза которой горѣли какимъ-то чрезвычайно непріятнымъ огнемъ. Я полагалъ, что мы найдемъ

ее въ отчаяніи и въ слезахъ, но нашли совсѣмъ иное. Она отворила намъ дверь весьма нескоро и заспаные глаза ея выражали и удивленіе, и неудовольствіе. Ульрика бросилась въ слезахъ къ ней на шею и рассказала о всемъ случившемся. Послѣ разказа, мать завопила и стала благодарить меня, какъ спасителя своей дочери, но въ тонѣ ея голоса недоставало искренности, и мнѣ показались точно заученными ея фразы, когда она стала жаловаться, что беззаботно легла спать, не предполагая, что съ дочерью ея можетъ случиться что нибудь нехорошее, ибо нерѣдко случалось, что Ульрика, засидѣвшись за работою, оставалась ночевать въ магазинѣ. Не могу выразить тебѣ, какъ все это показалось мнѣ противнымъ. Когда я сталъ уходить и прощаться, Ульрика посмотрѣла на меня своими темными глазами и съ такой грустью, какъ будто хотѣла просить еще разъ о спасеніи. „Развѣ я васъ больше не увижу?“ спросила она и голосъ ея задрожалъ. Я только-что хотѣлъ отвѣтить, что ѣду на слѣдующій день, какъ, взглянувъ на мать, подмѣтилъ такое отвратительное выраженіе лица ея, что испугался. Я посмотрѣлъ на Ульрику и твердо увѣрился, что ей еще нужна будетъ моя помощь. Я обѣщалъ ей увидѣться съ нею на слѣдующій вечеръ, и затѣмъ вышелъ. Вскорѣ я раскаялся въ моемъ рѣшеніи и упрекалъ себя, что пропускаю случай ѣхать. Не было никакого основанія идти еще разъ къ дѣвушкѣ, но тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ не исполнить своего обѣщанія. Не знаю, какъ это случилось, но на слѣдующій вечеръ я очутился около того магазина, гдѣ работала Ульрика. Мнѣ пришло въ голову ждать ее и проводить до дому и такимъ образомъ исполнить обѣщаніе. Вскорѣ показалась Ульрика. Увидавъ меня, лицо ея озярилось радостью, такъ что у меня сердце затрепетало. Мы пошли вмѣстѣ и провели вечеръ такъ пріятно, что я со страхомъ думалъ о необходимости отъѣзда и съ радостью выслушалъ любезное приглашеніе Ульрики и вѣжливо-холодное подтвержденіе матери посѣтить ихъ еще разъ. Я откладывалъ отъѣздъ со дня на день, наконецъ отказался совершенно отъ путешествія и написалъ домой, что остаюсь въ Гамбургѣ еще на нѣсколько недѣль. Причину этого угадать легко. Я любилъ Ульрику, былъ любимъ

и блаженные дни летѣли, какъ часы. Между тѣмъ мысль о будущности не покидала меня. Я рѣшился объяснить все матери и просить руку Ульрики. Мать вѣроятно видѣла нашу любовь, но дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и въ отношеніи меня проявляла даже какую-то ненависть. Но сначала я долженъ рассказать тебѣ жизнь этой женщины, которую я узналъ частью изъ рассказовъ Ульрики, частью по слухамъ. Она была дочерью какого-то гамбургскаго конторщика. Красота и прекрасный голосъ побудили ее поступить на сцену. Дебютъ ея сопровождался рѣшительнымъ успѣхомъ и скоро молодая, прославляемая пѣвица была въ отличнѣйшемъ положеніи. Какой-то принцъ почувствовалъ къ ней склонность и Ульрика была плодомъ этой любви. Принцъ искренно былъ къ ней привязанъ и выразилъ желаніе на ней жениться, что послужило къ несчастію Генріеты. Ей приказано было удалиться изъ той страны. Ульрика же была оставлена и отдана одному порядочному семейству на воспитаніе. Генріета вскорѣ прожила капиталъ, данный ей принцемъ, поступила снова на сцену и впала въ крайнюю бѣдность отъ беспорядочной жизни. Ульрика тоже не была счастлива въ чужой семьѣ, гдѣ на нее смотрѣли, какъ на чужую. Образъ неизвѣстной матери облекся въ ея воображеніи чѣмъ-то фантастически-прекраснымъ. Года усиливали эту фантастическую нѣжность. Въ такомъ положеніи находились дѣла, какъ вдругъ принцъ умеръ, и Ульрика осталась совершенно брошенной сиротой. Конечно, прежде всего, она обратилась къ своему божеству, къ матери, и умоляла взять ее къ себѣ. Письмо это пришло въ то время, когда у Генріеты не осталось ровно никакихъ средствъ къ существованію; она вспомнила, что у дочери ея должны быть деньги, которые могутъ обезпечить ихъ обѣихъ. Мать написала, прося прислать къ ней дочь, что и было исполнено, и вмѣстѣ съ Ульрикой явились и средства къ существованію. Мать и дочь зажили на славу; мать тратила деньги, а дочь пользовалась наслажденіемъ имѣть мать. Конечно средства скоро истощились, но Ульрика, пріѣхавшая къ матери четырнадцати лѣтъ, не только не упрекала ее, а напротивъ того, была счастлива, что можетъ для нея трудиться. Жизнь ихъ текла однообразно и одно-

образіе это было прервано только ухаживаніемъ человѣка, изъ рукъ котораго я спасъ Ульрику.

Однажды, зная, что Ульрики нѣтъ дома, я отправился къ нимъ на квартиру, чтобы поговорить съ матерью. Войдя туда, я противъ обыкновенія, нашелъ наружную дверь отворенною и хотѣлъ уже войти, какъ вдругъ остановился при звукѣ золота, бренчавшаго на столѣ. Въ то же время я услышалъ незнакомый мужской голосъ, говорившій съ матерью, и разговоръ этотъ подтвердилъ всѣ мои подозрѣнія. Это былъ слуга графа, какъ онъ его называлъ, обѣщавшій золотыя горы отъ имени своего барина, если на этотъ разъ онъ достигнетъ цѣли. Съ невыразимымъ ужасомъ слушалъ я, какъ безчеловѣчная женщина продавала дочь свою, чтобы прожить въ роскоши нѣсколько дней и составляла планъ самый дьявольскій. Для того, чтобы я не могъ быть помѣхой, предполагалось выпроводить меня ранѣе обыкновеннаго, потому мать должна была подлить Ульрикѣ въ чай сонныхъ капель и отдать такимъ образомъ въ руки соблазнителя. Чтобы не имѣть видъ сообщницы, она сама тоже хотѣла принять сонныхъ капель и тѣмъ доказать, что была не въ состояніи помочь дочери. Услыхавъ, что разговоръ кончается, я быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и тихо сталъ вновь подниматься въ то время, какъ слуга спускался. Онъ встрѣтилъ меня и насмѣшливо улыбнулся, вѣроятно, зная, кто я такой. Эту каторжную рожу узнаю я между тысячами съ перваго же взгляда. Я не обернулся и быстро вошелъ въ комнату, не постучавъ, такъ что засталъ подлую женщину, какъ она жадно смотрѣла на блестящее на столѣ золото. Молча стояли мы другъ противъ друга, потому она упала на стулъ, прочитавъ въ моемъ взглядѣ, что я все знаю. Я объявилъ ей, что Ульрика будетъ моею женою, что слѣдовать за нами она не можетъ, но будетъ жить всегда вдали и получать на свое содержаніе. Подъ условіемъ ея согласія обѣщавъ я ей не говорить Ульрикѣ о позорномъ ея поступкѣ. Въ смятеніи она обѣщала мнѣ все.

Когда вечеромъ мы шли съ Ульрикой, я сказалъ ей, что по желанію ея матери я отвезу ее къ своей теткѣ, гдѣ она останется до тѣхъ поръ, пока день брака нашего не будетъ опредѣленъ.

Хотя разлука съ матерью казалась ей тяжелой, но тѣмъ не менѣе Ульрика согласилась на все въ надеждѣ скораго свиданія. Придя домой, мы нашли сцену совершенно измѣнившейся, такъ что все наши планы разстроились. Мать лежала при смерти. Волненіе отъ всего происшедшаго слишкомъ сильно подѣйствовало на слабую женщину. Кровь, хлынувшая горломъ, лишила ее послѣднихъ силъ. Умиравшая едва могла произнести слово. Горе Ульрики трудно описать, но чѣмъ оно сильнѣе проявлялось, тѣмъ болѣе страдала мать нравственно, мучимая раскаяніемъ. Когда она совершенно ослабѣла, она сложила руки для мольбы, уста ея шептали что-то, а взоръ не отрывался отъ дочери. Я взялъ Ульрику за руку и торжественно поклялся умирающей, что женюсь на ней. Она улыбнулась и вскорѣ умерла отъ вновь хлынувшей крови.

То, что за этимъ слѣдуетъ, очень просто. Я привезъ Ульрику, какъ было рѣшено прежде, къ своей теткѣ, принявшей ее очень ласково. У тетки прожила она около пяти лѣтъ, пока обстоятельства не позволили мнѣ жениться на ней. Эта отсрочка принесла свою пользу, потому что въ эти пять лѣтъ она находилась подъ вліяніемъ такихъ людей, что мнѣ не придется раскаиваться въ своемъ послѣднемъ выборѣ. Я надѣюсь еще долго быть счастливымъ съ нею.

— Дай Богъ! вскричалъ Ридль, пожавъ Фюреру руку.—Вѣдь хуже злой жены ничего на свѣтѣ нѣтъ.

Съ этими словами они разстались. Фридрихъ проводилъ Ридля за ворота и заперъ ихъ за нимъ. Весело посмотрѣлъ онъ на небо, совершенно между тѣмъ прояснившееся и горѣвшее мириадами звѣздъ.

Потомъ весело пошелъ къ себѣ тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ нѣсколько часовъ тому назадъ съ такимъ тяжелымъ сердцемъ шла Ульрика.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СОСЛАННАГО *).

(КАЙЕНА).

I.

...Журналистъ свободный и независимый, я навлекъ на себя ненависть буржуазнаго правительства, которое не могло простить мнѣ, что я оцѣнилъ по достоинству кавеньяковскую рѣзню 13-го іюня 1849 года, — и успѣшило отдѣлаться отъ меня, приговоривъ къ пожизненной ссылке. Я удалился въ Англію, гдѣ велъ уединенную, спокойную жизнь до 1853 года. Но въ концѣ этого года, несмотря на опасности, ожидающія меня по возвращеніи на родину, я рѣшился тайно пробраться въ Парижъ. Два мѣсяца я благополучно скрывался въ громадномъ городѣ, но выданный однимъ негодяемъ, лицемѣрно называвшимъ себя моимъ другомъ, я попалъ въ руки полиціи и, понятно, тотчасъ же очутился въ одной изъ мрачныхъ норъ Мазаса.

Правительство второй имперіи, также какъ и кавеньяковское, имѣло серьезный поводъ относиться ко мнѣ недоброжелательно: въ свое время я горячо и рѣзко протестовалъ противъ осады Рима. Разумѣется, я не могъ ожидать отъ бонапартистовъ никакихъ любезностей и онѣ распорядились со мною, какъ только могли суровѣе.

Французская печать въ послѣднее время разоблачила многія

* Пвлечено изъ записокъ Делеклюза, по возвращеніи изъ ссылки, издающаго газету Reveil.

тайны исторіи декабрьскихъ событій; упоминала она, между прочимъ, и о достопримѣчательнѣйшемъ декретѣ, изданномъ 8 декабря 1851 года и, какъ законъ органической, внесенномъ въ собраніе законовъ. Этотъ актъ контрастированъ подписью Морни. По первой статьѣ его, всякій осужденный, по окончаніи срока работъ или тюремнаго заключенія, во имя общественной безопасности, безъ всякаго судебного приговора, однимъ распоряженіемъ администраціи, можетъ быть отправленъ въ Африку или Гвіану на срокъ не менѣе пяти и не болѣе десяти лѣтъ. По второй статьѣ закона, это наказаніе можно было примѣнять и ко всѣмъ членамъ тайныхъ обществъ.

Этотъ декретъ, разумѣется, направленъ былъ главнымъ образомъ противъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ и проступкахъ.

Въ такую безпокойную эпоху, какъ наша, когда, втеченіи болѣе, чѣмъ шестидесяти лѣтъ, партіи, каждая въ свою очередь, становятся то побѣдителями, то побѣжденными, когда общественное мнѣніе непрерывно колеблется, доходя до крайностей въ ту или другую сторону, — еще гораздо ранѣе втораго декабря встрѣчаются странныя противорѣчія въ оцѣнкѣ политическихъ дѣйствій, дающихъ поводъ къ судебнымъ преслѣдованіямъ... Въ такіе моменты людьми овладѣваютъ самыя худшія инстинкты; является какое-то лихорадочное соревнованіе дѣлать зло; кажется, что честь, гуманность, честность, благопристойность, однимъ словомъ все, что возвышаетъ нравственную сторону человѣка — перестаетъ существовать среди общества. Наступаетъ пора доносчиковъ, которые берутся за постыдное ремесло или по глупости, или изъ мести, изъ честолюбія, изъ трусости и изъ желанія самымъ очевиднымъ образомъ доказать свою несолидарность съ побѣжденными.

Скоро, однакожъ, разумъ вступаетъ въ свои права, и общественное мнѣніе, утомленное своимъ необузданнымъ изступленіемъ, старается опять прійти въ равновѣсіе. Понятія справедливости и гуманности, водворившись снова въ мозгу людей, влекутъ за собой уваженіе къ тѣмъ страдальцамъ, которые нѣкогда испытывали на себѣ слѣдствія повальной, безразсудной ненависти. Такимъ обра-

зомъ въ настоящую минуту во Франціи сильнѣйшій энтузіазмъ и симпатіи массъ вызываютъ имена людей, путемъ долгихъ страданій заплатившихъ за честность своихъ убѣжденій и за поражение, выпавшее на ихъ долю. А ихъ побѣдители, нѣкогда такъ хваставшіеся своимъ патріотизмомъ и мужествомъ, нынче употребляютъ всѣ усилія, чтобы заставить своихъ соотечественниковъ позабыть о томъ участіи, которое они принимали въ своей печальной побѣдѣ, о томъ вознагражденіи, которое имъ заплатили за ихъ услуги. Однимъ словомъ, поворотъ такъ рѣшителенъ, что болѣе никто не желаетъ считаться въ числѣ побѣдителей и всякій торопится записаться въ ряды побѣжденныхъ.

Передъ вторымъ декабря подобныя же колебанія общественнаго мнѣнія побудили власть произвести рѣзкое разграниченіе между обыкновенными преступниками и обвиненными по политическимъ преступленіямъ. Во время реставраціи цѣлая Франція выразила свое негодованіе, узнавъ, что двухъ писателей, Магалона и Фонтана, вели въ цѣпяхъ въ пуассійскую тюрьму; и Людовикъ-Филиппъ, въ самые первые дни своего вступленія на престолъ, поспѣшилъ послать этимъ писателямъ ордена. Во время его управленія, — господства средней партіи, — многимъ республиканцамъ пришлось отвѣчать передъ судомъ за свои убѣжденія, но не было прийма, чтобы политическаго обвиненнаго когда нибудь смѣшивали съ ворами или бродягами. Кавеньякъ же въ подобныхъ случаяхъ велъ себя совершенно безцеремонно.

Послушное орудіе безпощадной реакціи, этотъ грубый солдатъ какъ будто спѣшилъ дѣлать ошибку за ошибкой, несправедливость за несправедливостью, какія подсказывало ему честолюбіе. Въ многочисленныхъ приговорахъ, подаваемыхъ на его утверженіе, онъ всегда забывалъ дѣлать различіе между политическими и обыкновенными обвиненными, что иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, однакожь, дѣлали его ближайшіе помощники.

Таково было положеніе вещей въ декабрѣ 1851 года передъ издаваніемъ знаменитаго декрета, о которомъ я упомянулъ выше. Но я бы сильно ошибся, еслибы сталъ утверждать, что этимъ декретомъ не дѣлалось никакого различія между обвиненными обыкновенно-

венными и политическими; оно дѣлалось, но только въ пользу обвиняемыхъ за обыкновенныя преступленія.

Правительство второй имперіи, переселяя меня изъ тюрьмы въ тюрьму, проведя, въ видѣ очищенія, чрезъ тулонскія галеры, прижѣнило. и ко мнѣ законъ 8 декабря, въ силу котораго было рѣшено отправить меня въ десятилѣтнюю ссылку въ Гвіану. Назначая десять лѣтъ, правительство взяло самую большую норму, допускаемую закономъ, поэтому я не въ правѣ обвинять его, что оно скупо отпустило мнѣ дозу лекарствъ, необходимыхъ для моего полнѣйшаго выздоровленія. Если десять лѣтъ энергическаго пользованія не подѣйствовали на меня благотворно и я остался одержимымъ той же самой болѣзнію, которая вызвала употребленіе чрезвычайныхъ мѣръ, въ этомъ вина не правительства, дѣйствовавшаго съ подобающимъ усердіемъ, а мое упрямство, и потому правительство смѣло можетъ умыть руки и помѣстить меня въ разрядъ неизцѣлимыхъ, одержимыхъ застарѣлою хроническою болѣзнію.

II.

Перваго сентября 1858 года я былъ доставленъ на палубу „Сены“, транспортнаго судна, которое было предназначено для перевозки осужденныхъ на ссылку въ Америку. Предварительно меня ощупали съ ногъ до головы и отобрали все, что я имѣлъ: деньги, книги, необходимую одежду и пр., затѣмъ втолкнули въ какую-то яму подъ палубой. Вмѣстѣ со мной отправлялось въ ссылку болѣе 500 человекъ, преимущественно каторжниковъ съ галеръ; всѣ остальные состояли также изъ осужденныхъ за обыкновенныя преступленія и высидѣвшихъ свой срокъ въ тюрьмѣ; политической я былъ одинъ. При помѣщеніи насъ въ арестантскихъ каютахъ не было принято во вниманіе раздѣленіе по преступленіямъ и мы всѣ были помѣщены какъ попало. Втиснутый въ затхлую каюту, я предался грустнымъ размышленіямъ, что мнѣ придется провести въ этой труппѣ семь или восемь недѣль, какъ вдругъ услышалъ приказаніе снять платье, которое было на мнѣ,

и переодѣться въ казенное, сдѣланное по формѣ, назначенной ссыльнымъ. Выданное платье, однакожъ, было совсѣмъ новое. Оно состояло изъ матроскаго кителя, панталонъ и рубашки, сшитыхъ изъ самой рѣдкой холщевой матеріи.¹

Мы отправлялись изъ Бреста, дни стояли холодные. Эта слишкомъ легкая одежда могла показаться просто насмѣшкой надъ несчастными осужденными, дрожавшими въ ней отъ стужи, но насъ утѣшили, что при переходѣ въ болѣе южныя широты мы будемъ довольны такой переиѣной костюма. По странному капризу администраціи вмѣстѣ съ тропическимъ костюмомъ, ссыльнымъ давалась тяжелая, неудобная фуражка, громадныхъ размѣровъ, причинявшая на жарѣ множество мученій и взаимнѣнъ спасававшая отъ дѣйствія нестерпимыхъ солнечныхъ лучей.

Послѣ переодѣванія я хотѣлъ уже возвратиться на свое мѣсто, какъ ко мнѣ подошелъ надзиратель и объявилъ, что относительно меня онъ получилъ особыя приказанія. Онъ отвелъ мнѣ, отдѣльно отъ прочихъ, болѣе удобное мѣсто и предложилъ койку—прочіе же ссыльные должны были довольствоваться нарами безъ всякой подстилки. Отъ него, узнавъ я, что начальникъ морского отряда въ Брестѣ, вице-адмиралъ Лапласъ, посѣтившій насъ въ портовой тюрьмѣ, рекомендовалъ меня своему подчиненному, командиру „Сены“, почему послѣдній и счелъ нужнымъ избавить меня отъ безполезныхъ стѣсненій, причиняющихъ мнѣ немалыя мученія. Во все время пути онъ поступалъ со мной самымъ деликатнымъ образомъ и всѣми возможными способами старался облегчить мое безотрадное положеніе. Въ тоже время и экипажъ корабля и пассажиры выказывали мнѣ постоянно знаки своего расположенія, столь пріятныя для человѣка нѣсколько лѣтъ къ ряду терпѣвшаго одни оскорбленія.

И какую важную цѣну въ моихъ глазахъ получило вниманіе, мнѣ оказываемое, когда я сравнивалъ мое привилегированное положеніе съ положеніемъ прочихъ ссыльныхъ, ѣхавшихъ со мною на одномъ кораблѣ. При большомъ ихъ числѣ, было невозможно всѣхъ разомъ выводить на палубу подышать чистымъ воздухомъ: ихъ выводили по очереди и каждому приходилось испытывать это наслажденіе не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, по часу всякій разъ.

Помѣщеніе, имъ отведенное, было тѣсно до послѣдней степени и лишено всякой вентиляціи; его нездоровыя качества усложнялись еще сосѣдствомъ кухни, булочной и паровой машины; въ этой норѣ, лишенные воздуха и пространства, несчастные люди тяжело дышали, обливаясь потомъ и страдая отъ обилія паразитныхъ насѣкомыхъ. Какъ въ виду такого страданія, продолжающагося семь недѣль, не имѣть жалости къ этимъ несчастнымъ! Однакожь ее не имѣли и представляли тому, будто бы, основательныя причины. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ такую массу народа невозможно было размѣстить удобнѣе — мѣста не хватало, но почему бы не разрѣшать имъ почаще выходить на палубу, особенно въ тѣ часы, когда солнце переставало жарить? Къ сожалѣнію, командиръ мало довѣрялъ каторжнымъ; имѣя только сто человѣкъ экипажа, онъ опасался какого нибудь рѣшительнаго шага со стороны толпы въ пятьсотъ арестантовъ и принималъ противъ нихъ, быть можетъ, чрезмѣрныя предосторожности. Къ тому же между экипажемъ ходили сколько страшныя, столько же и невѣроятныя легенды о попыткахъ къ возстанію каторжныхъ, перевозимыхъ изъ Франціи въ Гвіану, — попыткахъ, неудавшихся только благодаря случаю или самымъ строгимъ мѣрамъ надзора.

Всѣ этихъ печальныхъ потребностей, съ арестантами на „Сенѣ“ обращались не худо; они получали такой же паекъ, какъ и матросы, имъ отпускали даже вино; каждому выдавалась четверть фунта табаку на десять дней; всю одежду они мѣняли разъ въ недѣлю, а для мытья грязной получали мыло и теплую воду.

Но экипажъ былъ постоянно вооруженъ кинжалами, какъ бы въ виду непріятели, ружья всегда стояли на готовѣ и командиръ по ночамъ часто дѣлалъ тревогу, чтобы удостовѣриться, что его подчиненные во всякое время готовы къ бою.

Нечего и прибавлять, что арестанты были всегда заперты въ своихъ каютахъ, у дверей которыхъ постоянно стояли часовые; эту службу несли жандармы, сопровождающіе ссыльныхъ, оружіемъ имъ служили пистолеты и сабля. Въ то же время арестантская каюта могла обстрѣливаться небольшой пушкой, постоянно заряженной. Ночью рунды усиливались. Вообще служба на кораблѣ

исполнялась чрезвычайно строго; одинъ молодой жандармъ, заснувшій на часахъ, корабельнымъ судомъ былъ приговоренъ къ двадцати-дневному тюремному содержанію въ цѣпяхъ, даже безъ тѣхъ небольшихъ облегченій, какія выпадали на долю арестантовъ. порученныхъ его присмотру.

По морскому уставу наказанія арестантамъ назначались самыя суровыя; къ моему удовольствію, я могу замѣтить, что во все время пути только одинъ изъ ссыльныхъ подвергся легкому наказанію. состоявшему въ лишеніи порціи вина. Страхъ потерять эту порцію, которой такъ дорожили арестанты, подавляющая жара и лишеніе воздуха были достаточными побудительными средствами для удержанія этой массы ссыльныхъ въ полномъ повиновеніи.

III.

Атлантическій океанъ перейденъ, мы идемъ вдоль гвіанскаго берега, обогнули Кайену и подошли къ островамъ Спасенія. Солнце уже заходило, когда передъ нами открылись берега этихъ роскошныхъ острововъ. Пейзажъ былъ такъ хорошъ, что я на время забылъ о печальной участи, ожидающей меня среди этой величественной природы. Въ самомъ дѣлѣ, смотря на эти прелестные островки, разбросанные какъ оазисы посреди океана и такъ великолѣпно освѣщенные солнцемъ, невозможно было не отдаться могучему дѣйствию красотъ природы. Но скоро, увы! горькая дѣйствительность заставила очнуться отъ радужныхъ иллюзій. За этими гигантами-деревьями, за этой вѣчной зеленью раздаются крики проклятій и стоны отчаянія. Эти бѣленькіе, чистенькіе снаружи домики, которые такъ граціозно преломляютъ солнечные лучи, не что иное, какъ тюрьмы. По этимъ красиво-извивающимся дорожкамъ ступаетъ нога не свободного работника, а каторжнаго и тюремщика. Странная аномалія! Эти прелестныя мѣста, говоряція душѣ о счастіи и наслажденіи, цивилизація обратила въ каторгу людей!

Въ субботу 16 октября 1858 года мы высадились на берегъ Королевскаго острова. Каторжные и вообще наказанные за обык-

новенныя преступленія должны были остаться на этомъ островѣ, а же, пробывъ здѣсь около четырехъ часовъ, былъ отправленъ на островъ Чорта, служившій мѣстопребываніемъ ссыльныхъ по политическимъ обвиненіямъ.

Меньшей величины, чѣмъ его сосѣди, спрятавшійся позади ихъ, островъ Чорта съ барки, на которой я ѣхалъ, представлялъ печальный видъ бѣдности и запустѣнія. Растительность слабая и низменная, голыя скалы, отсутствіе живописныхъ дорогъ, рѣдкія строенія, нѣчто среднее между казармою и конюшнею, — вотъ какой представилась мнѣ мѣстность, гдѣ я долженъ былъ провести десять лѣтъ моей жизни въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ мѣнѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренъ, что соберетъ жатву, имъ самимъ посѣянную.

Во все продолженіе пути съ Королевскаго острова на островъ Чорта, я вынужденъ былъ переносить льстивое краснорѣчіе надсмотрщика, который былъ въ слишкомъ веселомъ расположеніи духа; онъ, казалось, желалъ возбудить во мнѣ хорошее о себѣ мнѣніе, онъ расточалъ мнѣ совѣты и любезности и надоѣлъ мнѣ до крайности своей пьяной болтовней. Избавиться отъ него не было никакой возможности — онъ былъ начальство и волей-неволей пришлось мириться съ своимъ непріятнымъ положеніемъ. Я не мѣщаль ему изливать краснорѣчіе, но не слушалъ его и углубился въ размышленія. Повидимому онъ остался совершенно доволенъ мною и я приобрѣлъ въ немъ снисходительнаго тюремщика.

Мы пріѣхали на островъ. Старшей властью на немъ въ то время былъ жандармскій унтеръ-офицеръ. Ему и передалъ меня мой спутникъ надсмотрщикъ. Власть приняла меня весьма прилично, изъ чего я заключилъ, что съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, мнѣ нечего ожидать большихъ непріятностей. Унтеръ-офицеръ былъ еще очень молодъ и по приемамъ и способу выражаться казался несравненно выше занимаемаго имъ мѣста. Онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ являться на переключку три раза въ день: въ пять часовъ утра, въ шесть и въ восемь часовъ вечера; проводить ночь въ общей казармѣ; остальные часы дня же могу свободно гулять на цѣломъ островѣ, гдѣ мнѣ заблагоразсудится.

Свобода весьма пріятна, даже на островѣ, имѣющемъ въ окружности менѣе трехъ верстъ; но нельзя же проводить въ вѣчномъ бродяжествѣ тѣ двѣнадцать часовъ въ сутки, которые правительство отдавало въ мое распоряженіе, и я сталъ измышлять, чѣмъ бы занять ихъ. Ковчегъ, предназначенный служить мнѣ для отдохновенія по ночамъ, представлялъ слишкомъ печальный видъ и имѣлъ всѣ неудобства для какихъ бы то ни было занятій, ибо въ немъ нигдѣ нельзя было днемъ спастись отъ удушающей температуры тропической Гвианы. Нѣсколько другихъ строеній, разбросанныхъ по острову, какъ можно было замѣтить съ перваго взгляда, были назначены вовсе не для потребностей ссыльнаго люда.

Ближе всѣхъ къ нашей тюрьмѣ стояла казарма, гдѣ полдюжины морскихъ солдатъ постоянно дулись въ карты. Подлѣ нихъ домъ жандармскаго унтеръ-офицера и его подчиненныхъ жандармовъ. Еще далѣе домъ, который нѣкогда былъ занятъ начальникомъ острова, а въ то время стоялъ пустой.

Идя далѣе, я замѣтилъ только скалы съ ихъ бѣлѣющими вершинами. Если пейзажъ казался мнѣ столько же дикимъ, сколько и пустыннымъ, то встрѣча съ людьми, — которыхъ я, впрочемъ, видѣлъ только издали, — ступающими по землѣ обнаженными ногами, имѣющими бронзовый цвѣтъ лица отъ палящаго солнца и одѣтыми въ лохмотья, — не могла заставить меня пережѣнить мое мнѣніе. Встрѣченные мною люди были мои будущіе товарищи. Я почувствовалъ къ нимъ глубокое состраданіе, но въ ту же минуту меня посѣтила мысль, что и мнѣ предстоитъ таже участь, и мнѣ придется бросить всѣ свои привычки и вести жизнь дикарей. Солнечные лучи жгли меня, а я стоялъ и раздумывалъ о своей горестной участи, не зная навѣрное, буду ли я ѣсть что нибудь сегодня.

Наконецъ одинъ изъ ссыльныхъ приблизился ко мнѣ и пригласилъ къ себѣ въ хижину, построенную внутри острова. На своемъ пути я встрѣтилъ нѣсколько избушекъ, беспорядочно разбросанныхъ направо и налево. Всѣ онѣ были построены изъ камней и грязи, плохо покрыты маисовой соломой и украшены дырами, долженствующими замѣнять собою двери или окна. Это были днев-

ныя резиденціи моихъ товарищей, по сравненію съ которыми избы французскихъ крестьянъ могли бы показаться, пожалуй, дворцами. Внутреннее убранство жилища, куда я вошелъ, вполнѣ соответствовало наружной его непривлекательности. Мебель состояла изъ хромоногаго стола и скамьи; но здѣсь все-таки можно было спастись отъ мучительныхъ палящихъ солнечныхъ лучей, и я, при первомъ знакомствѣ съ хижиной, почти не обратилъ вниманія на ея печальную обстановку. Къ тому же втеченіи послѣднихъ пяти лѣтъ я могъ настолько свыкнуться съ разными лишеніями и неудобствами, что меня не могли уже пугать никакія новыя случайности.

Въ моментъ моего прибытія на островъ Чорта, тамъ жило 36 человѣкъ ссыльныхъ. Большая часть изъ нихъ была сослана по второму декабрю; затѣмъ второе мѣсто по численности занимали перевезенные въ Гвіану изъ Африки обвиненные во время кавеньяковской реакціи, потомъ сосланные за принадлежность къ тайнымъ обществамъ и несчастный Тибальди, единственный, котораго потомъ не коснулись облегченія по манифесту 16 августа 1859 года, на-противъ его положеніе даже ухудшилось. Между ссыльными были и два негра изъ Сенегала, почему-то показавшіеся тамошнимъ французскимъ властямъ опасными; по ихъ представленію высшее правительство, признавъ этихъ несчастныхъ невинныхъ людей политическими преступниками, сочло необходимымъ удалить ихъ съ родины и отравило въ ссылку на островъ Чорта.

Съ перваго раза меня сильно поразило, что люди, составлявшіе эту маленькую колонію, несравненно менѣе меня чувствуютъ тяжесть и униженіе и повидимому довольно спокойно подчиняются своей безотрадной участи. Но мое недоумѣніе длилось недолго и я скоро понялъ, что многочисленныя испытанія, выпавшія на долю моихъ товарищей, мало-по-малу ослабили ихъ впечатлительность, еще довольно живую во мнѣ, человѣкъ новомъ въ этихъ печальныхъ мѣстахъ; сравнивая теперешнее свое положеніе съ прошедшими невзгодами, они считали себя почти счастливыми. Нѣкогда принужденные работать, какъ каторжники, они располагали теперь своимъ временемъ почти совершенно свободно. Эта поздняя уступка, которая, въ сущности, была только прекращеніемъ чудовищной жестокости и оставляла въ прежней силѣ всѣ бѣдствія, соединен-

няя съ изгнаніемъ въ пустыню, — эта услупка, купленная такъ дорого, въ извѣстной степени примирила моихъ товарищей съ отвратительной жизнію на островѣ Чорта.

Извѣстно, что продовольственная часть въ французскихъ тюрьмахъ вообще устроена довольно плохо. Система продовольствія острова Чорта заключала въ себѣ почти всѣ недостатки, какіе только могла имѣть подобная система. Каждый день жизненные припасы въ натурѣ привозились на баркѣ съ Королевскаго острова и потомъ раздавались, натурою же, ссыльнымъ, которые должны были сами готовить изъ нихъ пищу по своему вкусу.

Выдача состояла изъ полутора фунтовъ хлѣба, часто весьма сомнительнаго достоинства, или изъ фунта съ четвертью сухарей, почти всегда попорченныхъ; хлѣбная порція иногда замѣнялась маііоковой мукой; для приварка изрѣдка отпускали свѣжую говядину, но чаще солонину бычачью или свиную, бобы или рисъ, небольшое количество масла или говяжьего жира; кромѣ того шла ежедневная порція водки изъ сахарнаго тростника.

Если прибавить къ этому, что свѣжая говядина рѣдко была свѣжей, что солонина была дурно просолена, что бобы уничтожали самый невзыскательный аппетитъ, что рисъ выдавался проточенный червями, тогда нельзя не признать, что вся эта пища была постоянной отравой для несчастныхъ, вынужденныхъ ее ѣсть.

Добавьте еще цѣлую кучу тяжелыхъ работъ, къ которымъ все не былъ приготовленъ своимъ воспитаніемъ развитой человекъ, и тогда станетъ понятно, какъ безотраднa и какъ отвратительна была для ссыльныхъ жизнь на островѣ Чорта.

По очереди каждый изъ насъ долженъ былъ приходиться утромъ на пристань за полученіемъ дневной провизіи, отнести ее на себѣ болѣе, чѣмъ за сто шаговъ разстоянія, разрѣзать мясо, перемыть всѣ продукты, отдѣлать сколько нужно для каждой порціи, однимъ словомъ, исполнить множество различныхъ работъ сколько тяжелыхъ, столько же и неприятныхъ. Кромѣ этой пачкотни, на дежурнаго возлагалась обязанность натаскать сажень за 50 разстоянія двѣ тонны воды.

Готовить обѣдъ предоставлялось самимъ ссыльнымъ и каждый

готовилъ отдѣльно. Это обстоятельство съ перваго раза меня поставило въ тупикъ: какъ я буду готовить, когда я ничего не смыслю въ этомъ дѣлѣ. Съ такимъ неудобствомъ я могъ еще, пожалуй, примириться, но меня страшно озабочивала обязанность рѣзать мясо и дѣлать его на порціи: какъ тутъ избѣжать неудобствъ со стороны товарищей, которые могутъ остаться недовольны, что одному досталось больше, а другому меньше. Къ моему великому благополучію, отъ этой непріятной работы избавилъ меня одинъ изъ товарищей, согласившійся исполнять за меня это дѣло, если я уступлю ему мою ежедневную порцію водки.

Оставалась кулинарная забота. Она беспокоила меня менѣе, потому что здѣсь я самъ одинъ страдалъ отъ своего неискуства, однакожъ и о ней слѣдовало серьезно подумать. Но счастье и на этотъ разъ не отвернулось отъ меня. Ссылный, уступившій мнѣ половину своей избы, спросилъ меня, не желаю ли я раздѣлить съ нимъ заботы по приготовленію обѣда и такимъ образомъ имѣть съ нимъ общій столъ. Нечего говорить, съ какимъ удовольствіемъ я согласился на это предложеніе. Но удовольствіе, посѣтившее меня за такимъ удачнымъ окончаніемъ затрудненій, за нѣсколько минутъ назадъ представлявшихся мнѣ неодолимыми, не помѣшало развиться во мнѣ сознанію моей беспомощности, и въ тоже время я почувствовалъ безграничное уваженіе къ способностямъ моихъ сотоварищей.

Я тотчасъ же устроился въ новомъ помѣщеніи. Мои стараніями наша непривлекательная хижина приняла нѣсколько иной, болѣе сносный видъ. Пока я устраивалъ новый порядокъ, мой товарищъ приготовилъ обѣдъ и состряпалъ его такъ вкусно, какъ только можно было состряпать изъ припасовъ сомнительнаго качества. Я поѣлъ хорошо и убѣдился, что на островѣ Чорта можно и не умереть съ голода.

Но мой хозяинъ мало того, что былъ искусный поваръ, онъ отлично умѣлъ ловить рыбу, краббовъ и морскихъ черепахъ. Его драгоцѣнный талантъ много помогаль намъ разнообразить пищу, а главное, давалъ возможность испорченные казенные припасы замѣнять свѣжими.

На нашъ островъ залетали изрѣдка попугай и горлицы. Мой искусный на всѣ руки хозяинъ ставилъ на нихъ сѣлки и, случалось, ловилъ ихъ по нѣскольку штукъ. Къ несчастію, на островѣ Чорта не было дозволено употреблять огнестрѣльное оружіе, а то, не считая пернатой дичи, мы могли бы часто имѣть къ своему столу огромныхъ ящерицъ, водящихся въ разсѣлинахъ скаль, мясо которыхъ превкусное. Но рыболовъ и охотникъ, мой хозяинъ обладалъ также способностями хорошаго земледѣльца и сельскаго хозяина, онъ заботливо ходилъ за фруктовыми деревьями, разводилъ овощи, имѣлъ у себя курятникъ и голубятню, и даже кроликовъ.

Что бы я сталъ дѣлать безъ этого способнаго человѣка, говорилъ я самъ себѣ, пришлось бы мнѣ питаться однимъ сухимъ хлѣбомъ; сколько я ни раздумывалъ, выходило, что ничего путнаго изъ получаемыхъ отъ казны припасовъ я сдѣлать не могу, въ перспективѣ предстояло какое-то крошево безъ имени, какая-то невозможная похлебка, которую хлебать было бы крайне противно.

И какими ничтожными показались мнѣ тогда всѣ мои знанія, которыя ни къ чему нельзя было примѣнить на островѣ Чорта! Какъ я завидовалъ тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые, прежде привыкнувъ къ полевымъ или ремесленнымъ работамъ, могли эти таланты употребить на пользу въ своемъ теперешнемъ положеніи! Имъ не приходилось до обморова сидѣть надъ книгами, а какое огромное преимущество здѣсь они имѣли предо мною, писателемъ и журналистомъ, въ мозгу котораго гнѣздились столько идей и столько познаній!

Что же я могъ сдѣлать, чтобы избавиться отъ роли паразита, чтобы внести и свою долю въ устроившуюся между нами двумя ассоціацію? Я могъ только принять на себя расходы по снабженію нашего погреба, — тогда, можетъ быть, уравнились бы доли каждаго изъ насъ, вносимыя въ общую кассу ассоціаціи. Но даже достигнувъ этимъ способомъ искомаго равновѣсія, я все-таки считалъ бы себя глубоко-униженнымъ, ибо мнѣ приходилось платить деньгами за свою неспособность, за невозможность уплатить равносильными услугами за тѣ услуги, которыя я самъ получалъ. Я все же оставался бесполезнымъ ртомъ, трутнемъ въ промышленномъ ульѣ острова Чорта.

Но не спѣшите обвинять меня за то, что я будто бы ни во что ставлю научныя знанія, будто желаю подчинить умственный трудъ труду физическому! Я очень хорошо знаю, что сколько виноваты привилегированные классы въ томъ, что они не даютъ физическому труду принадлежащаго ему мѣста, столько же неправы и рабочіе, считая лѣнивцами тѣхъ, кто посвящаетъ свою жизнь умственнымъ занятіямъ. Я хотѣлъ только сказать, что при удовлетвореніи первѣйшихъ потребностей человѣческой природы, физическій трудъ имѣетъ преимущество, и что выкинутый изъ среды, въ которой онъ живетъ, человѣкъ, неимѣющій привычки къ тѣлесному труду, дѣлается ничтоженъ и безсиленъ передъ нуждами, осаждающими его со всѣхъ сторонъ.

Я твердо убѣжденъ, что будетъ время, когда образованіе выйдетъ изъ узкаго круга исключительныхъ спеціальностей, когда оно перестанетъ быть привилегіей только для нѣкоторыхъ и станетъ развивать всѣ человѣческія способности; тогда полевой работникъ и ремесленникъ будутъ въ состояніи пользоваться плодами науки, а кабинетный ученый пріобрѣтетъ привычку искать полезнаго развлеченія въ ручной работѣ, съ одинаковымъ удобствомъ онъ будетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ своей природы и никогда не будетъ чуждъ условіямъ реальной жизни.

Выше я сказалъ, что свою долю въ ассоціаціи я намѣреваюсь вносить деньгами. Чтобы не ввести въ заблужденіе читателей, которые могутъ подумать, что ссыльнымъ легко сносятся съ своими семействами и получать отъ нихъ деньги, считаю нужнымъ замѣтить, что попечительное начальство не оставило своимъ вниманіемъ это обстоятельство и регламентировало его, какъ и всякія другія отношенія на островѣ Чорта. Изъ фондовъ, присылаемыхъ ему семействамъ, ссыльный могъ получать не болѣе трехъ франковъ въ недѣлю, и только въ случаѣ крайней безотлагательной надобности, по особому разрѣшенію, ему выдавали пять франковъ. Я не даромъ прожилъ четыре года въ изгнаніи и пробылъ пять лѣтъ въ тюрьмѣ и потому принялъ своя мѣры. Я припряталъ нѣсколько двадцати-франковыхъ монетъ и избавился отъ непріятной необхо-

димости испытывать на себѣ строгую экономію. съ какой администрація распоряжается деньгами заключенныхъ.

Я говорилъ также о винѣ, но да не подумаютъ мои читатели, что вино въ изобиліи льется на островѣ Чорта, и ссыльные могутъ предаваться вакхическимъ оргіямъ. Разувѣрьтесь, довѣрчивые люди! Вы забываете, что администрація имѣетъ привычку соваться всюду. Вино было дозволено покупать исключительно по воскресеньямъ и только по 25 сентилитровъ (мѣра въ 4 рюмки) на человѣка; этимъ распоряженіемъ администрація полагала устранить возможность пьянства между заключенными. Между тѣмъ въ Гвианѣ, гдѣ сильная жара, въ соединеніи съ сыростью, быстро ослабляетъ силы человѣка, — вино для европейца составляетъ спасительное средство, избавляющее его отъ многихъ болѣзней. Но какое дѣло администраціи заботиться о здоровьи ссыльнаго люда; чѣмъ болѣе она будетъ дѣлать непріятностей заключеннымъ, тѣмъ, значитъ, она лучше исполняетъ свой долгъ.

Пришелъ вечеръ моего перваго ссылочнаго дня и для меня представилось новое затрудненіе. Мнѣ приходилось спать на голомъ полу, такъ какъ надсмотрщикъ не подумалъ позаботиться о выдачѣ мнѣ матеріаловъ для постели. Впрочемъ, для меня, который семь съ половиною мѣсяцевъ не спалъ на кровати, такое лишеніе не составляло особой важности: одной ночью больше или меньше не все ли это равно; и я уже хотѣлъ расположиться какъ можно удобнѣе на своемъ твердомъ ложѣ, какъ вдругъ жандармскій унтеръ-офицеръ отдалъ въ мое распоряженіе диванъ, стоявшій въ квартирѣ бывшаго командира острова. Этотъ сильно подержанный диванъ былъ роскошнымъ ложемъ въ сравненіи съ административной кроватью, попечительнымъ начальствомъ придуманной для заключенныхъ на островѣ Чорта.

Спальня, гдѣ мы обязаны были ночевать, помѣщалась въ большой продолговатой залѣ въ десять сажень длины и три ширины; въ длину ея, по обоямъ сторонамъ, на извѣстномъ разстояніи были утверждены продольные брусья, поддерживаемые столбами. Это и были основанія для кроватей ссыльныхъ. Каждый изъ нихъ прикрѣплялъ въ этииъ брусьямъ парусину, на манеръ морскихъ коевъ — и по-

стель была готова. Такое устройство было просто и экономно въ высшей степени, такъ что самыя индѣйцы, подвѣшивающіе свои гамаки къ бамбуковымъ деревьямъ и лианамъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, въ этомъ отношеніи не могли питать никакой зависти къ цивилизованнымъ людямъ на островѣ Чорта.

Въ первую же ночь своего пребыванія на островѣ, я близко познакомился съ гвіанскими москитами и комарами, сразу объявившими мнѣ жестокую войну. Первыхъ здѣсь считаютъ болѣе страшными, чѣмъ послѣднихъ, и въ самомъ дѣлѣ москиты кусаются больнѣе. Но за то комары надоѣдливѣе москитовъ. Москитъ нѣмъ, какъ рыба, онъ тихо опускаетъ въ вашу кожу и вынимаетъ оттуда свое жало, а комаръ, своимъ надоѣдающимъ жуужаніемъ заранѣе даетъ вамъ знать, что скоро вы должны будете стать его жертвой; боль отъ укушенія москита продолжается не болѣе секунды и исчезаетъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; укушеніе комара производитъ зудъ, сильно раздражающій, и значительно вздуваетъ кожу; знаки его укушенія остаются довольно долго, несравненно дольше, чѣмъ укушенія европейскихъ комаровъ, совершенно безвредныхъ существъ въ сравненіи съ гвіанскими.

Утромъ я пошелъ осматривать островъ. Нигдѣ нѣтъ большихъ деревьевъ, только кустарники, растущіе въ невоздѣланныхъ частяхъ острова, даютъ тѣнь, слишкомъ ничтожную для Гвіаны. Между тѣмъ на сосѣднихъ островахъ была богатая тропическая растительность. Я никакъ не могъ объяснить себѣ причины такого каприза природы. Но товарищи скоро разъяснили мнѣ мое недоумѣніе. Это произошло по капризу не природы, а администраціи. Когда первые политическіе ссыльные прибыли на островъ Чорта, они нашли здѣсь деревья всякихъ родовъ, и натурально прежде всего воспользовались ими для постройки себѣ избъ, а потомъ и для устройства шкунъ, на которыхъ нѣкоторымъ изъ нихъ удалось убѣжать. Администрацію сильно раздосадовало такое своеволие и она сорвала свой гнѣвъ на деревьяхъ, какъ на невольныхъ пособникахъ бѣгства. Противъ нихъ было предписано повальное истребленіе и ихъ вырубали одно за другимъ. Лишенные естественной верьфи, которую они имѣли подъ рукою, ссыльные вспомнили, что

ихъ избы сложены срубомъ, они стали разбирать ихъ и употреблять для постройки новыхъ лодокъ. Узнавъ объ этомъ, раздраженная администрація опять прибѣгла къ тому же героическому средству, которое уже разъ пускала въ дѣло. Избы были совершенно разрушены и весь лѣсъ, который еще оставался на островѣ, тщательно вывезенъ.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ и я по немногу начиналъ свыкаться съ прозябательной жизнью, какою вели мои товарищи: я получилъ свое мѣсто въ общей спальнѣ, ходилъ на переключку, вставалъ и ложился спать по пушечному выстрѣлу, однимъ словомъ, я уже ничему не удивлялся, какъ не удивлялись ветераны, прошедшіе долгіе годы на островахъ Спасенія.

Дольше всего я не могъ освоиться съ формальностью переключки, на которую, впрочемъ, всѣ мои товарищи смотрѣли, какъ на дѣло, правда непріятное, но неизбежное. Во всѣхъ французскихъ тюрьмахъ, гдѣ я сидѣлъ, политическіе изгнанники были избавлены отъ этой тяжелой формальности, такъ сильно оскорбляющей заключеннаго, на долю котораго и безъ того выпадаетъ не мало другихъ оскорбленій, и избавленіемъ отъ нея обязаны единственно своимъ усиліямъ и своей энергіи. Я старался возбудить такую же энергію между новыми моими товарищами по ссылкѣ, я представлялъ имъ, что это стѣснительное правило на островѣ Чорта еще тягостнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ: оно заставляетъ человѣка бросить, можетъ быть, и очень серьезное занятіе и сѣсть въ опредѣленный часъ къ казармѣ для совершенно лишней и ни къ чему неведущей формальности. Мои старанія не пропали даромъ. Вскорѣ на островъ пріѣхалъ баталіонный командиръ Плянъ, начальникъ на островахъ Спасенія. Ссылные обратились къ нему съ своей просьбой уничтожить формальность переключки, но добились только того, что число переключекъ было уменьшено. Плянъ велѣлъ уничтожить шести-часовую и выдать ссылнымъ, кто будетъ просить, всѣ инструменты, необходимые для работъ. Мнѣ нечего было просить, и я ничего не просилъ, но командиръ самъ вспомнилъ обо мнѣ: онъ разрѣшилъ мнѣ спать въ моей хижинѣ и позволилъ совсѣмъ не приходить на переключку. Оба разрѣшенія были для меня весь-

ма пріятны. Представлялось одно затрудненіе—у меня совѣсть не было хижины, а спать въ той, въ которой я проводилъ день вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ, не было никакой возможности. Узнавъ объ этомъ затрудненіи, Плянъ позволилъ мнѣ помѣститься въ свободной комнатѣ бывшаго командира, пока я выстрою себѣ свою хижину, для чего велѣлъ отпустить мнѣ необходимый матеріаль.

Всѣми этими облегченіями я обязанъ отчасти рекомендаціи вице-адмирала Лапласа — командиръ „Сены“ просилъ обо мнѣ Пяна именемъ адмирала;—отчасти же самому Пяну, который вообще желалъ всѣми зависящими отъ него средствами облегчить безотрадное положеніе ссыльныхъ. Облегченія, мнѣ сдѣланныя, были такъ неожиданны, что не возбудили зависти ни въ одномъ изъ моихъ товарищей. Впрочемъ не я первый воспользовался такими облегченіями, до меня было два подобныхъ же случая, но тогда они были разрѣшены въ видѣ чрезвычайнаго исключенія, о чемъ было торжественно объявлено прочимъ ссыльнымъ.

Надо было приняться за постройку хижины, но какъ? Со стыдомъ я сознавался себѣ, что рѣшительно не знаю, какъ взяться за такое дѣло. Мое затрудненіе поняли двое товарищей, хорошо знакомые съ каменнымъ и плотничьимъ дѣломъ, и предложили мнѣ свои услуги. Посрединѣ острова, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ его, стояла полуразрушенная хижина. Соединенными усиліями мы привели ее въ приличный видъ. На этотъ разъ мнѣ удалось какъ слѣдуетъ отблагодарить моихъ товарищей-помощниковъ, давая имъ уроки французскаго языка и исторіи.

Со времени постройки хижины, пребываніе на островѣ стало мнѣ казаться менѣе ужаснымъ. Мое жилище не походило ни на дворецъ, ни даже на обыкновенную свосную крестьянскую избу, канурочка моя была маленькая, квадратная, въ каждую сторону по четыре аршина, въ ней не было самыхъ нищенскихъ удобствъ, я не могъ позволить себѣ самага нищенскаго комфорта, но за то я былъ относительно свободенъ, я былъ избавленъ отъ лицезрѣнія своихъ тюремщиковъ. На моей деревянной кровати не лежало ни матраца, ни подушекъ, ихъ замѣняли сухіе маисовыя листья, но я спалъ такъ крѣпко, какъ не спать многіе на богато-убранныхъ посте-

ляхъ; ни страхъ, ни угроженія совѣсти не тревожили моего спокойнаго сна.

Я все еще былъ плѣнникомъ, но я наконецъ принадлежалъ самъ себѣ. Я имѣлъ убѣжище, гдѣ я могъ безпрепятственно вызывать свои воспоминанія, воспламенять себя надеждами, давать пищу уму и сердцу. Мнѣ, наконецъ, можно было сосредоточивать мои мысли, что, разумѣется, легко сдѣлать въ тишинѣ одиночной тюрьмы, и чего невозможно достигнуть при шумѣ и гамѣ толпы въ общихъ мѣстахъ заключенія.

Вечерняя вѣстовая пушка потеряла для меня значеніе повелительнаго органа, зовущаго къ рабской подчиненности, подъ прісмотръ полиціи; теперь, напротивъ, ея гулъ приносилъ мнѣ свободу: послѣ ея выстрѣла все замолкало на островѣ и только я одинъ могъ ходить по всѣмъ направленіямъ острова, въ границѣ оцѣпленныхъ часовыми; въ эти минуты я могъ считать себя живущимъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ.

Какіе прелестные разговоры велъ я тогда самъ съ собою, лежа на вершинахъ скалъ и любясь таинственной красотой великолѣпныхъ гвіанскихъ ночей. Я думалъ тогда о моемъ несчастномъ отечествѣ, такомъ великомъ нѣкогда между всѣми народами и такъ безотрадно упавшемъ въ настоящее время! Мечталъ я о скорой побѣдѣ правды и справедливости, о братствѣ и счастіи людей! И о чемъ хорошемъ не мечталъ я тогда!

Ежедневно нѣсколько часовъ я посвящала тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые пожелали съ моею помощію дополнить свое недостаточное первоначальное образованіе. Я перечитывалъ небольшое количество книгъ, привезенныхъ мною на островъ; я немного писалъ, много думалъ, и когда приходилъ вечеръ, я могъ всегда сказать себѣ, что этотъ день не былъ для меня вполнѣ потеряннымъ.

Тутъ вышелъ со мною непріятный случай, едва не самый непріятный изъ всѣхъ, какіе привелось испытать мнѣ во время ссылки.

Приближалось время отправки ежемѣсячной почты, я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы успокоить, насколько это было возможно, мое семейство и друзей относительно моего поло-

женія. Окончивъ письма, я вложилъ ихъ въ одинъ конвертъ съ адресомъ моей матери и положилъ пакетъ незапечатаннымъ въ почтовый ящикъ. Хотя пять лѣтъ тюрьмы должны бы были освоить меня съ этимъ унижительнымъ обязательствомъ, я никогда не могъ подчиняться ему, не ощутивъ всякій разъ глубокое негодованіе. Но какъ ни унижительно было это обязательство, администрація острововъ Спасенія нашла необходимымъ сдѣлать пиллюлю еще болѣе горькой.

Командиръ Пляжъ въ то время замѣненъ былъ капитаномъ Дамосомъ, человѣкомъ придирчивымъ, который, не смѣя наложить руку на облегченія, допущенныя его предшественникомъ, досаждалъ заключеннымъ разными мелочными неприятностями.

Мои письма были возвращены мнѣ назадъ на томъ основаніи, что я не исполнилъ правилъ, касающихся пересылки писемъ ссылными; но объ этихъ правилахъ до сихъ поръ я не имѣлъ никакого понятія, никто объ нихъ не заикнулся мнѣ ни однимъ словомъ. Корреспонденцію съ своимъ семействомъ ссылнымъ дозволялось вести только при соблюденіи слѣдующихъ трехъ правилъ: 1) представлять письмо безъ конверта; 2) оставлять на страницѣ треть поля; 3) подписывать свое имя крупными буквами, въ особой строкѣ, съ прибавленіемъ слова *ссылный* и съ обозначеніемъ номера категоріи и отдѣленія, къ которымъ пишущій принадлежитъ.

Получивъ обратно свои письма при такихъ дикихъ и смѣшныхъ замѣчаніяхъ, доказывающихъ только желаніе безъ всякой цѣли мучить заключеннаго, я было думалъ советѣмъ отказаться отъ переписки, но размысленіе скоро привело меня къ другимъ идеямъ. Я не имѣлъ права для своего самолюбія жертвовать спокойствіемъ и, можетъ быть, даже жизнью своего семейства, а потому рѣшился подчиниться глупому требованію. Я снова переписалъ свои письма.

Черезъ три мѣсяца, переходя изъ полиціи въ полицію, они, наконецъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ были выданы по адресу. Въ это же время состоялось мое новое переселеніе въ Кайену.

IV.

Этимъ переселеніемъ, какъ и многими другими сносными минутами на островѣ Чорта, я обязанъ, какъ узналъ впоследствии, командиру Плянну. Я никогда не рассчитывалъ на подобную переѣзную своей участи и былъ не мало изумленъ, когда она состоялась. Я зналъ, что многіе политическіе ссыльные живутъ въ Кайенѣ, зналъ, что имъ тамъ живется не особенно хорошо, пожалуй несколько не лучше, чѣмъ намъ на островѣ Чорта, но никогда и не помышлялъ о возможности такъ скоро распрощаться съ своей непривлекательной тюрьмой. Зналъ я и то, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей были переводимы съ острова Чорта въ другія мѣста, но побывъ внѣ этого острова недолгое время, охотно возвращались назадъ въ свои избенки, къ которымъ успѣли привыкнуть и потому чувствовали къ нимъ какое-то непонятное расположеніе, родъ недуга. Я не имѣлъ причинъ особенно радоваться этой переѣзѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣль могъ я искать въ ней, какія выгоды могъ я приобрести отъ переселенія изъ одной тюрьмы въ другую. Мое положеніе отъ этого могло даже ухудшиться. Мнѣ говорили, что многіе изъ политическихъ ссыльныхъ находятъ занятія въ канцеляріяхъ колониальной администраціи. Но самыя убѣдительныя на мои глаза причины не позволяли мнѣ принимать какое бы то ни было участіе въ работахъ администраціи. По своимъ убѣжденіямъ я слишкомъ расходился съ людьми, признавшими декабрьскій переворотъ, чтобы могъ тѣмъ или другимъ способомъ помогать ихъ дѣятельности. Никакія сдѣлки съ совѣстію не могли допустить меня приложить свою руку къ бюджету второй имперіи. Я не зналъ никакого ремесла, которое могло бы дать мнѣ вѣрный кусокъ хлѣба. Значить для меня закрывалась возможность сноснаго существованія въ Кайенѣ. Къ тому же я до такой степени былъ убѣжденъ въ томъ, что одна только переѣзная въ нашей правительственной системѣ можетъ освободить меня изъ тюрьмы на островѣ Чорта, что я серьезно организовалъ въ своей головѣ цѣлую серію работъ, которыя должны были поддерживать мою энергію до тѣхъ поръ, пока Франціи угодно будетъ опять призвать меня на родину.

11 ноября 1858 года я сидѣлъ въ своей избушкѣ и, по обыкновенію, размышлялъ, какъ я проведу сегодняшній день. Былъ очень ранній часъ утра. Стукъ въ мою дверь вывелъ меня изъ размышленія. Двое изъ моихъ товарищей вопли ко мнѣ. Нѣсколько времени тому назадъ они заявили правительству свое желаніе получить въ аренду землю на Королевскомъ островѣ; такое раннее посѣщеніе ихъ я приписалъ полученному ими разрѣшенію и успѣшилъ поздравить ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ ихъ хлопотъ.

— Дѣло идетъ вовсе не о насъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.— Получено приказаніе о вашемъ переводѣ въ Кайену; черезъ два часа вы сядете на барку, которая доставитъ васъ туда.

Я не хотѣлъ вѣрить этимъ словамъ, я принималъ ихъ за шутку, но черезъ нѣсколько минутъ, когда пришло официальное подтвержденіе въ образѣ жандарма, я по неволѣ долженъ былъ повѣрить.

Тюрьма и долгія страданія развиваютъ въ человѣкѣ недовѣрчивость; первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, было убѣжденіе, что эта перемѣна въ моей судьбѣ совершается съ единственною цѣлію подчинить меня новымъ строгостямъ и сдѣлать мою жизнь еще болѣе тяжелой. Вѣроятно до администраціи дошли слухи о томъ, что я ужѣлъ устроить сносно свою жизнь на островѣ Чорта,—и она сочла за нужное лишить меня нещенскаго спокойствія.

Но къ чему могли послужить разсужденія, когда слѣдовало повиноваться безпрекословно, и я успѣшилъ сдѣлать необходимыя приготовленія для отъѣзда.

Изъ всѣхъ товарищей, съ которыми мнѣ пришлось вмѣстѣ нести горькую участь на островѣ Чорта, особенную симпатію возбуждалъ во мнѣ Тибальди. Мягкость его характера, привлекательность манеръ, достоинство его поведенія столько же, какъ и его несчастія вселяли къ нему невольное уваженіе и привязанность. Въ его глазахъ свѣтились разумъ и энергія и кротость, въ его молодой, прекрасной и благородной фигурѣ видна была сила и рѣшительность. Онъ не получалъ никакихъ извѣстій о своемъ семействѣ, онъ ничего не зналъ о томъ, что дѣлается съ его друзьями во Франціи, и никогда никто не слышалъ отъ него ни упрека, ни жалобы на такое лишеніе. Онъ всегда готовъ былъ сдѣлать

одолженіе всякому своему товарищу, онъ обращался со всѣми ими одинаково ровно, одинаково любезно, и между всѣми сосланными на островъ Чорта, людьми самыхъ разнообразныхъ характеровъ и убѣжденій, онъ имѣлъ многихъ друзей и ни одного врага.

Я полюбилъ его отъ всей души и, покидая островъ Чорта, мнѣ особенно грустно было разставаться съ этимъ прекраснымъ человекомъ; мнѣ казалось, что я значу кое-что въ его жизни и онъ почувствуетъ еще большую пустоту, когда разстанется со мной. Я далъ себѣ слово, какъ только устроюсь въ Кайенѣ, употребить всё усилія для перевода его туда же.

Судя по необыкновенной предупредительности, съ какой проводжали меня жандармы и надсмотрщики съ острова Чорта, я убѣдился, что переселеніе мое въ Кайену считается облегченіемъ моей участи.

Меня приняли на борту шкуны Э, предназначенной плыть въ Кайену, но прежде намъ слѣдовало зайти на островъ Жозефа, резиденцію начальника острововъ Спасенія, хотя тамъ намъ рѣшительно нечего было дѣлать. Бюрократическая формалистика требовала, чтобы самъ командиръ отправилъ меня. Вслѣдствіе этого я долженъ былъ провести на островѣ Жозефа большую часть дня, скучая немилосердно и ставя въ чрезвычайно непріятное положеніе мѣстную администрацію, незнавшую, какимъ образомъ накормить меня, такъ какъ казна для подобныхъ случаевъ не отпускала ни копѣйки денегъ.

Осужденный на полнѣйшее бездѣйствіе, не имѣя кому сказать слово, я употребилъ навязанную мнѣ праздность на осмотръ острова Жозефа. Онъ выглядѣлъ несравненно красивѣе острова Чорта и на немъ была замѣтна болѣе дѣятельная жизнь, чѣмъ на нашемъ островѣ. Во всѣхъ мастерскихъ работали бывшіе преступники, осужденные за обыкновенныя преступленія.

Между рабочими въ мастерскихъ я встрѣтилъ нѣсколько человекъ изъ числа прибывшихъ сюда вмѣстѣ со мною на „Севѣ“. Я узналъ, что изъ 36 человекъ ихъ осталось только 25, остальные 11 умерли въ первыя же три недѣли послѣ высадки на берегъ! Этотъ страшный результатъ говорить самъ за себя весьма

краснорѣчиво; онъ слишкомъ очевидно показываетъ, какъ велики страданія, испытываемыя ссыльными во время переѣзда ихъ на мѣсто ссылки, и какъ вообще нелѣпа и безчеловѣчна самая система ссылки европейцевъ въ Гвіану. „Эти люди представляютъ опасность для общества, и потому дозволительны всякія средства для очищенія отъ нихъ метрополіи“, съ приличнымъ краснорѣчіемъ твердятъ разные публицисты, сильно пополнѣвшіе подъ крыломъ второй имперіи, но справедливость и гуманность съ презрѣніемъ отвертываются отъ такой іезуитской казуистики. Было время и во Франціи, когда пресса и трибуна указали обществу на это громадное гвіанское кладбище, гдѣ зарыты тысячи несчастныхъ; ихъ голосъ былъ услышанъ, ссылка туда почти прекратилась; но пришли декабрьскіе дни, и съ ними возвратилась прежняя система ссылки, впрочемъ, дополненная еще большими тягостями и стѣсненіями. Франція такъ упала, что она даже позабыла, что когда-то отличалась своимъ великодушіемъ. Позволивъ, послѣ второго декабря, убить; изгнать и сослать сотню тысячъ своихъ самыхъ достойныхъ дѣтей, могла ли она требовать большей справедливости для осужденныхъ по обыкновеннымъ преступленіямъ?

Наконецъ я попалъ на шкупу и черезъ нѣсколько часовъ передо мной открылось живописное мѣстоположеніе Кайены. Но я не могъ попасть въ городъ прямо со шкуны, бюрократическія тонкости изобрѣли переходную ступень: мнѣ слѣдовало пробыть нѣкоторое время на понтонѣ Гардьенъ, гдѣ работали каторжники. Для чего это дѣлалось — понять было трудно, такъ какъ черезъ два часа за мной пріѣхала лодка; меня перевезли въ Кайену и представили въ центральное бюро ссыльныхъ. Черезъ четверть часа я вышелъ изъ бюро, и передо мной открылась гостепріимная дверь неизвѣстнаго мнѣ до сихъ поръ друга; я наконецъ причалилъ къ берегу.

Въ послѣдніе годы мнѣ пришлось много выстрадать, но 1858 годъ въ моей жизни, полной всевозможныхъ бѣдствій, долженъ считаться однимъ изъ самыхъ для меня бѣдственныхныхъ; впродолженіи его я испытывалъ стѣсненія, грубости, всевозможныя бѣдствія, выпадающія почти всегда на долю побѣжденныхъ. Но я смѣло могу

сказать, что всё эти невзгоды я выдерживалъ съ твердостью и достоинствомъ, ни разу и нигдѣ я не уронилъ своего человѣческаго достоинства и тѣхъ принциповъ гуманности, свободы и независимости, знамя которыхъ я держалъ твердою рукою въ счастья и несчастія. Но какъ ни былъ я спокоенъ и твердъ передъ страданіями, должно признаться, я почувствовалъ слабость ребенка, встрѣтивъ братскій и дружескій приемъ въ Кайенѣ. Сердце сильно забилося въ моей груди, когда, переступивъ порогъ дома моего новаго знакомаго, я замѣтилъ, съ какой благородной деликатностію, съ какимъ предупредительнымъ вниманіемъ встрѣтили меня здѣсь. Въ моихъ тогдашнихъ чувствахъ — утверждаю это смѣло — не было ни капли эгоизма. Меня тронула въ ту минуту до глубины души и восхитила не радость неожиданнаго избавленія изъ ужасной тюрьмы, но сознаніе, что и за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, я, осужденный на забвеніе и страданіе, встрѣтилъ человѣка, который, зная меня только по слухамъ, рѣшился великодушно стать между несчастіемъ и мною, открывъ мнѣ свои объятія и сердце.

Александръ Франкони родился во французской Гвіанѣ, но воспитывался во Франціи. По натурѣ впечатлительный, вращаясь въ лучшихъ кружкахъ тогдашняго французскаго общества, онъ усвоилъ себѣ передовыя идеи и убѣжденія, и въ тридцатыхъ годахъ возвратившись на родину, сталъ горячимъ пропагандистомъ прогресса въ отдаленной, заброшенной французской колоніи. Его усилія не пропали даромъ, многихъ юношей заставилъ онъ учиться, многихъ черствыхъ эгоистовъ обратилъ въ свою религію гуманности и свободы. Занимаясь также торговыми оборотами, онъ доказалъ, что даже въ колоніяхъ можно вести дѣла вполне честно и не только не терпѣть отъ этого убытковъ, напротивъ, вести ихъ съ болшею выгодною для себя и на пользу общества.

Его общественное положеніе и вліяніе росли постоянно, его демократическія политическія убѣжденія сдѣлали его самымъ популярнымъ человѣкомъ въ странѣ и поставили на такой высотѣ, что мѣстная администрація, хотя и смотрѣла очень косо на этого человѣка, діаметрально расходящагося съ нею въ убѣжденіяхъ, однакожъ ничего не смѣла предпринять противъ него. Таковъ былъ

человѣкъ, принявшій меня такъ братски и дружественно въ своемъ домѣ въ Кайенѣ.

Никогда я не забуду дня 14 ноября, который для меня былъ прямымъ днемъ воскресенья. Еще вчера я былъ нумеръ, я былъ одѣтъ, какъ каторжникъ, я получалъ паекъ, какъ каторжникъ, я исполнѣ зависѣлъ отъ расположенія духа пьянаго тюремщика; а сегодня я нахожусь въ дружескомъ домѣ, вижу симпатичныя лица моихъ хозяевъ, упиваюсь музыкой разумнаго разговора, мои себе-сѣдники держатся тѣхъ самыхъ убѣждений, за служеніе которымъ я заплатилъ долгимъ страданіемъ и лишениями, — все вокругъ меня напоминаетъ европейскую цивилизацію, все говорятъ о комфортѣ.

И чтобы ничто не напоминало мнѣ прошлаго, по выходѣ изъ ванны, я не нашелъ своего прежняго арестантскаго платья, а вмѣсто него въ моймъ услугамъ былъ предложенъ полный костюмъ, какой носятъ обыкновенно всѣ цивилизованные люди. Мнѣ казалось, что я очнулся послѣ продолжительнаго сна.

Франкони имѣеть двухъ сыновей, оба они идутъ по слѣдамъ своего достойнаго отца. Младшій изъ нихъ, въ то время еще четырнадцатилѣтній юноша, по желанію отца, сталъ моимъ ученикомъ.

Официально я все еще оставался ссыльнымъ и долженъ былъ подвергаться многимъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ этимъ званіемъ, но мнѣ жилое уже такъ хорошо, въ сравненіи съ прежнимъ, что я не чувствовалъ ихъ. Рекомендація Франкони открыла мнѣ входъ во многіе дома города и мало-по-малу сама администрація оставила меня совершенно въ покоѣ и дала мнѣ полную свободу дѣйствій. Въ кайенскомъ обществѣ была партія людей, требовавшая, чтобы политическіе ссыльные были подчинены тѣмъ же правиламъ, каковымъ подчинялись ссыльные по обыкновеннымъ преступленіямъ, но она должна была умолкнуть, когда Франкони предложилъ свою дружбу одному изъ этихъ ссыльныхъ. Вездѣ и во всякое время, гдѣ было это нужно, Франкони ратовалъ въ мою пользу. Онъ говорилъ всѣмъ, что прежде я былъ извѣстнымъ журнальнымъ дѣятелемъ, что я занималъ общественныя должности, а въ глазахъ самыхъ рьяныхъ раціонаровъ, т. е. огромнаго большинства крео-

ловъ, эти титулы имѣли большой вѣсъ и давали право на уваженіе. Пылкія рѣчи моего защитника расшевелили ихъ, и многіе изъ нихъ, нѣкогда преслѣдовавшіе и притѣснявшіе моихъ предшественниковъ, политическихъ ссыльныхъ, своимъ вниманіемъ ко мнѣ какъ будто старались загладить свою вину.

И администрація обратилась ко мнѣ съ предложеніями: начальникъ гражданскаго управленія колоній желалъ помѣститъ меня въ своей канцеляріи, но я отказался отъ этой чести. Однакожь желая чѣмъ нибудь заниматься въ свободное время, котораго оставалось у меня слишкомъ много, я согласился работать у казначея; должность моя не была официальной и я получалъ свое вознагражденіе не изъ государственнаго бюджета.

Свой день я распредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: отъ 6 до 7 часовъ утра я работалъ съ юнымъ Франкони; потомъ шелъ къ казначею и оставался тамъ до 10 часовъ; въ 12 часовъ я опять шелъ къ нему и работалъ у него до 4 часовъ, отъ 4 до 6 другой урокъ у Франкони. Въ 6 часовъ мы обѣдали, а въ 9, какъ требовалось правилами о ссыльныхъ, я шелъ домой. И въ этомъ случаѣ я пользовался привилегіей; прочіе ссыльные обязаны были приходить домой въ 7 1/2 часовъ, о чемъ ихъ извѣщали пушечнымъ выстрѣломъ.

Впоследствии распредѣленіе моего дня нѣсколько измѣнилось: у меня прибавилось еще два урока: одинъ отъ 10 до 11 часовъ утра, другой отъ 6 до 7 часовъ вечера.

Друзья Франкони, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые раздѣляли его политическія убѣжденія, стали и моими друзьями. Ихъ было не мало и мы вмѣстѣ проводили время весьма пріятно.

Такъ шла моя жизнь до 28 сентября 1859 года, когда вслѣдствіе амнистіи окончилась моя ссылка. Я возвратился во Францію, гдѣ теперь опять дѣйствую на прежнемъ журнальномъ поприщѣ.

И.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛЮДИ Сороковыхъ и Шестидесятыхъ годовъ.

(По поводу романа г. Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ». Заря 1869 г.)

V.

Въ русскомъ народномъ лексиконѣ нѣтъ слова женщина, а есть баба и дѣвка. Если бы русскій романистъ издумалъ изобразить утонченныя муки возвышенныхъ любовныхъ чувствъ русской бабы, то каждый увидѣлъ бы въ этомъ смѣшную попытку неправдоподобной идеализаціи. Не то, чтобы русская баба или дѣвка не умѣла любить — онѣ любить умѣютъ, онѣ и мучатся, и ревнуютъ; онѣ совершаютъ даже уголовныя преступленія, если имъ хочется любить, но не удается, и при всемъ томъ, — драма вышла бы клеветой на народный бытъ и на народное міровоззрѣніе, недопускающее законность подобной страсти и сознательной борьбы.

Теперешнее народное, или, вѣрнѣе, мужицкое воззрѣніе на женщину, до Петра I было обще-русскимъ. Вся Россія, сверху до низу, не знала другой женщины, кромѣ бабы. Поэтому-то представитель людей сороковыхъ годовъ, Бѣлинскій, и говорить, что если русскій писатель, придерживаясь Вальтеръ-Скотта, захочетъ основать на любви планъ своего романа и цѣлію услій героя поставитъ руку и сердце вѣрной красавицы, то онъ покажетъ этимъ явно, что не понимаетъ Руси. „Я знаю, говорить Бѣлинскій, что наши бояре лезли черезъ тыны къ своимъ прелестницамъ, но это было оскорбленіе и искаженіе величавой, чинной и степенной русской жизни,

а не проявленіе оной; такихъ рыцарей почти наказывали ревнивцы плетью и кольями, а не раздѣлывались съ ними на благородномъ поединкѣ; такіа красавицы почитались безпутными бабами, а не жертвами страсти, достойными состраданія и участія. Наши дѣды занимались любовью съ законнаго дозволенія или мимоходомъ, изъ шалости, и не сердце клали къ ногамъ своихъ очаровательницъ, а показывали имъ заранѣе шелковую плетку и неуклонно слѣдовали мудрому правилу: «люби жену, какъ душу, а трясй ее, какъ грушу» или «бей ее, какъ шубу». Вообще сказать, мы еще и теперь любимъ не совсѣмъ по-рыцарски, а *исключенія ничего не доказываютъ*.

Вотъ это-то русское неумѣнье любить по-рыцарски, неумѣнье видѣть въ женщинѣ нѣчто большее, чѣмъ бабу, дало стремленіямъ людей сороковыхъ годовъ своеобразный характеръ, особенный цвѣтъ, наложило на эпоху такой отличительный признакъ, по которому ее не смѣшаешь ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ временемъ. Я не скажу, чтобы люди сороковыхъ годовъ оставались чуждыми и другихъ вопросовъ, но этотъ—больше всѣхъ былъ вопросомъ жизни, больше всѣхъ находилъ сочувствіе и былъ почти единственнымъ, допускавшимъ попытки практическаго разрѣшенія. Въ этомъ существенный признакъ людей сороковыхъ годовъ, являющихся отцами женскаго вопроса на русской почвѣ, ближайшими, непосредственными представителями теперешнихъ стремленій на томъ же пути.

«Знаете ли вы Китай, отечество крылатыхъ драконовъ и фарфоровыхъ чайниковъ?» спрашиваетъ Гейне въ одномъ мѣстѣ «Германіи». Вся страна есть кабинетъ рѣдкостей, окруженный безчеловѣчно-длинной стѣной и ста тысячами татарскихъ стражей. Но птицы и мысли европейскихъ ученыхъ перелетаютъ черезъ все это и, насмотрѣвшись на все вдоволь, возвращаются къ намъ рассказывать о чудесахъ этой любопытной страны и этого любопытнаго народа... Такой же Китай изображала и бывшая Россія, Россія своеобразная, чудная для европейскаго человѣка и тоже окруженная своей китайской стѣной, черезъ которую однако перелетали къ намъ европейскія птицы и европейскія мысли. Одна изъ такихъ хорошихъ европейскихъ мыслей перелетѣла изъ Европы еще разъ черезъ русскую стѣну...

Въ Германіи женщина давно уже перестала быть «бабой». Добродушные, идеальныя нѣмцы поняли раньше другихъ, что у женщины есть одно спасительное призваніе — стремиться къ нравственному идеалу, держать скипетръ высокой нравственности, творить пре-

красное, благотворное въ области высшихъ стремленій. И нѣмецкая женщина явилась дѣйствительно плодотворной, культурной силой, умягчившей нравы, помогшей нѣмецкому гению подняться на мировую высоту, принимавшей живое участіе въ умственной дѣятельности своего отечества. У каждаго великаго нѣмца была своя Лотхенъ, Гретхенъ или Анхенъ. Эти милѣйшія нѣмочки вдохновляли своихъ мужей или обожателей, онѣ служили ихъ ангелами-хранителями въ несчастіи, онѣ, какъ Шарлотта Штиглицъ, готовы были лишиться себя жизни, чтобы пробудить поэтическій гений мужчинъ, которыхъ онѣ любили. «Исторія и поэзія Германіи, говоритъ Шерръ, обязана своимъ существованіемъ не однимъ мужчинамъ; процессъ культуры, какъ и воспроизведенія человѣческаго рода, требуетъ участія женщины. Гете зналъ, что дѣлалъ, когда преобразилъ Фауста посредствомъ преображенной Гретхенъ. Что могло бы выйдти изъ Граббе, если бы и въ его жизни участвовали женщины, какъ онѣ участвовали во всей жизни Гете? Гретхенъ или Анхенъ были и у Граббе,—это его первая невѣста; но не было у него Фридерикъ, Лотты или Шарлотты; не было даже Христины Вульпусъ. Его волосальная поэзія потому такъ покинута граціями, что ни одна благородная женщина не вліяла на него магнетическою силою глубокаго сочувствія, красоты и нѣжности».

Но въ Россіи такихъ женщинъ не только не бывало въ дѣйствительности, не было даже и женскаго идеала. И вотъ люди сороковыхъ годовъ замыслили создать его, замыслили пробудить въ русскомъ чувствѣ небывалую до того культурную силу. Но гдѣ взять идеалъ, изъ какихъ элементовъ его составить, да и есть ли онъ еще на русской почвѣ? Задача оказывалась трудной, а между тѣмъ время пришло, жизнь требовала обновляющей силы, ибо только этой новой силой было возможно размягчить грубую русскую кору, только ею можно было гуманизировать русскаго человѣка. Но развѣ «баба» можетъ—гуманизировать, развѣ въ ней можно искать смягчающаго вліянія?..

Итакъ русская земля матеріала не давала. Не существовало ни общественнаго сознанія, ни широкихъ, гуманно-прогрессивныхъ стремленій. Все спало вокругъ. Если и являлась жизнь, выходящая за предѣлы русскихъ будней, то эта жизнь была затаенная, глухая, одиночно-исключительная, умственная, идеальная. Родное болото не производило ничего, кромѣ лишенной аромата клюквы, и никакая сила не создала бы изъ этого мертваго матеріала прогрессивный идеалъ. Европа и тутъ, какъ всегда, протянула намъ руку

помощи, перепустила черезъ русскую стѣну свою живую идею и— Россія узнала женщину. Эта готовая, и даже воплощенная въ форму идея перешла къ намъ съ романами Жоржъ Занда.

Жоржъ Зандъ явился въ Европѣ первымъ сильнымъ, гениальнымъ протестомъ противъ скотскаго понятія о женщинѣ. XVII и XVIII вѣка смотрѣли на женщину, какъ на орудіе для удовлетворенія животной похоти. Честное слово противъ такого взгляда никогда еще не было высказано съ такой силой и увлекательностію, какъ Жоржъ Зандомъ. „Ничто не можетъ сравниться съ прозой госпожи Зандъ, которой слогъ дѣйствуетъ на нервную систему, какъ симфонія Гайдна или Моцарта“, говоритъ Стюартъ Милль. Но одинъ слогъ не произвелъ бы еще революціи въ понятіяхъ. Симфонія слога служила формой такихъ плѣнительныхъ идеаловъ, что послѣ грубой чувственности XVIII вѣка женскіе образы, нарисованные Жоржъ Зандомъ, должны были открыть мысли и чувству совершенно новый міръ.

Жоржъ Занда укоряютъ въ идеализаціи. Но развѣ ему можно было дѣйствовать инымъ путемъ? Развѣ противъ скотской грубости можно было выступать съ слабой силой? Идеализація была единственно-вѣрнымъ и надежнымъ оружіемъ. Конечно въ послѣдствіи она могла вести и дѣйствительно повела къ новымъ ошибкамъ; но въ тотъ моментъ, когда Жоржъ Зандъ выставилъ ее адвокатомъ и щитомъ женщины, всякое другое оружіе оказалось бы неэффективнымъ.

Въ идеализаціи Жоржъ Занда нѣтъ ни приторной сантиментальности, въ которую такъ легко впадали нѣмецкіе идеалисты, нѣтъ и искусственности, которая бы могла обличить Жоржъ Занда въ клевету на жизнь, въ вымыслъ невозможнаго. Съ замѣчательной силой анализа Жоржъ Зандъ уводитъ васъ въ самые глубокіе тайники женскаго сердца, открываетъ вамъ новый міръ самыхъ честныхъ, благородныхъ, возвышенныхъ чувствъ, которыхъ вы и не подозревали, и рисуетъ вамъ образъ женщины, чистый, свѣтлый, едва не божественный.

Послѣ скотскаго взгляда, существовавшаго на женщину, этотъ глубокой психологической анализъ, находившійся всегда въ полной гармоніи съ вѣшной формой романовъ, долженъ былъ подѣйствовать неотразимо своею высокой, новой, глубокой правдой и благороднымъ взглядомъ на природу человѣка. Отъ романовъ Жоржъ Занда повѣяло новымъ, здоровымъ воздухомъ, не расслабляющимъ,

какъ поэзія г. Гончарова, а обновляющимъ силы, облагораживающимъ чувство и мысль, дѣлающимъ васъ лучше и умнѣе.

Менѣ сильный талантъ конечно не справился бы съ такою трудной задачей и проигралъ бы свое дѣло. Но тутъ на подмогу выступила новая сила—сила не одного творчества, а сила, вынесшая сама на себѣ все то, на защиту чего она ополчилась, сила, страдавшая страданіями своихъ героинь и опытомъ жизни извѣдавшая неудовлетворенность честныхъ человѣческихъ стремленій. Мужчина въ роли подобнаго адвоката былъ бы менѣ возможенъ—нужна была женщина. Вотъ двойной секретъ поразительнаго вліянія Жоржъ Занда и соціального значенія, которое получилъ его романъ.

Жоржъ Зандъ не становится на ходули чистой объективности, какъ это дѣлаетъ г. Писемскій, полагающій только въ ней секретъ художественности. У Жоржъ Занда вы въ каждомъ словѣ видите автора, человѣка хорошаго, честнаго, любящаго, необливающаго васъ грязью жизни, а напротивъ, старающагося извлечь изъ нея и поставить васъ на высоту облагороженнаго идеала. Жоржъ Зандъ разоблачаетъ предъ вами все хорошее, что можно найти въ человѣческой любви и этимъ самымъ заставляетъ васъ заглядывать въ самого себя, находить въ себѣ тѣ же хорошія черты и понимать другихъ такими, какими вы ихъ никогда не подозревали.

Опредѣлить коротко Жоржъ Занда, сдѣлать общій выводъ изъ его романовъ, совсѣмъ не такъ легко. Сказать, что романы Жоржъ Занда — исторія женской любви, значитъ сказать еще очень мало. Дѣйствительно, всѣ его женщины и мужчины влюблены другъ въ друга, и влюблены большею частію необыкновенно, т. е. такъ, какъ въ будничной жизни или совсѣмъ не случается или случается ужъ очень рѣдко. Но не собственно любовь воспѣваетъ Жоржъ Зандъ, хотя любовь у него всегда на первомъ планѣ. Мысль Жоржъ Занда глубже и богаче. Вамъ даютъ образы и идеалы во всемъ разнообразіи ихъ внутренняго міра, какимъ создала природа человѣка. А что такое жизнь? Можно ли опредѣлить ее, какъ опредѣляютъ геометрическую теорему, можно ли дать ее въ готовой формулѣ? Такъ и Жоржъ Зандъ. Вы видите образы во всемъ ихъ многообразіи, вы видите страданіе и счастье, вы видите всевозможныя положенія, и всѣ эти положенія облагораживаетъ и согрѣваетъ самая чистая любовь. Вамъ становится отрадно и легко, потому что васъ вводятъ въ міръ хорошихъ, честныхъ женщинъ, женщинъ хотя и исключительныхъ, идеальныхъ, но женщинъ возможныхъ,

съ которыми вы были бы счастливы въ несчастіи и еще болѣе счастливы въ счастіи.

Вотъ Эдмея — высокая, тонкая, прекрасная, непринужденная въ своихъ движеніяхъ дѣвушка. Въ ея улыбкѣ и взглядѣ сіяетъ не постижимое выраженіе какой-то душевной деликатности. Ей 17 лѣтъ, она весела и отважна; она не знала ни страха, ни недоувѣрчивости, ни страданій, какъ ангель, котораго не смѣло коснуться земное горе.

Во время одной охоты Эдмея сбилась съ дороги и попала въ замокъ Рошъ-Мопра. Этотъ Рошъ-Мопра пользуется въ народѣ дурной репутаціей и обитателей его зовутъ не иначе какъ Мопра-живодеры. Понятно, что Эдмею обуялъ ужасъ, когда она попала въ разбойничье гнѣздо, и ужасъ ея имѣлъ полное основаніе, потому что безъ женской хитрости и кокетства ей бы пришлось плохо отъ младшаго изъ прелестной семьи Мопра — Бернара. Бернаръ любилъ Эдмею. И какая противоположность! Прелестная, нѣжная, во вмѣстѣ съ тѣмъ энергическая Эдмея любила поэзію и философію, а Бернаръ былъ мастеръ только на пьянство, охоту и разныя дикія потѣхи. Молодость свою Бернаръ провелъ въ сообществѣ своихъ дядей, безнравственныхъ невѣждъ, и среди попойекъ и буйныхъ кутежей. Но любовь сдѣлала чудо, и Бернаръ, чтобы поправиться Эдмею, вздумалъ перевоспитать себя. Онъ сталъ брать уроки, во дикарь сидѣлъ въ немъ крѣпко, потому что онъ требовалъ любви Эдмеи съ угрозами. Эдмею это возмутило и виѣстѣ съ тѣмъ испугало; Бернаръ же думалъ, что она его ненавидитъ и презираетъ.

Разъ вечеромъ Бернаръ лежалъ въ углу парка, безнадежная любовь доводила его до отчаянія. Въ это время Эдмея прошла мимо его съ своимъ духовникомъ и Бернаръ слышалъ, что произносили его имя. «Его нужно удалить, говорилъ аббать, иначе вамъ будетъ грозить постоянной опасностью его дикая, разбойничья необузданность». — «Не бойтесь, отвѣчала Эдмея, вынимая изъ кармана небольшой ножъ въ перламутровой оправѣ. Если Бернаръ выведетъ меня изъ терпѣнія, не задумавшись ни минуты, я отдѣлаюсь отъ него этимъ ножомъ. Стоитъ только пустить ему кровь и пыкость его поубавится... Слушайте, аббать, и не примите моихъ словъ за преувелченіе; завтра, можетъ быть, сегодня вечеромъ, то, о чемъ я говорю, случится на дѣлѣ. Вы видите этотъ ножъ, онъ не слишкомъ страшенъ, но его точилъ Маркасъ, а Маркасъ мастеръ на это: Я уже рѣшилась и знаю, что мнѣ дѣлать. Рука у меня правда не сильна, но я сумѣю хватить себя ножомъ также.

какъ ударить лошадь хлыстомъ. Поэтому честь моя въ безопасности, но за то жизнь виситъ на волоскѣ...—Но неужели вы считаете возможнымъ выйти за Бернара? спросилъ аббатъ.—Какъ же мнѣ считать невозможностію то, что невозбѣжно? отвѣчала Эдмея. Я знаю очень хорошо, что чрезъ трое сутокъ послѣ свадьбы мнѣ останется только зарѣзаться. Я не много жалѣю о жизни... Этотъ разговоръ глубоко поразилъ Бернара и сдѣлалъ въ его чувствахъ внезапный переломъ. Бернаръ началъ до того сильно работать надъ собой, что захворалъ и едва не умеръ. Во время болѣзни Эдмея ухаживала за нимъ съ нѣжностію любящей сестры, а когда Бернару стало очень трудно, видѣли Эдмею, какъ она въ своей комнатѣ стояла на колѣняхъ, плакала и молилась. Когда Бернаръ выздоровѣлъ, Эдмея снова стала убѣгать его и бѣдняга съ отчаянія отправился на войну въ Америку. Прошло шесть лѣтъ. Бернаръ воротился и Эдмея, увидѣвъ его, долго и благоговѣнно прижимала его къ своему сердцу, не говоря ни слова. Бернаръ почувствовалъ, что его любятъ. Но и Бернаръ сталъ новымъ человекомъ—подъ грубой оболочкой у него скрывалось сердце честное и благородное... Не идеализація ли это любви и просвѣтительнаго назначенія женщины, которой суждено укрощать грубую силу и воспитать человѣчество?..

Женщина, выходящая изъ роли нѣжнаго чувства, развѣ не была клеветой на саму себя? и такой клеветой женщина являлась многіе вѣка; такой клеветой она являлась еще и въ недавнее прошлое, когда, надѣвъ на себя личину разврата, она вообразила себя дѣйствительно развратной, будучи чиста въ душѣ. Что такое «Маркиза», какъ не олицетвореніе этой раздвоенности, созданной средневѣковой грубостію нравовъ?

Маркиза, прелестнѣйшая женщина, какую только можно выдумать; правда, она капризна, легкомысленна, вѣтрена, но за то добра, простодушна.

Природа не дала маркизѣ пылкаго темперамента и потому она не знала страстей; но восемнадцатый вѣкъ, въ которомъ она жила, не справлялся съ темпераментомъ и просто требовалъ, чтобы каждая женщина имѣла любовника. Правда, тотъ же самый XVIII вѣкъ давалъ женщинѣ еще и другое—сдѣлаться ханжой, но ханжество было не въ характерѣ маркизы и она рѣшилась выбрать лучше любовника. Маркиза выбрала виконта де-Лорве, человѣка богатаго, знатнаго, но котораго она возненавидѣла черезъ три дня

и, несмотря на то, прожила съ нимъ шестьдесятъ лѣтъ. Это одна сторона, а вотъ другая.

На театрѣ французской комедіи игралъ актеръ, которымъ публика вовсе не восхищалась, но котораго маркиза нашла гениальнымъ. Въ этого актера, немолодого и некрасиваго, влюбилась маркиза. Чтобы предаваться совершенно свободно сердечнымъ ощущеніямъ, маркиза переодѣвалась каждый вечеръ гризеткой, вмѣшивалась въ толпу и, незамѣченная никѣмъ, отправлялась въ театръ, гдѣ и пряталась въ уголокъ маленькой ложи, которую нанимала собственно для этого. Здѣсь всѣми ея чувствами овладѣвало какое-то благоговѣніе; пока занавѣсъ не подымался, она сидѣла погруженная въ сладостное, упоительное самозабвеніе, въ ожиданіи чего-то торжественнаго. Маркиза горѣла восторгомъ, удерживала дыханіе, проклинала яркое освѣщеніе, утомлявшее ея глаза и мѣшавшее слѣдить за каждымъ движеніемъ, за каждымъ шагомъ ея кумира. Маркиза переживала высокія минуты наслажденія и страданія, слѣдя за сценической судьбой своего любимца. Это искусственное одушевленіе дошло до того, что маркиза наконецъ совершенно не различала сцены отъ дѣйствительной жизни. Леліо (актеръ) переставалъ существовать для нея; она видѣла въ немъ Родрига, Гипполита и т. д. Маркиза ненавидѣла его театральныхъ враговъ, проливала цѣлые потоки слезъ, когда онъ былъ несчастливъ, и едва удерживалась отъ вопля и отчаянія, если онъ падалъ мертвымъ. Въ антрактахъ маркиза лежала въ изнеможеніи въ глубинѣ ложи, пока не подымался занавѣсъ. И тогда—новая жизнь, новыя слезы, новыя страданія. Однажды, въ одно время съ нею, вышелъ изъ театра какой-то мужчина, которому машинистъ, поклонившись, сказалъ: «прощайте, г. Леліо». Маркиза никогда не видѣла Леліо близко. Она воспользовалась случаемъ и вошла за своимъ любимцемъ въ кофейню. Здѣсь она увидѣла человѣка лѣтъ тридцатипяти, желтаго, истощеннаго, увядшаго, говорившаго грубо, пившаго страшно водку, жавшаго руку всякой сволочи. Маркизѣ все это показалось сномъ, сномъ ужаснымъ, всѣ ея иллюзіи разлетѣлись однимъ разомъ. Черезъ нѣсколько времени ей пришлось увидѣть Леліо случайно еще разъ на сценѣ и она опять полюбила его страстно. Пять лѣтъ тянулась уже любовь маркизы и въ одинъ вечеръ она получила письмо отъ Леліо, который писалъ, что угадалъ ея любовь, что раздѣляетъ эту страсть, но, понимая невозможность соединенія, уѣзжаетъ навсегда и проситъ теперь лишь одной милости -- свиданья. Маркиза согласилась. Въ условленный

вечеръ Леліо игралъ Донъ Жуана. Торопясь на свиданье, онъ не успѣлъ снять свой костюмъ и показался маркизѣ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Послѣ взаимнаго признанія они разстались навсегда такими же цѣломудренными, какими встрѣтились.

А Квинтилія, эта гордая владѣтельница одного изъ маленькихъ итальянскихъ княжествъ! Тринадцати лѣтъ ее выдали заочно за одного стараго князя. Дворянинъ, замѣнявшій его при обрядѣ, былъ молодъ и хорошъ собой и его-то полюбила Квинтилія. Мужъ вскорѣ умеръ и Квинтилія обвинчалась съ Максомъ тайнымъ бракомъ. И сколько счастья было въ ихъ жизни, сколько восторговъ и упоенія; даже давно женатые они не переставали быть любовниками! Свѣтъ не зналъ ничего; но видя суровую неприступность и въ тоже время свободу обращенія Квинтиліи съ мужчинами, кончилъ, какъ и всегда, клеветой. «Въ отвѣтъ на клеветы свѣта, писала Квинтилія своему мужу, я уединяюсь въ твоемъ сердцѣ и живя среди людей, не имѣю ничего съ ними общаго. Чтобы не говорили обо мнѣ— я не тревожусь ничѣмъ. Я не нагнусь, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли грязи на дорогѣ, по которой мнѣ приходится идти:— пройду, оботру ноги на порогѣ твоего дома и ты примешь меня въ объятія, увѣренный, что я чиста и непорочна».

«Квинтилія», какъ и «Маркиза», отличается нѣсколько искусственнымъ построеніемъ, но Ж. Зандъ задался задачей извлечь женщину изъ грязи, въ которую ее втоптали и на верху и внизу, въ сливкахъ и въ поддонкахъ общества, и показать ту потребность чистаго чувства, которая не покидаетъ никогда женщины. Конечно въ маркизѣ любовь доходитъ до экзальтаціи, до иллюзіи, но не этимъ ли болѣзненнымъ процессомъ доказывается, что природу подавить нельзя, а можно только изуродовать, искалѣчить?

И какъ чужды женщины Ж. Занда именно той животной стороны, которая по преимуществу плѣняла мужчинъ. Не то, чтобы женщины эти были святы и непорочны, какъ ангелы. Далеко нѣтъ. Но чувства, которыми онѣ жили, имѣли иную подкладку. То было нѣчто, напоминающее очаровательныхъ нѣмочекъ, ласковыхъ, нѣжныхъ, готовыхъ на самое великодушное чувство, на самую безграничную привязанность. Какое прелестное созданіе, на примѣръ, Женевиѣва! Когда Андре объявилъ, что женится на ней и, уходя, коснулся губами ея головы, непорочная дѣвушка сказала, покраснѣвъ: «Какой странный! Кто же цѣлуетъ волосы?» Простая гризетка, она совершенно перевоспитала себя; но этого было еще мало, чтобы

маркизь, отецъ Андре, согласился на неравный бракъ. Тогда, съ болью въ душѣ, Женевьева рѣшилась отказаться отъ неблагоразумнаго супружества и уѣхала. Андре воротилъ ее. Но недостатокъ средствъ и нравственные страданія уложили бѣдняжку въ постель. Въ одну изъ минутъ отчаянія, больная, въ забытїи допустила погубить себя. Когда силы и разумокъ къ ней воротились, начались для несчастной новыя страданія. Она молчала, но изнывала душой; она не могла простить своему любовнику увлеченіе страсти и чувствовала, что съ каждымъ днемъ онъ становится для нея менѣе дорогъ. Можетъ быть, она любила его болѣе преданно, но онъ ужъ не былъ для нея безцѣннымъ другомъ и уважаемымъ наставникомъ: нѣжность еще уплѣла въ сердцѣ, но энтузіазмъ исчезъ. Блѣдная, задумчивая Женевьева лежала въ объятїяхъ своего друга, мечтая о томъ времени, когда они учились, не смѣя взглянуть другъ на друга, и это время, полное тревоги и надеждъ, было для нея неизмѣримо прїятнѣе теперешней полной непринужденности... Женевьева ошиблась въ Андре; онъ былъ ниже ея идеала, она продолжала его любить, но не какъ любовника и мужа—они женились—а какъ младшаго брата. Бѣдная таила свои страданія, но черныя неудовлетворенности точили ея и она скоро умерла.

Другой, такой же цѣломудренный образъ, представляетъ Валентина. Долго она и Бенедиктъ услаждались невинными бесѣдами; «но дерзокъ тотъ, говоритъ Ж. Зандъ, кто, видясь ежедневно съ предметомъ своей любви, думаетъ устоять противъ страсти.» Бенедиктъ сдѣлался любовникомъ Валентины. И тогда наступила для Валентины минута страшнаго раскаянія. Какъ ни была страстна ихъ любовь, но все наслажденіе было отравлено угрызениями совѣсти. Жизнь любовниковъ сдѣлалась вѣчною борьбой безпредѣльнаго блаженства и безграничнаго мученія. «Я не должна быть счастлива, я недостойна счастья! Я виновна, я забыла Бога! Чѣмъ я заглажу свою вину? Я смотрѣла на бракъ строго, я хотѣла сдѣлать изъ него священное обязательство и что же теперь?..» И такъ мучилась женщина, выросшая въ легкомысленныхъ понятїяхъ большаго свѣта, проповѣдывавшаго ей совсѣмъ иную мораль, смѣвавшаяся надъ ея простотою!

Но вигдѣ порывъ страстной души не доходитъ до такой неудовлетворительности и до такой идеальной высоты, какъ въ Лелїи.

Лелїя—это олицетвореніе стремленій къ несбыточному, къ счастью на землѣ невозможному. Въ Лелїи всякая женщина прочтаетъ

исторію своего собственнаго сердца, собственныхъ порывовъ. Однѣхъ жизнь надламливаетъ легко и онѣ скоро находятъ удовлетвореніе и тогда былой порывъ къ другому, лучшему, кажется имъ заблужденіемъ молодости, дѣвичьей глупостію. Но не всѣ такъ податливы и есть натуры избранныя, болѣе сильныя и совершенныя, для которыхъ примиреніе съ жизнію трудно, а иногда и невозможно. Къ этимъ-то избранницамъ принадлежитъ и Лелія. Не помираетъ какое то непонятное ей желаніе, желаніе какъ бы безпредметное; вѣчно тревожная, она все чего то жаждетъ, къ чему-то стремится и не можетъ ничего уловить. Но цѣль, къ которой стремится сердце Леліи, еще не любовь, а нѣчто болѣе широкое и возвышенное. «За предѣлами любви, говорятъ Лелія, есть другой міръ, міръ новыхъ желаній, новой нужды, новыхъ надеждъ, точно также неудовлетворимыхъ.» И Стенію, не понимая этого загадочнаго для него существа, думалъ, что въ Леліи есть все, кромѣ любви. Но Лелія любитъ Стенію, только она иначе понимаетъ любовь. «Любовь не то, что ты думаешь», говорила она Стенію. Любовь не есть стремленіе всѣхъ нашихъ душевныхъ силъ къ какому нибудь существу, нѣтъ — это стремленіе нашей души къ непостижимому, неизвѣстному. Вѣдь мы только обманываемъ свои желанія, отыскивая цѣли вокругъ себя, и украшаемъ свои кумиры духовными красотами, созданными нашимъ воображеніемъ, потому что однихъ чувственныхъ ощущеній для насъ недостаточно. Отъ этого мы и ищемъ неземнаго въ существѣ намъ подобномъ и расточаемъ на него силу нашей души, напоминая язычниковъ, придававшихъ своимъ кумирамъ то, чего въ нихъ не было. А потомъ, когда нами самими созданный покровъ спадетъ съ кумира и земное существо явится во всей своей наготѣ, мы стыдимся его и разбиваемъ свой кумиръ въ прахъ...» Не находя ни въ чемъ удовлетворенія и увлекаемая своими мечтами въ какую-то неземную даль, Лелія дошла лишь только до безнадежности и отчаянія.

Эта идеализація можетъ показаться пожалуй натянутой. Людямъ гораздо понятнѣе противоположная крайность, ибо они знаютъ, что имъ неизмѣримо легче упасть до самой глубокой безнравственности, чѣмъ подняться на высоту благороднаго идеала. Личныя силы и личная непригодность каждаго являются такимъ образомъ мѣриломъ идеализаціи. Но и Жоржъ Зандъ держался того же личнаго масштаба, и онъ мѣрилъ возвышенное собственными силами; поэтому въ его идеализаціи слѣдуетъ видѣть нѣтопись его собствен-

наго сердца: Жоржъ Зандъ самъ жилъ душой въ томъ мірѣ прекрасныхъ чувствъ и исключительныхъ стремленій, который рисовалъ. Вотъ почему онъ вѣроятно и считалъ *Делію* своимъ лучшимъ произведеніемъ. «Романъ этотъ, говоритъ Жоржъ Зандъ въ «Письмахъ путешественника», есть самое смѣлое и добросовѣстное произведеніе въ моей жизни. Но мнѣ досадно, что я написалъ *Делію*, потому что не могу написать ее еще разъ... Неужели для меня не наступитъ никогда періодъ твердаго, однажды навсегда принятаго рѣшенія?.. Бывали у меня ночи, полныя сильныхъ страданій и восторженнаго смиренія; были дни, полныя утратъ, гнѣва и отчаянія; были дни, когда я смѣлся надъ своими прежними чувствами; были дни, когда кипѣла во мнѣ иронія... Только тотъ, кто мучился подобными же страданіями, кто попеременно переходилъ отъ рыданій къ мрачному хохоту и проклятіямъ, въ состояніи понять и полюбить *Делію*... Не знаю, что такое совершается во мнѣ уже втеченіе десяти лѣтъ? Что значить это отвращеніе отъ всего и эта пожирающая скука, слѣдующая за самыми живыми наслажденіями? Что это—болѣзнь мозга или послѣдствія обстоятельства моей жизни?.. Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что трудъ, любовь и страданія истощили меня и что я ни на что не годенъ. Но вслѣдъ затѣмъ я вижу, что ошибаюсь, что душа моя полна силъ, а тѣло здоровья. Не силъ недостаетъ во мнѣ—во мнѣ нѣтъ вѣры и волн... Меня не пугаетъ то, что я старѣю, но мнѣ не хотѣлось бы старѣть одному, а между тѣмъ я не встрѣтилъ существа, съ которымъ бы желалъ жить и умереть; если же и встрѣтилъ — не сумѣлъ удержать его при себѣ...»

VI.

Кромѣ идеализаціи, романы Жоржъ Занда заключаютъ въ себѣ положительную соціально-юридическую сущность. Начнемъ хоть съ *Индіанъ*, положивъ ей прочное основаніе литературной извѣстности Жоржъ Занда и давшей ему всего 400 фр.

Мы видимъ стараго мужа, раздражительнаго и постоянно ревниваго, потому что онъ старъ. Старый наполеоновскій военъ, онъ воспитанъ на полѣ битвы, грубъ и жестокъ. Этотъ неспособный мужъ къ довершенію всего лишился ноги на кабаньей охотѣ. Же-

на должна была терпѣливо ухаживать за больнымъ, изможденнымъ человѣкомъ, сносить его солдатскую вспыльчивость и прихоти, свойственныя больнымъ старикамъ.

Свое военное мировоззрѣніе полковникъ перенесъ конечно и въ жизнь. «Женщины созданы для того, чтобы повиноваться, а не для того, чтобы совѣтовать, говорить онъ.—Кто носить юпку — долженъ знать свое веретено», былъ другой его афоризмъ. А бороду полковникъ считалъ высокимъ даромъ неба, какъ несомнѣнный внѣшній признакъ мужского превосходства надъ всѣмъ міромъ.

Разъ, въ припадкѣ старческой ревности, полковникъ схватилъ свою жену за волосы, опрокинулъ ее и каблукомъ ударилъ по лицу.

А между тѣмъ полковникъ не былъ дурнымъ человѣкомъ. Онъ былъ глубоко твердъ и глубоко честенъ въ денежныхъ дѣлахъ; онъ былъ вѣренъ своему слову и даже любилъ сильно свою жену, но только по старому, по военному.

Обычай старой любви былъ однако не по душѣ молодой Индіанѣ. Кроткая, вѣжная, слабая, она отдыхала слезами, но въ тоже время глубоко страдала деспотизмомъ своего мужа, ненавидѣла этотъ деспотизмъ и называла его *правительствомъ*. Но когда деспотизмъ ослабѣвалъ, Индіана, такъ твердо умѣвшая противиться суровымъ прихотямъ своего мужа, всегда уступала, если онъ говорилъ тихо и ласково.

Индіана до сихъ поръ не любила никого; но сердце ея давно созрѣло для этого чувства и она не любила только потому, что никто изъ встрѣчавшихся не могъ вдохнуть въ нее любви. «Воспитанная строптивымъ и жестокимъ отцомъ, она была незнакома съ вѣжными впечатлѣніями; она не знала, какую прелесть придаетъ жизни человѣка привязанность ему подобнаго», говоритъ Жоржъ Зандъ. Выходя за Дельмара, она только мѣняла властелина, переѣзжая къ мужу — мѣняла тюрьму. Она не любила своего мужа, можетъ быть, потому только, что обязана была любить его, и что ей было какъ бы врождено, сдѣлалось ея первенствующимъ правиломъ — противиться всякому принужденію.

Индіана думала про себя: «придетъ время, когда все перемѣнится въ моей жизни, когда я буду въ состояніи дѣлать добро другимъ; придетъ время, когда я буду любима, когда предамся всѣмъ сердцемъ человѣку, который взаимно весь предастся мнѣ; въ ожиданіи потерпимъ, будемъ молчать и беречь любовь для освободителя». Но Мессія долго не являлся.

И томилась же бѣдная Индіана неудовлетворенною потребностію

виной жизни. Невѣдомая для окружающихъ и медика болѣзнь пожирала ея молодость, изнеможеніе и бессонница овладѣли ею.

Но за то «когда впервые почувствовала она въ окружающей ее ледяной атмосферѣ жгучее дыханіе человѣка молодого и пылкого, когда нѣжныя слова коснулись ея слуха и трепещущія уста, какъ бы раскаленнымъ желѣзомъ запечатлѣли ея руку; тогда она не помѣшляла ни о своихъ обязанностяхъ, ни о будущности, которую предрѣкали ей; она помнила только ужасное прошедшее, свои продолжительныя страданія, своихъ властителей-деспотовъ». Но «общество такъ мало было ей знакомо, что она представляла себѣ жизнь трагическимъ романомъ; она, робкая, не смѣла любить, боясь подвергнуть опасности жизнь своего любовника; о себѣ же, о своей жизни и бѣдствіяхъ ей не приходило и въ голову...»

Послѣ долгихъ нравственныхъ мученій, слабая, нервная Индіана нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы порвать связь съ старымъ мужемъ. Она бѣжитъ къ тому, въ комъ все ея счастье и—бѣдная страдальца обманутаго чувства,—находитъ его женатымъ, тогда какъ всего за мѣсяць онъ звалъ ее къ себѣ.

Вѣрный другъ является внезапной опорой несчастной и такъ какъ они оба страдали, то рѣшились лишиться себя жизни. Передъ самоубійствомъ открылось однако, что они любили другъ друга и, измученные жизнью люди, задумали поселиться въ уединенія, дальше, какъ можно дальше отъ страшнаго, холоднаго и безпощаднаго свѣта.

Автору романа, посѣтившему ихъ разъ, выстрадавшіе бѣдники дали слѣдующій урокъ соціальной мудрости. «Общество ничего не должно требовать отъ человѣка, ничего неожиданнаго отъ общества. Но надо имѣть большую твердость, чтобы разорвать связи съ свѣтомъ; надобно вынести много несчастій, чтобы приобрести эту твердость. Идите, молодой человѣкъ, по стезѣ, назначенной вамъ судьбой, приобретайте друзей, прославьтесь подвигами, да будетъ у васъ отечество. Не разрывайте цѣпей, приковывающихъ васъ къ обществу, уважайте его законы, если они вамъ покровительствуютъ, дорожите его мнѣніемъ, если оно справедливо, но если когда нибудь оно олеветаетъ васъ, если оно васъ отторгнетъ, слумѣйте жить въ уединенія».

Жоржъ Зандъ не обвиняетъ никого. Онъ знаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ дурныхъ людей, но есть разные организмы и разныя обстоятельства, обуславливающія людское поведеніе. Даже въ суровомъ, повидимому безпощадномъ, полковникѣ вамъ указываютъ добрыя, человѣческія черты.

Но какой же выходъ къ счастію, если жизнь сложилась неудачно? Отвѣта нѣтъ. Мы узнаемъ только, что въ супружествѣ люди могутъ страдать не оттого, что кто нибудь дурень или виновенъ лично, а потому, что въ самомъ общественномъ организмѣ, въ ложныхъ системахъ и понятіяхъ заключаются причины, ведущія неизбежно къ подобнымъ послѣдствіямъ.

Впрочемъ въ «Жакѣ» мы находимъ указаніе на нравственныя обязательства, обуславливающія супружеское благополучіе.

Жакъ женился на Фернандѣ не только потому, что любилъ ее, но еще болѣе потому, что только этимъ путемъ можно было спасти ее отъ мучительствъ злой матери. Въ письмѣ, передъ свадьбой, Жакъ слѣдующимъ образомъ высказываетъ Фернандѣ свой взглядъ на супружество: «Не буду говорить тебѣ о любви. Я не могу ничѣмъ доказать, что моя любовь будетъ твоимъ всегдашнимъ счастіемъ, за это я не могу ручаться, я скажу только, что люблю тебя сильно и искренно. Я хочу говорить съ тобою о бракѣ, любовь тутъ дѣло постороннее, она не зависить ни отъ клятвы, ни отъ закона. Предлагаемыя мною условія заключаются въ слѣдующемъ: Жить со мною, принять меня въ свои покровители и защитники, считать меня своимъ лучшимъ другомъ. Для людей, соединяющихъ свою жизнь взаимнымъ общаніемъ, необходима лишь дружба. Но и дружба можетъ утомить и домашняя короткость превратиться въ пытку. Въ этомъ случаѣ мнѣ нужно твое уваженіе, нужно, чтобы мы заранѣе знали, что я не злоупотреблю твоей свободой и не лишу тебя ея. Можешь ли ты, однако, быть въ этомъ увѣренной?.. Даю тебѣ клятву въ томъ, что буду уважать тебя, потому что ты слаба, чиста и непорочна, потому что ты имѣешь право пользоваться счастіемъ или, по крайней мѣрѣ, спокойствіемъ и свободой.»

Гораздо сильнѣе нападаетъ Жоржъ Зандъ на социальное неравенство и показываетъ, что женское чувство имѣетъ свои законы, независимые отъ законовъ писанныхъ. У него маркиза влюбляется въ цыгана, дочь богача въ бѣдняка, аристократка Фіамма въ простаго адвоката изъ мужиковъ, графъ Рудольфштатъ въ уличную пѣвицу. Постоянно изображаются факты нѣжнаго чувства, совершенно независимаго отъ социальнаго положенія людей, установленнаго юридическимъ путемъ. Сила чувства героевъ Жоржъ Занда опредѣляется не ихъ происхожденіемъ и воспитаніемъ, а тѣми естественными свойствами человѣческой природы, которымъ воспитаніе является лишь вышнимъ украшеніемъ.

Трудно представить себѣ что нибудь болѣе сильное чувство и

страданій Нунъ и что нибудь болѣе оскорбительное, какъ ея социальное положеніе по отношенію къ тому, кому она отдалась. «Жена пэра, предавшись такимъ образомъ, увеличила бы себѣ цѣну, говорить Жоржъ Зандъ; но горничная!.. Что считается въ одной героизмомъ, въ другой—безстыдствомъ. Связи съ одной вамъ завидуетъ толпа соперниковъ, за связь съ другой васъ осуждаетъ толпа пошляковъ. Свѣтская дама приноситъ вамъ въ жертву двадцать обожателей, которыхъ она имѣла; горничная—жертвуетъ вамъ только мужемъ, котораго бы могла имѣть. Да и въ самомъ дѣлѣ: Ремонъ былъ человѣкомъ лучшаго тона; привышій къ жизни роскошной, изысканной, онъ былъ человѣкомъ съ чувствами утонченными, съ душою поэтической. Въ его глазахъ горничная была не женщина и Нунъ, только своею блистательной красотой увлекла его въ любовь низкую, простонародную. Во всемъ этомъ Ремонъ конечно виноватъ не былъ. Его воспитали для большого свѣта, всѣ его мысли направили къ такъ называемымъ возвышеннымъ цѣлямъ. Противъ воли и принципа воспитанія, пылкая кровь толкнула его на мѣщанскую любовь... Мысли великодушно нелѣпныя мелькали иногда въ его головѣ. Въ такія минуты и именно, когда онъ былъ особенно очарованъ своею возлюбленною, онъ думалъ освятить бракомъ свою связь съ нею... Но любовь постепенно ослабѣвала: она миновала вмѣстѣ съ опасностями, она улетѣла въ тоже время, какъ исчезла прелесть тайны; бракъ былъ невозможенъ... Если бы еще онъ любилъ Нунъ, то, пожертвовавъ ей своими надеждами, семействомъ и добрымъ именемъ, могъ бы еще быть съ нею счастливымъ и ее осчастливить. Но, охладѣвъ, Ремонъ понималъ, какую будущность онъ могъ приготовить своей женѣ. Для того ли онъ возьметъ ее, чтобы она читала всякій день на его лицѣ страданія? За тѣмъ ли онъ женится, чтобы сдѣлать ее ненавистной своему семейству, презрѣнной въ глазахъ его друзей и смѣшной въ глазахъ своей прислуги? За тѣмъ ли, чтобы ввести ее въ общество, въ которомъ она будетъ не на своемъ мѣстѣ, гдѣ униженіе убьетъ ее? За тѣмъ ли наконецъ, чтобы пробудить въ ней угрызения совѣсти, давъ ей почувствовать всѣ страданія, которыя она собрала надъ головой своего любовника? Нѣтъ, говорить Жоржъ Зандъ, вы сами согласитесь, что онъ не долженъ былъ дѣлать этого; что это было бы не великодушіемъ, что такимъ образомъ нельзя бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, что подобный героизмъ былъ бы донкихотствомъ, войной съ мельницами...» ,

А между тѣмъ Нунъ плакала и плакала, видя, что любовникъ сталъ къ ней холоднѣе. Наконецъ она рѣшилась писать къ Ремону. «Бѣдная дѣвушка! то былъ послѣдній ударъ. Письмо отъ горничной!.. Впрочемъ она взяла атласную бумагу и благовонный сургучъ; слогъ—изъ сердца... но правописаніе! Увы! кроткая, полудикая дѣвушка острова Бурбона не знала даже, что въ языкѣ есть правописаніе. Она думала, что говорить и писать также хорошо, какъ и я госпожа и рассуждала сама съ собою: «а вѣдь я хорошо сочинила письмо, кажется, оно должно произвести сильное впечатлѣніе.» Хорошо! — у Ремона не достало даже духа дочитать его. Можетъ быть, это было отличное произведеніе страсти, простодушной и сильной; можетъ быть, Виргинія, покинувъ свою родину, не писала къ Павлу ничего трогательнѣе, краснорѣчивѣе... Но Ремонъ поторопился бросить письмо въ огонь, боясь покраснѣть, хотя въ комнатѣ и никого не было. Что дѣлать!—Предразсудокъ воспитанія, но самолюбіе есть также въ любви, какъ своекорыстіе въ дружбѣ.»

Но чѣмъ же отличалась демократка Нунъ отъ своей госпожи и аристократки Индіаны? Нунъ была выше ростомъ, здоровѣе госпожи своей; но въ умѣннй одѣваться не было выбора и тонкости вкуса. Приемы Нунъ были привлекательнѣе, но въ нихъ не было благородства. Она была прекрасна какъ женщина, но не какъ фея. Она возбуждала желаніе, но не сулила сладострастія и упоенія.» Неравенство несомнѣнное... Какъ же уравновѣшиваются вѣсы? Общество нашло практическій исходъ въ примиряющей серединѣ. Въ одномъ случаѣ любить и общественное мнѣніе не преслѣдуетъ; въ другомъ имѣютъ связь—и общественное мнѣніе тоже покрываетъ ее своею санкціею. Но общество не прощаетъ, когда связь вздумаетъ занять мѣсто любви, а любовь мѣсто связи.

И вотъ что высказала Нунъ Ремону, когда наконецъ увидѣла, что все порвалось, что чувство, для котораго она жила, обмануло ее. «Я погибла, сказала она; я ненавижу себя потому, что перестала вамъ нравиться... Я должна была предвидѣть, что вы не долго будете любить меня, бѣдную, необразованную дѣвку... Я знала, что вы не женитесь на мнѣ; но если бы вы продолжали любить меня, то я всѣмъ бы пожертвовала для васъ и не жаловалась бы на судьбу. Увы! я погибла, я обезпечена... я беременна и мое дитя будетъ еще несчастнѣе меня и никто не пожалѣетъ обо мнѣ... всѣ будутъ меня презирать... и все это я перенесла бы даже съ восторгомъ, если бы вы любили меня...» Долго

говорила Нунъ, говорила сильно, краснорѣчиво и Жоржъ Зандъ спрашиваетъ: «гдѣ скрывается тайна того увлекательнаго краснорѣчія, которое въ моментъ сильной страсти и глубокаго страданія льется изъ устъ человѣка простаго и необразованнаго?.. Въ такія минуты слова получаютъ иную силу, чѣмъ во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни; слова и выраженія простонародныя, площадныя дѣлаются высокими по чувству, которое ихъ подсказываетъ, по смыслу, съ какимъ они произносятся, женщина изъ самаго низкаго общественнаго слоя, отдавшись всему пылу страсти, обнаруживаетъ силу, какой никогда не можетъ имѣть женщина образованная.»

Въ настоящемъ случаѣ намъ указываютъ на фактъ крайняго соціальнаго неравенства: богатый аристократъ и горничная—красивая, умная, хорошая, а все-таки горничная. Въ Симонѣ, въ мельникѣ изъ Анжибо, въ Консуэло, Тверипо, въ Валентинѣ, Маркизѣ, Квинтилии мы находимъ повтореніе подобныхъ же фактовъ, хотя и меньшей грандіозности, однако достаточно сильныхъ, чтобы служить помѣхою человѣческому счастью и явиться важнымъ соціальнымъ вопросомъ. Повсюду личное чувство, не справляясь съ общественнымъ мнѣніемъ, идетъ противъ него, насколько хватаетъ личныхъ силъ. Страдающая Нунъ была слишкомъ сильна своею страстію, да и пропасть, раздѣлявшая ее отъ Ремона, была слишкомъ глубока, чтобы могло явиться какое-либо примиреніе. Нунъ лишила себя жизни.

И простой, непосредственный человѣкъ рисуется Жоржъ Зандомъ всегда ближе къ этому идеалу, чѣмъ къ идеалу человѣка утонченнаго цивилизаціею. Простой человѣкъ крѣпче желаетъ и неуклоннѣе идетъ къ своей цѣли. Это природы болѣе цѣльныя, т. е. болѣе подчиняющіяся органическимъ требованіямъ безотносительно къ соціальнымъ условіямъ. Нунъ неизмѣримо сильнѣе своей госпожи. И вездѣ, гдѣ Жоржъ Зандъ дѣлаетъ параллель между простыми и не простыми, перевѣсъ на сторонѣ простыхъ. «О праводушіе золотого вѣка, говоритъ Тверипо Леонсу, ты воскресло среди пустыня, между цыганомъ, разбойникомъ и молодою дѣвушкою! Вотъ, Леонсъ, чего никогда не пойметъ ваша благородная леди, такъ глубоко презирающая жизнь въ нищетѣ и безпорядкѣ. Ей не понять сердца Мадлены — эту святую простоту, которая даже не знаетъ, что она сокровище; эту высокую увѣренность, которую не могла постигнуть сама Сабина, со всѣмъ своимъ умомъ и красотою! Не удивляетесь ли вы, Леонсъ, безмятежности и скром-

ности этого ребенка, этой дѣвочки, которая удовольствовалась однимъ словомъ, увидѣвъ меня перереяженнымъ, и ни одною выходкою глупой ревности не помѣшала мнѣ разыграть роль льстеца предъ вашей богиней? Если бы вы слышали ея наивные вопросы, когда она сидѣла возлѣ меня на козлахъ, ея, полная величія доброты, отвѣты, когда я спрашивалъ ее, не находятъ ли она васъ, съ своей стороны, слишкомъ любезнымъ и прекраснымъ! Наша любовь не то, что ваша, мой другъ, Леонсъ; мы не подозреваемъ другъ друга; мы знаемъ, что не можемъ другъ друга обмануть. Признаться ли вамъ? Мадлена кажется мнѣ еще милѣе и привлекательнѣе послѣ того, какъ я подышалъ ароматомъ знатной дамы...»

«Въ простомъ человѣкѣ, говоритъ Жоржъ Зандъ, меньше уваженія къ добродѣтели женщины, нежели въ цивилизованномъ; но въ то же время больше вѣры въ ея нравственное достоинство. За минуту слабости онъ не обвинитъ въ неспособности любить истинно и долго. Его кодексъ добродѣтели не такъ возвышенъ, но болѣе человѣколюбивъ. Идеаломъ его не сила, а нѣжность и прощенье». И это наблюденіе глубокой психологической вѣрности. Именно, чѣмъ человѣкъ проще, тѣмъ онъ болѣе извиняетъ и менѣе признаетъ принципъ непогрѣшимости. Въ этомъ-то и заключается социальная сила демократизма и то руководящее вліяніе, которое онъ обнаруживаетъ на движеніе прогрессивной мысли. Всепрощаемость есть истинный демократическій принципъ, тогда какъ аристократическая безошибочность ведетъ къ неуступающей неуклонности и безповоротности поведенія, даже сознаннаго невѣрнымъ.

И какіе же все это славные люди изъ простоародья, которыхъ Жоржъ Зандъ дѣлаетъ героями своихъ романовъ! Возмите хоть мельника Луи. Неизвѣстно, умѣетъ ли онъ читать и писать; но онъ чувствуетъ такъ безхитростно, нѣжно и великодушно, какъ не чувствовалъ никогда ни одинъ изъ маркизовъ и графовъ Жоржъ Занда. Причина проста. Кодексъ основныхъ правилъ простого человѣка очень немногосложенъ. Бѣдность количественная замѣняется силою качественною. Отъ этого простой человѣкъ не знаетъ тѣхъ теоретическихъ противорѣчій, которыя сбиваютъ человѣка цивилизованнаго. Поглотивъ всю умственную мудрость, цивилизованный человѣкъ всталъ на распутія множества дорогъ и впалъ въ рефлексію, которая заѣдала людей сороковыхъ годовъ.

Но высшій драматизмъ положенія женщины не въ учрежденіяхъ и заблужденіяхъ людей, а въ самомъ несовершенствѣ человѣческой

природы. Нунъ любить Ремона, а онъ Индіану; Индіана любитъ того же Ремона, а онъ, бросивъ Нунъ и измѣнивъ Индіанѣ, полюбилъ другую женщину. Браунъ любитъ Индіану, а она любитъ Ремона. Бонна любитъ Симона, а онъ Фіамму. Жюльета—Леонъ-Леони, а онъ волочился богъ-знаетъ за кѣмъ. Консуэло любитъ Анзолето, а Анзолето Кориллу. Вотъ гдѣ по истинѣ роковая судьба человѣческаго чувства. Что можетъ быть честнѣе и искреннѣе намѣреній Жака; но супружеское счастье ему не далось, потому что Фернанда полюбила другого. Причина заключалась въ нравственномъ неравенствѣ супруговъ. Фернанда, при всей своей добротѣ и кротости, при всемъ своемъ желаніи находить счастье въ супружествѣ, не могла подняться на умственную высоту своего мужа; она не понимала ни порывовъ его любви, ни увлеченій нѣжности. Для нея требовалась любовь менѣе поэтическая и тревожная, а привязанность болѣе простая и обыкновенная. Фернанда начала плакать, доучать упреками безъ причины, ревностію безъ повода. Супруги начали избѣгать другъ друга. Въ это время явился Октавъ, молодой, здоровый, краснощекій малый, но полнѣйшее ничтожество сравнительно съ Жакомъ. Про Октава Жоржъ Зандъ говоритъ, что онъ добръ, не будучи добродѣтельнымъ, ласковъ, но неспособенъ къ страсти; можетъ любить настолько, чтобы не дѣлать проступковъ, но не настолько, чтобы возвыситься до чего нибудь великаго. Жакъ, угадавшій любовь Фернанды къ Октаву, пытался было противодѣйствовать страсти, но борьба была невозможна. Жакъ уѣхалъ и Фернанда отдалась совершенно Октаву, не заботясь даже о сохраненіи внѣшнихъ приличій.

Или положеніе Метеллы, можетъ быть, самое ужасное изъ всѣхъ положеній для женщины. Вотъ гдѣ драматизмъ судьбы и безсміе передъ рокомъ, иначе я не умѣю охарактеризовать этого положенія. Съ обществомъ вы еще можете бороться, вы можете прямо идти противъ его приговоровъ и мнѣній; но когда предъ вами врагъ непобѣдимый, какъ стихія — старость, поразившая вашу наружность прежде, чѣмъ сердце отказалось отъ любви, тутъ нѣтъ другого выхода, кромѣ самыхъ мучительныхъ страданій.

Метелла любила сначала графа Буондельмонте, но когда красота ея поблекла, графъ бросилъ ее. Потомъ судьба свела ее съ однимъ женецемъ, значительно ее моложе. Пять лѣтъ они жили вмѣстѣ и счастливо. Метелла была любезна, добра, равна въ обращеніи, Оливье — всегда нѣженъ и благороденъ. Но Метелла взяла къ себѣ племянницу, кончившую образованіе въ монастырѣ; племянница,

увидѣвъ молодого человѣка, тотчасъ же порѣшила, что это ея будущій супругъ и очень изумлялась, что Оливье ею не занимается. А между тѣмъ червь сомнѣнія и ревности забрался въ сердце Метеллы и, какъ оказалось, не безъ основанія: молодые люди дѣйствительно полюбили страстно другъ друга, къ Метеллѣ же Оливье чувствовалъ лишь дружескую привязанность. Положеніе всѣхъ трехъ становилось невыносимымъ и чтобы покончить все однимъ разомъ, Оливье рѣшился уѣхать. «Вы меня больше не увидите, писалъ онъ Метеллѣ, развѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, и то если миссъ Мобрей будетъ замужемъ». Два раза любила женщина всѣми силами души, по своимъ нравственнымъ качествамъ она была вполне достойна любви,—и два раза ее бросилъ. Конечно, трогательность этого положенія обуславливается тѣмъ значеніемъ, какое любовь имѣетъ для женщины. «Любовь есть добродѣтель женщины, говоритъ Жоржъ Зандъ, любовь ввергаетъ ее въ проступки, которыми она гордится, какъ добродѣтелями; любовь даетъ женщинѣ силу затупить волю совѣсти. Чѣмъ труднѣе борьба женщины съ угрызениями совѣсти, чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ сильнѣе права ея на привязанность любовника. Любовь подобна фанатизму вооружающему кинжаломъ руку правовѣрнаго».

Вотъ новый міръ вопросовъ, открытый Жоржъ Зандомъ для Россіи. Какъ же этимъ открытіемъ воспользовался г. Писемскій?

VII.

Мы уже говорили, что г. Писемскій живописецъ простонароднаго быта. Люди изъ деревни у него всегда—живые люди—Макаръ Григорьевъ, Иванъ, Симоновъ. А Груша, горничная Вихрова? Глазцы у нея блестящія, личико свѣженькое, сама опрятная такая, комната у нея свѣтленькая, чистенькая. И какъ же Груша любитъ Вихрова! Когда онъ больной собирается ѣхать въ свое Воздвиженское, Груша говоритъ ему: «Вы, баринъ, не вздумайте меня съ обозомъ отправить, и при этомъ поблѣднѣла даже отъ страха».—Нѣтъ, какъ это можно, отвѣчалъ Вихровъ.—«Да-съ, гдѣ вамъ такому больному ѣхать одному—я за вами и похожу! сказала Груша, вся вспыхнувъ отъ радости».—И походишь! говорилъ Вихровъ и слегка притянулъ ее къ себѣ,—Груша сѣла на самый крае-

шекъ кровати и припнялась нѣжными глазами глядѣть на него... Дорогой никакая мать не ухаживала бы такъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживала Груша за Вихровымъ. Чтобы не съѣлъ онъ чего нибудь тяжелаго, она сама приготовляла ему на станціяхъ кушанья; сама, своими слабыми рученками, стлала ему постель, сторожила его, какъ аргусъ, когда онъ засыпалъ въ экипажѣ,—и теперь, прѣхавъ въ Воздвиженское, она, какая-то гордая, торжествующая, въ свѣженькомъ, холстинковомъ платьѣ, ходила по всему дому и распоряжалась». Что за добродушіе и простота, и сколько правды, искренности и нѣжной, ласковой преданности!

Но какъ же цѣнить эту искренность и безыскусственную привязанность къ себѣ герой «сороковыхъ годовъ» Вихровъ? А вотъ какъ. Разъ возвращается Вихровъ отъ умиравшей Клеопатры Петровны. «Его, по обыкновенію, встрѣтила улыбающаяся и цвѣтущая счастьемъ Груша. —Гдѣ это, баринъ, такъ долго вы были? спросила она.—У Фатѣевой, отвѣчалъ Вихровъ безъ всякой осторожности». Вотъ у кого! произнесла Груша протяжно и затѣмъ почти сейчасъ же ушла отъ него изъ кабинета.—Вихровъ цѣлый вечеръ послѣ того не видалъ ее и невольно обратилъ на это вниманіе. «Груша! крикнулъ онъ».—Та, что-то не показывалась. «Груша! повторилъ онъ громче и уже нѣсколько строго».—Сейчасъ! отвѣтила та неохотнымъ тономъ и затѣмъ пришла къ нему. Вихровъ очень хорошо видѣлъ по ея личику, что она дулась на него. «Это что такое значить? спросилъ онъ ее».—Что такое значить? спросила Груша въ свою очередь.—«А то, что вы гнѣваетесь, кажется на меня».—Нѣтъ-съ, отвѣчала та.—Что вамъ гнѣвъ-то мой?! прибавила она немного помолчавъ.—«А то, что ты вздоръ думаешь, я ѣздилъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ чисто по чувству состраданія. Она скоро, вѣроятно, умретъ».—Умретъ. да, какъ же!.. Нѣтъ еще, проживетъ!.. почти воскликнула Груша.—«Нѣтъ, умретъ! прикрикнулъ на нее съ своей стороны Вихровъ. А ты не смѣй такъ говорить! Ты оскорбляешь во мнѣ самое святое, самое скорбное чувство,—пошла!» Груша струсила и ушла».

Вихровъ съ Грушей всегда баринъ; она цѣлуетъ ему руку, а онъ сосланный за «французскія идеи» и за статьи противъ крѣпостного права, нисколько, повидимому, и не подозрѣваетъ, что это очень глупо. А между тѣмъ Вихровъ жорзандистъ, и такимъ онъ и долженъ быть по плану автора. «Никакое сильное чувство въ душѣ моего героя не могло оставаться одиночнымъ явленіемъ, говоритъ г. Писемскій во 2-й части. По самой натурѣ своей онъ

всегда стремился возвести его къ чемунибудь *общему*. Оно всегда порождало въ немъ цѣлый циклъ понятій и, воспринятое въ плоть и кровь, дѣлалось его *убѣжденіемъ*. М-ше Фатѣева, когда онъ сблизился съ нею, напомнила ему нѣкоторыми чертами жизни своей—героинь изъ романовъ Жоржъ Занда, которые онъ, впрочемъ, и прежде еще читалъ съ большимъ интересомъ, а тутъ, какъ бы въ самой жизни, своимъ собственнымъ опытомъ, встрѣтилъ подтвержденіе имъ и сталъ *отчаяннымъ жорзандистомъ*. Со всею горячію юности онъ понималъ всю справедливость и законность ея протестовъ. «Женщина въ нашемъ обществѣ угнетена, женщина лишена правъ, женщина богъ-знаетъ за что обвиняется!» думалъ онъ всю дорогу, возвращаясь изъ деревни въ Москву и припоминая на эту тему различные случаи изъ русской жизни». Въ правдѣ ли мы послѣ этого ожидать, что жорзандизмъ, или, какъ пишетъ г. Писемскій, Жоржъ-Зандизмъ, явится однимъ изъ существенныхъ элементовъ его характеристики людей сороковых годовъ?

Но для Вихрова въ Группѣ нѣтъ ничего, кромѣ постельной плѣнительности. Когда Мари спросила его—«еслибы Груша не умерла и предъ вами очутились бы двѣ женщины—вамъ бы неловко было. «Очень бы, отвѣтилъ Вихровъ; но что-жь дѣлать? съ сердцемъ не совладѣешь! нельзя же было чисто для чувственныхъ отношеній побороть въ себѣ нравственную привязанность».—Гдѣ же тутъ гуманность, гдѣ же тотъ чисто человѣческій элементъ, гдѣ же нравственная чистота, проповѣдникомъ которой явился Жоржъ Зандъ? Судьба имѣла полное право подшутить надъ Вихровымъ; привязанности его могли мѣняться, пожалуй даже очень быстро, за порывами страсти также скоро наступать полное охлажденіе; но тутъ, какъ типическую черту, намъ показываютъ двойственность, т. е. именно то нравственное уродство и искалченіе, противъ котораго возсталъ всѣми силами своего могучаго таланта Жоржъ Зандъ. Какъ же г. Писемскій увѣряетъ, что Вихровъ сдѣлался *отчаяннымъ жорзандистомъ*? Въ г. Писемскомъ мы замѣчаемъ ту же непоследовательность, которой отличается г. Гончаровъ, и которая составляетъ неизбѣжное условіе, такъ-называемыхъ, обыкновенныхъ талантовъ. Писатели этого сорта работаютъ также холодно и безучастно, какъ кабинетные мыслители, пишущіе отвлеченные трактаты. Но Кантъ имѣлъ право писать такимъ образомъ свою «Критику разума», а г. Писемскій работать подобнымъ образомъ права не имѣетъ, если онъ хочетъ быть романистомъ. Романистъ долженъ жить жизнью своихъ героевъ и смотрѣть на нихъ не извнѣ, спи-

сывая ихъ, какъ картинки или куколки, а сидѣть въ ихъ кожѣ, чувствовать то, что они чувствовали, радоваться ихъ радостію, страдать ихъ страданіями, писать сокомъ своихъ нервовъ, какъ выразился Берне. Только въ этомъ случаѣ романистъ силенъ; только въ этомъ случаѣ онъ заставитъ читателя плакать за своихъ героевъ и блѣднѣть за нихъ отъ страха. Но господа Писемскіе и Гончаровы поступаютъ не такъ, они измышляютъ и выдумываютъ. Оттого ихъ произведенія являются большею частію клеветой на жизнь, оттого они въ текстѣ, отъ своего лица, говорятъ одно, а ихъ герои говорятъ другое. Увѣривъ читателя, что Вихровъ вышелъ отчаяннымъ жорзандистомъ, г. Писемскій вовсе не представляетъ его намъ такимъ въ самой жизни. Надобно самому чувствовать «жорзандизмъ», г. Писемскій, а не чувствуя его нельзя рисовать жорзандистовъ и по неволѣ приходится говорить о жорзандизмѣ только въ текстѣ. Въ лицѣ Невѣдова г. Писемскій высказываетъ свой взглядъ на Жоржъ Занда. Оказывается, что г-жа Дюдеванъ начала писать такіе романы потому, что *сблизилась съ разными умными людьми, наскоро позаимствовала отъ нихъ многое и всѣми силами души стремилась разнести это по божьему міру.* Дѣйствительно, Руссо и Сенъ-Симонъ имѣли на Жоржъ Занда большое вліяніе. Не только на великаго писателя, и на всякаго человека имѣетъ кто нибудь вліяніе; но нужно имѣть собственную внутреннюю силу, чтобы это вліяніе принесло великіе плоды. Г. Писемскому вѣроятно извѣстна притча о «святелѣ». Отчего, напримѣръ, г. Писемскій «Взбаломученнымъ моремъ» и «Людьми сороковыхъ годовъ» похоронилъ себя безвозвратно? Есть такія каменистыя почвы, что ихъ не прошибешь и ломомъ; ну гдѣ же взять на нихъ слово любви! Г. Писемскій въ жорзандизмѣ не усмотрѣлъ ничего больше, какъ одностороннее притязаніе на право мѣнять свои привязанности и приводитъ слова Сталь, которая сказала, что она много знала женщинъ, у которыхъ не было ни одного любовника; но не знала ни одной, у которой былъ бы всего одинъ любовникъ. Съузивъ до этого предѣла свое пониманье, г. Писемскій даетъ намъ такихъ женщинъ, какъ Фатѣва, Мари и Катись Прыхина. Посмотримъ же на этихъ «людей сороковыхъ годовъ».

Фатѣвой судьба послала мужа, хотя и добраго, но съ ноздревскимъ закаломъ—взбаломучаго, пьянаго, буйнаго и чуть не драчуна. Но по свойствамъ г-жи Фатѣвой думается, что пошли ей Господь-Богъ въ мужья самого ангела небснаго, изъ нея все-таки

вышло бы то же, что вышло. Фатѣва легкомысленная, пустая женщина безъ всякаго воспитанія, безъ всякихъ убѣждений, характера раздражительнаго, увлекающагося, съ явными наклонностями мучать того, кого она полюбитъ. Ужъ какъ былъ хорошъ съ ней Вихровъ, а она мучила, мучила, пилила, пилила его и наконецъ они разошлись и Клеопатра Петровна взяла себѣ новаго любовника. Вообще Клеопатра Петровна мѣняла обожателей, какъ бѣлье, и ужъ съ вѣкъ-то она не жила! И г. Писемскій увѣряетъ, что Фатѣва была очень умна, не суетна, не пуста по характеру, и только невѣжественна до послѣдней степени. Опять противорѣчiе текста съ объективнымъ изображенiемъ. Всей своею жизнью Фатѣва не обнаруживаетъ ничего, кромѣ легкомыслия, а авторъ завѣряетъ, что она умная женщина и что вся бѣда оттого, что Фатѣва ничему не научилась. «Съ учителями мы больше перемигивались и записочки имъ передавали, рассказывала Фатѣва Вихрову о своемъ воспитанiи; или вотъ, насчетъ этихъ статуй, ты мнѣ напомнишь: я училась въ пансионѣ и у насъ дѣланный эдакой былъ дортуаръ... насъ въ первый разъ водили посмотреть кабинетъ рѣдкостей, гдѣ между прочимъ были статуи... только, когда мы прѣехали домой и легли спать, одна изъ воспитанницъ, шалунья она ужасная была, и говорить: «представьте, mesdames, сами изъ себя статуи!» И взяли, сняли рубашечки съ себя, встали на окна и начали разные позы принимать... Вдругъ начальница входитъ: «это, говорить, что такое?» Одна маленькая воспитанница испугалась и призналась...». Читателя заставляютъ этимъ понять, что мысли Клеопатры Петровны получили сладострастное направленiе еще въ пансионѣ. Но вѣдь Фатѣва умна, увѣряетъ г. Писемскій. И Шекспиръ не получилъ никакого образованiя и жилъ въ такомъ вѣкѣ, когда чувственность въ Англіи доходила до пошлѣйшаго разврата. Конечно, Фатѣва не Шекспиръ, но вѣдь она и не шимпанзе. Какъ бы она ни училась, а все-таки училась и не можетъ быть даже сравнена съ деревенской бабой, культивировать мозгъ которой въ 25 лѣтъ уже невозможно. Какому же умному человѣку не приходилось себя перевоспитывать и кому же это не удавалось? У Фатѣвой же явился ангеломъ-хранителемъ Вихровъ, горячо принявшійся за ея перевоспитанiе. Чего ужъ Вихровъ не читалъ ей, даже Иліаду; чего ужъ онъ ей не рассказывалъ—начиная съ грамматики, исторiи, географіи! И какой же результатъ?—Нѣтъ, душа моя, поздно тебѣ учиться! сказалъ разъ Вихровъ Фатѣвой, видя бесплодность своихъ усилій. — «Поздно!

согласилась съ этимъ и сама Клеопатра Петровна». Вслѣдъ за тѣмъ проводить съ нею время съ глазу на глазъ Павлу (Вихрову) начало дѣлаться и скучновато, прибавляетъ отъ себя г. Писемскій. Похоронивъ Фатѣву, г. Писемскій заставляеть Вихрова произнести слѣдующій монологъ: «Я, рѣшительно я, убилъ эту женщину! Женюсь я на ней, она была бы счастлива и здорова,» говорилъ онъ—и это почти была правда. Послѣ окончательной разлуки съ нимъ, Клеопатра Петровна явно не стала уже заботиться ни о добромъ имени своемъ, ни о здоровьи,—ей все сдѣлалось равно». Г. Писемскій говоритъ, что это почти правда; а мы скажемъ, что тутъ нѣтъ ни на волосъ правды и знанія природы своихъ героевъ. Вихровъ оправдывался передъ Мари въ своей связи съ Грушей тѣмъ, что онъ отдѣляетъ нравственныя отношенія отъ чувственныхъ, охлажденіе его къ Фатѣвой явилось тоже потому, что между ними не было нравственного равенства и что поэтому ему съ нею стало дѣлаться скучновато. Какимъ же образомъ это нравственное неравенство уравнилось бы бракомъ и Вихрову сдѣлалось бы внезапно весело съ Фатѣвой! Развѣ бракъ сдѣлалъ бы ее умнѣе?

Другая «женщина сороковыхъ годовъ» является въ лицѣ Катись Прыхиной. Это нѣчто очень доброе, но немилосердно глупое. Въ Катись сердце нѣжное, пренѣжное, настоящее сахарное; если она не любить никого сама, то старается помогать другимъ въ ихъ любви. И это понятно! Надъ чувствительной Катись надсмѣялись въ молодости, бросили ее, оскорбили ея чувство и дѣвушка съ разбитымъ сердцемъ начала жить безпредметной, платонической любовью. Не мечтавая сама о возможности взаимности, она была совершенно счастлива, если ей повѣряли свои сердечныя тайны другіе и если она могла помогать чужому любовному счастью. Такому нѣжно-сантиментальному существу, немѣвнему права рассчитывать на реальную любовь, оставались два выхода—или идти въ монастырь или поступить въ сестры милосердія. Катись поступила въ сестры милосердія.

Далѣе «женщину сороковыхъ годовъ» изображаетъ Юлія Захаревская—дѣвушка литературнаго образованія, мечтающая выдти замужъ за Вихрова и очень настойчиво дѣйствующая, чтобы уловить его сердце. Юлія дѣйствительно любитъ Вихрова. Можетъ быть, и онъ полюбилъ бы ее, но сердце его было уже въ сѣтяхъ Мари, что Юлія наконецъ и узнала отъ самого Вихрова. Г. Писемскій старается изобразить Юлію поверхностной душой и холодной, рас-

четливой дѣвушкой, смотрящей на супружество, какъ на карьеру. «Пока она думала и надѣялась, что Вихровъ отвѣтитъ ей на ея чувство,—она любила его до страсти, сантиментальничала, способна была, пожалуй, надѣлать глупостей и неосторожныхъ шаговъ; но какъ только услышала, что онъ любитъ другую, то сейчасъ же поспѣшила выкинуть изъ головы все мечтанія, все надежды, и у нея уже осталась только маленькая боль и тоска въ сердцѣ, какъ будто бы тамъ что-то такое грызло и вертѣло». Этотъ переломъ совершился въ какія нибудь пять минутъ. Узнавъ отъ Вихрова, что онъ любитъ и что, слѣдовательно, ей рассчитывать на него нельзя, она тотчасъ же рѣшила уѣхать черезъ недѣлю къ отцу. Г. Писемскій относится къ Юліи вообще съ злорадствомъ, точно она его личный врагъ и даже старается прозрѣть въ ней будущую Варвару Павловну (Дворян. Глѣздо). Мы не знаемъ, требуются ли пророчества въ художественныхъ произведеніяхъ? И еще менѣе допускаемъ злорадныя отношенія автора къ своимъ героямъ. Но у г. Писемскаго былъ, какъ намъ показалось, нѣкій умыселъ и Юлія послужила хоть средствомъ для эхидной цѣли. Фатѣева женщина совершенно безнадежная и по натурѣ, и по воспитанію. Юлія напротивъ. Самъ г. Писемскій говоритъ, что въ ней сидитъ сила; есть воля, настойчивость, твердость въ преслѣдованіи цѣлей, наконецъ литературное образованіе. А между тѣмъ г. Писемскій относится къ Фатѣевой очень тепло и называетъ ее умной, а Юлію выставляетъ напыщенной дурой, неимѣющей своихъ словъ. Неограничиваясь этимъ, онъ накидываетъ на нее еще худшую тѣнь. Онъ заставляеть жениться на пей Живина и этого же Живина вступить съ Вихровымъ въ слѣдующій неловкій разговоръ. «Я тутъ, братецъ, разсуждаю такимъ образомъ: я — человекъ не блестящій, не богатъ, а потому Юліи Ардальовнѣ идти за меня изъ-за какихъ нибудь цѣлей не для чего — и если идетъ она, такъ чисто по душевному своему расположенію». — Конечно, подтверждалъ Вихровъ, хотя въ душѣ и посмѣялся нѣсколько простодушію пріятеля. — «Разные здѣшніе теперь сплетники говорятъ, продолжалъ Живинъ, что она — старая дѣвка и рада за кого нибудь выдти замужъ; ну и прекрасно, я и на старой дѣвкѣ такой сочту женитьбу для себя за великое счастье». — Что же она за старая! возразилъ Вихровъ, а самъ съ собой продолжалъ думать: «нѣтъ, и не по этому она идетъ за тебя». Признаюсь, у меня не достало проницательности понять этотъ намекъ автора и мнѣ ясно лишь то, что Юліи приписываются какія-то вехоршія намѣренія.

Если обратить вниманіе на ея послѣдующій разговоръ съ Мари о русской литературѣ, то загадка, пожалуй, и разъяснится. Г. Писемскій замѣчаетъ иронически, что «Юлія единственнымъ мѣриломъ ума и образованія женщины считала то, что говорить ли она о русскихъ журналахъ и какъ говорить». «Какъ ожила нынче литература, узнать нельзя, сказала Юлія». — Мари, кажется удивилась такому предмету разговора и ничего не отвѣчала. — «Это такой идетъ протестъ противъ всѣхъ и всего, и все кресчендо и кресчендо!.. продолжала Юлія». — Мари и на это ничего не возразила. — «Введеніе этого политическаго интереса въ литературу—такъ подняло ея умственный уровень!..» — Я не нахожу, чтобы этотъ умственный уровень такъ ужъ очень поднялся, возразила наконецъ Мари; — онъ кажется совершенно такой-же, какъ и былъ. — «Но гдѣ же онъ лучше? Онъ и въ европейскихъ литературахъ, я думаю, не лучше и не выше». Мари при этомъ слегка улыбнулась. — Все-таки онъ тамъ, я думаю, поопитивъ и поискусивъ, возразила она. — «Я не знаю этого; но мнѣ въ нынѣшней нашей литературѣ, по преимуществу, дорого то, что въ ней всѣ эти насущные вопросы, которые душили и давили русскую жизнь, поднимаются и разрабатываются». — Что поднимаются, это правда, но чтобы разрабатывались—этого не видать; скорѣе же это дѣлается въ правительственныхъ сферахъ, продолжала Мари. — Юлія захохотала.. «Нѣтъ уже, позволите вамъ сказать: у меня у самой отецъ былъ чиновникъ и два брата теперь чиновниками—и я знаю, что это за господа...» — Какъ вы, я думаю, чиновники въ странѣ, такъ вы и литераторы, ужъ нарочно кажется поддразнивала Юлію Мари... Прежде, когда вотъ онъ только-что вступалъ еще въ литературу, продолжала Мари, указывая глазами на Вихрова, — когда заниматься ею было не только что не очень выгодно, но даже не совсѣмъ безопасно, — тогда, дѣйствительно, являлись въ литературѣ люди, которые имѣли истинное къ ней призваніе и которымъ было что сказать; но теперь, когда дѣло это начинаетъ становиться почти спекуляціей; за него, конечно, взялось много господъ далеко неблагоприятнаго свойства. — «Но наша литература такъ еще молода, что она не могла предъявить такихъ грязныхъ явленій, какъ это есть, можетъ быть, на Западѣ.» — То-то и у насъ начинаетъ быть похуже еще западнаго! отвѣчала Мари; — ее, по преимуществу, возмущалъ наглый и бездарный тонъ тогдашнихъ петербургскихъ газетъ...

Я не нахожу ничего лучше, какъ отвѣтить, на всѣ эти разсужденія г. Писемскаго, словами Гейне. Г. Писемскій конечно приз-

наеть въ Гейне сильный умъ и не отрицаетъ въ его владѣльцѣ прогрессивнаго служенія своей родинѣ. «Страшное дѣло, говоритъ Гейне, когда созданныя нами тѣла требуютъ отъ насъ душу; но еще ужаснѣе, страшнѣе создать душу и слышать, какъ она требуетъ отъ васъ тѣла и преслѣдуетъ васъ этимъ требованіемъ. Мысль, порожденная нами въ нашемъ умѣ, есть одна изъ такихъ душъ, она не оставляетъ насъ въ покоѣ, пока мы не дадимъ ей тѣла, пока не осуществимъ ее въ осязаемомъ явленіи. Мысль стремится стать дѣломъ, слово — обратиться въ плоть, и — чудная вещь! человекъ стоитъ лишь выразить свою мысль, чтобы вслѣдствіе того устроился міръ, возникли свѣтъ и тьма, воды отдѣлились отъ суши и даже появились хищные звѣри. Міръ есть внѣшнее проявленіе слова. Забудьте себѣ это вы, гордые люди дѣла. Вы ничто иное, какъ бессознательныя руки людей мысли, которые часто въ смиреннѣйшей тишинѣ начертываютъ вамъ самый опредѣленный планъ вашихъ дѣйствій. Максимилианъ Робеспьеръ былъ ничто иное какъ рука Жанъ-Жака Руссо, кровавая рука, вытаскивавшая изъ вѣдръ времени тѣло, котораго душу создалъ Руссо. Тоска, отвращавшая жизнь Руссо, происходила, можетъ быть, оттого, что онъ уже предчувствовалъ, какой акушеръ потребуется для родовъ его мысли! Старый Фонгенель былъ, можетъ быть, правъ, когда говорилъ: «Если бы я сжималъ въ моей рукѣ всѣ мысли здѣшняго міра, то ни за что не раскрылъ бы ее.» Я думаю совершенно иначе. Если бы я держалъ въ рукѣ всѣ мысли этого міра, я, можетъ быть, попросилъ бы васъ немедленно отсѣчь эту руку; но, во всякомъ случаѣ, не долго держалъ бы ее сжатою. Я не рожденъ тюремщикомъ мыслей, — видитъ Богъ! я бы освободилъ ихъ... Я болѣе сильнѣе всѣхъ васъ и тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, что знаю, какъ дорого здоровье. Но вы этого не знаете, вы, люди, которымъ я завидую! Вы способны умереть, даже не замѣтивъ того. Да; многіе изъ васъ давно уже умерли и утверждаютъ, что именно только теперь вступаютъ въ настоящую жизнь...» Все это говоритъ Гейне на 110—112 стр. «Германія» (V т. рус. изд. г. Вейнберга). Прочитайте, г. Писемскій. Мари, которую вы заставили высказывать ваши мысли, была далеко не такъ умна, какъ Юлія — справьтесь у Гейне. Чтобы эффектъ былъ полнѣе, вы заставляете Мари и Вихрова найти у Юліи рѣзкій тонъ, грубыя манеры. «Всѣ мы женщины, обыкновенно мыслями страдаемъ, по крайней мѣрѣ держали бы себя нѣсколько поскромнѣй,» замѣчаетъ насчетъ Юліи Мари. И благодушный русскій читатель пожалуй и въ самомъ дѣ-

лѣ повѣрить тому, что говоритъ г. Писемскій, не догадавшись, что въ Юліи г. Писемскій для контраста съ людьми 40-хъ годовъ хочетъ изобразить въ эмбрионѣ будущаго человѣка 60-хъ годовъ; Юлія еще не нигилистка, но почти нигилистка. Автору «Взбало-мученнаго моря» конечно не должны нравиться люди и литература 60-хъ годовъ. Еще бы! Теперь все хуже, чѣмъ прежде; крестьяне получили свободу, явилось земство, гласный судъ, заговорили о социальныхъ вопросахъ и въ старые авторитеты русской беллетристики перестаютъ вѣрить.

Ну а Мари, эта любимица г. Писемскаго, предметъ страсти Вихрова? О воспитаніи Мари мы можемъ судить изъ ея письма къ Есперу Ивановичу. «Дорогой благодѣтель! — Мари была дочерью Еспера Ивановича отъ ключницы его Анны Гавриловны, и потому конечно не смѣла называть его отцомъ—пишу къ вамъ это письмо въ весьма трагическія минуты нашей жизни: князь Песневъ (у него Мари воспитывалась) кончилъ жизнь. *Tout le grand monde a été chez madame la princesse.* Государь ей прислалъ милостивый рескриптъ. Всѣ удивляются ея добротѣ: она самыми искренними слезами оплакиваетъ смерть человѣка, отравившаго всю жизнь ея и, послѣднее время, болѣе двухъ лѣтъ надававшего ей ни минуты покоя своими капризами и страданіями. Занятія мои идутъ по прежнему: я скоро буду брать уроки изъ итальянскаго языка и эстетики, которой будетъ учить меня профессоръ Шевыревъ. *C'est un homme très intéressant,* съ длинными волосами и съ прической à l'enfant. Онъ былъ у шаман (княгиня;—дѣйствительная мать не смѣла даже назвать свою дочь дочерью) съ визитомъ и между прочимъ прочелъ ей свое стихотвореніе, въ которомъ ей особенно понравилась одна мысль. Онъ говоритъ: «*Данта читаетъ, — что въ морѣ купаться!*» Не правда ли, благодѣтель, какъ это вѣрно и поэтично?..» Не глупая дѣвочка выходитъ, сказалъ Есперь Ивановичъ, кончивъ письмо.» Умница, умница! подтвердилъ отецъ Вихрова. Молодой Вихровъ, герой романа, всю жизнь свою раздѣлялъ на этотъ счетъ мнѣніе своего отца. «О какая это умница! говоритъ Павелъ Вихровъ Юліи про Мари. Главное, образование солидное получила; въ Москвѣ всѣ профессора почти ее учили, знаетъ наконецъ языкъ, музыку и сверхъ того—дочь умнѣйшаго человѣка.» Это восхваленіе напоминаетъ намъ басню про кукушку и пѣтуха. Мари, конечно, не оставалась въ долгу. «Какъ тебѣ не грѣхъ и не стыдно считать себя ничтожествомъ, писала она Вихрову, и видѣть въ твоихъ новыхъ знакомыхъ Богъ знаетъ что: ты говоришь

что они люди, стоящіе у дѣла и умѣющіе дѣло дѣлать. И задаешь себѣ вопросъ: на что же ты годенъ? Но ты самъ прекрасно отвѣтилъ на это въ твоемъ письмѣ: ты *чувствователь жизни*. Они—*муравьи, трутни*, а ты — ихъ *наблюдатель и описатель*, ты срисуешь съ нихъ картину и дашь, ее намъ и потомству, чтобы научить и вразумить насъ тѣмъ,—вотъ мы что такое. .» Всякій порядочный человѣкъ провалился бы сквозь землю отъ такой грандіозной лести. Вихровъ—пчего, выдержать; онъ напротивъ обижался, когда его не считали гениемъ.

А какая эта Мари чистая, нравственная, какъ она любитъ Вихрова, какъ цѣломудренно проводить съ нимъ на пролетъ цѣлыя ночи, какъ она ненавидитъ своего мужа! «Ты будешь меня любить вѣчно, всегда, спрашиваетъ Мари Вихрова»—Я никого кромѣ тебя и не любилъ никогда, отвѣчаетъ Вихровъ. «Ну, смотри же; я на страшно тяжелый шагъ для тебя рѣшилась: ты, можетъ быть, и не воображаешь, какъ для меня это трудно и мучительно...»—Какой же это шагъ?—Мари пріѣхала въ деревню къ Вихрову. «Я недѣли двѣ была, какъ сумасшедшая: отказаться отъ этого счастья—не хватило у меня силъ; идти же на него—надобно было забыть, что я жена живого мужа, мать дѣтей; женщинамъ, хоть сколько нибудь понимающимъ свой долгъ, не легко на подобный поступокъ рѣшиться!..» Но вѣдь таже Мари говоритъ, что почти лучше душишь въ себѣ чувство. Ну и душите если лучше. И какимъ подвигомъ она щеголяетъ? Судите самі читатель. «Дома, влюбленные, рассказываетъ г. Писемскій, обыкновенно послѣ ужина, когда весь домъ укладывался спать, выходили сидѣть на балконъ. Ночи все это время были теплыя до духоты. Вихровъ, обыкновенно, бралъ съ собою сигару и усаживался на мягкомъ диванѣ, а Мари помѣщалась около него и по большей части, склоняла къ нему на плечо свою голову. *Разговоры въ этихъ случаяхъ происходили между ими самая задушевнѣйшіе.*» Такихъ милыхъ, благоправныхъ дѣтей остается лишь поглядить по головкамъ и сказать имъ: пайнъки. Только благоразумно ли было просиживать цѣлыя ночи на воздухѣ? Хорошо еще, что г. Писемскій позаботился насчетъ теплой погоды, иначе бѣдненькимъ пришлось бы вести задушевные разговоры въ комнатѣ.

Мы на началѣ пятой части и не знаемъ какъ кончить Мари; но мы знаемъ то, что она не живой человѣкъ, а кукла, ходульная героиня. Пусть читателя не обманываетъ то, что г. Писемскій заставляеть ее произносить хорошія слова и за тѣмъ объясняетъ,

что слова эти хорошия. Слова эти все-таки г. Писемскаго и припилены къ губамъ Мари, подобно бумажкамъ съ надписями. Но мы готовы даже помириться на томъ, что за Мари говоритъ авторъ, лишь бы говорилось умно, лишь бы дали намъ «людей 40-хъ годовъ», указали намъ эту историческую эпоху въ полной отчетливой картинѣ со всѣми ея послѣдствіями, изъ которыхъ бы мы увидѣли какой цвѣтъ, характеръ и направленіе должна была принять русская мысль въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ чемъ же своеобразная печать всѣхъ героевъ и героинь г. Писемскаго? Почему они именно люди сороковыхъ, а не пятыхъ или десятыхъ годовъ? Мужчины—чиновники; женщины—какого хоти те времени. Груша, положимъ, не въ счетъ. А Фатѣева—ужь не жорзандистка ли? А Юлія—столь ненавистная г. Писемскому? Судя по приклеенному къ ней ярлыку, нужно думать, что это переходная форма къ людямъ «Взбаломученнаго моря». Наконецъ Марп. Конечно на челѣ ея сіяетъ какая-то звѣзда, но звѣзда маскарадная, изъ серебряной бумаги, а не печать времени. Г. Писемскій рисуетъ портреты грубымъ помеломъ, а для анализа человѣческой души и пробудившагося женскаго сознанія нужна кисть тонкая, сознательная и красокъ очень много. Г. Писемскій же маляръ, хотя искусный, а все-таки маляръ, немедленно ступшевывающійся, когда приходится рисовать живыхъ людей съ печатью мысли и чувства на лицѣ. *Разговоры въ этихъ случаяхъ происходили между ними самымъ за душевнымъ:* вотъ и догадывайтесь, что это значитъ! Вѣдь теорію такого авторскаго лаконизма, рассчитаннаго на сообразительность читателя, можно довести до истинно-геніальной краткости. Я предполагаю такой случай. Редакція «Зари» получаетъ пакетъ, съ надписью «отъ Писемскаго». Трепещущими отъ восторга и умиленія руками, г. Кашпиревъ срываетъ печать, извлекаетъ листъ бѣлой бумаги и читаетъ:

«Люди сороковыхъ годовъ». Романъ.

А. Писемскій.

И только. Конечно за такой романъ тысячъ пять не дадутъ; но за то какое поле дѣятельности для сообразительности читателя! Г. Писемскій будьте геніальны—пожалуйста пишите только подобные романы!

Вы думаете почему г. Писемскій заставилъ дурака Ивана застрѣлить Грушу? Представьте, что Груша жива и приѣзжаетъ Мари;

вѣдь тутъ возникаетъ цѣлая драма, тутъ цѣлая психологія. Какъ Вихровъ ни глупъ, и какимъ знатнымъ бариномъ онъ ни держитъ себя съ Грушей, но выпутаться изъ затруднительнаго положенія ему будетъ трудно. Человѣкъ очутился межъ двухъ огней; а душевное состояніе Груши и Мари? Г. Писемскій очень хорошо зналъ, что ему предстоитъ провалиться съ позоромъ и потому онъ заставилъ дурака Ивана оказать ему спасительную услугу. Хитрый г. Писемскій! И сцена вышла эффектиѣе. А было бы эффектиѣе видѣть, какъ проваливался бы г. Писемскій; ужъ какъ бы искренно мы перекрестили его! Да, гора родила мышъ, обѣщаніе не сдержано, людей сороковыхъ годовъ намъ не показали.

VIII.

Нѣтъ, г. Писемскій, жорзандизмъ, на который вы указываете, какъ на знаменіе времени, вамъ не по плечу. Жоржъ Зандъ захватилъ глубоко женское чувство; тутъ не только общество съ его неразвѣтностью, предрасудками, но и сама невыработанная еще природа человѣка. Человѣкъ точно несетъ несчастіе въ самомъ себѣ, какъ прирожденный грѣхъ. Писемскій же вообразилъ, что жорзандизмъ есть клубничность. Конечно, не одинъ г. Писемскій понялъ его такимъ образомъ; поняли его также и многія русскія барыни и многіе русскіе романисты. Но зачѣмъ клеветать на духъ времени, зачѣмъ клеветать на русскій умъ, на представителей русской мысли? Неужели изъ всей Россіи сороковыхъ годовъ не нашлось ни одного человѣка, способнаго правильно понять вопросъ, поставленный Европой?

Не только молодыхъ людей того времени, но сохранившихся зрѣлыхъ мужей пожирала міровая любовь; то было время жизни чувствомъ, время чувства широкаго, но раздвоившагося, безпредметнаго, ушедшаго въ рефлексію. Какая-то тоска пожирала людей; они чего-то хотѣли, къ чему-то стремились, но не находили нигдѣ удовлетворенія и страдали. Золотые дни предшествовавшаго счастливаго времени улетѣли и подъ внѣшней позолотой открылась страшная пустота, которую нужно было чѣмъ нибудь наполнить. Но чѣмъ? Жизнь не только не давала содержанія, а напротивъ сама являлась развѣдающей силой. Прежняя любовь — пошлая, грязная, легкомысленная, великосвѣтская не могла на-

полнить пустоты. Чувство рвалось куда-то, ширилось, но ширилось безпредметно. «Я въ то московское время, говоритъ Лежневъ, хаживалъ по ночамъ на свиданье.., съ кѣмъ бы вы думаете? съ молодой липой на концѣ моего сада. Обниму я тонкій и стройный стволъ и мнѣ кажется, что я обнимаю всю природу, а сердце забьется и млѣетъ такъ, какъ будто, дѣйствительно, вся природа въ него вливается... Вотъ-съ я былъ какой!..»

При подобномъ настроеніи неудовлетвореннаго чувства, отрицаніе явилось такимъ развѣдающимъ элементомъ, что сомнѣніе закралось во все, оно преслѣдовало человѣка въ каждомъ его чувствѣ, въ каждомъ его порывѣ. Человѣкъ рѣшительно раздвоился, потому что началъ думать. Прежде жилось на вѣру. Чиннымъ старымъ обычаямъ подчинялись безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія. Многое было тяжело, многое могло не нравиться, но мысль не дерзала думать о какихъ либо переменѣхъ въ зданіи, стоявшемъ твердо и выстроенномъ солидно. А тутъ вдругъ залѣзъ въ мозгъ какой-то безпокойный червь и началъ точить его. Чувство говорило одно, умъ сталъ говорить другое; въ каждого человѣка точно засѣли два существа, которыя вѣчно между собою спорили. Одно я толкало куда-то, а другое—останавливало, охлаждало порывъ и спрашивало: куда ты, безумецъ, что ты дѣлаешь, туда ли ты идешь? Подумай! И вотъ чувственное я впадало въ нерѣшительность, останавливалось въ раздумьи, не зная, что предпринять. Вотъ откуда шаткость, нерѣшительность человѣческаго поведенія и это ничегонеделанье съ сложенными руками, съ вдохновеннымъ лицомъ, съ сверкающими отъ внутренняго огня глазами и въ тоже время съ мучительною болью въ душѣ. Эта-то раздвоенность, мучительная и тяжелая, есть рефлексія. Вотъ что Лежневъ рассказываетъ о своей первой любви. «Рудинъ, вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни и своей и чужой прищипливать словомъ, какъ бабочку булавкой, пустился обоимъ намъ объяснять насъ самихъ, наши отношенія, какъ мы должны вести себя, деспотически заставляя отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, хвалилъ насъ, порицалъ, вступилъ даже въ переписку съ нами, вообразите!.. ну, сбиль насъ съ толку совершенно!..» Эта же рефлексія была причиною, что Рудинъ съ такимъ позоромъ отретировался изъ дома Дарьи Михайловны. Рудинъ былъ честный человѣкъ, онъ не былъ Ловеласомъ, но у него, по словамъ Пигасова, какъ у китайскаго болванчика, перевѣшивала голова. Отъ этого же Рудинъ въ сво-

емъ прощальномъ письмѣ къ Натальѣ писалъ: «...наши жизни могли бы слиться, но не сольются никогда. Какъ доказать вамъ, что я могъ бы полюбить васъ настоящей любовью, любовью сердца, а не воображенія, когда я самъ не знаю, способенъ ли я на такую любовь!» Цѣльному человѣку такой вопросъ не явится.

А развѣ Жоржъ-Зандъ не говоритъ о себѣ того же, развѣ онъ не жалуется на отсутствіе вѣры и воли? Да, вѣра! Люди сороковыхъ годовъ усумнились во всемъ своемъ міровоззрѣніи, все старое ихъ не удовлетворяло; они отнеслись къ своему внутреннему я съ такой холодной строгостію, что должны были остановиться въ нерѣшительности на распутіи двухъ дорогъ. Отчего такъ сильные люди 60-хъ годовъ? Только потому, что для нихъ не было нерѣшенныхъ вопросовъ, что съ готовымъ выводомъ для нихъ не могло быть сомнѣній, въ этомъ секретъ всякой смѣлости и силы. Сила— въ увѣренности, въ непогрѣшимости вывода, и потому въ твердомъ убѣжденіи. Вотъ тотъ всеокрушающій мечъ, которымъ Магометъ покорилъ Востокъ. Рефлексія—обратная сила и результатъ ея обратный. Моментъ сороковыхъ годовъ былъ моментомъ русской рефлексіи.

Но могла ли женщина остаться внѣ этого движенія, если оно охватывало всю жизнь? Возможно ли, чтобы были только мужчины сороковыхъ годовъ, а женщинъ сороковыхъ годовъ не было? Вопросы женщинъ могли быть не такъ всеобъемлющи, не могли отличаться мировымъ характеромъ, какимъ отличалась любовь Лажнева къ липѣ; но Жоржъ Зандъ писалъ не для одной Европы, Россія читала его также и въ подлинникѣ, и въ переводахъ.

На почвѣ царившаго тогда еще во всей своей силѣ крѣпостного права, Жоржъ Зандъ былъ понятъ женщинами не такъ, и потому получилъ иное практическое приложеніе. Для большинства жорзандизмъ сдѣлался синонимомъ половой распущенности, нестыжняющагося поведенія, теоріей супружескаго надувательства. Но гдѣ же Жоржъ Зандъ ставитъ женскій вопросъ такимъ образомъ? Индіана развѣ не мученица долга? Валентина развѣ не кающаяся Магдалина? Жоржъ Зандъ справедливо говоритъ, что его напрасно обвиняютъ въ покушеніи разстроить супружеское счастье и въ запелляціонномъ осужденіи брака. Въ свою защиту онъ ссылается на Жака и на множество другихъ романовъ, въ которыхъ не говорится ни слова о супружествѣ. Не разстроить бракъ явился Жоржъ Зандъ, а напротивъ устроить—но бракъ хорошій, честный, равноправный, который бы наполнялъ жизнь женщины, дѣлалъ бы

ее довольной и счастливой, удовлетворялъ бы всѣмъ потребностямъ ея души. Но бракъ даже и въ такомъ видѣ не составляетъ всей сущности жорзандизма, а входитъ въ него лишь какъ одинъ изъ элементовъ женской психологін.

Если женщины дѣлали подчасъ изъ жорзандизма своеобразное и одностороннее примѣненіе, то это и не могло быть иначе. Когда Рудина, мужчину, заѣдала невозможность расправить свои крылья и полетѣть куда ему хочется, то какъ же было расправить широко свои крылья женщинѣ? Кромѣ семьи и великосвѣтскаго поприща ей не было путей жизни; на семьѣ же лежало клеймо крѣпостного права, какъ и на всѣхъ тогдашнихъ русскихъ отношеніяхъ. Поэтому и роль женщины, у которой явилось сознание неудовлетворенности и идеальное стремленіе къ чему-то лучшему, болѣе счастливому и свободному, на почвѣ практической могла проявиться лишь въ той лукавой, замаскированной формѣ, въ какой проявлялъ свое стремленіе къ свободѣ крѣпостной.

Впрочемъ такой формѣ вопроса мы не придаемъ важности. Сущность вопроса въ пробужденіи женскаго сознанія, а не въ томъ, что бывали Фатѣвы или добродѣтельныя, но безличныя Мари; сущность вопроса въ стремленіи женщины къ счастью. А развѣ обманывающій человѣкъ можетъ быть счастливъ? Поэтому для насъ люди сороковыхъ годовъ не лично гг. Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Дружининъ, Вихровъ или Рудинъ, а женщины сороковыхъ годовъ не госпожа Ростовчина, Павлова, Шахова, Эйсмондъ, для насъ люди 40-хъ годовъ та безпредметная Россіи идеальнаго образа, которой не далъ намъ еще ни одинъ писатель того времени. Въ этой Россіи копошилось чувство и мысль, въ ней жило стремленіе, въ ней работала прогрессивная сила независимо отъ того, показали или нѣтъ эту силу романисты. Образъ существовалъ, но его только никто не нарисовалъ. Черты были конечно тонкія, нерѣдко неуловимыя, группировать ихъ было трудно — но кто же можетъ сказать, что ихъ не было: возьмите теперешнюю Россію и Россію тридцать лѣтъ назадъ. Развѣ возможенъ подобный рѣзкій переломъ, если бы тогдашняя Россія не имѣла уже прогрессивнаго содержанія, если бы въ ней не существовало идеала и стремленія къ нему? Тогдашняя мысль работала въ смиреннѣйшей, келейной тишинѣ и чертила планъ нашему времени. Конечно никто не зналъ, въ какой формѣ воплотится эта мысль, какой акушеръ потребуется для ея рожденія. И въ то время своеобразнаго отрицанія оно не могло быть иначе. Круциферская писала въ своемъ журналѣ

«Неблагодарность ли это къ судьбѣ, или ужь человѣкъ такъ устроенъ; а я чувствую часто, особенно съ нѣкотораго времени, стремленіе... очень мудро его выразить. Я искренно люблю Дмитрія (мужа); но иногда душа требуетъ чего-то другого, чего я не нахожу въ немъ — онъ такъ кротокъ, такъ нѣженъ, что я готова раскрыть ему всякую мечту, всякую дѣтскую мысль, пробѣгающую по душѣ; онъ все оцѣнитъ, онъ не улыбнется съ насмѣшкой, не оскорбитъ холоднымъ словомъ или ученымъ замѣчаніемъ; но это не все; бываютъ совсѣмъ иныя требованія, душа ищетъ силы, отвагу мысли; отъ чего у Дмитрія нѣтъ этой потребности добиваться до истины, мучиться мыслию? Я, бывало, обращаюсь къ нему съ тяжелымъ вопросомъ, съ сомнѣніемъ, а онъ меня успокоиваетъ, утѣшаетъ, хочетъ убаюкать, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми... а мнѣ совсѣмъ не того хотѣлось бы... онъ и себя убаюкиваетъ тѣми же дѣтскими вѣрованіями, а я не могу... Можетъ ли быть чтонибудь преступное полно прелести, упоенія, блаженства?.. Бельтовъ правъ — люди сами себя выдумываютъ терзанія... Я много измѣнилась, возмужала послѣ встрѣчи съ Вольдемаромъ; его огненная дѣятельная натура, безпрестанно занятая, трогаешь всѣ внутреннія струны, касается всѣхъ сторонъ бытія. Сколько вещей простыхъ, обыденныхъ, на которыя я прежде вовсе не смотрѣла, заставляютъ меня теперь думать. Многое, о чемъ я едва смѣла предполагать, теперь ясно. Конечно, при этомъ приходится часто жертвовать мечтами, къ которымъ привыкла, которыя такъ береглись и лелѣялись; горька бываетъ минута разставанія съ ними, а потомъ становится легче, вольнѣе... Странно мнѣ казалось, что жизнь наша успокоилась, что она пойдетъ широко, полно — и вдругъ какая-то пронасть раскрылась подъ ногами... лишь бы удержаться на краю... Тяжело... Еслибъ я умѣла хорошо, очень хорошо играть на фортепіано, я извлекла бы тѣ звуки изъ души, которые не умѣю высказать... Я много говорила сегодня съ Дмитріемъ, были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что онъ понимаетъ меня, но чрезъ минуту я ясно видѣла, что мы совершенно разнo смотрѣли на жизнь. Я начинаю думать, что Дмитрій и прежде не вполне понималъ меня, не вполне сочувствовалъ,—это страшная мысль!..» «Предоставляю читателю разрѣшить *кто виноватъ?*» говоритъ въ концѣ романа авторъ. Вотъ гдѣ правда времени, и какой смѣшной послѣ этого г. Писемскій съ своими кондуктными списками своихъ бумажныхъ героинь!

Но рядомъ съ этимъ здоровымъ пробужденіемъ критикующей

мысли, рядомъ съ этой рефлексіей, неизбежной въ развитіи каждаго мыслящаго человѣка и каждаго общества, усматривается другая форма—форма болѣзненная, искалѣченная, которой мы обязаны исключительно крѣпостному праву. Русская читающая дѣвушка ушла въ идеализацію, превратилась въ мечтательницу, праздную мученицу чувства, въ кисейную барышню. Рефлексія начавшей думать русской женщины, имѣла реальную почву; но дѣвушка эту почву утратила и ея наивность и простодушіе были лишены органической свѣжести и здоровья. Противъ этихъ-то искалѣченныхъ созданій жорзандизма на русской почвѣ и пошла активнымъ протестомъ дѣвушка новаго времени.

Такимъ образомъ на моментъ сороковыхъ годовъ мы смотримъ, какъ на неизбежное историческое явленіе, какъ на моментъ русской рефлексіи, какъ на моментъ пробужденія русской мысли, наконецъ, какъ на моментъ теоретической жизни безъ возможности соотвѣтственной практикѣ. Моментъ этотъ охватилъ и русскаго мужчину, и русскую женщину. Кто эти мужчины и женщины — перечислить мы не можемъ. Мы знаемъ только, что это не романисты, оставленные намъ той эпохой, и не женщины-писательницы, какъ г-жи Ростопчина и Павлова. Но люди сороковыхъ годовъ были, червячекъ шевелился во многихъ, и коллективно они были людьми своей эпохи, хотя каждый въ отдѣльности и не могъ служить ея идеаломъ. Знаемъ мы также, что г. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій не дали намъ картины своего времени и что г. Писемскій оказался не въ состояніи подойти даже издали къ эпохѣ, лѣтописцемъ которой онъ задумалъ явиться. Въмѣсто широкой, всеобъемлющей картины съ грандіозными героями, соотвѣтственными русскому порыву, г. Писемскій далъ формулярные списки шести человѣкъ, кондуитные списки четырехъ женщинъ и разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ бывлой полицейской практикѣ. А между тѣмъ судьба автора была въ его собственныхъ рукахъ, если бы онъ не задался горделивой мыслию создать типы эпохи изъ собственного чрева. Ну отчего бы вамъ не прочесть сочиненій Бѣлинскаго и не воспроизвести всѣ его мысли въ художественномъ идеалѣ? Если бы герой и не вышелъ у васъ титаномъ — все-таки онъ не былъ бы Вихровымъ, и за героиню вы не выдали бы ученицу Шевырева и Погодина.

Н. Ш.

(Продолженіе будетъ.)

НОВЫЯ КНИГИ.

„Дѣтское чтеніе“. Журналъ для дѣтей, издаваемый подъ редакціей А. Острогорскаго. 1869 г.

Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Спб. 1869 г.

Сочиненія Людвигъ Берне, въ переводѣ Петра Вейнберга. Въ 2 томахъ. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Спб. 1869. Изд. Н. Н. Полякова.

А. Михайловъ. Пролетаріатъ во Франціи 1789—1852 (Историческіе очерки). Спб. 1869.

I.

Тяжела на подъемъ матушка-Россія. Гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ, далеко отъ ея сердца, что-то пошевеливается въ головахъ нѣкоторыхъ; а она родная, необъятная, живетъ себѣ все по старому, по русскому, по стихійному!

А между тѣмъ сколько пережито въ послѣднее время, и какъ мы волновались, и какъ мы много перечувствовали и передумали, и какъ мы далеко ушли въ теоріи, и какъ мы много узнали, чего и во снѣ не снилось нашимъ паненьямъ, несмотря на то, что они были людьми сороковыхъ годовъ, и какое множество мы подняли новыхъ вопросовъ! И что же?.. а то, что приходится повторить слова Реклама: „доброе скажи и скажи, и потомъ опять скажи, пока оно не будетъ услышано“.

Два вопроса были поставлены во главѣ всѣхъ — нужно воспитать новыхъ людей, нужно создать матерей. Гдѣ же эти матери, гдѣ эти воспитанные новые люди, гдѣ это новое воспитаніе, какъ его понимало проснувшееся сознание шестидесятыхъ годовъ?

Уже люди сороковых годов говорили, что на родителях лежит обязанность сдѣлать своихъ дѣтей людьми, а учебныя заведенія только готовятъ ученыхъ, гражданъ и членовъ государства на всѣхъ его ступеняхъ. „Всякій человѣкъ, говорилъ Бѣлинскій еще въ 1840 году, не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ уже носитъ возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, его склонность и его способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ, — словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ, никто ни выше, ни ниже самого себя. Наполеонъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильна и человѣческая воля, и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка — развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать ровень съ самимъ собою; но не въ его волѣ и не въ его силахъ приобрести трудомъ и усиленіемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ, на примѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе. Животное, родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ безъ всякихъ стараній и усилій съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и осломъ и чѣмъ угодно..“

Уже люди сороковых годов говорили, что воспитаніе, чтобы быть жизнію, а не смертію, — спасеніемъ, а не гибелью, должно отказать отъ всякихъ притязаній кроить изъ ребенка человѣка по извѣстной мѣркѣ. Ребенокъ вовсе не бѣлый листъ бумаги, на которомъ можно написать все, что вздумается воспитателю; каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которую можно сдѣлать

лучше и хуже только по своему, т. е. индивидуально. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка лишь худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ же оно не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться.

Но людямъ сороковыхъ годовъ мѣшали встать на вѣрную точку практическихъ приложений идеализація и недостаточное знакомство съ естественными науками. Не фізіологія учила тогдашнее поколѣніе понимать людей и толковать жизнь, а метафизика съ ея идеальными абсолютами. Отъ этого люди сороковыхъ годовъ только предчувствовали природу человѣка, но не знали ее, какъ знаемъ ее мы, и практическая сторона вопроса осталась оттого для нихъ неразрѣшенной.

Такъ, у того же представителя людей сороковыхъ годовъ, Бѣлинскаго, мы читаемъ: „Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ; ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть ничто иное, какъ осуществившіеся законы его же собственнаго разума. И потому-то есть такъ-называемыя врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма“. Мы знаемъ теперь, что это значитъ; мы знаемъ, какъ понимать, что дѣйствительность есть осуществившіеся законы человѣческаго разума и что врожденныя идеи суть непосредственное созерцаніе истины. Намъ научила этому лишь фізіологія. Фізіологія объяснила намъ законы рефлекса и намъ стало ясно, что ни одинъ психологическій процессъ невозможенъ безъ предварительнаго воспріятія органами чувствъ вѣшнихъ впечатлѣній и что, слѣдовательно, такъ-называемыя врожденныя идеи, есть ничто иное, какъ внутренняя способность человѣческаго организма переработывать извѣстнымъ образомъ воспріятыя впечатлѣнія.

Но ошибались люди сороковыхъ годовъ, если они думали, что въ человѣкѣ сидитъ какая-то таинственная сила, отстраняющая все скверное и непосредственно отличающая добро отъ зла, истину отъ заблужденій. Если бы это было такъ, развитіе человѣчества не шло бы вкривь и вкось, и русскій человѣкъ сидѣлъ бы уже давно въ малинѣ. Ошибались люди сороковыхъ годовъ, когда они говорили, что „основу, сущность, элементъ высшей жизни въ че-

ловѣкъ составляетъ его внутреннее чувство безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ его организаціи. Все человѣческое знаніе должно быть поэтому выговариваніемъ, переведеніемъ въ понятія, опредѣленіемъ, короче — сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, бесплодная и мертвая отвлеченность...“ Смутно, мистически понимались людьми того времени честные процессы, совершавшіеся въ ихъ чувствующемъ организмѣ. Ихъ „безконечное“ было загадкой сфинкса, непередаваемой на понятный человѣческій языкъ и истина, незнанная до осязательности, являлась доступной лишь немногимъ избраннымъ, въ которыхъ бродила подобная же сила.

Чего же требовали люди сороковыхъ годовъ отъ воспитанія? Любви, любви и любви. „Чувство безконечнаго есть искра божія, говоритъ Бѣлинскій, зерно любви и благодати, живой проводникъ между человѣкомъ и Богомъ“. Итакъ, таинственное слово сфинкса есть истина, провозглашенная XIX вѣкомъ — любовь, гуманность. Люди сороковыхъ годовъ знали эту истину, указывали на нее, но только не умѣли ее ясно формулировать.

Такимъ образомъ мы получили отъ своихъ предшественниковъ истину готовую, руководящій принципъ точно-установленный; оставалось лишь формулировать его по новому и приниматься за дѣло.

Но указанное слово и готовая истина не спасли насъ отъ старыхъ ошибокъ, и вотъ тотъ укоръ, который мы бросимъ новымъ матерямъ. *Мало любить свое дитя; надо умѣть его любить.* Матери новаго времени раздвоились между принципомъ и личнымъ опытомъ и сѣзили свою задачу до воспитательной практики своихъ бабушекъ. Одна мать, напримѣръ, имѣвшая безпокойнаго мужа, думаетъ, что первое благо на свѣтѣ есть семейное счастье, тишина и благодать въ домашней жизни, и вотъ она задается задачей — создать изъ своихъ сыновей кроткихъ, невозмутимыхъ, будущихъ патріарховъ. Другая мать знаетъ по личному опыту, какъ тяжелъ родительскій деспотизмъ; она читала о свободѣ американскаго воспитанія, и вотъ — она выбрасываетъ совершенно изъ своихъ рукъ бразды правленія и готовитъ изъ своего сына будущаго не-

обузданнаго монгола. Третью томили дома приличіями и, изболѣвъ ими, она не преподаетъ своимъ дѣтямъ ужь никакихъ приличій. Четвертая, не сочувствуя, по натурѣ, стремительнымъ людямъ и нлѣбнвшисъ умѣньемъ англичанъ держать себя съ достоинствомъ, воспитываетъ своихъ дѣтей будущими лордами и леди. Пятая, видящая въ своихъ дѣтяхъ геніевъ, воспитываетъ ихъ въ сознаниі своей исключительности, т. е. развиваетъ суетность, резонерство, самое мелочное, узкое своекорыстіе и филистерство. Шестая, для упроченія своей родительской власти на возможно-незыблемомъ основаніи, держится принципа виѣшней непогрѣшимости, точно ея сыновья, будущіе русскіе пролетаріи, будутъ кардиналами или членами римской куріи. И куда не посмотришь, повсюду односторонность, повсюду не воспитаніе, а порча; повсюду служиваніе способностей, служиваніе дѣтскаго кругозора и насильственное прикрѣпленіе къ одной точкѣ зрѣнія, къ искусственной системѣ, насильное навязываніе своихъ личныхъ мнѣній, наклонностей и привычекъ.

Мы понимаемъ, какимъ путемъ сложилось подобное воспитательное поведеніе. Мы понимаемъ, что оно явилось протестомъ противъ лично вынесенныхъ каждымъ человѣкомъ страданій. Но только что же изъ этого? Развѣ ошибка перестаетъ отъ этого быть ошибкой и односторонность односторонностью? Но какое право имѣютъ односторонніе люди навязывать другимъ силой опытъ своего страданія, когда этому другому предстоитъ иная дорога? Какое вы имѣете право толкнуть своихъ дѣтей въ противоположную крайность своего личнаго опыта? Вы, конечно, не кидаете въ своихъ родителей грязью; вы знаете, что они портили васъ потому, что любили. А развѣ вы идете не тѣмъ же путемъ? Развѣ вашимъ дѣтямъ, когда жизнь заставитъ ихъ разсчитываться за ваше воспитаніе, не придется отнестись къ вамъ съ подобнымъ же великодушнымъ снисхожденіемъ? Старая русская жизнь, противъ которой явилась протестомъ жизнь новая, имѣетъ свою точно-опредѣленную фізіономію. Это вовсе не туманное пятно, въ которомъ всякій можетъ видѣть, что ему хочется. Нѣтъ. Всякія былыя отвратительности, зловредности и т. д. группируются здѣсь въ цѣльное, за-

конченное, генеральное представленіе. И это представленіе вовсе не единоличное, созданное какимъ нибудь одностороннимъ опытомъ Анны, Марьи, Александры. Если разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ, въ числѣ которыхъ воспитаніе цѣлыхъ поколѣній стоитъ, конечно, на первомъ мѣстѣ, мы сведемъ къ единоличному опыту узколюбыхъ людей, то окажемъ ужь слишкомъ плохую патріотическую услугу и безъ того стихійно-живущей своей родинѣ. Въ сущности, мы пережѣнимъ лишь актеровъ, а роли останутся старыя, слѣдовательно и старыя отношенія, и старыя общественные порядки. Нужда научила, положимъ, васъ ставить выше всего богатство, и вотъ ради противовѣса вы воспитываете изъ своего сына кулака и эксплуататора. Другой, желая замѣнить пустую форму внѣшнихъ приличій здоровой сущностію, создастъ неотесаннаго Митрофанушку. Третій, путемъ отеческой непогрѣшимости, произведетъ на свѣтъ мелочное деспотическое своекорыстіе и т. д. Неужели этихъ и подобныхъ имъ цвѣтовъ еще такъ мало въ русскомъ вертоградѣ и такъ они необходимы для его красоты, чтобы стоило называть ихъ продуктомъ дорого-купленнаго горькаго опыта и тратить на ихъ культуру время? И чѣмъ новый вертоградъ, насажденный полянью, чертополохомъ, репейникомъ, будетъ отличаться отъ стараго, насажденнаго тѣми же растеніями, но руками другихъ садовниковъ?

Но въ чемъ же искать общаго, руководящаго, безошибочнаго принципа? Принципъ этотъ простъ; онъ былъ уже указанъ русскому человѣку; и теперь его, какъ доброе слово, остается лишь повторять еще и еще. Принципъ этотъ, основное слово XIX вѣка, есть гуманность.

Гуманность — единственный непогрѣшимый всеобщій принципъ, единственная цѣль воспитанія. Куда бы ни толкнула судьба человѣка и чѣмъ бы она его ни сдѣлала — простымъ ли носильщикомъ и чернорабочимъ или повелителемъ милліоновъ — безъ гуманности онъ ничего. Въ гуманности источникъ гражданскаго достоинства и благополучія, въ гуманности безошибочное руководящее начало внутренняго и внѣшняго поведенія.

Но что это за всеспасительная гуманность, въ болѣе осязательномъ опредѣленіи?

Возьмемъ примѣры изъ недавняго прошлаго. Лѣтъ сто назадъ былъ обычай, чтобы во время войны истреблять возможно совершеннѣе не только солдатъ, но выжигать села мирныхъ обитателей, истреблять ихъ хлѣбъ въ поляхъ и вообще какъ можно совершеннѣе класть непріятельскую землю пусту. Нынче — истребляютъ наиболѣе совершенно только солдатъ, а мирныхъ обитателей оставляютъ въ покоѣ. Прежде раненыхъ враговъ обыкновенно прикалывали — а нынче докторъ, перевязывающій на полѣ битвы въ самый разгаръ сраженія, есть особа неприкосновенная. Но это еще далеко не гуманность, а только часть ея — человѣколюбіе.

Во время крайней грубости нравовъ человѣколюбіе служило такой же нравственной уздой и руководящимъ принципомъ поведенія, какъ нынче гуманность. Ужь если тебѣ непремѣнно нужно убивать человѣка — убивай его, по крайней мѣрѣ, безъ живодерства и ненужной жестокости, поучало человѣколюбіе. Ужь если ты думаешь, что имѣешь право съчь своего ближняго — съчки его человѣколюбіиво.

Но гуманность идетъ дальше. Она находитъ, что проповѣдывать человѣколюбивое убійство значить или лукавить сознательно или не понимать, что дѣлаешь. Она прямо говоритъ, что человѣколюбіиво убивать и съчь подобнаго себѣ — невозможно. Гуманность велитъ во всякомъ человѣкѣ видѣть человѣка и понимать этого человѣка; она учитъ понимать и человѣческое счастье и несчастье, и радость и горе, и нравственное паденіе, и нравственное величіе: она учитъ читать чужую душу и чужую совѣсть, она учитъ относиться къ своему ближнему, какъ мы относимся къ самимъ себѣ. Гуманность есть безпредѣльная область социальной нравственности, гуманность вездѣ и во всемъ; она принимаетъ теперь размѣръ и характеръ всепоглощающаго, мірового социальнаго критерія, она служитъ единственной провѣркой единоличнаго человѣческаго поведенія. Обратимся хотя къ домашнимъ примѣрамъ. Московское купечество поступаетъ конечно очень человѣколюбіиво, благодѣтельствуя странникамъ, попрошайкамъ, нищимъ, юродивымъ и гадальщицамъ; но эта сердобольная участь дальше отъ гуманности, чѣмъ Москва отъ Нью-Йорка. Или, знатная барыня, никогда незвавшая

самостоятельнаго труда, помогающая бѣдной швеѣ путемъ благотворительности, поступаетъ конечно человѣколюбиво; но гуманности въ ея поведеніи столько же, сколько и въ поведеніи московской купчихи, благотѣлствующей юродивымъ тунеядцамъ. Или, филантропъ, сажаящій преступника въ изящную одиночную тюрьму, поступаетъ неоспоримо человѣколюбиво; но гуманность велитъ ему смотрѣть въ корень вещи и дѣлать нѣчто иное. Или, нѣжная мать, сбитая съ толку личнымъ опытомъ, поступаетъ весьма чадолюбно, усиливаясь спасти своихъ дѣтей отъ разныхъ житейскихъ бѣдствій, но, изготовляя изъ своихъ наслѣдниковъ необузданныхъ монголовъ, распущенныхъ самодуровъ, мелочныхъ себялюбцевъ и филистеровъ, маленькихъ деспотовъ и пустыхъ резонеровъ, она поступаетъ не только не гуманно, но безчеловѣчно. Подобную ошибку дѣлали по преимуществу матери „сороковыхъ годовъ“, воспитавшіяся на жорзандизмѣ. Онѣ доводили свою сердечную мягкость до апатія, до послѣдняго предѣла невмѣшательства, до какой-то безумной чисто-животной любовности и страстности. Но плоды подобнаго воспитанія оказывались большею частію несладкими и самимъ же матерямъ приходилось потомъ жать, что онѣ съѣли.

На русскую жизнь намъ нельзя рассчитывать такъ, какъ рассчитываетъ американецъ на жизнь американскую. Тамъ улица и лѣсъ воспитываютъ человѣка и изъ сапожниковъ, портныхъ, плотниковъ выходятъ Броуны, Линкольны, Гранты и т. д. Русская улица еще не владѣетъ такой чудотворной воспитательной силой и у насъ больше, чѣмъ гдѣ либо, требуется тщательный нравственный уходъ за ребенкомъ. Американское воспитаніе не есть практической протестъ противъ предъидущаго; оно не есть стремленіе новыми людьми создать новое общество, новую общественную жизнь. У насъ же двѣ Россіи стали стѣной одна противъ другой—Россія крѣпостная и Россія свободная. Старая Россія стоитъ еще крѣпко во всемогуществѣ своей традиціи; молодая, нарождающаяся, еще не успѣла порядкомъ оглядѣться. Поэтому ребенокъ, предоставленный жизни, поглотится скорѣе всего старо-русской средой и выйдетъ человекомъ крѣпостнаго міровоззрѣнія, но ужъ никакъ не дѣятелемъ будущей свободной Россіи. Слѣдовательно, наша главная за-

дача охранить своихъ дѣтей отъ вліянія традиціонной среды и не допускать до ихъ чувства той грубой коры, которую наложило на всѣ наши общественныя и частныя отношенія крѣпостное насиліе и крѣпостная эксплуатація. Задача эта нелегкая. Не говоря уже про нынѣшнѣе, но даже въ лучшихъ русскихъ людяхъ еще такъ много наслѣдственнаго, традиціоннаго, что оно сказывается въ нихъ на каждомъ шагу и невольно передается ими своимъ дѣтямъ. Довольно ли даже трехъ поколѣній, чтобы традиціонный духъ крѣпостной Россіи исчезъ совсѣмъ въ нашемъ образованномъ сословіи? Вотъ гдѣ трудность русскаго воспитанія. Трудность его въ томъ, что мы всѣ сами порченныя. Сами выросли внѣ гуманности и вдругъ намъ же приходится сдѣлаться ея преподавателями! Поэтому прежде всего намъ нужно выяснитъ себѣ самимъ свою задачу во всѣхъ ея подробностяхъ и составить себѣ программу собственнаго воспитательнаго поведенія. Много мы видѣли молодыхъ матерей полныхъ самаго горячаго желанія воспитать изъ своихъ дѣтей людей высшаго сорта — да и какая мать не хочетъ этого! — И увы! — воспитательницы не знали даже, какъ слѣдуетъ растить ребенка здоровымъ.

Гуманность есть соціальное понятіе и выяснитъ его себѣ во всѣхъ подробностяхъ дѣло не легкое. Но гдѣ недостаетъ знанія, тамъ матери можетъ помочь ея чувство. Научите своего ребенка любить людей и вы выполните двѣ трети своей задачи. Гуманность — цѣль, которая достигается лишь однимъ путемъ — любовью, — не вашей материнской любовью къ своему дѣтищу, нѣтъ, а возбужденіемъ въ вашемъ ребенкѣ любви къ другимъ. Слѣдовательно, воспитаніе должно заключаться въ возбужденіи хорошихъ чувствъ и въ подавленіи злыхъ порывовъ. Это вовсе не такъ трудно.

То или другое поведеніе человѣка есть не больше, какъ ассоціація извѣстныхъ привычекъ, усвоенныхъ нами безсознательно съ первой молодости. Напримѣръ, при крѣпостномъ правѣ, даже деликатныя барышни били по щекамъ своихъ горничныхъ только потому, что видѣли, какъ это дѣлаютъ другіе. У нихъ, уже съ первыхъ шаговъ жизни, неприятныя внѣшнія возбужденія получили возможность переходить въ мышечное движеніе анти-гуманнаго ха-

рактера. У дикарей, растущихъ въ дѣревняхъ, точно также всякое раздражающее внѣшнее впечатлѣніе переходитъ или въ ругань и сквернословіе, или въ драку, или вообще въ какой либо актъ разрушительнаго характера. Но отчего же есть люди, которые въ подобныхъ случаяхъ не стануть ни ругаться, ни драться? Только потому, что въ нихъ не сложились привычки къ рефлексамъ подобнаго рода. И эти люди сердятся, и они бывають недовольны, и они возмущаются, но только у нихъ не образовались привычки проявлять свои впечатлѣнія грубыми отраженными движеніями. А какъ легко и пріучить и не пріучить ребенка къ грубости! Предположимъ, что вашъ крошечный мальчугашка, запнувшись за стулъ, падаетъ и принимается ревътъ. „Ахъ ты поганый стулъ! говоритъ няня, — плюнь на него мой дорогой, ударь его!“ — Ахъ ты подлая, кричитъ няня на собаку, испугавшую того же дорогого ребенка, — ударь ее скверную, вотъ тебѣ прутьи.“ Вотъ ребенокъ ужъ и узналъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ произносятся слова — поганый, скверный, подлый и даже сопровождаютъ ихъ побоями. Урокъ данъ, начало привычки заложено, ну а русская жизнь, какъ лѣсъ — чѣмъ дальше ѣдишь, тѣмъ больше дровъ. Какъ легко ребенку усвоить дурную привычку, также легко ему и вовсе ея не усвоить — пусть онъ только не подозрѣваетъ, что можно ругаться и драться.

Предохраненіе ребенка отъ грубыхъ рефлексовъ тѣмъ болѣе важно съ первыхъ же шаговъ его жизни, что ребенокъ управляетъ лишь желаніями и страданіями. Ребенокъ, говорятъ, глушь. Это значитъ, что онъ еще не умѣетъ ни обсуживать своихъ поступковъ и ихъ послѣдствій, ни различать нравственнаго отъ безнравственнаго, добраго отъ злого. Поэтому ребенокъ очень легко и безразлично отдается своимъ порывамъ, которые въ большинствѣ случаевъ имѣють тенденцію животную. При такой слабой духовной дѣятельности ребенка, онъ свою умственную дѣятельность замѣняетъ подражаніемъ тому, что видитъ и слышитъ. А изъ этого и возникаетъ то великое воспитательное правило, что родители должны служить первымъ примѣромъ своимъ дѣтямъ. Они даютъ практическіе уроки, учатъ привычкамъ. Если родители не доглядятъ или сами своимъ личнымъ примѣромъ не сумѣють вложить

хорошихъ привычекъ—придется человѣку себя вполнѣдствіи переучивать, а переучиваться гораздо труднѣе, чѣмъ пріучиться, это знаетъ каждый изъ насъ.

Ребенка нужно пріучить педантически ко всякой порядочности, ибо въ ней или его собственное здоровье или удовольствіе для ближняго. Порядочный гигиеническій образъ жизни больше ничего, какъ привычка. Но чтобы она явилась, необходимо строго, неупустительно, неослабно и безуступочно ее укрѣплять. Водворяйте привычку чистоплотности, ибо безъ чистоплотности нѣтъ здоровья; водворяйте привычку сидѣть порядочно, не ломаясь и не кобелясь, ибо ребенокъ можетъ вырасти съ кривымъ позвоночнымъ хребтомъ и неровными лопатками; не давайте поселяться привычкамъ, недопускаемымъ общественнымъ приличіемъ. Вѣдь вы снабжаете своихъ дѣтей носовыми платками, потому что считаете сморканіе на полъ невѣжествомъ и неряшествомъ. А сколько есть свободолобивыхъ матерей, которыя, понимая, что сморкаться на полъ нехорошо, не въ состояніи понять, что также нехорошо лазить зря на всякую мебель, также нехорошо, если ихъ дѣти орутъ въ комнатѣ, какъ киргизы въ степи, если ихъ дѣти лѣзутъ къ каждому на колѣни и жмутся, если они ведутъ себя такъ, какъ будто бы кромѣ ихъ ужъ и нѣтъ другихъ людей на свѣтѣ. Даже такая мелочь, по-видимому, какъ умѣнье ходить по улицѣ и держать себя дома имѣетъ гуманный смыслъ. Дитя, непріученное къ общественной порядочности, суживаетъ свой кругозоръ до того, что весь міръ считаетъ лишь въ себѣ. На улицѣ оно не дастъ никому дороги, въ комнатѣ занимаетъ лучшее мѣсто и дѣлаетъ, что ему вздумается, за столомъ хочетъ получить первый и самый лучшій кусокъ, въ игрѣ съ другими дѣтьми хочетъ быть распорядителемъ и требуетъ всеобщаго подчиненія. Такой ребенокъ только поглощенъ собою; весь божій міръ долженъ служить только ему. Слѣдуетъ ли удивляться, что изъ неспособнаго ребенка вырастетъ дрянной, себялюбивый мелочникъ и узкій индивидуалистъ? Конечно, если ребенокъ отъ природы хорошъ, вся эта скверная кора современемъ отъ него отпадетъ. Но за что же бѣдняга долженъ сначала изболѣть со-знаніемъ своей испорченности и за тѣмъ себя перевоспитывать? Въ

дѣлѣ воспитанія нѣтъ мелочей; все важно; отъ всего могутъ явиться худыя или хорошія привычки.

Воспитаніе въ себялюбивомъ индивидуализмѣ прежде всего противорѣчитъ принципу гуманности, ибо изгоняетъ изъ ребенка духъ коллективности. Ребенка нужно растить съ дѣтьми; нужно, чтобы онъ развивался на общественныхъ дѣтскихъ играхъ; нужно, чтобы молодежь приучилась понимать все значеніе плотной сожнутости и взаимной помощи. Вотъ почему такъ полезны дѣтскія игры, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ нигдѣ почти не видно.

Игра для ребенка имѣетъ чрезвычайно важное воспитательное значеніе. Въ коллективной игрѣ дитя практически изучаетъ необходимость уступчивости, согласія и неизбежность дружныхъ усилій къ достиженію цѣлей, недостижимыхъ единоличнымъ трудомъ. Кроме того игра развиваетъ всесторонне способности дитяти, приучая его думать, соображать, комбинировать отдѣльныя мысли. Играя, ребенокъ развивается умственно и физически, приобретаетъ ловкость и тѣлесную силу. Но чтобы игра была рациональной, она должна имѣть полезную цѣль, должна вести непремѣнно къ полезнымъ результатамъ. Если ребенокъ ради забавы вздумаетъ пачкаться въ грязи или отрѣзать подошвы у своихъ сапоговъ, едва ли такое занятіе будетъ игрою. Игра должна давать занятіе полезнымъ способностямъ ребенка и служить непремѣнно для ихъ развитія. Въ то же время она должна приучать ребенка къ возможно выгодному и правильному пользованію своими силами, поселяя хорошія привычки. Такъ, если ребенокъ хочетъ стругать палку, чтобы соорудить какую нибудь машину, постройку и т. д. — пусть стругаетъ; но пусть на этой постройкѣ онъ приобретаетъ какое нибудь полезное, доступное для него знаніе и пусть приучается правильно владѣть ножомъ. Или, ребенокъ хочетъ рисовать красками — пусть рисуетъ, но пусть изъ рисованья не дѣлаетъ только пачкотню, а узнаетъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ красками, съ кистями, пусть сидитъ порядочно, чтобы не получить неудобной, безобразной привычки, отъ которой его потомъ придется отучать. Игра имѣетъ для ребенка воспитательное значеніе и потому ее отнюдь не слѣдуетъ превращать въ воспитательную порчу.

Нѣкоторые противъ игръ военнаго характера. Это мнѣніе ошибочно. Всякую игру можно направить полезнымъ образомъ и военныя игры болѣе другихъ могутъ служить цѣлямъ гуманизма. Въ подтвержденіе того, что военными играми можно воспитать въ ребенкѣ самыя великодушныя чувства, я не нахожу лучшаго доказательства, какъ примѣръ, превосходно и наглядно изложенный г. Сѣменовымъ. Онъ говоритъ (Реф. гол. моз.), что при настоящемъ образѣ воспитанія „ребенокъ съ игрушекъ переноситъ любовь преимущественно на богатырей, силу, храбрость и т. п. свойства. Явно, что въ основѣ страстности лежитъ у него больше всего представленіе о мечѣ, копьѣ, латахъ, шлемѣ съ перьями, о конѣ; однимъ словомъ, въ головѣ ребенка опять прежнія блестящія картинки, только онѣ уже яснѣе и болѣе богаты формами. Этотъ переходъ, при натуральномъ стремленіи ребенка къ яркому свѣту, блеску и шуму и при способѣ воспитанія нашихъ дѣтей, неизбѣженъ. Въ немъ, какъ увидимъ, есть и хорошія стороны; но излишнее питаніе органовъ чувствъ рыцарскими образами ведетъ къ тому, что у насъ въ обществѣ въ чрезвычайно многихъ людяхъ страстность на всю жизнь преимущественно сосредоточивается на внѣшнемъ блескѣ. Люди эти были бы хороши для среднихъ вѣковъ; но къ настоящему трудовому времени безъ блеска они очень не пристали.

„Какъ бы то ни было, а въ любви ребенка къ силѣ, мужеству и храбрости есть очень хорошая сторона. Вотъ она. Въ это время ребенокъ уже давно отдѣлилъ свою особу отъ внѣшняго міра и, конечно безсознательно, уже очень любитъ себя или, правильнѣе сказать, любитъ себя въ наслажденіи. Неудивительно послѣ этого, что ребенокъ привѣрѣнитъ къ себѣ саблю, надѣнетъ шлемъ и поѣдетъ на палочкѣ. Свою особу онъ ассоціируетъ со всѣми входящими черезъ его сознаніе героями и со всѣми ихъ свойствами, сначала, разумѣется, чисто внѣшними. Эта исторія продолжается все время, пока представленіе его о рыцарѣ путемъ повторенныхъ слуховыхъ рефлексовъ (разказами) наполняется все болѣе и болѣе высокими рыцарскими свойствами. Введите въ составъ рыцаря отвращеніе къ пороку, и ребенокъ, ассоціируя себя съ такимъ рыцаремъ, будетъ презирать порокъ, конечно по своему, т. е. на осно-

ваніи своихъ представленій о фізіономіи порока. Заставьте вашего рыцаря помогать слабому противъ сильнаго, и ребенокъ дѣлается Донъ-Кихотомъ: ему случается дрожать отъ волненія при мысли о беззащитности слабого. Сливая себя съ любимымъ образомъ, ребенокъ начинаетъ любить всѣ его свойства; а потомъ, путемъ анализа, любить, какъ говорится, только послѣднія. Здѣсь вся моральная сторона человѣка.

„Любовь къ правдѣ, великодушіе, сострадательность, безкорыстіе, равно какъ ненависть ко всему противоположному, развиваются конечно тѣмъ же путемъ, т. е. частымъ повтореніемъ въ сознаніи страстныхъ представленій, въ которыхъ яркая сторона изображаетъ всѣ перечисленныя свойства. Удивительно ли послѣ этого, что ребенокъ въ 18 лѣтъ, съ горячей любовью къ правдѣ, неувлекаемый въ противоположную сторону тѣми мотивами, которые развиваются у большинства людей лишь въ зрѣлыя годы, готовъ идти изъ-за этой правды на муку. Вѣдь онъ знаетъ, что его идеалы, его рыцари терпѣли за нее, а онъ не можетъ быть не рыцаремъ, потому что былъ имъ съ 5 до 18 лѣтъ.

„Изъ этого примѣра читатель легко убѣдится, что въ основѣ нашего страстнаго поклоненія добродѣтелямъ и отвращенія отъ порока лежитъ ни что иное, какъ чрезвычайно многочисленный рядъ психическихъ рефлексовъ, гдѣ страстность съ яркой краски какойнибудь вещи переходила на яркую мантию рыцаря на картинѣ, откуда переносилась на себя въ рыцарскомъ костюмѣ, переходила потомъ съ конкретнаго впечатлѣнія, то къ частному представленію, т. е. къ свойству рыцаря, то къ конкретному образу въ новыхъ формахъ и, покинувши наконецъ рыцарскую оболочку, перешла на подобныя же свойства, то въ мужикѣ, то въ солдатѣ, то въ чиновникѣ, то въ генералѣ. Послѣ этого читателю уже понятно, что рыцаремъ можно остаться и въ зрѣлыя годы. Страстности конечно много поубавится, но на мѣсто ея явится то, что называютъ обыкновенно глубокимъ убѣжденіемъ. Эти-то люди, при благоприятной обстановкѣ, и развиваются въ благородныя, высокіе типы. Въ своихъ дѣйствіяхъ они руководствуются только высокими нравственными мотивами, правдой, любовью къ человѣку, снисходительно-

стію къ его слабостямъ и остаются вѣрными своимъ убѣжденіямъ на переکورъ требованіямъ всѣхъ естественныхъ инстинктовъ, потому что голосъ этотъ блѣденъ при яркости тѣхъ наслажденій, которыя даются рыцарю правдой и любовью къ человѣку. Люди эти, разсѣлавшись такими, не могутъ конечно перемѣниться: ихъ дѣятельность — роковое послѣдствіе ихъ развитія. И въ этой мысли страшно много утѣшительнаго, потому что безъ нея вѣра въ прочность добродѣтели невозможна“.

II.

Этимъ довольно длиннымъ вступленіемъ я хотѣлъ поставить читателя на точку зрѣнія, съ которой буду разбирать „Дѣтское Чтеніе“.

При всемъ обиліи въ русской книжной торговлѣ дѣтскихъ книгъ, русскимъ дѣтямъ читать почти нечего. Дѣтской литературы у насъ нѣтъ, а есть только дѣтскія книги, обязанныя своимъ появленіемъ большею частію или книгопродавческой спекуляціи или неумѣлому желанію быть полезными.

За составленіе дѣтскихъ книгъ у насъ берутся съ такимъ же легкомысліемъ, съ какимъ издаются въ беллетристику. Человѣкъ, нечувствующій себя способнымъ ни на какую серьезную умственную работу, полагаетъ, что это-то именно и есть признакъ того, что Господь-Богъ создалъ его русскимъ стихотворцемъ или рассказчикомъ.

Не менѣе легко смотрятъ на свое дѣло и авторы дѣтскихъ книгъ. Думаютъ, что кто не можетъ писать для взрослыхъ — можетъ писать съ успѣхомъ для дѣтей. Конечно дѣти читаютъ всякую чушь и умѣютъ даже въ ней найти свой міръ и пищу для своего воображенія; но вѣдь это доказываетъ не достоинство печатной чуши, а только силу и богатство дѣтской природы.

Вообще русскимъ дѣтямъ плохо жить на свѣтѣ, ибо большіе думаютъ, что то, что нигуда не годится — годится дѣтямъ. Чадолюбивые родители выбираютъ учителей всегда самыхъ дешевень-

внхъ, т. е. наиболѣе непригодныхъ; книжки выбираются тоже дешевенькія, и вообще все, что нужно для дѣтей, берется дешевенькое, легонькое, непрочное. Да и зачѣмъ дѣтямъ хорошее, развѣ они что нибудь понимаютъ!

Но дѣтскимъ писателемъ также нельзя сдѣлаться, какъ нельзя сдѣлаться Лермонтовымъ. Чтобы писать для дѣтей, надо еще ихъ любить; надо умѣть войти въ ихъ міръ, изолироваться въ ихъ чувство и воображеніе, ассоціироваться съ дѣтской душой и работать въ ней, какъ въ скорлупѣ, съ силою зрѣлаго человѣка. Если трудно писать хорошо взрослому для взрослыхъ, еще труднѣе писать взрослому для незрелыхъ.

Отъ дѣтскаго писателя, кромѣ свѣжаго чувства и богатаго воображенія, требуется самая сильная, самая талантливая объективность. Наблюдайте, съ какимъ вниманіемъ читаетъ иногда ребенокъ. Щеки горятъ, уши покраснѣли, онъ весь поглощенъ книгой—ничего не видитъ, ничего не слышитъ. Спросите ребенка— „Хорошо?“ — „Хорошо! отвѣтитъ онъ вамъ — „Понимаешь?“ — „Понимаю!“ — „А ну, расскажи, что ты понялъ, — и ребенокъ ничего не расскажетъ. Отчего же онъ такъ горитъ и такъ жадно читаетъ, а рассказать ничего не можетъ? Въ этой-то своеобразной объективности и секретъ дѣтскихъ книгъ и ихъ плодотворное вліяніе. Тургеневъ говоритъ о Рудинѣ, что когда онъ одушевлялся, рѣчь его лилась рѣчкой, онъ говорилъ много и хорошо, его слушали всегда съ упоеніемъ и если не всегда понимали, за то всегда чувствовали хорошо. Тотъ же самый процессъ совершается и въ дѣтяхъ. Для нихъ печатная рѣчь книги льется такой же рѣчкой, она также шевелитъ и разжигаетъ ихъ чувства. Ничего, что въ психологическомъ смыслѣ процессъ этотъ нельзя считать законченнымъ, т. е. возведеннымъ въ такое сознаніе, которое могло бы выразиться категорическимъ отвѣтомъ на вашъ вопросъ — что ты понялъ? Если вы припомните изъ своей жизни то время, когда, не владѣя еще вполнѣ нѣмецкимъ языкомъ, вы читали Гете и Шиллера, то поймете, какой процессъ совершается въ дѣтской душѣ. Вы читали и не понимали всѣхъ словъ, но вамъ было хорошо; на васъ дѣйствовалъ обяательно весь духъ рѣчи, ея музыка, возбуждавшая въ ва-

шей душѣ теплыя ощущенія; вамъ дѣлалось такъ хорошо, вы чувствовали себя такимъ добрымъ, любящимъ. Но если вамъ случилось переходить въ тоже время къ русскому переводу тѣхъ же самыхъ стиховъ, васъ точно обдавало потокомъ холодной воды. А уже кажется русскій языкъ вы понимали лучше? Почему же это такъ? Только потому, что не на тѣ струны вашего чувства дѣйствовалъ переводъ. Въ музыкѣ слова, вѣрной его смыслу, заключается одинъ изъ величайшихъ секретовъ его вліянія и воспитательнаго значенія. Но этотъ секретъ не дается обыкновеннымъ писателямъ. Вотъ почему такъ и велики всѣ произведенія народнаго творчества. Каждое народное произведеніе есть музыка, вылившаяся прямо изъ чувства, оно само чувство. Каждое народное слово, всегда мѣткое и сильное, западаетъ прямо въ душу и непремѣнно задѣваетъ какую нибудь ея струну. Тутъ нѣтъ ни поддѣлки, ни искусственности; все искренно, прямо, непосредственно; всякое слово правда. Вѣдь и великіе поэты только велики этимъ. Отъ этого произведенія народнаго творчества и дѣйствуютъ съ такой силой на всѣхъ. Въ взрослыхъ — они пробуждаютъ давно извѣстныя имъ ощущенія, молодятъ, грѣютъ ихъ; въ дѣтяхъ — они шевелятъ ихъ свѣжее дѣтское чувство, изъ котораго они сами вылились непосредственно. Я возьму примѣръ изъ самыхъ ближайшихъ, и даже не особенно доказательный, и онъ будетъ все-таки силенъ. Сравните маленькія побасенки, поговорки и рассказы „Родного слова“ (г. Ушинскаго) съ приторной, искусственной рѣчью Гончаровскаго „Обрыва.“ У г. Ушинскаго каждое слово бьетъ въ душу, потому что ни одно слово не измыслено, каждое выросло на родной русской почвѣ, каждое есть прямой непосредственный продуктъ русскаго опыта, русской мысли, русскаго чувства, однимъ словомъ, каждое народно. А „Обрывъ“ г. Гончарова, — жалкій, несчастный, измысленный продуктъ нравственной искалѣченности, разстроенныхъ сладострастіемъ нервовъ! Одно возбуждаетъ силу, свѣжесть чувства, бодрость духа; вы и старикъ, читая сказки и побасенки „Родного слова,“ становитесь какъ бы моложе и болѣе русскимъ человекомъ, „Обрывъ“ же дѣйствуетъ на васъ точно разнѣживающій,

разслабляющій пуховикъ, какъ ароматическая атмосфера косметическаго магазина послѣ свѣжаго, здороваго, утренняго воздуха.

Ребенокъ есть весь чувство, желаніе, стремленіе. Поэтому книга должна дѣйствовать лишь на его чувство и воображеніе. Она должна грѣть его, открыть ему міръ хорошихъ, гуманныхъ ощущеній, пробуждать въ немъ нѣжную, тонкую впечатлительность. Не бойтесь, что вы его разслабите. Тѣ изумительные герои, которые, какъ Гусь или Джордано Бруно, гибли на вострахъ, были все люди самаго тонкаго чувства и ужь конечно ни одинъ неизнѣженный филистеръ не сумѣетъ умереть такъ хорошо и съ такимъ презрѣніемъ къ боли, какъ умирали они.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ условий, т. е. безукоризненнаго изложенія, короткаго, сильнаго, образнаго языка, возможно-приближающагося къ складу и своеобразности русской мысли, и—объективности, т. е. такого талантливаго разсказа, поучительность котораго вытекала бы сама собой, однимъ возбужденіемъ хорошихъ представленій, безъ всякаго авторскаго резонерства, есть еще одно не менѣе важное условіе. Такъ какъ воспитаніе есть населеніе хорошихъ привычекъ, а привычка является лишь повторительнымъ возбужденіемъ хорошихъ чувствъ, то дѣтская литература должна по возможности удовлетворять условію повторительности. Это значитъ, что она должна быть періодическою, журнальною. Журналистика воспитала взрослое русское общество; она же лучше всего воспитаетъ и дѣтей. Одной своей періодичностію журналъ создаетъ въ ребенкѣ привычку, т. е. потребность постояннаго чтенія. Но кромѣ этого журнальная форма представляетъ наибольшую возможность разнообразія и полной, всесторонней, проникнутой одной идеей, законченной системы. Для воспитанія дѣтей во всестороннихъ требованіяхъ гуманности, конечно нѣтъ формы болѣе удобной, какъ журнальная. Въ этомъ смыслѣ мы привѣтствуемъ охотно „Дѣтское чтеніе.“

„Дѣтское чтеніе“ выходитъ ежемѣсячно, впрочемъ, къ сожалѣнію, довольно тоненькими книжками, въ 2½ до 3½ листовъ. Мы говоримъ *къ сожалѣнію*, потому что „Дѣтское чтеніе“ отличается полною добропорядочностію, и когда совершенно установится,

объясняетъ быть очень хорошимъ изданіемъ. Объемъ въ этомъ случаѣ весьма важенъ, ибо отъ объема зависитъ не только разнообразіе журнала, но и самое качество статей. Въ статейкѣ, съ курьезнымъ ностомъ, автору часто бываетъ негдѣ развернуться, что и можно замѣтить на нѣкоторыхъ разсказахъ „Дѣтскаго чтенія,“ отличающихся конспектною сжатостію.

Свое мнѣніе о воспитательной добропорядочности „Дѣтскаго чтенія“, мы основываемъ на томъ, что оно почти вполне удовлетворяетъ тѣмъ строгимъ условіямъ, на которыя мы указали, какъ на неизбѣжныя въ дѣлѣ дѣтскаго воспитанія. Что же касается до неустойчивости, которая намъ показала—и которая впрочемъ неизбѣжна во всякомъ новомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ едва начавшемся журналѣ для дѣтей—то она видна въ недостаточно-последовательномъ согласіи программы съ ея выполненіемъ.

Теоретически редація вполне правильно понимаетъ свою задачу. Помѣщая, наприимѣръ, разсказъ „Старый король Лиръ,“ редація высказываетъ слѣдующія безусловно справедливыя мысли. „Мы выбрали его, имѣя въ виду остановить дѣтское вниманіе на отношеніяхъ отца къ дѣтямъ, неблагодарности его старшихъ дочерей и особенно на свѣтломъ образѣ любящей дочери—Корделии. Образы отца, матери, сестры, брата, подруги, няни, дочери, сына всего ближе дѣтскому сердцу, и на обязанности воспитателей лежить, какъ мы думаемъ, прежде всего поселить въ ихъ воображеніи свѣтлые образы дѣйствующихъ лицъ семьи, какъ самыхъ къ нимъ близкихъ. Начавъ семейю, можно постепенно переходить и къ идеаламъ общественнымъ. Вотъ почему намъ хотѣлось бы обнять въ нашемъ журналѣ, по мѣрѣ возможности, по крайней мѣрѣ въ первые годы, отношенія семейныя, преимущественно съ ихъ положительной стороны. Въ основаніи всякаго воспитанія должна быть положена любовь въ высокомъ, христіанскомъ значеніи этого слова. Вотъ почему идеалы въ родѣ Корделии и Муромца считаемъ мы въ этомъ смыслѣ наиболѣе благотворными... Намъ могутъ сказать, что впечатлѣніе, оставленное Лиромъ, слишкомъ мрачно. Но напомнимъ, что не слишкомъ ли уже часто мы боимся дѣйствовать на дѣтское чувство. Дѣло не въ томъ, что чтеніе вызоветъ изъ глазъ

ребенка слезы, а въ тожь, чтобы предметъ, вызывающій ихъ, стоялъ сочувствія. Подобныя первыя впечатлѣнія остаются на всю жизнь и слава Богу, если дѣтское сердце приучится биться за личности въ родѣ Корделии и просвѣтленнаго страданіями Лира...“ Далѣе, по поводу намѣренія дать переложенія классическихкихъ писателей, редакція говоритъ, что „великіе писатели, какъ Гомеръ, Софокль, Овидій, Краббъ, Гете, отчасти Шекспиръ и созданныя народнымъ гениемъ, греческіе мифы, имѣютъ для дѣтскаго возраста великое образовательное значеніе; конечно, при извѣстномъ строгомъ выборѣ, въ той мѣрѣ, насколько онѣ доступны дѣтскому пониманію. Признавая вполне необходимость знакомить дѣтей съ роднымъ и современнымъ, мы въ тоже время напоминаемъ и о томъ, что „ребенка прежде всего надобно сдѣлать человѣкомъ въ самомъ широкомъ значеніи слова; заставить его полюбить жизнь“. А ничто не владеть въ душу дитяти такого прочнаго фундамента, какъ знакомство съ доступными ему классическими въ обширномъ смыслѣ слова изображеніями человѣка вообще. Намъ скажутъ, что эти изображенія слишкомъ необыкновенны; но дѣтскій умъ и не удовлетворяется обыкновеннымъ. Юная душа льнетъ къ героямъ и всякій благородный поступокъ учителя, воспитателя, товарища увлекаетъ дѣтей. Конечно, въ сильной степени приемы подобной умственной пищи настраиваютъ дѣтей на ложный ладъ (?), но въ умѣренной—расширяютъ горизонтъ ихъ пониманія и воспитываютъ уваженіе къ человѣку вообще, какъ извѣстной силѣ духа...“ Наконецъ о значеніи дѣтскихъ игръ, которымъ удѣленъ цѣльный отдѣлъ „Дѣтскаго Чтенія“, редакція говоритъ: „Каждый, привыкшій вдумываться въ дѣло, находитъ, конечно, разницу въ самомъ существѣ между играми ребенка и удовольствіями взрослого человѣка. Мы ищемъ въ удовольствіяхъ развлечения, отдыха отъ трудовъ; у ребенка же игры наполняютъ почти все время. Въ игрѣ ребенокъ живетъ, примѣняетъ свои наблюденія, отдается творчеству, проявляется со всеми своими индивидуальностями. Игра есть посильный трудъ ребенка, отвѣчающій потребностямъ его растущаго и развивающагося организма... Но подобно тому, какъ полезно внесеніе разумности во всѣ-жизнейскія отношенія, точно также весьма

желательнымъ дѣломъ является осмысленіе дѣтскихъ игръ. Предоставленные самимъ себѣ, дѣти могутъ бесплодно затратить много дорогихъ силъ. Крімъ того, дурные инстинкты могутъ найти много пищи въ забавахъ, придуманныхъ празднымъ воображеніемъ. Приуроченіе игръ къ развитію наблюдательности, изощренію творящихъ способностей, находчивости, настойчивости, всѣхъ качествъ, которыя необходимы трудовому человѣку—такая цѣль будетъ несомнѣнно благодарна...

Жаль, что исполненіе не всегда такъ безошибочно, какъ теоретическое мышленіе. Такъ, изъ „Дѣтскаго Чтенія“ не видно, какою цѣлью оно задалось преимущественно—воспитательною или образовательною. Мы считаемъ воспитательную задачу далеко выше, ибо для образованія у насъ есть и школы и гимназіи; воспитательное же вліяніе—домашнее и общественное—у насъ чрезвычайно слабо и близоруко. Мы думаемъ поэтому, что если бы редакція давала въ каждой книжкѣ рассказы изъ той же воспитательной области, какъ „Старый король Лиръ“ и тѣ классическіе рассказы, которые редакція обѣщаетъ давать только изрѣдка, т. е., черезъ часъ по ложкѣ, то журналъ поднялся бы неизмѣримо выше въ мнѣніи его маленькихъ читателей. Какъ бы нетерпѣливо ждалась каждая книжка, обѣщающая непремѣнно высокое наслажденіе благороднаго, гуманнаго чувства, заставляющая ребенка плакать хорошими, честными слезами, пробуждающая въ немъ желаніе помочь всякому человѣческому страданію! Вы вѣдь сами говорите, что нечего бояться дѣйствовать на дѣтское чувство. Зачѣмъ же вы боитесь? Мы думаемъ, напротивъ, что именно на чувство и слѣдуетъ дѣйствовать по преимуществу „Дѣтскому Чтенію“. Посмотрите, какія вліянія окружаютъ обыкновенно дѣтей? Но даже и тамъ, гдѣ вліяніе плодотворно, литературное вліяніе необходимо, не только какъ подспорье родителямъ, но и какъ самостоятельная воспитательная сила, незамѣнимая устнымъ вліяніемъ. Развѣ какая либо мать въ состояніи рассказать „Короля Лира“ или „Илью Муромца“ такъ образно, сильно и глубоко-психологически, какъ они выходятъ въ печатномъ словѣ?

Нужно бы побольше подобныхъ разказовъ, какъ „Старый король

Лирь“; а ихъ-то, къ сожалѣнію, во всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ всего три — „сестра Шура“ и „Нежданое горе“. Намъ понравился особенно послѣдній; онъ не задѣваетъ такъ глубоко, какъ „Лирь“, но написанъ просто, правдиво, тепло и прошибаетъ дѣтей до слезъ.

Но за то не мало рассказовъ, которые, если и не пропадаютъ вполне холостымъ зарядомъ, тѣмъ не менѣе по исполненію далеко отстаютъ отъ мысли. Возьмемъ хоть „Бурлаки“. Ребенокъ не узнаетъ ни бурлацкой жизни, ни нужды, которая создавала эту каторжную работу. А между тѣмъ, бурлацкая жизнь — особый, своеобразный міръ, полный своеобразной поэзіи, искони тѣсно связанная съ разбойническою жизнію по Волгѣ и имѣющая много общаго съ жизнію сибирскихъ бѣглыхъ и бродягъ. Рассказъ „Дѣтскаго Чтенія“ сухъ, не живописенъ и не даетъ типа бурлака, — этого замѣчательнаго представителя грубой, черноземной силы, въ настоящее время уже вырождающагося. Волга — становится преданіемъ. Былой Волги, съ ея удалыми разбойниками, теперь нѣтъ, а между тѣмъ ея прошлое имѣетъ живой интересъ, ибо имъ рисуется одна изъ сторонъ русскаго народнаго быта и русской народной исторіи. Нигдѣ не проявляется такъ рѣзко и могущественно русская удаль и порывъ къ свободной жизни, какъ на матушкѣ Волгѣ. Ермакъ, Стенька Разинъ, Пугачевъ — вотъ представители ея удалыхъ богатырей, имѣющіе далеко большій и поучительный интересъ, чѣмъ Илья Муромецъ. Бурлаки, какъ явленіе экономическое, для новой Россіи становятся уже анахронизмомъ — пароходы и желѣзныя дороги вытѣсняють ихъ съ такой силой, что черезъ какія нибудь десять лѣтъ не останется у насъ ни одного бурлака. Превратившись въ преданіе, бурлакъ сохранить не экономическія свои черты, а типическія особенности некультуриванной, грубой силы и будетъ жить въ нашемъ воображеніи, какъ представитель былого, дикаго русскаго народнаго быта азіатско-русской исторіи. Вотъ основной характеръ бурлака, какъ историческаго продукта.

При такомъ болѣе широкомъ взглядѣ на бурлака, удальца и богатыря своего времени, форму подготовительную къ казаку, было бы очень удобно связать съ жизнію бурлака цѣлый рядъ картинъ

изъ нашей исторіи того времени, когда русская сила шла на Волгу и на Довъ, когда она выдѣляла изъ себя изумительную бродящую силу, искавшую устоя, новаго уклада. Юридически-историческая почва богата матеріалами: Стенька Разинъ — Костомарова, Записки изъ Мертваго дома — Достоевскаго, Пушкинъ о Пугачевѣ, Максимовъ, Степановъ, Судебныя ошибки Ткачева. Обработка для дѣтскаго чтенія произведеній однихъ даже этихъ авторовъ достаточна для цѣлаго ряда статей поучительныхъ и въ смыслѣ фактическаго знанія и по своей гуманной основѣ. Достоинство подобныхъ разсказовъ будетъ заключаться въ ихъ правдивости. Вы дадите живыхъ людей, продукты дѣйствительной жизни, а не сочиненныя маріонетки безталаннаго воображенія. Конечно дѣти не прихотливы; для нихъ ложь вымысла большею частію незамѣтна, но это не оправданіе плохимъ разсказамъ. Возмите, наприимѣръ, жизнь Кольцова, Никитина, да развѣ это не драма? Развѣ дѣйствительная жизнь не лучшее поученіе: развѣ вы измыслите искусствѣ домашнее безобразіе и гнетущую бѣдность. И какой богатый матеріалъ представляютъ біографіи русскихъ замѣчательныхъ людей! Мы этимъ не хотимъ дѣлать никакого намека „Дѣтскому Чтенію“ или укорять его, что оно заговорило прежде всего о Гете и Линнеѣ, когда у насъ есть Иванъ Грозный, Петръ I, Ломоносовъ, Кулибинъ, Кольцовъ, когда исторія даетъ такихъ дѣятелей, какъ Стенька Разинъ, Пугачевъ, Иванъ Гусь, Джіордано Бруно, Вернаръ Палисси. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы редакція дала все сразу. Но мы хотимъ сказать лишь то, что выборъ предметовъ долженъ быть строго обдуманъ, систематиченъ и обработка ихъ должна быть исключительно гуманная. А гуманный элементъ именно и слабенецъ въ „Дѣтскомъ Чтеніи“.

Далѣе мы замѣтили, что „Дѣтское Чтеніе“ пробавляется больше иностранными матеріалами, и потому рисуетъ большею частію картины чуждой намъ жизни. Наприимѣръ, хоть такой разсказъ, какъ „рубка и доставка лѣса“. Вѣдь это Германія и Швейцарія, а не Россія. А между тѣмъ сколько бы можно сказать о русскожь, напр. о Сабаной дорогѣ, о Лашманахъ, о вывозкѣ мачтовыхъ деревьевъ. Или „Пожаръ въ степи“ — Америка и тоже не Россія; тогда

какъ у насъ есть свои лѣсные пожары, пожалуй болѣе грандіозные, чѣмъ степные пожары Новаго Свѣта. Наши лѣсные пожары останавливаются иногда только большія рѣки, какъ это было въ 1842 г., наши лѣсные пожары истребляютъ хлѣбныя поля, цѣлыя деревни, пускаютъ по міру сотни людей. Или пожары въ нашихъ степяхъ — когда огонь идетъ отъ стога къ стогу, истребляетъ всѣ запасы сѣна, не оставляетъ въ степи ни одной живой травки!

Мы могли бы указать на прозрачность и искусственность такихъ назиданій, какъ „Большой слонъ и маленькіе муравьи“, „Рудевой“, „Паша—пастухъ“. Дѣйствительная жизнь и исторія представляютъ болѣе поучительные и непосредственно дѣйствующіе факты; или сказка „О дуракѣ Филькѣ“, отличающаяся измышленіемъ и натянутымъ преувеличеніемъ. Вообще тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать на дѣтскую душу, на дѣтское чувство, пробуждать гуманность „Дѣтское Чтеніе“ даетъ только рассказы г. В. Острогорскаго, а ихъ немного. Почему бы не пользоваться готовымъ хорошимъ изъ стараго. У Пушкина, Одоевскаго, Даля — есть вещи, которыя не испортятъ дѣтей. Наконецъ, дѣтей даже необходимо знакомить съ болѣе извѣстными русскими писателями и поэтами.

Но за то богатъ и значительно лучше отдѣлъ положительныхъ свѣденій о природѣ животныхъ, промышленныхъ производствахъ, отдѣлъ игръ, задачъ, фокусовъ. Этотъ отдѣлъ, впрочемъ, не представляетъ такихъ трудностей и не требуетъ такихъ талантовъ, какіе нужны для отдѣла литературно-воспитательнаго. Впрочемъ и отдѣлъ практическихъ свѣденій страдаетъ иногда излишней сжатостію статей и отъ того недостаточною ясностію, такъ что, не только дѣти, но и ихъ незнающіе родители иногда не поймутъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Кроме того есть и неточныя слова; напр., про мясо сказано, что оно *валяется*, вмѣсто вялится, или деготь названъ дегтярнымъ масломъ. Конечно это мелочи, но мы указываемъ на нихъ потому, что искренно желаемъ, чтобы „Дѣтское чтеніе“ становилось все лучше и лучше, толще и толще, а не суживало бы своихъ статей ради малаго объема книжекъ. Редакція, кажется, задалась мыслию дать возможно дешевое изданіе. Едва ли это вѣрно. Ко-

нечно, за дѣтскій журналъ не дадутъ 16 р., какъ за журналъ для взрослыхъ, но вмѣсто 3 руб. можно смѣло назначить 5 р. и журналъ вышелъ бы вдвое болѣе содержаніемъ. Однимъ словомъ, мы думаемъ, что дешевизна не достоинство и что въ Россіи есть не мало такихъ разсудительныхъ родителей, которые понимаютъ, что хорошее воспитаніе за грошъ не дается.

Очень удачна мысль развивать въ дѣтяхъ любовь къ природѣ и наблюдательность указаніемъ, какъ выводить насѣкомыхъ, устраивать акварій (нужно бы и терарій) и т. п. А ужъ какой былъ бы восторгъ дѣтямъ, если бы редакція прислала къ веснѣ маленькіе пакетики съ сѣменами цвѣточныхъ и огородныхъ растений — огурцовъ, арбузовъ, дынь, моркови и т. п. и красивыхъ скороцвѣточныхъ цвѣтовъ! Сколько радостей при устройствѣ грядъ, приготовленіи земли, полоньи, содержаніи въ чистотѣ, поливкѣ, истребленіи вредныхъ насѣкомыхъ, сохраненіи полезныхъ. Да въдъ это цѣлая жизнь — веселая, практическая, полезная!

Искренно желаемъ, чтобы „Дѣтское Чтеніе“ привлекло къ себѣ побольше лучшихъ нашихъ силъ на поприще дѣтской литературы и чтобы оно вытѣснило изъ дѣтскихъ библиотекъ всю ту чухъ, которою въ такомъ подавляющемъ изобиліи портятъ нашихъ дѣтей книгопродавческая спекуляція.

Ну, а отдѣлъ гигиены — находятъ ли редакція его полезнымъ, чтобы приучить ребенка наблюдать самого себя и усвоивать здоровыя привычки?

Давно намъ не приходилось читать такой умной книги, проникнутой такимъ искреннимъ желаніемъ добра и пользы Россіи, какъ „Свобода рѣчи“ неизвѣстнаго автора. Въ книгѣ этой защищается одно изъ самыхъ капитальныхъ и драгоцѣнныхъ правъ каждаго образованнаго общества, — защищается съ такимъ знаніемъ историческаго развитія этого права и соединенныхъ съ нимъ по-

литическихъ и социальныхъ послѣдствій, что въ нашей литературѣ мы не знаемъ другого примѣра болѣе обстоятельной и добросовѣстной разработки предмета. Это трудъ совершенно новый и богатый великими практическими выводами. Авторъ не пускается въ отвлеченныя теоріи, избѣгаетъ гипотезъ и мнѣній, основанныхъ на своихъ личныхъ соображеніяхъ, а старается доказать свою мысль разнообразными фактами и, только подъ ихъ свѣтомъ, резюмировать общіе результаты. „Свобода рѣчи,“ говоритъ онъ, одинаково выгодна для всѣхъ. Убѣдить въ этомъ всѣхъ — вотъ цѣль книги. Идея свободнаго слова, несмотря на свою общеизвѣстность, понимается однакоже очень трудно; въ людяхъ слишкомъ много мелкихъ и робкихъ чувствъ, которыя мѣшаютъ ясному и простому взгляду на дѣло. Авторъ старается устранить эти сомнѣнія по возможности. Здѣсь приняты въ соображеніе та несмѣлость и неуверенность въ себѣ, которая характеризуетъ нашихъ соотечественниковъ на настоящей ступени ихъ развитія, та прирожденная, часто чрезмерная осторожность, которая защитила насъ отъ ошибокъ слишкомъ смѣлыхъ націй, но за то сдѣлала наше развитіе медленнымъ и тупымъ до болѣзненности. Смѣлое философское изложеніе можетъ убѣдить у насъ только немногихъ, поэтому авторъ старался проводить только такія мысли, которыя оправдываются историческими примѣрами и тутъ же приводитъ эти примѣры. Главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы не только убѣдить въ необходимости свободы слова, но и доказать, что это убѣжденіе должно быть всеобщимъ и что безъ такого всеобщаго убѣжденія спокойное и нормальное развитіе народа невозможно“ (стр. 1—11). Такимъ образомъ авторъ, опираясь на исторію, преимущественно послѣднихъ двухъ столѣтій, доказываетъ, что свобода слова у всѣхъ европейскихъ націй была предвѣстникомъ народнаго благоденствія и великимъ пособникомъ въ развитіи его матеріальной и нравственной силы. Всякій разъ, какъ правительства чувствовали необходимость узнать дѣйствительное положеніе своихъ народовъ и поставить ихъ на дорогу спокойнаго и прочнаго прогресса, они призывали къ себѣ на помощь независимую прессу и въ ея честномъ, сильномъ и вліятельномъ содѣйствіи искали на-

ставленій и опытовъ. Только благодаря этому обстоятельству Англія въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ сдѣлала такіе громадныя успѣхи въ матеріальномъ отношеніи и такъ твердо установила свою внутреннюю и внѣшнюю политическую жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, чему приписать тотъ историческій фактъ, что Франція, всегда слишкомъ подозрительная къ свободному слову, обставленная всевозможными предостереженіями, перенесла три великихъ революціи и двадцать четыре гражданскихъ войны за тотъ же самый періодъ времени, когда Англія, незнающая никакихъ цензурныхъ ограниченій, не испытала ни одного серьезнаго потрясенія. Къ сожалѣнію, Франція только теперь, послѣ столькихъ горькихъ уроковъ, пришла къ убѣжденію, что независимая пресса не волнуетъ націи и не вредитъ національному благу, а успокоиваетъ и развиваетъ ея счастье. Мы не богаты еще опытами этого рода, но однакожь можемъ указать на тотъ фактъ, что въ моменты всѣхъ болѣе важныхъ общественныхъ реформъ, наша пресса служила ихъ вѣрнымъ термометромъ. Она помогла Петру I оторвать Россію отъ азіатской окаменѣлости; она облегчила Екатеринѣ II совершить всѣ ея законодательныя и административныя преобразованія; она призвана была на помощь Александромъ I въ его попыткахъ къ внутренней организаціи страны въ духѣ самоуправленія и экономическаго порядка; она въ настоящее царствованіе искренно и горячо стояла, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, за осуществленіе крестьянской реформы, гласнаго суда и земскихъ учрежденій. Конечно, нелегка была ея борьба на пути ея лучшихъ стремленій съ такимъ отсталымъ, равнодушнымъ къ себѣ и невѣжественнымъ обществомъ, какъ наше, но она не утомилась ни этой борьбой, ни разочаровалась даже въ своемъ безсиліи. Это ясно показываетъ, что независимое слово всегда и вездѣ было неразлучнымъ спутникомъ спокойно-прогрессивнаго движенія народовъ, и обратно...

Съ другой стороны, преувеличенныя опасенія, которыми, обыкновенно, европейскія правительства сопровождали свои льготы печатному слову, вынуждаемыя по большей части самою силою вещей, не подтверждаются историческими опытами. Личныя антипатіи Меттерниха къ передовымъ писателямъ Германіи и его репрессивная

система не могла ни убавить, ни прибавить ни одной іоты въ логическомъ и неизбѣжномъ ходѣ событій того времени; и если она унесла съ собою много бесполезныхъ отдѣльныхъ жертвъ, то ничего не измѣнила въ общемъ положеніи Германіи. Слѣдовательно, жертвы только увеличили сумму заблужденій и напрасныхъ чловѣческихъ страданій.... „Опасаются, говоритъ авторъ, что свобода рѣчи распространить чрезмѣрно быстро извѣстныя политическія идеи и породить преждевременныя стремленія. Здѣсь доказывается фактами, что свобода рѣчи не можетъ ускорить распространенія политическихъ идей, а стѣсненіе рѣчи не можетъ его замедлить; все, что можетъ сдѣлать свобода, состоитъ въ томъ, что она распространяетъ идеи въ болѣе зрѣломъ видѣ, при стѣсненіи же онѣ принимаютъ характеръ непрактическихъ восторженныхъ мечтаній и развитіе государства дѣлается болѣзненнымъ“... Поэтому, можетъ быть, самыя утопическія литературы именно тѣ, въ которыхъ замкнутое въ себѣ печатное слово недоступно свободному притоку новыхъ, оригинальныхъ и всестороннихъ идей, дозволенныхъ выраженію каждаго.

Вотъ главная и основная мысль, развиваемая въ книгѣ, на которой мы съ удовольствіемъ здѣсь остановились. Она явилась въ то время, когда носятся самыя разнорѣчивыя слухи о пересмотрѣ Положенія 6 апрѣля по дѣламъ печати, когда этотъ вопросъ стоитъ передъ нами во всемъ его величіи по своимъ послѣдствіямъ для нашего будущаго благосостоянія, когда едва ли кто изъ мыслящихъ людей не интересуется тѣмъ, что ожидаетъ нашу прессу впереди,— въ такое время появленіе подобной книги есть отрадный и въ высшей степени назидательный фактъ.

Нельзя не отдать г. Полякову, издателю Берне, полной справедливости въ его умѣнни пользоваться благопріятнымъ временемъ. Лучшаго времени для появленія сочиненій Берне на русскомъ языкѣ онъ не могъ выбрать. Если когда нибудь нуженъ былъ честный и твердый голосъ публициста среди нашихъ журнальныхъ фокусниковъ, то это

именно теперь. Барне будилъ совѣсть своихъ современниковъ, и не утратилъ этого драгоценнаго свойства и до сихъ поръ. Онъ всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ за право независимаго убѣжденія и свободнаго слова; онъ отстаивалъ это право отъ преслѣдованій инквизиторской системы Меттерниха, отъ цѣлаго легіона разныхъ литературныхъ ренегатовъ, — доносчиковъ, въ родѣ Менцеля, людей продажныхъ, въ родѣ фонъ-Раумера, — отстаивалъ его какъ въ предѣлахъ своего отечества, такъ и за предѣлами его, не боясь ни лишеній добровольнаго изгнанія, ни отчужденія своихъ друзей и семейства. Онъ былъ чутокъ ко всему фальшивому и поддѣльному въ сферѣ политической дѣятельности, — въ этомъ отношеніи его не подкупили даже геніальный индеферентизмъ Гете и Гейне. Когда виртембергскій чиновникъ Менцель упрекалъ его въ отсутствіи патріотизма, въ искренности его мнѣній о Германіи, онъ отвѣчалъ ему: „желаніе, постоянная и мужественная готовность посвящать свою дѣятельность счастью, чести, славѣ, свободѣ и безопасности своей страны, и при этомъ не бояться никакой жертвы, никакихъ трудовъ, никакихъ опасностей — вотъ что называю я любовью къ отечеству“. Далѣе онъ говоритъ: „я не изъ тѣхъ людей, которые носятъ сердце въ животѣ и которыхъ философія зависитъ отъ пищеваренія. Я болѣвъ только моимъ отечествомъ, и когда оно освободится, я выздоровлю... Я остался неизмѣннымъ въ то время, когда другіе перемѣнились. Время выдубило меня, и я грубъ, но твердъ — между тѣмъ, какъ другіе, прежде бывшіе со мною одинаковаго образа мыслей, такъ размякли въ укусу нѣмецкаго либерализма, въ которомъ пролежали нѣсколько времени, что въ нѣсколько минутъ сварились на слабомъ огнѣ высоко-милостивыхъ взоровъ. Не говори во мнѣ голосъ лучшаго духа, и я находилъ бы удовольствіе въ томъ, чтобы послѣ хорошаго завтрака развалиться на диванѣ, читать нѣсколько нравственныхъ главъ въ романахъ Поль-де-Кока, потомъ засыпать и грезить; за обѣдомъ кутить съ веселыми товарищами, вечеромъ болтать съ хорошенькими женщинами и возставать съ банкирами и маклерами противъ республиканцевъ, желающихъ отнимать у насъ деньги и срѣзывать головы. Пусть придетъ отважный человекъ и скажетъ слово въ пользу нашего несчастнаго отечества — я встрѣ-

чу его, какъ моего спасителя и благодѣтеля... Но развѣ можетъ назваться честнымъ человѣкомъ тотъ, кто обвиняетъ свой образъ мыслей на австрійскую улыбку, прусскую лесть, баварское трепаніе по плечу, іезуитскую похвалу? Льстить сильному изъ-за своего комфорта, своего постыднаго спокойствія, изъ-за того, чтобы безсмысленно наслаждаться тѣмъ, что имѣешь, — развѣ не также скверно, какъ льстить ему для того, чтобы добиться, чего не имѣешь, и что желалъ бы пріобрѣсти?“ Съ этими словами, поддержанными всею жизнію Берне, онъ обращался къ Менцелю и въ лицѣ его къ безчисленному множеству всевозможныхъ литературныхъ лакеевъ, которыми была полна тогдашняя Германія. То было время всеобщаго гніенія страны, на которую послѣ наполеоновскихъ войнъ и вѣнскаго конгресса обрушилась тяжелая реакція. Знаменитыя карбадскія постановленія надолго остановили умственное движеніе Германіи и „отдали его въ руки полицейскихъ сыщиковъ,“ какъ выражается Берне. До какой степени было трудно вращаться въ этой атмосферѣ безъ воздуха и теплоты мыслящему человѣку, мы можемъ судить объ этомъ потому, что лучшіе люди тогдашней Германіи или отказывались отъ своихъ прежнихъ убѣжденій или искали спасенія во Франціи и Англии. „Всѣхъ мало-мальски либеральныхъ наставниковъ юношества, говоритъ Гуцковъ, подозрѣвали въ демагогическихъ проискахъ; однихъ выгоняли изъ службы, другихъ сажали въ тюрьмы и крѣпости. Реакція вызвала натурально оппозиціонныя стремленія. Для защиты свободы и національнаго единства образовались тайныя общества. Они были открыты, и тюрьмы наполнялись молодыми людьми, участь которыхъ не запугивала однако другихъ и не мѣшала имъ снова приниматься за завоеваніе того, что было потеряно первыми. Для того, чтобы сбить съ толку народъ, реакціонеры дѣйствовали на дурныя страсти массы, на цеховой духъ, на религіозную нетерпимость. Главная забота интригантовъ состояла въ томъ, чтобы заставить само общество заподозрить законность понятій о свободѣ и гражданскихъ правахъ. Важную роль въ этомъ случаѣ играли гоненія на евреевъ. Берне превосходно понималъ и обсуждалъ въ своихъ „Вѣсахъ“ (названіе журнала, который онъ издавалъ) эти пре-

слѣдованія. Въ противоположность другимъ либеральнымъ писателямъ, онъ не обращался съ горькими упреками къ христіанамъ и не указывалъ сатирически на „религію любви“; нѣтъ, онъ соболѣзновалъ о массѣ, которая шла по ложной дорогѣ безумнаго увлеченія, подталкиваемая чужими руками“. (Стр. XVIII). Что особенно раздражало Берне и вызывало самыя рѣзкіе упреки его ѣдкой и высоко-гуманной сатиры—это то, что самая наука обратилась въ орудіе реакціи; она часто безсознательно, но раболѣпно служила тому же застою, котораго желали открытые ея враги. И это, конечно, было хуже, чѣмъ прямое нападеніе на прогрессивное движеніе Германіи. Философія Гегеля, съ его отвлеченнымъ созерцаніемъ заоблачныхъ идеаловъ, исторія фонъ-Раумеровъ съ его казеннымъ патріотизмомъ, сценическое искусство, съ ея пресмыкающимися угодничествомъ аристократической прихоти, покрыли Германію такою плѣсенью филистерства, что всякое живое проявленіе чело-вѣческой мысли какъ будто замерло навсегда. Наука и искусство, лишеныя политическаго смысла, взлелѣанныя въ парникахъ придворнаго покровительства, не имѣли ничего общаго не только съ социальными нуждами своего времени, но и вообще съ дѣйствительною жизнію. Страданія народа, та великая традиція реформаціоннаго движенія, которую далъ Германіи Мюнцеръ, были недоступны этой холодной, бездушной и отвлеченно-созерцательной наукѣ. Берне понималъ, какая пропасть раздѣляетъ ученый нѣмецкій міръ отъ живыхъ стремленій своего времени, какъ онъ вредно вліяетъ на подростающее поколѣніе и потому злая сатира его не давала покою этому надутому и жалкому филистерству. „Я знаю, говорилъ онъ, что не мнѣ разбудить это сонное царство самодовольныхъ глупцовъ, но если я отниму у нихъ хоть одну минуту ихъ животнаго спокойствія, то и тогда буду считать себя полезнѣйшимъ гражданиномъ всѣхъ тридцати нѣмецкихъ владѣній.“ Съ этою цѣлію онъ началъ издавать въ 1819 году журналъ подъ названіемъ „Полетъ времени“. Представляя программу своего изданія, онъ говорилъ читателямъ: „Большіе господа очень любятъ, чтобъ мы, мелкая прислуга, пускались только въ возвышенныя и отвлеченныя соображенія, а низкую ручную работу предоставляли

имъ, чтобы мы взлетали за облака и наблюдали тамъ теченіе планетъ, а о движеніи земныхъ вещей оставили всякое попеченіе, чтобы мы разрѣшали алгебраическія задачи въ то время, какъ они будутъ подводить итоги своимъ барышамъ, полученнымъ чистою, наличною монетою. Результатъ изъ всего этого выходитъ плохой. Много благомыслящихъ и благонамѣренныхъ людей попадаетъ тутъ въ просакъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ большіе господа грозно кричатъ ихъ: „не увлекайтесь теоріями, которыя не могутъ быть примѣнены на практикѣ“, а наши-то милые ученые еще пуще разгорячаются отъ этого, начинаютъ еще усерднѣе защищать свои принципы и тѣмъ сильнѣе запутываются въ сѣти, которыя протянуты подъ ихъ ногами... Между тѣмъ все на свѣтѣ идетъ своимъ чередомъ. Сократъ пользовался огромнымъ авторитетомъ, потому, что свелъ философію съ неба на землю, и такимъ образомъ сдѣлался учителемъ человѣчества. Если мы хотимъ способствовать счастью людей, то должны свести политику изъ-за облаковъ на землю. Ни одного голоднаго вы не накормите трактатомъ о безпошлинномъ ввозѣ хлѣба, ни одного больного не вылечите руководствомъ къ терапіи, никакую гражданскую свободу не создадите посредствомъ сочиненія Монтескье. Хлѣбныя сѣмена бросайте въ землю для потомства, а современникамъ нуженъ готовый хлѣбъ“.

„О принципахъ можно спорить, о фактахъ, добытыхъ опытомъ нельзя. Отуманить, одурачить расудокъ — можно, внѣшнія чувства — никоимъ образомъ. Оспаривать какую угодно систему минералогіи легко, но какъ вы станете возражать на чувствительность кожи, когда она ощущаетъ холодъ или теплоту, влажность или сухость воздуха? Если мы хотимъ содѣйствовать распространенію человѣческаго счастья, то должны больше говорить о явленіяхъ жизни, чѣмъ о ея правилахъ. Устройство живого организма узнается только посредствомъ вскрытія мертваго трупа. Дайте намъ облегчать дышащую грудь...“

„А такъ какъ я, къ несчастію, также воспитался въ то гермафродитское время, когда науку отдѣляли отъ жизни и когда для каждой изъ нихъ существовалъ особый языкъ — такъ какъ въ то время не такъ писали, какъ говорили, — то я буду стараться сколько

возможно воздерживаться от книжнаго языка. Я болѣе хочу приносить пользу, чѣмъ слышать похвалы моему краснорѣчію; утѣшеніе дается небомъ, а отъ людей ожидаешь помощи и содѣйствія.“ (Стр. XXIII и XXIV).

Эти ясныя и простыя слова для нашего времени, назадъ тому полвѣка, были новостью для нѣмецкой литературы. Они указывали на необходимость реального направленія въ самый разгаръ метафизическаго бреда, романтическихъ иллюзій и сантиментально-мистическихъ галлюцинацій. Это былъ вызовъ господствующему формализму мысли, — вызовъ, сдѣланный не во имя какой нибудь новой философской системы, а во имя всеѣмъ понятнаго человѣческаго счастья. Вотъ почему Менцель и подобные ему паразиты цеховаго ученаго сословія вооружились противъ Берне клеветой и доносами. Они знали, что война, объявленная имъ, прежде всего собьетъ ихъ съ старой, насиженной ими позиціи, и покажетъ публикѣ ихъ длинныя уши подъ ихъ классическими колпаками. Такъ дѣйствительно и было. Послѣ критики Лессинга это была самая здравая и плодотворная критика, которую теперь усвоила вполнѣ вся мыслящая Германія. Мы удивляемся, что біографы Берне, разбирая до послѣднихъ мелочей частныя факты изъ его скромной и трудовой жизни, не указываютъ нигдѣ на эту великую услугу, оказанную имъ нѣмецкой литературѣ. Основателемъ новой реальной школы въ Германіи былъ онъ; такъ называемая „Молодая Германія“ отъ него получила первые уроки реального міросозерцанія въ наукѣ и общественной жизни.

Вмѣстѣ съ литературой, Берне старался обновить политическое воспитаніе Германіи, цѣлыя три вѣка замкнутой въ тѣсной религіозной реформѣ и совершенно безгласной въ политическихъ вопросахъ Европы. Занятая своими мелкими національными интересами, Германія даже послѣ великой французской революціи не обнаружила ни малѣйшаго движенія впередъ. Ея микроскопическія владѣнія поглощены были своими внутренними спорами и интригами и потому остались глухи ко внѣшнимъ событіямъ громаднаго политическаго переворота. Только удары Наполеона I разбудили ея правительства и заставили ихъ подумать о развитіи гражданской

жизни, о свободѣ народа, котораго сила теперь была необходима для отраженія грознаго врага. Такимъ образомъ начался рядъ внутреннихъ преобразованій, вызвавшій на сцену новыхъ людей и новыя соціальныя условія. Конституціонныя хартіи посыпались на Германію свыше, какъ старыя дворянскіе дипломы, и средневѣковъй феодальный порядокъ пошатнулся. Теперь предстояло открыть Германіи широкое политическое поприще, поддержать въ ней духъ свободнаго народа и дать ему окрѣпнуть въ этомъ новомъ положеніи. Но какъ только опасность миновала, своекорыстные правители Германіи посѣгнули остановить прогрессивное движеніе и разрушить собственными руками то, что ими было создано еще такъ недавно. Наступила безумная реакція, которой сѣти были сплетены въ Австріи, а раскинуты по всей Германіи изъ Пруссіи. Начались, съ одной стороны, бесполезныя преслѣдованія, а съ другой, напрасныя жертвы. Но реакція, при всемъ ея искусствѣ, при всемъ содѣйствіи ея успѣху огромной партіи ретроградовъ, могла только замедлить естественный ходъ событій, но не могла остановить его. Оппозиція росла пропорціонально насилію; молодое поколѣніе, какъ болѣе воспріимчивое къ требованіямъ справедливости и свободы, составляло ту передовую силу, которою руководилъ Берне. Его мужество, его блестящій талантъ, его ясная и пламенная рѣчь сильно дѣйствовали на „Молодую Германію“ и одушевляли ее и словомъ, и дѣломъ. Удалившись въ Парижъ, онъ внимательно слѣдилъ за происшествіями того времени и сообщалъ ихъ нѣмецкой публикѣ въ видѣ писемъ и политическихъ обзоровъ. Мы не станемъ говорить здѣсь о политическихъ убѣжденіяхъ Берне, а просимъ читателя, желающаго ближе познакомиться съ ними, обратиться прямо къ его превосходному полемическому памфлету противъ Менцеля. Тутъ заключается весь *profession de foi* Берне, вся сумма его свѣтлаго ума и благороднѣйшихъ стремленій.

Надѣмся, что г. Поляковъ не остановится на подорогѣ своего изданія сочиненій Берне, какъ это случилось съ Гейне, и дастъ его русской публикѣ сполна. Переводъ г. Вейберга, какъ вообще всѣ переводы его, отличается такими безукоризненными достоинствами, какія теперь, при всеобщемъ невѣжествѣ нашихъ торго-

шей-издателей и полуграмотныхъ переводчиковъ, встрѣчаются очень рѣдко, такъ рѣдко, что радуешься появленію такого мастерскаго перевода. Только одного мы не могли понять, почему г. Вейнбергъ, говоря о литературной дѣятельности Берне, ограничился одними вѣшними фактами, и не осмыслилъ ихъ болѣе широкимъ взглядомъ на ту роль, которую занимаетъ Берне въ исторіи развитія германской культуры. Такіе дѣятели, какъ Берне, интересуютъ насъ не тѣмъ, гдѣ и когда они родились, какъ одѣвались и причесывались, что ѣли и куда путешествовали—все это можетъ дѣлать самый дюжинный смертный,—но насъ интересуеетъ то, какое вліяніе они имѣли на своихъ современниковъ и что завѣщали изъ своихъ умственныхъ сокровищъ потомству. Этого-то мы и не находимъ въ біографическомъ очеркѣ Берне, написанномъ г. Вейнбергомъ. Когда явятся въ печати остальные томы Берне изданія г. Полявава, мы постараемся восполнить этотъ недостатокъ на страницахъ „Дѣла“ и провести параллель между Берне и Гейне, какъ между близкими по своимъ убѣжденіямъ лучшими представителями германской литературы XIX вѣка.

Вопросъ о положеніи рабочаго стоитъ въ западной Европѣ на очереди своего практическаго разрѣшенія. Въ пользу его работаютъ лучшіе умы европейскаго общества, международные конгрессы, ассоціаціи и та часть прессы, которая не находится въ рукахъ буржуазіи. Самыя сильныя правительства начинаютъ чувствовать, что политическая судьба народовъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе становится въ зависимость отъ экономической жизни. Вопросъ труда и хлѣба дѣлается главнымъ факторомъ исторіи, вліяющимъ на всѣ событія нашего времени,—начиная войнами и кончая голодомъ какой нибудь маленькой деревеньки.

Но практическое разрѣшеніе такого сложнаго и глубоко-захватывающаго всѣ наши интересы вопроса требуетъ всей осторожности и са-

мага всесторонняго понятія яго отъ тѣхъ, кому придется разрѣшать его. Поэтому историческое знакомство съ постепеннымъ развитіемъ міровой соціальной реформы, съ ея виѣшними явленіями и внутреннимъ смысломъ, составляетъ дѣло первой важности. Многіе факты, теперь забытые среди полемиическихъ схватокъ партій или неимѣвшие значенія для своего времени, для нашего поколѣнія получаютъ новый смыслъ и даютъ новые результаты. Воспроизведеніе ихъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ можетъ обогатить литературу рабочаго вопроса полезными соображеніями. Мы знаемъ, при какихъ условіяхъ явилась теоретическая разработка этого вопроса, въ какомъ хаосѣ противоположныхъ взглядовъ и системъ онъ такъ долго обращался, какъ идея, высказанная гдѣ нибудь въ собраніи, вліяла на дѣйствительную жизнь пролетарія или практически добытый опытъ давалъ новое направленіе идеѣ, и потому, чтобы привести весь этотъ матеріалъ въ стройное цѣлое и показать логическую связь между отдѣльными явленіями намъ необходимо изучить подробно его исторію. Г. Михайловъ, въ русской литературѣ, закладываетъ первый камешекъ въ основаніе того зданія, которое въ западной Европѣ уже построено въ нѣсколько этажей. Обозрѣвъ исторію рабочаго вопроса во Франціи за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ, онъ пришелъ къ слѣдующему результату: „Какъ бы то ни было, говорить онъ, а все-таки рабочіе успѣли приобрѣсти и оставить за собой хотя что нибудь послѣ революціи 1848 года. Главнымъ практическимъ приобрѣтеніемъ, купленнымъ ими такъ дорого явились ассоціаціи. Не являясь въ настоящемъ какимъ нибудь радикальнымъ средствомъ для полного быстраго уничтоженія пролетаріата, онѣ все-таки хранятъ въ себѣ задатки лучшаго будущаго и, развиваясь все болѣе и болѣе, служатъ сильнымъ пособіемъ въ дѣлѣ успокоенія общества. Уже въ періодъ второй республики ассоціаціи возникло множество не только въ Парижѣ, но и въ провинціяхъ. Просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, эти ассоціаціи пали, но не по несостоятельности самого принципа, а по причинѣ неурядицъ въ промышленности, внесенныхъ въ нее смутными годами волненій, яростной борьбы партій въ средѣ правительства и быстрой смѣны однихъ правителей другими, вчерашнихъ законовъ сегодняшними.

При второй имперіи ассоціаціи стали снова возникать и имперія признала наконецъ, хотя и не вдругъ, за ними право существованія, воздержавшись отъ возобновленія старыхъ, запрещавшихъ всякую ассоціацію, законовъ. Сама буржуазія, въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, стала сознавать необходимость улучшить положеніе рабочихъ. Такъ въ Мюльхаузенѣ въ 1853 году, благодаря Дольфюсу, двѣнадцать главныхъ фабрикантовъ собрали капиталъ въ 300,000 франковъ, раздѣленный на 60 акцій, и построили дома для продажи рабочимъ. Послѣдніе вносили за домъ 300—400 франковъ и остальную сумму стоимости выплачивали помѣсячно, дѣлаясь въ 12 или 13 лѣтъ собственниками прекрасныхъ помѣщеній, съ просторными комнатами и садами. Если филантропія, въ борьбѣ за свое существованіе, вздумаетъ когда нибудь вычислять свои заслуги, то, конечно, она выдвинетъ на первый планъ дѣло мюльхаузенскихъ фабрикантовъ. И дѣйствительно, обществу будетъ трудно отрицать ту пользу, которую могли бы принести подобныя учрежденія, если бы сама филантропія не была такъ скупа на нихъ. Потребительныя общества тоже принесли долю пользы. Такъ гренобльское потребительное общество продавало 1853—1859 года не менѣе 1,125,205 порцій ежегодно; такимъ образомъ, если каждый человѣкъ бралъ по двѣ порціи ежедневно, то постоянныхъ покупателей было 1,541 человѣкъ. Но еще успѣшнѣе и быстрѣе развивались ассоціаціи, основанныя самими рабочими. Довольно взглянуть на общества взаимнаго кредита, чтобы понять, какъ быстро шло дѣло. Въ началѣ 1863 года ассоціацій взаимнаго кредита было только 15, а въ 1865 году ихъ уже было болѣе 45. Нѣкоторыя производительныя ассоціаціи, какъ напр. общество сентъ-этьенскихъ ленточниковъ и общество ліонскихъ ткачей считали въ 1865 году около тысячи и даже двухъ тысячъ членовъ. У ассоціаціи фортепянщиковъ, напримѣръ, дѣла находились въ томъ же 1863 году въ слѣдующемъ положеніи: число членовъ 23, помощниковъ 12, заработокъ дневной среднимъ числомъ 5 франковъ 50 сантимовъ, первоначальный капиталъ 250 франковъ; въ 1865 году капиталъ 163,000 фр., работъ на 205,602 фр., доходъ ассоціаціи 10,000 фр., помощь на случай болѣзни на человѣка

въ день 3 фр. Результаты очень хорошіе. Движеніе среди ассоціацій усилилось съ 1863 года и все продолжается; онѣ стремятся соединиться не только между собою, но и съ иностранными ассоціаціями, и дѣйствовать общими силами въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ. Какъ бы ни были малочисленны эти оазисы въ пустынѣ, но они все-таки даютъ право надѣяться на будущее, даютъ право думать, что когда нибудь рабочій классъ выбьется изъ своего страшнаго положенія и не будетъ имѣть повода къ тѣмъ стачкамъ, волненіямъ, возстаніямъ, которыя такъ страшно отзывались на французскомъ обществѣ и на самихъ рабочихъ втеченіи слишкомъ шестидесяти лѣтъ“.

Вотъ результатъ, выведенный авторомъ „Пролетаріата во Франціи“ изъ его подробнаго, богатаго фактами и выводами, историческаго очерка. Само собою разумѣется, что это результатъ практическаго развитія вопроса; въ теоріи же онъ идетъ гораздо дальше. Но такъ какъ между идеей и осуществленіемъ ея лежитъ цѣлая пропасть препятствій и переходныхъ ступеней, то идеаль еціальная реформа, уже понятый и доказанный наукой, стоитъ гораздо выше своего практическаго примѣненія. Мы надѣемся возвратиться еще разъ, какъ во второму сочиненію, поставленному въ нашемъ библіографическомъ заголовкѣ, такъ и къ книгѣ г. Михайлова въ слѣдующихъ книжкахъ „Дѣла“.

ЖУРНАЛИСТИКА 1869 ГОДА.

Статья II.

(НАШИ ИСТОРИКИ БЕЛЛЕТРИСТЫ.)

Публицистъ, историкъ, даже романистъ, имѣющій серьезное значеніе для своего времени, — передовые люди въ человѣческомъ обществѣ; уровень ихъ научнаго образованія и развитія долженъ быть выше уровня среды, для которой они работаютъ. Уступая записнымъ ученымъ въ подробностяхъ знанія по той или другой отрасли наукъ, они не могутъ уступать имъ въ прогрессивности идей, въ широтѣ взглядовъ и въ правильности обобщеній. Постановка вопросовъ и строгая логика въ обобщеніи фактовъ — вотъ главная черта людей, желающихъ вліять на общество; анализъ событій — неотъемлемая принадлежность всякаго сочиненія, претендующаго на идею. Факты доступны всѣмъ; обильнѣйшею суммою ихъ владеетъ слабѣйшій изъ насъ, часто наименѣ развитый, но долгое время вращавшійся въ кругу той, или другой спеціальности. Но значеніе и силу фактовъ даютъ только правильныя обобщенія ихъ; они важны только, какъ данныя для анализа, какъ основныя положенія для выводовъ и заключеній. На этомъ основаніи мыслящій публицистъ, вооруженный дальновиднымъ воззрѣніемъ на предметъ, подвергнутый разсмотрѣнію, въ тысячу разъ болѣе можетъ сказать полезнаго по любому экономическому вопросу и отнесется къ положенію его несравненно правильнѣе, чѣмъ хозяинъ-мануфактуристъ,

или сельскій хозяинъ, какими бы они ни были специалистами и знатоками своего дѣла. Можно владѣть любопытѣйшими историческими документами наиболѣе интересной исторической критики, даже издать ихъ удачно; но отсюда до воссозданія полной исторической картины еще очень далеко. Не довольно привести фактъ, описавъ его самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ, необходимо еще указать на причины, его породившія, и слѣдствія, которыхъ причиною онъ былъ самъ. Кропотливая терпѣливость записного филистера тутъ не поможетъ; нужны развитіе и умъ прогрессивный, чуткій ко всякой правдѣ, и независимый по своимъ убѣжденіямъ. Любой изъ великихъ мыслителей прежде всего поражаетъ насъ не массою приводимыхъ фактовъ, не обиліемъ *novae*, имъ открытаго, а правильностію пониманія всего, о чемъ заводитъ рѣчь, глубокимъ анализомъ и логикою выводовъ, противу которыхъ невозможно спорить. Глубокая, по истинѣ изумительная эрудиція только помогла Боклю доказать правильность приводимаго имъ міровоззрѣнія, неизбежность признанія законовъ, подъ которые онъ ставитъ бытіе и развитіе человѣческихъ обществъ. Второстепенный ученый, кропатель-филистеръ, а не мыслитель, какимъ бы обиліемъ фактовъ и свѣденій ни запасся, никогда не добьется широкихъ и прочныхъ результатовъ. Онъ можетъ удивлять насъ своимъ трудолюбіемъ, обиліемъ подобранныхъ матеріаловъ, суммою сырыхъ, необработанныхъ, необобщенныхъ фактовъ, но прочнаго впечатлѣнія не произведетъ, никого не увлечетъ за собою, ни на кого не повліяетъ.

Мы высказали, чего слѣдуетъ требовать отъ публициста и ученаго, претендующихъ на серьезное значеніе своихъ трудовъ: общая идея, анализъ фактовъ и правильность выводовъ, построенныхъ на удачныхъ обобщеніяхъ—вотъ въ двухъ словахъ та жѣрка, которой должны удовлетворять публицистическія и историческія сочиненія, писанныя не съ беллетристическою цѣлью. Но такихъ серьезныхъ сочиненій очень немного. У насъ — менѣе чѣмъ гдѣ либо. Мы могли бы, путемъ анализа нашей жизни, доказать, почему въ данное время у насъ мало серьезныхъ мыслителей и такое обиліе беллетристовъ по всѣмъ отраслямъ литературы, даже въ исторической

дѣятельности. Уровень развитія умовъ минувшей эпохи (30-хъ и 40-хъ годовъ), понятія, господствовавшія въ то время—крѣпостной трудъ и лѣнь обезпеченныхъ людей, соединенныя съ полнымъ застоємъ въ гражданской жизни—все это не могло способствовать развитію критическаго анализа надъ окружающими явленіями. Мы только жили и пользовались жизнью, но не приучались смотрѣть на жизнь сознательно. Въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ человѣка и народа всегда такъ бываетъ. Одиночный человѣкъ и цѣлый народъ первоначально поражается только тѣмъ, что у него предъ глазами, почти не интересуясь причинами и послѣдствіями явленій. Отсюда — дѣтямъ недоступна критика и анализъ кажется имъ излишнимъ; у народовъ молодыхъ, только начинающихъ развиваться, мыслитель составляетъ рѣдкое исключеніе, а беллетристы изобилуютъ во всѣхъ родахъ знаній и занятій.

Наши 40-е года—эпоха, отличающаяся умственнымъ застоємъ, художественнымъ безсиліемъ мышленія сытыхъ и пассивнымъ терпѣніемъ большинства, между прочимъ подарила насъ романистами-рисовальщиками, которые достигли значительнаго искусства въ копировкѣ сценъ и лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражаютъ всякаго какою-то по истинѣ изумительною неспособностію осмыслить свои произведенія. Ихъ качаніе изъ стороны въ сторону, ихъ переметность въ убѣжденіяхъ происходятъ не отъ того, чтобы они были сегодня сознательные ренегаты идеи, которой служили вчера; у нихъ идея и пониманіе вещей не созрѣли вмѣстѣ съ ними, не вытекли путемъ мозговой работы изъ собственныхъ наблюденій и комбинацій, а просто, какъ модное платье, взяты ими у кого-то на прокатъ. Они не измѣняли идеѣ (это для нихъ слишкомъ серьезно), а просто хватались за другую, навѣянную новымъ вѣтромъ, или близкую имъ по прежнимъ симпатіямъ и привычкамъ. Тургеневъ, Писемскій и въ особенности Гончаровъ суть безсознательные копировщики жизни, блуждающіе въ потемкахъ, рисовальщики-портретисты, а не мыслители-творцы. Ихъ работы чрезвычайно характеристичны для ихъ эпохи. Это было время, скажетъ позднѣйшій наблюдатель и изучатель нашей жизни, когда чужое пониманіе—первый признакъ цивилизаціи—у насъ уже окрѣпло, но *собственного* еще не бы-

ло; у этихъ людей недостаетъ идеи, работы ихъ — болѣе слѣдствія наблюдательнаго глаза и трудолюбивой руки, чѣмъ результаты работъ мысли и разсудка.

Между ними и такимъ, на примѣръ, писателемъ-мыслителемъ, какъ Диккенсъ, та огромная разница, что у нихъ только портреты и сцены чисто внѣшнія, а у него — цѣлый міръ, живой и стройный, въ которомъ каждое движеніе имѣетъ свою причину и свои послѣдствія; логика связываетъ все, и анализъ дѣлаетъ глубокими и полными правды характеры и сцены. Диккенсу невозможно, немислимо написать похвалу невольничеству, застою и сибаритству, въ какомъ бы привлекательномъ видѣ ни явились предъ нимъ эти элементы. Гончарову напротивъ это очень легко — и мы даже не имѣемъ права винить этого послѣдняго въ противорѣчіяхъ его жалкаго міросозерцанія: онъ безсознательный рисовальщикъ; онъ не отвѣтственъ юридически потому, что не мыслить, не анализируетъ, не выбираетъ...

Такой писатель — просто бесполезный писатель; такое произведение — обыкновенный журнальный балластъ, годный для чтенія только такого разряда читателей, которые ищутъ въ романахъ и повѣстяхъ одной интересности разсказа. Но несравненно строже должны быть отношенія критики къ историкамъ-беллетристамъ. Историческая картинка обыкновенно ничего не разъясняетъ; масса фактовъ, нанизанныхъ безъ опредѣленной идеи, съ единственною цѣлью *занимать вниманіе* — по нашему мнѣнію не только бесполезна, но даже вредна. Она сбиваетъ читателей съ толку и не должна быть терпима въ наукѣ. Возьмемъ для примѣра исторію Петра Великаго; въ жизни этого государя найдется много дѣлъ изумительныхъ, которыхъ плодотворныя послѣдствія ощутительны до нашихъ дней. Но еще болѣе отсрывается сторонъ темныхъ... Если судить Петра, какъ отдѣльное лицо (по воззрѣніямъ старой школы, какъ индивидуума, пользующагося неограниченною свободою волею и управляющаго событіями), его можно представить подъ совершенно различными характеристиками: великимъ мужемъ, безсердечнымъ человекомъ и наконецъ странною личностію, въ характерѣ которой соединяются самыя противоположныя качества. Историки-беллетристы такъ и

представляли его читающей публикѣ, смотря потому, какіе факты показались *занимательнѣе* при ихъ беллетристическомъ кропаніи. Публика, конечно, ничего не уразумѣла, понятія спутались и мы нынче собственно еще менѣе понимаемъ Петра, чѣмъ понимали его до прочтенія всей громады печатной бумаги, которою наградили насъ господа Соловьевы. Погодины, Щебальскіе, Семевскіе и подобные имъ историки.

Историческая беллетристика несравненно легче беллетристики романовъ и повѣстей; тутъ даже наблюдательности не требуется, нужно только терпѣніе, и главное, чтобы дверь архива не была закрыта. Въроятно, вслѣдствіе этой легкости размалевывать историческія картины, наши журналы положительно наводнены подобнаго рода сочиненіями. Даже Ханъ—скромный Ханъ, имѣетъ у себя двухъ субъектовъ, специально занимающихся пережевываніемъ и компиляцію историческою: г. Загуляева для иностранной исторіи и г. Андреева для отечественной. Въ сумрачной „Зарѣ“ и у Михаила Каткова трудятся надъ воспроизведеніемъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ какое нибудь историческое лицо *сѣло* или *сказало* что-либо. Непростительнѣе всѣхъ такое меркантильное воззрѣніе на науку для редакціи „Вѣстника Европы“ — журнала, бывшаго недавно еще спеціально-историческимъ. На его долю достались болѣе талантливыя историки-беллетристы, но уровень ихъ трудовъ не выше общаго уровня той исторической мануфактуры, на которой изготовляются издѣлія гг. Щебальскихъ и Семевскихъ.

Чтобы не тратить времени на пересмотръ цѣлой груды псевдо-историческихъ работъ, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ за 1869 г., мы займемся самымъ выдающимся (по замыслу и по величинѣ, но не по исполненію) трудомъ историко-беллетристическимъ, печатающимся въ „Вѣстникѣ Европы“; мы говоримъ о „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“ Н. И. Костомарова.

Г. Костомаровъ, безспорно, гораздо выше всѣхъ своихъ сподвижниковъ, какъ талантомъ рассказчика, такъ и эрудиціей. Было время, когда, благодаря мнѣнію одного нашего мыслителя-критика, нивѣ уже оставившаго литературу, г. Костомарова считали серьезнымъ мыслителемъ, для котораго идея важнѣе факта, правда важ-

нѣ увлеченій, а собственное имя настолько дорого, чтобы не допустить выпускать въ свѣтъ каждый годъ по одному торопливому сочиненію на самыя разнообразнѣйшія тѣмы и самыхъ солидныхъ размѣровъ. Въ послѣдніе три года Костомаровъ напечаталъ: „Раздѣленіе церкви“ — самое серьезное изъ напечатаннаго, — „Смутное время“ и наконецъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой...“ Тутъ столько перерѣшено вопросовъ, что мы затрудняемся вѣрить, чтобы рѣшеніе ихъ было сдѣлано вслѣдствіе серьезнаго стремленія, а не по одной спѣшности журнальной беллетристической работы. Конечно, Бокль былъ высокоталантливый человѣкъ, однако онъ работалъ десятки лѣтъ надъ однимъ трудомъ и далеко не окончилъ его. А г. Костомаровъ всѣ *три* сочиненія окончилъ въ три года. Овому талантъ, овому два, скажемъ мы по этому поводу. Мы подробнѣе рассмотримъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, во-первыхъ, потому, чтобы показать на этомъ произведеніи значеніе тѣхъ работъ, которыя выдаются намъ за историческія сочиненія; во-вторыхъ для того, чтобы видѣть изъ самого разбора, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ историковъ-беллетристовъ далекъ отъ духа своего времени и истинныхъ задачъ исторической науки.

Въ сочиненіи г. Костомарова чрезвычайно рельефно выясняются взгляды историковъ, для которыхъ разсказъ событій выше идеи, которые полагаютъ, что люди и событія даннаго времени — совершенно самостоятельны, почти не зависятъ отъ предшествовавшаго и окружавшаго ихъ. У нихъ историческія лица — творцы, ихъ гению обязаны мы всѣмъ, и на оборотъ — историческіе несчастливцы всему злу причиной. Они раздаютъ вѣнцы, награждаютъ и наказываютъ историческихъ дѣятелей, не подозревая даже всей наивности такого рода дѣйствій тамъ, гдѣ все, что совершилось — результатъ предыдущаго; человѣкъ, отъ его образа жизни до образа мышленія, зависитъ отъ пищи, климата и географическаго положенія страны, которую населяетъ, и отъ другихъ факторовъ народной жизни, которые, конечно, можно и должно уразумѣть, но которые ни въ похвалахъ, ни въ осужденіяхъ нашихъ не нуждаются. Г. Костомаровъ чрезвычайно наловчился въ разсказѣ; онъ знаетъ, что нравится публикѣ, отсюда у него подборъ фактовъ болѣе анекдо-

тически-сатирическихъ, чѣмъ строго-историческихъ. Зная, что совершенно безъ идеи оставаться неловко, но, не имѣя времени, при спѣшности своей беллетристической работы, усмотрѣть истинныхъ двигателей народной жизни — онъ, при объясненіи причинъ ряда событій, которыя намѣренъ разсказать, беретъ тенденціи давно находящіяся въ обращеніи. При разсказѣ о „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, онъ позаимствовался ветхозавѣтными взглядами казеннаго историка г. Н. Устрялова. Костомаровъ серьезно утверждаетъ, что польскій народъ неспособенъ огуломъ къ тому-то и тому-то и эта неспособность не слѣдствіе извѣстнаго образа жизни, а *прирожденная*. До подобныхъ умозрѣній, какъ видите, читатель, даже Устряловъ не доходилъ, но Костомаровъ доходитъ.

Все сочиненіе поражаетъ неспокойнымъ, раздражительнымъ духомъ взволнованнаго полемиста. Даже юморъ проявляется мѣстами; читая думаешь: не участвовала ли тутъ патріотическая редакція „Голоса“ 1864 — 1867 годовъ включительно. Нынѣ, какъ извѣстно, даже „Голосъ“ разубѣдился и охладѣлъ по части огульныхъ обвиненій и повального коварства жителей нашихъ привислянскихъ губерній. Только Катковъ не унимается и ратуетъ, только Костомаровъ караетъ съ высоты своей исторической трибуны людей давно умершихъ, усердно прикидывая всѣ ихъ дѣйствія и рѣчи на современныя мѣрки — промѣръ, разумѣется, даетъ отрицательные результаты, и историкъ-беллетристъ порѣшаетъ виновныхъ, труня надъ ними à la Грибоѣдовъ въ „Горѣ отъ ума“.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору самаго сочиненія, намъ необходимо сказать слова два о такъ-называемомъ *польскомъ вопросе*. Въ „Вѣстникѣ Европы“ (октябрь) напечатана слѣдующая выписка изъ однихъ мемуаровъ: „характеръ и образъ дѣйствія большинства людей опредѣляются духомъ времени и обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ они развивались, а посему не рѣшусь злобно отнести даже и въ тѣмъ, которые были *виноваты*. скажемъ мы“. Намъ кажется, что это самая вѣрная точка зрѣнія, при взглядѣ на польскія дѣла. Мы нарочно привели выписку изъ того же журнала, гдѣ печатаются „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, чтобы показать, насколько сотрудники почтеннаго журнала

разногласить между собою, и главное, насколько Костомаровъ взглянуть совсѣмъ чужакомъ между гг. М. М. и А. П. и другими, съ которыми печатается рядомъ.

Оцѣнку дѣйствиій поляковъ и отношеній ихъ къ намъ, изъ событій недавно совершившихся, конечно трудно сдѣлать вполне объективною; раны еще слишкомъ свѣжи, причины, вызвавшіе ихъ, еще не отошли совершенно изъ міра дѣйствительнаго. Исторію этихъ событій писать еще рано. Когда подняты и глубоко взволнованы страсти, когда симпатіи и антипатіи еще не вошли въ свою нормальную колею, тогда оцѣнка совершившихся явленій не можетъ не страдать слѣпымъ увлеченіемъ или предвзятыми взглядами.

Кромѣ этихъ *недавно прошедшихъ* событій, есть еще въ польскомъ вопросѣ событія вполне историческаго достоинства, именно *раздѣлы Польши*. Разъяснить эти событія не со стороны фактичности ихъ, а со стороны идеи, намъ кажется, было бы весьма полезно. Дѣйствуютъ ли еще тѣ причины, которыя привели Польшу къ гибели; какъ и откуда возникли элементы, ускорившіе политическую смерть Польши, наконецъ, надо выяснить: какія причины нашего развитія поставили насъ въ данное положеніе къ польскому народу—вотъ вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить автору „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“. Онъ этого не дѣлаетъ, даже не понимаетъ, что это главная задача предпринятаго имъ труда, а подробности событій не болѣе, какъ детали. Костомаровъ прямо говоритъ: Польша погибла потому, что не стоила существованія. Положимъ такъ, но кого же это убѣдитъ?

Екатерина II была *великая жена*, ея политической мудрости мы обязаны присоединеніемъ привислянскаго края... Но привислянскій край дѣлаетъ намъ бездну хлопотъ, больше убытковъ, чѣмъ прибыли—въ будущемъ требуетъ много ловкости и такта, чтобы намъ снова стать къ населенію привислянскаго края въ правильныя отношенія. Значитъ политическая мудрость погрѣшила, а г. Костомаровъ еще болѣе! Ни чуть не бывало, замѣтимъ мы. Только присоединеніе Польши вовсе не есть слѣдствіе политической мудрости Екатерины II, а неизбѣжный результатъ историческаго хода

событій и развитія обоихъ государствъ Россіи и Польши. Еслибы мы писали „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, мы бы выяснили это фактами и анализомъ. Теперь намъ остается обратиться къ сочиненію г. Костомарова и, разбирая его, постараться выяснитъ сказанное нами изъ сущности нашего разбора отрицательнымъ путемъ, то есть, доказавъ несостоятельность костомаровскаго воззрѣнія.

Сочиненіе Н. И. Костомарова, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, для удобства при разборѣ, мы раздѣлимъ на двѣ части: введеніе и собственно повѣствованіе о послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой.

Первая часть—введеніе, по нашему мнѣнію, важнѣйшая и существенная часть всего сочиненія; въ ней авторъ высказываетъ свой взглядъ на исторію Польши и Россіи, говоритъ о причинахъ паденія Польши и рисуетъ намъ образъ ея общественнаго и политическаго быта въ эпоху, предшествовавшую паденію. Высказавъ все это, авторъ уже неизбежно, въ слѣдующей части своего сочиненія (повѣствовательной), подчиняется выводамъ, сдѣланнымъ во введеніи и, такъ сказать, только подборомъ фактовъ, подтверждаетъ справедливость положеній и взглядовъ на источникъ паденія и разложенія государства.

Всякій народъ развивался подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ своей гражданской жизни, подчиняясь различнымъ вліяніямъ. Если народъ прекратилъ свое политическое бытіе, мы, прослѣдивъ событія его жизни, взвѣсивъ всѣ причины, вліявшія на его развитіе и упадокъ, дойдемъ путемъ строгихъ историческихъ выводовъ до уразумѣнія настоящей сущности драмы его финальныхъ дней. Уловить общую идею изъ многихъ данныхъ, составляющихъ детали жизни, вывести общіе законы, обобщить разумно и вѣрно все, что сказалось въ многовѣковомъ историческомъ бытѣ государства—вотъ настоящая задача историка-философа, историка, претендующаго на серьезное значеніе своего труда.

Таковъ взглядъ Бокля, положенный въ основу введенія въ его „Исторію цивилизаціи въ Англии.“

Исторія послѣднихъ годовъ Польши — задача настолько важная по своимъ результатамъ, что мы ждали и имѣли право ждать отъ сочиненія г. Костомарова идей, изслѣдованій, выводовъ и общихъ законовъ, по которымъ развивалась жизнь польскаго народа, а не *беллетристическаго* повѣствованія, не анекдотовъ, какъ жили польскіе паны, не одиѣхъ мертвыхъ подробностей четырехлѣтняго сейма и того, что за нимъ послѣдовало.

Что, въ самомъ дѣлѣ, въ сущности значать факты и подробности событій послѣднихъ дней Польши? Ихъ было столько и они были до того разнообразны, что если бы ихъ принялись описывать разомъ десять историковъ-фактистовъ, всё они написали бы различныя исторіи послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой, смотря по тому, какой идеѣ подчинился и съ какой точки зрѣнія авторъ посмотрѣлъ бы на описываемыя событія. Препирательства между ними были бы безконечны потому, что по существу своему касались бы только подробностей, или обстоятельствъ того или другого случая. Такое разногласіе и господствовало всегда между историками старей школы, невидѣвшими въ жизни народа ничего болѣе, кромѣ ряда внѣшнихъ событій. Но кромѣ внѣшней жизни есть жизнь внутренняя, кромѣ событій на жизнь народа вліяетъ много причинъ, невидимыхъ глазу, слѣдящему только за внѣшностію. Ихъ мы ставимъ на первый планъ и ихъ станемъ доискиваться въ сочиненіи г. Костомарова.

Костомаровъ начинаетъ свое сочиненіе слѣдующимъ довольно страннымъ аргументомъ: „Борьба двухъ славянскихъ народовъ — русскаго и польскаго — важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ.“ Затѣмъ онъ съ неимовѣрными натяжками старается доказать, что борьба эта не прерывалась и всегда имѣла серьезное значеніе. Съ этимъ конечно очень трудно согласиться. Были цѣлые вѣка, втеченіи которыхъ Русь и Польша не только не боролись, но даже почти не имѣли столкновеній. Потомъ мы совѣтъ не понимаемъ, какъ можно считать въ жизни какого нибудь народа важнѣйшею стороною борьбу его съ другимъ народомъ, тѣмъ

болѣе, если эта борьба не вліяетъ на образъ жизни, развитіе и культуру даннаго народа? Съ XII по XV вѣкъ жизнь Польши и Россіи слагалась далеко не подѣ исключительнымъ вліяніемъ ихъ взаимной борьбы. На жизнь Польши въ это время несравненно сильнѣе вліяли столкновенія съ нѣмцами, венграми и чехами. На Россію и ея развитіе въ тысячу разъ болѣе вліяли половцы, литовцы и наконецъ татары, чѣмъ мелкія столкновенія съ ляхами.

Вообще, мы думаемъ, въ жизни народа важнѣйшая сторона не войны его, а развитіе, особый племенной бытъ, слагающійся подѣ вліяніемъ многихъ нравственныхъ и физическихъ причинъ. Возьмемъ для примѣра даже исторію полудикаго народа — черкесовъ. Борьба съ Россіей вовсе не составляетъ важнѣйшей стороны ихъ быта; борьба эта есть только простое слѣдствіе тѣхъ физическихъ причинъ, которымъ они подвергаются, живя въ бесплодныхъ и недоступныхъ горахъ, окруженные слабыми и богатыми жителями армянскихъ и грузинскихъ поселеній.

Задавшись фальшивою мыслію, Костомаровъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что московскіе государи, во время войнъ съ Польшею, никогда не заключали *вѣчнаго мира*, а только перемирія, изъ боязни подтвердить этимъ права Польши на захваченныя ею русскія области.

Права восточной Руси на западную коренились не въ безсильной претензіи московскихъ великихъ князей XIV и XVII вѣковъ, а въ единоплеменности, единовѣрїи и племенномъ родствѣ обѣихъ половинъ Руси. Они поддерживались рядомъ ошибокъ польскаго народа, фанатизмомъ іезуитовъ, неравноправностію гражданъ различныхъ областей Рѣчи Посполитой и тысячью другихъ обстоятельствъ. Въ южной Руси права и симпатїи эти не заглохли, какъ почти заглохли на Полѣсьѣ и въ Бѣлой Руси, ради того, что южнорусское племя, поселенное на благодатной почвѣ, подѣ благодатнымъ климатомъ и взросшее подѣ вліяніемъ воинственной пограничной жизни, выродилось въ племя свободолюбивое и отважное, немогшее сжитъся съ польскимъ олигархическимъ порядкомъ жизни. Наконецъ права восточной Руси на западную не упали (какъ упали и ступевались на Галичину), поддержанныя не столько своею внут-

реніем прочностію въ принципѣ, сколько умомъ двухъ-трехъ государей-политиковъ, занимавшихъ русскій престолъ въ послѣдніе вѣка. Предъ этими сильными причинами, упущенными изъ вида г. Костомаровымъ, что значить его жалкій легитимистическій аргументъ? Онъ не вѣренъ даже въ самомъ фактѣ: вѣчный миръ московскіе государи съ Польшею заключили и отъ правъ на юго-западную Русь отказались въ 1634 году.

Но этотъ фактъ, въ глазахъ всякаго историка, нежелающаго быть только занимательнымъ рассказчикомъ, не имѣетъ ровно никакого значенія. Не было удачи въ войнѣ, ошиблись послы — и только; соберется новое войско, найдется болѣе искусный полководецъ или министръ и опять начнется старый споръ, а пергаментнаго договора какъ не бывало.

Авторъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой,“ тенденціями своими напоминая устрядовскія изданія 40-хъ годовъ, не хочетъ видѣть истинной точки зрѣнія и продолжаетъ на многихъ страницахъ перечислять ряды московскихъ государей и польскихъ королей, описывая ихъ взаимныя ссоры и мировыя, точно это скольконибудь можетъ разъяснить намъ, отъ чего пала Рѣчь Посполитая? Цифры торговли, земледѣлія и промышленности, государственное хозяйство и просвѣщеніе у него или совсѣмъ оставлено безъ вниманія, или отброшено на второй планъ. Мы смѣемъ думать, что образъ экономическаго развитія или паденія страны несравненно болѣе разъяснилъ бы дѣло, чѣмъ отчеты о буйствѣ шляхты на сеймикахъ и т. п.

Мы въ правѣ отказать введенію г. Костомарова въ какомъ бы то ни было серьезномъ значеніи.

Бояль говоритъ: „писать исторію какой-нибудь страны, не обращающаго вниманія на ея умственное развитіе, было бы тоже самое, что астроному сочинять планетную систему, совершенно устранивъ изъ нея солнце, посредствомъ свѣта котораго только и можно видѣть планеты.“ Онъ заканчиваетъ свою мысль словами: „нѣтъ сомнѣнія, что настало время, когда люди, принимающіеся писать исторію какой-нибудь націи, станутъ заниматься тѣми предметами, которые одни только и управляютъ судьбою человѣчества, и бросятъ жал-

кія и ничтожныя подробности, слишкомъ долго утомлявшія насъ,— подробности касательно жизни королей, интригъ министровъ и сплетень дворовъ.“

Не объяснивъ ничего и не показавъ пути, по которому шла Польша втеченіи тысячелѣтняго своего существованія, г. Костомаровъ прямо говоритъ: „причина паденія Польши не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ (?). Такимъ образомъ, перебирая ея формы и явленія, мы найдемъ все то же, что было и въ другихъ странахъ, но не найдемъ въ Польшѣ тѣхъ здоровыхъ, противо-дѣйствующихъ дурному, началъ, которыя въ другихъ странахъ Европы (напримѣръ, въ средневѣковой Испаніи и Италіи!) давали движеніе къ лучшему въ общественномъ строѣ и *торжеству здоровыхъ убѣжденій*...“ „Восходя далѣе къ началу, придется сказать, что корень паденія Польши въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекали его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни.“

Но откуда же взялись эти качества? Намъ любопытно знать, какія именно формы жизни или проявленія породили и развили ихъ. Мы имѣемъ право требовать отвѣтовъ на эти вопросы, основанныхъ на статистикѣ и на другихъ полномѣсныхъ данныхъ. Нельзя же серьезно утверждать, что такой-то народъ пришелъ на землю, надѣленный всѣми хорошими качествами, а другой—оскверненный пороками. Хорошія и дурныя стороны всякаго народа суть результаты его соціального быта, его исторіи, а не наитія свыше. У Костомарова выходитъ наоборотъ.

Но положимъ, все сказанное историкомъ-беллетристомъ—правда. Тогда невольно приходятъ на мысль слѣдующія соображенія: какъ могъ народъ, неспособный къ государственной жизни, просуществовать *тысячу лѣтъ*, играть значительную политическую роль, заявить себя въ литературѣ, законодательствѣ, наукахъ и искусствахъ? Какъ онъ, склонный къ *деморализаціи* и поражающій своими разрушительными элементами, могъ выработать самостоятельныя формы правленія и притянуть къ себѣ сосѣднія земли—Литву и Русь?

Земли эти не только были притянуты Польшею, но и оставались за нею нѣсколько вѣковъ. Политическая случайность, въ родѣ брака Ягеллы съ Ядвигой, тутъ ничего не объясняетъ. Если бы не было другихъ существенно-сильныхъ причинъ (никакъ уже не деморализаціи и разрушительныхъ началъ!), никакой бракъ государей два народа крѣпко не свяжетъ, бракъ Ядвиги былъ только причиною, или вѣрнѣе, исходною точкою, а дѣйствовали на сліяніе Литвы съ Польшею особыя силы, которыя нельзя не признать и непростительно просмотрѣть, потому что онѣ дѣйствовали столько вѣковъ. Даже согласившись съ Костомаровымъ въ его голословномъ положеніи, мы въ правѣ спросить: какихъ это здоровыхъ началъ не усмотрѣлъ онъ въ характерѣ націи? Не мѣшало бы назвать ихъ, тогда можно было бы отвѣтить фактами, а теперь... Наконецъ предстоитъ разрѣшить еще одно недоразумѣніе: неспособность поляковъ и деморализація усмотрѣна Костомаровымъ, очевидно, съ начала ихъ политическаго существованія, но тогда откуда же она проявилась въ этой націи? Нельзя же серьезно утверждать, что всѣ доброязычные славяне выселились на лѣвую сторону Днѣпра и къ Новгороду, а легкомысленные и склонные къ деморализаціи основались на Вислѣ и около Кракова. Если же поляки получили свои разрушительныя качества съ теченіемъ своей политической жизни, то мыслящему историку паденія *Рѣчи Посполитой* слѣдовало анализировать политическую жизнь поляковъ и показать намъ, что вліяло пагубно на народный характеръ; почему Русь и чехи избѣгли, а Польша подпала давленію неблагоприятныхъ началъ и обстоятельствъ. Еще важнѣе указать, какъ разрушеніе постепенно шло и разrostалось, заглушая полезное въ народѣ. Тогда собственно фактическое повѣствованіе о послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой сдѣлалось бы для насъ вполне понятнымъ, осмысленнымъ и полнымъ серьезнаго историческаго значенія.

Нельзя же, г. Костомаровъ, ваши личныя мнѣнія, догадки и случайныя симпатіи и антипатіи выдавать за фактъ, за резюме народнаго характера.

Ваше изложеніе причинъ паденія государства шатко и не вы-

держиваетъ даже слабого критическаго анализа; вы его ничѣмъ не подтверждаете заслуживающимъ уваженія.

Чего, напрямѣръ, стоитъ такое опредѣленіе качествъ поляка: „Начиная отъ временъ Болеслава Храбраго (XI вѣкъ; не рано-ли?), и кончая послѣдними судорожными порывами къ утраченной самобытности, полякъ всегда дѣйствовалъ преимущественно подъ вліяніемъ сердца; умъ и воля подчинялись у него этому вліянію и часто парализировались имъ. Полякъ легко воспламеняется, когда затрогиваютъ его сердце, и легко охлаждается, когда сердце его, отъ утомленія, начинаетъ биться тише, легко довѣряется тому, кто льститъ желанію его сердца... (да вѣдь это всякій человѣкъ такъ сдѣлаетъ?!). *Голосъ холоднаго, здраваго разсудка, хотя бы и самый дружескій, ему противенъ*... Не въ натурѣ поляка ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. Польское *легкомысліе* вошло въ пословицу. Только горькій опытъ, охлаждающій сердечныя увлеченія, заставлялъ поляка видѣть истину; отсюда и польская пословица: мудръ полякъ послѣ бѣды“.

А пословица: крѣпокъ русскій заднимъ умомъ, откуда вытекаетъ и что значить? спросимъ мы. Если строить исторію на пословицахъ, не принимая даже во вниманіе времени, когда онѣ сложились, то можно настроить такихъ абсурдовъ, противъ которыхъ и спорить никто не станетъ. Мнѣ кажется *еще* уже признали фальшивымъ и несогласнымъ съ здравымъ смысломъ всякое поголовное осужденіе народа внѣ предѣловъ времени и мѣстности. Мы понимаемъ, что средневѣковой еврей могъ быть покрытъ коростою и отличаться трусостью, но кто станетъ утверждать, что всѣ евреи фізіологически склонны имѣть вѣчную коросту и что *трусость* ихъ не есть слѣдствіе претерпѣваемаго ими угнетенія, а ихъ природенное качество? Мы готовы уступить г. Костомарову, согласившись, что часть качествъ, отпущенныхъ имъ на долю полякамъ—дѣйствительно нынѣ встрѣчается въ массѣ поляковъ чаще, чѣмъ положимъ въ массѣ французовъ. Но чтобы отъ XI вѣка до нашихъ временъ, всѣ поляки были легкомысленны, всегда состояли подъ вліяніемъ сердца, не были способны ни къ дружбѣ, ни къ

враждѣ постоянной и только охлажденные горькимъ опытомъ видѣли правду,—право это ужь нелогично и даже неразумно.

Нынче и негровъ (съ нѣсколькими особыми физиологическимъ строеніемъ) перестали надѣлять особыми качествами, низшими въ сравненіи съ остальнымъ челоуѣчествомъ. Г. Костомарову слѣдовало показать, подѣ влияніемъ какихъ условій своей жизни поляки получили въ характерѣ вышеупомянутыя качества; показать ихъ постепенное возростаніе, тогда мы могли бы серьезно оспаривать его мнѣніе. Подравнивать же поляковъ времени Болеслава Храбраго и Станислава Понятовскаго по малой мѣрѣ странно, чтобы не сказать болѣе.

Мы могли бы шагъ за шагомъ опровергнуть всѣ положенія во введеніи въ исторію послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой. Но такой дробный, мелочной способъ разбора, во-первыхъ, утомителенъ для читателей, мало выясняетъ характеръ разбираемаго сочиненія и, во-вторыхъ, размѣры нашей журнальной статьи не позволяютъ такъ долго останавливаться на одномъ сочиненіи. Тѣмъ болѣе, что мы намѣрены, для разъясненія предмета спора, сами представить краткій анализъ причинъ паденія рѣчи Посполитой, не претендуя ни на глубокую ученость, ни на безапелляціонное разрѣшеніе вопроса.

Считая себя не ученымъ специалистомъ, подобно г. Костомарову, а только журналистомъ, приложимъ общія данныя, выработанныя историческою критикою, и любя прежде всего правду, честно выскажемъ то, что считаемъ за правду. Но намъ еще разъ необходимо возвратиться къ частностямъ *введенія* г. Костомарова. Главный мотивъ его сочиненія — выставить угнетеніе кметей (земледѣльцевъ) шляхтою, затѣмъ нарисовать всегдашнюю, будто бы господствующую въ Польшѣ, картину неурядицы и хаоса и въ заключеніе указать во всѣхъ даже лучшихъ проявленіяхъ жизни народной темныя стороны и элементы разрушенія.

Прежде всего что такое былъ шляхчицъ и кметъ въ древней Польшѣ?

Шафарикъ производитъ слово лехъ, ляхъ отъ *лехи*, т. е. борозды, проводимой на поляхъ при посѣвѣ. Онъ говоритъ: у при-

балтійскихъ славянъ, издревлѣ занимавшихся хлѣбопашествомъ, названіе ляхъ, ляхъ означалъ всякаго осѣдлаго, владѣющаго землею человѣка. Маціовскій въ своей книгѣ: „Perwotae dzieje polski“ объясняетъ: „Каждый гражданинъ считался ляхомъ коль скоро на раздѣлѣ дѣдины (наслѣдства) получалъ въ собственность землю; онъ становился шляхтичемъ въ первоначальномъ значеніи этого слова“ (стр. 217). Прочіе люди, населявшіе страну, неимѣвшіе осѣдлости, назывались просто людьми. Всѣ невольники, захваченные на войнѣ, всѣ оставшіеся въ ляхской землѣ инородцы, послѣ отраженнаго набѣга—всѣ они составляли классъ низшій. Но каждый изъ нихъ, получивъ осѣдлость, могъ сдѣлаться ляхомъ. Если мы при самомъ началѣ польскаго государства видимъ, что шляхта представляетъ единственный элементъ, формирующій государство, олицетворяетъ то, что нынѣ называютъ народомъ, а прочее населеніе страны представляется какъ бы неимѣющимъ значенія и правъ гражданскихъ, то изъ этого нельзя еще заключать, что шляхта—дворянство захватила тогда въ свои руки всю власть и угнетала низшее сословіе—земледѣльцевъ. Костомаровъ силится это представить, но это совершенно несправедливо. Тогдашняя шляхта не была дворянствомъ, а просто осѣдлое земледѣльческое сословіе; тогдашніе кметы, хлопы, хлапы не были тѣмъ, что нынѣ означаетъ слово крестьянинъ, земледѣлецъ. Мы уже привели свидѣтельство Маціовскаго по этому поводу; все, что не было осѣдлымъ, шляхтою, то, по его мнѣнію, составляло кметей. Впослѣдствіи изъ шляхты земледѣльцевъ образовалась шляхта дворянство, изъ вольнаго неосѣдлаго люда—кметей, образовалось сословіе крестьянъ. Но это было впослѣдствіи. Мы знаемъ, что едва въ 1331 году собрался первый сеймъ, на которомъ осѣдлые земледѣльцы—шляхта, приняла участіе въ управленіи и обсужденіи дѣлъ страны. Ранѣе этой эпохи, польскіе короли, правда, встрѣчали ограниченіе своей власти, но не со стороны шляхты, а со стороны ленныхъ своихъ владѣтелей, вельможъ и духовныхъ магнатовъ. Такое положеніе дѣлъ было тогда во всей Европѣ. При нападеніи враговъ, разумѣется, на осѣдлыхъ жителяхъ лежала обязанность отражать нападеніе, съ оружіемъ въ рукахъ защищать отечество. Отсюда впослѣд-

ствіи установился обычай у польской шляхты, считать службу съ оружіемъ въ рукахъ своею исключительною привилегією. Эта привилегія мало-по-малу дала шляхтѣ то значеніе, какое она имѣла въ послѣдствіи, какъ привилегированное, высшее, *благородное* сословіе въ государствѣ. Но и въ эти позднѣйшія времена шляхтичъ непремѣнно долженъ былъ имѣть осѣдность, быть землевладѣльцемъ.

Въ первыя времена шляхетство человѣку давала поземельная собственность; въ послѣдствіи только оружіе, отличіе на войнѣ давало шляхетство кмету. Мы видимъ примѣръ этого во время осады Пскова при королѣ Стефанѣ. Но, повторяемъ, никогда шляхетство польское не было замкнутымъ сословіемъ, недоступнымъ для прочихъ, хотя въ послѣднія два столѣтія мы уже находимъ, что оно начинаетъ прямо перерождаться въ нѣмецкихъ и еще вѣрнѣе въ французскихъ *pobles*.

Важнѣйшій недостатокъ въ сочиненіи Костомарова — полнѣйшее его невниманіе ко времени дѣйствій и происшествій; онъ точно съ умысломъ перескакиваетъ непрерывно отъ эпохи Пястовъ къ эпохѣ Станислава Понятовскаго; вездѣ ищетъ подтвержденія своей любимой мысли, что шляхта угнетала и терзала земледѣльцевъ, производила безпорядки въ государствѣ и что вся жизнь Польши отъ начала до конца была — хаосомъ. Для подтвержденія этой мысли онъ забываетъ различіе значенія сословій въ разное время, не видитъ въ эпохѣ Ягеллоновъ развитія просвѣщенія и выработки народомъ либеральныхъ формъ правленія и даже вѣротерпимости, чего не было нигдѣ въ остальной Европѣ. Костомаровъ съ умысломъ смѣшиваетъ сословіе вельможъ и среднюю шляхту; такъ, борьбу, которую вели Владиславъ Локетекъ и Казиміръ Великій, онъ называетъ борьбою съ своевольною шляхтою, тогда какъ это была борьба съ феодальными вельможами. Таковая же борьба велась королевскою властію во всей Европѣ съ феодалами и ни одно изъ государствъ Европы не привела она къ гибели; феодализмъ, отжившее средневѣковое начало, боролся, но такъ какъ время его уже прошло, онъ долженъ былъ умереть — и умеръ. Гибель Польши коренилась не въ этой борьбѣ и самая борьба ни-

чего не представляла особеннаго—совершилось тоже самое, что и въ остальной Европѣ.

Еще большая близорукость видна въ выводахъ Костомарова относительно гражданскаго быта, законодательства и просвѣщенія въ Польшѣ. Онъ вездѣ смѣшиваетъ эпоху упадка съ эпохой развитія и временемъ полнаго процвѣтанія; онъ придаетъ характеристику и признаки одного времени—другому, такъ что подъ конецъ у читателя передъ глазами является картина дѣйствительно поражающая недостаткомъ хорошихъ начатковъ и полная чудовищныхъ проявленій разложенія и застоя послѣднихъ годовъ. Но было вовсе не такъ.

Для примѣра возьмемъ его отчетъ о просвѣщеніи въ Польшѣ.

Кому неизвѣстно, что исторію просвѣщенія и школъ въ Польшѣ слѣдуетъ раздѣлять на двѣ эпохи, рѣзко непохожія одна на другую: до введенія іезуитовъ и послѣ того, какъ они, завладѣвъ всею, одни воспитывали цѣлыя ряды поколѣній, имѣя въ виду одну свою пользу, а не благо и просвѣщеніе народа.

Костомаровъ пишетъ: „Вѣкъ Сигизмунда-Августа считается золотымъ вѣкомъ литературы и просвѣщенія. Но, не отнимая достоинства такихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ писателей, какъ Кохановскій и Рей, надобно сказать, что поэты тогдашней литературы важны только въ кругу своего роднаго края и далеко не имѣютъ міроваго значенія (а наша нынѣшняя литература имѣетъ міровое значеніе?). Высшее мѣсто образованія — краковская академія—во всѣхъ отношеніяхъ стояла ниже заграничныхъ. Люди способные, желавшіе приобрѣсти основательныя знанія, снѣзили въ Германію, Италію и Парижъ, а краковская академія оказывалась для нихъ плохою пригготовительною школою.

„Поверхностный наборъ знаній, риторическая болтовня, отсутствіе критики и приложенія знанія къ практикѣ, составляли черты польскаго ученія. Правовѣдъ зазубривалъ кое-что изъ римскихъ законовъ и ничего не звалъ о польскомъ правѣ (Позвольте не повѣрить; какъ же онъ могъ быть адвокатомъ, когда польское право дѣйствовало?). *Богословъ не читалъ священнаго писанія...* Медикъ учился по Галену, незнакомый съ новымъ ходомъ науки и

не изучая вовсе человѣческаго гѣла... „Школъ было мало и грамотность не очень была распространена въ Польшѣ...“ „Безъ сомнѣнія, заканчиваетъ Костомаровъ свою странную и чрезвычайно поверхностную характеристику просвѣщенія, совершенное отсутствіе школъ было бы полезнѣе для Польши, чѣмъ такое просвѣщеніе; тогда, по крайней мѣрѣ, остался бы просторъ здравому смыслу“.

Врядъ ли, замѣтимъ мы, чтобы отсутствіе школъ могло дать просторъ здравому смыслу? И что это такое за здравый смыслъ безъ науки? По крайней мѣрѣ Бокль и всѣ лучшіе компетентные судьи въ дѣлѣ исторіи судятъ иначе. Мы видимъ, какъ отнесся Петръ и его лучшіе преемники къ древней Руси, гдѣ было совершенное отсутствіе школъ. Школы, какъ бы плохи онѣ ни были, воспитываютъ въ народѣ потребность науки, желаніе учиться. Ихъ преобразование, конечно, дѣло нелегкое, но когда школъ вовсе нѣтъ, нѣтъ даже потребности въ нихъ, тогда дѣло несравненно плоше: мало цѣлаго вѣка для того, чтобы создать даже весьма посредственныя школы, и главное заставить народъ почувствовать необходимость учиться, но откуда же возьмется здравый смыслъ у народа среди тьмы и невѣжества. Тамъ, гдѣ нѣтъ школъ или ихъ мало, тамъ полный просторъ не здравому смыслу, а самымъ грубымъ предрасудкамъ и суевѣріямъ.

Такія *дикия* понятія о просвѣщеніи у историка-беллетриста ясно доказываютъ совершенное его безсиліе въ дѣлѣ пониманія жизни народной и тѣхъ идей, которыя вырабатываются этою жизнію. Мы уже привели слова Бокля, какъ много значить умственная жизнь народа для всякаго пишущаго исторію.

Все введеніе написано сбивчиво, поверхностно и наполнено самыхъ странныхъ заключеній и выводовъ.

Скажемъ слова два о школахъ въ Польшѣ. Лукашевичъ въ своей исторіи школъ пишетъ: „городовъ и мѣстечекъ въ краѣ было 900, въ каждомъ была своя школа, въ нѣкоторыхъ было по нѣскольку. Считаемо 900 школъ, кромѣ того были парофіяльныя, т. е. приходскія школы 600 „

итого	1,500 школъ.
-----------------	--------------

Считая вообще учащихся въ каждой школѣ по 20 учениковъ, получимъ всѣхъ учащихся въ Польшѣ 30,000. Это обучалось только въ элементарныхъ школахъ; но были же еще высшія школы и академія. До 1496 года вѣсти (крестьяне) могли свободно учиться и достигать высшихъ званій въ государствѣ; доказательствомъ можетъ служить Войцехъ Ястржембець, бывшій примасомъ королевства. Кромеръ, епископъ Гозиушъ, Дантышекъ, Коперникъ — все это были люди родомъ не изъ высшаго класса. Только піотроковскій сеймъ преградилъ кміоткамъ дорогу къ высшимъ достоинствамъ въ государствѣ и запретилъ пріобрѣтать землю въ собственности, т. е. шляхтитесь этимъ путемъ. Но учиться и въ это время имъ не запрещали; постановлено было только, чтобы *одинъ* сынъ вѣтя, не болѣе, могъ поступить въ школу. Это было въ XV вѣкѣ. Мы однакоже знаемъ, что многіе законодатели XIX вѣка поступали не либеральнѣе этого. Даже XVIII вѣкъ не можетъ идти въ сравненіи съ нынѣшними понятіями о просвѣщеніи, и только одному Костомарову пришло въ голову дѣлать такіа сравненія, точно онъ говоритъ не о Польшѣ временъ Станислава Пенятовскаго, а о какомъ нибудь земскомъ стѣздѣ...

Тридцать тысячъ учащихся на тогдашнее негустое населеніе Польши давали процентъ весьма высокій. Если взять статистику образованія другихъ странъ за то время, едва ли перевѣсъ не останется на сторонѣ Польши. Многіа государства и нынѣ не дадутъ такого процента учащихся.

Краковская академія имѣла четыре факультета: богословскій, философскій, юридическій и медицинскій. Первый состоялъ изъ декана и одиннадцати профессоровъ, второй имѣлъ 14 профессоровъ; на юридическомъ находилось четыре и на медицинскомъ восемь профессоровъ. Итого академію составляли: ректоръ, четыре декана и *тридцать семь* профессоровъ. Было семь бурсъ, гдѣ бѣдные воспитанники получали все содержаніе.

Конечно, тогдашнюю краковскую академію можно сравнить только съ современными ей университетами — тоже преисполненными схоластики, но они далеко не были въ такомъ безнадежномъ положеніи въ лучшіе свои дни, какъ утверждаетъ г. Костомаровъ. Мы

совѣтуемъ желающимъ ближе познакомиться съ положеніемъ просвѣщенія въ Польшѣ въ XV и XVI вѣкахъ, обратиться къ серьезнымъ сочиненіямъ Вишневекаго, Войтицкаго и Лукашевича. Мы же здѣсь замѣтимъ только: Кохановскій, Рей и Клоновичъ — дѣти тогдашняго просвѣщенія; ихъ сочиненія, честныя и полныя гуманности, не могутъ ли служить мѣриломъ того просвѣщенія, которое разливала краковская академія? Кохановскаго можно и теперь читать безъ затрудненія, сатиры Клоновича противъ іезуитовъ, въ его время еще только закрѣпившихся въ Польшѣ — полны энергіи и занимательности. У него есть поэма „Флисъ“ (матросъ съ Вислы), обличающая дарованіе и въ особенности широту идей и взгляды серьезные для того времени. Какимъ же образомъ, при мнимо-низкомъ уровнѣ просвѣщенія, могли развиться такіе люди и сложиться такое пониманіе вещей?

Костомаровъ упрекаетъ медиковъ Польши XV вѣка, зачѣмъ они далѣе Галена и арабовъ не шли? Зачѣмъ не изучали человѣческаго тѣла? Но много ли въ Европѣ медиковъ поступало тогда иначе? Герве едва въ началѣ XVII вѣка открылъ кровообращеніе; Пакке только въ 1647 г. открылъ млечные сосуды. Во Франціи первымъ замѣчательнымъ хирургомъ былъ Амбруазъ Паре, считающійся основателемъ сравнительной остеологіи. Въ вѣкъ Людовика XIV медицина пришла въ упадокъ наравнѣ съ прочими науками на континентѣ Европы, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ.

Какъ же можетъ г. Костомаровъ упрекать польскихъ медиковъ время Ягеллоновъ въ незнаніи того, что еще не было тогда открыто? Происходитъ это отъ того, что онъ постоянно смѣшиваетъ всѣ эпохи, такъ что, читая, не знаешь, о какомъ же времени говоритъ историкъ. Въ XIV и XV вѣкѣ и даже позже, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, высоко надъ общимъ уровнемъ стоящихъ людей, всѣ слѣпо держались схоластики, особливо католики. Аристотель, Альбертъ Великій и т. п. — были альфой и омегой тогдашней науки. Между истиною, что образованіе въ Польшѣ уступало образованію Франціи и Англіи и совершеннымъ нулемъ, до котораго низводитъ его Костомаровъ — громадная разница.

В. Сирокомля (Кондратовичъ) въ своей „Исторіи литературы“ такъ

характеризуетъ просвѣщеніе въ Польшѣ до временъ іезуитскихъ и періодъ іезуитизма: „прежде латинскій языкъ былъ только при-служникомъ разнымъ знаніямъ; при іезуитахъ онъ самъ сдѣлался въ школахъ единственною наукою“.

Дѣло совершенно понятное: іезуитамъ необходимо было уничтожить зачатки просвѣщенія, чтобы утвердить свою власть. Они захватили въ свои руки воспитаніе и, взростивъ сподрадь нѣсколько поколѣній народа, погубили все, что такъ хорошо начинало уже развиваться. Мы къ этому предмету еще возвратимся, когда будемъ говорить о причинахъ упадка Польши. Теперь поспѣшимъ закончить обзоръ введенія въ исторію послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой.

Оно заканчивается рядомъ анекдотовъ, почерпнутыхъ изъ различныхъ мемуаровъ: Кожмяна, Дусланда Охотцаго, ксендза Кито-вича и т. п. нехитрыхъ источниковъ. Выборъ сдѣланъ съ очевидною цѣлью придать всей картинѣ юмористическій, *пикантный* характеръ. Иначе, мы, право, затрудняемся рѣшить, что хотѣлъ авторъ сказать приведеніемъ анекдота о томъ, какъ голодный шляхтичъ завладѣлъ, на общемъ обѣдѣ, мискою рубцовъ, другіе шляхтичи, изъ зависти, опрокинули ему рубцы въ капишонъ плаща, и сильно обожгли?.. Разсказъ объ Адамѣ Малаховскомъ и его громадномъ кубкѣ *cordo fidelium*, который удалось одолѣть только одному пьяницѣ бернардину — годится развѣ въ „Смѣсь“ покойной „Библіотеки для Чтенія“ и ужь отнюдь не мѣсто ему въ серьезномъ историческомъ сочиненіи. Зачѣмъ его приводитъ авторъ? неволью спрашиваешь. Развѣ онъ не знаетъ, что въ XVIII вѣкѣ кутежи, попойки и игра въ карты были страшно развиты во всей Европѣ, не исключая даже и серьезной Англій. Пусть онъ потру-дится припомнить одни только названія тогдашнихъ лондонскихъ клубовъ: пьянство, буйство, мотовство просто положены были въ основу этихъ милыхъ обществъ. Кромѣ исторіи Англій и Франціи, мы сошлемся на наши отечественные нравы, начиная съ асамблей Петра Великаго и кончая самодурствомъ большихъ баръ начала нашего вѣка.

Анекдоты Костомарова не указали намъ причинъ паденія Поль-

ши. Кожмянь, Китовичъ и Охотцкій, давшіе автору столько сатирическаго матерьяла, молчатъ объ истинныхъ причинахъ разложенія государства, — и г. Костомаровъ молчитъ. Нельзя же считать за разрѣшеніе вопроса такія заключительныя слова введенія: „Никакая реформа учреждений, никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей (Польшѣ) помочь. Гибель лежала въ глубинѣ польскаго характера, который былъ способенъ усвоить и полюбить такую жизнь.“

Еще ли слѣдуетъ искать доказательствъ слабости мыслительныхъ способностей автора? Ему неизвѣстно, что образъ жизни народа зависитъ не отъ характера прирожденнаго (какой характеръ прирожденъ?), а отъ степени его развитія и образованія. Можно ли винить дикаря за его *скверный* характеръ, позволяющій ему любить бродячую жизнь охотника, или хвалить характеръ европейца за любовь къ комфорту и разсудительности?! Характеръ-ли тутъ виноватъ или развитіе? Толковать, что вакому бы ни было государству не помогутъ реформы учреждений, правленія, законодательства и всяческія улучшенія экономическихъ силъ, по нашему мнѣнію, значитъ толковать вздоръ, не видѣть ничего дальше своихъ зеленыхъ очковъ. Чтобы сколько нибудь разъяснить темное въ причинахъ паденія Рѣчи Посполитой, мы должны сказать слова два о самомъ ходѣ развитія Польши. Такъ мы и сдѣлаемъ, оставивъ пока въ покоѣ беллетристическія сказанія г. Костомарова.

Мы уже высказали нашъ взглядъ на первоначальное значеніе шляхты въ Рѣчи Посполитой. Шляхтичъ былъ *de facto* только свободный человекъ, владѣвшій поземельною собственностію, иначе землевладѣлецъ. Обязанный защищать страну, несшій повинности, шляхтичъ скоро приобрѣлъ силу и привилегіи. Но со вѣзъмъ тѣмъ короли изъ дома Пяста были почти полновластные короли по от-

ношеніямъ къ большинству народа; только небольшое количество вельможъ, болѣе вассаловъ, чѣмъ прямыхъ подданныхъ, составляли исключеніе. Еще подлежало тому же исключенію богатое духовенство. Имѣнія его по каноническому праву были неприкосновенны, а на синодѣ въ Ленчицѣ 1180 года, духовные постановили такія правила, что сдѣлались почти независимыми въ государствѣ. Епископы и аббаты всѣ дѣла на своихъ территоріяхъ судили сами. Архіепископъ гнезненскій, а впослѣдствіи архіепископъ краковскій, считались князьями, каковой титулъ былъ привилегіею ихъ кафедръ. Аббатъ Тынецкій назывался аббатомъ *centum villarum*. Въ этихъ отношеніяхъ вельможъ и духовенства къ королямъ Пястова дома кроется причина неурядицъ тогдашней Польши. Простое дворянство тутъ было ни при чемъ.

Сеймовъ еще не было. Первый сеймъ созвалъ Владиславъ Локетекъ въ Хентяѣ въ 1331 году, а до этого времени шляхта въ правленіи не участвовала. Изъ постановленій этого сейма мы видимъ, что всѣ классы народа, шляхта тоже, были тогда обложены податями. Сорокъ лѣтъ спустя, въ царствованіе слабого Людовика венгерскаго, на сеймѣ въ Кошицахъ (1374 г.) подати съ шляхетскаго сословія были уменьшены до двухъ третей, но не уничтожены. Очевидно и въ это время шляхта еще не переродилась въ привилегированное сословіе. Мы видимъ въ XIV вѣкѣ подобное дворянство въ Англіи, Франціи, Германіи, Испаніи и Италіи, но не видимъ его еще въ Польшѣ.

Владиславъ Локетекъ и сынъ его Казиміръ Великій вели дѣла государственныя весьма разумно. Начиная съ 1319 года Локетекъ принялся за реформу законодательства, желая дать ему единство и устранить частныя привилегіи, мѣшавшія развиваться благосостоянію и порядку въ государствѣ. Онъ во все свое долговременное правленіе не издалъ ни одной новой привилегіи. Самъ изрубилъ нѣсколько старыхъ пергаментовъ съ привилегіями и сорвалъ печати съ другихъ... Установилъ право апелляціи къ нему на приговоръ городскихъ судовъ. Но занятый борьбою съ вельможами, Локетекъ не успѣлъ окончить законодательной реформы. Это было исполнено сыномъ его Казиміромъ Великимъ, издавшимъ 8 марта

1347 года статутъ называемый Вислицкимъ. Постановленіями этого статута крестьянинъ (кміотекъ), невладѣвшій землею, но жившій на чужой, имѣлъ право въ случаѣ притѣсненія, оставлять своего господина. *Лично былъ свободенъ.* Судъ и справедливость трибуналовъ были для него открыты наравнѣ съ другими. Въ Краковѣ и Познани организованы были два высшіе трибунала, въ которыхъ засѣдали депутаты отъ городовъ, управлявшихся магдебургскимъ правомъ. Евреи получили привилегіи. Эти привилегіи даны были собственно не Казиміромъ, а еще прежде въ 1264 г. княземъ Болеславомъ Великопольскимъ. Казиміръ только подтвердилъ ихъ.

Заложена была академія въ Краковѣ. Мы уже говорили о ней. Здѣсь замѣтимъ только, что многіе поляки впоследствии занимали почетныя мѣста въ иностранныхъ университетахъ; такъ Замойскій былъ ректоромъ падуанскаго университета. Въ Польшѣ было много библіотекъ. Пергаментныя рукописи съ металлическими застежками по тогдашнему обычаю были пригнѣзжены цѣпочками къ хранилищамъ. Титъ Ливій стоилъ 250 талеровъ. Монастыри и дворцы вельможъ имѣли своихъ переписчиковъ и живописцевъ, разрисовывавшихъ пергаментъ. Хроники, юридическіе сборники и молитвенники составляли богатства тогдашнихъ библіотекъ. Краковская академія имѣла свою большую библіотеку. Существовала поговорка: *vende pallium, eme libros.* Въ 1429 году установлено было находиться двумъ библіотекарямъ при академической библіотекѣ. Первый каталогъ былъ составленъ въ 1497 г. Въ Познани была большая библіотека, собранная Станиславомъ Тіолкомъ. Были еще частныя библіотеки, поименуемъ обильнѣйшія: Олесницкаго, Сцибора, Эразма Тіолка, библіотеки въ Гнезнѣ, Уніезовѣ и Ловичѣ.

При Ягеллонахъ дѣла Польши не только внѣшнія, но и внутреннія шли еще лучше. Единовластіе, которымъ пользовались Пясты, начало переходить въ конституціонныя формы правленія. Въ первоначальныхъ формахъ свободнаго правленія Польши, мы не видимъ ничего ужаснаго, никакихъ разрушительныхъ началъ. Правительственная власть находилась не исключительно въ рукахъ шляхты: *на сеймахъ имѣли право присутствовать депутаты*

отъ родовъ. Сенатъ составлялся не изъ родовыхъ аристократовъ, а изъ лицъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, доступныя de jure для всѣхъ. Изъ этихъ учрежденій могли развиться прекрасныя формы правленія, подобно тому, какъ это совершилось въ Англіи. Но для этого необходимо было, чтобы равномѣрно съ развитіемъ либеральныхъ формъ и свободы, развивалось просвѣщеніе въ странѣ. Но просвѣщеніе было остановлено.

Либеральныя права и свобода, которыя могли быть благотѣльны для людей развитыхъ, сдѣлались источникомъ гибели для воспитанниковъ іезуитовъ. Права разрастались, образованіе падало, начиная отъ смерти Сигизмунда-Августа. Если бы въ Англіи, послѣ изгнанія Стюартовъ, образованіе осталось въ рукахъ католическихъ монаховъ, мы бы увидѣли повтореніе польскихъ исторій.

Католическое духовенство имѣло всегда и вездѣ одну цѣль: — господствовать надъ міромъ; мы видимъ его постоянно на сторонѣ враговъ просвѣщенія, свободомыслія и прогресса. Оно всегда было на сторонѣ политическаго и умственнаго застоя, деспотизма, такъ какъ это вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ порабощенію народа. Католическіе патеры знали изъ примѣровъ (X и XI вѣкъ, напримѣръ), что только въ вѣкъ полнѣйшаго невѣжества и страшной нищеты народа оно было полнѣйшимъ властителемъ судебъ человѣчества. Съ первымъ движеніемъ къ прогрессу, съ первымъ проблескомъ пробужденнаго мышленія его мрачная власть поколебалась. Власть Рима основана на принципѣ *сильной вѣры*, развивающееся человѣчество прежде всего протестуетъ противу этого дикаго положенія; потомъ второй принципъ католицизма: — аскетизмъ и самоотреченіе тоже несовмѣстенъ съ развитіемъ мысли... Чтобы удержать народы въ повинновеніи, іезуиты старались удерживать ихъ во тьмѣ. Въ Польшѣ имъ это вполне удалось; помогли разныя политическія случайности, помогло въ особенности то, что имъ приходилось имѣть дѣло не съ цѣлымъ народомъ, а съ отдѣльными личностями магнатовъ. Бѣдность, черная смерть и голодъ тоже помогли имъ. Королевская власть въ Польшѣ была слишкомъ слаба, чтобы противодѣйствовать іезуитскимъ влияніямъ, тѣмъ болѣе, что первый король Сигизмундъ III былъ ихъ воспитанникомъ. Послѣ уже было поздно спорить. Они,

воспитаніемъ цѣлаго ряда поколѣній деморализировали вліятельный классъ въ Польшѣ ради сохраненія своей власти; они создали въ Польшѣ ту несчастную аристократію, которая глазами ихъ смотрѣла на народъ и видѣла въ немъ не болѣе какъ свое вьючное животное; они убили просвѣщеніе и тѣмъ дали свободнымъ учрежденіямъ превратиться въ хаосъ, а представительному правленію въ олигархію. Страна впала въ бѣдность и рабство, какъ прямыя слѣдствія упадка просвѣщенія.

Удивился ли, что люди, ничего не знавшіе кромя *латыни*, имѣя въ рукахъ огромную судебную и политическую власть, впали въ тысячи ошибокъ и погибли?!

Если бы съ упадкомъ просвѣщенія въ Польшѣ могла усилиться королевская власть, она бы сохранила страну отъ анархіи. Мы видимъ этому примѣры въ исторіи. Народъ, когда находится въ состояніи дѣтства (во время упадка просвѣщенія), требуетъ сильнаго правительства. Во Франціи дѣла шли совершенно обратнымъ порядкомъ: тамъ власть королей усиливалась и достигла деспотической безапелляціонности въ то самое время, когда уровень образованія тоже возросъ до значительной степени. Привилегіи вельможъ не могли примириться съ мыслящимъ народомъ. Послѣдовалъ взрывъ — первая революція. Въ Польшѣ народная свобода росла, просвѣщеніе падало, и въ XVIII вѣкѣ государство впало въ хаосъ и разложилось.

Чтобы вполне уразумѣть, какъ это совершалось, слѣдуетъ прослѣдить развитіе просвѣщенія и его упадокъ параллельно съ развитіемъ республиканской свободы. Мы видимъ, какъ за упадкомъ образованія падаетъ экономическій бытъ страны, богатства сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ — олигархіи; узаконяется рабство крестьянъ и вырожденіе шляхты въ настоящее привилегированное сословіе, нежелающее ничего уступить изъ своего захвата для общаго блага. Дѣлала шляхта дурно не потому, чтобы была вся дурна, а ради того, что по необразованію, не понимала своихъ поступковъ. Олигархи Венеціи никакъ не хотѣли согласиться, что торговля можетъ процвѣтать только между свободнымъ народомъ; французское дворянство не хотѣло видѣть источниковъ народнои нищеты въ

массѣ своихъ личныхъ правъ. Въ Испаніи духовенство погубило просвѣщеніе, по власть королей спасла государство отъ разрушенія; она сдержала вмѣстѣ омертвѣвшія части Испаніи, пока народъ, пробудившись, не сбросилъ съ себя ига монаховъ. Войны Наполеона застали Испанію точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ замысли Екатерины и Фридриха нашли Польшу. Но Наполеона погубилъ 1812 годъ; замыслы Екатерины и Фридриха были болѣе предусмотрительны, чѣмъ походъ французовъ на Москву—и Польша была раздѣлена.

Польскіе епископы, когда отстаивали неприкосновенность правъ католицизма, конечно не подозрѣвали, что они служатъ врагамъ своего отечества. Послѣ изгнанія іезуитовъ воспитаніе оставалось въ рукахъ духовенства: удивимся-ли, что дѣла шли дурно?

Въ исторіи собственно не существуетъ *если бы*. Но мы позволимъ себѣ сказать: если бы въ Польшѣ закрѣпилось протестанство, проникшее туда со временъ Гуса и утвердившееся при Сигизмундѣ-Августѣ, исторія Польши пошла бы другимъ путемъ и привела бы къ другимъ результатамъ. Народы, слабые матеріальною силою и поставленные географически между мощными сосѣдями, могутъ удержать за собой независимое политическое положеніе только въ силу умственного и нравственного своего превосходства. Маленькая Швейцарія только своимъ свободнымъ учрежденіямъ обязана самобытною жизнію..... Протестантизмъ могъ въ свое время обновить и укрѣпить Польшу, но онъ погибъ въ ней и не безъ сильной борьбы: упадокъ протестантизма и его школы идетъ равномерно съ увеличеніемъ вліянія паперовъ.

Упадокъ просвѣщенія, точно огромною тѣнью, покрываетъ всю страну, погружающуюся въ глубокую шабожность, лѣнь и себялюбивую кичливость. Растутъ всюду громадные костелы, богатые монастыри, растетъ число монаховъ, уменьшается число типографій, число печатаемыхъ книгъ (кромѣ молитвенниковъ), литература ограничивается фразерствомъ, даже самый слогъ портится: чистая рѣчь Кохановскаго и Рея замѣняется латино-польскою окрошкой, простота образовъ и искренность чувствъ — дѣланнымъ пафосомъ и риторикою, всегдашнимъ достоинствомъ костельныхъ проповѣдей.

Періодъ доіезуитскій отличается *свѣтскимъ* характеромъ; люди мыслятъ о землѣ, о своихъ дѣлахъ — и дѣла идутъ недурно. Періодъ господства іезуитовъ замѣчательнъ тѣмъ, что тогда одни іезуиты думаютъ о мірскихъ благахъ, прочіе болѣе заняты спасеніемъ душъ своихъ. Нищета и роскошь живутъ рядомъ и обоудно боятся чорта. Но чортъ, ихъ погубившій, былъ таѣъ хорошо переодѣтъ; что трудно было его уберечься. Мораль католическаго духовенства расходится съ дѣйствительностію: смиреніе и безкорыстіе въ словахъ и гордыня съ безпредѣльною жадностію на дѣлѣ. Чтобы убѣдиться въ его фальшивости, слѣдуетъ не читать его рѣчей и книгъ, и прослѣдить его жизнь.

То, что г. Костомаровъ относитъ къ природной неспособности польскаго народа, мы относимъ къ слѣдствіямъ іезуитскаго воспитанія, умышленно подготавливавшаго людей ограниченныхъ, олигарховъ, лѣнивыхъ и взбалмошныхъ. Только такими субъектами и можетъ управлять духовенство.

Нельзя признать возможнымъ въ дѣйствительности существованія народа, неспособнаго къ прогрессу, какъ нельзя отыскать на землѣ народа-генія, который бы безъ образованія, подготовки научной и экономическаго благосостоянія оказался способнымъ къ либеральнѣйшимъ формамъ правленія. Нынче даже неспособность турокъ не считаютъ прирожденнымъ качествомъ, а надѣются измѣнить ее просвѣщеніемъ. Если это не удастся, виновата будетъ не натура турокъ, а *коранъ*, мѣшающій развитію и прогрессу, т. е. таже религіозная замкнутость, что и польскій іезуитизмъ.

Въ Польшѣ губило все не неспособность народа, а католическое духовенство.

Если бы Костомаровъ, вмѣсто подбора беллетристическихъ ничтесныхъ анекдотовъ, поднялся до общихъ идей, онъ бы увидѣлъ въ чемъ заключаются причины паденія Рѣчи Посполитой. Но историки-беллетристы до идей никогда не возвышаются, имъ кажется, что вся важность позанимательнѣе нарисовать ту или другую историческую картинку. Бокль говоритъ: „между ними (историками фактистами) преобладаетъ мысль, будто все дѣло ихъ, рассказать событія, оживляя по временамъ этотъ рассказъ нравственными и

политическими размышлениями, которыя могут имъ показаться полезными. Вслѣдствіе такого взгляда, каждый, кто по лѣности мысли или природной тупости, неспособенъ ни къ какой изъ высшихъ отраслей знанія, можетъ, посвятивъ нѣсколько лѣтъ на прочтеніе известнаго числа книгъ, сдѣлаться способнымъ написать исторію великаго народа, и книга его станетъ считаться авторитетомъ въ предметѣ, которому посвящена.“

Конечно послѣ всего высказаннаго о сущности сочиненія г. Костомарова, мы могли бы уволить нашихъ читателей отъ подробностей разбора собственно повѣствовательной части „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“. Въ самомъ дѣлѣ, кому интересно узнать, что авторъ ошибся въ той, или другой подробности, показалъ ли то число войскъ въ данномъ сраженіи, или въ начальники ихъ помѣстилъ генерала, который былъ положимъ въ это время на другомъ концѣ Европы. Все это мелочи, мало могущія интересовать, послѣ того, какъ уже доказано, что самое сочиненіе — не исторія, а нѣчто среднее между исторіею и романомъ графа Толстого „Война и миръ“. Но и въ этомъ беллетристическомъ разсказѣ иябются своего рода особенности весьма характеристичныя, — въ тонѣ изложенія и въ отношеніи, которое авторъ принимаетъ относительно дѣйствующихъ лицъ своего разсказа. Прежде всего онъ очень на нихъ сердитъ; онъ не можетъ говорить о лицахъ прошлаго вѣка, какъ обыкновенно принято говорить объ историческихъ лицахъ — безучастно, взвѣшивая ихъ дѣйствія и обстоятельства, которыя вліяли на эти дѣйствія, отыскивая одну истину, подобно анатому, изучающему трупъ человѣка. Но анатомъ, видящій въ трупѣ не одинъ предметъ изученія, а что-то въ родѣ своего знакомаго, котормъ онъ недоволенъ — воля ваша, такой анатомъ врядъ ли принесетъ пользу наукѣ. Г. Костомаровъ совершенно похожъ на такого взволнованнаго анатома: онъ постоянно дѣлаетъ выговоры людямъ, умершимъ лѣтъ за пятьсотъ до нашего времени; одобряетъ или оуждаетъ поступки, не взявъ во вниманіе, что наши дни и эпоха Станислава Понятовскаго — вещи совершенно разныя. Костомаровъ восхищается образомъ дѣйствій Екатерины при разрѣшеніи польскаго вопроса и горько

подсмѣивается надъ польскими панами, превращенными прямо изъ сельскихъ обывателей въ политиковъ, да еще въ политиковъ, принужденныхъ отыгрываться въ такую трудную минуту, какой для Рѣчи Посполитой было время раздѣловъ. Мы не совѣмъ раздѣляемъ взглядъ г. Костомарова. Прежде всего, если польскій вопросъ былъ разрѣшенъ прекрасно, отъ чего же со дня послѣдняго раздѣла до нашихъ дней хвостъ этого вопроса болѣзненно влѣяетъ на нашу жизнь. Зачѣмъ это половина Польши очутилась въ рукахъ Австріи и Пруссіи? Изъ повѣствованія г. Костомарова очевидно, что Екатерина сначала не хотѣла раздѣла Рѣчи Посполитой и уступила только настояніямъ Фридриха. Тому разумѣется выгодно было взять себѣ часть (львиную), чѣмъ позволить сильному сосѣду забрать себѣ все. На чьей сторонѣ тутъ ошибка?

Что Польша слилась бы съ Россіею добровольно, безъ насильственныхъ мѣръ (въ родѣ мѣръ Древича, Сальдерна, Булгакова и комп.)—противъ этого трудно спорить. Стоитъ прочесть записки Михайловскаго, чтобы убѣдиться, что масса польскаго населенія была вовсе не противъ этого. Бибиковъ совѣтовалъ дѣйствовать иначе, когда былъ посланникомъ въ Варшавѣ; это былъ единственный министр, который умѣлъ заставить себя слушать безъ помощи насильственныхъ мѣръ. Его отозвали. А замѣнявшіе его, повели польскій вопросъ къ разрѣшенію инымъ путемъ. Относительно польскихъ политиковъ, немогихъ тягаться съ Лукезини, подсмѣиваться нераціонально: послѣдній былъ дѣлецъ первой руки, первые—только простые помѣщики. Но вѣдь прусскій дворъ заставилъ и петербургскій кабинетъ дѣйствовать по своему внушенію, значить перехитрилъ и тутъ. Надо бы уже было г. Костомарову дѣлать саркастическія замѣчанія поровну.

Остановимся немного на самомъ важномъ фактѣ разсказа „Послѣднихъ годовъ рѣчи Посполитой“—на конституція 3-го мая. Конституція эта была вещь запоздалая, но все-таки она была дѣломъ вполне хорошимъ. Главные ея мотивы суть: отмѣна *liberum veto*, приведшаго Польшу на край гибели, учрежденіе престола наследственнымъ, дабы тѣмъ пресѣчь интриги иностранныхъ дворовъ при избраніи каждаго новаго короля. Но важнѣе всего было

въ ней то, что конституція 3-го мая призывала среднее сословіе къ участию въ правленіи, давала права крестьянамъ и учрежденіямъ эдукаціонной комиссіи, передавала воспитаніе въ свѣтскія руки изъ рукъ монаховъ. Если сравнить эту конституцію съ либеральнѣйшими учрежденіями Америки и Англіи—она, разумѣется, несостоятельна. Утопическія конституціи первой французской революціи, конечно, превышали ее всѣмъ громомъ и блескомъ фразъ, которыми обыкновенно отличаются всякія утопіи. Но чѣмъ скромнѣе были права, данныя на первыхъ порахъ среднему сословію и крестьянамъ, тѣмъ, по нашему мнѣнію, болѣе было надеждъ перевести ихъ въ дѣйствительность жизни. Смѣшно бы было требовать, чтобы шляхта, воспитанная іезуитами, разомъ сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ англичанъ или американцевъ.

Реформа въ воспитаніи, мы полагаемъ, была надежнѣйшимъ залогомъ прочности новыхъ учрежденій. Всякія новыя реформы въ либеральномъ духѣ вообще, даже въ англійскомъ парламентѣ, проходятъ съ трудомъ. Поэтому, борьба патриотовъ съ приверженцами старины на *четырехлѣтнемъ сеймѣ*, весьма естественна. Но такъ, или иначе, конституція 3-го мая прошла; слабый король въ счастію имѣлъ въ это время умную любовницу и дѣйствовалъ порядочно. Мы видимъ, что приверженцы старины готовы были послѣ своего пораженія, примириться съ совершившимся фактомъ. О конфедерации не было помину, напротивъ, по словамъ Костомарова, получалась одобрительные адреса изъ разныхъ мѣстъ... Значить страна была за реформу. Но привозятъ червонцы русскому резиденту, является личное оскорбленное самолюбіе Щенснаго Ютоцкаго—и конфедерация готова. Дѣло ясно. Мы только не понимаемъ, что г. Костомаровъ идетъ самъ противъ своего изложенія и пытается доказать, что вся страна не желала реформъ? Вообще умозрѣнія и выводы ему плохо даются. Приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ письмо одного шляхтича Якутовича, напечатанное г. Костомаровымъ. Якутовичъ пишетъ къ Северину Ржевускому—главѣ конфедератовъ, укоряя его за произведенныя смуты въ государствѣ и за насилія, которыя терпятъ приверженцы реформъ: „сожгли мой домъ, мои амбары, забрали во дворѣ и въ деревнѣ

„Дѣло“, № 10. 3

птицу и скоть, потравили луга и нивы, а меня самого казаки связали, привезли въ Вильно и тамъ меня розгами принудили подписать реконфедерацію и отреченіе отъ конституціи 3-го мая, которой я присягнулъ добровольно“. Далѣе Якутовичъ пишетъ: „Не стану входить съ вами въ разсужденія: сами вы знаете, что дурно дѣлаете. Польша нѣбогда войдетъ въ вѣчное соединеніе съ Россією, выгодное обоемъ народамъ, и тогда вы будете презираемы, а намъ воздадутъ честь за доблесть нашу“.

Такъ и слѣдовало сдѣлать, г. Костомаровъ, потому что время вѣчнаго соединенія Польшы съ Россією. выгоднаго обоемъ народамъ, наступило, но видно вы не тотъ историкъ, который воздастъ каждому должное.

Тогдашнія русскія войска и генералы, привыкшіе къ войнѣ, разумѣется, не могли идти въ сравненіе съ вновь сформированными, небывшими въ огнѣ польскими войсками. Поэтому многосложныя распространенія, какъ первыя вездѣ били послѣднихъ, по малой мѣрѣ излишни; вѣдь авторъ пишетъ не военную исторію. Къ чему намъ знать, что въ сраженіи при деревняхъ Волѣ и Чиханкѣ, на лѣвомъ крылѣ отличался полковникъ Золотухинъ, а на правомъ Пальмбахъ? Какъ были построены войска и какъ они двигались? Поляковъ было 5,000 по ихъ донесеніямъ, 10,000 по донесеніямъ русскихъ командировъ. Русскихъ было 19,000 испытанныхъ войскъ. Если Костюшка хоть отчасти могъ держаться противу такого неравенства силъ, очевидно, что онъ былъ генералъ замѣчательныхъ способностей, какимъ онъ и въ дѣйствительности былъ. Къ чему же тутъ служить сарказмы историка беллетриста?! Увы, они доказываютъ только, что у него не только нѣтъ исторической послѣдовательности и безпристрастія, но даже нѣтъ обыкновеннаго житейскаго такта. Очень жаль! Слабая его компилія изъ разныхъ газетъ и мемуаровъ еще болѣе теряетъ отъ такого рода изложенія...

Продолжать ли далѣе разборъ самыхъ фактовъ? Изъ уваженія къ прежней дѣятельности г. Костомарова, мы этого не будемъ дѣлать. Мы не утверждаемъ, что „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ вездѣ расходятся съ правдою; г. Костомаровъ фактистъ,

но при изложеніи фактовъ, у него такіе приемы и такой тонъ, что невольно думаешь: не передовая ли это статья въ какую нибудь изъ нашихъ сердитыхъ газетъ? Только грусть и сожалѣніе остаются въ душѣ послѣ прочтенія неудачнаго сочиненія историка, столько общавшаго своими первыми трудами. Но, какъ человѣкъ 40-хъ годовъ и Костомаровъ, подобно Тургеневу, Гончарову и другимъ, дѣятельностію своею ясно доказаль, что съ однимъ беллетристическимъ талантомъ далеко не уйдешь, особенно на историческомъ поприщѣ. Въ наше время историкъ долженъ мыслить, а если онъ неспособенъ мыслить, — долженъ умѣть молчать. Кажется, это не большая заслуга, но и она важна въ настоящее время.

Окр—цъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Необычныя перемѣны, совершившіяся во Франціи.—Упадокъ второй имперіи.—Свобода сама собой водворяется во Франціи.—Новыя партіи и отношеніе ихъ къ старымъ.—Разложеніе парижскаго общества.—Республиканская партія отрицаетъ необходимость возстанія 26 (14) октября.—Романическіе планы возстанія.—Бездѣйствіе правительства.—Слухи о новомъ государственномъ переворотѣ.—Всеобщее раздраженіе.—Возмутительное убійство.—Свиданіе Прима съ Наполеономъ III и что за симъ воспослѣдовало.—Гражданская война въ Испаніи.—Возстаніе на Кубѣ продолжается.—Свиданіе пастѣнаго принца прусскаго съ австрійскимъ императоромъ.—Жертва полицейской глупости.

Во Франціи происходятъ изумительныя вещи, позволяющія сомнѣваться даже въ существованіи второй имперіи. Французы ходятъ свободно, говорятъ вслухъ, пишутъ и печатаютъ все, что имъ заблагоразсудится. Хотя по праву имъ предоставлено очень мало свободы, но фактически они пользуются ею теперь почти неограниченно. Когда прочитываешь статьи парижскихъ газетъ, каждое утро выходящихъ въ пятистахъ тысячахъ экземпляровъ, когда ежеминутно слышишь на улицахъ такія рѣчи, о которыхъ еще недавно нельзя было и подумать,—тогда невольно является сомнѣніе, что все это происходитъ во Франціи, гдѣ до сей поры царствовалъ и управлялъ Луи-Наполеонъ III. Франція находится теперь въ моментѣ анархіи. Она, правда, все еще запряжена въ бонапартистскую колесницу, но построженіи лопнули, мунштуки разшатались, лошади несутъ и каждая наровитъ тянуть въ свою сторону, кучеръ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы осадить лошадей, онъ натягиваетъ возжи, но тщетно, разыгравшихся скакуновъ укротить уже невозможно.

Такая переменна вначалѣ возбуждала изумленіе, никто не хотѣлъ вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ, никто не хотѣлъ довѣрять собственнымъ ушамъ, каждый искоса посматривалъ по сторонамъ, желая убѣдиться, что по близости нѣтъ полицейскаго, имѣющаго намѣреніе снапать смѣльчака и препроводить въ теплое мѣстечко. Но теперъ уже привыкли къ новому порядку, ничего и никого не опасаются и находятъ, что такое положеніе гораздо спокойнѣе. пріятнѣе и занимательнѣе, ибо, къ несчастію, еще очень немного такихъ людей, которыхъ озабочиваютъ вопросы завтрашняго дня, огромное же большинство относится къ дѣлу пассивно, живетъ изо дня въ день, оставаясь въ полной зависимости отъ случайности событій. Что же касается до побѣжденныхъ въ 1851 году, до тѣхъ, которые втеченіе восемнадцати лѣтъ питали ненависть и никогда не могли простить дѣятелямъ государственнаго переворота, — они едва ли разсчитывали, что имперія такъ скоро подломится подъ собственной тяжестью, что она еще при жизни начнетъ разлагаться и дойдегъ до такой печальной катастрофы своимъ собственнымъ усиліямъ. Они полагали, что для такого конца должны возвратиться времена Лейпцига и Ватерлоо, что имперія будетъ одолжена своимъ паденіемъ Блюхеру-Бисмарку, Кларендону-Велингтону или Бейсту-Шварценбергу. Они разсчитывали на ужасную, опустошительную войну, на кровавыя битвы, а никакъ не на старческую гангрену.

Понятно, что настоящее положеніе долго продолжаться не можетъ. Имперія, прежде всего, не имѣетъ никакихъ шансовъ пережить императора, а если вѣрить докторамъ, послѣдному самый крайній срокъ жизни — шесть мѣсяцевъ. Политическіе бюллетени имперіи обратились теперъ въ бюллетени о здоровьи императора, всѣ политическіе вопросы нынче находятся въ зависимости отъ степени варимости желудка больного. На ней бонапартисты основываютъ всѣ свои разсчеты. Вотъ каковы результаты государственнаго переворота 2 декабря, вотъ каковы результаты отдачи судебъ въ руки случайнаго человѣка. Величайшій недостатокъ всѣхъ необыкновенныхъ личностей заключается въ томъ, что они единственны въ своемъ родѣ, и что обыкновенно невозможно замѣнять ихъ порядкомъ наслѣдства въ ихъ же фамиліи. Но что бы тамъ ни говорили, что бы ни дѣлали бонапартисты, въ цѣлой Франціи, по всей вѣроятности, между ними не найдется ни одного, который бы имѣлъ вѣру въ будущее своей партіи. Ни одинъ изъ нихъ не осмѣлится сказать самому себѣ, что мальчикъ, ежедневно любующійся фото-

графическими изображеніями разныхъ клерикальныхъ знаменитостей и вообще постоянно рѣзко-заявляющій свои католическія симпатіи, — будетъ способенъ черезъ шесть мѣсяцевъ принять наслѣдство отъ своего отца, держаться настоящей политики въ восточныхъ дѣлахъ, быть судьей между Пьемъ IX и Италіей и подать какое нибудь мнѣніе въ постоянно-усиливающейся борьбѣ между капиталомъ и трудомъ. Но какъ ни мало шансовъ удержаться имѣютъ Бонапарты, не большимъ количествомъ ихъ располагаютъ и принцы Орлеанской фамиліи. Вторая имперія въ этомъ случаѣ оказала имъ худую услугу...

Свобода прессы и свобода сходовъ, которыми пользуются французы въ послѣднее время, послужили могущественнымъ средствомъ противъ второй имперіи. Противъ нея говорятъ и пишутъ все, что можно сказать и подумать. Газеты соперничаютъ одна передъ другою въ рѣзкости тона и въ сообщеніи новыхъ подробностей, вытнутыхъ изъ-подъ спуда. Если бы теперь отняли свободу прессы и свободу сходовъ во Франціи (законами они только терпятся, но не признаются), если бы французы принуждены были замолчать, то и въ этомъ, едва ли теперь уже возможномъ случаѣ, враги имперіи могли бы утѣшиться тѣмъ, что все зло, какое только можно было сдѣлать имперіи посредствомъ прессы и сходовъ — уже сдѣлано. Самъ Рошфоръ стирается въ этомъ концертѣ упрековъ, оскорбленій и ненависти, — его статьи едва замѣчаются въ ряду другихъ многочисленныхъ статей, написанныхъ на ту же тѣму. Исторія второго декабря разсказана во всѣхъ ея подробностяхъ. Съ изумленіемъ выслушиваетъ ее молодое поколѣніе, совершенно незнакомое съ этимъ фактомъ насилія, совершившимся не на его памяти; съ неменьшимъ изумленіемъ читаетъ эти разсказы и вся Франція, видимою забывшая объ этомъ ужасномъ днѣ. За изумленіемъ возникли другія, уже враждебныя, чувства, исчезла даже и та ничтожная доля обаянія, которою до сихъ поръ еще пользовалась имперія. Отъ этой перемѣны въ убѣжденіяхъ страдаетъ не одинъ Луи-Наполеонъ, его жена и его сынъ, но также и глава Бонапартовъ; восемнадцатое брюмера возбуждаетъ теперь не меньшую ненависть, какъ и второе декабря; наполеоновская легенда (Шаррасъ, Кинэ, Барни, Госсонвиль, Ланфрэ и др.) разрушается по частямъ, чему въ особенности помогла корреспонденція великаго человѣка, выбранная, очищенная, можетъ быть, исправленная, и изданная трудами императорской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ принца Наполеона.

Во Франціи такъ мало вѣрятъ продолженію существованія имперіи, что демократическія газеты одна за другой печатають программы будущей республики. Каждый вечеръ въ дружескихъ кружкахъ идутъ пренія о будущемъ городскомъ устройствѣ, честолюбцы уже мѣтятся на разныя должности, прожектеры передають на обсужденіе самыя разнообразныя планы. Есть, разумѣется, много плановъ дѣльныхъ, практичныхъ, примѣнимыхъ, но много и утопическихъ, неисполнимыхъ; иные слишкомъ ретивые прожектеры, напримѣръ, обѣщаютъ немедленное уничтоженіе общественнаго долга, этого мало, уничтоженіе всѣхъ частныхъ долговъ, уничтоженіе наслѣдства, гражданскаго брака, капитала, процентовъ, — и все это должно быть совершено простыми декретами, добровольно, безъ всякаго вмѣшательства силы, безъ помощи арміи и полиціи, которыя будутъ тоже немедленно распущены. При всей своей непрактичности и неисполнимости, эти проэктъы однакожь показываютъ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ, и какія реформы занимають въ особенности общественное мнѣніе страны. Прежнія партіи теряють подъ ногами почву и ищуть спасенія въ лагерѣ своихъ бывшихъ противниковъ. Прудонисты, напримѣръ, переходять къ социалистамъ, индивидуалисты къ коллективистамъ и пр. Прежніе социалисты не удовлетворяють уже новыхъ партій, которыя считаютъ ихъ просто за буржуа, а прежнихъ буржуа третируютъ, какъ реакціонеровъ. Многіе возмущаются такимъ страннымъ, по ихъ мнѣнію, поведеніемъ новыхъ партій, они опасаются, что эти преувеличенныя тонкости причинять много вреда дѣлу свободы. Но едва ли они правы. Какаѣ въ томъ бѣда, что ярлыкъ утопистовъ не приклеивается вѣчно къ однимъ и тѣмъ же личностямъ, а постоянно переходить съ головы на голову, подобно тому, какъ серебряная монета непрерывно путешествуетъ изъ одного кармана въ другой. Партія, на долю которой выпадаетъ власть и руководство дѣлами страны, перестаетъ быть самой передовой и по необходимости должна приблизиться къ народной массѣ, — таковъ политическій, фізіологическій и психологическій законъ, который остается вѣчно неизмѣннымъ. Если изъ народа выдѣляется новая крайняя партія, понятно, что прежнюю прогрессивную партію она считаетъ ниже движенія, сама же въ глазахъ прежней партіи становится утопическою. Такимъ образомъ бывшіе утописты изъ области теорій переходять на поле практики и принимаютъ на себя руководство дѣлами страны. Такъ было, такъ есть, такъ будетъ всегда.

Какова же программа французской республиканской партіи, къ которой принадлежит масса старыхъ и новыхъ республиканцевъ, остающихся за выдѣленіемъ изъ ихъ среды крайнихъ партій, представившихъ свои ясно-опредѣленныя программы? Очень бы интересно было ее разобрать, но она не настолько еще опредѣлилась, чтобы могла подвергнуться точному анализу. Она непрерывно подвергается измѣненіямъ и дополненіямъ, но мы полагаемъ, что для читателей «Дѣла», постоянно слѣдящихъ за движеніемъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ, будетъ все-таки интересно познакомиться хотя съ сущностію этой программы.

Одинъ хитрый и лукавый бонапартистъ, смѣлый биржевой игрокъ, сказалъ недавно: «Не то меня страшитъ, что императоръ скоро умретъ, имперія разрушится и мы испытаемъ свирѣпую, фантастическую и кровавую революцію. Съ такой бѣдой я готовъ примириться: за кровавой революціей также скоро наступитъ реакція и вдесятеро возвратитъ намъ то, что на время отнимутъ люди безпорядка. А страшусь и болѣе всего продолжительности настоящаго положенія, страшусь, если долгое время продлится немощная жизнь императора, во время которой разпатаются всѣ колеса и винты общественной машины, ослабнутъ всѣ принципы порядка, религіи, семейства и собственности. Я не боюсь революціонной анархіи, но если правительственная анархія продолжится еще неопредѣленное время, болѣзнь можетъ стать, сдѣлается неизлѣчимою.»

Слова этого бонапартиста, болѣе реакціонера, чѣмъ бонапартиста, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Они показываютъ, что даже и крайніе реакціонеры вовсе не такъ привязаны къ судьбамъ имперіи, чтобы желали спасти ее во что бы то ни стало. Съ другой стороны, извѣстно, что самые рѣшительные революціонеры, самые закоренѣлые социалисты и коммунисты не принадлежатъ къ числу людей, особенно слѣдующихъ покончить съ правительствомъ второй имперіи. Эти выводы легко можно было сдѣлать въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль. Старое французское общество находится теперь въ полномъ разложеніи. Все въ немъ пришло въ броженіе. Его болѣзненно волнуютъ не только политическіе, но еще болѣе социальныя вопросы; движеніе научное, матеріалистическое и позитивное оказываютъ также на него свою долю вліянія. Нынѣшнее парижское общество (провинція сильно отстаетъ отъ столицы) страдаетъ той же болѣзнію, какъ и имперія; его также сжигаетъ старческая гангрена; рана съ каж-

димъ днемъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры; зараза ползетъ и въ ширь и въ глубину. Новаторы увѣрились, что старое общество не можетъ упасть еще ниже, что интеллектуальная, социальная, политическая, моральная и религіозная анархія не могутъ быть болѣе полными. «Дѣло, говорятъ они—совершенное само собой, несравненно лучше того, которое мы въ состояніи сдѣлать. Вмѣшавшись, мы можемъ, вопреки нашему желанію, остановить разложеніе. Если мы нашимъ скальпелемъ вырѣжемъ больное мѣсто, мы, можетъ быть, остановимъ заразу и спасемъ больного на его несчастіе. Главнѣйшее дѣло революцій вовсе не разрушеніе, какъ это принято думать, а скорѣе созиданіе. Если они и разрушаютъ зданіе, то съ единственной цѣлю на мѣсто его построить новое. Революціей 1789 года математически вѣрно измѣряется дѣло энциклопедистовъ—уменьшите дѣятельность Вольтера, Руссо, Дидро, д'Аламбера и Гельвеція, и вы въ такой же самой пропорціи должны уменьшить плоды дѣятельности Дантона, Кутона, Робеспьера и Сен-Жюста. Мы были терпѣливы втеченіи двадцати лѣтъ реакціи, мы будемъ имѣть еще двадцать мѣсяцевъ для службы будущей республикѣ!»

Въ этомъ скатомъ конспектѣ резюмированы рѣчи нѣкоторыхъ старыхъ революціонеровъ, которые они произносили въ послѣдніе дни въ сѣняхъ импровизированныхъ клубовъ въ отвѣтъ на предложеніе рискнуть 26 (14) октября произвести попытку испроверженія второй имперіи,—предложеніе, сформулированное такимъ образомъ: «Конституціей, которую намъ дала имперія, постановлено, чтобы законодательное собраніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть закрыто болѣе шести мѣсяцевъ къ ряду, другими словами, страна долѣе шести мѣсяцевъ не должна оставаться безъ представительства. 26 октября кончится шесть мѣсяцевъ, впродолженіи которыхъ Франція лишена была возможности вести сама собственныя дѣла. Правда, было собраніе вновь избранныхъ депутатовъ, но народныя представители грубо распущены, не успѣвъ даже окончить повѣрку своихъ полномочій.—Правительство рѣшило созвать палаты 29 (17) ноября. Этимъ рѣшеніемъ оно нарушило конституцію, которую само дало, оно своими собственными руками разорвало договоръ, заключенный имъ съ націей. Вслѣдствіе этого депутаты вправѣ считать ничѣмъ данную ими присягу, а Франція можетъ предать суду правительство, измѣнившее имперію, подобно тому, какъ нѣкогда оно измѣнило республикѣ».

Вотъ что говорятъ, вотъ что кричатъ на частныхъ сходахъ и

печатаютъ въ газетахъ. Депутаты лѣвой стороны постоянно получаютъ знаки народной привязанности; ни одна манифестація, направленная противъ второй имперіи, не можетъ состояться безъ того, чтобы вожаки не пытались поставить во главѣ ея кого нибудь изъ непримиримыхъ, расчитывая, что, можетъ быть, произойдетъ стычка и этотъ послѣдній по какой нибудь случайности будетъ убитъ, что при громадной популярности непримиримыхъ непременно заставитъ видѣть въ убитомъ великаго героя, а это, въ свою очередь, повлечетъ за собою блистательные похороны, а за ними непременно послѣдуетъ возстаніе 500 или 600 тысячъ парижанъ, ибо они пожелаютъ отомстить за своего любимца, — возстаніе, которое навѣрное окончится самымъ пагубнымъ образомъ для второй имперіи.

Этотъ планъ слишкомъ романиченъ, но, сверхъ того, онъ страдаетъ еще однимъ важнымъ недостаткомъ: безъ депутата онъ состояться не можетъ, а господъ депутатовъ теперь рѣшительно невозможно отыскать для этой надобности: одинъ беретъ морскія ванны, другой поѣхалъ въ Иринеи, третій весь простудился и сидитъ дома, четвертый занятъ снѣжнымъ дѣломъ — пишетъ исторію революціи 1848 года. Такимъ образомъ приходится обойтись безъ депутатовъ и придумать что нибудь другое. И романическія головы соорудили новый планъ хуже котораго трудно было выдумать, такъ какъ онъ подверженъ самымъ большимъ случайностямъ. Предположено пройти процессіей по большой стратегической дорогѣ, затѣмъ остановиться на площади Согласія передъ казармами и, такимъ образомъ, подставить свои лбы мишенью для тюркосовъ и альзаскихъ канонировъ, приведенныхъ съ большою поспѣшностью въ Парижъ на всякій случай. Но еще лучше объясненіе причины для возстанія, — объясненіе достойное Санхеца и Эскобара: «Мы разобьемъ имперію изъ уваженія къ имперіи, чтобы отомстить конституцію, поправленную самимъ ея авторомъ» — проще сказать: «мы дѣлаемся имперіалистами, болѣе пылкими, чѣмъ самъ императоръ, и становимся ими для того, чтобы низвергнуть императора». Всѣ подобныя предположенія, разумѣется, могли только помѣшать серьезному дѣлу; слѣдовало, такъ или иначе, ихъ устранить, въ чемъ и успѣли, и теперь всякое предположеніе о возстаніи 26 октября отринуто, какъ дѣло совершенно бесполезное. Каждый, наконецъ, понялъ, что дѣйствовать такъ опрометчиво, руководясь однимъ только непосредственнымъ чувствомъ, по меньшей мѣрѣ нецѣпно. Такое благоразумное рѣшеніе возвысило, если возможно, еще болѣе

популярность непримиримыхъ, такъ какъ преимущественно они настаивали на принятіи этого рѣшенія.

Что же дѣлало правительство въ то время, какъ народъ строилъ планы своихъ будущихъ дѣйствій? Оно дѣлало все, что могло для упадка своего, и безъ того не слишкомъ широкаго, кредита. Оно состоятъ изъ членовъ, искренно ненавидящихъ другъ друга и потому каждый изъ нихъ дѣлалъ одинъ другому столько зла, сколько было въ его власти. Вражда президента сената Руэ къ президенту законодательнаго корпуса Шнейдеру примѣнялась къ каждому дѣлу и тормозила всякія правительственныя распоряженія; Манъ и Шаслу-Лоба пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подставить ножку министру внутреннихъ дѣлъ Форкаду де-ла-Рокетъ. Что касается императора, онъ, кажется, не имѣетъ никакого понятія объ этой бурѣ въ стаканѣ воды и презираетъ своего великаго визиря столько же, сколько презираетъ сатраповъ, а сатраповъ столько же, сколько великаго визиря. Каждый могъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ ослабѣвшій императоръ борется со смертію, Руэ и императрица съ трудомъ получаютъ доступъ къ августѣйшему больному, а префектъ полиціи, Пьетри, можетъ входить къ нему во всякое время по потайной лѣстницѣ. Предполагаютъ, что и рѣшеніе отложить созваніе палаты на мѣсяць принято императоромъ по совѣту Пьетри. Утверждаютъ даже, что это рѣшеніе принято съ цѣлю возбудить вражду между народомъ и арміей. Принятіемъ этихъ рѣшеній стараются объяснить тѣ странныя противорѣчія и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ правительства, замѣчаемыя въ послѣднее время. Разсказываютъ, что въ одно прекрасное утро, императоръ, въ веселомъ расположеніи духа, появился въ совѣтѣ министровъ: «Озабочивающее насъ дѣло о созваніи законодательнаго корпуса мною уже рѣшено, сказалъ императоръ.—Нечего больше думать о немъ. Мы отсрочимъ его на мѣсяць послѣ 26 октября, чтобы императрица, возвратясь изъ своего путешествія на Востокъ, имѣла возможность присутствовать при открытіи». По другимъ варіантамъ,—этими разсказамъ особенно охотно вѣрятъ въ Парижѣ,—принятію рѣшенія объ отсрочкѣ созванія палаты предшествовали разсужденія на тѣму, что «имперія слишкомъ быстро идетъ по пути своего паденія, что спасти ее отъ гибели можетъ только новый государственный переворотъ, который повлечетъ за собою осадное положеніе и всѣ другія послѣдствія; что имперія совершила всѣ либеральныя реформы, какія только могла, и правительство окончательно убѣдилось, что ничѣмъ нельзя

удовлетворить ненастный Парижъ, выходить лучше всего напомнить ему опять второе декабря — въ этотъ же самый день или нѣсколькими днями ранѣе, а то и въ октябрѣ, если парижане поторопятся; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ поспѣшить, чтобы дѣло кончить при жизни императора и гарантировать безпрепятственное наступленіе регентства. Поэтому-то, можетъ быть, и отняли начальство надъ парижскими войсками у Канробера, выжившаго изъ ума, и отдали его кузену Монтобана, — прославившагося грабежомъ лѣтняго дворца китайскаго богдыхана и враждой ко всякимъ законодательнымъ собраніямъ, — Паликао, о которомъ составилось самое гадкое мнѣніе во французской арміи. Предположенія идутъ дагѣ и утверждаютъ, что «если прессѣ дали свободу, по истинѣ изумительную, то сдѣлали это съ цѣлю, чтобы она разожгла парижскій народъ противъ имперіи, который, возставъ, кинется безоружный на пушки. Если на народныхъ сходкахъ позволяютъ безпрепятственно произносить самыя зажигательныя и нелѣпыя рѣчи, и разгоняютъ сходки, какъ только пренія принимаютъ разумный характеръ, то это дѣлаютъ съ цѣлю разорвать устраивающуюся коалицію рабочихъ съ буржуазіей противъ имперіи, возбудить социалистовъ и республиканцевъ однихъ противъ другихъ, а затѣмъ, при поворотѣ государственномъ переворотѣ, получить одобреніе отъ всѣхъ ранѣе, промышленниковъ и собственниковъ».

Эти рассказы съ одинаковымъ вниманіемъ выслушиваются и имъ придаютъ одинаковую вѣру какъ въ салонахъ, такъ и въ мастерскихъ, въ кафе и на имперіалахъ омнибусовъ. Прибавьте къ этому множество банкротствъ, застой промышленности, совершенную остановку оптовой торговли и тихое веденіе дѣлъ различными предпринимателями. Потомъ почти повсемѣстныя стачки, въ однихъ мѣстахъ рабочихъ, въ другихъ патროновъ. Всеобщее неудовольствіе въ рабочемъ классѣ возбуждается еще болѣе фактами военнаго вмѣшательства во многія стачки. Такое вмѣшательство въ копияхъ Рикамаре и Обенѣ сопровождалось множествомъ убійствъ, подъ пулю попадали не только мужчины, но даже женщины и дѣти.

Немудрено, что при такомъ напряженномъ состояніи всѣхъ и каждаго, одинъ страшный, возмутительный случай прозвель небывалое впечатлѣніе во всей Франціи. Отецъ, беременная мать и шестеро дѣтей были убиты злодѣемъ девятнадцати лѣтъ отъ роду. Молодой негодяй, обладающій хорошими способностями, истинный бальзаковскій герой, Вотренъ или Растиньякъ, взялъ себѣ за образецъ достопочтеннаго отца іезуита Родѣна изъ «Вѣчнаго Жидка».

Ему не хотѣлось работать, а его томила жажда къ богатству, столь распространенная во время второй имперіи; онъ захотѣлъ обогатиться какъ можно скорѣе какими бы то ни было средствами. Этотъ Тропманъ (убійца)—типъ генераціи, порожденной переворотомъ второго декабря, *маленькую мораль* онъ предоставилъ маленькимъ людямъ, а самъ сталъ руководствоваться *большой моралью*, которую до него многіе высокопоставленные въ административномъ и финансовомъ мѣрѣ такъ ловко умѣли эксплуатировать въ свою пользу. Руководствуясь примѣрами, онъ хотѣлъ попробовать — и оборвался.

Да, любопытное зрѣлище представляетъ теперь вторая имперія, находящаяся въ моментѣ упадка.

Послѣ извѣстнаго свиданія генерала Прима съ императоромъ Наполеономъ III, Франція и Испанія предприняли несправедливую и пагубную экспедицію въ Мексику.

Испанскій военный министръ и французскій императоръ свидѣлись снова. Тотчасъ по возвращеніи Прима въ Испанію, страна снова обагрилась кровью, снова началась въ ней гражданская война.

Примъ выполнѣвъ понялъ своего собесѣдника. Не допускать орлеанскую фамилію сѣсть на испанскій тронъ, задавить испанскую республиканскую партію—такова инструкція, полученная испанскимъ генераломъ отъ французскаго императора.

Выборъ претендента, долженствующаго занять вакантный испанскій тронъ, также сдѣланъ тотчасъ послѣ этого свиданія. У французскаго императора испарилась изъ памяти печальная участь Максимилиана, преданнаго имъ на жертву, и онъ снова вмѣшался въ выборъ претендента. Его выборъ палъ на племянника италіянскаго короля Томаса, или Томазито, какъ его называютъ въ Италіи, мальчика болѣзненнаго, имѣющаго всего пятнадцать лѣтъ отъ роду.

Рѣшено было дѣйствовать какъ можно быстрѣе. Для переговоровъ въ Италію послали сьера Монтемара, агента Прима. Несмотря на все желаніе послѣдняго кончить поскорѣе дѣло, оно долго не подвигалось ни на шагъ. Монтемаръ извѣздилъ Италію вдоль и поперекъ, побывалъ въ Англии, вернулся опять въ Италію, а дядюшка Викторъ-Эмануилъ все еще раздумывалъ, все медлилъ

окончательнымъ отвѣтомъ. Сегодня онъ былъ готовъ дать свое согласіе, но завтра опять раздумывалъ, опасаясь какой нибудь нечаянной катастрофы, которая можетъ постичь юношу.

Переговоры затянулись надолго. Слѣдовало такъ или иначе, но кончить ихъ поскорѣе; изъ Сен-Клу послали телеграмму во Флоренцію и министр Менабреа далъ сьеру Монтемару честное слово, что король Викторъ-Эмануилъ согласится на принятіе короны его племянникомъ.

Честное слово его превосходительства, безъ сомнѣнія, значило кое-что. Однакожъ Монтемаръ имѣлъ слабость въ этомъ случаѣ не придавать ему особаго значенія и пожелалъ получить его отъ самого короля.

Къ несчастію, король въ эту минуту отправился на охоту за нѣсколькими десятками верстъ отъ столицы; Монтемаръ тотчасъ же пустился на поиски за охотникомъ, но какъ старательно его ни отыскивалъ, потерялъ его слѣдъ въ огромныхъ лѣсахъ, и возвратился ни съ чѣмъ, если не считать честнаго слова, полученнаго имъ отъ генерала Менабреа. Если малолѣтній Томазито надѣнетъ на свою голову корону Карла V и опояшетъ свое слабое тѣло старымъ мечомъ Фердинанда католическаго,—это совершится потому, что честнымъ словомъ хорошо извѣстнаго генерала Прима гарантируется честное слово никому неизвѣстнаго сьера Монтемара; что честнымъ словомъ сьера Монтемара гарантируется честное слово его превосходительства Менабреа; что честнымъ словомъ сятаго Менабреа гарантируется честное слово короля Газантуо-мо, «лучшаго друга Гарибальди».

Этотъ выборъ сильно обезпокоилъ благороднаго Серрано и достойнаго Тонете. Однакожъ они сочли для себя болѣе удобнымъ пока помолчать, и обратили свои усилія въ другую сторону. Время собранія кортесовъ послѣ вакацій они, соглашаясь съ Прямомъ, сочли самымъ удобнымъ для новой гражданской войны, цѣлью которой должно быть уничтоженіе республики и разсѣяніе республиканской партіи.

Доблестному триумвирату нечего было долго думать о средствахъ какъ привести въ исполненіе свой планъ. Стоило только примѣнить къ дѣлу тѣ самыя наступательныя дѣйствія, которыя имъ такъ недавно еще удались въ Малагѣ, Кадиксѣ и Хересѣ, вновь вызвать ими возстаніе, а затѣмъ объявить осадное положеніе для подавленія бунта. Этотъ планъ вовсе не мудреный: нужно сперва дозволить народныя демонстраціи, потомъ внезапно запретить ихъ,

затѣмъ, наконецъ, напасть врасплохъ на національную гвардію и держать къ ней такую рѣчь: «намъ не нравятся очки вашего командира, поэтому вы должны отдать намъ втеченіе трехъ часовъ ваши ружья, если вы не хотите быть разстрѣлянными.» Граждане, не сумѣвъ понять всей убѣдительности этой логической рѣчи, разряжаютъ свои ружья на головѣ чиновника, принявшаго на себя миссію обезоруженія, строятъ баррикады,—и возстаніе, къ великой радости правительства, охватываетъ весь городъ, считающійся подозрительнымъ, сочувствующимъ республиканской партіи.

Почти буквально такимъ порядкомъ происходило дѣло въ Таррагонѣ, такъ случилось въ Барселонѣ, случится и въ другихъ большихъ городахъ, случится, рано или поздно, и въ самомъ Мадридѣ, гдѣ правительство уже пыталось нѣсколько разъ произвести обезоруженіе, но приступало къ дѣлу самымъ іезуитскимъ образомъ, не смѣя прямо и открыто выказать свое вѣроломство.

Въ Таррагонѣ генераль-лейтенантъ Пьерадъ, депутатъ въ кортесахъ, находился во главѣ республиканской манифестаціи. Подобныя манифестаціи со времени сентябрьской революціи дѣлались нерѣдко какъ въ Таррагонѣ, такъ и въ другихъ городахъ; республиканцы имѣли такое же законное право производить ихъ, какъ монархисты, клерикалы и другія партіи. До сихъ поръ никто и никогда не препятствовалъ ихъ совершенію. Такъ и въ этотъ день республиканская манифестація, имѣя съ собой красное знамя, на которомъ было написано: «да здравствуетъ федеральная республика!»—направилась процессіей по городу. На одной улицѣ она встрѣтилась съ правительственнымъ агентомъ министра внутреннихъ дѣлъ, нѣчто въ родѣ городничаго, окруженнаго толпой вооруженныхъ алгвазиловъ; чиновникъ поднялъ револьверъ, угрожая выстрѣлить въ генерала. «Онъ хочетъ убить Пьерада!» закричали со всѣхъ сторонъ въ толпѣ, и въ тоже время нѣсколько человѣкъ, выхвативъ ножи, бросились на чиновника. Пьерадъ желалъ защитить его, но ничего не могъ сдѣлать; градоначальникъ былъ убитъ, трупъ его тащили по улицамъ и затѣмъ бросили въ яму. На другой день Пьерадъ, не смотря на его неприкосновенность, какъ депутата, былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ.

Съ Барселоной поступлено еще хуже. Нѣсколько дней сряду правительство вводило туда отряды войскъ; казармы переполнились солдатами, въ крѣпость Монтжуи были свезены огромные запасы снарядовъ и пороха.

Солдатъ помѣстили даже въ домахъ частныхъ лицъ, противъ кото-

рыхъ и была приготовлена вся эта масса вооруженныхъ людей, орудій и снарядовъ. Муниципалитетъ, предугадывая въ этомъ вооруженномъ нашествіи что-то для себя недоброе, обратился къ мѣстной администраціи за разъясненіями, губернаторъ «наисвященнѣйшимъ, честнѣйшимъ словомъ» увѣрялъ, что ничего, рѣшительно ничего не намѣреваются предпринимать противъ города; что хотя, по правительственнымъ денешамъ, карлисты вездѣ окончательно поражены, однакожъ слѣдуетъ принять предосторожности противъ ожидаемаго возстанія приверженцевъ Изабеллы. Тогда муниципальные совѣтники стали уговаривать народъ не тревожиться. «Успокойтесь, говорили они, ничего не опасайтесь, начальники войскъ дадутъ вамъ честное слово, что онъ не сдѣлаетъ намъ ничего худого и вовсе не имѣетъ намѣренія нападать на насъ.» И почти въ то самое время войска заняли всѣ выходы изъ города, поставили на площадяхъ баттарен, овладѣли театромъ, биржей, таможенной и другими зданіями, а губернаторъ вывѣсилъ прокламацію, которой требовалъ, чтобы національные гвардейцы немедленно отдали свое оружіе солдатамъ, угрожая въ случаѣ непослушанія наказаніемъ, какъ за бунтъ.

Что было дѣлать? Въ этомъ положеніи борьба была рѣшительно невозможна. Но въ составѣ барселонской національной гвардіи было много людей энергическихъ и нетерпѣливыхъ,—они не захотѣли подчиниться незаконному требованію и согласились лучше попытаться счастья въ борьбѣ. Борьба началась.

Пѣхота, артиллерія, кавалерія ринулись на горсть смѣльчаковъ, многихъ убили, еще больше переранили и захватили въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился депутатъ Серра-Клара, явившійся на баррикады съ единственной цѣлью уговорить національную гвардію, во имя здраваго смысла, прекратить невозможное сопротивленіе, которое неминуемо кончится тѣмъ, что перерѣжутъ всѣхъ до одного національныхъ гвардейцевъ. Серра-Клара отправился къ возставшимъ послѣ предварительнаго свиданія съ начальникомъ города, и только получивъ его согласіе, онъ пошелъ на баррикады съ словами мира и утѣшенія.

Но не смотря на это, Серра Клара былъ отправленъ на военный корабль и посаженъ въ казематъ по приказанію того же самого генерала, который избралъ его посредникомъ между собою и народомъ,—того генерала, который еще наканунѣ давалъ честное слово дворянина, что не предприметъ ничего противъ города. И мадридское правительство утвердило это покушеніе на неприкосновенность

депутата, объясняя свой незаконный поступок тѣмъ, что Серра-Клара, будто-бы былъ взятъ на баррикадахъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ доблестный триумвиратъ слишкомъ ясно показалъ, что желаетъ возбудить гражданскую войну. Его желаніе исполнилось. Незаконныя дѣйствія правительства возбудили негодованіе въ странѣ, начался ропотъ, который скоро перешелъ въ открытое возстаніе.

Республиканская партія, для которой чрезвычайно важно было продлить существующее положеніе вещей, увидѣла себя вынужденной вступить въ борьбу ранѣе, чѣмъ слѣдовало и принять генеральное сраженіе. Не она нарушила перемиріе, не она и нарушала конституцію, а нарушилъ ее триумвиратъ. Конституція узаконила права личности, по конституціи ни одинъ испанецъ не могъ быть арестованъ безъ судебного приговора; между тѣмъ всѣ тюрьмы наполнены легитимистами, виновными только въ томъ, что они стали подозрительны правительству; нынче республиканцы стали еще подозрительнѣе—вали и ихъ туда же. Конституціей установлено, что ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть открываемы нигдѣ въ странѣ превотальныя суды, что испанцы будутъ судиться выборными судьями,—и вотъ Каталонія, самая промышленная провинція въ Испаніи, предана на волю военныхъ комиссій и военного закона. Конституція объявила неприкосновенность народныхъ представителей, а депутаты Пьерадъ и Серра-Клара брошены въ тюрьму.

Несмотря на то, что конституція узаконила безусловную свободу печати, въ Барселонѣ запрещены двѣ газеты. Въ Мадридѣ пятьдесятъ негодяевъ, вооруженныхъ палками и ножами, слѣлали нападеніе на нѣкоторыя редакціи оппозиціонныхъ газетъ, храбро поколотили нѣсколькихъ человѣкъ, которые противъ направленныхъ на нихъ кинжаловъ могли защищаться развѣ только перьями и чернильницами.

Газеты такимъ образомъ не имѣли возможности выходить въ свѣтъ, журналисты принесли жалобу полиціи, но она отвѣчала, что это «дѣло частное». Когда же нѣкоторые изъ второстепенныхъ чиновъ полиціи имѣли неловкость арестовать нѣсколькихъ изъ отважныхъ носителей дубинъ, старшіе чины слѣлали имъ строгій выговоръ, а глава этой разбойничьей банды получилъ какое-то административное назначеніе. Какъ эти факты напоминаютъ декабрьскія событія во Франціи!

Чѣмъ окончится начавшаяся борьба предвидѣть трудно, одно можно сказать, что если побѣдитъ Примъ, то эта побѣда повлечетъ за собой великія бѣдствія для Испаніи.

Борьба уже началась и ведется съ большою энергіею съ обѣихъ сторонъ. Кровь потекла во многихъ провинціяхъ, она течетъ тамъ до сихъ поръ, и, по всей вѣроятности, будетъ течь еще долго.

Влѣдствіе обезоруженія національной гвардіи въ Барселонѣ, вся Каталонія покрылась отрядами республиканцевъ, взявшихъ за оружіе; во главѣ отрядовъ встали нѣкоторые изъ депутатовъ. Рейсъ, Ла-Жункера, Манреза, Вальсъ, Барбастро и другіе города возстали и объявили федеративную республику. Вслѣдъ за этимъ депутатъ Поль—тотъ самый, который въ прошломъ году далъ маршалу Приму первые необходимые фонды для бѣгства въ Лондонъ,—принялъ начальство надъ отрядомъ, организованнымъ въ Хересѣ; Сальвохеа въ Кадиксѣ послѣдовалъ его примѣру, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ сформировались болѣе или менѣе сильныя отряды. Черезъ нѣсколько дней вездѣ, гдѣ только обнаружилось возстаніе, были испорчены желѣзныя дороги и разорваны телеграфическія проволоки.

Армія осталась вѣрна правительству, республиканцы были разбиваемы при каждой встрѣчѣ, Каталонія и Андалузія почти совершенно усмирены—такъ, по крайней мѣрѣ, объявляютъ официальные свѣденія. Депутатъ Сунеръ долженъ былъ бѣжать во Францію; депутатъ Хоаристи скрылся неизвѣстно куда; депутаты Нагуэра, Ачебеда, Солеръ и многіе другіе сидятъ въ тюрьмѣ; депутаты Поль и Сальвохеа, если вѣрить официальнымъ телеграммамъ, находятся въ Малагѣ, гдѣ ихъ отряды разбиты и разсѣяны.

Возстаніе въ Сарагоссѣ было усмирено втеченіе двадцати четырехъ часовъ послѣ жаркой битвы; арагонцы потеряли болѣе шестисотъ человекъ, выбившихъ изъ строя; они дрались съ такимъ мужествомъ, что многіе, потерявъ ружья, кидались на батареи съ одними ножами и ими били артиллеристовъ. Вой долго продолжался съ перемежнымъ счастіемъ, но наконецъ одолѣли войска правительства, пользуясь своимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ.

Въ Валенсіи, послѣ изданія командующимъ генераломъ приказа, относительно обезоруженія республиканскихъ волонтеровъ, также обнаружилось возстаніе. Противъ волонтеровъ были направлены нѣсколько колоннъ войскъ, но послѣ двухчасовой ожесточенной борьбы войска принуждены были отступить; оставивъ на полѣ много убитыхъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Второго нападенія произведено не было, Валенсія осталась въ рукахъ республиканцевъ.

Городъ Бехара, въ старой Кастиліи, провозгласилъ республику реакціонеры бросили свои дома и бѣжали въ сосѣдніе города.

Въ самомъ Мадридѣ правительство каждую ночь принимаетъ сильныя предосторожности, опасаясь возстанія.

Посылка подкрѣпленія въ 24,000 человѣкъ на островъ Кубу нѣсколько не измѣнила положенія дѣлъ на островѣ. Возстаніе продолжается и держится крѣпко на всѣхъ пунктахъ острова. Общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ съ каждымъ днемъ высказывается энергичнѣе, такъ что правительство Гранта должно будетъ признать возставшихъ республиканцевъ воюющею стороною.

Самое замѣтное событіе втеченіе прошлаго мѣсяца въ Германіи былъ визитъ наслѣднаго принца прусскаго австрійскому императору въ Вѣнѣ. Этому визиту придають огромную важность. Гг. Бисмаркъ и Бейсть, будто бы, думаютъ заключить союзъ между австрійскимъ и прусскимъ правительствами на случай важныхъ событий, которыя ожидаются во Франціи.

Англійскій парламентъ пользуется вакаціями, слѣдовательно и для Англій настало время отдохновенія. Въ дѣлахъ тамъ теперь

полное затишье. Одно только происшествіе на время возбудило англійскую столицу.

Сорокъ тысячъ лондонскихъ жителей пошли за гробомъ несчастной жертвы неосторожности вучера и глупости полиціи. Этотъ бѣднякъ попалъ подъ колеса кареты и получилъ серьезныя поврежденія. вмѣсто того, чтобы дать раненому необходимое пособіе, помѣстивъ его удобно въ госпиталѣ, полиція рѣшила лучше бросить его въ тюрьму, ибо почему-то прозрѣла въ немъ одного изъ главныхъ начальниковъ феніевъ.

Жакъ Лефрэнъ.

АНГЛІЙСКІЕ РАДИКАЛЫ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англomanія была у насъ въ большій модѣ. Либеральные чиновники, журналисты, помѣщики и даже либеральные пролетаріи смотрѣли на Англію, какъ на идеальное государственнаго устройства, какъ на неистощимый родникъ политической мудрости. И если кто нибудь рѣшался заговорить въ журналистикѣ или въ частной бесѣдѣ о страшныхъ злоупотребленіяхъ соціальной жизни англичанъ, того считали чуть не врагомъ нашего наскоро-испеченнаго либерализма. А между тѣмъ, чѣмъ больше мы всматриваемся въ англійскія учрежденія и въ ея соціальную жизнь, тѣмъ сильнѣе начинаемъ убѣждаться, что англomanы наши не понимали Англіи и влюблялись въ нее, какъ институтки влюбляются въ героевъ прочитанныхъ ими романовъ. Эта путаница понятій, этотъ хаосъ сантиментальныхъ восторговъ и умиленій были результатомъ смѣшенія двухъ различныхъ элементовъ народной жизни Англіи — политическаго и соціального. Политическая конституція британской имперіи дѣйствительно выработалась при самыхъ счастливыхъ условіяхъ историческаго развитія Англіи, но это только одна и притомъ не главная сторона полной общественной организаціи. Другая сторона — соціальная всегда была противоположнымъ полюсомъ той свободы, въ которую были такъ нѣжно влюблены наши англomanы. «350,000 дѣтей, говоритъ Гринвудъ, разсыянныхъ по лицу Англіи и существующихъ только благодаря милости пріютившихъ ихъ приходовъ, постоянно напоминаютъ намъ о томъ, что наша прославленная свобода не особен-

ное благодѣяніе; а болѣе ста тысячъ преступниковъ, за которыми каждый годъ запираются двери различныхъ тюремъ, дають чувствовать, что кромя свободы человѣку еще нуженъ хлѣбъ и трудъ, въ которыхъ имъ отказываетъ либеральное правительство.» Эта странная раздвоенность жизни производитъ такое же явленіе въ умственномъ направленіи англійскихъ мыслителей. Радикалы въ политическомъ отношеніи, въ социальномъ они часто являются болѣе отсталыми людьми, чѣмъ континентальныя ретрограды. Поэтому англійскій радикализмъ имѣетъ совершенно другой смыслъ, какой обыкновенно мы соединяемъ съ этимъ словомъ. Главная отличительная черта англійскаго радикала, въ лучшемъ значеніи этого слова, — это смѣлое отношеніе мысли къ тѣмъ ветхозавѣтнымъ традиціямъ, на которыхъ покоится величавая рутинная англійской общественной формы. Если мыслящій человѣкъ Англій рѣшается идти въ разрѣзъ съ общепринятыми понятіями, презирать ихъ или относиться къ нимъ критически, онъ вступаетъ въ болѣе отважную борьбу, чѣмъ самый ярый радикалъ континента. Слово «schokking» (неприлично) имѣетъ какую-то роковую силу, приговоръ отверженности и проклятій. Поэтому только самыя мощныя и независимыя умы рѣшаются въ Англій предпринимать борьбу съ такимъ всеподавляющимъ авторитетомъ, какъ мнѣніе большинства.

Я намѣренъ здѣсь сообщить читателямъ «Дѣла» нѣсколько характеристикъ англійскаго радикализма по моимъ личнымъ наблюденіямъ.

II.

По независимости своихъ убѣжденій и по критической смѣлости относительно англійскаго консерватизма Льюисъ занимаетъ самое видное мѣсто. Какъ мыслитель, онъ не имѣетъ самобытнаго значенія, онъ далеко ниже Дж. Ст. Милля и Спенсера, но какъ публицистъ, какъ представитель новыхъ идей и новаго поколѣнія англійскихъ дѣятелей, онъ выше и того и другого. Онъ имѣетъ совершенно не англійскую воспримчивость, которая позволила ему съ одинаковымъ успѣхомъ обрабатывать и литературный, и научный, и философскій матеріалъ. Я лично не видѣлъ англичанина съ болѣе континентальнымъ обличьемъ. Онъ совсѣмъ не похожъ ни на одинъ изъ типовъ, выработанныхъ англійскимъ общежитіемъ. Его нельзя принять ни за англиканскаго пастора, ни за промыш-

ленника изъ Сити, ни за профессора, ни за простаго джентельмена, какими можно «прудъ прудить» въ столицѣ британскаго королевства. Это человѣкъ небольшого роста, довольно коренастый, широкій, но худой, молодежавшій на видъ, подвижной, опять-таки не на англійскій, а на континентальный манеръ. Даже говорить онъ не такъ, какъ обыкновенные англичане, а громче, съ болѣе разнообразными интонаціями, съ частымъ смѣхомъ и съ такимъ же частымъ употребленіемъ иностранныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ. Еслибъ его встрѣтить въ Россіи, онъ показался бы человѣкомъ, принадлежащимъ къ журнальному міру...

И Льюсъ дѣйствительно журналистъ по своему умственному типу. Прежде нежели выработалъ онъ себѣ сколько нибудь прочное міровоззрѣніе, онъ издалъ уже много вещей, нуждавшихся для своей полной обработки въ болѣе опредѣленныхъ принципахъ. Такой трудъ, какъ напр. «Исторія философіи», требовалъ вполне установленнаго взгляда; а между тѣмъ, мы видимъ, что послѣ перваго изданія, Льюсъ значительно измѣнилъ свои философскія идеи и симпатіи. Надо, при этомъ сознаться, что онъ все болѣе и болѣе уходилъ отъ метафизическаго склада воззрѣній къ позитивнымъ принципамъ и въ послѣднемъ изданіи «Исторіи философіи» явился энергическимъ поборникомъ положительнаго знанія. Высвободился ли онъ вполне изъ-подъ вліянія метафизическаго—это еще вопросъ; но фактъ тотъ, что онъ самъ себя считаетъ позитивистомъ и не думаетъ уже болѣе о разнаго рода компромисахъ съ тѣмъ, чего нельзя мирить съ научно-философскимъ методомъ. Онъ въ настоящій моментъ какъ бы за-ново увлеченъ своимъ позитивизмомъ, и вотъ это, какъ мнѣ кажется, и объясняетъ его полемическое отношеніе къ Миллю. Я не хочу предполагать, что Льюсъ питаетъ какое нибудь личное недоброжелательство къ Миллю: въ мыслительной сферѣ не слѣдуетъ обращаться къ побужденіямъ личнаго характера. Я повторяю, что Льюсъ, обратившись въ настоящаго позитивиста, съ тѣмъ болѣе строгостію относится къ тѣмъ уступкамъ, которыя Милль оказываетъ метафизикѣ. Но со стороны дѣло является въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Дѣятельность Льюса состоитъ вся въ популяризаціи идей и фактовъ; стало быть ее нечего ставить рядомъ съ дѣятельностію Милля (Его болѣе самостоятельныя изслѣдованія въ области біологіи сюда не относятся. Мы занимаемся здѣсь только общими философскими и социальными принципами). И въ такой-то дѣятельности, гдѣ человѣкъ гораздо легче можетъ высвободиться изъ-подъ гнета традиціи, или идей, воспри-

нятыхъ на вѣру, въ первый періодъ умственнаго развитія, Льюсъ вовсе не показаль большаго радикализма, чѣмъ Милль. Если у него не было компромисовъ, то было смѣшеніе принциповъ, что вовсе не лучше. Онъ былъ въ одно и тоже время, и романтикъ, и реалистъ, и метафизикъ, и сенсуалистъ; да и до сихъ поръ, какъ я намекалъ, его позитивизмъ далеко не свободенъ отъ примѣси весьма существенныхъ противорѣчій и неослѣдовательностей.

Полемическій складъ ума, какой замѣчается въ Льюсъ, можетъ, конечно, вести его къ разнымъ увлеченіямъ, но, если взять въ соображеніе, какими принципами и симпатіями онъ руководствуется, то нельзя не признать, что подобное свойство весьма полезно дѣлу умственной эмансипаціи. Надо пожить въ Англіи, чтобы почувствовать всю тяжесть британской порядочности, чтобы убѣдиться, какъ туго пробиваются въ общество понятія, освобождающія интеллигенцію отъ оковъ рутинны. Классическая страна свободы хранитъ въ нѣдрахъ своихъ «непечатой уголъ» всякаго рода нетерпимости. Во Франціи, напр., воображаютъ, что какъ только вы, переѣхавъ проливъ, ступите на англійскую почву, тотчасъ же очутитесь въ идеальномъ царствѣ безпредѣльной свободы слова и мышленія. Въ Англіи дѣйствительно никому не запрещается говорить, что ему угодно; но для разговора надо имѣть собесѣдниковъ, а чуть вы въ кружкѣ такъ-называемыхъ порядочныхъ людей позволили себѣ высказаться рѣзко въ философскомъ или соціальномъ смыслѣ, вы человекъ — порѣшенный. Съ вами не станутъ спорить, васъ просто причислятъ къ разряду людей неприличныхъ. Повойникъ А. Ив. Бени, знавшій такъ хорошо Англію, много разъ толковалъ со мною на эту тѣму, отдавая предпочтеніе даже терпимости русскаго общества сравнительно съ англійскимъ. И онъ былъ правъ. Наше невѣжество имѣетъ ту хорошую сторону, что мы еще не выработали себѣ умственнаго равнодушія ко всему, что не входитъ въ сферу принятыхъ нами вѣрованій и понятій. Иное дѣло — англичанинъ. Онъ воспитывается въ самой строгой дисциплинѣ общественнаго приличія, и потому утрачиваетъ всякую оригинальность и смѣлость самаго индивидуальнаго мышленія.

Такіе люди, какъ Льюсъ, соединяющіе въ себѣ высокую умственную культуру съ смѣлымъ отношеніемъ къ англійской дѣйствительности, въ высшей степени полезны въ борьбѣ радикализма съ традиціей. Въ Льюсъ вы найдете даже болѣе, чѣмъ протестъ противъ тѣхъ или иныхъ сторонъ британскаго старовѣрства. Онъ вамъ съ первыхъ же словъ объявитъ, что если бы всѣ образован-

ные англичане могли убѣжать изъ Англіи, то они навѣрное это сдѣлали бы. Въ особенности онъ терпѣть не можетъ Лондона. Не только зны, но и лѣтній сезонъ проводитъ онъ на континентѣ. Ему противны тѣ разговоры и интересы, которыми пробавляется respectable общество. Онъ, не стѣсняясь, указываетъ пальцемъ на разные виды умственной пошлости своихъ соотечественниковъ. Есть на это и личная причина. Льюсъ давно уже разошелся съ своей женой, но онъ не разведенъ съ ней по причинамъ, до которыхъ здѣсь неумѣстно дотрогиваться. Его сыновья отъ перваго брака живутъ при немъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сошелся съ женщиной, извѣстной всему свѣту подъ именемъ Джоржа Эліота. Этотъ союзъ не могъ быть узаконенъ обрядомъ; но онъ носитъ на себѣ высоко нравственный характеръ, и представляетъ собой единеніе одного изъ передовыхъ умовъ съ однимъ изъ крупнѣйшихъ талантовъ. На такое супружество и во Франціи, и въ Германіи, и въ Россіи (въ особенности въ Россіи) всѣ взглянули бы совершенно терпимо и даже съ симпатіей, потому что его «неоформенность» вызвана тяжелой необходимостью, отъ которой долженъ былъ не мало страдать несчастный въ первомъ супружествѣ мужъ. А въ Лондонѣ гостиную Льюса едва ли посѣщаютъ 5—10 дамъ. Всѣ тѣ, кто съ наслажденіемъ читаетъ романы Джоржа Эліота, признаютъ за авторомъ высокія умственные качества. Всякая мало-мальски умная и грамотная женщина согласится, что Джоржъ Эліотъ стоитъ въ интеллигентномъ отношеніи выше остальныхъ беллетристовъ Великобританіи, имя же имъ легионъ. И все-таки respectable леди и миссъ не рѣшаются знакомиться съ г-жею Льюсъ, потому только, что она живетъ съ мужемъ внѣ «законаго брака».

III.

Трудно сказать кто: мужъ или жена вліялъ больше одинъ на другого въ дѣлѣ положительнаго міровоззрѣнія, Льюсъ или Джоржъ Эліотъ. Они сошлись конечно въ слѣдствіе мыслительныхъ и гражданскихъ симпатій; но развитіе г-жи Льюсъ шло самобытнымъ путемъ. Она серьезно изучала философію, переводила Фейербаха и Штрауса и пришла въ позитивизму послѣ критики нѣмецкаго идеализма. Если въ послѣдніе годы Льюсъ и помышлялъ, быть можетъ, на

ея позитивныя прынцыпы, то она, какъ женщина, пошла дальше его въ усвоеніи себѣ доктрины. Въ этомъ отношеніи г-жа Льюсъ можетъ служить весьма типическимъ доказательствомъ того, какъ важенъ для женской натуры вообще, а въ особенности для англійской женщины, извѣстный культъ... Г-жа Льюсъ не ограничилась признаніемъ положительнаго метода за державный принципъ современнаго мышленія. Она послѣдовала за Огюстомъ Контомъ и въ другую половину его ученія, непредставляющую для научныхъ мыслителей ничего обязательнаго, въ область позитивной политики и религіи, обвиняющихъ собой единичную и коллективную нравственность. Не знаю, въ какой степени сама она чувствуетъ потребность въ установленіи особаго вѣрученія; но она полагаетъ, что для распространенія основъ положительнаго мышленія въ англійскомъ обществѣ, необходимо сочувствіе и содѣйствіе женщинъ; а этимъ женщинамъ надо дать что нибудь въ замѣну тѣхъ догматовъ и стремленій къ религіозному идеалу, которыми онѣ жили и руководствовались. Такое мнѣніе не покажется страннымъ, когда присмотришься къ англійскому обществу. Оно, если хотите, практично, но подавлено рутинной. Политическо-религіозная часть доктрины О. Конта—произвела въ Англій, между образованными кружками, женщинъ самое странное настроеніе. Многія изъ нихъ ударились въ мистицизмъ, въ бездну противорѣчій разума и фантазіи, и Дж. Эліотъ справедливъ, если предпочитаетъ такому сумбуру чистый идеализмъ. Тогда умственная эманципация женщинъ будетъ прочнѣе. Путемъ же пропаганды непослѣдовательной доктрины можно только достигнуть распространенія новой формы мистицизма, въ которой научная основа отойдетъ сейчасъ же на задній планъ. Замѣна культа можетъ быть произведена и въ предѣлахъ строго-научнаго мышленія. Когда миссъ Гэриетъ Мартино познакомилась съ ученіемъ Огюста Конта и издала въ Англій первое полное изложеніе его научной философіи, она писала ему о значеніи позитивизма для Англій въ такомъ же духѣ, въ какомъ разсуждаетъ и Джоржъ Эліотъ. Она говорила также, что люди, утратившіе догматическую вѣру, ждали въ Англій такой доктрины, которая бы спасла ихъ отъ бесплоднаго скептицизма и отрицанія. Но установленіе *положительныхъ* началъ, отыскиваніе законовъ человѣческаго прогресса уже достаточны для каждой здоровой натуры, въ смыслѣ руководящей идеи, въ смыслѣ космическихъ воззрѣній.

Мнѣ лично все-таки кажется, что г-жа Льюсъ не можетъ принимать на вѣру принциповъ позитивной политики и религіи Огю-

ста Конта. Она дѣлаетъ какъ бы произвольную уступку идеализму женской природы и хочетъ завербовать побольше женщинъ, рассчитывая болѣе на ихъ аффективныя стремленія, чѣмъ на критическій анализъ. Въ противоположность мужу своему, г-жа Льюсъ обладаетъ замѣчательною объективною ума, сказывающеюся не только въ творческихъ продуктахъ ея фантазіи, но и во всемъ ея существѣ. Вы видите въ ней нѣсколько чопорную, сдержанную, скромную женщину съ типическимъ англійскимъ обликомъ, съ правильными крупными, но мягкими чертами, съ характерными особенностями туалета вплоть до классическихъ локоновъ—*тиръ-бушоновъ*. Насколько г-жа Льюсъ радикальна въ своихъ взглядахъ и тенденціяхъ, настолько же она *респектабельна* и безупречна въ своей чисто-англійской внѣшности. Наши радикалы съ береговъ Невы и другихъ російскихъ рѣкъ нашли бы ее конечно аристократкой или, по крайней мѣрѣ, пропитанной буржуазной приличностію. Сиди въ гостиной четы Льюсовъ, какъ-то дико себя представить, что эта вотъ респектабельная, пожилая дома въ тиръ-бушопахъ даетъ толчекъ умственной и гражданской эманципации женщины не только своими литературными произведеніями, но и личной инициативой. У насъ для выраженія той или другой идеи нуженъ извѣстный мундиръ. Нужно показать это въ живописной нечистоплотности и неотесанности манеръ. Необычайная скромность, такая же какъ и въ Миллѣ, отбѣняетъ г-жу Льюсъ отъ повадки ея мужа. Я не хочу этимъ сказать, что самъ Льюсъ тщеславный и самонадѣянный человекъ; но въ немъ видѣнъ всегда извѣстнаго рода задоръ, который ведетъ къ необходимости выставять на показъ свои личныя воззрѣнія и свойства. Гостиная этихъ радикальныхъ супруговъ такъ мало радикальна по свѣтскимъ обычаямъ, царствующимъ въ Англии, что и на вечерѣ, гдѣ соберутся нѣсколько пріятелей-единомышленниковъ, вы увидите всѣхъ мужчинъ въ бѣлыхъ галстукахъ. Этимъ былъ особенно пораженъ одинъ мой знакомый русскій, отправившійся къ Льюсу въ первый разъ вечеромъ, въ визитѣ, и попавшій въ царство бѣлыхъ галстуковъ. Ему было, разумѣется, очень неловко, и онъ до сихъ поръ любитъ разсуждать на тѣму: какое аристократическое обезьянство живетъ даже въ самыхъ радикальныхъ гостинныхъ британской имперіи.

IV.

Между молодыми радикалами г-жа Льюсь считается свѣтиломъ 1-й величины. Въ особенности уважаетъ ее одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лондонскихъ позитивистовъ, профессоръ Бисли. Онъ говоритъ о ней съ необычайнымъ энтузіазмомъ и ставитъ ее, по уму и дарованію, выше всѣхъ современныхъ писателей Англій. Г. Бисли еще не имѣетъ пока громкаго имени, но его статьи въ «Fortnightly Review» привлекли къ нему симпатіи всѣхъ свободно-мыслящихъ англичанъ. Онъ занимаетъ кафедру исторіи въ лондонскомъ университетѣ и завѣдуетъ домомъ, гдѣ живутъ студенты-пансіонеры. Такимъ путемъ, г. Бисли можетъ вліять не только на читателей, но и на послѣдовательный рядъ учащейся молодежи. Какъ ни скромно его положеніе, но ему приходится отстаивать свой постъ отъ интригъ и происковъ ортодоксальныхъ соотечественниковъ, считающихъ его чуть не исчадіемъ ада. Рассказывая мнѣ о своей борьбѣ, г. Бисли не одинъ разъ повторялъ, что человѣку, идущему въ разрѣзъ съ британской правовѣрной рутинной до сихъ поръ предстоятъ всевозможныя гоненія, отъ которыхъ спасаетъ только совершенно-независимое матеріальное положеніе. Между преподавателями гуманическихъ наукъ г. Бисли имѣетъ очень мало единомышленниковъ. Складъ его воззрѣній отражаетъ на себѣ непосредственное вліяніе доктрины Огюста Конта, не только по вопросу историческаго прогресса, но и въ дѣлѣ политики и религіи позитивизма. Г. Бисли держится взгляда г-жи Льюсь на необходимость замѣны прежняго догматизма опредѣленнымъ вѣроученіемъ, какое О. Контъ думалъ создать посредствомъ своего «субъективнаго синтеза». Разсужденія г. Бисли еще утилитарнѣе точки зрѣнія Джорджа Эліота. Онъ говорилъ мнѣ съ полною искренностію, что въ его глазахъ всего важнѣе гуманизирующее вліяніе той или другой доктрины, что если бы даже извѣстное догматическое ученіе, заключающее въ себѣ вопіющія нелѣпости, вносило въ жизнь практическое добро, онъ не задумался бы признать его! Такой утилитаризмъ весьма характеренъ. Въ немъ сказывается одна изъ главнѣйшихъ особенностей англійской интеллигенціи. Въ одно и тоже время связываетъ онъ абстракцію съ живою жизнію и мѣшаетъ чисто-философской постановкѣ и разработкѣ вопросовъ. Это и есть живительный нервъ и Ахилесова пята англійскаго мышленія. Въ г. Бисли признаніе по-

зитивной религіи (хотя, сколько мнѣ извѣстно, онъ и не практикуетъ ее), объясняю я характеромъ его образованія. Онъ не прошелъ систематически черезъ изученіе законовъ природы до усвоенія себѣ позитивной доктрины. Во взглядахъ на социальное устройство Бисли держится измышленій Огюста Конта о необходимости «такъ называемаго промышленнаго феодализма». Разрѣшеніе социальныхъ аномалій, конецъ борьбы между трудомъ и капиталомъ, видитъ онъ въ сосредоточеніи промышленности въ рукахъ крупнѣйшихъ капиталистовъ, которые, по собственному побужденію, приобщали бы трудъ къ выгодамъ производства, удерживая за собою авторитетъ и инициативу. Такіе промышленники должны, по доктринѣ Конта, заправлять всѣмъ государственнымъ устройствомъ; въ нихъ признаетъ Контъ основной элементъ социальной *динамики*, устраняя отъ управленія людей, представляющихъ собою общее интеллигентное развитіе.

V.

Какъ профессоръ исторіи и изслѣдователь человѣческаго прогресса, г. Бисли, даже оставаясь *спрующимъ* позитивистомъ, можетъ написать очень много замѣчательнаго и полезнаго. Принципъ примѣненія положительной методы къ изслѣдованію историческихъ судебъ одинъ въ состояніи направить свѣжій умъ на здоровый научно философскій путь. Англійская интеллигенція склонна къ отыскиванію общихъ законовъ живой жизни, чѣмъ и объясняется то вліяніе, какое историческія идея Огюста Конта имѣли на Бокля, примѣнившего ихъ къ изученію англійской цивилизаціи. Но въ англичанахъ рядомъ съ этимъ есть какая-то прирожденная способность къ эклетизму. Въ Миллѣ рѣзко-опредѣленный позитивизмъ уживается рядомъ съ діалектикой, подкапывающейся подъ самыя основы положительнаго міровозрѣнія. Въ Боклѣ, какъ въ менѣе философской головѣ, мы видимъ цѣлый винегретъ всевозможныхъ обобщеній и доктринъ. Онъ усвоилъ себѣ, какъ руководящую нить, принципъ научной обработки исторіи, установленной Контомъ; онъ признаетъ вѣрными выводы точнаго знанія и даже многія идеи сенсуалистовъ и, въ тоже время, остается вѣрующимъ англиканцемъ, метафизикомъ, идеалистомъ! Точно также и въ людяхъ молодого поколѣнія, каковъ профессоръ Бисли,

одна основная доктрина, излюбленная ими, представляющая и философскій и нравственный завѣтъ, уживается съ разными посторонними взглядами. Ихъ утилитаризмъ показываетъ, что основы мышленія подчинены въ англійскомъ умѣ міру конкретныхъ явленій и надобностей. Впрочемъ, отсутствіе въ радикальныхъ агличанахъ единства философскихъ принциповъ не мѣшаетъ имъ работать въ различныхъ областяхъ знанія и опыта съ такою искренностію и энергіею, которая должны повести за собою болѣе цѣльную и вліятельную пропаганду возрождающихся идей. Тотъ же профессоръ Бисли соединяетъ по своей дѣятельности и симпатіямъ два міра. Онъ разработываетъ научной методой область историческихъ явленій и участвуетъ въ интересахъ трудовыхъ массъ. Хотя онъ и держится видовъ промышленнаго феодализма, въ которомъ социальная задача не найдетъ, конечно, своего разрѣшенія, но все таки онъ чувствуетъ настоятельную надобность обратиться къ нуждамъ рабочаго класса не по-дилетантски, не съ барской точки зрѣнія, а въ силу солидарности, соединяющей теперь передовыхъ людей Европы во имя блага народнаго. Если люди, какъ г. Бисли, возмущаются за крупныхъ промышленниковъ и станутъ дѣйствовать въ интересахъ рабочей массы, несомнѣнно, что это вліяніе принесетъ добрые результаты. Патроны, подчиняясь умственному превосходству такихъ дѣятелей, какъ Бисли, скорѣй поймутъ необходимость гармоніи между трудомъ и капиталомъ, поймутъ, что ихъ производства спасутся отъ роковыхъ случайностей, неразлучныхъ со всякой единоличной эксплуатаціей, только однимъ участіемъ возможно-большаго числа рабочихъ въ выгодахъ предпріятій.

VI.

Къ тому же отъѣву позитивизма принадлежитъ и пріятель профессора Бисли, адвокатъ Фредерикъ Гаррисонъ. Ихъ руководящія идеи однородны; но ихъ типъ и характеръ ихъ дѣятельности значительно разнятся. Бисли по вѣншности—безупречный джентльменъ, высокій, стройный, ярко-бѣлокурый, изящно причесанный и также изящно одѣтый, съ тонкими, нѣсколько даже женоподобными чертами и постоянной улыбкой на губахъ. Въ салонѣ вы его съ трудомъ отличите отъ чисто-свѣтскихъ молодыхъ людей; но при ближайшемъ знакомствѣ, вы почувствуете въ немъ человѣка съ

большой умственной культурой, живущаго больше кабинетной, чѣмъ публичной дѣятельностью, съ тѣмъ оттѣнкомъ снисходительнаго добродушія, налагаемаго жизнью на людей, наблюдающихъ за юношествомъ. Живетъ онъ въ томъ домѣ, гдѣ помѣщается бурса университетскаго коллегіума, тихимъ холостякомъ, слѣдитъ за занятіями студентовъ, обѣдаетъ съ ними, играетъ въ мячъ (даже съ нѣкоторымъ диллетантизмомъ), послѣ обѣда сидитъ у себя въ гостиной съ сигарой и рюмкой хереса, по англійскому обычаю, встрѣчаетъ васъ съ пріятнѣйшею улыбкою и говоритъ обо всемъ равно, но задушевнымъ тономъ, языкомъ литератора, а не трибуна.

Совсѣмъ не такой экземпляръ—Фредерикъ Гаррисонъ. Онъ сдѣланъ изъ другой глины. Пошелъ онъ по утопанной дорожкѣ адвокатуры и съ перваго же взгляда покажется вамъ человѣкомъ своего званія. Въ немъ не чувствуется ни тонкой образованности, ни систематическаго философскаго развитія. Онъ самоучка и практикъ, но еще въ ранней молодости познакомился онъ съ позитивной доктриной и придавалъ своимъ побужденіямъ весьма яркій оттѣнокъ, отличающій его теперь и въ публицистикѣ, и въ жизни отъ другихъ радикаловъ. Онъ не причисляетъ себя къ вѣрующимъ позитивистамъ, но находится въ связи съ ихъ міромъ. Эту непослѣдовательность объясняетъ онъ практическимъ мотивомъ. По его мнѣнію, было бы безтактно и вредно распадаться на толки, когда всѣхъ-то позитивистовъ такъ мало въ средоточіи умственной жизни Англій—въ Лондонѣ. По соціальному вопросу онъ опять-таки идетъ на компромисъ, т. е., считаетъ добрымъ и прочнымъ дѣломъ хлопотать о томъ, чтобы самые крупные промышленники шли во главѣ движенія, чтобы они по собственному желанію уменьшали преимущества капитала и дѣлали своихъ рабочихъ изъ пролетарія пайщиками. Но съ другой стороны, г. Гаррисонъ энергически служитъ нуждамъ рабочей массы. Въ мірѣ лондонскихъ пролетаріевъ онъ очень популяренъ. Быть «Рабочихъ Союзовъ», извѣстныхъ подъ именемъ «Trades-Unions» изучилъ онъ серьезно, и понавши въ члены «комиссіи», назначенной для разбора матеріаловъ и подготовки законодательныхъ мѣръ, обезпечивающихъ «Рабочимъ Союзамъ» право гражданства, онъ дѣйствуетъ въ самомъ широкомъ демократическомъ духѣ, не полагая однакожъ и пролетаріямъ. Онъ желалъ бы видѣть въ «Trades-Unions», обладающихъ теперь огромными капиталами, менѣе буржуазныя наклонности. Онъ желалъ бы, чтобы эти капиталы шли по возможности на устройство необходимыхъ заведеній, безъ которыхъ духовный и

матеріальний строй рабочаго класса не поднимется. Въ Гаррисонѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ мнѣ лично извѣстныхъ радикалахъ, социальныя симпатіи приведены въ гармонію съ очень яркимъ политическимъ радикализмомъ. Ни въ одномъ изъ его единомышленниковъ я не видѣлъ такого горячаго отношенія къ общественному неравенству, тяготящему надъ Англіей. Не одна доктрина руководитъ имъ, но и личное глубокое чувство протеста противъ аристократическаго захвата, который не можетъ уже драпироваться теперь въ минимумъ полезность дѣлу свободы...

П. В.

ПРАКТИКА НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Путевыя замѣтки по Владимірской губ.

Безпредѣльность провинціальныхъ благъ.—Первобытное состояніе путей сообщенія въ судогодскомъ уѣздѣ и слѣпыя надежды судогодскаго земства на Бога.—Многочисленные порубки лѣса въ судогодскомъ уѣздѣ и его положительное отсутствіе около Коврова.—Важная вещь экономизмъ.—Невъѣжественная обработка извести подъ Ковровымъ.—«Частные случаи» того, какъ въ волостныхъ правленіяхъ сбѣгутъ крестьянъ.— Таинственное число дозозубовъ.— Какое могутъ оказывать вліяніе мировые судьи въ пашихъ заголустяхъ?—Недостатокъ земли у тамошнихъ крестьянъ.—Изъ какого источника крестьяне могутъ съ меньшею обременительностію для себя уплачивать подати?—Великая важность сельско-хозяйственныхъ ассоціацій.— Мировой судья въ Ковровѣ, его помѣщеніе и хроническое заболѣваніе судей.—Ковровъ—городъ безъ печалей и воздыханій.— О томъ, какъ во Владимірѣ считаютъ чтеніе книгъ и свѣтское письмо дѣломъ нечистаго наводенія.

I.

Спокойствіе, порядокъ и тишина, такая тишина, въ которой было бы слышно и какъ мухи летаютъ, и какъ травы прозябаютъ,— есть главная и конечная цѣль нашего дѣятельнаго существованія... Ёду я по проселочной дорогѣ обильной всякими промыслами и мануфактурами владимірской губерніи, и досыта вкушаю всѣ сіи блага отъ невинныхъ умовъ человѣческихъ. Я вкушаю ихъ во всемъ, начиная съ кроткаго и послушнаго лица моего возницы и кончая... чѣмъ, впрочемъ, кончая? Развѣ существуетъ земной предѣлъ провинціальному спокойствію, порядку и тишинѣ? Съ проселочной дороги, самой обильной всякими промыслами и мануфактурами нашей губерніи,

всѣмъ этимъ благамъ не представляется ни начала, ни края, все это безгранично и безпредѣльно!

Я пробираюсь изъ большого и торговаго села Мошки, судогодскаго уѣзда, на Ковровъ, а оттуда на Владиміръ, слѣдовательно и пробираюсь, такъ сказать, по самому сердцу владимірской губерніи. Въ Ковровѣ, по предвидѣннымъ обстоятельствамъ, мнѣ требуется прожить нѣкоторое время, почти безо всякаго дѣла, требуется, значить, уподобиться мирному провинціалу, т. е. спать и ѣсть, ѣсть и спать сномъ праведника.

Дорога отъ села Мошки къ Коврову только изъ вѣжливости можетъ быть названа дорогой. Качаясь по ней въ своей таратайкѣ, я нигдѣ не замѣтилъ, чтобы человѣческая рука, такъ или иначе, теперъ или въ другое время, касалась ея. Хотя эта дорога и есть большой трактъ, стягивающій два такіе промышленные пункта, какъ с. Иваново и Шуя—съ одной стороны, и Муромъ—съ другой, но несмотря на это, она все-таки остается въ первобытномъ состояніи, какъ Богъ ее создалъ отъ вѣка. Канавы, ручьи и овраги попадаютъ то и дѣло, и что всего хуже—тамъ почти нигдѣ нѣтъ мостовъ! Какъ будто мосты есть излишняя роскошь, измышленная прихотливымъ человѣческимъ вкусомъ! Тамъ же, гдѣ мосты изрѣдка попадаютъ, они стоятъ только „для проформы“, въ такомъ печальномъ видѣ, въ какомъ ихъ едва ли можно представить себѣ заочно... Лѣтомъ, а также, конечно, и зимой не ощущается, правда, путнику особенной необходимости въ этихъ атрибутахъ хорошаго сообщенія:—ручьи и канавы тогда бываютъ сухи, и онъ смѣло, безъ особой опасности для своей жизни можетъ спускаться на ихъ дно; но весной, когда они наполняются стремительными потоками, когда все необузданно рвется и бушуетъ,—жизни его то и дѣло приходится висѣть на волосѣхъ.

— Какъ же вы тогда дѣляетесь? спросилъ я своего возницу, еще довольно молодого, молчаливаго, смотрѣвшаго понуро и изъ подлобья.

— Какъ дѣлаемся? такъ и дѣлаемся! А Богъ-то батюшка на что! отвѣчалъ онъ мнѣ весьма убѣдительно и, помолчавъ немного, прибавилъ:—Ничего!..

— Но, однако, какъ же вы все-таки дѣлаетесь? повторилъ я, неудовлетворенный его объясненіемъ. — Вѣдь тутъ, вѣроятно, проѣзжать тогда нельзя?

— Смѣлость больше требуется, — извѣстное дѣло! изрекъ крестьянинъ. — Кто робѣетъ, тотъ и не поѣдетъ. Случается, знамо, и тонуть... Это часто случается. Вонъ тамъ, дальше, будутъ крутовскіе овраги. Страсти Господни, да и полно! Ни одной весны не пройдетъ, чтобы не потонулъ тамъ кто... Иной разъ заѣдешь въ воду-то — и лошади плывутъ, и телѣга плыветъ, и самъ-то плывешь... только на Господа Бога одного надѣнешся!

Такое объясненіе тѣмъ болѣе заслуживало вниманія, что оно не заключало въ себѣ и тѣни негодованія и протеста противъ существующаго безпорядка и безобразія, очень легко устранимыхъ, — не заключало самаго отдаленнаго требованія улучшеній и прогресса! Я попытался было узнать отъ возницы, что за мудрецы засѣдаютъ у нихъ въ земской управѣ, но по этому вопросу вовсе уже не могъ добиться никакого толка, именно потому, что „это до него не касается и онъ этихъ дѣловъ не знаетъ...“

— Но вѣдь это ваши хозяева, какъ же вы своихъ хозяевъ-то не знаете? говорю я, нѣсколько опечаленный такою одеревенѣlostью.

— У насъ старшина есть, онъ и подати собираетъ... Что намъ ихъ знать-то! отвѣчалъ мнѣ возница, пропитанный, какъ видно, насквозь современнымъ устройствомъ своей сельской общины, располагающей его думать, что въ ней земля сходится клиномъ и дальше уже слѣдуютъ все моря.

Впрочемъ, хотя мой возница и ничего не могъ пояснить мнѣ о мудрецахъ, засѣдающихъ въ судогодской земской управѣ, однако я все-таки, благодаря весьма благодѣтельному во многихъ случаяхъ дедуктивному способу мышленія, догадываюсь, кто они. Я думаю, что всѣ эти господа — граждане примѣрной добродѣтели и высокой нравственности, довѣрчивые, хлѣбосольные, имѣютъ самыя мирныя наклонности, любятъ уединеніе и покой и, точно такъ же, какъ и возница, сильно и во всѣхъ дѣлахъ надѣются на Бога... Интересно было бы знать — угадываю я, или нѣтъ? Думаю, что угадываю.

Скучно и утомительно ѣхать тамъ по проселочнымъ дорогамъ. Впередъ вы подвигаетесь тихо, такъ тихо, что отъ скуки желаете даже сна, какъ благодѣлія. Первую прыжку въ тридцать верстъ мнѣ пришлось ѣхать цѣлыхъ шесть часовъ, — и это еще, строго говоря, жилось Господня. Въ другое время по тамошнимъ благодатнымъ дорогамъ путешествуютъ въ пять разъ дольше! На пути проезжающему также ничего не попадается, кромѣ сплошныхъ лѣсовъ, и то только по судоходскому уѣзду, славящемуся обиліемъ лѣсныхъ угодій; на ковровскихъ же земляхъ и съ этимъ однообразіемъ прощаешься. Подъ самымъ же городомъ верстъ на восемнадцать или двадцать тянутся уже абсолютно одни луга и убранныя поля, убранныя поля и луга... Крутенюкко пришло тутъ господамъ помѣщикамъ на зарѣ ихъ новыхъ дней, при первомъ столкновеніи съ грубымъ экономическимъ матеріализмомъ. Грамотѣ они значить никакой не обучались, съ политической экономіей сношеній никакихъ не имѣли, жили не заботясь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день самъ заботился объ нихъ — и вдругъ упалъ на нихъ, какъ съ неба, новый экономическій порядокъ, съ его непремѣнными заботами о завтрашнемъ днѣ. Старыя понятія и старыя привычки требовали и стараго комфорта, а удовлетворять его было нечѣмъ... Трудно вообразить себѣ, до какой нерасчетливости стали послѣ этого доходить въ этомъ краѣ землевладѣльцы, спуская свои лѣсныя дачи. Они продавали ихъ за безцѣнокъ, лишь бы только на наличныя деньги, и, разумѣется, никому другому, какъ купцамъ, — которые, не имѣя обыкновенія упускать того, что плыветъ въ руки, съ удовольствіемъ забираютъ къ себѣ, помѣщичьи земли. Въ Ковровѣ я узналъ одного изъ такихъ пріобрѣтателей, скупившаго уже до двадцати тысячъ десятинъ въ одной владимірской губерніи самаго лучшаго борového лѣса и въ самое непродолжительное время! По двѣ и по три тысячи десятинъ имѣютъ изъ нихъ весьма многіе. Печальна судьба нашихъ лѣсовъ, а еще печальнѣе будетъ судьба тѣхъ, кому въ нихъ прежде всего придется нуждаться, когда они всецѣло перейдутъ въ купеческіе карманы. Ковровскому уѣзду, я думаю, одному изъ первыхъ придется почувствовать тогда на собственной спинѣ всю горечь своей экономической дѣятельности и всю сладость благодѣтельной коммерціи.

И подѣломъ! Пора же наконецъ перестать считать невѣжество источникомъ всякой благодати.

Изводится лѣсъ въ судогодномъ уѣздѣ и въ тѣхъ частяхъ ковровскаго, гдѣ оны еще чудеснымъ образомъ уцѣлѣли до настоящаго дня, — въ первомъ, исключительно для стеклянныхъ заводовъ, особенно значительно расплодившихся въ послѣднее время; во второмъ — для моск.-ниж. желѣз. дороги и для известковыхъ печей, расположенныхъ подъ городомъ верстъ на двадцать въ окружности; — это главные и исключительные потребители лѣсовъ, поразительно измѣпившіе тамошнюю мѣстность. Ковровскія печи производятъ лучшую известь. Зимнимъ путемъ ее везутъ оттуда за сотни верстъ, и она цѣнится довольно высоко. Но обработка этого, пока единственнаго сокровища, на которое наткнули туземныхъ жителей „французы“, какъ въ Ковровѣ называютъ вообще всѣхъ лицъ, участвовавшихъ при постройкѣ московско-нижегородской желѣзной дороги; — обработка этого сокровища ведется тамъ очень небрежно, неразсчитливо и безъ всякой предварительной подготовки, составляющей, по мнѣнію производителей, излишнее и ненужное бремя. Вслѣдствіе этого, и вслѣдствіе того, что стоимость производства съ повышеніемъ цѣны на дрова увеличилась, — обработка извести вступаетъ теперь въ Ковровѣ въ очень печальный фазисъ своего случайнаго существованія, такъ что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что черезъ два, много черезъ три года она совсѣмъ прекратится. Это прекращеніе, конечно, должно будетъ лечь тяжелымъ камнемъ на совѣсти мѣстной предприимчивости, неумѣвшей, при болѣе правильномъ и рациональномъ занятіи, поддержать и развить такое простое дѣло, какъ обжиганіе извести, предлагаемое землей на каждомъ мѣстѣ въ неисчерпаемыхъ размѣрахъ... Когда „французы“ натолкнули мѣстныхъ помѣщиковъ на это производство, и когда первыя попытки принесли имъ огромный барышъ, то на это новое дѣло накинулись тогда въ Ковровѣ всѣ — и господа и крестьяне. Вездѣ начали копать землю, уничтожать лѣса. Но принимаясь за такую усиленную дѣятельность, никто и не думалъ обзаводиться правильнымъ хозяйствомъ, даже на самыхъ простыхъ элементарныхъ основаніяхъ. Всѣ устремились къ дѣлу, помышляя только о настоящемъ днѣ и

о сладкомъ желаніи скорѣ сорвать „тысячи рублей барыша“. Что же касается до того, что должно было слѣдовать дальше, то это предоставлялось волѣ божіей и въ концѣ концовъ все-таки вышло то, что казалось вовсе не должно было бы выдти: лѣсу вдругъ не хватило, а съ нимъ и барыши отошли въ область сладкихъ мечтаній... А между тѣмъ все бы это могло устроиться иначе, и приносить постоянный доходъ, если бы за дѣло взялись болѣе раціональныя руки.

На каждую изъ известковыхъ печей кладется обыкновенно въ Ковровѣ сырой, несжонной извести до пятнадцати тысячъ пудовъ; для того, чтобы обработать это количество и получить настоящую, хорошую известь, нужно сжечь отъ 180 до 200 сажень дровъ двухъ-аршинника, стоившихъ тамъ въ нынѣшнемъ году, вмѣстѣ съ доставкой на мѣсто (что обыкновенно дѣлается только зимнимъ путемъ)— до 2 руб. 10 коп. за сажень,—цѣна довольно высокая для тамошней мѣстности. Такое обжиганіе начинается въ Ковровѣ вмѣстѣ съ началомъ осени и продолжается, для каждой печи, по пятнадцати дней; послѣ чего ее гасятъ, разбираютъ и увозятъ. Каждая печь даетъ теперь чистой прибыли отъ 150 руб. и больше. Но она могла бы давать и 500 руб., какъ это было прежде, и какъ должно было бы, оставаться и до нынѣ.

Проѣзжая по этимъ опустошеннымъ мѣстностямъ, разграбленнымъ туземной экономической тупостью, мнѣ рѣшительно не вѣрилось, чтобы кругомъ меня нѣкогда могли стоять знаменитые брянскіе и муромскіе лѣса, съ шайками разбойниковъ, съ богатыми скитами раскольниковъ, и проч. А это было такъ. Они въ самомъ дѣлѣ стояли, вытягиваясь сплошною стѣною на цѣлыя десятки верстъ. И теперь, въ какіе нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ, все это уничтожено! Прошла желѣзная дорога, лѣсныя дачи вырубались или перешли въ карманы купечества, скиты исчезли, шайки разбойниковъ, дѣйствовавшихъ коллективными силами, превратились въ мелкихъ ворюшекъ, — все какъ-то сгладилось, оголилось... Да, скучно ѣхать тамъ!

II.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я заѣхалъ по пути въ волостное правленіе государственныхъ крестьянъ, находящееся при деревнѣ Жар... Меня встрѣтилъ писарь, очень приземистая особа, въ изорванномъ халатѣ и съ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ.

— Пожалуйте къ „присутственному столу“, сказалъ онъ мнѣ, указывая перстомъ на передній уголъ своихъ апартаментовъ, помѣщавшихся въ той же грязной крестьянской избѣ, гдѣ и волостное правленіе.

Мы разговорились. Писарь смотрѣлъ на меня исподлобья, и какъ будто бы не рѣшался сообщить нѣкоторыя частныя справки самаго невиннаго свойства, составлявшія цѣль моего неожиданнаго посѣщенія, но... сердце вѣдь не камень, онъ не устоялъ противъ искушенія, уста его отверзлись и справки выплыли на чистую воду.

На столѣ, около меня, лежала слѣдующая повѣстка, приготовленная для отправленія, которую я передъ уходомъ присвоилъ себѣ (впрочемъ, способомъ указаннымъ въ законѣ). Вотъ она, переписанная мною съ самой тщательной акуратностью и съ полнымъ сохраненіемъ ея орфографіи: „Старостѣ села Ильинскаго.

Приказъ!

„Предписывается тебѣ въ Субботу Утромъ посредствомъ Сотскаго и десятника выслать Въ Правленіе, — крестьянъ Петра Мартынова и жену Его, Федора Феофанова и Константина Петрова; Вслучаѣ ихъ неповиновѣнія, то Связать и представить непремѣнно. — Августа дня 1869 года.“

„Волостный Старшина... (по безграмотству — печать).

— Однако у васъ существуютъ довольно строгіе порядки, замѣтилъ я писарю, прочитавши грозный приказъ. — Зачѣмъ вы вызываете этихъ крестьянъ.

— Староста жаловался на нихъ, на улицѣ его обстрамили... скверными словами обозвали — значитъ. Такъ въ субботу пороть ихъ будемъ.

— Какъ? развѣ у васъ за это сбькутъ? спросилъ я, сильно удивленный силѣ и простотѣ такой рѣчи.

— А то что же-съ? какъ же не сбьчь-то?—безъ этого нельзя. Скорѣе, знаете, выходить, отвѣчалъ мнѣ безъ запинки писарь. Вотъ привезутъ ихъ въ субботу—сейчасъ же и выпоремъ и отпустимъ. Помѣщенія у насъ для арестантской—нѣту. Мы этимъ всегда руководствуемся... А вы думали мы не деремъ? обратился онъ ко мнѣ неожиданно.—Какъ еще деремъ-то!.. Иному такъ спустишь... хе-хе-хе! Это первымъ дѣломъ. Безъ этого у насъ никакъ нельзя-съ.

Я былъ рѣшительно пораженъ.

— Кто же это „спускаетъ“, и кто же присутствуетъ при этихъ наказаніяхъ? спросилъ я, интересуясь отчасти разговоромъ и догадываясь о присутствующемъ.

— Кому же у насъ присутствовать!—все больше я-съ... Мнѣ же приходится. Одинъ на все волостное правленіе! отвѣчалъ писарь не безъ чувства сознательной гордости.—Старшина нашъ, съ позволенія сказать... баба, все дома сидитъ, — ну, и остаешься одинъ, какъ персть. Сами посудите,—кому же больше-то?—И помолчавъ немного, онъ прибавилъ, вѣроятно затѣмъ, чтобы въ болѣе розовомъ свѣтѣ очертить въ моихъ глазахъ свои заслуги отечеству.—Да-съ, прибавилъ онъ,—а вѣдь дѣлъ тутъ у насъ, могу вамъ доложить, тьма-тьмушая! И все вѣдь не какія нибудь пустя дѣла, а требующія ума-съ, заботы большой. А справляться-то приходится только одному. И колотишься тутъ каждый день съ утра до ночи. Жалованьишко еъ тому же крошечное... Еще, благодареніе Господу, добрые люди повимать могутъ!

Писарь не договорилъ и высморкался. Видя, что онъ, кажется, намѣревается войти въ излишнюю субъективность, я посиѣшилъ снова заговорить о начатомъ предметѣ. Я замѣтилъ ему, что дѣло объ оскорбленіи старшины, соединенное съ ругательствами и, вѣроятно, съ произведеніемъ шума и беспорядковъ на улицѣ, не подсудно имъ, волостному суду, а мировымъ учрежденіямъ, и потому обреченные розгамъ не могутъ быть наказаны; но писарь этого и слушать не хотѣлъ.

— У насъ всякое дѣло подсудно-сь, сказалъ онъ мнѣ, воодушевляясь и не мудрствуя лукаво.— Заявляетъ старшина, какъ же его не принять?—значитъ подсудно. Мы на этотъ счетъ не дѣлаемъ никакихъ притѣсненій просителямъ. Да оно, какъ хотите, и для крестьянина лучше... Теперь въ Положеніи сказано,—есть у насъ такая статья:— „иски между крестьянами до ста рублей.“ Прекрасно-сь. А какъ же отказать тому, у кого больше ста рублей? Чѣмъ онъ несчастливѣе другихъ?—Ну, сами посудите! предложилъ мнѣ писарь, выворачивая ладони. — Случается еще и такъ, — съ инюго вовсе бываетъ нечего получить. Такъ ужъ тутъ по крайности своимъ судомъ. Всякій на это лучше соглашается... Мы— нѣтъ-сь никого не притѣсняемъ, повторилъ онъ.

Мнѣ не сразу удалось постигнуть всю глубину выраженія: „по крайности своимъ судомъ.“ Только сравнивая его съ предшествовавшими объясненіями, я нѣсколько прозрѣлъ.

— Неужели же вы и въ гражданскихъ дѣлахъ предлагаете розги?

— Какъ вы изволили сказать? переспросилъ, не понявъ меня, писарь, со всею вѣжливостью свѣтскаго человѣка.

Я пояснилъ. Онъ засмѣялся.

— Прилагаемъ-сь, бываетъ... хе-хе-хе! Какъ же поступать-то иначе-сь? У насъ на этотъ счетъ очень просто, заговорилъ онъ развязно, скаля зубы и шуря свои узкіе, пронирливые глаза, бойко выглядывавшіе изъ-подъ отвисшихъ, мохнатыхъ бровей. — Да иная образина, съ позволенія сказать, просто не хочетъ отдавать; — „отдалъ“, говоритъ, а ты *навѣрное* знаешь, что онъ не отдавалъ,—лжесвидѣтельствуешь. И божиться еще тебѣ въ добавокъ станетъ, всю утробу свою искланеть... чтобъ пусто тебѣ было!—а все-таки не отдавалъ. Какъ вы тутъ приважете съ нимъ поступить? спросилъ писарь.—Мѣры кротости къ его образинѣ, какъ къ стѣнѣ горохъ! А вотъ если вспороть его примѣрно „малость“ — онъ тогда и сознается и деньги у него найдутся, а то корову веди! А сталъ если опять запирается, то да се — это извѣстная уловка,—опять драть, или росписку давай, что состою, моль, долженъ и обязуюсь къ такому-то сроку всю сумму уплатить сполна. Иначе и быть нельзя! Вѣдь пожалуй этакъ никто бы изъ нихъ

не сталъ уплату производить, всё только бы занимать стали, — это вѣрно-съ!.. У насъ же, слава Богу, остановоѣ въ такихъ дѣлахъ никакихъ не бываетъ, взыски идутъ скоро, всё остаются довольны. По крайности безъ большихъ проволочекъ! присовокупилъ писарь и бережно сталъ нюхать табакъ, держа свой носъ надъ самой табакеркой.

Опять „по крайности!“ подумалъ я, глядя во всё глаза на коренастую фигуру волостного дѣятеля, сдѣлавшагося теперь весьма спокойнымъ. — Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о томъ, какъ у насъ чинятся въ волостныхъ судахъ разныя взысканія, всегда богатымъ крестьяниномъ съ бѣднаго, всегда только на основаніи одного голословнаго заявленія истца, съ присовокупленіемъ ведра воды, тотъ въ словахъ писаря: „а сталъ если опять запыраться, то, да-се, — опять драть,“ легко можетъ усмотрѣть всю безпредѣльность самыхъ дикихъ и возмутительныхъ истязаній, имѣющихъ своей почвой грубый и необузданный произволь. Я осмотрѣлся кругомъ, — грязное помѣщеніе, окружающее меня, показалось мнѣ теперь еще грязнѣе. Настало молчаніе.

— „По крайности“ сколько же ударовъ вы даете въ подобныхъ случаяхъ? заговорилъ я, обращаясь къ писарю, тершему себѣ платкомъ носъ и смотрѣвшему подъ ноги.

— Да сколько придется, отвѣчалъ онъ. — Развѣ въ этомъ дѣлѣ можно счетоводство вести? Сколько влезетъ — столько и даемъ. Если же другой не довѣряетъ, сомнѣвается, — такъ самъ изволь считать! А начнеть считать: первой, другой... непременно собьется. Иной и совсѣмъ считать-то не умѣетъ, гдѣ же ему! Тогда опять сызнава... Безъ счету-то лучше — прочнѣе. Мужики всегда сердятся, когда у нихъ что нибудь считаютъ...

— Но вѣдь, кажется, больше двадцати ударовъ нельзя давать?

— Двадцати? помируйте! Да мужику, что двадцать ударовъ? — тѣфу, вотъ! Онъ ихъ и не почувствуетъ, возразилъ писарь съ жаромъ...

Меня передернуло.

— И неужели все это сходить вамъ съ рукъ? Неужели же

рѣшительно никто не жаловался на васъ? Никто изъ начальства не знаетъ о вашихъ продѣлкахъ?

— Хе-хе-хе! Какой вы! Да какія же это продѣлки? Мы по закону!.. И какъ насъ тутъ учесть можно? Никакимъ видомъ нельзя! сталъ защищать себя писарь, снова широко оскаливъ зубы. — Да притомъ кто же у него станеть ихъ тамъ пересчитывать? — всѣ тутъ, а разбери-ка попробуй!.. Тоже вѣдь и одному его показанію повѣрить нельзя. Можетъ быть, его кто нибудь другой поролъ, или, можетъ быть, онъ по злобѣ самъ себя ядовитыми средствами растравилъ. Что вы думаете, этого не сдѣлаютъ?—божусь вамъ, сдѣлаютъ... У насъ, правда, выискался было одинъ мужичишка: — старшину обозвалъ въ кабацкѣ тоже неприличными словами. Его народъ уговариваетъ, чтобъ не дѣлалъ безчинства, не наводилъ на грѣхъ, а онъ знай себѣ свое твердитъ: — „тутъ, говорить, кабацкѣ, кого хочешь можно ругать, не только, говорить, старшину — велика онъ важность! — генерала всякаго можно ругать!..“ Задорный такой мужиченка! Ну, и наказали тогда мы его, довольно такъ наказали, розогъ, кажется, полторасти дали... ужъ не помню хорошенько, такъ что домой на телѣгѣ повезли. А онъ, что же съ?—возьми, шельма, и подай посреднику жалобу: „такъ и такъ, говорить, полторасти розогъ дали, до смерти почти засѣкли, шесть недѣль съ постели, говорить, не вставалъ“. Посредникъ намъ запросъ, — сколько, значить, мы лозоновъ дали такому-то крестьянину? Мы его и увѣдомляемъ: дали, молъ, мы ему всего девятнадцать лозоновъ. Такъ тѣмъ и кончилось. Ну, послѣ этого его опять драть. Ужъ въ другой разъ не жаловался; нѣтъ, спала охота... Мы всѣмъ всегда говоримъ, что девятнадцать дали...

Я не могъ больше оставаться и взялся за шапку. Мнѣ противно было...

„Девятнадцать лозоновъ! Почему же они всѣмъ говорятъ, что девятнадцать? вертѣлось у меня на умѣ, когда я сѣвшилъ сѣсть въ свою таратайку.—Однако я ничего не могъ тогда придумать...

Писарь провожалъ меня и раскланивался, оскаливъ свои зубы и держа нѣсколько на отлетѣ свой клѣтчатый платокъ...

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что это частный случай, что люди

не ангелы, что между ними всегда были крокодилы, что эти крокодилы, если имъ приходилось служить исполнителями закона, то какъ бы законъ ни былъ гуманенъ, прогрессивенъ, справедливъ, какъ бы онъ всесторонне не удовлетворялъ требованіямъ всѣхъ и каждаго, но они всегда оказывались ловкими мастерами своего дѣла и всегда его толковали по-своему. У насъ же это толкованіе часто принимаетъ характеръ личнаго каприза. Не спору.

Но вотъ другой „частный случай“ подобнаго же злоупотребленія, который я называю на этотъ разъ потому „частнымъ“, что онъ совершается въ другомъ уѣздѣ и въ сферѣ другихъ крестьянъ, т. е. уже не государственныхъ, а временно-обязанныхъ.

Ко мнѣ въ Ковровѣ обратились два весьма бѣдныхъ крестьянина — Царевъ и Балынинъ, прося заступиться... Обстоятельства дѣла слѣдующія. Оба они у односельнаго крестьянина, имѣвшаго въ лѣсу дровяную порубь, покупаютъ съ мѣста сажень дровъ, съ тѣмъ, чтобы свезти ее въ городъ и продать тамъ на базарѣ (получая отъ такого оборота на пару лошадей около полутора рублей прибыли). Раннимъ утромъ они накладываютъ въ лѣсу эти дрова и ѣдутъ. Но подѣзжая къ городу, посреди одной деревни, ихъ встрѣчаетъ тоже односельный крестьянинъ, весьма богатый и, такъ сказать, важный, имѣющій тоже въ томъ же лѣсу дровяныя поруби. Слово-за-слово, онъ ихъ останавливаетъ, говоря, что дрова они украли у него и требуетъ отъ мѣстнаго старосты ихъ заарестованія. Требованіе это было исполнено, несчастныхъ крестьянъ арестуютъ, дрова складываются передъ домомъ старосты, а лошади разбираются десятскими и другими властями. Черезъ нѣсколько дней, въ воскресенье, крестьянъ тянутъ въ волостной судъ. Ихъ обвиняютъ въ кражѣ дровъ, требуя, чтобы они въ этомъ сознались и заплатили десять рублей. Они не сознаются, представляютъ съ своей стороны свидѣтелей, во-первыхъ того, у кого купили дрова, во-вторыхъ, того, кто отпускалъ имъ ихъ, и наконецъ еще нѣсколько лицъ, знавшихъ ихъ невиновность; но всѣхъ этихъ свидѣтелей праведные судьи не считаютъ нужнымъ вызывать и допрашивать, а имѣя въ виду упорное замирательство подсудимыхъ, сажаютъ ихъ на три дня въ „кло-

повникъ, (у временно-обязанныхъ крестьянъ, какъ читатель тутъ видитъ, есть, значить, арестантскія помѣщенія). Изъ этого „клоповника“, послѣ трехъ-дневнаго сидѣнья, крестьянъ на одинъ день выпускаютъ на волю, потомъ опять сажаютъ на три дня, потомъ опять выпускаютъ и на другой день опять сажаютъ, и такъ далѣе,— „съ промежутками, то есть“, выражаясь языкомъ писаря. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что одному изъ гонимыхъ, именно, Балынину, было уже лѣтъ подь семьдесятъ, другой же былъ гораздо моложе, такъ сказать, въ полномъ соку,—лѣтъ тридцати-пяти. Такъ, „съ промежутками“, проходитъ довольно много времени. Однажды, въ субботу, во второй разъ является ко мнѣ Царевъ.

— Къ вашей милости, говорить онъ.

— Что скажете?

— Да насчетъ своихъ дѣловъ. Не выходитъ намъ никакого рѣшенія, что хочешь то и дѣлай! Водятъ насъ понапрасну, а мы, извѣстно, ничего не знаемъ! Только все — подь арестъ, да подь арестъ; либо деньги, говорятъ, плати. А гдѣ намъ ихъ взять?— Нѣтъ у насъ денегъ, вотъ какъ передъ Богомъ сказываю. Заступитесь, ваше благородіе. Совсѣмъ конецъ приходитъ, хоть помирать ложись.—Онъ кланяется.

— Сами выбирали себѣ такихъ судей, на себя и жалуйтесь! замѣчаю я.

— По какихъ же поръ это теперь будетъ продолжаться? спрашиваетъ онъ меня, послѣ моихъ объясненій, видимо теряясь въ догадкахъ.— Каждое воскресенье — все ступай на волостной судъ, да на волостной судъ. Вотъ и въ это воскресенье опять таскали... Разоренье чистое! Ужъ мы и не придумаемъ ничего!

— Что же съ вами дѣлаютъ на волостномъ судѣ?

— Ничего не дѣлаютъ, только все держатъ, да одно твердятъ — сознавайтесь. А въ чемъ мы будемъ сознаваться? Сами изволите знать, какая наша провинность! Разъ мы виноваты въ чемъ? Да еще, что говорить!—полведра вина ставьте, а не поставите — хуже вамъ будетъ;—вотъ только это и ладятъ одно!

— И больше ничего?

— Ничего... только все это, больше ничего.—Царевъ приоста-

новился.— Да еще... высъели меня, прибавилъ онъ, какъ-то визъ потутился и сталъ вертѣть въ рукахъ свою шапку. Потомъ мелькомъ взглянулъ мнѣ въ глаза и тупо улыбнулся. Онъ не могъ прямо смотрѣть на меня, и нерѣшительно сталъ водить глазами по стѣнѣ, то по полу...

— Да еще, говорятъ,— приходи въ то воскресенье, продолжалъ онъ,—это, то есть, завтра, мы опять тебя драть будемъ... изикущъ сдѣлаемъ.

И онъ снова потутился, снова сталъ переминаться съ ноги на ногу, и опять шапка завертѣлась въ его рукахъ (*).

— Вотъ я и надумалъ сходить къ вашей милости, какъ вы, батюшка, присовѣтуете: — идти мнѣ завтра на изикущю или не ходить? спросилъ онъ, все еще не подымая глазъ.

Я отсовѣтовалъ ходить. Онъ просіялъ.

— Сколько же вамъ розогъ дали? спросилъ я его передъ уходомъ.

— Сказываютъ: девятнадцать розогъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, опять тупо улыбаясь и начиная моргать глазами, причемъ его руки снова стали вертѣть шапку.

„И опять девятнадцать! Что же это за таинственное число? Но сколько я ни думалъ однако надъ нимъ, все-таки не могъ понять его кабалистическаго смысла. Ясно было только одно, что девятнадцать дозоновъ есть мать всѣхъ добродѣтелей какъ по мнѣнію писаря, такъ и по мнѣнію его безчисленныхъ единомышленниковъ.

III.

Послѣ деревни Жар... мой возница остановился кормить лошадей въ селѣ Мордвины. Въ немъ живетъ судогодскій мировоі суды

(*) Другого крестьянина по старости лѣтъ судьи помиловали и не поропи, но вмѣнили ему въ непремѣнную обязанность присутствовать каждыі разъ при сѣченьи его товарища, пока тотъ не сдѣлаегъ признанія за себя за него.

1-го участка. Остановившись на постояломъ дворѣ, я прямо попалъ въ самый центръ мѣстнаго общежитія. Крестьяне тамъ провожали свой праздникъ; вызвать ихъ на откровенную бесѣду было легко. Мы разговорились. Всѣ они единодушно отзывались въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о своемъ мировомъ судѣ.

Чтобы помочь уясненію до какой степени „хорошій“, какъ тамъ говорятъ, мировой судья, обитая въ какомъ нибудь захолустѣ, можетъ оказывать и хорошее воспитательное вліяніе въ предѣлахъ своего вѣдомства на мѣстную публику, я приведу одинъ случай, совершившійся въ селѣ Мордвины и рассказанный мнѣ крестьянами на постояломъ дворѣ, — такой случай, который повидимому весьма незначителенъ, но который, при болѣе внимательномъ взглядѣ, не можетъ не казаться весьма характеристичнымъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ той мѣстности, т. е. въ судогодскомъ и окружныхъ уѣздахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ случались то и дѣло лѣсные пожары: они дорого и разорительно обходились краю. Мировой судья, живущій въ Мордвиныхъ, чтобы предупредить хоть сколько нибудь такіа тяжелыя несчастія, послѣ петрова дня, когда, какъ извѣстно, снимается запрещеніе охотиться за дичью, *просилъ лично* и черезъ деревенскихъ старостъ все подсудное ему населеніе не охотиться по лѣсамъ и не стрѣлять въ нихъ изъ ружей, очень часто имѣющихъ въ себѣ пыжи самаго зажигательнаго свойства. И такая просьба, несмотря на ея странность, не встрѣтила, однако, тамъ ни малѣйшаго возраженія. Не говоря уже о крестьянахъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ лѣсныхъ пожарахъ, и потому съ великой готовностью взявшихся исполнять ее, но даже и проживающіе во множествѣ между ними мастеровые съ стеклянныхъ заводовъ, все народъ безшабашный и большой любитель до ружейной охоты, даже и онъ не захотѣлъ не уважить просьбы челоуѣка, о которомъ хорошо думалъ. Такимъ образомъ строгое отвлеченное правило, запрещающее охотиться до петрова дня, и при болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ всюду нарушаемое, высказанное въ другой формѣ, и въ такое время, которое менѣе всего располагало къ его принятію, было однако сочувственно принято и никѣмъ не нарушено. Какая-то благовоспитанность, способ-

ная очень многих привести въ удивленіе, слышалась въ словахъ крестьянъ, когда они рассказывали мнѣ настоящій случай, не столько, впрочемъ, говоря въ немъ о себѣ, сколько о безшабашныхъ мастеровыхъ, внявшихъ чуждому для нихъ голосу... Такимъ образомъ люди, составляющіе мировой институтъ, могли бы оказывать громадное вліяніе на развитіе гуманнаго чувства въ народѣ, если бы всё они относились къ своимъ обязанностямъ съ большею добросовѣстностью и разумностью. Къ сожалѣнію, такихъ людей, осмысленно смотрящихъ на себя и на все окружающее, тамъ слишкомъ мало. Большинство не понимаетъ не только общечеловѣческихъ дѣлъ, но даже и своихъ судейскихъ.

Какъ я уже говорилъ, въ ковровскомъ уѣздѣ встрѣчаются одни поля и дуга, наводящія своей однообразностью тяжелую грусть. Пробираясь между ними, мое вниманіе особенно приковали къ себѣ межи, раздѣляющія крестьянскія полосы или, какъ онѣ называются, пай пахотной земли; онѣ опредѣляютъ предѣлы собственности членовъ нашихъ общинъ, пользующихся общимъ владѣніемъ угодій. Всѣ подобныя полосы, вслѣдствіе установившагося между крестьянами обычая, были весьма узки, не болѣе десяти шаговъ въ ширину, а всѣ разграничивающія ихъ межи были сравнительно весьма широки, не менѣе одного шага; на нихъ, мѣстами, для примѣты, росли березы, лежали камни, тянулись кусты. Безъ преувеличенія можно сказать, что межи, отдѣлявшія неприкосновенность собственности членовъ общины, составляли во всякомъ случаѣ одну десятую долю полосъ, если только не больше, но я принимаю minimum. Такимъ образомъ, въ моихъ соображеніяхъ вытекалъ тотъ немудреный выводъ, что крестьяне, вслѣдствіе сложившихся для нихъ неблагопріятныхъ обычаевъ, пользуются землею тутъ на одну десятую часть меньше, чѣмъ они могли бы пользоваться, и имѣютъ поэтому въ своемъ распоряженіи хлѣба также на десятую часть меньше, чѣмъ они могли бы его имѣть. Допускаемая же не безъ достаточныхъ оснований, что и по всему лицу русской земли существуютъ такіе же блаженные порядки, я отсюда заключилъ, что и вся наша общая земледѣльческая промышленность, подчиняясь закону той же необходимости, точно также тер-

пить ежегодно дефицитъ ровно на десятую часть общей суммы своего производства! То есть, если предположить, что эта сумма производства равняется теперь пятистамъ милліонамъ, то при другомъ условіи, при отсутствіи межей, она равнялась бы пятистамъ пятидесяти милліонамъ, доставляя такимъ образомъ общей экономіи лишнихъ пятьдесятъ милліоновъ, или, говоря вообще, такую сумму, которая почти вполнѣ могла бы покрывать расходы на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ! Очевидно, дѣло далеко не шуточное; межи не могутъ быть обходимы молчаніемъ, а должны наводить на размышленія, направляя умъ въ ту ненавистную область, которая называется экономизмомъ, и о которомъ наше просвѣщенное общество имѣетъ самыя патріархальныя понятія.

Конечно, вслѣдствіе отсутствія строгихъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу, а также и вслѣдствіе невозможности подвергнуть его наглядному химическому разложенію, противъ высказаннаго мною предположенія можетъ быть представлено множество возраженій. Я предвижу эти возраженія, — и все-таки увѣренъ, что отсюда не вытекаетъ еще ничего опаснаго для моего вывода. Разница, въ крайнемъ случаѣ, можетъ получиться только въ рубляхъ, но сущность принципа останется во всей своей силѣ; рубли же можно, пожалуй, уступить въ пользу мосекъ, для ихъ успокоенія.

При поверхностномъ взглядѣ на этотъ нехитрый вопросъ, онъ дѣйствительно кажется весьма мизернымъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ значить какая-нибудь межа, въ какой-нибудь аршинъ, о ничтожности которой свидѣтельствуетъ даже самъ поэтъ Майковъ, говоря:

По нивѣ прохожу я *узкою* межой.

Заросшей кашкою и цѣпкой лебедой...

Это ровно ничего не значить. Въ особенности же сравнительно съ тѣмъ:

Куда не обернусь—*повсюду рожь густая,*

Иду—ее съ трудомъ руками раздвигая.

Какая благодать!..

говорить далѣе тотъ же поэтъ Майковъ. Повторяю, рѣшительно ничего не значить. Въ виду повсюду густой ржи и благодати, узкость

межи не можетъ привлекать на себя взгляда, не только классическаго поэта, но даже и простаго смертнаго. При болѣе же внимательномъ разсмотрѣніи такого обстоятельства декораціи, однако, измѣняются, благодать незамѣтнымъ образомъ улечучивается и „повсюду розь густая“ очень быстро утрачиваетъ свою повсюдную густоту.

Крестьяне судогодскаго и ковровскаго уѣздовъ живутъ въ весьма незавидномъ положеніи. Земля у нихъ, правда, посредственная, но ея настолько у всѣхъ мало, что они съ великимъ трудомъ сводятъ обыкновенно свои концы съ концами, и если бы неустановившіяся еще отъ отцовъ обычаи промышлять разными законными и незаконными средствами по зимамъ, то положеніе ихъ было бы самое горькое. Главные промыслы тамошнихъ крестьянъ это — портняжество (исключительно ковровскаго уѣзда, откуда они съ иглой и ножницами заходятъ даже въ Сибирь), офенство, извозъ и тканье миткаля, — послѣдній больше относится до женщинъ и дѣтей, и теперь, вслѣдствіе измѣнившихся условій для хлопчатобумажнаго производства въ селѣ Ивановѣ, значительно сокращаетъ свои размѣры. Но эти стороннія занятія мало улучшаютъ бытъ крестьянъ. При извѣстныхъ случаяхъ они производятъ разбогатѣвшихъ торгашей, мелкихъ кулаковъ, но масса все-таки остается въ черномъ тѣлѣ и перебивается изо-дня въ день, съ слезами и ругательствами. Рядъ всевозможныхъ несчастій, обрушивающихся къ этому же въ послѣднее время вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду на бѣдныхъ Макаровъ судогодскаго и ковровскаго уѣзда — то пожарами, то градомъ, моромъ, падежами скота, увеличивающимися сборами и пр.; еще больше ихъ раззорили и поставили въ зависимость отъ земли, которая въ настоящую минуту одна должна кормить населеніе и поправлять его дурныя обстоятельства, чего она одновременно выполнить ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи: — земли у крестьянъ, во-первыхъ, мало, а во-вторыхъ, она замѣтно истощилась. Я не буду утверждать, насколько это же самое относится и до другихъ угловъ нашего широкаго отечества, думаю только, что и тамъ встрѣчаются такіа явленія, но что въ судогодскомъ и

ковровскомъ уѣздахъ прилежные земледѣльцы бѣдствуютъ главнымъ образомъ отъ недостатка земли—это такой фактъ, противъ котораго не можетъ быть никакого возраженія. На мѣстѣ дѣйствія его каждый видитъ, каждый знаетъ, хотя всѣ стараются или не заикаться объ немъ, или игнорировать его; но онъ все-таки всѣми чувствуется и сознается, начиная отъ стараго и до малаго, и съ особенной полнотою, конечно, тѣми, кто заинтересованъ въ немъ непосредственно.

Повторяю, тамошніе крестьяне до крайности нуждаются въ землѣ; каждую полосу они рады доставать чуть не на вѣсъ золота, каждый аршинъ запахать чужой нови не упустятъ случая и не сочтутъ это за грѣховное дѣло—и вдругъ, что же вы видите? Видите вы, что всякую полосу въ десять шаговъ отдѣляетъ передъ вами узкая межа, по которой разгуливаютъ поэты Майковы. При безчисленности полосъ вы видите и безчисленность межей и очень вѣрно разсуждаете, что если бы соединить ихъ всѣ вмѣстѣ, да обработать, то вышло бы очень большое количество земли и очень большое количество плодовъ, вовсе излишнихъ для людей, живущихъ впроголодь. Правда, тогда божественные поэты были бы лишены возможности таскаться съ классической лирой по межамъ, но за то получалась бы уже дѣйствительно *повсюду* рожь густая. Тогда благосостояніе каждаго изъ крестьянъ должно было бы возвыситься соотвѣтственно этой увеличенной повсюдности. Если теперь крестьянинъ теряетъ на межахъ одну десятую часть своихъ заработковъ, то они тогда, значить, ровно на эту же десятую часть возвысились бы, т. е. если онъ теперь получаетъ отъ земли около ста пятидесяти рублей, то сталъ бы получать тогда сто шестьдесятъ пять, пріятно замѣчая появленіе въ своемъ карманѣ цѣлыхъ пятнадцать рублей, небывшихъ у него никогда прежде и весьма нужныхъ на уплату разныхъ податей и поборовъ. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, какъ бы хорошо стало, если бы этихъ межей не было и если бы уплачивать всѣ подати, какъ казенныя, такъ и общественныя, пришлось этими межами!

Современное устройство нашей сельской общины, какъ извѣстно,

весьма неудовлетворительно. Въ настоящее время она хотя и пользуется общимъ владѣніемъ землею, но общее владѣніе такого свойства, что оно больше обременяетъ и разоряетъ крестьянина, чѣмъ помогаетъ его благосостоянію. Наша сельская община всецѣло поглощается теперь исполненіемъ однихъ административныхъ требованій, а не собственными экономическими интересами, какъ бы это слѣдовало; она нуждается въ такомъ учрежденіи, въ которомъ могла бы самостоятельно развивать свою жизнь, имѣя въ виду свои хозяйственныя цѣли. Тутъ нужна рѣшительная, коренная реформа, и только одна она будетъ въ силахъ исправить дѣло, поднять земледѣліе и воцарить гармонию съ другими реформами, уже приведенными въ исполненіе.

Чтобы изгнать межи, мѣшающія теперь, какъ я думаю, нашимъ сельскимъ обществамъ вносить исправно подати, для этого только слѣдуетъ признать ихъ ненужность, т. е. признать, что имъ не зачѣмъ отдѣлять твоего отъ моего, ибо твое и мое мы вмѣстѣ будемъ пахать. вмѣстѣ засѣвать, вмѣстѣ молотить, вмѣстѣ потому подѣлимъ продукты нашихъ трудовъ и, наконецъ, вмѣстѣ за то, что мы лѣто трудились на своихъ поляхъ, заплатимъ слѣдующія подати...

Сельско-хозяйственная ассоціація представляется въ подобномъ случаѣ единственнымъ орудіемъ, исключительнымъ рычагомъ, имѣющимъ только въ одномъ себѣ силу сдвинуть съ мѣста нашу бѣдность. Условіемъ для этого требуется одно:—чтобы положительный законъ ихъ допускалъ, не опредѣляя самъ частныхъ и предоставляя объ этомъ позаботиться самимъ свободно-соглашающимся обществамъ; вотъ и только. Даже невѣроятнымъ можетъ казаться, какъ немного для этого требуется! а между тѣмъ это такъ. Именно въ этомъ одномъ и лежитъ все благо земледѣльческой промышленности.

Я не намѣренъ былъ, конечно, подробно разсматривать здѣсь возбуждаемаго вопроса;—онъ слишкомъ сложенъ и потребовалъ бы слишкомъ много мѣста. Я имѣлъ въ виду только одну цѣль, именно—обратить на него вниманіе читателя и пробудить стремленіе самому

подумать надъ нимъ и надъ его важнымъ значеніемъ, между прочимъ, ни для кого другого, какъ для его же собственной особы... Если такая искра пала—я доволенъ.

Думать же объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ ассоціацій, присовокуплю, потому въ особенности пріятно, что тутъ никто не рискуетъ быть заподозрѣннымъ въ тѣхъ богопротивныхъ умыслахъ, отъ которыхъ у благонамѣренности при одномъ воспоминаніи трясется подъ жилками, и о которыхъ г. Некрасовъ восклицаетъ:

Но вѣдь это на богатыхъ,
Значить, бѣдныхъ натравлять!

Тутъ богатымъ не угрожаетъ никакой опасности; напротивъ, — для нихъ отъ такихъ обществъ вытекаютъ еще новыя богатства. Этимъ-то вотъ и важны сельско-хозяйственныя ассоціаціи!

IV.

Переношусь въ города.

Передъ Ковровымъ дорога превращается въ сплошной, сыпучій песокъ. Самъ Ковровъ, расположенный на берегу Клязьмы, на горѣ, такъ сказать, стоитъ по самое чрево въ сыпучихъ пескахъ. Когда я въѣхалъ въ него, то прежде всего меня поразили существующіе въ каждомъ домѣ кабаки. Вы не можете вообразить себѣ сколько тамъ кабаковъ! Ихъ мнѣ попадалось очень много по дорогѣ, но тамъ—цѣлыя міріады, тьмы-темь! Куда ни обернешься, куда ни взглянешь — всюду открыты кабаки! Прочвѣтаніе ихъ поддерживается массою рабочихъ и слесарей, работающихъ при городѣ на механическихъ мастерскихъ московско-нижегородской желѣзной дороги. Всего въ Ковровѣ считается слишкомъ 60 кабаковъ (на 3,000 жителей обоого пола), и вмѣстѣ съ этимъ не считается ни одного училища, исключая какой-то городской школы (?), помѣщающейся въ клѣтущкѣ, гдѣ дѣти занимаютъ по-татарски, т. е. сидя не на скамьяхъ, а прямо на полу, съ поджатыми ногами, и гдѣ

никогда не присутствуетъ наставника, т. е. занимаются, значить, по-татарски, слѣдуя при этомъ „Самодѣятельности“ Смайлса.

На другой день моего пріѣзда въ Ковровъ, — 12-го или 13-го августа, не запомню теперь хорошо, долженъ былъ открыться съѣздъ мировыхъ судей. Онъ собирается тамъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, — нѣтъ, виновать, это онъ положилъ собираться каждый мѣсяцъ, но собирается иногда черезъ два, иногда даже и черезъ три мѣсяца. Все это, конечно, дѣлается по закону и какъ слѣдуетъ мотивируется... Въ мой пріѣздъ ему тоже богами не суждено было состояться. Собравшіеся стороны, преимущественно крестьяне, посидѣли, посидѣли, пошептались о чемъ-то иные, да съ тѣмъ и должны были отправиться домой, когда сторожъ имъ объявилъ, что „съѣзда не будетъ“, ступайте, молъ, чего глазѣете-то! Многимъ, вѣроятно, приходилось тащиться домой очень далеко, потому что они, — хотя бы, кажется, и могли уже привыкнуть, — но все-таки очень долго чесали у себя на лѣстницѣ затылки. — Такъ какъ этотъ неутѣшительный случай близко касался и меня, то я обратился къ достовѣрнымъ источникамъ для разъясненія дѣла. Мнѣнія, по послѣднему событію, мнѣ довелось услышать самыя странныя и даже, можно сказать, неправдоподобныя, выдающія своей изысканностью слишкомъ грязную тѣнь на вещи весьма чистыя. Конечно, ихъ распускали злые языки, недовольные, вѣроятно, правосудіемъ съѣзда; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и это ясно, какъ божій день. Но несмотря на присутствіе такихъ смягчающихъ обстоятельствъ, выслушивать ихъ было все-таки тяжело. Чтобы показать, какъ разыгрывается фантазія у тамошнихъ піонеровъ, когда ихъ слушаютъ, я приведу одно изъ такихъ мнѣній, довольно ясно характеризующее, до какой степени злостнаго недружелюбія относится ковровская публика въ настоящему составу своего мирового съѣзда. Мнѣ передавали, что судьи потому будто бы на этотъ разъ не собрались, что *не желали* собраться въ этомъ мѣсяцѣ, какъ не будутъ они точно также желать собраться и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, и еще разъ въ слѣдующемъ, до тѣхъ поръ пока не состоятся въ октябрѣ мѣсяцѣ новые выборы судей! „Не желали же“

они собратъся и не желаютъ болѣе собираться именно потому, что... Впрочемъ, позвольте, тутъ исторія нѣсколько усложняется и я долженъ нѣсколько отступить. Въ Ковровѣ, начать нужно съ того (какъ въ такомъ городѣ, который далеко оставилъ за собой глетворные города Англіи), есть тоже свои страсти и свои партіи, — вѣдь чего на свѣтѣ не бываетъ! Сильнѣйшей партіей, дающей на все и всѣмъ заправляющей, выступаетъ тамъ купеческая. Она одна завѣдуетъ въ уѣздѣ самоуправленіемъ, всячески позоритъ бездомную и ослабѣвшую дворянскую партію и считаетъ свои желанія за законъ. Ея veto — окончательное, противъ котораго не приемятся никакія объясненія, хотя бы они были высказаны самимъ Цицерономъ. Одинъ изъ мировыхъ судей, понесшій жестокой афронтъ отъ этой грозной партіи на общемъ земскомъ собраніи при выборѣ гласныхъ, и усматривая изъ обстоятельствъ дѣла, что ему будущее больше не улыбается, сталъ придерживать тактики: — невѣстѣ на отиѣстѣ. Вслѣдствіе такого маневра, иные изъ подвернувшихся тузовъ тамошняго купеческаго міра подверглись значительной уголовной или гражданской отвѣтственности. Вотъ эти-то дѣла, можно сказать, висяція на носу самыхъ выборовъ, и предстояло разсматривать въ августѣ мѣсяцѣ гг. мировымъ судьямъ. Само собой разумѣется, что земная жизнь еще никому изъ нихъ не надоѣла, продолжать же быть мировыми судьями — еще меньше. Что же имъ оставалось дѣлать? Одно средство — заболѣть, и они дѣйствительно всѣ разомъ заболѣли... Вѣдь вотъ въ какомъ злостномъ направленіи разыгрываются фантазіи у провинціальныхъ піонеровъ!

Зала публичныхъ засѣданій ковровскаго мирового съѣзда до крайности тѣсна. Можно безъ преувеличенія сказать, что такой залъ днемъ и съ огнемъ не сыщешь: оклеена она грошевыми обоями, безъ рѣшетки, съ кривымъ поломъ, престо срамъ! Точно такимъ же безобразіемъ отличается и камера мирового судьи 1-го участка, съ присовокупленіемъ того, что при этой камерѣ особой комнаты для свидѣтелей не полагается: — ихъ обыкновенно во время допроса удаляютъ на дворъ, гдѣ они и должны ожидать своей очереди. Впрочемъ, во время дождя, бури или мятежей имъ не возбраняется

присутствовать въ сѣняхъ и на крыльцѣ, чѣмъ они, злосчастные, на перебой всегда и пользуются... Впрочемъ, въ этомъ случаѣ скорѣй виновато мѣстное земство, чѣмъ кто другой. Оно очень плохо ведетъ свои денежные дѣла и не считаетъ особенно нужнымъ выдавать исправно жалованье мировымъ судьямъ, задерживая его по цѣлымъ годамъ. Обыкновенный тутъ отвѣтъ:— „нѣтъ еще *для васъ*, подождите!“ И ждутъ судьи съ грѣхомъ пополамъ...

Въ мою бытность въ Ковровѣ по его улицамъ прокладывались трубы для снабженія города водою; работы производились насчетъ думы. Это меня тогда также поразило, и я долго думалъ: какому философу могла придти въ голову такая гениальная мысль! Городъ стоитъ на самомъ берегу Клязьмы, объемомъ онъ съ небольшое село, весной отъ воды дѣваться бываетъ некуда, а его все-таки снабжаютъ водой! И еще такой городъ, по улицамъ котораго ходить нельзя, все или песокъ, или грязь, въ которомъ нѣтъ ни одной мостовой, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ кабаковъ и кабаковъ! О, разсудительность! загляни ты, хоть ради смѣха, когда нибудь въ Ковровъ! хотя, по крайней мѣрѣ, посоветуй ты обитателямъ тамъ мудрецамъ и философамъ трубы-то не класть деревянные, а то вѣдь ихъ очень скоро разорветъ, а если не разорветъ, то они очень скоро провоняютъ и заморятъ всѣхъ своихъ мирныхъ согражданъ желудочными страданіями. Загляни, умоляю я, безъ тебя тамъ—за человѣка страшно!..

Вообще о Ковровѣ можно сказать, что это—городъ безъ печалей и воздыханій, что-то въ родѣ заклеенной коробки съ сардинками, въ которой мирныя животныя лежатъ одно на другомъ смирно и чинно.

Наконецъ, я простился съ Ковровымъ и переехалъ во Владиміръ.

Я думаю, что обитатели гор. Владиміра, замѣчательнаго въ исторіи разными великими событіями, храмами, древними ризницами и проч. и проч., думаю, что эти обитатели, если и умѣютъ читать, то никогда и ничего не читаютъ, считая, не безъ основанія, чтеніе дѣломъ грѣховнымъ, а самую книгу—произведеніемъ нечистой силы. Писать они точно также, думаю, если и умѣютъ, то кромѣ до-

несеній и корреспонденцій въ „Голосъ“, тоже никогда и ничего не пишутъ, считая свѣтское писаніе настолько же дѣломъ грѣховнымъ, насколько и чтеніе, а самыя чернила, перья и бумагу такими вещами, которыя придуманы нечистой силой и, главнымъ образомъ, для погибели православія...

Пріѣхавъ во Владиміръ, мнѣ нужно было отыскать одну книгу для просмотра. Спѣшу утромъ въ бібліотеку для чтенія. Такъ какъ я не знаю, гдѣ она помѣщается, то у перваго попавшагося барина, котораго по легкомыслію принимаю за грамотнаго, и спрашиваю о помѣщеніи бібліотеки.

— Позвольте узнать, гдѣ тутъ помѣщается бібліотека для чтенія? спрашиваю я его самымъ любезнѣйшимъ образомъ.

Баринъ вдругъ врUTO останавливается и съ негодованіемъ желаетъ проглотить меня своими буркалами.

— Что? спрашиваетъ онъ, не переставая меня глотать.

— Гдѣ тутъ, позвольте узнать, бібліотека помѣщается?

Баринъ окончательно проглатываетъ меня и, ничего не отвѣтивъ, уходитъ.

Ловлю другого, но предварительно уже заглянувъ въ его зеркало души. Этотъ другой баринъ оказывается въ счастью не изъ глотающихъ.

— Библіотека? спрашиваетъ онъ меня, послѣ моего вопроса, какъ будто прислушиваясь къ произносимому имъ слову и начинаетъ думать. Думалъ онъ долго; я все стоялъ. Потомъ посмотрѣлъ вдоль улицы, послѣ этого повернулся назадъ и тоже посмотрѣлъ вдоль улицы.

— Не знаю-съ... не слыхалъ, отвѣтилъ онъ наконецъ, и сталъ тихо отъ меня отходить, держась нѣсколько бокомъ, какъ будто подъ наптіемъ того соображенія, что если, молъ, Богъ дастъ, вспомню, то оборачиваться-то и меньше придется.

Отправляюсь въ книжную лавку Парклова, въ которой мнѣ должны были, по увѣренію третьяго остановленнаго мною барина, навѣрное сказать, гдѣ помѣщается бібліотека. Но вмѣсто книжной лавки я обрѣтаю лавку канцелярскихъ принадлежностей, съ нѣ-

сколькими десятками старых учебниковъ и двумя новыми экземплярами „Судебныхъ уставовъ“! Однако и въ этомъ единственномъ мѣстѣ книжной торговли и книжнаго дѣла г. Владимира, мнѣ все-таки не пришлось узнать, гдѣ помѣщается библіотека для чтенія.

— Да вы вѣрно ли знаете, что есть въ городѣ библіотека? спрашиваю я.

— Помилуйте! какъ же этого не знать! Она вѣдь вотъ все время гдѣ-то здѣсь, около дворянскаго института, находилась, только съ годъ всего какъ переѣхала... У кого бы это вамъ спросить? вдругъ задался вопросомъ доброжелательный книгопродавецъ. — Вѣдь вотъ — спросить-то не у кого, экая жалость! отвѣтилъ онъ, долго подумавъ и вздернувъ плечами.

Иду дальше, куда глаза глядятъ...

Послѣ нечеловѣческихъ усилій, мнѣ, наконецъ, удается узнать, что библіотека дѣйствительно имѣется въ городѣ и что помѣщается она около Золотыхъ воротъ. Усталый, я снова воодушевляюсь и спѣшу, но увы! нѣтъ опять у Золотыхъ воротъ библіотеки! Есть и кофейная, и фотографія, и кабаки, а библіотеки все-таки нѣтъ!.. Наконецъ, къ вечернямъ, въ какомъ-то переулкѣ, противъ какихъ-то овраговъ, въ старомъ, развалившемся домѣ я нахожу библіотеку. Да, это она! На углу гнилого дома прибита вывѣска, длинная и узкая, верхка въ три ширины, на которой стоитъ надпись: *публичная общественная библіотека*... Отправляюсь на дворъ, иду среди грязи, подпрыгивая по раскиснутымъ кирпичамъ въ сѣни, и затѣмъ, между капустныхъ кадокъ, сильно нагнувшись, пролѣзаю въ очень низкую дверь — пролѣзаю и въ ужасѣ останавливаюсь на порогѣ! Въ передней, подъ самымъ моимъ носомъ оказываются сидящими за столомъ нѣсколько чловѣкъ съ дѣтьми и сладко обѣдающими. Вонь — страшнѣйшая! Пахнетъ щами и грудными младенцами! Когда я, такимъ неожиданнымъ образомъ, появился на порогѣ, кто-то изъ сидѣвшихъ за столомъ въ одной рубашкѣ векочилъ и единымъ духомъ перенесся въ сосѣдную комнату. Поднялась суматоха. Я стоялъ надъ поро-

гомъ, стоялъ еще нагнувшись, и рѣшительно не зналъ, что мнѣ тутъ слѣдовало предпринять.

— Пожалуйте, пожалуйста, вотъ сюда-съ, въ залу, стала приглашать меня какая-то женщина, тоже, какъ я теперь разсмотрѣлъ, сильно суетившаяся. — Пожалуйте! *онъ* сейчасъ выйдетъ, только одѣнется. Прошу поворно!

Я пошелъ по дрожащему полу въ залу. Изъ нея, черезъ раскрытую дверь, моимъ взорамъ представился ходъ въ другую комнату, гдѣ на стѣнѣ виднѣлись „три полки съ книгами“, вѣроятно, ходъ въ... спальню, думалъ я. Но, нѣтъ; это-то именно и была публичная библиотека губ. гор. Владиміра!!. Мнѣ северно стало! Я вернулся и вышелъ, недождавшись этого *онъ*, который къ сожалѣнію такъ теперь и останется навсегда мною непознаннымъ...

Я не подвожу итоговъ своимъ замѣткамъ; предоставляю это дѣло самому читателю.

Такова умственная дѣвственность и непорочность владимірцевъ! Такова блаженная и безпечальная страна, при одномъ только поверхностномъ на нее взглядѣ! Человѣкъ, правда, остался тамъ человекомъ, но все ли человѣческое ему нечуждо, или все чуждо?— Подумайте и скажите.

И. А.—

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ — РУССКІЯ СКАЗКИ.

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!
Пушкинъ.

На крылахъ волшебныхъ сказокъ
Я умчу тебя далеко,
И найду тебѣ я мѣсто,
Тамъ, гдѣ Гангъ течетъ широко...

Впрочемъ, это слишкомъ далеко... Можно найти страну чудеснѣе и не заходя туда, гдѣ Гангъ течетъ широко... Къ тому же при безденежьи, особенно еще въ то время, когда плотницкіе милліоны, на которые вся Русь рассчитывала, какъ на свои собственные денежки, исчезли безвозвратно и безъ слѣда,—забираться на Гангъ будетъ не совсѣмъ удобно, ибо придется пожалуй возвращаться оттуда по образу пѣшаго хожденія, въ родѣ того, какъ странствуютъ русскіе учащіеся люди по Руси или прожившіея русскіе люди по землямъ иностранцамъ. И зачѣмъ искать чудеснаго на Гангѣ, сказочный міръ вокругъ и около. Ложись въ постель, дорогой мой читатель (дорогой говорится больше для красоты слога, на самомъ же дѣлѣ слѣдовало бы сказать: мой четырнадцатирублевый, безъ доставки, читатель), вообрази себя турецкимъ султаномъ, устреми глаза бессмысленно въ потолокъ и слушай, какъ я буду тебѣ рассказывать сказки. Я буду рассказывать сказки, назидательныя для большихъ дѣтей, въ сказкахъ моихъ много будетъ чудеснаго, но ничего неправдоподобнаго. Кому неизвѣстно, что нынче всѣ играютъ на биржѣ, всѣ хотятъ какъ можно скорѣе разбогатѣть посредствомъ лотерейнаго билета, всѣ хотятъ спекулировать и никто не желаетъ трудиться, всѣ требуютъ концессій, всѣ желаютъ торговать деньгами или заводить ростовщическія кас-

сы, однимъ словомъ, поклоненіе золотому тельцу дѣлается нашимъ вторымъ культомъ. Богъ биржи — богъ нашего времени, богъ дураковъ и умныхъ, старыхъ и малыхъ. Слѣдовательно, первая сказка должна быть о деньгахъ, непременно о деньгахъ, а потому мы и начнемъ о *пропавшихъ милліонахъ*. Съ годъ тому назадъ вся Русь была взволнована слухомъ объ открытіи новой Калифорніи.

— Калифорнія въ Россіи? — невѣроятно! Милліоны въ русскихъ рукахъ—невозможно!

Дѣйствительно, деньги, да еще въ такихъ огромныхъ кушахъ, что у «Современныхъ Извѣстій» не хватило даже арифметики для счета, и вдругъ въ русскихъ рукахъ, а не въ нѣмецкихъ, да это просто восьмое чудо.

Но слухи начали принимать большіе и большіе размѣры. По справкѣ оказалось: въ богоспасаемомъ городѣ Моршанскѣ, Морша тожъ, проживалъ купецъ Кузьма Плотницынъ, но онъ былъ не просто купецъ, онъ былъ царь—царь скопцовъ. Всѣмъ извѣстно, что такое «скопецъ», а потому пояснять не будемъ. Впрочемъ, для дѣтей можно сдѣлать примѣчаніе (Скопцомъ, душечка, называется человекъ, который жертвуетъ своими тѣлѣнными страстями въ пользу нетѣлѣннаго богатства, изображаемаго звонкой монетой, которую онъ копить и копить. А какъ *скопить* милліонъ—сдѣлается *скопецъ*).

Итакъ вотъ и сей моршанскій царь копилъ да копилъ, да денежки и скопилъ. Ну, деньги, извѣстно, бѣльмо на глазу. Кто-то сдѣлалъ на него доносъ, кто-то распорядился проивести обыскъ, и о, ужасъ!

Изъ самыхъ *достоверныхъ источниковъ* сообщила московская газета Гилярова-Платонова, что у Плотницына нашлось девять изуродованныхъ дѣвокъ и десять милліоновъ одного золота и серебра, а банковымъ билетамъ и счету нѣтъ. Последнее извѣстіе, что банковымъ билетамъ—счету нѣтъ, конечно, не особенно радуется, но что дѣлать и то пріятно!

Девять изуродованныхъ дѣвокъ, конечно, не особенно заняли умы русскіе—потому что уродами насъ не удивить,—но милліоны, въ виду распространившихся слуховъ о новомъ лотерейномъ займѣ, заняли всѣхъ чрезвычайно.

«Голось», по поводу слуховъ о томъ, что ассигнована сумма на подкупъ редакцій, торжественно заявилъ отъ 13 февраля, что «печатать стоитъ на сторожѣ и не дадутъ восторжествовать темному могуществу скопчинскихъ милліоновъ».

Хотя 27 февраля, т. е. ровно через 15 дней, «Петербургскій Листокъ» и упрекнулъ «Голосъ», что онъ, относительно моршанскаго дѣла, повелъ себя неудовлетворительно, помѣстивъ письмо г. Мержеевского, кидającego тѣнь на сообщенія о милліонахъ и изуродованіи, въ то же время ничего не опровергая и ничего не доказывая, но «Голосъ», отъ 27 февраля за № 57, отвѣтилъ, что его и самого сильно удивило письмо Мержеевского и какъ оно попало на его страницы, «Голосу» неизвѣстно. Вообще отвѣтъ былъ написанъ въ такомъ духѣ.

Но этотъ вопросъ, хотя и денежный, не особенно важенъ.

Слышимъ послушимъ, что въ Моршанскъ направлена комиссія.

— Ага-га-га, говоримъ, дѣло серьезное...

Но вотъ пронеслись зловѣщія слухи, что милліоны утекаютъ.

— Не можетъ быть, говорятъ: и ждутъ оффиціального опроверженія.

«Современныя извѣстія» говорятъ: «милліоны улыбнулись, ау! Утекли!» «Новое Время» прибавляетъ: «они теперь въ Австрію, въ Бѣлой Криницѣ».

— Да не можетъ же быть, говорятъ, посмотрите—опровергнуть... вѣдь тамъ же цѣлая комиссія...

Нашлись отрицатели, такое, знаете, направленіе развито въ обществѣ.

— Полноте, говорятъ, никакихъ тамъ милліоновъ нѣтъ.

— Да какъ же нѣтъ, отвѣчаютъ, вѣдь «Голосъ» сообщилъ *со словъ судебного слѣдователя, находящагося въ комисси, производящей дѣло, что все, что извѣстно публикѣ, совершенно справедливо.* А ей извѣстно, что найдено золото и серебро въ боченкахъ, кадучкахъ, въ полуистлѣвшихъ мѣшкахъ на сто милліоновъ банковыхъ билетовъ, наконецъ, девять изуродованныхъ дѣвокъ.

— Да дѣвки-то, что, чортъ съ ними... Милліоны-то важны, подаютъ даже скептики.

Но дѣвки—дѣвками, милліоны—милліонами, а опроверженій-то нѣтъ, какъ нѣтъ.

Наконецъ явилось, что всѣ слухи преждевременны. Конечно такое заявленіе было поздновременно, но что дѣлать. Литература унялась и моршанское дѣло вкупѣ съ царемъ Максимомъ, съ изуродованными дѣвками, съ милліонами и прочими снадобьями канули въ рѣку забвенія.

— Авось выплыветъ! говорили.—Вѣдь «Голосъ» не даромъ сказалъ: литература стоитъ на стражѣ, время, молъ, не такое, отъ

ей зоркости ничего не скроешь. Полушки даже, а не только миллионъ.

Ну, всё и успокоились, тутъ же другія чудеса поспѣли. Въ Одессѣ птица новая какая-то появилась и садилась на колокольню и тѣмъ занимала городъ; дальше, тамъ почтовыхъ марокъ не хватало, а почтамтъ вывѣсилъ объявленіе, что «марки всё вышли». Въ Вяткѣ городъ былъ занятъ аукціономъ, на которомъ продавалась старая мѣдная каска пожарнаго; въ Ставрополѣ соль вся вышла и городъ оставался нѣсколько дней безъ соли; въ Рязани — толковали объ уснушемъ во время разбирательства мировомъ судѣ; въ Керчи ломали голову надъ объявленіемъ, по которому въ Керчь-Еникальскую крѣпость можно было попасть «не иначе, какъ съ дозволенія начальства»; Нижній-Новгородъ занятъ былъ вопросомъ о томъ: можно или нельзя съчъ 19-лѣтнихъ дѣвушекъ, если онѣ будутъ шить сами себѣ платья; Харьковъ обсуждалъ вопросъ быть или не быть городской почтѣ, ибо съ ея введеніемъ начали пересылаться разные пасквили, даже къ лицамъ высокопоставленнымъ; Москву-столицу въ это время чуть не заѣли волки и ограничились только тѣмъ, что приперли къ стѣнѣ будочника и продержали его въ этомъ положеніи до утра съ полуночи... Словомъ, не было города, гдѣ бы не случилось чуда, которое и заставило позабыть о плотицынскомъ дѣлѣ!

Но вотъ оно опять вынырнуло и на этотъ разъ въ иномъ свѣтѣ.

Милліонъ вовсе не было, а была какая-то сумма тысячъ въ четыреста съ чѣмъ-то! Плотицынъ оказался не царемъ, а купцомъ, торгующимъ воскомъ, женщины вовсе не изуродованными, а такъ «маленько подрѣзанными» и то еще «подрѣзанными-то подъ сомнѣніемъ». Одна объяснила, что наткнулась на жолъ, другая... ну, да что тутъ объяснять, когда дѣло стало ясно.

— Конечно, жаль миллионъ, говорила и Русь, и литература, почему-то считавшая чужія деньги за свои собственные, но что дѣлать, гдѣ наше не пропадало.

Такъ миллионы и канули.

Перейдемъ къ животнымъ.

Въ гуманномъ Петербургѣ, гдѣ Кяттеры ломаютъ ребра своимъ паціентамъ, есть общество, что покровительствуетъ живот-

нымъ, заступаетъ за собакъ, за свиней, за кошекъ, за лошадей, за коровъ, за крысъ, за мышей, даже за таракановъ и за малѣйшій ударъ кнутомъ лошади или толчекъ, отпущенный собакъ—тянетъ людей подъ судъ. Даже отбираетъ у извозчиковъ лошадей,—нѣсколько прихрамывающихъ лошадей,—отбираетъ ихъ, т. е. лошадей въ полицію, гдѣ онѣ, по заявленію того же общества, по нѣскольку дней голодаютъ, а извозчиковъ въ мировымъ, гдѣ тѣ приговариваютъ ихъ къ штрафу. Затѣмъ штрафъ возьмутъ, извозчика отпустятъ, лошадь ему возвратятъ, внушатъ не ѣздить на больной лошади и скажутъ: ну, на всѣ четыре стороны. Тотъ выѣдетъ, сѣдока посадитъ и заковыляетъ по улицамъ, пока снова не наткнется на члена «лошадинаго общества», какъ называютъ ихъ извозчики.

Устроило означенное общество выставку собакъ, въ манежѣ князя Меншикова на Адмиралтейскомъ каналѣ.

Войдемъ, читатель.

По обѣ стороны манежа плутъ въ два яруса ряды стойлъ съ рѣшетками. Полъ въ нихъ устланъ гдѣ рогожами, гдѣ коврами, гдѣ подушками изъ шелка и бархата. На означенныхъ подушкахъ покоятся псы всевозможныхъ породъ. Общество, покровительствующее животнымъ, привязало оныхъ псовъ на веревки, а иныхъ привало на цѣпи. Скачутъ и рвутся псы изъ своихъ клѣтокъ, наполняя манежъ нестерпимымъ лаемъ и таковою же вонью. Члены общества ходятъ мимо псовъ въ черныхъ парахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Оно, конечно, иначе и нельзя, потому, есть псы породъ аристократическихъ, есть привезенные изъ-за границы, есть заатлантическіе друзья—неловко, ибо хотя и скотское мнѣніе, но подержать необходимо.

Одинъ мой знакомый, обошедъ этихъ псовъ, спрашиваетъ у меня:

— Бывали вы въ нарвской части по утрамъ, когда гицеля со всего города туда собакъ натаскаютъ.

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Подите, тамъ такая же выставка.

— И даромъ? спрашиваю.

— Даромъ.

— Здѣсь, говорю, два рубля.

Посмотрѣли куръ въ курятникахъ, утокъ, плавающихъ въ водѣ, гусей въ клѣткѣ, двухъ канареекъ и пошли вонъ. Впрочемъ напередъ зашли въ комнату, гдѣ было разложено истинное покрови-

тельство животнымъ въ видѣ хлыстовъ, бичей, арапниковъ, плетокъ, жгутовъ и иныхъ орудій покровительственной системы.

Подвернулся какой-то господинъ въ бѣломъ галстукѣ.

— Для чего эти кнуты и бичи? спрашиваемъ.

А онъ торопился куда-то.

— Это, говоритъ, для членовъ, и исчезъ.

Вѣроятно какого нибудь кингъ-чарльза или пуделя привезли, такъ побѣждалъ на встрѣчу!

Мы возвратились къ породистымъ псамъ, и стали обозрѣвать ихъ относительную цѣнность. Самыми цѣнными оказались болонки, ливретки, мышеловки, мопсы и другія аристократическія безполезности, изъ которыхъ каждая могла отъ своей продажи дать бѣдному студенту хорошее шестимѣсячное содержаніе. Одна изъ этихъ безполезностей, съ японской мордой, переважно возлежала на атласной подушкѣ и подъ атласнымъ одѣяломъ, и возбудила такую зависть въ какой-то скромной чуйкѣ, что чуйка не вытерпѣла и, остановившись передъ ней, промычала: *экая сволочь!*

Мнѣ оставалось согласиться съ этимъ энергическимъ воззваніемъ и, жалѣя о двухъ рубляхъ, отправиться домой.

Отъ выставки болонокъ, мопсовъ и пуделей намъ приходится перейти къ выставкѣ глупостей воскреснаго фельетона въ «Голосѣ». Съ тѣхъ поръ, какъ Александринская сцена обогатилась постановкой новой драматической пошлости, а именно «Фаустомъ на изнанку», фельетонисты наши рѣшительно ввали въ чрево-вѣщательство. Каждый изъ нихъ, обладалъ миллигранной дозой остроумія, разсыпалъ его насчетъ Фауста въ такомъ изобиліи, что право не знаешь, что считать остроуміемъ и что пошlostію. Дѣло въ томъ, что такія глубоко-гуманныя произведенія, какъ «Фаустъ» или «Манфредъ», не выворачиваются на изнанку, тѣмъ болѣе, не осмѣиваются такіе типы, какъ Гретхенъ. Но воскресный фельетонистъ «Голоса» вздумалъ увѣрить своихъ читателей, что Гретхенъ именно та нѣмка легкаго поведенія, которую позволительно осмѣивать, и что г. Яблочкинъ, избирающій для своего бенефиса

подобную піесу, вовсе не смѣшонъ; что Гретхенъ, видите ли, цѣлуется съ любовникомъ, рождаетъ, не успѣвъ выйти замужъ, а потому она не есть типъ чистоты (въ противоположность нашимъ институткамъ, которыя закрываются, даже увидя быка, считая его *за мужчину*); Гретхенъ, по мнѣнію фельетониста «Голоса», ничто иное, какъ таже камелія, только не нашего времени. Весь фельетонъ, основанный на этой остроумной мысли, проникнуть такую развязностію, которой самъ Хлестаковъ позавидовалъ бы.

Вечеромъ этотъ остроумный публицистъ—«Голоса» является въ одинъ изъ клубовъ, вѣроятно, съ цѣлю насладиться плодами своего остроумнаго фельетона. Торжественно онъ входитъ въ залъ и встрѣчается съ однимъ изъ своихъ пріятелей.—Здравствуйте, говорить онъ ему, протягивая руку.

Пріятель отворачивается и руки не подаетъ.

— Что это значить? изумляется фельетонистъ «Голоса».—Почему вы не подаете мнѣ руки?!

— Потому, отвѣчаетъ пріятель,—что вы мараете грязью все порядочное и честное, что заслуживаетъ уваженія... Потому, что вы не понимаете, что можетъ быть осмѣяно и чего осмѣивать нельзя.

Пріятель уходитъ. Фельетонистъ стоитъ ошеломленный и думаетъ: чего это всё они переполошились? Неужто я, въ самомъ дѣлѣ, далъ промахъ! Что-то скажетъ *мой* хозяинъ? Что-то будетъ со мной дальше? Всѣ эти горькія думы и сомнѣнія, какихъ не испытывалъ самъ Фаустъ, я читалъ на отуманенномъ лицѣ фельетониста, и мнѣ было его жалко,—жалко не его самого, а его бѣдную, пустозвонную голову.

Послѣ бенефиса режиссера александринскаго театра, г. Яблочкина, другой, не менѣе интересный бенефисъ собирается дать себѣ г. Маркъсъ вкупѣ съ г. Ключниковымъ,—тѣмъ самымъ, съ позволенія сказать, Ключниковымъ, который сочинилъ слишкомъ извѣстный романъ «Марево».

Г. Маркъсъ готовитъ русской журналистикѣ новый журналъ «Ниву» и предназначаетъ его для семейнаго чтенія. Мы заранѣе пред-

ставляемъ себѣ то наслажденіе, съ которымъ «Нива» будетъ читаться въ нашихъ семействахъ. въ кругу нашихъ милыхъ барышень и юношей, назидаемыхъ г. Ключниковымъ; мы заранѣе не можемъ удержаться отъ восторга, какими умственными сокровищами должна обогатиться наша журналистика съ будущаго года. благодаря такому редактору, какъ г. Ключниковъ, дебутирующій въ «Зарѣ», и такому издателю, какъ г. Маркъсъ, вѣроятно, торгующій галантерейными вещами въ Конюшенной улицѣ. Всѣ эти надежды мы основываемъ на томъ, что журналъ «Нива» будетъ безъ всякаго направленія, и даже общается въ своемъ объявленіи призывъ въ 1000 р. за такую повѣсть, которая будетъ написана исключительно для «Нивы» безъ всякой тенденціи. Какъ видно, и г. Маркъсъ и г. Ключниковъ полагаютъ главное достоинство своего журнала въ томъ, что онъ будетъ безъ всякой мысли, безъ всякаго единства идеи,—такъ себѣ—московской селянкой, какъ извѣстно, приготавливаемой изъ разныхъ объѣдковъ и остатковъ кухонной экономіи. Мы до сихъ поръ думали, что въ наше время, кромѣ конскаго лечебника, поваренной книжки и календаря г. Гоппе, еслибъ кто и захотѣлъ, то не могъ бы написать ничего путнаго безъ какого нибудь направленія; говоря откровенно, мы даже не можемъ представить себѣ такой благоустроенной головы -- если только она не набита соломой—которая бы могла мыслить безъ всякой тенденціи. Даже журналъ г. Хана—и тотъ претендуетъ на тенденціи, и тому кажется, что нельзя называть журналомъ какую нибудь крошку, въ родѣ календаря г. Гоппе. Но Маркъсъ, открывая свой литературный балаганъ и заывая въ него почтенныхъ папенекъ и маменокъ съ ихъ милыми дѣтками, награждаетъ тысячнымъ призомъ того, кто сочинитъ повѣсть или рассказъ для «Нивы» безъ всякой тенденціи. Намъ помнится, что какой-то магазинъ голландскаго полотна объявлялъ также о наградѣ въ 500 р. тому, кто хоть одну нитку бумаги найдетъ въ кускахъ его чистѣйшаго полотна, но онъ ничего не говорилъ о направленіи. Даже г. Качъ, торгующій плохимъ мельхіоромъ и выпускающій объявленія—одно глупѣе другого, и онъ никогда не заикнулся о томъ, что его бронза и мельхіоръ продаются безъ всякой тенденціи, а г. Маркъсъ съ г. Ключниковымъ намѣреваются подарить насъ журналомъ безъ направленія. Да понимаете ли вы, г. Маркъсъ, что отсутствіе направленія въ литературномъ произведеніи значить отсутствіе всякой определенной мысли, всякаго чувства, ума и логики; но если глупость заслуживаетъ снисхожденія быть терпимой, то въ журналистикѣ

она никогда не награждалась призомъ,—по крайней мѣрѣ, вы первый заговорили объ этомъ громко, въ печатныхъ объявленіяхъ.

Теперь мы попробуемъ дать нашъ искренній совѣтъ г. Марксу, рекомендуя ему не пренебрегать этимъ совѣтомъ, если онъ равнодушенъ къ своей будущей карьерѣ и къ своему карману. Пусть онъ припомнитъ, что мы съ такими же совѣтами обращались ко всѣмъ издателямъ и редакторамъ, желавшимъ спекулировать на счетъ простоты своихъ подписчиковъ, и кто насъ слушалъ, тотъ вѣроятно по сю пору молитъ Бога за насъ, а кто не слушалъ, тотъ горько раскаявается. Не мы ли предостерегали г. Кашшерева на зарѣ его издательской дѣятельности, чтобъ онъ употребилъ свое время, силы и капиталы на болѣе полезное предпріятіе, чѣмъ изданіе журнала съ гг. Косицей, Писемскимъ и тѣмъ же Ключниковымъ, который теперь готовится воздѣлывать вашу «Ниву»? И, что же?—Неужели мы были не правы? Точно также мы совѣтовали гг. Артоболовскому и Мессарошу открыть, вмѣсто журналовъ, танцклассы—и что же? Развѣ мы были не правы? Не мы ли обращались къ г. Тиблену съ задушевной просьбой исключить изъ программы «Современнаго Обзорѣнія» обѣщанный имъ пунктъ о накопленіи богатства. И что же? Развѣ г. Тиблень накопилъ его? Всѣ эти печальные факты, всѣ эти журнальные доноски, кажется, передъ глазами г. Маркса, но онъ не хочетъ понимать ихъ горькой ироніи. А понять очень легко. Если Господь Богъ въ своей неизрѣченной милости не наградитъ редакторскую или издательскую голову какимъ нибудь направленіемъ, т. е. хоть крошкой здраваго смысла, то пусть онъ торгуетъ чѣмъ угодно, но только не продуктами человѣческаго ума. Отчего, вы думаете, такъ безцвѣтна, безжизненна и скучна наша современная журналистика? Отчего чуть не каждый день сносятся на наше обширное литературное кладбище разныя изданія, въ родѣ вашей «Нивы»? Оттого, что редакторскія головы, съ нѣкотораго времени, стали появляться безъ всякаго направленія. И если бы нашелся теперь новый баронъ Брамбеусъ, то онъ сочинилъ бы поэму «о превращеніи редакторскихъ головъ не въ книги, а въ вѣтряныя мельницы и вѣтряныхъ мельницъ въ газеты и журналы». О! какъ бы былъ правъ баронъ Брамбеусъ.—Поэтому примите нашъ совѣтъ къ сердцу, г. Марксъ, и объявите вашимъ подписчикамъ слѣдующій призывъ:

РАЗДАЕТСЯ БЕЗМЕЗДНО

РОМАНЪ СЪ ТЕНДЕНЦІЕЙ И ВЪ РОСКОШНОМЪ ПЕРЕПЛЕТЪ ИЗЪ СВИНОЙ КОЖИ
Г. ГОНЧАРОВА „ОВРЯВЪ“

ВСѢМЪ ТѢМЪ, КТО НЕ ПОДПИШЕТСЯ НА ЖУРНАЛЬ „НИВУ“ ВЪ 1870 ГОДУ.

Этотъ заманчивый призъ подѣйствуетъ на вашу публику, и вы навѣрное сохраните на старость лѣтъ нѣсколько лишнихъ спокойныхъ дней, а русскую журналистику избавите отъ новой ерунды.

Читатель, вѣроятно, не повѣритъ, если мы изъ нашихъ „Тысячи одной ночи“ расскажемъ ему исторію пятидесяти-рублеваго пѣтуха, не бывшаго даже на выставѣ вмѣстѣ съ аристократическими моськами. Исторія очень любопытная и назидательная для нашихъ юристовъ. Извѣстно, если полиція захватитъ потерявшееся животное на улицѣ, неизвѣстно кому принадлежащее, то она обязана представить его въ мѣстный участокъ и содержать его впредь до востребованія хозяиномъ его. За прокормъ животнаго полагается 50 коп. въ сутки. Такъ какъ этотъ законъ имѣлъ въ виду лошадь, корову или собаку, то такса за содержаніе ихъ назначена довольно крупная. Но одинъ изъ ревностныхъ блюстителей порядка арестовалъ празднопатавшагося пѣтуха, котораго высшая цѣна была 1 р. сер. Безнаспортный и непомнящій своего мѣстожителства пѣтухъ былъ представленъ, при особомъ отношеніи, въ полицейское управленіе, и отданъ на попеченіе смотрителю участкового дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опять при особомъ отношеніи, было отпрвлено объявленіе въ „Полицейскія Вѣдомости“, извѣщавшее о нахождѣ пѣтуха и о вызовѣ его владѣльца. Незвѣстно, почему владѣлецъ не явился своевременно за своимъ пѣтухомъ, содержащимся подъ арестомъ,—не читалъ онъ «Вѣдомостей» или не придавалъ пропавшему пѣтуху особенной важности, но объявленіе давно было забыто, а пѣтухъ все содержался на казенномъ иждивеніи. Такъ прошло нѣсколько дней. Имѣя въ виду, что такъ можетъ пройти и цѣлый вѣкъ— что въ старыхъ судахъ постоянно случалось съ дѣлами, которыя не подогрѣвались взятками,—законъ предписываетъ таковое бездомное животное отправить въ аукционную камеру для продажи—съ молотка. Написано было новое отно-

шеніе въ Управу Благочинія, а Управа, при особомъ отношеніи, отправила съ солдатомъ онаго пѣтуха прямо въ камеру. Еще прошло нѣсколько дней. Аукціонная камера, не видя никакой выгоды кормить пѣтуха на казенный счетъ и не надѣясь поживиться отъ него даже яйцами, сочинила новое отношеніе (это уже пятое) съ объявленіемъ дня и часа, когда будетъ продаваться пѣтухъ. Вдругъ совершенно неожиданно открывается его хозяинъ, человѣкъ совершенно бѣдный, у котораго кромѣ пѣтуха и нѣсколькихъ курицъ не было ничего. Когда онъ явился за своимъ пѣтухомъ, съ ясными на владѣніе его доказательствами, то началась новая процедура—отношеніе въ Управу. потомъ въ камеру, далѣе въ «Полицейскія Вѣдомости» и пѣтухъ, обратнымъ путемъ, возвратился въ тотъ самый участокъ, куда его принесли,—всякій разъ при особомъ отношеніи. Такимъ образомъ дѣло о пѣтухѣ разрослось въ нѣсколько листовъ. Наконецъ разрѣшено было выдать его хозяину, но не иначе, какъ взыскавъ съ него 50 руб. Бѣдный человѣкъ остолбенилъ отъ цифры и уже готовъ былъ отступить отъ своего несчастнаго пѣтуха, но ему, на законномъ основаніи, доказали, что во 1-хъ содержаніе пѣтуха на казенномъ иждивеніи, считая по 50 коп. въ сутки, за три мѣсяца и девять дней, стоитъ именно 50 руб., во 2-хъ, что онъ не въ правѣ отказать отъ пѣтуха и долженъ еще благодарить Бога, что не платитъ проторей и убытковъ. Какъ ни вертѣлся бѣдняга, а денежки уплатилъ, но, возвратившись домой, немедленно закололъ пѣтуха, боясь еще разъ приобрести его въ свою собственность за 50 руб.

Но если у насъ есть пѣтухи, стоящіе 50 руб., то во что же должны намъ обходиться адвокаты, ведущіе процессы разомъ отъ той и другой стороны, конечно съ приличнымъ вознагражденіемъ отъ того и другого клиента. Адвокатская профессія есть орудіе обоюдоострое, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что одинъ и тотъ же ходатай по дѣламъ можетъ брать деньги съ мужа, чтобы развести его съ женой, и съ жены, чтобы не разводить ее съ мужемъ. Одинъ изъ такихъ фокусниковъ недавно былъ уличенъ въ этомъ *художествѣ*, и совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ посадилъ его на шестимѣсячное бездѣйствіе, т. е. впродолженіи шести мѣсяцевъ онъ

запретилъ ему ходатайствовать по дѣламъ. Отчего бы не оставить безъ пирожнаго? — такое указаніе еще лучше приохотило бы къ одновременному веденію дѣлъ *за* и *противъ*.

Намъ пишутъ изъ уѣзднаго города Самодурска, что одна бѣдная дѣвушка намѣревалась составить маленькую швейную ассоціацію и открыть, на этихъ началахъ, мастерскую. Кто-то донесъ исправнику, что въ богоспасаемомъ городѣ затѣвается тайное общество, руководимое стриженной дѣвкой; начальство переполошилось и, не разсуждая долго, разогнало членовъ ассоціаціи—на какомъ бы, вы думали, основаніи? На томъ, что нарушается спокойствіе гражданъ. А граждане такъ спокойно спятъ на брюхѣ и вверхъ брюхомъ, что ихъ не разбудить никакому небесному грому.

Г. Яблочкинъ, режиссеръ александринскаго театра, заявляетъ своему помощнику: «вы-де человѣкъ образованный, а потому поискали бы занятій внѣ театра», а въ С.-Петербургской Думѣ, баронъ Фредериксъ, въ вопросѣ объ учрежденіи отъ города стипендій въ университетѣ, высказываетъ слѣдующее: «назначеніе городского управленія, по существу, не имѣетъ ничего общаго съ учрежденіями учеными и учебными». Два сіи изрѣченія составляютъ безспорную принадлежность сказочнаго міра...

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ОТПЕЧАТАННЫЙ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
“ПЕТЕРБУРГЪ,”
КАЛЕНДАРЬ НА 1870 ГОДЪ
СЪ ЛИТЕРАТУРНЫМИ И УЧЕНЫМИ ПРИБАВЛЕНІЯМИ.

ВОЛѢ 50 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

Изданіе Редакціи «Петербургскаго Листка».

Святцы.

Табельные дни.

Крестные ходы въ Петербургъ и его окрестнослѣхъ.

Россійскій Императорскій домъ.

Судебный отдѣлъ.

Списокъ мировыхъ судей съ подробнымъ росписаніемъ: участ-
ковъ, адресовъ камеръ, дней и часовъ приѣма у каждаго мирового
судьи.

Списокъ судебныхъ приставовъ.

Списокъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Мировой съѣздъ.

Составъ кассационныхъ департаментовъ.

Судебная палата.

Окружной судъ.

Списокъ Нотаріусовъ.

Указатель сроковъ для тяжущихся, отвѣтчиковъ и свидѣтелей,
на явку, подачу аппеляцій и проч.

Порядокъ судопроизводства.

Полицейскій отдѣлъ.

Объ адресныхъ билетахъ.

О выдачѣ билетовъ Адресной экспедиціи.

О выдачѣ отсрочекъ.

Обязанности прибывающихъ и выбывающихъ изъ Петербурга.

Обязанности дворниковъ къ жильцамъ.

Объ обязанностяхъ домовладѣльцевъ.

О предосторожностяхъ отъ пожарныхъ случаевъ.

Общія положенія (Выписки изъ XII и XIII т. Св. Зак.).

Раздѣленіе города на участки (подробно обозначены); число домовъ и жителей въ каждомъ участкѣ; пристава и ихъ управленія; помощники, смотрителя зданій частныхъ домовъ; инспекторскій санитарный надзоръ.

Мѣры на случай возвышенія воды.

Пожарные знаки.

Рѣчная полиція, дистанціи, управленія.

Врачебный отдѣлъ.

Раздѣленіе города на 12 частей, съ указаніемъ адресовъ: полицейскихъ врачей и ихъ помощниковъ, акушеровъ, ветеринаровъ; врачей Императорскаго Человѣколюбиваго Общества; бабокъ, лечебницъ: казенныхъ, частныхъ и благотворительныхъ, городскихъ больницъ; воспитательный домъ и его правила и проч.

Адресный отдѣлъ.

Академіи, Акціонерныя общества, Банки, Библіотеки, казенныя и частныя, Биржа, Благотворительныя учрежденія, Гимназіи, съ правилами о поступленіи, Департаменты, Клубы, Министерства, Музеи, Редакціи, Школы и проч.

Статистическій отдѣлъ.

Статистическія свѣдѣнія объ учрежденіяхъ, обществахъ ремесленныхъ, торговыхъ заведеніяхъ и проч.

Вѣдомость о валовомъ сборѣ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи.

Вѣдомость о торговлѣ Финляндскаго Княжества.

Вѣдомость объ отпускной и внутренней торговлѣ по всей Россіи за первое полугодіе 1869 года.

Почтовый отдѣлъ.

Городская почта.

Иногородная

Заграничная.

Посылочная почта.

Телеграфный отдѣлъ.

Телеграфъ въ Петербургѣ.

Тарифы

Внутренняго	}	телеграфовъ.
Заграничнаго		
Трансатлантическаго		

Таблицы поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ.

Таксы.

- Такса вознагражденія Нотаріусовъ.
- Такса вознагражденія Присяжныхъ повѣренныхъ.
- Такса за прописку паспортовъ и проч.
- Такса за мѣста, отпѣваніе, выносъ тѣла, вырытіе могилъ и проч. на петербургскихъ кладбищахъ.
- Такса за полосканіе бѣлья.
- Такса за сборъ съ адресныхъ билетовъ.
- Такса за гербовую бумагу.
- Такса за право торговли и промысловъ.
- Цѣны мѣстамъ въ театрахъ.

Подробныя правила о 14-й Всероссийской мануфактурной выставкѣ въ 1870 году.

Ученый отдѣлъ.

- Статистика Петербурга.
- Санитарное состояніе Петербурга.
- Проституція Петербурга.

Литературный отдѣлъ.

Быль.

- Виновата-ли она? (Повѣсть).
- Изъ Института. (Очеркъ).
- Братское участіе. (Стихотвореніе).
- Полина. (Изъ жизни трудящагося люда).
- Изъ быта бурсаковъ. (Съ натуры).
- Въ мастерской фотографа. (Стихотвореніе).
- Иванъ Холера. (Воспоминаніе заключеннаго).
- Колокольчики и Звоночки. (Фельетонъ).

Объявленія.

ЦѢНА 75 к., ВЪ ПАНКЪ 1 р. сер. Главный складъ въ конторѣ «Петербургскаго Дистка» на углу Невскаго просп. и Казанской площади, д. Казанскаго собора.

„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“

ГАЗЕТА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Съ 1870 года, вступая въ ТРЕТІЙ годъ своего существованія, будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО, по прежней программѣ, на листѣ большого формата.

Поставивъ для себя задачей разяснить общія и мѣстныя нужды промышленности и торговли и вообще различныя стороны русской жизни, газета приняла правиломъ заявлять своимъ читателямъ обо всемъ, что встрѣчается въ другихъ изданіяхъ заслуживающихъ вниманія, и принимаетъ на свои страницы всѣ частныя заявленія о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ; и такнхъ образомъ становится *общимъ достояніемъ* всѣхъ, кому дороги отечественные интересы. Между прочимъ, такъ какъ современныя экономическіе и финансовыя интересы сосредоточены въ настоящія минуты на *дѣлѣ желѣзнодорожномъ и банковомъ*, то разработка этихъ предметовъ составляетъ въ настоящія минуты преимущественную обязанность газеты. Въ этомъ отношеніи задача ея—разяснить: что желѣзнодорожное дѣло можетъ быть прочно тогда только, когда станетъ *дѣломъ* не спекуляціи, а Земства, на основаніи Уставовъ о Путихъ Сообщеній и Земскихъ учрежденій; что кредитъ можетъ упрочиться только тогда, когда въ основѣ всѣхъ возможныхъ банковъ, станутъ банн земледѣльческіе—*волостные*; и что всего этого достигнуть можно не иначе какъ при условіи, чтобы *единицею* въ Земствѣ былъ не Уѣздъ, а Волость, разумѣется, въ составѣ не однихъ крестьянъ, но всѣхъ владѣльцевъ недвижимаго собственности.

Еще въ прошломъ году Редакція обѣщала приложить къ газетѣ

карту Россіи, представляющую *стѣ* всѣхъ естественныхъ и искусственныхъ путей сообщеній. Множество разрѣшенныхъ разнымъ лицамъ изысканій для постройки желѣзныхъ дорогъ по разнымъ направленіямъ, спутывая всякое понятіе объ общей *стѣ*, лишили Редакцію возможности исполнить ея обѣщаніе. Но въ настоящее время, когда силою обстоятельствъ этотъ вопросъ окончательно выработывается, Редакція неупуститъ исполнить свое обѣщаніе. Это признается тѣмъ болѣе необходимымъ, что многіе изъ читателей «*Дѣятельности*», принадлежатъ къ сословію крестьянскому, которые мало знакомы съ географическимъ положеніемъ Государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки: на годъ 7 руб., на полгода 3 р. 50 коп., на мѣсяцъ 60 коп. Съ укупоркой, пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ 9 р., (считая собственно за пересылку 20%—1 р. 40 к. и за укупорку 60 к.); на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

Примѣчаніе: Желающіе получать газету въ 1870 году, начиная съ 1 Октября 1869 года, платятъ за все время 10 руб. 50 коп.: желающіе получать съ 1 Ноября платятъ 10 руб., и съ 1 Декабря 9 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Садовой ул., д. № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Также точно и въ матеріальномъ отношеніи, газета «*Дѣятельность*» ставитъ для себя цѣлю служить *посредницею между производителями и потребителями*, и вообще между всякаго рода *строемъ и предложеніемъ* *).

Съ этою цѣлю она принимаетъ для напечатанія *частныя объявленія* и *рекламы* по уменьшенной, сравнительно съ другими газетами (до $\frac{3}{4}$), таксъ, именно по 6 к. за строчку петита; при чемъ.

*) Такъ понимаютъ это назначеніе нашей газеты многородные читатели, постоянно обращаясь съ требованіями о приложеніи къ ней прейсъ-курсовъ разныхъ фабрикъ, заводовъ и магазиновъ,

для лицъ и учреждений, постоянно помѣщающихъ свои *объявленія*, дѣляется и еще уступка, по взаимному соглашенію, до половины цѣны опредѣленной таксою, а также допускается абонементъ на годъ, полгода, или помѣсячно. Кромѣ того, печатающимъ *частныхъ* объявленій и *рекламъ* на сумму въ годъ не менѣе 40 руб., или въ мѣсяцъ не менѣе 4 руб., газета будетъ высылаться безплатно.

Такою мѣрою, съ постояннымъ распространеніемъ «Дѣятельности» во всѣхъ слояхъ публики столичной и иногородной, а также за границею, редакція желаетъ оказать посильное содѣйствіе къ установленію *сообщительности*, недостатокъ коей составляетъ одну изъ существенныхъ причинъ экономическихъ въ Россіи затрудненій. Иногородніе объявители, присылая *объявленія*, могутъ не предлагать денегъ; въ такомъ случаѣ подъ каждымъ изъ объявленій будетъ напечатана цифра причитающейся за нихъ платы; и такимъ образомъ избѣгается лишняя пересылка и переписка. Независимо отъ того, въ редакціи, по взаимному соглашенію, разрабатываются проекты разнаго рода промышленныхъ предпріятій.

Редакторъ-издатель В. ДОЛИНСКІЙ.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ПРОЛЕТАРИАТЪ ВО ФРАНЦІИ

1789—1852.

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РАБОЧАГО СОСЛОВІЯ
ВО ФРАНЦІИ).

А. МИХАЙЛОВА.

Большой томъ въ 400 стр. цѣна 1 руб. 75 к., съ перес. 2 р.

1000 АГЕНТОВЪ ТРЕБУЮТСЯ МНОЮ, для продажи
монхъ вновь изобрѣтенныхъ и привилегированныхъ
Газовыхъ свѣчей, для С.-Петербурга, Москвы и для
всѣхъ городовъ и мѣстъ Россійской Имперіи.

1000 РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ ВЪ ГОДЪ я плачу каждому
агенту. За кондиціями прошу обращаться ко мнѣ,
въ С.-Петербургѣ, или въ мою контору въ Москвѣ.

Л. ШАНДОРЪ

Американскій гражданинъ.
Контрагентъ для освѣщенія
столицы.

ВЪ МОСКВѢ,

на углу Большой Никитской и
Газетнаго переулка, домъ Вадбольской.

Л. ШАНДОРА.

ВЪ 1869-ОМЪ ГОДУ ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ

ШАНДОРИНО - ГАЗОВЫЯ СВѢЧИ

БЕЗЪ СВѢТИЛЬНИ

И

БЕЗЪ ИГЛЫ

продаются оптомъ и въ розницу

въ магазинахъ Л. ШАНДОРА

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, большая Конюшенная д. № 17.

**Въ МОСКВѢ, на углу большой Никитской и Газетнаго
переулка, д. княгини Вадбольской.**

и у всѣхъ моихъ въ газетахъ объявленныхъ агентовъ.

цѣна Шандорину

**для шандориновыхъ лампъ
въ С.-Петербургѣ 11 к. за фунтъ.**

„ Москвѣ 11 „ „ „

Л. ШАНДОРЪ

**Американскій гражданинъ.
Контрагентъ для столичнаго
освѣщенія.**

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

Историческія судьбы женщины. (Статья вторая).	<i>С. С. Шникова.</i>
Ирландія. (Стихотвор. Изъ Фрейлиграта).	<i>А. Михайлова.</i>
О дарвинизмъ и научныхъ мнѣніяхъ, находящихся съ нимъ въ связи. (По Шлейдену. Окончаніе)	
Въ Разбродъ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Конецъ первой части)	<i>А. Михайлова.</i>
Петербургскій случай). (Очеркъ)	<i>А. И. Левитова.</i>
** (Стихотвореніе)	<i>Д. Д. Минина.</i>
Пѣшій конному — не товарищъ. (Романъ въ пяти частяхъ. (Час. пер. и вт. Гл. I—IV)	<i>Герм. Шмидта.</i>
Изъ воспоминаній сосланнаго. (Кайена)	<i>Л.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Люди сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. (По поводу романа г. Нисемскаго, «Люди сороковыхъ годовъ». «Зари» 1869 г).	<i>Н. Ш.</i>
Новыя книги.	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Журналистика 1869 года	<i>Ок—рца.</i>
Политическая и общественная хроника	<i>Жака Дебрена.</i>
Англійскіе радикалы	<i>П. Б.</i>
Практика нашей жизни	<i>И. А.</i>
Тысяча и одна ночь—русскія сказки.	

ХУ. ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ—РУССКІЯ СКАЗКИ.

Куда дѣвались плотинскіе милліоны?—Выставка собакъ и бичей, устроенная Обществомъ *покровительства животнымъ*. — Выставка фельетоннаго тупоумія въ воскресномъ «Голосѣ». — Бенѣнъ г. Яблочкина «Фаустъ на изпанку» и дебютъ гг. Маркса и Кляушинова на издательскомъ поприщѣ. — Пятидесятирублевый пѣтухъ. — Адвокатъ— на всѣ руки. — Исправникъ, водворяющій тишину въ г. Самодурекѣ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“

(Въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гассе).

Продаются слѣдующія изданія:

Между молотомъ и наковальней. Романъ Фр. Шильгагена. Въ трехъ частяхъ, въ одномъ компактномъ томѣ, составляющемъ около 50-ти печатн. листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 руб. 30 коп.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благовѣтлова. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп. — Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра. Историческіе женскіе типы.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Съ рисунками. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ! Романъ Фр. Шильгагена. Два тома около 70-ти печатн. листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Томаса Гексли. Изд. второе. Перев. съ англійскаго съ предисловіемъ Д. Н. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія крестьянской войны въ Гермоніи. В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Ц. трехъ выпускамъ безъ перес. 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Отъ земли до луны. Ж. Верна. Перев. съ французскаго. Ц. безъ перес. 1 р. съ перес. 1 20 к.

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «ДѢЛО» уступается 20%, и если покупается не менѣе 25 экз.—25%.

При этой книжкѣ напечатаны слѣдующія объявленія: 1) О выходѣ въ свѣтъ Календаря: «Петербургъ» на 1870 годъ.—2) Объ изданіи газеты: «Дѣятельность» въ 1870 году.—3) Отпечатана и поступила въ продажу новая книга: Пролетаріатъ во Франціи 1780—1852.—4) Отъ А. Шандора.—При этомъ № разсылается объявленіе московскаго книгопродавца С. А. Манухина.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1870 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переулкѣ,
домъ Гассе № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Воль-
фа, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 18, 19 и
20.—

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Со-
ловьева бывш. Бабунова на Стра-
стномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн.	15 » 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ	15 »

На полгода:

Безъ пересылки и доставки	7 р. 50 к.
Съ пересылкою	8 » 50 »
Съ доставкой въ Петербургъ	8 » 25 »

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

3 2044 079 301 743

